

**СЕРГЕЙ
АНИСИМОВ**

ВАРИАНТ «БИС»

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Сергей Анисимов

Вариант «Бис»

Серия «Вариант «Бис»», книга 1

доп. вычитка – Faiber (проект вычитки книг на Альдебаране)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120395

Аннотация

Итак. Год 1944-й. Советские войска победно вступают в Западную Европу – и движутся к Брюсселю.

Вам кажется, что все было НЕ СОВСЕМ ТАК?

Вы, конечно, правы!

Но – вы когда-нибудь задумывались, ЧТО БЫЛО БЫ, если бы все вышло ИМЕННО ТАК?...

Содержание

Пионер рискованных реконструкций	5
Узел 1	8
Узел 2	85
Узел 3	132
Узел 4.0	224
Узел 4.1	247
Узел 5.0	281
Узел 5.1	318
Узел 5.2	354
Узел 5.3	382
Узел 6.0	438
Узел 6.1	463
Узел 6.2	484
Узел 6.3	497
Узел 6.4	507
Узел 7.0	520
Узел 7.1	555
Узел 7.2	574
Узел 7.3	599
Узел 8	618
Узел 9.0	689
Узел 9.1	707
Узел 9.2	730

Узел 9.3	749
Узел 9.4	766
Узел 9.5	784
Узел 10	817
ЭПИЛОГ	834
Между Сциллой и Харибдой	840

Моей Наташе

Автор выражает глубокую благодарность участникам военно-исторических Интернет-форумов «ВИФ-2НЕ» и «WWII-L».

Пионер рискованных реконструкций

Сразу оговорюсь: с историей в целом и с военной историей в частности я знаком довольно поверхностно. Поэтому сиделся читать роман Сергея Анисимова «Вариант „Бис“» с определенным скепсисом в душе. Ожидалось нечто вроде опусов Суворова-Резуна, но, в отличие от творений перековавшегося кагэбэшника, не притворяющееся правдой.

Действительность превзошла все ожидания. Невзирая на то, что роман изобилует техническими и историческими подробностями, читался он на едином дыхании. Странно: собственно художественная часть занимает едва ли пятую часть текста, а вот поди ж ты! Оказывается, что исторические факты можно преподносить «в режиме школьного учебника», и это не будет невыразимой скукой, каковой полнились учебники истории в 70-е и 80-е годы прошлого века. Напротив! В головокружительную картину альтернативной Второй ми-

ровой войны погружаешься с головой, но не вязнешь, как в болоте, в перечислении воинских частей и моделей боевого оружия, а стремглав несешься по сюжету, сопереживая героям и замирая в ожидании событий.

А события грандиозны. Осень сорок четвертого по Анисимову вышла удивительно непохожей на реальность. Не стану раскрывать замысел автора раньше времени – прочтете сами. Скажу лишь, что Анисимову удалось сплавить в единое целое альтернативную историческую реконструкцию, технотриллер и подлинно художественное произведения о судьбах многих людей в условиях безжалостной мясорубки, устроенной лидерами тоталитарных держав в компании с лидерами так называемых демократических государств. Анисимов почти не рассуждает о ценностях человеческой жизни – он просто показывает, насколько низко чужие жизни ценились в то время, а выводы предоставляет делать читателю. Холодно и отстраненно он рисует картины боев, где восемнадцатилетние юноши и девушки идут в самое пекло, чтобы чаще всего сгинуть без следа. Где двадцатипятилетние считаются ветеранами. Где разменной монетой генералам и маршалам служат целые армии.

Но как-то незаметно сживаешься с этим миром и начинаешь остро сопереживать и советским морякам, и танкистам-артиллеристам – всем, чьи судьбы пунктиром проходят через роман.

В чем-то роман Сергея Анисимова близок по духу про-

изведениям Василия Звягинцева или, скажем, «Реке Хронос» Кира Булычева. Но в «Варианте „Бис“» гораздо больший упор сделан не столько на художественную часть, сколько на техническую и военно-стратегическую. Тем не менее сам литературный текст от этого вовсе не проигрывает. Наоборот, автор дерзнул ворваться в пока еще малоосвоенную область фантастики, где грань между правдой и вымыслом настолько тонка и размыта, что речь о каких-либо однозначных выводах и суждениях просто не идет.

Пионерам всегда труднее всех. Но зато их запоминают на века. Я не очень удивлюсь, если лет через пятьдесят имя Сергея Анисимова и его роман «Вариант „Бис“» будет знать каждый школьник. (При условии, разумеется, что какой-нибудь умник от образования не включит роман в обязательную школьную программу – тогда Сергей Анисимов среди школьников будет известен заметно хуже.)

И напоследок замечу, уважаемые читатели, я вам по-хорошему завидую! Сейчас вы прочтете «Вариант „Бис“» ВПЕРВЫЕ. Мне этого, увы, уже не дано...

Владимир Васильев,

совершенно искренне аплодирующий автору «Варианта „Бис“» и восклицающий: «Браво, Сергей!»

Конечно, вовсе не каждый русский солдат был убийцей или насильником: просто большинство из них.
Из выступления д-ра Вильяма Пиерса, США, март 1998 года

Узел 1

Июнь-июль 1944 г.

События, развивавшиеся в распадающейся на части Европе, долгое время ни у кого не ассоциировались с чем-то действительно значительным. Почти до самого начала этого грандиозного поворота ни один аналитик ни одной из воюющих сторон не сумел его предугадать. Позже сам поворот стали называть «Большой Попыткой» – кстати, это название придумал американец, причем штатский. В советских военных кругах его еще долго называли нейтральным словом «Вариант» – термином, ни к чему не обязывающим и не вызывающим побочных ассоциаций.

Факты были. Их было, наверное, даже слишком много, чтобы оставить равнодушными профессиональных прогнозистов, – но ни у кого они так и не сложились в единое целое. Все мы бываем догадливы задним числом, но до определенного момента вполне ясное, казалось бы, направление развития событий никого не волновало. Чрезвычайно важная военная информация, которая могла бы привлечь к себе внимание специалистов, просто не была интерпретирована должным образом – если уж выражаться совсем напыщенной терминологией.

В июне сорок четвертого года на аэродром, где базировался 159-й истребительный авиапункт, пришел запечатанный пакет на имя полковника Покрышева – один из многих за день и не сопровождавшийся какими-то из ряда вон выходящими мерами секретности или чем-то подобным. Однако, содержание пакета, вскрытого в течение уставных сорока пяти минут, заставило полковника выругаться столь грубо, что даже привыкший к далеко не нежным выражениям дежурный удивленно поднял голову. Командир полка, хромя, выскочил из штабного домика с пробитой осколками крыши, запрыгнул в ожидающий его «додж», который в полку по привычке называли «трофейным», и помчался на летное поле, куда один за другим садились «Лавочкины» возвращающейся с задания эскадрильи. «Додж» был, разумеется, американским, но наглый старшина аэродромного батальона еще осенью угнал его у остановившейся неподалеку танковой части, и за два часа, прошедших до прибытия разгневанного майора-танкиста, машину успели перекрасить, наклеить на борту взятый с потолка номер, обсыпать пылью и прострелить борт из пистолета – придав новенькому транспортному средству донельзя заслуженный вид. В общем, все получилось шито-крыто, и «додж» с тех пор верой и правдой служил самому Покрышеву, с чистым сердцем экспроприировавшему его у автороты.

Когда полковник подрулил к зоне рассредоточения, разгоряченные боем летчики уже покинули свои машины и те-

перь собирались в кучку, обмениваясь куревом. Подбегающего полковника приветствовали усталыми взмахами рук – после третьего за день вылета сил на хотя бы формальную субординацию не оставалось совсем.

– Ну как? – командир ходил в утренний вылет со всеми, но с тех пор обстановка успела смениться тридцать три раза, и информация из первых рук не могла быть заменена никаким радио.

– А-а... – высокий капитан с небритым лицом и запавшими глазами безнадежно махнул рукой. – Все так же. Клубок.

Фронт находился в подвешенном состоянии – ни оборона, ни наступление, драться благодаря летней погоде приходилось иногда по четыре раза в день, и в полную силу. Основная нота в настроении летчиков была: «До каких же пор, блин!»

– Семенова завалили на вираже, я того типа видел. Ни шеврона, ни змейки вроде нет, а на хвосте ма-а-ленькая такая зеленая розеточка,¹ понимаешь?

– Что, и розеточку разглядел?

– Ну! Я вот на столько его не задел, морду, так переворотом ведь ушел...

– Думаешь, опять «желтый» перекрасился? – Покрышев

¹ Выдающиеся германские асы Второй мировой войны обычно обозначали воздушные победы на вертикальном оперении своих истребителей. Находящаяся там небольшого размера розетка из зеленых листьев могла заключать «круглую» цифру – от пятидесяти до двухсот пятидесяти и нередко являлась единственным отличительным признаком крупного аса.

невесело усмехнулся. Пресловутый «Девятнадцатый Желтый» был, в свое время, бичом Ленинградского фронта и приобрел в фольклоре свойства уже почти легендарные².

– А черт его знает... Мог, по идее. Коля вон зато одного ущучил.

– Молоток! – полковник хлопнул по плечу молодого смущенного парня в лейтенантских погонах. – Растешь постепенно!

Небритый комэск глубоко затянулся и, плюнув на окурочок, бросил его себе под ноги.

– Так что, командир, нас теперь семеро, да Груня безлошадный ходит. Еще пара дней и крантец, становись на профилактику.

– А отошли-ка, Петя, поговорим в сторонке... – полковник цепко ухватил его за рукав и потянул к своей машине.

Пройдя отделяющие от нее метры и достав по еще одной папиросе, оба разом остановились, закуривая.

– Меня отзывают, – просто сказал Покрышев. – «В распоряжение штаба армии», мать его... Самое время.

Капитан изумленно посмотрел на него, не нашел что сделать и еще раз сплюнул.

– Вызывают или все-таки отзывают? – наконец переспросил он. – Ты уверен?

² Германский истребитель с таким прозвищем действительно действовал в районе Ленинграда. После длительной охоты он был сбит, попал в плен и впоследствии служил в ВВС Германской Демократической Республики.

– Да какое там... – Покрышев махнул почти с той же интонацией в жесте, что и сам комэск две минуты назад. – Оставлю тебе полк, пока не утвердят, потом видно будет.

– Нет, ну может на дивизию?

– Может и так, – полковник наклонил голову, словно прислушиваясь к себе. – Да только на нашей первым сезоном командир, так что куда меня дернут – одному богу известно...

– Ты, я да ребята – мы же всегда вместе... Куда же ты без нас?.. – в голосе капитана впервые появилась растерянность. – Может, можно что-нибудь сделать?..

– Брось, Петя, не мальчик. Если сказано... – Покрышев глубоко затынулся, прищурившись, – ...значит, сделано. Пошли.

Он завел автомобиль, рывком подрулил к группе ожидающих летчиков, которые один за другим попрыгали на заднее сиденье и раму запасного колеса, и погнал по короткой дороге к штабному домику.

За полтора года войны когда-то красивый сельский район провинциального польского воеводства превратился в развороченную всеми видами оружия «пересеченную местность», и здешние грунтовки были далеки от идеального состояния. Подъехав к штабу, Покрышев резко затормозил, так что сидящих и висящих летчиков мотнуло вперед. Ни один человек, однако, не ругнулся. По лицу командира они понимали, что произошло что-то серьезное.

Часа через два слух об уходе командира распространился

по эскадрильям. Командирский механик ругался на то и дело подбегавших за новостями бездельников, отвлекающих его от подготовки «Лавочкина» «бортовой тридцать три» к вылету, – хотя уже стало известно, что Покрышев улетит только завтра. Полковник в это время сидел в штабе с офицерами, составлявшими костяк полка, и мрачно «сдавал дела». Большой бюрократии в полку не было, боевые летчики пренебрегали крючкотворством, пока была такая возможность, и сдача прошла быстро и формально. В страдную пору, как сейчас, в полку исчезали флаг-штурман, зам по боевой подготовке и прочие должности мирного времени. При составе эскадрилий в семь-восемь машин номинально они как бы сохранялись, но на расписание вылетов не влияли. За временно вставшего на полк комэска эскадрилью принял один из опытных старлеев, и деловой разговор быстро перешел в молчаливое выпивание в узком кругу.

Следующим утром Покрышев на построении объявил о своем отзыве, вступлении капитана Лихолетова³ в должность временно исполняющего обязанности командира полка, поцеловал, с трудом преклонив колено, выцветшее полковое знамя и улетел на своем Ла-5 специальной сборки, ни разу не обернувшись.

В штабе воздушной армии его приняли тепло, но причину вызова сами не знали, продемонстрировав еще один при-

³ Наряду с самим Покрышевым Петр Лихолетов являлся одним из ведущих асов 159 ИАП, имея к концу войны 25 сбитых машин.

каз с требованием отозвать полковника Покрышева в распоряжение главного управления ВВС. Половину дня он проболтался у штаба, а потом на аэродроме приземлился громоздкий ТБ-3, и Покрышеву порекомендовали отправляться на нем – в Москве его, дескать, встретят. «Лавочкина» пришлось оставить под личное обещание командарма сохранить самолет в целостности и сохранности – переделанную специально под его ноги командира полка машину⁴ ставить в строй в любом случае было нерационально, тем более что через поле, где находился штаб воздушной армии, ежедневно проходило полтора десятка перегоняемых самолетов.

До Москвы полковник летел в окружении каких-то ящиков, курьеров штаба армии, технических специалистов, приемщиков техники и пары лейтенантов-штурманов, отправленных на краткосрочные курсы. Почти все время полета он проспал. Мысли о том, зачем его вызывают, почти его не посещали – вторая Звезда пока вряд ли светила, расстреливать больших поводов не было, да и обставили бы это иначе. Значит, назначение, а куда – Бог его знает.

Старый бомбардировщик, переделанный в транспортную машину, добрался до Москвы только глубокой ночью, после двух дозаправок. Покрышева действительно встречали, и черная «эмка» отвезла его по ночной Москве в здание Гла-

⁴ Покрышев серьезно пострадал в авиационной катастрофе, когда мотор его машины внезапно загорелся в воздухе. Вернуться в строй он сумел на истребителе, управление которого было специально подогнано для него.

вупра. Москва его поразила. Город блестел и светился, вылизанный летним дождем, люди ходили, казалось, не зная о том, что идет война. Его встретил замотанный лейтенант, зарегистрировал документы, выдал направление в гостиницу Наркомата и передал требование Новикова⁵ – явиться завтра к девяти.

Утром за ним снова прислали машину, отвезли в Управление, где он провел полчаса в пустой приемной. В девять вызвали, но не в кабинет, а в коридор, и адъютант главмаршала спустился с Покрышевым обратно на улицу, где ждала очередная машина. Поездку Покрышев воспринял с некоторым напряжением, но, насколько он предполагал, «арест по прибытии» обставлялся совсем не так. Не слишком хорошо зная Москву, он понял, куда его везут, только тогда, когда машина вылетела на мост и из-за тесноты домов высунулась громадина колокольни Ивана Великого. Снова подумалось о второй Звезде – но опять не было похоже. Адъютант молчал всю дорогу, как воды в рот набрав.

Подъехали к воротам. Это были не Спасские, а какие-то с другой стороны Кремля, их названия полковник не знал. Подтянутый капитан госбезопасности – малиновый околыш, внимательное спокойное лицо – проверил документы у всех троих: шофера, адъютанта и самого Покрышева. Золотая Звезда и прочий иконостас на кителе полковника, судя по

⁵ Командующий ВВС, главный маршал авиации. После Победы был репрессирован по «Делу авиаторов».

всему, не произвели на него никакого впечатления. Возможно, каждый день такое видел. Второй офицер, точная копия первого, молча стоял с другой стороны машины, просто разглядывая находящихся внутри. Наконец, проверяющий откозырял, распрямившись, и они проехали внутрь, за ворота.

Машина повернула куда-то налево, въехала в еще одни ворота, на этот раз нормальные, решетчатые. Опять проверка документов, такая же вежливая и тщательная, «можете следовать», еще несколько минут, и «эмка» остановилась у бокового подъезда желто-белого пятиэтажного здания. На входе документы не смотрели, но внутри, на первом этаже, всех троих остановили и снова проверили все бумаги. Покрышев все более проникался сознанием того, что происходит нечто очень важное, – но оно происходило так быстро, что как-то по-особенному взволноваться он не успел.

– Товарищ полковник, – обратился к нему очередной капитан. – Попрошу сдать оружие на хранение. На выходе вы сможете получить его здесь же.

Покрышев расстегнул кобуру и вынул свой наган, подав его капитану, но тот покачал головой, и пришлось снимать и отдавать всю португею с кобурой. Напротив услужливо стояло высокое зеркало в тяжелой, темного дерева раме, и он тщательно заправился, затянувшись «в обтяг», как молодой.

– Прошу за мной.

Худой и высокий лейтенант повел его с молчаливым адъютантом по коридорам. Вышли на узкую лестницу, Покры-

шев обратил внимание, что на каждом этаже у дверного проема стоял парный пост. Поднялись на несколько этажей. Наверху их встретил уже полковник, проверил подписанные пропуска сам, дал проверить часовым – после чего, наконец, пропустил в коридор. Несмотря на его ширину, сюда вело всего несколько дверей. Полковник, шедший впереди, вежливо приоткрыл ближнюю. Они вошли в приемную с двумя столами и диванами вдоль стен. Дежурный в армейской форме указал адъютанту на диван, и тот сел, с непроницаемо каменным лицом. Покрышев остался стоять – единственный посреди комнаты. Через мгновение дверь между столами приоткрылась, и невысокий человек в гражданском костюме вышел, сказав: «Полковник Покрышев, проходите, вас ждут».

Мысленно перекрестившись, он вошел, уже готовый к тому, что увидит. Не зная, как себя вести, он четко остановился и замер перед стоящим напротив него человеком в защитном кителе без знаков различия. В комнате, кроме Сталина, находились еще Новиков в маршальском мундире, генерал-лейтенант с летными эмблемами и двое в военно-морской форме – полковник, опять же со знаками морской авиации, и строгий, с хищным лицом высокий адмирал с единственной крупной звездой на погонах.

– Здравствуйте, товарищ Покрышев...

Полковнику еще ни разу не приходилось видеть самого Сталина вблизи, даже звезду Героя он получал в дивизии;

и его чуть-чуть удивило, что Сталин, вопреки общему мнению, говорил почти без акцента – просто очень мягко ставил слова, так не принято.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – ответил он и сбился, не зная, надо ли приветствовать остальных. Все собравшиеся, кроме самого Сталина, сидели за широким прямоугольным столом с разложенными папками. Новиков улыбнулся ему: не тушуйся, мол. Остальные смотрели без всякого выражения, как с недосыпа.

– Садитесь, товарищ Покрышев. Вот сюда, напротив. – Сталин замолчал, дожидаясь, пока полковник усядется и повернется к нему.

– Мы вас пригласили, товарищ Покрышев, чтобы предложить вам интересное и важное дело... – Он развернулся на пятке и пошел, аккуратно ступая, в обход стола.

– Сразу скажем, дело новое и трудное, но мы решили, что вы именно тот, – Сталин сделал резкое ударение посреди фразы, и Покрышев опять подумал, что так в русском языке не делают. – Тот человек, который может с ним, с этим делом, справиться.

Он снова остановился и пристально посмотрел на Покрышева, ожидая, возможно, какого-то комментария, но тот не нашелся, что сказать, и Сталин продолжил:

– Речь идет о создании летной части, не совсем обычной. Она нужна для нашего нового авианосца, и ее задача – бить любого противника, чтобы ни один враг, ни в одной стране

мира, ни Рихтгофены, ни Удэты, не смогли пройти к охраняемым этой частью кораблям нашего флота. Такая часть, – Сталин начал мягко жестикулировать, снова направившись в обход стола, – должна состоять из лучших, из самых опытных летчиков-истребителей, и именно вам, – он указал на Покрышева, – мы предлагаем заняться ее созданием. Что вы нам на это скажете?

– Товарищ Сталин, – осторожно заметил полковник. – Возможно, я не совсем понимаю, но разве не военно-морская авиация занимается охраной кораблей флота?

– Я вижу, вы действительно еще не понимаете, – Сталин очень по-доброму улыбнулся. – Товарищ Кузнецов, будьте любезны, введите товарища Покрышева в курс дела.

Адмирал флота раскрыл перед собой папку, но говорить начал, глядя прямо на полковника, ровным и спокойным голосом.

– Война не позволила нам реализовать программу «Большого океанского флота». Она реализована лишь частично. Она реализована с опозданием. Но она не была отвергнута полностью. В этом году вступают в строй первые ее корабли, в числе которых линейные корабли и линейные крейсера. Для охраны тяжелых кораблей на переходах и придания им боевой устойчивости головной легкой крейсер проекта «шестьдесят восемь» был закончен как легкий авианосец. Название авианосца – «Чапаев». Его технические характеристики вам знать не обязательно, за исключением един-

ственной: на борту будет находиться сорок пять самолетов, преимущественно истребители. Даже один современный тяжелый авианосец может поднять в воздух до девяноста самолетов: торпедоносцев, истребителей, пикировщиков. Задачей авиагруппы «Чапаева», то есть тех машин, которые он будет нести, станет их уничтожение. Подумайте сами, какого класса летчики должны быть в авиагруппе «Чапаева», если заранее известно, что на каждого придется минимум по четыре противника. И если прорвутся хотя бы несколько из них – линейные корабли могут не выдержать удара.

Покрышев обратил внимание, что при каждой фразе адмирала Сталин кивал.

– Морская авиация – это сильный и надежный вид оружия, но в ее составе просто нет достаточного количества летчиков-истребителей требуемого класса. Вещь, которую вы, на мой взгляд, не понимаете, – это то, что вам дается полный карт-бланш. Любая фамилия, которую вы назовете, будет немедленно внесена в соответствующий список, и нужный человек будет отозван для работы здесь, в комплектуемой авиагруппе. Любая, понятно?

– В наших военно-воздушных силах, – произнес Сталин, снова остановившись, – есть много асов, не хуже германских. Если их всех собрать вместе, перед ними не устоит ни один хваленый гитлеровский прихвостень, и никто другой!

В течение нескольких секунд Покрышев лихорадочно размышлял о перспективах, которые открывает получаемый

«карт-бланш». Сталин не дал ему додумать, указав на него согнутым пальцем.

– Какие бы фамилии вы могли назвать, товарищ Покрышев? Что вы молчите?

– Алелюхин⁶, Речкалов⁷... – медленно и очень осторожно начал перечислять он. Ох, сейчас даст мне маршал! – Кожедуб, Покрышкин, Глинка, Амет-Хан Султан...

– Очень хорошо, товарищ Покрышев... Товарищ Клемин, вы записываете? Я думаю, у вас будет достаточно времени, чтобы подготовить полный список. Подумайте еще раз, и очень хорошо подумайте. Я вижу, вы очень боитесь обидеть товарища Новикова? Не бойтесь. Товарищ Новиков полностью понимает всю важность, всю значимость для нас тщательного подбора кадров. Не правда ли, товарищ главный маршал авиации?

– Так точно, товарищ Сталин, – широко улыбнувшись, ответил Новиков, груболицей и тяжелый, как бомбовоз.

– Товарищ Новиков рекомендовал вас как выдающегося тактика. Мы знаем о ваших победах, но не это стало причиной выбора. Сейчас нам нужен именно тактик, товарищ Покрышев. Но вы нам так и не сказали, согласны ли вы принять эту должность, справитесь ли вы?

– Так точно, товарищ Сталин, согласен. – «Хм, попробо-

⁶ Алексей Алелюхин, ас 19 ГИАП, имел 40 личных побед к концу войны.

⁷ Григорий Речкалов, третий в списке советских асов, 56 личных побед, из них 48 к июлю 1944 года.

вал бы я сказать иначе – всю доброту бы как рукой сняло... Да и зачем, когда так, похоже, невиданно повезло?» – Уверен, что справлюсь.

– А мы вам поможем. Товарищ Федоровский, вы прикрепляетесь к товарищу Покрышеву как командир объекта «Утес» и специалист по применению морской авиации.

Сталин продолжал говорить очень мягко, почти с кошачьими интонациями, лишь местами в его речи проскальзывали жесткие нотки.

– Товарищ Покрышев, работать вам придется вместе, надеюсь, что вы сработаетесь. Помните, подбор людей – важнейшая часть любого задания. Это мы поручаем вам и очень надеемся, что вы нас не подведете...

– Не подведу, товарищ Сталин.

По спине и коленям полковника помимо воли побежали целые стада мурашек. Представить, что станет с человеком, имевшим несчастье говорить со Сталиным и потом подвести его, было несложно.

Все одновременно встали, по каким-то незаметным Покрышеву признакам поняв, что совещание окончено. Попрощавшись, один за другим военные вышли из огромного кабинета, в дверях адмирал вежливо пропустил полковника вперед. В приемной все остановились.

– Полковник, два слова, – сказал хищнолицый. Они отошли в угол, чуть подальше от адъютантов.

– Эти корабли строила вся страна, и много лет. Один лин-

кор – это три танковых армии по стали и пять – по времени, – он наклонился к самому уху – Эти корабли пойдут в дело, полковник. Я вас сам прошу, пожалуйста, сделайте все. Их никто не должен тронуть.

Пораженный, Покрышев смог только кивнуть. Адмирал уже развернулся, когда он коснулся сзади его руки. Тот повернул голову, взглянул в лицо. Таким же тихим голосом полковник произнес: «Поверьте мне, я сделаю все возможное». Кузнецов кивнул, как будто ему хватило.

Спускаясь вместе с остальными вниз, он вдруг ясно понял, что его так давило все время разговора. Это была неискренность. Все улыбки там, наверху, все это подчеркнутое внимание к его ногам, все эти «товарищ Покрышев» «товарищ Кузнецов» – были ненастоящими. То есть, несомненно, все сказанное сегодня было правдой, и все присутствующие полностью участвовали в событиях, и готовы были выполнить все указания любимого товарища Сталина и на страх, и на совесть, но все же Покрышева не оставляло странное чувство, что все произошедшее было тщательно отрежиссированным спектаклем с четко определенными ролями для каждого участника. Все знали, что делать, но выглядело это настолько ненатурально, что просто бросалось в глаза. Так иногда случается в театре, когда актер вдруг скажет что-нибудь так, что становится неловко и хочется отвернуться. Только адмирал флота казался реальным цельным человеком. Именно от его слов тяжесть ушла, осталась только уста-

лость от спавшего напряжения.

Внизу он получил оружие и Новиков сел в машину вместе с ним. Они поехали обратно в Управление, позади держалась машина с летным генерал-лейтенантом и морским полковником, впереди, после выезда за ворота Кремля – еще одна, с охраной.

– Все понял? – спросил его Новиков, как только они пересекли мост, отделив себя от всего произошедшего в кремлевских стенах.

Покрышеву стало немного стыдно за свои мысли. Главмаршал был честным и сердечным человеком, и если он вел себя в присутствии Сталина как-то не так, то наверняка на это были веские причины.

– Так точно, товарищ главный маршал, понял, – он вздохнул.

– Не вздыхай, голова садовая, – Новиков дружески ткнул его в плечо. – Сотни человек о таком бы мечтали. Сейчас с Федоровским и Валерианом Федоровичем сядем и будем делать дело, понятно?

Они подкатили к воротам управления, машина охраны остановилась, перекрыв улицу, и ее пришлось объезжать.

Следующие четыре часа и полдня за ними были проведены в ругани. Сидя в комнате, пепельницы в которой переполнялись минут за сорок, четверо летунов сводили элиту морской и армейской авиации страны в списки, эти списки исчеркивались, мялись и переписывались, постепенно очер-

чивая костяк части, которая должна была зачем-то задавить всех. Это, опять же неизвестно почему, считалось более важным, чем оголение фронта, оставленные без командиров полки и эскадрильи – между прочим, в самую страдную пору. К своему облегчению, полковник понял, что идея создания «асовской» части, не раз поднимавшаяся в прошлом, но так ни разу до конца и не воплощенная в жизнь, вовсе не вызывает протеста Новикова. Идея была, в общем-то, благодарная. Забрав у каждой воздушной армии по четыре-пять самых сильных бойцов, они не слишком ослабляли ее мощь – командные должности не задержатся пустыми, а плюсы от включения соответствующих фамилий в формируемый список были несомненными.

– Гриб, оба Глинки⁸, Амет⁹, этот еще, как его, – Покрышев, прикрыв глаза рукой, жестикулировал зажженной папиросой, пытаясь вспомнить еще не названные им фамилии хотя бы тех летчиков, которых он знал лично.

⁸ Братья Дмитрий Глинка и Борис Глинка оба являлись известными асами, имея к концу войны 50 и 30 сбитых, соответственно. Это, однако, не единственный в истории случай – известно о двух братьях выдающегося германского аса начального периода войны Адольфа Галланда (103 сбитых за период 1940-1941). Двое последовали за ним в Люфтваффе и погибли, имея на счету 51 и 17 воздушных побед. Еще больше известны братья Манфред и Ллофар фон Рихтгофены – германские асы Первой мировой войны.

⁹ Амет-Хан Султан, получивший известность в небе Сталинграда, к концу войны имел 30 сбитых лично и 11 в группе, впоследствии – дважды Герой Советского Союза, летчик-испытатель. Погиб в 1971 г. при взрыве в воздухе летающей лаборатории на базе бомбардировщика Ту-16.

– Погоди, Петро... Григорий, что у тебя там по флотским?

– Так, по балтийцам – это самые боеспособные части. Из четвертого гвардейского – Голубев¹⁰...

– Какой?

– Василий. И Цоколаев Геннадий еще. Так, из штаба – Костылев...

– Здорово...

– И Игорь Каберов¹¹ из третьего гвардейского. Эти самые лихие.

– Так, я нашел одного еще, Николай Морозов, комэск в 731 ИАПе...

– Морозов... Морозов... Нет, не слышал такого. Ладно, ставь в запасной список. Сколько в сумме?

– Уже за сорок.

– Много. Нам ведь тридцать семь дали, верно?

– Точно так, – полковник-моряк мотал головой, пытаюсь разогнать вокруг себя табачный дым, не отрываясь от измятых листов. – Восьмерка на бомберов, их не мы формируем.

– А кто?

¹⁰ Василий Голубев, один из наиболее известных летчиков Ленинградского фронта, был ведущим асом знаменитого 4 ГИАПа ВВС Балтийского флота. На конец войны, он имел 39 сбитых самолетов, среди которых, как предполагается, было трое германских асов, награжденных Рыцарским Крестом.

¹¹ Георгий Костылев и Игорь Каберов – асы 3 ГИАПа ВВС Балтийского флота, имели к концу войны 43 и 28 сбитых самолета, соответственно. Первые одиннадцать побед Георгия Костылева пришлись на самый ранний период войны, а к 1944 году он совершал боевые вылеты, являясь главным инспектором ВВС КБФ по истребительной авиации.

– Сам Раков. Он недели через две будет отозван, ему полегче, но зато переучиваться надо.

– Ой, черт! – Покрышев натурально схватился за голову. – На что?

– «СУ-шестые». Это почти как вторые, но моторы получше и с ними весь оголовок.

– Голова моя садовая! Да мы-то на чем?!

– Э-э-э... Да на том же, что и сейчас, в принципе. ЯКи. Усилена конструкция... Крюк там, крылья складываются – всякие морские штуки... Сборка штучная, дерева – ноль... Так, – он полистал затрепанный блокнот с плотной непроницаемой обложкой и прошивкой из толстых шнуров. – Двадцать восьмого у нас запланировано с Яковлевым, смотрим машины. Ага, на двадцать восьмое – ЯКи-третьи, их в основном составе двадцать четыре, через три дня, в Монино – уже ЯКи-девятые, в том числе серии «Д»¹². Слышал про такие?

– Нет, – на лице Покрышева отразилось недоумение. — Что за?

– Дальние. Для сопровождения и, в нашем случае, разведки. У американцев серийные машины с такой дальностью...

Полковник вдруг осекся, и Покрышев понял, что под его словами находится что-то большее. Исключительно по закаменевшему лицу моремана. В самой фразе ничего такого уж

¹² Фактически, ЯК-9Д и ЯК-9ДД. Дальний и сверхдальний варианты истребителя, выпускавшиеся довольно заметной серией. Участвовали, в частности, в сопровождении американских «летающих крепостей» в челночных рейсах с использованием советских аэродромов.

секретного вроде не было. Работать они закончили тогда далеко за час ночи.

Список в более-менее определенной форме был создан к двадцать третьему июня. Чтобы сформировать специализированную группу воздушной разведки, пришлось привлечь еще одного подполковника с Северного флота, которого выдернули для награждения «Нахимовым» в Москву. Вручив орден, его под конвоем отвезли в Управление и, не вводя в курс дела и ни с кем не знакомя, приказали составить список самых выдающихся морских разведчиков с истребительными навыками по ВВС всех четырех флотов – предупредив, что за каждую фамилию он несет личную ответственность. Старый полярный летчик, лично знавший еще каждого из первой семерки¹³ и не боявшийся ни черта, ни бога, ни начальства, поставил первым в список одноглазого и однорукого капитана, прорвавшегося когда-то в гавань к «Тирпитцу». Покрышев, прочтя это, невесело усмехнулся. Его искалеченные ноги не давали покоя многим тыловым крысам, снова и снова заставляя его отстаивать свое право ходить в бой, хотя бы и на спецсобраной машине. В сноске было поставлено, что капитан уже год как пропал без вести на «Спитфайре». Выходка полярника могла бы насмешить, если бы не была такой грустной. Даже армейские фоторазведчики долго не жили, что уж говорить о морских.

¹³ Имеются в виду первые семь Героев Советского Союза, летчики, спасшие экспедицию Шмидта, зимовавшую во льдах после гибели «Челюскина».

На чисто бумажную работу ушло почти две недели. За это время один из летчиков первого состава пропал без вести, сбитый зениткой над узловой станцией прифронтовой зоны. Выбросился ли он с парашютом, никто не видел. До него вызов дойти не успел. Покрышеву пришлось долго мучаться, решая, включать ли в список Лихолетова и еще пару человек. Очень хотелось иметь рядом кого-то надежного, как болт. Он не сомневался, что асы, которых начали по одному выдергивать «в распоряжение», – отличные ребята и хорошие товарищи, но три года в пекле плечом к плечу он провел все-таки не с ними. Иметь своих ребят рядом, за спиной – можно ничего не бояться. Но что тогда немцы сделают с его полком... Один плотный бой без одного из них в качестве лидера, и все – вырежут, вычистят под ноль и пацанов, и средняков, и даже стариков уже. Просто задавят, не дадут оторваться, выбьют в зоне отсечения выдирающихся из боя... Он вспомнил висящие в безжалостно синем небе парашюты, тела, вытянувшиеся на стропах, чадящие костры сбитых, и свой дикий крик, и последнего из его эскадрильи, матерящего эфир в невероятной круговерти безумного боя: к этому моменту двоих против восьми. Вспомнил – и вычеркнул своих: и из основного списка, и из запасного.

Кроме их четверых к Яковлеву поехали первые из уже прибывших летчиков. Злые после фронта, обветренные, не успевшие сбросить с лиц напряжение и усталость. Яковлев встретил их сердечно, называл Покрышева по имени-от-

честву, поспрашивал про свою старую машину, «ортопедическую», как тот называл ее про себя. На поле стояло штук шесть истребителей, окрашенных в темно-синий цвет. Несмотря на теплую для июня погоду, Покрышева мороз продрал по коже от одного их вида. Старый знакомый ЯК, узнаваемый в любом ракурсе, выглядел стремительным, застывшим на мгновение в напряженной позе зверем. От ранних типов он отличался как лихой кавалерист от замотанного дорогами пехотинца. ЯК-первый был солдатом неба, вытянувшим на себе, наверное, почти полный год войны, «седьмой» и «девятый» за ним – простые и надежные, как штык, созданные, чтобы держаться за небо зубами. Но «девятый-У»¹⁴, уже прозванный «убивцем» или «убийцей», в зависимости от воздушной армии, и ЯК-3, еще не заслуживший никакого особого прозвища, были птицами другого полета.

– Вот они, красавцы, – Яковлев с удовольствием обвел рукой запаркованные машины. – Первые из серийных. Бригадирская сборка, – он улыбнулся. – Полтора года работы нашего КБ. Заводам дали малые серии, литерный заказ, скостили им план по серийным машинам как следует.

– А я думал, только тридцатого «девятые» придут, – Федоровский покачал головой. Его огорчило, что он совершил

¹⁴ ЯК-9У. Несмотря на тот же цифровой индекс, истребитель был радикально переработан по сравнению со своим прототипом – истребителем ЯК-9. Мощный двигатель в 1650 л.с., выдающиеся скоростные и маневренные данные сделали его одним из лучших легких истребителей конца Второй мировой.

какую-то ошибку при летчиках.

– Нет, тридцатого в Монино перегонят остальные, но пару мы заказали погонять самим. Стефановский через час вам покажет, – он посмотрел на часы. – Пока вокруг вот ходим.

Они подтянулись к истребителям, и Покрышев первым с удовольствием пощупал обшивку крыла. Приглядевшись, он с удовлетворением отметил, что подгонка и покраска плоскостей была идеальной – это сразу свидетельствовало о высокой культуре сборки – не то, что, бывало, приходило во фронтовые части.

– Крылья складные, три человека за полминуты складывают-раскладывают. Замок простой, но четкий, конструкцию не ослабляет, так что высший пилотаж не ограничен. Мы прототипы гоняли, как Сидоровых коз. Ласточка, а не машина! Ну, опыт у нас большой, «троечка» уже вовсю воюет, так что никаких детских болезней не будет.

Летчики в сопровождении генерального конструктора пошли в обход красавца ЯКа, поглаживая и похлопывая его борта, как опытный лошадиник завязывает знакомство с новой лошастью.

– Крюк нужен для зацепления троса аэрофинишера, – объяснял Яковлев. – Рывок такой, что пришлось усилить всю несущую часть. Но за счет применения металлических конструкций по полной программе нам удалось соблюсти весовой лимит. Плюс добавили боезапаса к точкам, так что и баланс не пострадал.

Федоровский, склонившись, подергал за крюк. Литое жало было выкрашено в контрастные черно-белые цвета, по его указаниям. Это поможет летчикам обрабатывать взлетно-посадочные операции на подготовительном этапе, а потом белые полосы можно будет закрасить.

– Номера машин в серии последовательные, – конструктор указал всем на многозначный индекс, ярко выделявшийся на вертикальном оперении. – «М» – значит морской вариант, плюс текущий серийный номер. Душу вкладывали, уж поверьте мне.

Когда они обходили уже четвертую машину, к собравшимся подошел громадный детина с бочкообразной грудью, обтянутой, несмотря на жару, чуть распахнутым регланом.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он густым басом.

– А-а-а! Вот и наш Стефановский пришел! – Яковлев, обернувшись, радостно пожал детине руку. Летчики с восхищением взирали на невероятной, видимо, физической мощи мужика – непохожего на летчика-истребителя, но тем не менее им являвшегося.

– И тебе по-здоровому, Илья Муромец! – ответил за всех Скоморохов, вызвав громкий смех остальных.

Стефановский не обиделся – к насмешкам относительно своего роста он, видимо, давно привык.

– Я, как договаривались, показываю «красавицу» на пилотаже. Потом «убивцев», по десять минут на каждого.

Покрышеву не понравилось, что испытатель назвал ЯК-3

«красавицей», – такое прозвище было у ЛАГГа, пока его не изменили на более актуальное «Лакированный (или Летающий) Гарантированный Гроб». Еще иногда добавляли «Авиационный» – для буквы «а».

Минут десять Стефановский рассказывал, аккуратно двигая тяжелыми ладонями, об особенностях пилотирования каждой из моделей. Яковлев с видимым удовольствием вставлял замечания, хлопал по борту, указывал на воздухозаборники, на фонарь, на стойки шасси. Летчики с интересом попинывали дутые резиновые колеса, щелкали по стволу крупнокалиберного пулемета, торчащего из основания правой плоскости. Подошли несколько механиков – как положено, в замызганных, залитых маслом комбинезонах. Стефановский, нацепив с их помощью парашют, полез в кабину ЯКа-третьего. Все с нескрываемым ужасом смотрели, как он, кряхтя, в ней устраивается. Весил он явно килограммов под сто пятьдесят. Один из механиков подкатил тележку с крупным, с тремя красными полосками на верхнем конце, баллоном сжатого воздуха, поставил на откинутую опору. Сделав Стефановскому какой-то жест, тот махнул в ответ, механик откинул небольшой лючок на капоте и всунул внутрь извивающийся воздушный шланг, отходящий от баллона, накрутил на переходник, провернул маховичок у горловины. Через секунду винт, провернутый другим механиком, с громким чихом качнулся, мотор взревел, и лопасти превратились в полупрозрачный диск с желтой полоской по кромке. Поднявшаяся

ся пыль летела во все стороны, головные уборы приходилось держать двумя руками, чтобы не снесло. Испытатель покачал элеронами, рулями поворота, глубины, и, поддерживаемый впрягшимися технарями, самолет выкатился на кромку полосы. Прокатившись метра четыре, он остановился, минуты две двигатель выл, постепенно набирая обороты, желто-синие огоньки выхлопов то высовывались из зубчатой цепочки патрубков, то втягивались обратно. Наконец, звук работы мотора стал равномерным, Стефановский отпустил тормоз, и машина, быстро разгоняясь, помчалась вперед. Прищутив глаза от пыли, летчики, оскалившись, смотрели, как ЯК легко оторвался от полосы и ушел в небо, оставив в ушах затихающий звенящий вой.

Развернувшись над кромкой дальнего леса, маленький истребитель с набором высоты снова начал приближаться к ним, и когда детали его конструкции стали ясно различимы, Стефановский ввел машину в первый вираж. Последующие минуты были плотно забиты каскадом головокружительных фигур высшего пилотажа, выполняемого с минимальными паузами и безо всякой системы. Собравшиеся на поле летчики знали, что Стефановский, несомненно, пилот выдающегося таланта, и как он воевал, тоже знали многие – но не было сомнений, что процентов восемьдесят впечатления оставляет именно самолет. Юркий ЯК крутился в горизонтальной плоскости, как змея, ловящая свой хвост, замыкая вираж секунды на три-четыре быстрее, чем любая машина, которую

им приходилось видеть до этого.

– Нам бы его побольше да пораньше, мы бы их давно уже в шлак перегнали, – явно выражая общее мнение, заметил Покрышев. – По стилю похож на И-16 на Халхин-Голе, зайдет в хвост кому угодно.

В южных конфликтах молодежь побывать не успела, но конфликты те пришлось на времена, когда обсуждать достоинства самолетов своих и противника было безопасно для здоровья, поэтому молодые знали о тогдашних машинах практически все.

– Сдохнет, но со спины не слезет, – подтвердил Коля Скоморохов. – Берем!

Все засмеялись, молодого героя любили за веселый характер и пронесенную через буйные военные годы бесшабашность.

ЯК приземлился, коротко пробежал по полосе и, пыля, подрулил, гася скорость, прямо к исходной точке. Стефановский вылез – громадный, громыхающий смехом, с улыбкой на все лицо.

– Ну, ребята, какую шелупень мне водить ни пришлось, но это, я вам скажу, что-то! Ласточка, а не машина! – повторил он слова Яковлева. – Вираж – песня! Бочка – куплет! Управляется – держите меня четверо! Мановением мизинца!..

Мизинцем испытатель мог, судя по всему, перегнуть граненый строительный гвоздь, но удовольствие на его лице говорило само за себя. Он ласково потрепал истребитель по

плоскости и стянул с себя реглан, оставшись в одной пропитанной потом гимнастерке.

– Не могу, больно жарко!

Механик помог ему снова нацепить парашют, и Стефановский полез в соседнюю машину.

Опять взревел мотор, промасленный технарь выдернул извивающийся шланг, и самолет ушел в небо. Снова каскад пилотажа на максимальных скоростях, «со струями», как говорится. Свечу ЯК делал так, что казалось, он никогда не остановится, а из одной фигуры в другую переходил без малейшего напряжения, закручиваясь сам на себя.

Когда показ закончился и летчики один за другим полезли в кабины припаркованных машин, Стефановский, усталый, присел на измятую траву, привалившись широкой спиной к стойке шасси остывающего истребителя. Через минуту, однако, ему пришлось подняться и, кряхтя, отвечать на вопросы по управляемости. Закончили они, впрочем, достаточно быстро. Подниматься в воздух на новых машинах пока не имел права никто, кроме испытателей, и травить душу особенно не хотелось.

Вся следующая неделя была снова угроблена на организационные и бюрократические процедуры. Создаваемой части был наконец-то присвоен номер, причем на бумаге она выглядела как вновь сформированный учебный смешанный авиационный полк. Это, с одной стороны, могло успокоить переводимых в него летчиков намеком на переучивание на

новую технику, и с другой – не выглядело чем-то особенным. Отдельным указанием Новикова все «гвардейские» и «фронтовые» прибавки остались на новом месте в силе, что позволило впервые за долгое время отоспавшимся и отдохнувшим офицерам провести короткий и буйный вечер в «Метрополе» с сиянием орденов, игрой на рояле и охмурением дам. Выволочка, которую Покрышев получил за своих отличившихся летчиков, стоила ему нескольких лет жизни, а та, которую он устроил летчикам сам, наконец-то окончательно обозначила его как командира. До этого фраза «Да ладно тебе!..» звучала в формирующейся части достаточно регулярно, подполковников и полковников в ней было уже человек пять, причем все – в том же возрасте, что и сам командир. Покрышев некоторое время вел себя жестко, но отношения в полку остались братскими, просто меньше стало фамильярности. Раз в несколько дней в полк приходил новый летчик – усталый, засыпающий на ходу, со зрачками, в которых отражались пулеметные вспышки. Они прилетали со всех концов растянутого на тысячи километров с севера на юг фронта, из фронтовых полков, из молодых и яростных частей ПВО, с дерущихся флотов, щеголяя синей формой и гордыми адмиральскими профилями на орденах.

Полковник, замотанный бумагами и быстротой развития событий, относился к происходящему все более серьезно. Некоторые открывающиеся детали вызывали у него открытую тревогу. Новиков несколько дней не участвовал в ра-

боте, занятый встречей с американцами и англичанами, с которыми формировался совместный координационный центр стратегической авиации. В коридоре Покрышев повстречал Водопьянова, узнав его по многочисленным предвоенным фотографиям. Командующий дивизией АДД¹⁵ был зол и раздражен, что было вполне понятно. К середине сороковых годов никакой «стратегической авиации» у Советского Союза уже не было. Три десятка боеспособных ПЕ-8 и полторы сотни ЕР-2 наносили время от времени точные и достаточно болезненные удары по целям в глубине гитлеровской Германии – но никакого влияния на ход войны они оказать не могли, и до сих пор все общение с американскими бомберами сводилось к предоставлению им аэродромов для челночных операций. Советский Союз вслед за Германией сделал ставку на тактическую авиацию, и подвергаться вежливому унижению со стороны союзников, которые могли выставить полторы тысячи «Летающих крепостей» в один вылет, было стыдно и глупо. Зачем?

В полку после истории с рестораном отменили «фронтовые» надбавки и рекомендовали больше не мозолить глаза москвичам своими геройскими звездами. В итоге из гостиницы Управления, у подъездов которой уже начались дежурства восторженных пацанов, мечтавших увидеть сразу и Алелюхина и Речкалова, их перевели в Монино. Разместили в довоенных командирских домиках квартирному типу,

¹⁵ Авиация дальнего действия.

находившихся на территории отлично оборудованного аэродрома, где ни у кого не было возможности болтаться без дела. Покрышев мотался в Москву и обратно на выделенной ему машине с шофером-охранником – веселым парнем с рябым и курносым, рязанского типа лицом и точеными движениями гимнаста. Полк уже был разбит на эскадрильи, командиры утверждены, и летчики «сговаривались» совсем по-детски, сбиваясь в плотные компании – кто с кем служил, кто в каком училище учился, кто откуда родом. Как в дворовом футболе, честное слово. Все это в высшей мере приветствовалось.

Приказом Новикова и, вероятно, с личного одобрения самого Сталина комэсками были назначены Покрышкин, Султан, Кожедуб и сам Покрышев, а у разведчиков – Гриб. Покрышкин к этому времени был, несомненно, самым популярным летчиком в стране, его портреты печатались в газетах чуть не через день, но новый командир ни на минуту не усомнился в правильности выбора главмаршала – стальная воля, выдающиеся способности тактика, талант пилотирования, равный которому имели, наверное, полтора-два десятка человек на все ВВС, все это имелось и демонстрировалось в небе каждую секунду полетного времени. На жесткий характер и постоянные трения дважды Героя с начальством на земле, вплоть до исключения из Партии, Покрышев плевал, он сам был почти такой. Второй комэск, майор Кожедуб, похожий по комплекции на уменьшенного раза в полтора Сте-

фановского, напоминал больше боксера или грузчика, чем истребителя. Но все-таки, наверное, на грузчика из книжного магазина – очень уж одухотворенно выглядел он, подходя к любому самолету.

Третью из эскадрилий «красавиц» дали Амет-Хану Султану. Наполовину лакец, наполовину крымский татарин, он предпочел карьере канатоходца столь же опасную жизнь летчика. Его характеризовали поразительное жизнелюбие и почти невероятная везучесть – качество, ценимое всеми, кто воевал хотя бы неделю. Пережить сорок первый год на И-153, уцелеть после тарана, вырастить команду «рексов»¹⁶ из зеленых пацанов – такое за спиной имел не каждый пилот из покрышевского списка. Несколько человек клялись, что зрение у Амет-Хана было четыре-ноль. Никто не знал, возможно такое или нет, но он различал тип самолета еще тогда, когда остальные, щурясь, пытались понять, действительно ли видят точку на фоне солнечной кроны или им кажется.

В сорок третьем, когда Амет-Хан был на побывке в Крыму, у него арестовали брата и пришли за родителями. Это было в тот день, когда было объявлено, что крымские татары желали победы Гитлеру. Услышав ночью крики матери под окном, Амет-Хан голым выпрыгнул в сад со второго этажа родного дома и мгновенным ударом кулака свалил рослого парня с малиновыми петлицами, волокущего его старую мать к калитке. Второй, удерживающий до этого его отца,

¹⁶ В русском военном сленге – опытный, умелый и злой боец.

оттолкнул того в сторону и сорвал с плеча карабин. Озверевший капитан вlepил ему прямой в горло, но в сад на крики очухавшегося энкавэдешника уже ломилась подмога. Тут бы его, несомненно, и пристрелили бы, если бы не выпрыгнувший в то же окно капитан-однoполчанин, приехавший в Крым вместе с Амет-Ханом. Секунды, прошедшие с момента, когда под окном раздался женский крик, летчик потратил на то, чтобы натянуть брюки и всунуть руки в рукава кителя. Появление капитана со звездой Героя на груди несколько притормозило чекистов, а тот, подойдя и ухватив друга за плечo, не терпящим возражений тоном приказал ему пойти в дом и одеться. Бледный от ярости Амет-Хан ушел и появился через минуту, застегивая воротничок. На его груди горела такая же звезда, как и у однoполчанина, а кобура ТТ была расстегнута и сдвинута на живот. К этому моменту на сцене появился майор НКВД, который настолько быстро осознал ситуацию, что не издал ни звука. Было понятно, что стрелять капитан-летчик с лицом горца и Золотой Звездой на кителе будет при малейшем поводе и в лоб, причем начнет с него.

В конце концов родителей Амет-Хана оставили в покое, хотя им пришлось уехать в Цовкру, на родину отца, – но брат пропал навсегда. Это превратило веселого красавца Амета в машину убийства, срывающего зло на врагах. Он расстреливал мотоциклистов на дорогах и вел собственный счет убитым. Понемногу к нему начало возвращаться его жизнелюбие, во многом благодаря невероятной красоте молодой же-

не, вызывающей у всех восхищение, – но ни с одним человеком с малиновым околышем на фуражке он с тех пор не заговорил ни разу. О его истории знали все и по молчаливому мужскому уговору никогда не касались ее. Женатых летчиков предвоенного поколения, таких как Покрышкин и Султан, в полку было немало, и полковник Покрышев потратил немало времени на то, чтобы организовать все необходимые для приезда семей летчиков бумаги.

К третьему июля в части насчитывалось уже полтора десятка пилотов, полеты были наконец разрешены, и четыре яковлевских машины были загружены с утра до вечера. БАО «учебного полка» формировался прямо в Крыму, и нагрузка по их обслуживанию пришлось опять же на механиков испытательного отдела КБ. Наконец начали поговаривать о переезде в Крым. Почти все машины уже перегнали туда, и Покрышев заочно, по телефону, перезнакомился почти со всеми специалистами полка.

Пятого в полк прилетел Иван Раков, номинально принявший бомбардировочную эскадрилью, которая также находилась частично в Крыму, частично еще на заводском поле. Раков был легендой авиации – живучий и почти не промахивающийся бомбер, воевавший на всех морских театрах, летавший на всех возможных видах морских бомбардировщиков и штурмовиков, один из немногих живых Героев ударной морской авиации. Живой – это было очень важное слово, большинству Золотую Звезду давали только посмертно.

Или уж «предсмертно». Теперь в авиагруппе было уже четыре человека с двумя Золотыми Звездами и полтора десятка – с одной. Вечера в столовой, когда пилоты меняли выбеленные солнцем гимнастерки на новенькую чистую форму, производили на официанток неизгладимое впечатление. В полет вдали от фронта ходили без наград.

К пятнадцатому состав был доведен почти до полного, не хватало обоих гробанувшихся буквально перед самым переводом Глинок. Старший, получивший незадолго до этого пулю в плечо от стрелка «штуки», был сбит немецкими истребителями, которых он необдуманно атаковал, имея неопытного ведомого. Хотя он остался жив, выпрыгнув с парашютом, но сломанные нога и ключица уложили летчика в госпиталь явно на долгий срок. Глинка-младший, которому прочили звено, разбился на отправляющемся в тыл Ли-2 – тоже остался жив и тоже поломал немало костей. Вот ведь судьба...

Последние прибывшие отсыпались, отъедались, жадно выслушивали новости и треп. Все мечтали о купаниях и полетах, о синем море, зеленых садиках, молодом крымском вине. Амет клялся, что знает до сих пор сохранившиеся декханы с невероятными крымскими блюдами. Его слушали с восхищением и облизываясь. После обычной предотъездной суматохи с клятвами местным военным девушкам и прощальными поцелуями радостно собирающих чемоданы жен, поздним вечером загрузились в крытые грузовики и напра-

вились в сторону Москвы. Но вместо крупного аэродрома их повезли в самый центр города, к трем вокзалам. Машины въехали на территорию Ленинградского, на въезде часовой проверил какие-то документы у шофера головной машины, которую сопровождал офицер НКВД, и в кузов к летчикам запрыгнул Федоровский.

– Григорий, что за дела? – Покрышев был больше удивлен, чем возмущен. – Через какую задницу мы едем? И почему едем, а не летим?

Полковник, несший на своих плечах основную часть обеспечения, снабжения и вообще организации, широко ухмыльнулся.

– Не удивляйся, Петро, мы немножко в другую сторону едем. Вокруг нас больше секретности, чем ты думаешь. – Он продолжал радостно улыбаться, словно имел про запас что-то более притягательное, чем Крымское побережье. Колонна снова тронулась, несколько минут машины, раскачиваясь, ехали по каким-то разбитым проездам и наконец встали.

– Все, приехали, теперь выгружай ребят.

Федоровский ловко выскочил из кузова, вслед за ним посыпались возбужденно переговаривающиеся офицеры. Они стояли около небольшого состава с новеньким, попыхивающим белым паром паровозом. Несколько темно-зеленых вагонов охранялись часовыми, да и вообще, было видно, что вокруг стоят какие-то люди в форме. Здесь продолжалось движение, деловито ходили военные. Было уже достаточно

темно, платформа освещалась скупо. Все это не было похоже на обычную погрузку в воинский эшелон, с его суматохой, матом и теплушками, набитыми молодыми солдатами. Да и сам поезд был почти довоенным – ни одной платформы с зенитками к нему не прицепили.

– Литерный! – с удовольствием произнес Федоровский. – Ворошиловский. По-маршальски поедем!

– Да куда поедем-то? – спросил стоявший рядом молодой майор, лицо которого Федоровский еще не успел запомнить.

– А я разве не сказал? В Ленинград!

– Говорили же, в Крым?

– Ну, потом в Крым. Разве не интересно на свой авианосец посмотреть, а, крабы сухопутные?

– Я-то как раз не сухопутный, – засмеялся тот. – Я из Херсона!

– А чего в авиацию пошел, черноморец?

– Да чего там, – майор снова засмеялся, видимо, своим воспоминаниям. – Куда уж призвали! Я военкому говорю – на флот! А он мне – фигу! В летную школу! Ну и попал в самое пекло...

– Полковник Покрышев? – к ним подбежал невысокий человек, придерживающий фуражку рукой. – Начальник охраны спецпоезда подполковник Левадзе. Второй вагон ваш, четвертый сержантского состава, по четыре человека в купе. Отправление, – он посмотрел на часы, – через сорок пять минут. Где ваш багаж?

– Багаж! – засмеялся Покрышев. – Наш багаж с нами! Вот! – он поддел ногой поставленную на землю плотно набитую пару вещмешков.

– Тогда грузитесь, – козырнув, начальник охраны убежал к поезду.

– Народ! – обернулся полковник к курящим в стороне летчикам. – В Ленинград едем! Докуриваем и грузимся, пилоты во второй, стрелки в четвертый! Носильщиков не будет!

Со смехом обмениваясь дружескими тычками, летуны потянулись к составу. У некоторых были заслуженного вида фибровые чемоданы, большинство же несли по одному или два вещмешка с истрепанными лямками – немудреное хозяйство фронтового офицера. На некоторых еще можно было прочесть выписанные чернильным карандашом фамилии прежних хозяев, одну поверх другой, в несколько слоев. Стоявший с заложенными за спину руками лейтенант госбезопасности проводил нестройную толпу «героев» презрительным взглядом. Ни выправки, ни понятия о том, куда попали. «Фронтвики» хреновы. Проходивший мимо него капитан в фуражке, сдвинутой на самый затылок, приостановился совсем рядом, спуская с плеча мешок. Лейтенант усмехнулся и смерил его взглядом с головы до ног. Помятое лицо, мускулатура подростка, мятая гимнастерка – это было заметно даже при таком освещении. Сколько он себя помнил, ни один армеец не мог его взгляд выдержать: сверху вниз и с превосходством сильного и уверенного в себе человека. Капитан, в

свою очередь, взглянул на него с таким презрением, что особист мысленно сказал «Твою мать!». Встретив такой взгляд на улице, чего еще ни разу не случилось, он провел бы задержание, не теряя ни секунды, чтобы отбить у подлеца охоту так смотреть на сотрудников госбезопасности и вообще поднимать глаза, пока его об этом не попросят. Летчик сделал движение щеками – так, что у лейтенанта на секунду перехватило дыхание. Однако обладатель мятой гимнастерки лишь сплюнул под ноги и пошел дальше, подбрасывая вещмешок на плече. Он чувствовал ненавидящий взгляд лейтенанта спиной и внутренне усмеялся. Небольшое развлечение; в жизни, как говорится, так мало радостей.

Залезая в вагон, летчик подавил в себе желание обернуться, но продолжал чувствовать тот же взгляд. Он пропал только внутри вагона, в устланном ковровой дорожкой коридоре. «Твою мать», – аналогично подумал он, но, в отличие от лейтенанта, с удовольствием. Очень похожий тип был у них особистом в полку на Первом Украинском. Пятая воздушная армия, волки и служебные собаки, слабаки не держались. Такой же, только лет на десять постарше. Так же смотрел на всех, будто он тут самый заслуженный, а они так, сопли на кулак наматывают. Поцапались из-за девки, ему не светило, уроду, так начал каждый день в особый отдел таскать, прикопался к патронам к ТТ, кто их когда считал? А вот было записано столько, а где остальные? А что вы знаете о своем брате, где он сейчас? А какого происхождения ваш отец, вы

говорите?.. И все это перед вылетами, между вылетами, после вылетов, когда хочется упасть лицом в папоротник и не слышать ничего, не думать ни о чем. А бои шли на Украине, всякое бывало. На аэродром напоролась какая-то шальная группа с оружием, не то бандеровцы, не то в самом деле немецкие диверсанты. Комендантский взвод, механики, летчики лупили по опушке из пистолетов и карабинов, оттуда довольно густо постреливали, перебежали какие-то тени. Особист героически размахивал пистолетом, поднимал народ в атаку, хотя уже выслали грузовики с солдатами. Ну, среди суматохи и криков капитан подобрался к нему метров на десять и выстрелил сбоку в шею. Из того самого ТТ. Стрелял-то он отлично. А в шею – чтобы пуля навывлет прошла. До сих пор приятно вспомнить. Кто надо, тот понял, но все были свои ребята, не выдали. Совесть не мучила ни разу. Действительно, за сбитых ордена дают, по грузовикам на рокаде из пулеметов пройти – милое дело, девушки-украинки за каждую машину отдельно поцелуют, а тут такая же вражина – чего еще думать?

Все это было болезнью. Кто бы ему сказал в довоенной жизни, что он будет убивать людей, стрелять, – посмотрел бы, как на ненормального. Нет, ну врагов, «если завтра в поход...», абстрактно, это все понятно. Старый преподаватель военного дела серьезно предлагал ему рекомендацию в любое училище по выбору, но мама была категорически против. Если бы она знала, что он убил ради чего-то более при-

земленного, чем освобождение Европы, она бы о-очень не одобрила. Да ей бы и в голову не пришло, что такое возможно. Несмотря на все его ордена, ранение, разбитое после тарана колено, мама до сих пор не ассоциировала его работу с отниманием чужих жизней. Учительница, что возьмешь. Брат бы понял.

Волейбольным толчком закинув мешок с барахлом на верхнюю полку, капитан подтянулся на руках и залез сам. Вокруг гомонили ребята-летуны, с которыми он уже успел перезнакомиться. Высокий, краснокожий от северного загара майор флотских ВВС, распределенный с ним в одну эскадрилью, пошевелил в своем сидоре бутылочным горлышком, громко и радостно захохотал. Хорошо! Расположившись на полке, он позволил себе еще немного подумать, слишком уж нечасто философское настроение сочеталось с настоящим комфортом.

В последние годы начали забываться привитые воспитанием принципы ценности человеческой жизни, даже одной, отдельной. Желание решать свои проблемы убийством было однозначно ненормальным, и самое страшное, что оно именно сейчас казалось нормальным, да и являлось им. Так же, как и желание некоего ограниченного числа людей подчинить своей воле территорию, на которой по праздникам поднимают флаги другого цвета, – и ради этого ничем обоснованного желания послать массу вовсе не желающих этого людей убивать другую массу, точно с таким же недоумением

встречающих это событие... Как такое назвать, если не сумасшествием с особо опасным бредом? А потом все эти массы людей, вопрошающих сначала: «Зачем? За что?», принимают правила игры и с молодецкими воплями рубят, режут, стреляют друг друга. Психоз. Год активного солнца. Думать противно.

Поезд ходко шел по залитой лунным светом равнине, по сторонам мелькали огоньки станций и деревень, просвистывали выстроенные в одну линию телеграфные столбы. По купе разнесли ужин, пунцовые от смущения девушки в кружевных передничках и с такими же кружевными венчиками на голове не смели ответить на приветствия летчиков. Ворошилов явно знал толк в подборе кадров. Несколько человек попыталось, не теряя времени, их закадрить – но испуг девушек был настолько натуральным, что всерьез рисковать никто не стал. Раза три за ночь останавливались на крупных станциях, меняли паровозы. Летчики выглядывали из окон или выходили на перрон размяться. Станции были пустынные – ни обычных мешочников, ни железнодорожного люда, только несколько часовых молча стояли в отдалении. Потом дежурный подбегал к паровозу, вбрасывая в руку приспущившегося по лесенке машиниста тонкий медно-зеленый жезл, и вагоны дергало сначала вперед, потом назад.

К середине следующего дня состав, подпрыгивая и раскачиваясь на стрелках, ворвался в пригороды Ленинграда. Мимо окон проносились желто-белые домики с колонна-

ми, в обрамлении зелени. Паровоз взывал гудком, перекрываясь с какими-то одному ему видимыми ориентирами, встречные составы, влекомые мощными современными локомотивами, грохотали навстречу, обдавая запахами горячего металла и перегретого пара. К четверем въехали наконец на Московский вокзал – с опять же перекрытым перроном. Выгружались долго, курили, прислонясь к распахнутым дверям тамбура. Потом наконец-то их нашел кавторанг из штаба ВВС Балтфлота и указал, где стоят машины.

Ехать к флотской гостинице пришлось через весь центр, и, выглядывая из кузовов легких ГАЗ-АА, летчики всюду крутили головами. Город, несомненно, производил двойственное впечатление. Ослепительные громады дворцов и устремленные ввысь сияющие золотом шпили слабо вязались с попадающимися через один закопченными провалами от разрушенных домов, огражденными ямами воронок, вздыбивших асфальт в самых неожиданных местах. Во многих домах еще оставались незастекленные окна. На улицах было малоллюдно, и прохожими были, в основном, военные – особенно часто попадались синие и черные бушлаты моряков. Трамваи, впрочем, ходили, и их веселые переливчатые звонки создавали почти довоенный уют.

Люфтваффе прорвалось к городу в середине сорок третьего, когда немцев уже отжимали от восточных аэродромов. До этого, особенно в начале войны, налеты были обычным делом, но все три плеча противовоздушной обороны

приморского города – собственно ПВО, флотские ВВС и фронтовая авиация – прикрывали город достаточно плотно. Немецкая авиация сожгла Бадаевские склады – сладкий запах жженого сахара сохранялся в округе до сих пор, после всех дождей и снегов. Когда на рейде потопили «Марата», поднявшийся в небо грибообразный столб черного дыма был виден даже из города. Одна бомба попала в сад Смольного, другая – в книгохранилище Эрмитажа, вывернув его наизнанку. Но за все это немцы платили слишком большую цену машинами, и это их сдерживало. Положение на фронте всегда было для них достаточно напряженным, чтобы выделять для уничтожения гражданских целей слишком много бомбардировщиков. Лишь осенью сорок третьего, когда уже было ясно, куда война пойдет дальше, немецкое командование решилось на один короткий удар – в паузе после масштабных летних сражений, когда обе стороны спешно гнали к обескровленным фронтам пехоту и бронетехнику. Советские газеты потом назвали это «последним бессильным укусом издыхающей фашистской гадины». Да уж, бессильным... Стянув к северу пополненные после лета эскадры тяжелых машин, практически все, что могло летать и способно было дотянуться с запнувшегося на севере фронта до города, командование Люфтваффе подняло в воздух почти четыре сотни бомбардировщиков – преимущественно «восемьдесят восьмых». Истребителями они прикрыты не были – один из немногих факторов, обеспечивших им успех. Переброс-

ку истребительных частей разведка засекала бы сразу, бомбардировочные же традиционно «опекались» менее плотно. Пройдя почти весь маршрут над морем, армада вышла на Ленинград по оси залива и по его северному берегу: первая волна обрушилась на Кронштадт и оттянула на себя почти всех ночников, через двадцать минут над Морским каналом проплыли лидирующие машины основной ударной группы – с зажигательными бомбами. Затемненный город встретил их прожекторами и зенитками, но несколько сбитых бомбардировщиков не имели уже никакого значения.

В течение полутора часов город был покрыт ковром фугасных, зажигательных, снова фугасных и снова зажигательных бомб. Не было никаких сомнений, что город спасли химики. Суперфосфатные удобрения, для вывоза которых на поля не хватало транспорта, были еще в сорок первом перегнаны в какую-то химическую дрянь, которой пропитали все стропила в городе, все полы чердаков. Бомбы-зажигалки из алюминиево-магниевого сплава легко прошивали ветхие железные крыши ленинградских домов, вспыхивая на чердаках снопами оранжевого пламени. Если бы не суперфосфат – городу пришел бы конец. Но и фугасок хватило, чтобы превратить целые кварталы в пылающие руины. Вторая волна накрыла рванувшиеся к очагам команды пожарных, а третья слила бы разрастающиеся пожары в один громадный очаг, как случилось в свое время с Герникой и Ковентри, – если бы не Нева с ее многочисленными рукавами. Теперь облом-

ки рухнувших строений потихоньку растаскивали, развозили на кирпичи и дрова, и сумасшедшие перестали плевать в лицо военным на улицах. Команды саперов вытаскивали за железные «уши» глубоко ушедшие в асфальт неразорвавшиеся бомбы, и взрыватели замедленного действия уже перестали уносить жизни девушек-взрывниц.

Снова была гостиница, сверху донизу забитая флотским людом. Майор из политуправления Балтийской авиации принес на всех большой ворох талонов в столовую. Кормили в ней по-флотски основательно, но не слишком вкусно, и на остатки талонов летчики набрали шоколада в буфете. Никакой выпивки в малознакомом для большинства городе раздобыть за короткую вылазку не удалось, и все утихомирились на удивление рано. Поговорили, попили чая, добытого у коридорных девушек, и залегли по койкам.

С утра, как и было обещано, одетых в «простое» офицеров повезли в гавань. Несмотря на лето и достаточно теплую для Ленинграда погоду, невская вода была аспидно-стального цвета, по ней гуляла достаточно сильная волна, подбрасывая многочисленные шлюпки рыбацких артелей. Ближе к границе морских заводов шлюпки исчезли – видимо, охрана не разрешала слишком приближаться к причалам, где строились новые корабли флота. Пропуска были оформлены списком, но сотрудники НКВД и СМЕРШ все равно сверили каждую фамилию с командирскими книжками, прежде чем пропустить группу за ворота. Покрышеву понравилось, что да-

же на внешнем контроле стояли не оплывшие от безделья и дворняжьей власти тыловики, а явно профессиональные ребята, вполне серьезно относящиеся к своей работе.

Почему – стало понятно, когда летчики увидели корабли. Скороговоркой прочитанные правила поведения на территории режимных предприятий были забыты за секунду. Прямо за второй, «внутренней» проходной с громадными сплошными воротами, которые прорезала полоса стандартной широкой «железки», находился огромный стапель, торцом уходящий к реке. Неподвижной охряно-черной громадой возвышался на нем не поддающийся охвату глазом гигантский корпус с зубцами листов обшивки, наращиваемых поверх чудовищно тяжелых ребристых дуг силовой конструкции. Повсюду, насколько было видно глазу, сверкали искры, выбиваемые паровыми молотами, с силой бьющими по металлу, куда суетливые рабочие с головами, закутанными в танкистские шлемы, утапливали заклепки. Грохот стоял неимоверный.

Ведущий гостей заводской инженер с красной повязкой на руке, плохо скрывая улыбку, объяснил, что корабли строят циклами – и тому, который они видят перед собой, до готовности еще года два или три. А вот к уже построенным кораблям они сейчас пойдут. Идти пришлось долго, со всех сторон звенело и грохотало, бегал туда-сюда шустрый паровозик с коротким хвостом платформ, нагруженных гнутыми стальными листами. На каждом новом участке у них прове-

ряли пропуска – похоже, даже заводским рабочим не дозволялось без дела шляться куда не положено.

– Вот и дошли, – сказал инженер, утирая рукавом пот со лба. Солнце поднялось уже высоко и денек оказался довольно жаркий.

Корабль стоял у причальной стенки, крепко прихваченный к ней тремя десятками стальных тросов по всей длине борта. Размеры его просто не укладывались в голове – он доминировал над окружающим, как московские высотные здания. Широкий, как чаша стадиона, мрачно-черный, с провалами дверей, он уходил вверх этажами, каждый последующий более узкий, чем предыдущий, как ханойская башня. Через каждые несколько метров на корабль от бетонной кромки причала были перекинuty мостки, по которым ходили и бегали мастеровые. Весь причал был покрыт нитками железнодорожных путей, штабелями стальных уголков и массой прочего кораблестроительного барахла, вкуче с несколькими подъемными кранами все это создавало радующую глаз специалиста картину заключительного периода достроечного ажиотажа.

Это был, несомненно, линейный корабль – монстр, доминирующий на морской поверхности, иметь которого могли позволить себе очень немногие страны, а строить самим – еще меньше. Чувство, что Советский Союз отныне причастен к «высшей лиге» держащих свой флаг в море государств, было выдающимся – гордость, восторг и еще раз гордость. И не

надо смеяться, не надо. В этом нет ничего смешного. Десять лет назад наличие или отсутствие лишь одного такого корабля в порту колебало чаши политических весов вверх и вниз, заставляя политиков решать: начинать войну сейчас – или, может быть, подождать, пока у нас не появится такой же?

Сине-оранжевые сполохи электросварки били по глазам с нескольких сотен метров. На одном из ярусов кормовой надстройки сразу несколько рабочих, согнувшись и прикрыв лица закопченными щитками, приваривали на свободное место детали основания зенитного гнезда. Стрела крана уже подвесила медленно раскачивающуюся на тросах счетверенную установку почти над головами сварщиков, а группа монтажников и стропарей курила, дожидаясь окончания сварки. Вообще корабль выглядел практически готовым, несмотря на муравьиную суету на его поверхности.

Летчиков провели по палубам и отсекам, продемонстрировали циклопические котлы и машины, показали чудовищных размеров башню, на стволе орудия которой могли уместиться сорок матросов. Один из молодых попытался рассказать по этому поводу классический анекдот про воробушка, у которого лапка соскальзывала, – на него посмотрели как на идиота. Покрышев вспомнил слова адмирала флота о цене одного линкора и глубоко задумался. Не будучи специалистом в вопросах морской стратегии и тактики и до последнего времени даже не принадлежа к флотским ВВС, он тем не менее интуитивно чувствовал, что что-то здесь не так. Не ста-

нет страна, изнемогающая в борьбе с бронированным крокодилом германской военной машины, строить такое чудище для удовлетворения амбиций адмиралов. Что исход войны с гитлеровской Германией уже решен, было понятно всем. И что он решен не на море – тоже. Тогда на кой черт такая лихорадочная деятельность? Полковник про себя попытался прикинуть, насколько точен был Кузнецов в своем сравнении. Он не был уверен, опять же, сколько весит один танк, – но по своим размерам «Советский Союз», как, насколько ему было известно, называли этот тип линейных кораблей, похоже, мог вместить в себя и все пять танковых армий страны, упаковав их плотно, как спички в коробке.

На следующий день глубоко впечатленных летунов повезли в Кронштадт. Командование Балтфлота решило блеснуть морским шиком, прислав вместо разъездной лайбы ОВР¹⁷ эскадренный миноносец. Низкий и вытянутый в длину, стремительный даже в очертаниях скошенных назад труб – того же аспидного цвета, что и вода, – корабль был полностью готов к бою. Каждое зенитное гнездо заключало нескольких матросов, которые разглядывали поднимающихся по трапу летчиков, небрежно опираясь на тумбы крупнокалиберных пулеметов или зенитных автоматов. Для корабля, находящегося в «Маркизовой луже», большого смысла в подобной бдительности, наверное, не было – но летчики, даже в глубоком тылу оглядывающиеся через плечо каждые сорок се-

¹⁷ Охрана водного района.

кунд, весьма одобряли такое поведение. Дуть на воду бывает очень полезно для жизни.

Эсминец, глухо воя турбинами и рассекая сизую морскую поверхность, дошел до Кронштадта за двадцать минут – включая сюда все колоритные церемонии типа «отдать носовые, отдать кормовые». От причала, куда он притерся едва ли не с полного хода и притом не оцарапав даже зелени леерных стоек, пришлось всей толпой минут десять идти на самый конец уходящего глубоко в залив мола. Шли в сопровождении молодого и весело-злого капитан-лейтенанта, с лицом, рассеченным пополам глубоким вертикальным шрамом. Еще минут десять стояли, покуривая, на конце этого мола, не зная, чего ожидать. Кап-лей лихим матом отогнал нескольких пытавшихся подойти матросов, но ничего пока не объяснял.

– Топить будут... – нехорошо пошутил капитан из ПВО, распределенный в эскадрилью Амет-Хана. Тот, не задумываясь, дал ему подзатыльник, разрядив обстановку. Летчики засмеялись, кто-то предложил утопить морячка первым, раз такое дело. Тот, скаля зубы, похлопал себя по боку, где перевешивал португепю набок тяжелый для него наган. Морячок явно видал в жизни всякое.

– Мда-а-а... Сегодня, ребята, не выйдет... – сам Амет-Хан едва удерживался от смеха. – Вон подкрепление плюхает.

Несколько человек, обернувшись туда, куда он указывал, пораженно присвистнули. «Плюхает» было тем словом, ко-

торое мог употребить в данном случае, пожалуй, только Амет-Хан, для которого русский язык все-таки не был родным. Километрах в двух от берега грациозно разворачивался громадный линкор, опоясанный развернутыми по-боевому орудийными башнями. Закончив разворот, он, зримо набирая ход, двинулся вдоль береговой черты, быстро сближаясь с молотом. Если балтийские адмиралы действительно хотели поразить покрышевских асов, то это им удалось в полной мере. Несущийся живым монолитом даже не поезда, а целого вокзала, трепещущий на ветру вымпелами на удивительно тонких, ажурных конструкциях мачт, стальной гигант захватывал самую душу военного человека. Кто увидел такой корабль в море, на всю жизнь сохранит впечатление света и силы. Пожалуй, достаточно будет один раз провести его вдоль Морского канала, чтобы было видно с берега, – и следующее поколение ленинградских пацанов окажется безнадежно потеряно для авиации...

Это, тем не менее, был не линкор. Даже с небольшого расстояния удивительно похожий на него силуэтом и архитектурными деталями, головной корабль проекта 69 являлся «убийцей крейсеров» – линейным крейсером, сочетавшим в себе скорость, мощь вооружения и толщину брони, сбалансированных талантом отечественных конструкторов почти до идеальных пропорций. «Кронштадт» и его младший брат «Севастополь» были детищем плана адмирала Галлера и любимой игрушкой самого Сталина, любившего эти корабли

с необычной даже для его неуравновешенной природы страстью. Вступив в строй лишь полгода назад и ни разу не отойдя от кронштадтской крепости дальше, чем на сотню миль, громадный корабль был полностью готов ко всем многообразным проявлениям современной морской войны.

Даже классификация кораблей типа «Кронштадт» стала нелегким вопросом. Первоначально в документах их называли «тяжелыми крейсерами», но позже стало ясно, что ничего общего с обычными тяжелыми крейсерами эти корабли не имеют. Любой тяжелый крейсер со стандартным вооружением из 203-миллиметровых орудий или даже уцелевшие германские «Дойчланды» были бы растерзаны «Кронштадтом» буквально за считанные минуты и без шанса нанести ему сколько-нибудь опасные повреждения. «Проект 69» строили в первую очередь для противодействия двум германским «Шарнхорстам», с классификацией которых тоже не все было ясно. Вступившие в строй перед войной, они имели слишком слабое вооружение, чтобы на равных вести бой с современным линейным кораблем. Тем не менее их превосходство над «69-м проектом» в бронировании было столь значительным, что прогнозировать исход противоборства этих гигантов было достаточно сложно. Но благодаря успешным действиям британцев одна из этих тварей, кошмар Атлантики, сам «Шарнхорст» уже лежал на скалистом дне ледяной Арктики, приконченный нынешним командующим британским Восточным флотом адмиралом Фрезером,

ушедшим теперь поближе к интересным событиям. Второй гигант с некоторых пор пропал и вряд ли когда-нибудь снова вылезет на поверхность.

То ли в начальный, то ли в промежуточный период строительства новых кораблей обсуждался вопрос о вооружении их тремя двухорудийными 380-миллиметровыми установками германского производства, идентичными установкам достраивающихся тогда «Бисмарка» и «Тирпица». Идея была вполне реальной – в тот момент советские кораблестроители успешно сотрудничали с Германией, отчаянно нуждавшейся в деньгах и сырье, как раз тогда у немцев очень лихо был куплен недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов», переименованный в «Петропавловск». Увы, от реализации этого проекта пришлось отказаться – помимо того, что эти установки перегружали корабли и требовали слишком больших изменений в уже достаточно продвинувшейся конструкции, немцы просто не успевали с поставками орудий в сроки, тормозя строительство. А жаль – 380-миллиметровые орудия главного калибра сразу поставили бы «Кронштадт» и «Севастополь» даже не в один ряд, а несколько выше британских линейных крейсеров. Тем не менее и с 305-мм артиллерией они настолько разительно отличались от обычных тяжелых крейсеров (включая тот же «Петропавловск»), что их еще на стадии постройки стали называть линейными крейсерами. Этому способствовало и то, что заложенные в 1941 году и только-только вступающие в строй американские кораб-

ли типа «Аляска», очень похожие на «Кронштадт» по своим характеристикам, тоже изначально классифицировались как «Battlecruisers» – линейные крейсера.

Все это было в доступной форме рассказано, а в ряде случаев и показано вплотную. Летчики провели на крейсере почти полный день, наблюдая за бытом моряков, знакомясь с далекими от их мира особенностями жизни на громадном плавающем острове, состоящем из стали и человеческой плоти. Командиром «Кронштадта» был высокий, крепкого сложения украинец со смешной фамилией Москаленко. Впрочем, то, что в фамилии есть что-то смешное, забывалось буквально через секунду – не воспринимать Москаленко (которого, кстати, звали Иваном) всерьез просто не представлялось возможным. Было видно, что его любила вся команда. Черноволосый, со строгим лицом, достаточно еще молодой для такой должности, он ходил по кораблю такими крупными шагами, что в течение часа мог обойти его почти из конца в конец, заглянув в большинство ключевых постов. Знакомство с Москаленко оставило у летчиков очень теплое впечатление, они увидели в нем такой тип человека, какими были сами – профессиональный воин, с деловой хваткой рукастого крестьянина или мастерового, приложивший свое умение к науке выживать и добиваться победы, зубами выгрызая ее из загрызка точно такого же противника.

Потом был Крым. Рай на земле, пропитанный солнцем на всю глубину плодородной почвы, уставленной ровными ря-

дами виноградников, пронизанный искрящейся водой сияющих рек. Амет, распахнувший руки навстречу солнцу, вдохновенно читал что-то напевное на гортанном и непонятном языке Крыма – его слушали с восхищением и ощущением счастья. Море, золотой песок берега, ветер, обдувающий нависающие над берегом обрывистые холмы, объект «Утес», выдающийся в море широким тупоконечным языком, полеты с утра до вечера и вечером ждущие в освещенных изнутри белых домиках жены, дети, перекликающиеся под окнами, и для холостых – горячие, так же пропитанные крымским солнцем девушки юга. Подавальщицы, связистки, укладчицы парашютов, зенитчицы, прачки и библиотекарши, медсестры лазарета и оружейницы, запертые на не таком уж большом куске граничащей с морем суши, затянутые в военную форму, истосковавшие за военные годы по нормальной, красивой жизни, по веселым и сильным мужчинам – с ревом проносящимся над головой в плотном строю как будто стянутых единой лентой боевых машин, крутящим над кромкой горизонта безумную карусель истребительного боя, плетущимся от своих остывающих самолетов в расстегнутых на груди гимнастерках. Крымская ночь! Не родился еще, наверное, такой писатель, который мог бы достаточно похоже описать ее на русском языке. Амет, наверное, мог – но, начиная выражать свои чувства вслух, волновался, сбивался в словах, пытаясь перевести свою душу на русский, и замолкал под смех рассеявшихся вокруг святящегося алого пятна

угасающего костра пар.

Короткие росчерки метеоров, похожих оттенками на осенние листья, пронзали небо, усыпанное огромными звездами. Ночные полеты происходили раз примерно в три дня, давая время для любви и для счастья.

– Олег, Олежек мой... – шептала в темноте задыхающе-муся старлею коротко стриженная девчонка, на счету которой было несколько человеческих жизней – взятых в сорок первом, когда немцы пытались накрыть флот, и в сорок втором, когда они его чуть не прикончили, почти полностью выбив всю авиацию и оставив зенитчиков единственной силой, противостоявшей их господству в воздухе.

Господи, как им обоим хотелось жить! Как хотелось просто жить, не боясь возвращения к отодвинувшейся на время смерти, просто любить друг друга, иметь ребенка, жить в этих чистых белых домиках в ста метрах от кромки обрыва, слушать ночами, как тихое шуршание прибора шевелит камни у берега. Зенитчице было двадцать два года, старлею – двадцать один. На двоих у них было почти пять полных лет войны. Обоим было по семнадцать-восемнадцать, когда страшный день двадцать второго июня разрубил всю нормальную, юную жизнь на две неравные половины: до – и после. У нее была школа, выпускная ночь с вином и поцелуями, и почти сразу, как будто вынырнув из разноцветного сна, – тугие маховики зенитного орудия, натирающая шею тяжелая каска и стонущий вой падающих на корабли в гавань.

ни бомб. У него – один последний год школы, где преподавала мать, карта на стене с устремляющимися друг навстречу другу стрелами, модель МИГа на полке, брат, посмотревший перед уходом так, будто все уже знал наперед. А потом снова школа, азиатские степи, качающиеся носилки, которые они бегом, задыхаясь, волокут к рухнувшему истребителю, из которого уже поднимается первый, робкий еще дым. Оглушительно пахнет бензином, и потом опять небо – облака распахивают себя, как ласковые руки этой девушки, и хочется петь, хочется стонать от ощущения чуда!

– Олечка мой...

Он попал на юг, степи были гладкие и выбеленные солнцем, их распределили по полкам и эскадрильям, повезло попасть сразу с двумя друзьями в одну часть. Полк, получивший короткую передышку, спешно пополняли людьми, перегоняли поштучно машины с тыловых заводов или восстановленные в армейских мастерских. Ожидалась большая активность, лето только начиналось, и молодых сержантов гоняли, как Сидоровых коз. Еще слава Богу, что была такая возможность. Никому не приходило в голову жаловаться, в училище, несмотря на плотную программу, всегда не хватало топлива, моторесурса, целых машин. Бились много, и бились страшно, уцелевшие учились и продолжали летать. «В школе вас сделали пилотами. Полк вас сделает летчиками. Истребителями вы можете стать только сами». Эти слова он услышал в полку в первый же день от нового командира и

принял их глубже, чем, наверное, кто-либо другой.

– Ты мой Олежка-медвежка...

Оба его друга погибли в первую же неделю после того, как их бросили в бой. Немцы не считались с числом, четверка выкрашенных в желто-черные цвета «мессершмиттов» падала сверху на набирающие высоту ЯКи, сразу разбивая строй. После этого каждый был сам за себя. Ему повезло пережить вынужденную посадку с заклиненным мотором, оставшиеся позади самолеты исчезли навсегда. Потом ему повезло понять, что если враг определит в группе дерущихся с ним истребителей слабака, то он убьет именно его. На фронте учатся быстро. Через две недели он имел первого сбитого – старый и тяжелый, как майский жук, «Хеншель-123» из группы, которая осталась без прикрытия в многослойном, пронизанном самолетами небе Украины. Сержант научился управлять машиной так, что прыгающие на них «худые» всегда сбивали кого-то другого, он научился смотреть почти прямо на солнце, наклонив голову по-бычьи и крутя шейю до самой последней секунды в воздухе. Его поставили ведомым к комэску, и они дрались в паре все лето, пережив почти всех в полку. От комэска он научился не бросаться, торопливо стреляя, на крупную группу истребителей, не атаковать девятку бомбардировщиков в плотном строю, не стремиться увеличить свой счет. Олег сформулировал для себя принцип, в котором не признался ни одному живому человеку – уверенный в его целесообразности, но не уверенный в «правильности» с точ-

ки зрения газетных штампов. Важнее всего в небе было выжить самому, затем – помочь выжить тем, кто дерется вместе с тобой, и только после этого – убить врага. Он знал лейтенантов, которые с горящими глазами садились в ЯК, чтобы насладиться дрожью пулеметов, поливая свинцом тяжелые крестonosные бомбовозы, чтобы крутиться в «собачьей свалке» с разъяренными шершнями угловатых «фридрихов» и «густавов», рисуя к вечеру по одной-две звездочки на борту и ослепляя среднячков, вроде него, блеском орденов. Все они сгорали через месяц-полтора. За два года войны ему не встретилось ни одного исключения. Ни один из давно воюющих, с перевалившим за десятку счетом сбитых, летчиков, которых ему приходилось знать, не был любителем воздушного боя. Гораздо вернее было вычленить отставшую от строя поврежденную машину, методично расстрелять стрелков, сблизиться и зажечь поганящую небо летающую падаль, чтобы она ввинтилась в землю, сотрясая Чернобыль и чахлые степные осины. Другое дело, что часто приходилось поступать так, как поступать было нельзя: атаковать без раздумий, драться в меньшинстве. Но на то она и война, что не всегда удается делать то, что считаешь нужным.

К лету сорок четвертого он уже имел девятнадцать сбитых и неожиданно вышел на первое место в дивизии. Ни один человек не посмел бы обвинить его в избытке осторожности – все помнили, как на нулевой высоте он взял в лоб «худого», что навалился на машину комдива, перелетавшего без

эскорта на их поле – как раз в тот момент, когда звено Олега возвращалось из патруля. Распоротый «мессершмитт» рухнул на выжженную грунтовую полосу, завернув лопасти винта под брюхо. Когда к нему подбежали и заглянули в кабину, кое-кто в ужасе отполз на четвереньках, издавая «морской позывной» и пачкая пылью колени. Да и для более подготовленных вид кабины вражеского самолета оказался не из приятных. От верхней половины туловища немецкого летчика не осталось практически ничего, несколько пуль Олега УБСа¹⁸ попали ему в грудь, и по крайней мере одна – в голову. Зрелище было редкое даже для выдавших виды летунов и аэродромщиков, и хотя было ясно, что Олег, в принципе, здесь совершенно ни при чем, к нему плотно приклеилось уважительным тоном произносившееся прозвище «Собака». Фотография любимой овчарки, когда-то выращенной для пограничных войск, давно была прочно приклеена мякишем в кабине, на месте, где обычно вешали фотографии любимых, поэтому Олег особо не возмущался.

Он был очень осторожным. Каждую секунду. Олег чувствовал состояние противостоящего ему пилота по малейшим деталям поведения его машины в воздухе. Он почти всегда молчал, руководя своим звеном в бою короткими отрывистыми словами и обходясь совсем без слов во всех остальных ситуациях.

– Олег, ты скоро сбесишься, – сказал ему уходящий на

¹⁸ Крупнокалиберный авиационный пулемет.

полк его бывший комэск. Они обнялись, положив головы друг другу на плечи, постояли молча и обнялись снова.

– Береги себя, парень, – комэск смотрел на него с болью в глазах. – Ты один у меня остался, со всего лета...

– А как будто десять лет прошло...

– Верно. И не связывайся ты ни с кем, я прошу.

Олег только усмехнулся: на земле он не связывался вообще ни с кем. Потому и был до сих пор командиром звена, малозаметным старлеем с парой орденов.

– Будем живы.

– Будем живы, Антон.

Они в последний раз ткнули друг друга кулаками в плечи и разошлись; новоиспеченного подполковника ждал разъездной армейский У-2 с лихой надписью «Що не зым, то надкусаю» на борту, старлея – выгоревший до уже розоватого оттенка ЯК с фотографией овчарки под рамкой прицела. И одиночество.

Если бы его не выдернули в новый полк приказом самого главмаршала, он бы, пожалуй, и действительно взбесился. За неделю он два раза с трудом удержал свою тянущуюся к пистолету руку, внутренне наливаясь смертью, – новый командир полка находил весьма смешной его манеру делать все молча и блистал ироничностью, высмеивая его при всех. В последний раз его спас ведомый, спокойно положивший руку сзади на его правое плечо. Олег обернулся и встретился с ним взглядом.

– Не надо, – одними губами сказал лейтенант. – Не надо, командир, не стоит, право...

Вторая пара тихо подошла сбоку и заняла место по правую руку, как в воздухе. Командир полка замолчал на полуслове. Вся четверка совершенно спокойно и в полном молчании смотрела на него. Постепенно замолчали и остальные, только что вовсю смеявшиеся. Пронесшаяся в воздухе пара Яков ударила, крикнув, по полосе и, гася скорость, ушла вперед.

– Олег, ты чего? – удивленным и тихим голосом спросил полковник. – Я ж шутя, чего ты?

Тот, не ответив, отвернулся и пошел прочь, тройка закрыла его спинами.

– Обиделся, что ли? – голос полковника повеселел.

Шедший позади ведомый второй пары обернулся и, встретившись с уже улыбающимся полковником глазами, молча чуть приподнял верхнюю губу.

С лица командира полка сошла вся краска.

– С-с-с... – попытался сказать он, но голос сорвался. Другого же шанса сказать что-нибудь у него не оказалось – тройца «спиногрызов»¹⁹ с этого момента не оставляла своего командира ни на секунду.

Через неделю пришел приказ, и старший лейтенант, собрав немудреные манатки и обнявшись с немногочисленными друзьями среди летчиков и техников, побрел к выруливающему «Що не зьым». На его единственную просьбу не раз-

¹⁹ Напарник, тот, кто защищает спину.

бивать слетанное звено командир полка послал его на хер.

Теперь он подумал, что все это было к лучшему. В новом «полку специального назначения» имелся народ разного склада, но никто не лез к нему в душу и не стремился продемонстрировать избыток образованности на безответном летуне с одним просветом на погонах. Среди украшенных геройскими звездами и полковничьими погонами мужиков он не встретил ни одной суки. В полку были любители подраться, были любители побалагурить, были такие, кто не мог обходиться без подколок, – но не нашлось никого, кто мог бы обидеть неумной насмешкой взрослого человека. К своему удивлению, Олег понял, что его имя достаточно известно среди воевавших на южном направлении. Иван Кожедуб, с которым они, возможно, не раз встречались в воздухе, собирал вокруг себя команду кубанцев, но стремительный и отточенный пилотаж старлея глянулся самому Покрышеву, и он забрал Олега к себе в эскадрилью «девярых».

Авиагруппу готовили зверски. Впрочем, другого обращения оторванные от войны в самое страдное время боевые летчики и не допустили бы. Летали днем, летали ночью, поэскадрильно, звеньями, парами и поодиночке. Отрабатывали навигацию без наземных ориентиров, каторжную для истребителей фронтовой авиации, привыкших, в случае нужды, ориентироваться по сети дорог и населенных пунктов. Летали на максимальный радиус, практикуясь в перехватах на предельной высоте и предельной дальности, с наведением

по радио. Учились друг у друга трюкам и приемам воздушного боя, выстраданным и отточенным за годы. Слетывались друг с другом и с бомберами первой эскадрильи, доминировавшими на тактических занятиях по боевому применению морской авиации.

Очень много было занятий по морской тактике и технике. Конечно, прожженные фронтовики знали наизусть характеристики и силуэты двух-трех десятков немецких машин, применяемых на Восточном фронте, из которых только штук десять могло реально встретиться им в воздухе, остальное же было экзотикой. Теперь приходилось учить морские и сухопутные машины самых разных видов и классов, принадлежащие Италии, Франции, Японии, американцам и англичанам. Четкое разделение японских и американских машин на морские и армейские было, по сложившемуся в спорах мнению, большой глупостью и лишней тратой ресурсов и времени. Англичане, согласно разведанным, изложенным на специальной лекции чином из разведуправления флота, приняли в этом смысле промежуточный вариант, который был так же далек от идеала. Если, в отношении пикировщиков и торпедоносцев, с такими решениями еще можно было согласиться, то концепция специального палубного истребителя была, пожалуй, стратегической ошибкой. Совсем другим делом был на сто процентов проверенный в деле и изученный до упора ЯК – специально приспособленный для палубы, но отличающийся от базовых моделей не более, чем его тяже-

льный или бомбардировочный варианты. Большинство летчиков знало ЯК по крайней мере свободно, а тем, кто переучивался на него с других типов – как Кожедуб с «Лавочкина» или Покрышкин с «аэрокобры», – тоже особо сложно не было, ЯК был прост и доступен даже среднего класса пилотам.

Конечно, чрезвычайно повысило бы боевые возможности авиагруппы включение в ее состав торпедоносцев. К сожалению, небольшая длина взлетной палубы «Чапаева» не давала возможности взлетать тяжелым самолетам, а для приспособленного к действиям с авианосца ближнего бомбардировщика СУ-6 отечественная 935-килограммовая авиационная торпеда 45-36АН, принятая на вооружение только в 1939 году, была слишком тяжела, другой же в стране не было. Так что единственной ударной силой авиагруппы стала эскадрилья «Сухих». В грандиозных битвах на Тихом океане участвовали сотни бомбардировщиков и торпедоносцев, а тут – всего одна эскадрилья из восьми бомбардировщиков... Но для авиагруппы «Чапаева» главной задачей была защита линкоров, а каждый дополнительный бомбардировщик на борту уменьшал количество истребителей, которых мог нести «Чапаев». На это пойти было нельзя, и первая эскадрилья осталась единственной бомбардировочной. Опять же важнейшее внимание было обращено на подбор летчиков. На этот раз почти все они принадлежали к флотской авиации – слишком большая разница была между бомбовыми ударами по неподвижной цели на суше и маневрирую-

щему на полной скорости кораблю противника. Никому из них дотоле не приходилось летать на СУ – на флоте основными типами бомбардировщиков были ПЕ-2, «бостоны» и ИЛ-4, а для ближних полетов – ИЛ-2. Но переучивание на новую машину пилотам-бомбардировщикам доставило еще меньше хлопот, чем истребительным эскадрильям. За свою жизнь летчикам первой приходилось летать на разных машинах, а «сухого» отличала чрезвычайная простота в управлении.

Командиром эскадрильи был назначен Василий Иванович Раков. Уже полковник, к приказу о своем назначении фактически с понижением – комэском он отнесся с пониманием, сразу включившись в работу по подготовке сформированной эскадрильи к работе с авианосца. После недолгого периода освоения новой машины началась разработка тактических приемов по действиям против боевых кораблей. Черноморский флот предоставил все возможные условия для натаскивания первой «раковской» эскадрильи, эсминцы-«новики» и суда-мишени выходили в море по первому требованию Ракова, это жестко контролировалось с самого верха.

Несмотря на богатый опыт боевых действий на море, летчики первой эскадрильи практически не имели навыков борьбы с боевыми кораблями, обычной целью авиации флота до этого являлись транспорта, танкеры, быстроходные десантные баржи, а также охраняющая их мелочь – сторожевики, тральщики. Атака на вражеский эсминец была редко-

стью, а уж что-то крупнее эсминца вообще никому из летчиков видеть не приходилось. Поэтому пришедшее известие о появлении на Балтике крупного боевого корабля противника (сначала он был опознан как один из финских броненосцев береговой обороны²⁰) стало приятной неожиданностью. Немцы задействовали тяжелый корабль в каких-то своих целях, но в штабе авиации КБФ уже считали его судьбу predetermined. Первый удар по месту стоянки корабля противника был нанесен еще восьмого июля силами одного полка пикирующих бомбардировщиков и успеха не принес – ни одного прямого попадания достигнуто не было, а зенитный огонь оказался гораздо сильнее ожидаемого. Корабль, определенный теперь как крейсер, временно оставили в покое, одновременно начав бурную подготовку операции по его уничтожению силами авиации.

Балтийскую эскадру к этой операции решили не привлекать – летчики считали, что справятся с ним сами, поэтому ограничились развертыванием завесы подводных лодок вблизи порта – на случай, если крейсер выйдет из-под удара. В привлечении к операции бомбардировочной эскадри-

²⁰ Финляндия построила в тридцатых годах два броненосца, или «корабля береговой обороны», для действий в прибрежной зоне, считавшихся чрезвычайно удачными. Один из них, броненосец «Ильмариллион», погиб на минах в сентябре 1941 г. вместе с двумя третями своего экипажа. За вторым, «Вайнемаяйнен», долгое время безуспешно охотилась советская авиация, но потопить его так и не удалось. После Победы он был куплен у финнов, введен в состав Балтийского флота и много лет служил под именем «Выборг».

льи «Чапаева» был большой риск – сроки полной готовности приближались, и потеря нескольких подготовленных экипажей больно ударила бы по качеству действий уже слетанной эскадрильи. Однако важность получения опыта удара по крупной морской цели была настолько велика, что в Главном Морском штабе, заручившись согласием самого Сталина, решили рискнуть.

К этому времени часть авиагруппы уже начала осваивать «Чапаев», проходивший подготовку в «Маркизовой луже». Подготовка на имитирующей палубу авианосца взлетной полосе в Крыму оказалась настолько полезной, что экипажи самолетов практически не испытывали трудностей в проведении взлетно-посадочных операций с настоящего корабля. Наибольшая нагрузка приходилась на технические и палубные службы – они добивались максимальной скорости в перемещении самолетов из ангара на взлетную палубу и обратно, перевооружении их и заправке топливом.

Командный состав авианосца обучался приемам быстрого наращивания сил в воздухе, чтобы сократить время, за которое все сорок пять самолетов уходили в небо. Отрабатывалось взаимодействие истребителей с зенитчиками, которые днем и ночью учились стрельбе по низколетящим самолетам – торпедоносцам и штурмовикам, по пикирующим бомбардировщикам, по надводным кораблям и катерам. Отрабатывалась стрельба по указаниям с поста управления зенитным огнем, побатарейно и индивидуально, а также при

отражении «звездных налетов».

Одновременно проводилась доводка механизмов и систем корабля, его насыщение оборудованием. В принципе, «Чапаев» уже можно было задействовать в боевых операциях, но вопрос об этом даже не ставился – в данном случае штаб ВМФ был вполне согласен со Сталиным, запрещавшим рисковать единственным пока авианосцем, ценность которого нельзя было преувеличить. Большого смысла в использовании «Чапаева» в операции по уничтожению вражеского крейсера в его базе не было: тот находился в пределах досягаемости самолетов берегового базирования, ответный же удар германской авиации мог быть чрезвычайно опасен для надводных кораблей. Кроме того, нельзя было исключить действий немецких тяжелых кораблей – как минимум одного линкора и нескольких тяжелых крейсеров. Кроме «Петропавловска», противопоставить им было практически нечего: до полной готовности «Советского Союза» оставалось еще около двух месяцев, «Кронштадту» воевать было запрещено под страхом смерти, а старым «Гангутом» было решено не рисковать. Не являлись серьезными противниками тяжелым кораблям и четыре легких крейсера балтийской эскадры – «Максим Горький», «Киров» и новейшие «Железняков» и «Фрунзе». В общем, рисковать крупными кораблями было пока глупо – до вступления в строй новых линкоров и линейных крейсеров большой урон Германскому флоту в морском бою нанести вряд ли удастся, а потерь избежать трудно.

Поэтому морские бои оставались пока уделом Британского Королевского флота.

Эскадрилью быстро перебросили ближе к линии фронта, и к четырнадцатому июля ее роль в предстоящих действиях была определена. Подготовка комбинированной операции по уничтожению крейсера в порту была отличной школой для штабистов авиации Балтфлота, и командир авиагруппы «Чапаева» вместе с командиром первой эскадрильи приняли в ней деятельное участие. Днем шестнадцатого все задействованные самолеты, завывая моторами, поднялись в воздух с прибрежных аэродромов. Операция развивалась в четком соответствии с намеченным планом – немецкие истребители не сумели прорваться к хорошо прикрытым ударным машинам, и в 16.52 пикировщики нанесли удар по крейсеру. Несмотря на плотный зенитный огонь²¹, первое же звено «Петляковых» поразило крейсер двумя 250-килограммовыми фугасными бомбами. Через минуту на него набросилась основная ударная группа – ПЕ-2 Барского и СУ-6 Ракова, вооруженные бронебойными бомбами. Ревя моторами, они пикировали на огрызающийся огнем силуэт с разных сторон и разных высот. Вскоре корабль уже окутался черным дымом от многочисленных пожаров. Более десятка бомб попали в крейсер, чего оказалось вполне достаточно. Подошедшие че-

²¹ Как позднее стало известно, корабль оказался германским крейсером ПВО «Ниобе», бывшим голландским крейсером «Гельдерланд». Его потопление стало одной из наиболее заметных операций авиации флота в 1944 году.

рез шесть минут топмачтовика, увидев валящийся на левый борт пылающий корабль, разделились и, нанеся завершающий удар крейсеру, под занавес добавили еще пару бомб стоящему неподалеку транспорту. Через десять минут вой моторов над гаванью стих – советские самолеты ушли на свою базу, оставив позади гигантский неподвижный столб черного дыма.

На прибрежных аэродромах, куда вернулись самолеты, участвовавшие в налете, царило ликование. Никогда еще за три года войны на морских театрах не проводилась воздушная операция таких масштабов. Еще бы! Полный успех – фашистский крейсер потоплен балтийскими летчиками. Всем налить! Правда, в штабе ВВС Балтийского флота к оценке операции подошли более спокойно и более критично: результат был достигнут немалый, отрицать этого никто не собирался, но многочисленные замечания по подготовке и проведению операции следовало тщательно переработать и принять к сведению. В первую очередь это касалось командира авиагруппы «Чапаева» – таких ресурсов и такого времени на подготовку в море у него не будет. Но, в общем, прикончили крейсер, и слава Богу. Хотя, по правде говоря, чтобы потопить «Червону Украину»²², немцам понадобилось гораздо меньше самолетов...

Покрышев, вернувшийся с операции в Крым, был подроб-

²² Легкий крейсер Черноморского флота, потопленный на Севастопольском рейде 13 ноября 1941 года германской авиацией.

но выспрошен и, измученный многочасовым перелетом, заснул на середине фразы. На следующий день ему пришлось заново отвечать на вопросы остававшихся на «Утесе» летчиков и техников.

– Ботва, – сказал он, описывая обстановку в целом. – Вчетверо больше времени и сил потратили, чем положено по нормативу. Прижали падлу к ногтю. Но это пара эскадрилий могла за неделю сделать, если постараться. Хотя конечно, – полковник сделал паузу, чтобы слова прозвучали весомее, – все-таки здесь была школа. Не знаю, чего у нас там будет впереди, но с одним таким Раков с ребятами да с нашей помощью справится запросто.

Он провел себя рукой по горлу.

– Неделя нам здесь осталась, мужики, и – делаем ноги. Будем с человеческой палубы летать, как остальные. Не скучали тут без меня?

– Ага, заскучаешь тут! – Гриб, остававшийся «за старшего» на ополовиненной группе, прихлопнул себя по заду, сделав ногой брыкающее движение. – Уже геморрой отсидели себе в кабинах, мотаемся до Турции и обратно, пока вы там тактические замыслы из извилин выжимаете.

– Хорошо хоть Федоровского с собой забрал, сокола нашего.

– Ага, а то уже жена обижается, я ее спросонья «барракудой» назвал.

Все заржали, по ударной мощи жена Морозова примерно

соответствовала британскому пикировщику.

– Ладно еще не «чертовой кисой»²³ !

– Да, это мне повезло... – Слова капитана вызвали новую вспышку веселья.

Остатки группы – четвертая, пятая и шестая эскадрильи, то есть разведчики, покрышевские истребители эскорта и султановские перехватчики с желтыми коками винтов – доводили себя до полной и окончательной готовности. То, что они задержались в Крыму на «Утесе» в то время, как остальные уже действовали с «Чапаева», а то и ходили на боевую операцию, определялось не недостатком летного мастерства – эскадрильи имели более-менее однородный состав, – а скорее тем, что так сложилось учебное расписание. За неделю двадцать четыре летчика должны были добрать до нужной цифры свои сотни взлетов и посадок с короткого, перетянутого поперечными нитями посадочных тросов скалистого языка взлетно-посадочной площадки, после чего отправиться прямым ходом в Кронштадт под лидерством толстобоклого «Бостона».

Американцы, как им рассказывали, имели два учебных авианосца, занятых исключительно тренировкой пилотов палубной авиации. Ходя по Великим озерам со знакомыми по Фенимору Куперу названиями, они были, вероятно, наиболее приближенными к реальности тренажерами. Но иметь

²³ Вольный перевод названия американского палубного истребителя 6F6 «Hellcat» («Ведьма»).

такой корабль на Черном море было бы верхом недоступной роскоши. Тем не менее отобранные были далеко не рядовыми пилотами, и тысячи летных часов, приходящихся на каждого включенного в авиагруппу асов, сыграли свою роль – ни одного ЧП на отработке палубных эволюции на «Утесе» не произошло.

День сменялся другим днем, под крыльями проносившихся вдоль изгибов береговой черты ЯКов мелькали знакомые только по открыткам и почтовым маркам пейзажи Крыма, недоступные так же, как и раньше. Из отданных преимущественно флоту и ВВС санаториев, утопающих в зелени кипарисов и магнолий, на синие машины, приподняв головы, смотрели летчики, катерники и подводники – элита пушечного мяса страны, тщательно выхаживаемая после ранений для того, чтобы через положенные месяцы снова отправиться по частям и кораблям. Непривычный камуфляж полка, как и явно нетривиальные методики подготовки его состава, вызывали жаркие споры среди офицеров, долечивавшихся на грязях и водах, а главное – на хорошем питании и покое. Темно-синие истребители, казалось, не заботились об обвинениях в «воздушном хулиганстве», восхищая временно спешенных летчиков лихостью пилотажа и скоростями, на которых он выполнялся. Исчезновение непонятных самолетов из крымского неба, такое же внезапное, как и их появление за полтора месяца до того, вызвало быстрое угасание слухов, заслоненное титаническим масштабом боев на

западном направлении.

Узел 2

Август 1944 г.

Вообще с самого начала все пошло не так, как должно было идти. Счастье еще, что до маршалов и до политического руководства страны вовремя дошло, что это не провокации, что не будут немцы ждать, пока мы раскачаемся, что вот-вот уже... Слава Богу, что мы все же успели это понять, начали разворачиваться. И все равно времени не хватило. Страшно подумать, что бы они наделали, если бы мы продолжали готовиться к своей, нескорой, войне, будучи уверены, что они не посмеют напасть. А они напали, напали нагло, уверенные в непоколебимом превосходстве тевтонской расы над необученными и кое-как вооруженными дикими ордами азиатов и скифов... Счастье еще, что мы успели поднять флот, вывести авиацию с прифронтовых полей, начать заправлять и загружать машины боеприпасами, перебросить танковые экипажи – хотя бы часть. И все равно опоздали! Все равно не хватило времени на все! Первый удар немцев пробил приграничье насквозь, горели поля, горели железнодорожные станции, горели заставы, уцелевшие пограничники отстреливались из дотов до последнего, а через мосты перли – довольные, сытые, жестокие, мимо всего этого. Сколько было страшного в первые дни, сколько было потеряно по глупости,

сколько пришлось бросить, сжечь самим. Какая была драка летом и осенью сорок первого, такого не было никогда в истории и вряд ли случится еще. Как мы дрались, и мы и немцы! Молодые, злые, готовые убивать и жечь, не оглядываясь, не считаясь ни с чем. Какая рубка стояла, как было черно в небе от горящих самолетов, а на земле – от горящих танков и деревень. Невозможно, немислимо даже представить, что сотворили бы они и что мы, представься возможность напасть врасплох, на спящих. И так-то чуть ли не четверть из первого эшелона полегла под первым ударом, даже не увидев, в какую сторону стрелять. Но уж потом пошло. Быстро вся эта сытая и гордая сволочь поняла, что тут им не Европа. Как они смеялись после Финской, уроды, как они учили в своих школах, что русские – тупицы, необразованные, способные лишь повторять, копировать, что вся их техника – дешевое подобие европейской: купленное, подаренное, скопированное. И когда они поняли, что вляпались, было уже поздно.

Первый же наш серьезный контрудар стал для немцев шоком. Первый же мехкорпус, проткнувший растянувшуюся цепочку рвущихся на восток («Drang nach Osten!») частей и по широкой дуге разрубивший еще только формирующийся фронт, вызвал истерику у фюрера германской нации, гениального полководца и великого прорицателя. Прошедшие Польшу, Бельгию и Францию танкисты – коричневая кожа, надменное превосходство сверхлюдей – сходили с ума,

встретившись с КВ. Им просто не верили! У немцев были действительно отличные танки, прекрасная тактика, хорошее взаимодействие с авиацией – но все это оказалось слабее наших танков. Невероятные танковые бои сорок первого за какие-то недели обескровили броневой кулак Третьего Рейха, свели его атакующую мощь к мелким тактическим ударам. Семьдесят-восемьдесят процентов германских танков было выбито только за первые две недели войны. Да, за счет тактики и опыта они брали три к одному, но этого ведь было недостаточно! Когда танки Ротмистрова прорвались в Польшу – в сорок первом, – это был удар, да! Какие гремели имена: Борис Сафонов²⁴, Зиновий Колобанов²⁵, Рокоссовский, Жуков...

Но как они дрались, суки... Не сдаваясь, с яростью, со злобой. Немецкая авиация не давала поднять головы, «мессеры» оказались сильнее всего, что мы могли им противопоставить, но мы дрались все равно. Четыре неполные истребительные эскадры держали весь наш фронт – от Балтики до Днепра, им просто не хватало сил на все. Штурмовик Илью-

²⁴ Наиболее результативный летчик первого года войны. Летая на И-16, «харрикейнах» и «томагавках» он лично сбил от 25 до 30 немецких самолетов и погиб 30 мая 1942 г. в воздушном бою над конвоем PQ-16.

²⁵ Командир танка КВ, прикрывавшего дорогу в ходе боев на Красногвардейском (Гатчинском) направлении. Приняв 19 августа 1941 г. бой с германской колонной из 45 танков, он в течение часа уничтожил 22 из них. Ни один из 135 попавших в его танк снарядов броню КВ не пробил. В отличие от нескольких других аналогичных историй, вызывающих сомнения в достоверности, эта является документально подтвержденной.

шина показал Люфтваффе то, что немецкие танкисты и пехотинцы уже успели ощутить своей шкурой на земле – что у русских есть чему поучиться.

Это был сорок первый. Они выгадали этот год и год за ним, когда волны пехоты перекатывались через старую границу взад и вперед, накрывая собой Украину, Прибалтику, Белоруссию, многострадальную Польшу и затем снова Прибалтику, немецкие танки уже докатывались до черноморских пляжей и снова отходили назад...

К сорок второму МИГов и заслуженных «ястребков» Поликарпова сменили ЛАГГ-3 и ЯК-1, затем к ним добавился ЯК-7. Страна напрягала свои силы, американцы и англичане, отрывая от своих фронтов, слали в наши северные порты десятки тысяч грузовиков, высотные истребители и разведчики, паровозы, алюминий в чушках, тысячи тонн оружейного пороха, тушенку, льняное масло, бензин, снова грузовики и снова тушенку. За это мы платили перемалыванием одной немецкой дивизии за другой. Русские танковые прорывы были кошмаром германского Генштаба с первого дня войны – и чем дальше, тем больше. По Германии стоял стон, газеты выходили в три раза толще обычного объема – в конце каждого выпуска печатали короткие некрологи на погибших офицеров.

Советский Союз мог выдерживать это напряжение еще достаточно долго, но Третий Рейх был уже надломлен. В целом же сорок второй оказался менее горячим. За исключе-

нием летнего успеха фон Бока, сумевшего разгромить Тимошенко, никаких крупных колебаний фронта не произошло. Обе стороны пережили зиму в траншеях, закопавшись в землю по уши. Нельзя сказать, что мы потеряли это время. В летних школах вдвое увеличили число часов, отводимых на пилотаж, а пехоту готовили так, что немцы ввели специальную нашивку: «за участие в пехотной атаке». Оружие, которым мы воевали с сорок третьего, стало не просто лучше – оно стало другим. Последние ЯКи и новые модификации «Лавочкиных», наконец-то начавшие очищать небо от «худых», отличались от прежних машин настолько разительно, что истребители Люфтваффе получили инструкцию «не связываться» с ними. Но за полгода долю новых машин во фронтовых полках удалось довести до трех четвертей, и «не связываться» стало сложнее. На земле в бой пошли новые Т-34 и первые ИСы, и доля психических расстройств в боевых потерях германской армии подпрыгнула еще раз. Черт возьми, мы живем в страшное, но интересное время! Принадлежать к армии-победительнице, на которую, говоря газетным языком, «с надеждой взирают» менее удачливые страны, – приятное чувство, что и говорить. А вот быть на стороне проигрывающей, причем проигрывающей безнадежно, знать, что шансов нет, что они придут на твою землю и что они сделают с ней, чтобы удовлетворить свою месть... Не дай Бог такое.

Удар советской армии летом сорок четвертого был страшен. Рокоссовский и Жуков, получившие все, что могла дать

им размахнувшаяся на всю мощь страна, нанесли серию рас-секающих ударов, и немецкий фронт просто рухнул. В ма-лейшую щель впивались танковые клинья – и не дивизий, как в сорок первом, и не корпусов, как в сорок третьем на Кубани, а армий, полнокровных танковых армий Катукова, Ротмистрова, Рыбалко, Лелюшенко, десятков бригад и кор-пусов – гвардейских, полностью укомплектованных, рвущих на части все в пределах досягаемости. Кавалерийские кор-пуса, везучий реликт тридцатых годов, рубили тыловиков, перехватывая коммуникации и отнимая у отступавших по-следние шансы. Над русскими кавалерийскими частями мо-жет смеяться только тот, кто никогда не был под их ударом. Но ни разу ни один вид германской разведки не сумел обна-ружить советские кавкорпуса до того, как они вырывались на оперативный простор.

И слова «На коммуникациях русские танки и казаки!» не один раз становились последними, которые посеревший от усталости и безнадежности германский генерал писал в сво-ем заключительном отчете генштабу, прежде чем приложить к виску ствол пистолета.

Группа армий «Центр» просто перестала существовать. Группа армий «Юг», развернув свой прогибающийся фронт почти с запада на восток, пятилась к Балканам, подстеги-ваемая лобовыми атаками Третьего и Четвертого Украин-ских фронтов. На севере части, почти два года простояв-шие на одном и том же месте, спешно перебрасывались к

югу. Возникла опасность, что советская армия сумеет отрезать Восточную Пруссию вместе со всей массой находящихся там войск и гражданского населения. Гитлер объявил Кенигсберг «неприступной твердыней» и приказал не сдавать его ни при каких обстоятельствах, но обстоятельства все же наступили, причем достаточно быстро. Фронт Черняховского, обложив «город трех королей» со всех сторон, не стал рвать себе жилы в лобовых атаках на опоясанную двумя десятками рубежей долговременной обороны и забитую не намеренными сдаваться частями вермахта крепость.

За пехоту работали Грабин²⁶ и Новиков. Освободившаяся на центральном направлении артиллерия, включая весь РГК²⁷, была в спешном темпе направлена под Кенигсберг, где начала методично, в лучших традициях крепостных войн XVII—XVIII веков долбить укрепления мощью лучших арт-систем мира. Базирующаяся в осажденном городе истребительная авиация была выбита гвардейскими полками на ЯКах за несколько дней напряженнейших боев прямо над центром города, после чего авиация фронта сровняла его с землей. Впервые появившиеся над полем боя ТУ-2, дополненные сотнями заслуженных «Петляковых», ходили над го-

²⁶ Андрей Грабин, выдающийся конструктор-оружейник, создатель многих артиллерийских систем, и том числе нескольких танковых пушек. Превосходство в ходе войны советской артиллерии над всеми конкурентами является в значительной степени его заслугой.

²⁷ Резерв главного командования. К нему относились почти все орудия большой мощности (т. е. от 152 до 305 миллиметров), кроме морских систем.

родом кругами, на малейшее попытку зениток огрызнуться выстраиваясь в «карусель» или «вертушку». Такую технику работы называли «полбинской» – в честь якобы изобретшего ее генерала, хотя впервые мы познакомились с ней еще в сорок первом, причем на собственной шкуре. Штурмовики фронта и флота добились все, что могло шевелиться в гавани, а успевшие покинуть ее транспорта и миноносцы были перехвачены в море катерами Балтфлота. Это заняло всего пять дней, потом в город вошли штурмовые группы. Прекрасный старый город прекратил свое существование, перепаханный вглубь всеми видами оружия, созданного человеком. Это был ответ за Минск, от которого осталось немного, и за Ленинград, не менее красивый и величественный до войны. Когда войска вошли в Кенигсберг и Пиллау²⁸, в них вместе вряд ли набралось домов на одну небольших размеров улицу. Остатки гарнизонов, пытающиеся уйти через косу Фрише-Нерунг, были сброшены в море танками, а последние германские солдаты были выброшены в окна защищаемых ими домов на холмистом берегу Балтийского моря. Тысячи пехотинцев, сгрудившихся на узкой полосе берега, были расстреляны с песчаных дюн – за Керчь, когда так же была расстреляна наша морская пехота, сброшенная в море проклятым 81-м пехотным полком вермахта.

Особенностью советского летнего наступления сорок четвертого года было то, что оно не остановилось, выдохнув-

²⁸ Ныне г. Балтийск в Калининградской области.

шись само собой, как это всегда случалось с летними наступлениями обеих сторон. Каждый раз, когда немцам кое-как удавалось затормозить рушащийся фронт, Василевский швырял на чашу весов еще несколько свежих армий, и фронт снова расползлся на части, а выбирающиеся из «котлов» германские солдаты не поспевали за наступающими русскими. Откуда эти армии брались, было непонятно. Сталин, казалось, имел неограниченный запас обученной пехоты, танковых экипажей, самих танков и самоходок, проламывавших грудью пояса укреплений уже в самой Германии. И каждая такая армия имела собственную систему снабжения боеприпасами, топливом, продовольствием, останавливая свой бег только окончательно исчерпав в схватках боевые части.

Слово «катастрофа» появилось само собой. Division-Abteilungen – части, примерно соответствующие дивизиям, собранные из обломков уже разбитых дивизий, дополненные фольксштурмом, «тотальниками» и тыловой швалью, вырезались советской пехотой. Их давили танками и расстреливали с неба. Ни разу за весь конец лета и начало осени немцам не удалось остановить движущийся на запад вал нашествия. Правда, Второй Украинский фронт в свою очередь попал под молот наиболее крупного контрудара германской армии, поставившей все на карту ради этой попытки. В боях за Эльбинг немцы бросили в бой последние элитные дивизии Восточного фронта – «Рейх», «Мертвая Голова», «Адольф Гитлер», почти все оставшиеся танки и сборные части Вафф-

фен-СС, включая прибалтов и европейский сброд. Рокоссовский выдержал удар и прошел Восточную Пруссию насквозь, оставив за собой поля, уставленные горящими «пантерами» и ИСами, и перепаханные окопы, вперемешку забитые трупами в черных и бело-желтых после лета мундирах.

Волна восторга в Англии несколько поутихла после того, как в освобожденных землях формируемые волей народа правительства одно за другим демонстрировали решимость идти курсом Ленина-Сталина к окончательной победе коммунизма – а то и войти в состав братской семьи советских народов. Впрочем, чего, собственно, ждали союзники? Что югославы, забрасывающие на улицах освобожденных городов гвоздиками советских десантников, вдруг потребуют ввода находящихся в тысяче километров от них британских и американских войск? Раньше надо было думать, извините. Зато теперь многие начали задумываться: а сколько же республик окажется в составе Советского Союза, когда вся эта бойня закончится?

В середине июля сорок четвертого года германское правительство через доверенных лиц в Швейцарии начало осторожно зондировать почву о возможности заключения обоюдовыгодного сепаратного мира с западными членами Коалиции. Сначала эти попытки презрительно игнорировались, но Риббентроп сделал достаточно умный шаг, тайно переправив через Стокгольм весьма полный пакет информации о действительном положении на Восточном фронте. Поми-

мо общего заключения о том, что война на востоке окончательна и бесповоротно проиграна, а также размышлений о сроках выхода Конева к предместьям Берлина, здесь имелась также масса интереснейших фактов, собранных воедино хорошим аналитиком, не страдающим избытком патриотизма. Среди них присутствовал сравнительный анализ новейших образцов советской техники, ставший шоком для германских конструкторов. Тяжелые танки со скоростью втрое большей, чем у «Королевских тигров». Истребители, встречи с которыми всем самолетам Люфтваффе было приказано избегать любыми средствами. Новый пикировщик, почти равный по скорости истребителю. Наземные реактивные системы нового поколения. И так далее, и тому подобное – на много страниц. Все это аккуратно подводило читателя к мысли о том, что русские взяли слишком большой разбег и на унижении Германии они не остановятся, слишком уж их много.

Информация была принята с интересом – ни о чем подобном союзники как-то не задумывались всерьез. Считалось, что русские воюют лишь числом, – в конце концов, они были единственной армией, практиковавшей штыковую подготовку для регулярной пехоты. Некто с большими звездами на погонах, приподняв брови, выдал вердикт о том, что данные Риббентропа – целенаправленное преувеличение, так сказать «аггравация». Тем не менее некоторое впечатление все-таки было произведено. По личному указанию

Черчилля была проведена предварительная проработка ситуации, вылившаяся в трехдневную военно-штабную игру. Основой игры стала прокрутка варианта событий, в котором западные союзники и перешедшие под их контроль германские силы выступали единым блоком против большевизма на соответствующей данному моменту линии фронта. Через неделю в Женеву вылетели уже полномочные представители Британии, Соединенных Штатов и Франции для проведения предварительных переговоров с Риббентропом. Переговоры проводились в обстановке строжайшей секретности и привели к выработке теоретической договоренности об ограничении сферы влияния советской стороны после капитуляции Германии. Очень обтекаемая и приличная формулировка, не правда ли? Германия должна была капитулировать перед западными союзниками и перевести свои вооруженные силы под их юрисдикцию в обмен на сохранение территориальной целостности.

Все участники соглашения получали массу выгод. Американцы сэкономили год войны и могли полностью сконцентрироваться на предстоящем далеко впереди вторжении на острова японской Метрополии. Англичане, чья экономика уже несколько лет находилась на грани необратимого коллапса, получали наконец долгожданную передышку. Германское государство превращалось в экономический придаток победившей стороны и в течение полувека должно было находиться под перманентным военным и политическим кон-

тролем объединенного британо-американского руководства – но, во всяком случае, не сметалось с карты Европы напором азиатских орд, готовых разбавить гордую некогда расу своей монголоидной и славянской кровью. В том, что русские будут остановлены самим фактом политического слияния, сомнений не было. С максимальным напряжением сил боровшиеся в течение трех лет с одной германской военной машиной, они должны были теперь быть поставлены перед тройной мощью – слитых воедино обоих германских фронтов, готовых до последней капли крови защищать Фатерланд, и объединенной армией союзников, достигшей пика своего военного потенциала.

То, что все это выглядело, мягко говоря, некрасиво по отношению к русским союзникам, больших мук совести ни у кого, разумеется, не вызывало. Во-первых, с ними никто не собирался воевать. Им просто укажут границу, за которую их варварской кровожадности хода не будет. Все-таки они помогли американским и британским армиям сокрушить Германию и могут рассчитывать на официальные почести и некоторую долю победного пирога. Как бы ни морщились немцы, им придется пойти и на экономические, и на территориальные уступки. Почти вся Восточная Пруссия уже была захвачена, а отбирать обратно ту землю, на которую уже ступила лапа русского медведя, – извините, себе дороже. Но в большой политике славянам не место. Сталин поскрежет зубами и утихнет, зная, что ему нечем крыть.

В конце концов он все-таки остается в плюсе. С другой стороны, его согласие со сложившейся ситуацией будет политическим решением, продиктованным объективными выгодами конкретного момента. Если уж хотите, чтобы вас считали цивилизованным народом, – извольте принимать правила игры.

На второй день после того, как эмиссары Британии, а затем и США, вернулись с отчетами, полный текст материалов всех совещаний, включая ставшие их итогом «протоколы о намерениях» – с подписями и грифами, был опубликован на первых полосах советских «Правды» и «Известий Советов Народных депутатов». Зная, что гранки газет за ночь самолетами доставлялись из Москвы по областным типографиям, из этого срока нужно было вычесть еще как минимум полдня. Плюс сколько-то времени, несомненно, должно было уйти на набор, верстку да просто организационные процедуры по подаче материала в печать. Выходило, что текст был переправлен непосредственно из Женевы, а не скопирован, к примеру, по дороге или не выкраден уже в канцеляриях. Советская сторона пошла на риск, давая возможность вычислить каналы своей разведки (судя по всему, внедренной в самые высокие слои британской или американской специальных служб) – или, наоборот, жертвуя одним удачливым разведчиком.

Но публикация документов с одновременной подачей советской стороной нот протеста произвела эффект разорвав-

шейся бомбы. Язвительные комментарии «редакторов», выдержанные в рубленой сталинской манере, изобиловали эпитетами типа «закулисные интриганы, коварно отвергнувшие волю собственных народов» и прочими высказываниями в таком же высоком стиле. Мир, казалось, лопнул. Аресты, смещения, расстрелы лиц, причастных к катастрофической утечке информации, – все это осталось незамеченным за волной газетных истерик и молниеносных политических схваток.

Замолчать русские ноты не удалось – слишком большую независимость имели газеты западных стран, и слишком уж горячими были новости, чтобы их можно было упустить. Промышленные рабочие встали. Зачем шла война, за что гибли наши сыновья? Во фронтовые части новости дошли через неделю, к этому времени высшие штабы Британии и США уже получили по несколько пакетов с вложенными в них генеральскими погонями и полковничьими орлами. Женщина из Колумбии, потерявшая за год воздушной войны над Европой трех сыновей из четырех, покончила с собой перед оградой Капитолия. На ее похоронах муж, инженер заводов Груммана, плюнул в лицо пришедшему с соболезнованиями подполковнику. Конгрессмен от Северной Каролины был застрелен в своем кабинете пришедшим к нему на прием армейским летчиком, вернувшимся домой после полного тура на «Летающих крепостях».

Все это были, конечно, частности. Но их было много. Еще

хуже пришлось Британии, которая, в отличие от Соединенных Штатов, провела несколько лет в борьбе действительно на грани выживания и где симпатии к русскому союзнику были неизмеримо выше – как и ненависть к самой Германии. Кабинет Черчилля шатался и трещал. Каждый лорд, имевший за пазухой хотя бы маленький камешек, не преминул швырнуть его в премьера. Ему припомнили все промахи и ошибки, как военные, так и политические. Казалось, что «Железному Борову» пришел конец, – и так казалось почти неделю, когда газеты на улицах рвали из рук, а старших офицеров разъяренные лондонцы вышвыривали из пабов. Черчилль устоял просто чудом. Его поддержал сам король, в который уже раз лично определивший курс государства.

Легче всего новости перенесла сама Германия. Истерика окончательно потерявшего связь с реальностью фюрера никого особо не испугала. Несколько не вовремя высунувшихся с объяснениями нужности случившегося генералов были под горячую руку быстро расстреляны, те же, кто был поумнее, сделали вид, что ничего особенного не произошло. Пресечь распространение радостных слухов не удалось, германский народ наконец-то получил какую-то надежду, и самых упертых в разглагольствовании о величии германского духа и сокрушительном чудо-оружии насмешливо игнорировали. На фронтах к дошедшим с опозданием новостям отнеслись с почти истерическим благоговением. Офицеры державшихся из последних сил ошметков истрепанных дивизий Восточ-

ного фронта поили своих уцелевших солдат шнапсом и радостно обсуждали тонкости стратегии и тактики совместно с англичанами и американцами похода на восток, к доиюньским границам. На Западном фронте из окопов кричали: «Не стреляй! Мир!», на Восточном, радостно, – «Рус, иди домой!» и «Иван, сдавайся!». Правда, на землях Восточной Пруссии и главных немецких союзников – Венгрии и Румынии эти призывы звучали весьма иронично, что вполне осознавалось самими крикунами.

Воспрянувшая духом армия, ставшая последней надеждой уже осознавшего свою обреченность народа, делала все возможное – но та точка, за которой русское наступление еще можно было остановить, уже оказалось пройдена. Дивизии, одна за другой перебрасываемые с запада на восток по изношенным капиллярам железных дорог, не сумели дать ни малейшей передышки «дожимаемому» фронту. Рейнхард, принявший у Моделя бывшую группу армий «Центр», разбитую и существующую более на бумаге, нежели в действительности, перелетел в Словакию из невоюющей части курортной Франции – рая земного для оправляющихся от боевых частей. Ад, каким стал Восточный фронт, произвел на желчного генерала страшное впечатление.

– Рейнхард потерял всякое чувство такта, – на следующий день отметил в своем дневнике Гальдер. – Его язык становится все более плебейским, присущим скорее унтеру, чем лицу, облеченному властью. Прогноз неблагоприятный.

Форсировать переговоры насколько можно. Лимит времени – месяц?

Гальдер ошибся в очередной раз. Месяца у него не было. У него не было даже недель. Переговоры с западными членами Коалиции так и не успели начаться, безнадежно завязнув на стадии подготовки документов, обсуждении намерений, проработки возможных вариантов действий. Двадцатого фронты русских нанесли мощнейший удар опять на центральном направлении, за сутки проломив только что сформированную линию обороны. Локальные контратаки брошенных затыкать прорыв дивизий не окупили потерь, а навязать русским масштабные «Abnutzungskamfe» – бои на изнурение – не удалось, поскольку сил на это не было уже совсем. Внезапно выяснилось, что противник принял германскую тактику сорок первого за основу и под критическим взглядом Паулюса (якобы уже читающего лекции в советских академиях соответствующего профиля), раздвигая своими танковыми и механизированными клиньями ненадежные связи между отдельными «Suetzpunkt und Igelstellung»²⁹, неумолимо двигался вперед. По германским расчетам, русские еще в сорок третьем достигли уровня производства двух тысяч танков в месяц и к апрелю имели во фронтовых частях до одиннадцати тысяч танков. У страха глаза велики – на самом

²⁹ Suetzpunkt – якорная позиция, точка опоры (нем.). Интересно, что для Западного фронта этот термин звучал как «Sutzpunkt», а конкретно для Нормандии употреблялось слово «Widerstandnest» – «гнездо сопротивления». Igelstellung – «Позиция-еж» (нем.).

деле их было раза в три меньше. Но, даже несмотря на тяжелые летние потери, масса советской стали без особого напряжения продавливала одну разрекламированную и неприступную «Pantherstellung» за другой. В общем, это был конец.

Двадцать первого августа в Думбартон Оке, близ границ федерального округа Колумбия, была открыта конференция все еще официально союзных держав – включая Китай и Советский Союз. В первый же день молодой Андрей Громько выразил протест по поводу направленных против советской стороны закулисных переговоров с нацистской Германией, находящейся в состоянии войны с Советским Союзом, и заявил, что советское правительство собирается отказаться от всякой помощи, предоставляемой его бывшими союзниками, и официально объявляет о своем намерении выйти из коалиции – не отказываясь при этом от обязательств, принятых перед угнетаемыми народами Европы.

Проникновенная речь Александра Кадогана, равно как и американского полномочного представителя, Стеттиниуса, призывавших забыть обиды и объединиться ради благородной цели, не имели никакого значения. И англичане, и американцы вполне понимали, что с точки зрения дипломатии они влипли слишком глубоко, чтобы еще что-то пытаться доказать русским. Ситуация создалась интересная. С одной стороны, восточная часть Коалиции официально откалывалась, а с другой – оба фронта продолжали сдвигаться, при-

чем западные союзники демонстративно усиливали давление на своих фронтах и только за последнюю неделю провели несколько достаточно крупных войсковых операций. Пятнадцатого августа в ходе операции «Драгун» американские и французские войска в составе десяти дивизий высадились в южной Франции, к востоку от Тулона («Бои местного значения», – усмехнувшись, изрек по этому поводу Сталин); а шестнадцатого было завершено формирование «Фалезского котла», куда попали около двухсот пятидесяти тысяч человек из состава 5-й и 7-й германских армий.

– Мы приносим свои глубочайшие, наиболее искренние извинения русскому союзнику, в отношении которого были совершены действия, которые, мы признаем это, могут быть расценены как вызывающие или даже оскорбительные.

Язык Эдварда Стеттиниуса, отточенный на дипломатическом поприще во имя американских интересов, был тонок, красив и поражал глубиной оттенков.

– Мы ни в коей мере тем не менее не считаем себя врагами Советского Союза и призываем вас еще раз обдумать свои действия, которые могут привести к непредсказуемым последствиям...

– Последствия вполне предсказуемы, – Громыко, несмотря на режущий слух восточноевропейский акцент, говорил по-английски вполне доступно и правильно. – В течение двух месяцев Германия будет раздавлена. У вас слишком короткая память, мистер Стеттиниус. Равно как и у вас, сэ

Александр. Вы забыли, как вы молились на русских эти годы? Как танцевали от радости, когда Гитлер на нас напал?

Кадоган попытался что-то сказать со своего места, но Громыко остановил его уверенным жестом.

– То, что ваши правительства вели переговоры с недобитыми германскими политиками, нас не пугает. Как военная сила Рейх уже практически перестал существовать, и сдержать нас, как вы тут, в Вашингтоне, надеетесь, ему не удастся. Но то, что вы сделали, – это предательство. Предательство в отношении нас, три года подряд объясняющих фюреру, что он был глубоко неправ. Предательство тех, кто умер, сражаясь, и тех, кто все еще сражается. Вы хотите все это забыть?

– Мистер Громыко!

– Я не закончил! Мы весьма благодарны американскому и британскому народам за помощь, которую они оказывали нам ранее, но те правительства, с которыми мы имеем дело, – это не народ! Еще всего один такой шаг, и мы откажем вам в праве представлять волю своих народов. Все ваши интриги, достойные называться предательством, просто не оставят нам выбора. Советский Союз не союзник таким правительствам.

Андрей Громыко наклонил верхнюю половину туловища вперед, перегнувшись через стол, чтобы приблизить лицо к остальным.

– И – не становитесь против нас. Ваш внезапный при-

ступ гуманизма в отношении германского народа, развязавшего мировую войну, которая обескровливает Европу вот уже пять лет, не способен тронуть душу русского человека. Все, что мы видим, это как вы на глазах становитесь лучшими друзьями Рейха, и ваши слова не могут замаскировать истины. У нас накопился весьма значительный опыт общения с такими «друзьями», поверьте мне. Мир будет их судить вместе с Гитлером.

Наступило ледяное молчание. В течение нескольких минут ни один человек не проронил ни слова. Секретари, адъютанты, переводчики сидели с каменными лицами, пытаясь не показать свое отношение к словам советского представителя, могущее спровоцировать остальных участников конференции. Таким тоном Громыко, умелый и талантливый дипломат, говорил с союзниками впервые.

– Следует ли понимать эти слова, – тон американца был в высшей степени осторожным, – как разрыв с нами дипломатических отношений?

– Разве я так сказал? – Громыко изобразил на лице соответствующее удивление, что мгновенно повторили остальные члены советской делегации. – Мне показалось, что это вы так сказали, а не я, разве нет? Мы, разумеется, не прерываем дипломатические отношения с вашими странами. Мы просто предупреждаем, что вам остался всего лишь один шаг до того, чтобы навсегда разрушить те небольшие остатки доверия, основанные на человеческой памяти, которые еще

связывают наши страны. Не переходите эту грань, предупреждаю вас.

Он поднялся, за ним поднялись и все прочие, находящиеся в зале.

– Советская делегация дает вам время произвести необходимые консультации. Мы предлагаем продолжить конференцию после двухдневного перерыва. Сэр Александер?

– Согласен. Происходящее требует времени для обдумывания. Вашей стороне в том числе.

– Конечно. Встретимся через два дня. – Стеттиниус даже не стал дожидаться ответов представителей остальных государств и, оставив кресло, пошел к выходу, сопровождаемый полудюжиной помощников и секретарей в гражданских костюмах. За ним потянулись и остальные.

Через два дня собравшиеся в Думбартон-Оксе в том же составе делегаты уже имели соответствующее представление о том, что имеет в виду Громыко под «общением с друзьями Германии». За это время маршал Ион Антонеску³⁰, руководивший Румынией в течение всей войны, был смещен и арестован, замененный никому не известным человеком по имени Санатеску, первым же действием которого было прекращение войны с Советским Союзом и объявление войны Германии. Это был сильный удар. Румынские войска хотя и считались «generally inferior»³¹ по сравнению с германски-

³⁰ Был отдан под суд и, впоследствии, расстрелян.

³¹ В целом уступающие (англ.).

ми – но, во всяком случае, составляли наиболее многочисленный военный контингент среди германских сателлитов в континентальной Европе и достаточно осложняли жизнь советскому командованию на южном направлении.

Конференция не получила логичного развития, и после еще нескольких дней бесплодных дебатов и балансирующих на грани прямых оскорблений дипломатических заявлений она была прервана на неопределенный срок «для дальнейших консультаций». В последний ее день, вслед за пришедшим известием об освобождении Парижа, атмосфера стала чуть более теплой. Стало даже казаться, что для Коалиции не все еще и потеряно.

Двадцать седьмого августа Андрей Громько, измученный тряской в сменяющих друг друга на цепочке аэродромов «дугласах» и «петляковых», прибыл наконец в Москву. Прямо с аэродрома его отвезли в Кремль, где его принял сначала Молотов, а затем Сталин.

– Вы хорошо поработали, товарищ... Громько.

Сталин, ласково положивший на плечо министру руку, сделал такую паузу, будто забыл его имя, заставив всех остальных, находящихся в комнате, напрячься. Кроме нескольких дипломатов высокого ранга, Василевского и Штеменко, которых Сталин старался приглашать на встречи, имеющие значение для военной стратегии, в комнате еще присутствовали и оба важнейших лица в военной иерархии за пределами собственно армии – нарком Кузнецов и глав-

маршал Новиков.

– Ваш отчет, несомненно, чрезвычайно точно передает обстановку, в которой проходили переговоры. – Успевший проглядеть отчет, Молотов кивнул. – Но он не может показать нам одной важной детали. А именно, – он со значительностью оглядел всех, – настроения встречи. Скажите нам, почему они вели себя так уверенно?

– Мое мнение, товарищ Сталин... – Громыко осекся на мгновение, ему показалось, что Сталин не закончил, и он таким образом его перебил, но тот показал рукой: продолжайте, мол.

– Мое мнение таково – они вполне уверены в своем превосходстве. Три месяца войны в Европе показали им, что их армии вполне способны на масштабные и продолжительные военные операции, которые проводятся теперь без какого-либо риска, и у них нет никаких сомнений, что с нами они справятся в таком же стиле.

– Интересно... Продолжайте, товарищ Громыко.

– Это, собственно, и все, товарищ Сталин. Они говорят с позиции силы, поскольку никаких других позиций иметь не привыкли. С другой стороны, британцы все же чувствуют себя менее уверенно: во-первых, по причине меньших возможностей политического давления, а во-вторых – как связанные с нами более крепкими союзническими отношениями. С ними можно попытаться провести сепаратные переговоры, но шансы на их успех весьма малы, Черчилль без осо-

бых мук совести пожертвует нами для сохранения поддержки со стороны американцев.

– Ну что ж... Пожертвует... Хм... Говорить с позиции силы, конечно, неплохо, а быть уверенным в своем превосходстве и вообще замечательно, правда, товарищ Штеменко?

Не ожидавший, что Сталин обратится к нему, генерал явственно вздрогнул.

– Но ведь с позиции силы можем говорить и мы, вот что интересно...

Он молча походил по комнате, попыхивая трубкой из кулака. Все, как заговоренные, следили за его передвижениями влево и вправо. Мягко ступая по толстому ковру, Сталин задумчиво похмыкал, потом снова замолчал.

– А что бывает, когда две стороны разговаривают друг с другом с позиции силы? – наконец спросил он.

В комнате наступила такая тишина, что каждый мог слышать гулко бухающее сердце соседа, почти такое же немолодое и усталое, как и его собственное.

– Война.

Простое, бывшее у всех на языке слово, произнесенное Штеменко, заставило многих похолодеть – но одновременно ощутило разрядило скопившееся напряжение. Штеменко был большим специалистом по условиям, в которых страна должна нападать на соседа, и по военным и экономическим предпосылкам такого нападения, вот только жизнь каждый раз грубо его обижала, ни разу не дав проверить свои теоре-

тические выкладки.

– Я думаю, мы отпустим товарища Громыко и прочих гражданских товарищей, как вы думаете?

Все «гражданские товарищи», включая Молотова, немедленно поднялись и с деловым видом начали собирать свои бумаги. Сталин задал им несколько малозначительных вопросов, выслушал, кивая, ответы и на выходе тепло попрощался за руку с Андреем Громыко, еще раз его поблагодарив.

Когда придерживавший створку двери офицер мягко притворил ее за ушедшими, снова замкнув комнату совещаний от окружающего мира, Сталин плавным и тонким движением обернулся к оставшимся.

– С позиции силы, говорите... А может, товарищ Сталин ошибается, а? – Он обвел всех грозным взглядом, но было видно, что он в хорошем настроении.

– Может быть, они действительно настолько сильнее нас, что нужно расшаркаться перед Англией и Америкой, извиниться за необдуманные и провокационные слова товарища Громыко, слишком, пожалуй, молодого товарища для такой ответственной должности, и тихо-о-нечко сидеть там, где нам укажут?

Сталин, прищурившись, снова оглядел всех, ожидая, возможно, каких-нибудь высказываний или возражений.

– Что такое, чего мы не знаем, какой такой фактор дает им основания считать себя такими умными и сильными? Может

быть, это армия – танки и пушки? Нет. Может быть, это пехота? Тоже нет. Что остается? Товарищ Новиков, может, вы знаете? Расскажите нам, пожалуйста, как у нас обстоит дело в наших военно-воздушных силах?

– На конец августа, – голос главмаршала был сначала чуть-чуть гнусавым от долгого молчания, но быстро выровнялся, – во фронтовых соединениях и запасных и переформируемых частях первой линии мы имеем около семнадцати тысяч боевых самолетов, из них свыше восьми тысяч истребителей. В то же время за последние месяцы воздушные армии США в Европе произвели значительное число налетов на цели в глубине гитлеровской Германии, причем во многих из них приняли участие более тысячи, в ряде случаев до полутора тысяч тяжелых бомбардировщиков, прикрываемых значительным числом современных истребителей, число которых может доходить до восьмисот.

Он несколько раз глубоко вздохнул, готовясь продолжить.

– Английские Королевские ВВС могут поднять в воздух еще семьсот-восемьсот тяжелых бомбардировщиков – и это не считая умеренного числа бомбардировщиков «москито», практически неуязвимых в ночное время. Люфтваффе, с другой стороны, как реальная военная сила практически полностью уничтожены на всех фронтах и могут больше не рассматриваться как значительный фактор. Единственной возможностью до некоторой степени восстановить их активность было бы получение германской стороной авиационно-

ГО ТОПЛИВА ИЗ КАКИХ-ТО ВНЕШНИХ ИСТОЧНИКОВ...

– Вы имеете в виду «союзников»?

– Именно так, товарищ Сталин. В этом случае, через некоторое время, это один-полтора месяца, по имеющимся разведанным, они сумеют поднять в воздух до двух с половиной тысяч боевых машин. На настоящий же момент почти все они прикованы к земле за полным отсутствием топлива. Фактически немцы проиграли воздушную войну двенадцатого мая³². А после наших успехов в Румынии...

Он развел руками.

– В общем, рассчитывать на то, что немцы сумеют значительно ослабить ударную мощь английской и американской авиации, больше не приходится. С другой стороны, аналогичная ситуация на наших фронтах, где советские ВВС достигли полного и безоговорочного господства в воздухе, позволила нам значительно усилить и пополнить свои фронтовые части. Наши потери от истребительной авиации незначительны, основной угрозой стала зенитная артиллерия, плюс небоевые потери, доля которых по-прежнему велика. Тем не менее решение Ставки продолжать наращивать производство истребителей в ущерб бомбардировщикам, против которого я, если вы помните, возражал, оказалось в конечном итоге стратегически верным...

³² 12 мая 1941 года генералом армейских ВВС США Карлом Спаатцем было предложено сконцентрировать усилия стратегической авиации на германских заводах синтетического топлива. Считается, что это было одно из наиболее важных стратегических решений всей войны.

Сталин, прервав на мгновение свои мягкие эволюции из одного конца комнаты в другой, широко улыбнулся и показал рукой, чтобы Новиков продолжал.

– Так что складывающаяся в воздухе ситуация для нас более благоприятна, чем этого можно было ожидать по долгосрочным прогнозам. С одной стороны, базируясь на Англию и Италию, вся эта масса самолетов может действовать по южной части Советского Союза, и в их радиус также попадает Кавказ с его нефтеносными районами. С другой – наш оппонент не в курсе, что мы способны ему что-либо противопоставить. В военных кругах наших западных «союзников» сложилось мнение, что советская авиация плохо обучена, неорганизована, не приспособлена к действиям против решительного противника и, несмотря на вроде бы пристойные, по их оценкам, технические данные боевых самолетов, не идет ни в какое сравнение с Королевскими ВВС и тем более с американской армейской авиацией.

Василевский мотнул головой, издавая свистящее шипение.

– Извините...

– Ничего страшного. Продолжайте.

– Эта теория является у них общепринятой и никаких сомнений не вызывает. Поэтому я надеюсь, что реальные боевые действия против советских ВВС, если такие случатся, – главмаршал бросил быстрый взгляд на Сталина, – будут для них поучительным и небезболезненным уроком. Это раз. Во-

вторых, мы имеем фактор, который также весьма полезен, – это владение информацией. Создание совместного стратегического командования, не нашедшее, кстати, понимания среди нашего военного руководства, было весьма полезным делом с точки зрения получения информации о состоянии и потенциале авиации союзников, в особенности США. После второго июня совместные действия с американцами, и без того не слишком активные, практически прекратились. Что вполне можно понять – такого удара они давно не получали...

– Простите, что перебиваю вас, товарищ Новиков, я не совсем в курсе... – нарком ВМФ, не проронивший до этого ни слова, вежливо приподнял палец.

– Гм, ну да, разумеется... Второго июня германский четвертый воздушный корпус нанес ночной удар по полтавскому аэродрому, на который базировались американские «Летающие крепости» из выполняющих челночные рейды – преимущественно по целям на северо-востоке Германии. Всего сто сорок бомбардировщиков. Немцам второй раз после Ленинграда удалось создать мощный бомбардировочный кулак, машин двести с лишним, и результаты были для нас, надо признать, крайне тяжелые.

– Да?

– Сорок три «Крепости» были полностью уничтожены на земле, – Новиков тяжело вздохнул. – И еще двадцать шесть получили повреждения. Плюс бензин. Семьсот пятьдесят тысяч кубометров.

– М-да. Тогда понятно. Только как это согласуется с вашими словами о том, что германская авиация угрозы больше не представляет?

– По последним данным, которым я верю как себе, Шестой воздушный флот Люфтваффе имеет чуть больше двухсот пятидесяти кубометров восьмидесятисеми октанового «Бэ-четыре» и лишь сто тридцать – стооктанового «Цэ-три» для истребителей.

– И что из этого следует?

– Собственно говоря, все. Когда наши танки врываются на немецкий аэродром, бомбардировщики стоят там зачехленные, поскольку не имеют топлива даже для того, чтобы расконсервировать моторы, – не говоря уже о том, чтобы подняться в воздух. Их Panzerjager³³...

– Извиняюсь еще раз, а по-русски можно?

– Противотанковые штурмовики – они прикованы к земле, что благотворно сказывается на действиях наших танковых частей. Так, товарищ Василевский?

– Так. А потом в Берлине награждают летчика, уничтожившего триста советских танков³⁴. Так, товарищ Новиков?..

³³ К ним относили преимущественно Hc-129 и противотанковые Ju-87G.

³⁴ Речь идет о награжденном всеми высшими орденами Германии знаменитом Ганс-Ульрихе Руделе, пилоте пикировщика Ju-87, уничтожившем за четыре года войны (по немецким данным) 519 советских танков, потопившем линкор Балтийского флота «Марат» и сбившем, по крайней мере, 5 советских самолетов. Сам, сбитый 32 раза, он сумел пережить всю войну благодаря совершенно невероятному везению.

– Я не одобряю такое ведение разговора, товарищи.

После слов Сталина все замолчали мгновенно.

– Триста советских танков... Почему бы им не наградить его за четыреста? Или за пятьсот? Всего-то одну циферку подправить – а какой эффект!

Маршалы засмеялись. Практика громогласного завышения числа побед была обычным делом во всех армиях.

– Триста советских танков – это месячная продукция одного завода, скажем, «Красное Сормово»³⁵. Если у них нашелся такой герой, что якобы смог несколько лет бороться с месячной продукцией одного ма-а-ленького заводика, – Сталин, разумеется, показал это на пальцах, – то наградить его, конечно, стоит. Чтобы все знали.

Василевский улыбнулся и согласно кивнул. В конце концов, за последний год, начиная с лета сорок третьего, войска действительно получали с неба значительно больше помощи, нежели угрозы. Но лишний раз подколоть летунов было всегда полезно – чтобы не спали.

– С германской авиацией, даже если они вдруг найдут топливо, мы справимся без большого труда. Другое дело американские 8-я и 15-я воздушные армии. Если кто-то полагает, что наша 8-я воздушная армия возьмет на себя их 8-ю, и все будет нормально, то он, конечно, ошибается. Но все же кое-что у нас есть. – Новиков на мгновение замолк, будто пробуя на вкус слова. Затем продолжил, окончательно изгнав из го-

³⁵ Расположенный в Горьком танковый завод.

лоса эмоции:

– За это лето были сформированы сорок новых авиаполков ПВО, плюс восемь ночных – в основном на базе отдельных эскадрилий ПВО или же эскадрилий, выведенных из составов уже действующих частей. То есть – на костяке ветеранов, пополненные до штатного состава, полностью снабженные всем необходимым и подготовленные для ведения боев на большой высоте. Это около полутора тысяч истребителей, и это именно тот фактор, который позволяет нам надеяться, что воздушная граница будет прикрыта достаточно надежно.

– Вы полагаете, что полторы тысячи истребителей смогут то, чего не смогли немцы?

– Разумеется, нет, товарищ Сталин. Но сорок полков, как я сказал, – это лишь вновь сформированные части, которыми мы можем свободно маневрировать. Кроме них имеются уже давно действующие части ПВО, прикрывающие важные промышленные объекты и крупные города, а также почти семь тысяч истребителей фронтовой и флотской авиации, которые даже если и не будут завязаны на противодействие тяжелым бомбардировщикам, то вполне способны пересчитать ребра фронтовой авиации предполагаемого противника, которую я считаю просто слабой. Ну и вполне на равных подраться с истребителями прикрытия.

– То есть вы считаете, что наша истребительная авиация сможет выдержать этот удар и не будет съедена за несколько месяцев, как немецкие истребительные группы до этого?

– Нет! – На лице Новикова вновь отразилась злоба, он даже взмахнул кулаком. – У нас есть более тысячи тех же американских истребителей – преимущественно «аэрокобр» – и по две с половиной тысячи только новых «Лавочкиных» и «ЯК-девярых». Большинство наших летчиков являются обстрелянными ветеранами, многие воюют не первый год – а американцы меняют свой летный состав каждые несколько месяцев! Может быть, в бою один на один их истребители технически и превосходят наши, но в любой мало-мальски продолжительной кампании мы их просто задавим! Американцы не способны выносить потери! Нам даже не надо сбивать все эти тысячи самолетов сразу, никто на это и не претендует. Но одна-две попытки рейдов, столкнувшись с решительным противодействием, одна-две драки в полную силу – и они сами откатятся назад, не выдержав уровня потерь.

Он прижал руки к груди – так ему хотелось, чтобы его наконец поняли и поверили.

– Значит так, – Сталин остановился у своего стола, стоящего перпендикулярно к остальным, и положил трубку в массивную пепельницу.

– Сорок полков – это, конечно, мало. Все то время, которое у нас осталось, вы, товарищ Новиков, должны потратить на усиление авиации ПВО. Какие машины сведены в эти полки?

– Шесть полков двухмоторных ПЕ-3³⁶, четыре «Лавочки-

³⁶ Истребительный вариант бомбардировщика ПЕ-2, достаточно широко при-

ных», остальные – разные типы Яков, с большой долей тяжелых пушечных вариантов, – мгновенно отозвался главмаршал.

– Мало. Товарищ Шахурин³⁷, заводам номер 26 и номер 466³⁸ – немедленно усилить выпуск, план в течение месяца увеличить в полтора раза, перебросить все возможные ресурсы, людские, сырьевые, все. Самолетостроительным заводам, выпускающим указанные типы истребителей, также увеличить выпуск настолько, насколько позволят площади. Часть полков разрешаю создать на базе отдельных эскадрилий фронтовых частей, но ни в коем, ни в коем случае не ослабляя саму фронтовую авиацию. За это вы, товарищ Новиков, отвечаете перед всеми нами.

Сталин без труда называл номера заводов, в очередной раз демонстрируя свою феноменальную память. Хотя именно он всего два с половиной месяца назад назвал необходимую цифру в сорок новых полков ПВО – сейчас оцененное как недостаточное, это количество выглядело просчетом именно главмаршала авиации.

– И восемь полков ночных истребителей – это, товарищ Новиков, тоже мало. Нужно по крайней мере тридцать! И времени у вас для этого будет мало, так что поработать вам

менявшийся в частях авиации ПВО и флота.

³⁷ Нарком авиастроительной промышленности. После Победы был репрессирован по «Делу авиаторов».

³⁸ Расположенные в Уфе и Горьком моторостроительные заводы, выпускавшие большую часть авиадвигателей для производившихся в стране истребителей.

придется!

– Работы, товарищ Сталин, я не боюсь, – начало фразы заставило вождя удивленно воззриться на набычившегося человека с маршалскими звездами. – Но, по моему мнению, создание столь большого количества частей ночных истребителей нецелесообразно.

– Почему? – тон Сталина внезапно стал спокоен, даже слишком.

– Готовить хороших ночных истребителей нужно в шесть раз дольше, чем обычных летчиков авиации ПВО. Ночные машины требуют специального оборудования, которое производится в ограниченных количествах и выпуск которого увеличить быстро не представляется возможным. Мы никогда не имели потребности в масштабной системе ночников, практически всегда делая упор на средства зенитного противодействия. Если вы помните серию налетов на Москву, ночные истребители большой роли в их отражении сыграть не могли...

– Мы все помним Москву, – тон Сталина стал более расслабленным, и у многих упал камень с сердца. – Тогда я, помнится, распределял ЯКи по частям поштучно, – он засмеялся, вспоминая.

– Так точно, товарищ Сталин. И ночникам после выполнения задания разрешалось выпрыгивать с парашютом, поскольку садиться ночью они не могли.

Сталин снова поморщился.

– Германия с огромным трудом и большими затратами сумела создать действующие части ночных истребителей, но и их эффективность никогда не была слишком высокой – вспомните хотя бы наши налеты сорок первого³⁹. Нам будет легче, поскольку картография Восточной Европы находится в наших руках. Поэтому я предлагаю не распылять средства, не создавать новые части ночных истребителей, которые могут быть созданы сейчас только за счет остальных истребительных частей, а максимально усилить зенитную артиллерию, в первую очередь тяжелую, уплотнять сеть прожекторных постов, наблюдения, радиоразведки. Это принесет гораздо больший эффект, поверьте мне!

– А не случится ли так, товарищ Новиков, – Сталин оценивающе прищурился, – что вот мы вам сейчас поверим, а потом вы снова будете говорить, что были неправы. Тогда ведь неправыми окажемся и все мы, так?

– Я никогда не отказывался от ответственности, товарищ Сталин. И вы это знаете, – тон Новикова был твердым, хотя его мутило.

– Это хорошо... – задумчиво сказал Сталин. – Хорошо. Мы согласимся с вами. На этот раз. Работайте, – он посмотрел на часы. – Товарищ Кузнецов, что вы можете сказать товарищам?

³⁹ Еще в 1941 году, действуя с прибалтийских аэродромов, флотские и позже армейские ДБ-3 и ДБ-3Ф (ИЛ-4) под командованием полковника Преображенского нанесли серию ночных ударов по Берлину (Операция «Б»).

В отличие от доклада главмаршала, Кузнецова Сталин ни разу не перебил, и тому удалось весьма быстро, четко и объемно обрисовать положение дел.

Состояние советского флота, считавшегося всеми технически слабым и крайне плохо организованным, должно было стать еще одним неожиданным фактором в возможной борьбе титанов за обладание Европой. В ходе масштабной контрразведывательной операции ряду лиц, имеющих отношение к Флоту его Величества, были проданы фотографии, изображающие линкоры типа «Советский Союз» на зачаточной стадии строительства, – выданные за последние данные по советскому кораблестроению. Информация о прекращении работ по линкору «Советская Белоруссия», добытая английской разведкой с очень большим трудом и оттого выглядевшая чрезвычайно ценной, в сочетании с десятками других «информационных проколов», в итоге создала на Западе абсолютно ложную картину положения дел. Англичанам, активно работавшим с Северным флотом, были хорошо известны советские потери в эсминцах и в других малых кораблях, факты повреждений тяжелых кораблей (хотя и искажаемые прессой) можно было проанализировать – и в итоге рождалась совершенно однозначная картина: к 1944 году советский надводный флот был сведен к номинальной структуре. Немногие активно действующие соединения кораблей использовались почти исключительно в тактических целях, будучи не в состоянии противодействовать даже резко ослаб-

ленным Кригсмарине. Смешные рассуждения о «сбалансированности» флота за счет перекалывания основной тяжести борьбы на море на флотскую авиацию, катера и подводные лодки вызывали улыбку союзников и вообще способствовали снисходительному отношению к советским ВМС.

Сведения о постройке легкого авианосца все-таки сумели как-то просочиться за рубеж и даже были приведены в последнем военном выпуске «Джейна»⁴⁰ – но никаких технических данных о нем известно не было, и, кроме общих слов о закладке русскими авианосца под названием «Красное Знамя», справочник ничего не давал. По «Советским Союзам» «Джейн» приводил данные о главном калибре и количестве предполагаемых к постройке единиц, все остальное являлось сосанием пальца и не представляло никакого интереса. Даже названия громадных линкоров до сих пор оставались секретом – чем объяснялось появление среди их списка корабля под именем «Советская Бессарабия». О «Кронштадте» и «Севастополе» никаких упоминаний не было вообще. В целом советская сторона могла быть вполне довольна той степенью секретности, какой удалось достичь в постройке и вводе в строй нескольких крупных единиц. Такого, насколько известно, не удавалось пока никому⁴¹.

⁴⁰ «Jane's Fighting Ships», авторитетнейший справочник по корабельным составам флотов мира, выпускающийся в Британии с конца XIX века.

⁴¹ Это в значительной степени удалось японцам с серией «Ямато», данные по бронированию и вооружению которой, обнаруженные после войны, вызвали шок. Факт перестройки в авианосец третьего линкора серии, «Сипамо», также

К августу Балтийский флот имел четыре современных легких крейсера, один тяжелый и мощную, невиданную со времен Империалистической войны корабельную группу – из уже отработывающих совместные действия «Советского Союза», «Кронштадта» и «Чапаева». Знало об этом очень немного людей. Болтунов хватает всегда и везде, но команды новых кораблей были собраны из сливок воюющих флотов, если зенитчик – то не отличник политической подготовки, а тот, что умудрился кого-нибудь сбить. Если офицер – то не «из бедняков», а уже показавший в бою свои умение и находчивость.

Средства, выделяемые на подготовку кораблей, проходили отдельной закрытой ведомостью в делопроизводстве флота. Стрельбы они проводили не раз в месяц, а три в неделю, меняли лейнера и снова стреляли, а ходили в море столько, сколько позволяли планы обслуживания механизмов. Кузнецов считал, что «Кронштадт» готов к бою в любую минуту, «Чапаев» – также, но без авиагруппы. «Советский Союз», вступивший в строй позже всех, он предпочел бы доводить до максимальной готовности еще месяцев шесть – линейные корабли все-таки являются стеновым хребтом флота. Тем не менее нарком гарантировал, что случись линкору выйти в море завтра, и он вполне способен будет за себя постоять.

– Еще такой факт, – сказал Кузнецов в заключение. – Три дня назад, 24 августа, в базу Северного флота пришла груп-

па принятых в Англии кораблей в составе линкора «Архангельск», восьми эсминцев и одиннадцати больших охотников. Вышли они еще пятнадцатого числа...

– Успели, значит.

– Да, успели, – Кузнецов иронично посмотрел на остальных. – Миноносцы старье, но вполне еще могут бороться с подводными лодками, а линкор – это просто звезда Арктики. Теперь с наскока север не взять.

– Когда он будет готов? – Сталин прищурился на наркома, наставив на того черенок трубки.

– К фактическому применению главного калибра – через месяц. Англичане не верили, что мы матросов прислали его принимать, сказали, что это переодетые инженеры.

– Это замечательно, товарищ Кузнецов, – Сталин снова начал ходить вокруг стола. – У меня такое предчувствие, что он нам очень пригодится.

– У меня тоже, – не очень почтительно усмехнулся адмирал. – Месяц назад я считал, что лучше бы они нам дали еще эсминцев, по весу...

– А теперь?

– А теперь не считаю. В сентябре мы еще один эсминец должны были принять.

– Не дадут...

– Да, теперь не дадут, – как эхо отозвался Кузнецов.

В наступившей паузе было слышно, как Василевский, глубоко задумавшись, постукивает по блокноту тупым концом

карандаша.

– Я не знаю, сколько точно у нас есть времени, – слова Сталина прозвучали очень тихо. – Скорее всего, сентябрь мы еще имеем. А может быть, и начало октября... – Он ненадолго замолчал, а затем повернулся к Василевскому:

– Товарищ Василевский, как бы вы отнеслись к возможности слегка притормозить продвижение наших войск на запад?

Маршал бровью не повел на столь неслыханное предложение, хотя явно не ожидал его – поскольку ответ обдумывал минуты две. Сталин не торопил.

– Ни один военный от лишнего времени никогда не отказывался, особенно в наступлении, – наконец ровно выговорил Василевский. – Тылы, конечно, растянуты, и даже система снабжения «на себя» не вечна и скоро может выдохнуться. Лишние две недели позволили бы нам сконцентрировать силы, пополнить бронечасты и пехоту в дивизиях второго эшелона, да и всем остальным, – маршал посмотрел на Новикова, – время тоже нужно, судя по сегодняшним докладам.

Размышляя вслух, он мерно кивал головой, словно подтверждая каждую фразу отдельным кивком.

– С другой стороны, немцам это также позволит наконец-то произвести переформировку, перебросить дополнительные части с Западного фронта, попытаться создать новые рубежи обороны, прорывать которые придется потом со

значительными усилиями...

Маршал снова помолчал.

– Я предлагаю несколько замедлить темп на южном направлении, все же не останавливаясь совсем. Просто перенести тяжесть действий на север. Немцы оставили Грецию, что позволит им несколько усилить свои позиции в Югославии. Поэтому замедление нашего продвижения здесь будет выглядеть вполне логично – выдохлись, мол...

– Так.

– Тем временем можно постепенно нарастить нашу ударную мощь и усилить давление по линии Восточная Пруссия – Киль.

Замолчав, Василевский посмотрел на Сталина.

– Все это, конечно, теория, – подытожил он после паузы. – Но если бы мне нужно было выгадать время за счет некоторой потери темпа, я бы предложил именно этот вариант.

– Согласен. Даю вам два дня, чтобы представить более подробные предложения. Доложите вместе с товарищем Штеменко. На сегодня предлагаю закончить. – Все посмотрели на часы, шел уже третий час ночи. – Товарищ Новиков, через неделю отчитаетесь, что сделано по частям ПВО.

– Так точно, товарищ Сталин.

Негромко переговариваясь, все вышли из огромного кабинета, оставив «хозяина» стоящим лицом к огромной, занимающей всю стену, карте европейской части СССР. Первое, что Новиков сделал, добравшись через час до своего ка-

бинета, это приказал соединить себя с Федоровским. Того пришлось сначала искать по кронштадтским дежурным телефонам, потом будить, и за это время Новиков сам почти заснул. Наконец ему доложили, что Федоровский на проводе.

– Григорий, солнце мое, ты там спишь, соколик, а?

Голос Новикова не обещал ничего хорошего, и полковник не позволил себе ни единой сонной нотки в голосе – после подобного вступления она могла дорого ему стоить.

– Никак нет, товарищ главный маршал, уже не сплю! – бодро отрапортовал он, внутренне сжимаясь в предчувствии большой головной боли.

– Не спишь, сокол мой ясный, все трудишься, так?..

Новиков явно растравлял себя, но помогать ему сорваться у Федоровского не было никакого желания, поэтому он предпочел не проявлять в разговоре инициативы.

– А вот нарком сказал намерении, что ты спишь там целыми днями, а? Спишь ведь?

– Не сплю, товарищ главный маршал!

– Ой, спишь! Ой, спишь, моряк береговой! Думаешь, «капусту» нацепил, так со мной можно и отдохнуть, полено сосновое! Мной сегодня чуть задницу не вытерли, одного слова бы хватило, и я поехал бы к тебе старшим помощником младшего пристяжного большой аэродромной лопаты! Почему группа не готова? Почему, я тебя спрашиваю!!!

– Товарищ главный маршал...

– Я знаю, что я главный маршал! Я тут такой главный маршал, что сдохну скоро от этого маршальства! Или возьму вот и с Савицким поменяюсь, милое дело! По-че-му не го-то-ва а-ви-а-груп-па?!!

– Да готова уже!

– Ни хрена!

– Готова! Практически все летчики сдали зачеты, палубная команда отработала большинство нормативов. Оставшееся – дело одной недели!

– Недели? Недели? Ух, ты моя умница! А кто сказал тебе, заяц, что эта неделя у тебя есть, а? Кто это там такой умный выискался вдруг? Может, его сюда к нам, чтобы жизни поучил?

– Товарищ Новиков, – Федоровский понял, что маршал в гневе может и срубить буйну голову и останавливать его теперь надо быстро.

– Я знаю, что мы выбились из графика, и моя вина в этом есть. Но это отставание минимально. «Чапаев» три дня простоял в сухом доке, полетов не было, поэтому график и сбился. И палубные команды тренировать тоже не могли, потому что корабль был забит рабочими, все как сумасшедший дом выглядело!

– Вот в это верю! Вот про сумасшедший дом верю на сто процентов! – главный маршал авиации пристукнул ладонью по столу. – Слушай меня, Григорий, и запоминай, что скажу, будто еврей молитву. Группа должна быть готова к действи-

ям с палубы в любую минуту и в любой момент. На твои нормативы и зачеты я плевал, мне надо, чтобы когда над «Чапаевым» появится любая тварь с крыльями – «рама»⁴², кто угодно – через пять минут она была бы сбита на хрен, понятно?!

– Я...

– Не слышу ответа!!!

– Так точно, товарищ главный маршал, понятно!

– Вот и молодец, – Новиков, выговорившись, начал успокаиваться. – Ты в двойном подчинении, так что если тебя Кузнецов жалеть будет, то я двойную стружку сниму, уж не взыщи... Давай, работай...

Он положил трубку, не дожидаясь ответа, и потер ладонями ноющие виски. Скоро должно было светать, начинался новый день, и спать большого смысла уже не было, в девять начинались доклады. Да и произошедший бурный разговор сон вроде согнал. Ладно, часа два урвать можно. Приказав дежурному разбудить себя в семь и скинув китель на спинку стула, Новиков, не разуваясь, лег на бугристый кожаный диван, стоящий для таких случаев в углу кабинета, подпер щеки сложенными ладонями и уснул даже раньше, чем успел закрыть глаза.

⁴² Прозвище германского разведчика-корректировщика FW-189, применявшегося преимущественно на Восточном фронте.

Узел 3

Сентябрь-октябрь 1944 г.

Третий день на Балтике шли маневры. Учились эсминцы, учились крейсера, над Финским заливом проносились эскадрильи самолетов. В отличие от масштабных учений предвоенных годов, когда в заключительных маневрах конца сезона упор больше делался на тактику – как хорошо сумеет командир флота «красных» условно перетопить «синий» флот с помощью имеющихся у него сил, – в данном случае было не до оперативных изысков. Открытая Балтика была нашпигована минами, там встречались германские субмарины, а то и торпедные катера, и лишний раз соваться сюда крупными кораблями было не слишком умно. В ограниченной акватории залива корабли эскадры отрабатывали совместные эволюции, проводили многочисленные стрельбы, нарабатывали ходовые часы и автономность. Такого не было давно – слишком уж много сил отнимала настоящая война, чтобы чему-то еще учиться на маневрах. Война производила естественный отбор по своим законам, и уцелевшие воспринимали это как должное: я выжил, значит, я лучше.

За ходом маневров наблюдал сам нарком ВМФ, находившийся в Кронштадте, в штабе КБФ. С ним безотлучно нахо-

дились Трибуц и Самохин, командующий флотской авиацией. Трибуц Кузнецову не нравился. Круглолицый, потный и злой, с торчащими короткими усами, он был похож на морского котика и орал своей луженой глоткой в микрофон радиации, словно находился в море, а не помещении штаба. Тем не менее нарком признавал, что в условиях балтийского театра военных действий Трибуц вполне справлялся со своей задачей, заставляя ходящих в торпедные атаки моряков бояться огня противника меньше, чем встречи с грозным вице-адмиралом по возвращении. Третий по важности человек в фактической иерархии Балтийского флота, «Старый Еврей Корман» (все с заглавных букв), старший артиллерист флота и выдающийся снайпер, находился в данное время на борту «Советского Союза», ведущего изо всех калибров огонь по щитам и выставленным на мертвый якорь ржавым бронированным остовам давно списанных кораблей. Кузнецов тоже предпочел бы сейчас находиться в море, ощущая на лице соленую влажность морского ветра, не долетающего до Москвы, а не слушать мелочные разносы адмирала каким-то неизвестным офицерам, неправильно составившим крайне важные бумаги.

Море! Как часто люди, носящие морскую форму и с гордостью называющие себя моряками, не имеют понятия о том, какое оно есть на самом деле. Как часто кронштадтские комендантские патрули ловят желтолицых подводников, не отдавших честь важному своей должностью береговому капе-

рангу да еще посмевающих «пререкаются», – и доставляют их, бедняг, в соответствующую контору «до выяснения». И томятся там матросы и старшины, в каменном нутре, вместо того чтобы с чистым и искренним восторгом глазеть на гуляющих по улицам живых девушек. А потом такой же бледный офицер в невысоком чине кап-лея сидит, вздыхая, в приемной и робким голосом упрашивает отпустить его матросиков, которые три недели не вылезали из железной коробки, отвыкли от устава, а в санаторий путевок не хватило всем, и нельзя ли их выпустить, а то через две недели опять поход... И суровый кавторанг строго выговаривает ему, что устав один для всех, и в этот раз он пожалеет и отпустит, если обиженный капитан первого ранга не станет лишнюю бучу поднимать, но вы должны понять, что... и так далее, и так далее, и так далее. А ведь многие и это считают морской службой.

Настоящие моряки в это время шли по заливу в кильватерной колонне, возглавляемой линейным крейсером, и сигнальщики на крыльях мостика, щурясь от долетающих даже сюда брызг, всматривались, в темнеющий восточный горизонт, из которого могли выскользнуть тени атакующих глиссеров или низкие силуэты расходящихся веером эсминцев. И штурмана, сталкиваясь лбами, чертили прокладки на ватманах: пропустишь один створ или береговой ориентир – спишут, спишут на берег без разговоров.

– Нас не остановить.

Слова командира линейного корабля, не обращенные ни к кому и прозвучавшие среди приглушенных голосов переговаривающихся офицеров, заставили Левченко обернуться.

– Что?

– Нас никому не остановить, – повторил командир «Союза», уставившись взглядом в надвигающуюся темноту. – Я не знаю, что они там думают – что русские салаги, что им путь в море закрыт... Вокруг посмотрите. Мы задавим всех.

Адмирал был несколько удивлен такими проявлениями чувств со стороны обычно строгого и прямого каперанга, но подобные слова не могли оставить его равнодушным. Только-только приведя в Архангельск отряд принятых у британцев кораблей и сразу же вызванный в Москву для отчета перед наркомом ВМФ, он, после короткой беседы, был послан в Ленинград, чтобы принять «тяжелую бригаду» на время маневров. Причиной тому послужил его опыт общения с британским линкором, но статус этот был временным и заставлял с осторожностью относиться к мелочам. Иванова он лично встретил в первый раз и не был уверен, можно ли с ним разговаривать достаточно откровенно.

– Я бы не стал вам возражать, Алексей Игнатьевич, – осторожно ответил он. – Согласен, такого я еще не видел.

Линкор приближался к району стрельб, и вышедший вперед «Кронштадт» невидимо замигал фонарем инфракрасной связи, докладывая об обнаружении цели. Через секунды принимающий аппарат на мостике «Советского Союза» выдал

зуммером серию звенящих точек и тире, ответно мигнул, подтверждая прием, и вбежавший на площадку мостика сигнальщик вложил в руки Иванова тонкую бумажную полоску.

– Боевая тревога, – объявил каперанг, даже не успев дочитать передачу до конца. – Корабль к артиллерийскому бою изготовить, прислугу зенитных орудий вниз, башни на правый борт тридцать градусов, стеньговые флаги до половины по-о-дню!

Вой ревунов и топот ног сотен бегущих людей, рокотом доносящийся из глубины гигантского стального корпуса, добавились к ставшему напряженным рокоту отдаваемых команд.

– Товарищ вице-адмирал, «Чапаев» позади в девяти кабельтовых, – напомнил Иванов.

– Конечно, – Левченко, кивнув, обернулся к сигнальщику. – Теплограммой на «Чапаев»: в течение всего учебного артиллерийского боя находиться вне зоны маневрирования, постоянно поддерживать контакт, быть готовым к отражению торпедной атаки, провести учения по борьбе за живучесть.

Ему понравился стиль, в котором Иванов управлял кораблем, – четко, не допуская двояких толкований. Тем не менее он знал, что в морском бою капитан 1-го ранга не был ни разу в жизни, и с некоторой долей сомнения принимал всю эту внешнюю отточенность.

– С «Кронштадта» докладывают: цель одиночная, курс

триста, скорость пятнадцать, дистанция сто пятьдесят два, просят разрешения на открытие огня индивидуально.

И тут же прозвучало:

– Корабль к бою готов!

– «Кронштадту» самостоятельно огонь не открывать, – приказал Левченко. – Цель захвачена?

Возникла пауза. Иванов, нервничая, выслушивал доклады артиллерийских офицеров.

– Так точно, захвачена. Параметры совпадают, – наконец ответил он.

– Дистанция?

– Сто сорок один, – отозвался кто-то от телефонов.

– Неплохо для сумерек!

– Так точно. Разрешите открыть огонь?

Левченко подумал, наклонив голову набок.

– Алексей Игнатьевич, вы знаете, по кому мы стреляем?

– Что?

– Ну, какого класса цель, как бронирована, что из себя представляет?

– Нет, виноват, не знаю...

– Тогда как вы можете открывать огонь главным калибром? Как выбрать тип заряда, снаряда?

– Это задача старшего артиллериста...

– Верно. Конечно. Но для этого вы должны ему сказать, к бою с каким противником он должен быть готов. Мы, кстати,

стреляем по «Фрунзе»⁴³.

– Что? – Иванов, казалось, был потрясен.

– Да что с вами, Алексей Игнатьевич? По «Фрунзе» стреляем, его на буксире тащат, – Левченко широко улыбнулся, довольный произведенным эффектом. – А сигнальщики до сих пор ушами хлопают, не могут такую крупную цель опознать.

– Так точно...

– Если бы мы заранее знали, что это линкор, то открыли бы огонь с максимальной дистанции. А так придется его нагонять – пока ваши сигнальщики наконец не поймут, с кем имеют дело...

Несколько минут все молчали под впечатлением вежливой выволочки, полученной командиром корабля. Тот отошел в глубину мостика, потребовал связи с дальномерщиками и, не повышая голоса и стараясь не употреблять в присутствии адмирала особенно грубых слов, тихонько их обматерил. Тем не менее пришлось ждать еще несколько минут, пока дистанция с целью не сократилось настолько, что длинный и низкий силуэт старого линкора со срезанными надстройками не был опознан. Иванов повторил свой запрос, и на этот раз Левченко соизволил дать согласие на открытие огня.

⁴³ Линейный корабль-дредноут «Полтава», так и не восстановленный после разрухи и крупного пожара в 1919 году. Проект его перестройки в линейный крейсер также не был осуществлен из-за недостатка средств, хотя этот вопрос поднимался вплоть до 1939 года.

– О-хонь! – спокойно произнес командир линкора в трубку, и появившееся через секунду на лице вице-адмирала выражение несколько компенсировало ему пережитое.

– Етить твою маму!.. – удивленно сказал Левченко после последовавшего залпа. – Ну ничего себе плевочек!

Он видал, как стреляют линкоры, в том числе «Архангельск» с его пятнадцатидюймовым главным калибром, – но «Советский Союз» выдал такой звериный рев, что собаки завывали, наверное, до самого Хельсинки. Снопы огня, вырвавшиеся из орудий линейного корабля, вытянулись на несколько десятков метров, осветив все вокруг апельсиново-багровым светом. Управляющий огнем задержал второй залп до момента, когда у скрывающейся в тени у кромки горизонта узенькой полоски корабля-цели встали тонкие карандаши всплесков, затем дал еще один залп и почти сразу же – третий. С четвертого он перешел на поражение, и пять следующих залпов последовали с минимальными интервалами, заполняемыми ложащимися на ту же цель снарядами «Кронштадта». Затем стрельбу задробили, и оба корабля отвернули мористее, куда уже оттянулся «Чапаев», ошестинившийся выставленными в разные стороны стволами своих универсалок.

Ночью отрабатывали стрельбу с прожекторами, играли водяную и пожарную тревоги, пытались оторваться от остальных кораблей эскадры, проверяя бдительность несения вахты, уклонялись от «замеченных перископов» – в об-

щем, развлекались, как могли. Утром провели еще одну артиллерийскую тревогу, но без стрельбы. Затем были зенитные стрельбы по низколетящим воздушным целям – задачу усложнил прошедший вдоль строя старый Р-5 с дымаппаратурой. К вечеру состоялись еще одни стрельбы средними калибрами всех трех кораблей по самоходной управляемой цели, а утром корабли эскадры уже стояли на кронштадтском рейде, заслоненные от берега цепочкой серо-стальных «семерок»⁴⁴ Отряда легких сил.

От трапов отвалили командирские баркасы, устремившиеся к причалу, где стояла группа моряков с золотыми погонами на плечах. На подходе шлюпки скопировали боевой строй эскадры, имея головным баркас линкора с развевающимся на корме вице-адмиральским флагом. Взбежавшего по деревянной лестнице Левченко Кузнецов искренне обнял. Трибуц, серый от недосыпания, сдержанно поздоровался, пожав руки сначала вице-адмиралу, а потом командирам кораблей. На нескольких машинах доехали до штаба, где в течение четырех часов разбирали итоги маневров, обмениваясь сдержанными похвалами и менее сдержанными комментариями по поводу неудач. Линейный корабль провалил первые ночные стрельбы вспомогательным калибром, зато в дневных стрельбах главным ни разу не опустился ниже положенного для отличной оценки процента попаданий, дважды перекрыв лучший результат «Кронштадта» раза в полтора. Авиа-

⁴⁴ Эскадренный миноносец проекта 7 («Гневный»).

носец два раза четко перехватил «атакующие» корабли эскадры самолеты, его бомбардировщики один за другим уложили все восемь 500-килограммовых бомб в контур изображающей вражеский крейсер мишени – но зато Осадченко, командир «Чапаева», в предпоследнюю ночь учений умудрился сунуться почти под самые стволы заходящих на линейный крейсер эсминцев благодаря неправильно разобравшему семафор сигнальщику.

К вечеру этого же дня нарком ВМФ, нашедший время лично поблагодарить командиров боевых частей и старших офицеров всех трех кораблей «Тяжелой бригады», а также командиров крейсеров, эсминцев, катеров и эскадрилий флотской авиации, давших возможность первым так замечательно и интересно провести время, уехал в Москву. Оставшиеся занялись текущими флотскими делами – в основном заключавшимися в мелком ремонте и отладке различных систем на побывавших в походе кораблях.

В Москве совещание Ставки было назначено на десять вечера, и прибывший в Москву в середине следующего дня Кузнецов приехал в Кремль еще к девяти, чтобы успеть поговорить с Новиковым. Войдя в комнату, он сразу же понял, что случилась что-то плохое. Это чувствовалось по атмосфере, в которой витала опасность. Поискав глазами главмаршала авиации, он нашел того вполголоса разговаривающим с Шапошниковым. Вообще все говорили очень тихо, почти шепотом – как беседуют, когда кто-то умер. Кузнецов, одна-

ко, не привык долго раздумывать над подобными проблемами и прямым ходом направился прямо к беседующим.

– Здравствуйте, Борис Михайлович, – тепло поздоровался он со старым маршалом. – И здравствуй, Александр Саныч. Случилось что, я вижу?

– Здравствуй, Николай Герасимыч. Хорошо, что вернулся. Случилось, как же...

– В Москве или?..

– Нет, на Севере. Помнишь, как раз перед твоим отъездом обсуждали перенос усилий на северное направление, с наращиванием ударов вдоль Балтийского побережья с выходом к Килью?

– Еще бы!

– Кажется, немцы нам вмазали. И как раз там.

– Черт...

– Похоже, сорок восьмой армии конец.

– Черт... Черт... Когда это случилось?

– Вчера. Без всякой подготовки. Фронт нормально шел вперед, и тут они долбанули. До сих пор не могу опомниться, как это случилось. Со Ржева такого не было...

– Борис Михайлович, успокойтесь. Я уверен, что все нормально будет.

– У тебя в Ленинграде ничего слышно не было? – спросил Новиков.

– Да нет, откуда? Я последний день в Кронштадте провел, а потом сразу сюда.

– Ну нельзя было так! Нельзя! Я же говорил! – Шапошников повысил голос, на него обернулись. Немедленно после этого в комнату вошел Сталин.

Быстро поздоровавшись с присутствующими, он прошел к своему столу и, усевшись, молча показал рукой Василевскому на уже открытую карту.

– Вчера, в шесть часов утра, – начал Василевский, – германская 4-я армия Госбаха, при поддержке части сил 2-й армии Вейса и 7-й танковой армии, нанесла мощный контрудар по войскам Второго Белорусского фронта, в течение двух первых часов полностью прорвав позиции 48-й армии генерала Гусева и раздробив их на несколько изолированных участков. 17-я стрелковая дивизия полковника Гребнева дерется в полном окружении и несет тяжелейшие потери. 3-я армия генерала Горбатова, – он показал ее положение на карте, – попыталась деблокировать дивизию, но вынуждена была перейти к глухой обороне и по последним данным прочно удерживает позиции в районе Лауенбурга. 50-я армия генерала Болдина, понесшая тяжелые потери в предшествовавших боях, оказалась неспособна противостоять удару и с боями отходит к югу. Против нее сейчас действуют по крайней мере две полнокровных германских механизированных дивизии – 18-я и дивизия «Великая Германия». Некоторые части армии дерутся в частичном окружении, и существует риск, что ее позиции также будут прорваны.

– Что предпринимается для восстановления положе-

ния? – спросил Сталин после тяжелого молчания.

– 48-й армии передан стрелковый корпус из фронтового резерва 49-й армии Гришина. Есть надежда, что он сумеет задержать продвижение Вейса и выгадать нам время для организации встречного удара.

– Один корпус?

– Товарищ Сталин, – Василевский понизил голос, что было признаком сдерживаемого волнения. – Это не стратегическое наступление. Это их отдельный тактический успех против сил одного фронта! Через два дня мы разорвем их на части, и они пожалеют, что вообще в это ввязались! 8-й Гвардейский танковый корпус Попова к утру развернется позади 48-й армии и нанесет по прорвавшемуся противнику лобовой удар. Устойчивость ему обеспечат пять противотанковых артбригад.

Он показал позиции, дугой огибающие тылы 48-й армии.

– 5-я Гвардейская танковая армия под командованием Вольского и приданный ей 8-й мехкорпус Фирсовича сейчас перемещаются западнее, изготавливаясь к удару, который должен отсечь армию Вейса. 3-й Гвардейский кавкорпус Осликовского наносит фланговый удар, а в полосе его атаки не выживают. Мы бросаем в бой все, что может двигаться, указанные мной части завтра вцепятся немцам в бока. Восьмого – переходят в решительное наступление остальные армии фронта.

Василевский остановился и перевел дыхание.

– На острие удара будет находиться 2-я Ударная армия Федюнского с 1-м Гвардейским танковым корпусом Панова, во втором эшелоне у нас будет еще одна полнокровная армия – 65-я. Одновременно 70-я поддержит Горбатова – и я уверен, что вместе они проломают германские позиции в течение дня.

– Вы и раньше были так уверены, товарищ Василевский... – Верховный, казалось, постарел лет на пять.

– Я – отвечаю – за – свои – слова – товарищ – Сталин, – четко и раздельно ответил тот, со стуком положив на стол указку, едва не скинувшую на пол карандаш Мерецкова⁴⁵.

– Я предлагаю вынести на рассмотрение Ставки назначение Рокоссовского командующим Вторым Белорусским фронтом, – усталым голосом сказал Сталин. Это не было ответом, но Василевский, кивнув, пошел на свое место.

К общему удивлению, никакого продолжения не последовало, и совещание закончилось весьма быстро. Все достаточно полно осознавали, какую ответственность нес на себе Верховный Главнокомандующий, но очень немногие уже понимали, почему не слишком масштабный по меркам Восточного фронта сбой в операциях фронтов вызвал такую острую реакцию Верховного.

– Ты понимаешь что-нибудь? – шепнул Новикову Кузнецов, когда все поднимались из-за стола, уже после ухода самого Сталина. Тот только кивнул, ничего не ответив.

⁴⁵ Мерецков Кирилл Афанасьевич, командующий Карельским фронтом.

– Слишком цифр много, плохо запоминаю, – пожаловался Кузнецов вслух. – Номера, номера... То ли дело корабль, сказано: «Червона Украина» или там «Гремящий», и сразу все ясно. – Он вздохнул, вспомнив, видимо, «Украину»⁴⁶.

Несколько человек улыбнулись, но опять никто ничего не сказал, так что его попытка разрядить обстановку не удалась.

За последние дни произошло немало важных политических событий, и Сталину пришлось уделять не меньше времени общению с «командой» Молотова, чем с членами Ставки. В течение всего лишь первой недели сентября, сразу же после взятия Плоешти, советские войска вошли в теперь союзный Бухарест. 4-го из войны вышла Финляндия, оружием и упрямством добившаяся уважения огромного восточного соседа. 5 сентября Советский Союз догадался официально объявить войну Болгарии, 7-го Венгрия объявила войну Румынии, собираясь оттяпать у нее остатки Трансильвании, пока не пришли большие дяди и не прибили обоих. 9 сентября Болгария, продержавшаяся против Советского Союза целых четыре дня, благополучно сдалась. Это событие имело дополнительный юмористический оттенок, поскольку еще 8-го Федор Толбухин⁴⁷ был назначен председателем Контрольной Комиссии в Софии. В обилии политических заявлений

⁴⁶ Н. Г. Кузнецов командовал крейсером «Червона Украина» в двадцатых годах.

⁴⁷ Толбухин Федор Иванович, командующий 3-м Украинским фронтом.

и колебаний политических весов в мелких отношениях европейских стран наиболее важным фактором была Финляндия, выход которой из войны позволил высвободить немало войск и авиации. 10 сентября армии Ленинградского и Прибалтийских фронтов, поддержанные с юга развернувшимися Белорусскими, перешли в стратегическое наступление на трехсоткилометровом фронте, продавливая оборонительные пояса и выжигая узлы сопротивления огнем и раскаленной сталью. Отчет Кузнецова Ставке откладывался несколько дней подряд, хотя его письменное заключение ее члены получили на следующий день после возвращения наркома ВМФ из Ленинграда. Совещания и доклады длились до трех-четырёх часов ночи, вызванные с фронта генералы, серые от недосыпания, к своему удивлению обнаруживали, что и сидящие в Москве отцы-командиры выглядят не намного лучше.

Решение о снижении темпов наступления для получения выигрыша во времени, принятое всего-то две недели назад, не привело ни к чему, кроме самого факта переноса центра тяжести удара советской армии на несколько сот километров севернее. Ставка спешила. В последний день августа американцы вышли на старую французскую «Линию Мажино», 3 сентября британцы взяли Брюссель, и генерал-лейтенант сэр Майлз Домпси объявил Бельгию свободной. 10-го американские войска взяли Люксембург (значение этого события для Европейского театра военных действий, как с иронией вы-

сказался Сталин, невозможно было переоценить). 11 сентября, одновременно с началом советского наступления, американская 1-я армия перешла границу Германии к северу от Трира.

Было уже ясно, что Германии приходит конец, и договориться с западными союзниками ей пока не удалось. Тем не менее стало известно, что десятого числа Рузвельт и Черчилль встретились в канадском Квебеке – вероятнее всего, для совещания о том, что же все-таки делать с Советским Союзом. Никаких подробностей о ходе этой встречи узнать не удалось, но московское командование на всякий случай приготовилось к худшему. В войска начали поступать пособия по технике и опознавательным знакам западных членов Коалиции – но пока это логически объяснялось обычными мерами предосторожности против нежелательных инцидентов, именуемых в английском языке «Friendly fire», то есть «дружественный огонь». Это подняло общее настроение – казалось, что победа уже близка, еще чуть-чуть надавить, и упираемые в спину англичанами и американцами немцы развалятся.

Этого, однако, все не происходило и не происходило. Многочасовая артподготовка и десятки тысяч самолетовылетов за несколько дней выжгли первый эшелон противника, попавшие в ловушку у Лауэнбурга германские дивизии методично уничтожались артиллерией и давились траками танков. Накал воздушных боев над северным участком фрон-

та достиг своего максимума к 15 сентября, после чего истребительные полки воздушных армий Журавлева, Науменко и Вершинина полностью очистили небо для штурмовиков и бомбардировщиков, еще более увеличивших число вылетов. Представители Ставки непрерывно находились в войсках, толкая фронты вперед двумя огромными стрелами. 18 сентября Жуков и Василевский на один день прилетели в Москву и прямо с аэродрома направились на чрезвычайное совещание Ставки. Представляя два бронированных кулака, сжатых своими секторами фронтов, они были признанными лидерами не терпящего мягкотелости оперативного искусства Восточного фронта.

– Кто первый? – улыбаясь, спросил Сталин, обращаясь сразу к обоим. Его привычка стравливать между собой людей по мелочам была не такой уж безобидной – однако открытой конфронтации он не терпел, пресекая ее жестко.

– Я полагаю, Александр Михайлович, как начальник Генштаба, имеет право первого голоса, – спокойно ответил Жуков. Подколоть его такой мелочью было просто нереально.

– Хорошо, – согласился Сталин с такой интонацией в голосе, будто его пришлось долго уговаривать. – Товарищ Василевский, начинайте, пожалуйста.

Василевский отдернул занавеску с широкой карты, захватывающей своим нижним краем Познань, и, глухо кашлянув, начал излагать положение дел на северном направлении.

– После того как решением Ставки 1-й Белорусский

фронт был передан Георгию Константиновичу, на северном направлении, имея своей стратегической целью Штеттин, развивают наступление войска Ленинградского, 3-го, 2-го, и 1-го Прибалтийского фронтов, а также 3-го и 2-го Белорусского, – указка двигалась по карте, показывая сектора каждого из них. – Выгодное географическое положение, то есть пологое снижение к югу кромки Балтийского моря, а также успешное развитие наступления наших южных соседей, позволило значительно уплотнить порядки наступающих войск, глубоко их эшелонировав по оси восток-запад. Оставив южнее Варшаву, войска 2-го Белорусского фронта, значительно усиленные за счет резервов других фронтов и имеющие ближайшим южным соседом 70-ю армию Гусева, разворачиваются севернее, стремясь к соединению с войсками 3-го Белорусского фронта в районе Заальфельда. Это позволит нам отрезать значительную часть сил германской группы армий «Центр» – точнее, того, что от нее осталось к настоящему моменту. Остальные фронты наступают практически строго на запад, имея по три-четыре общевойсковых армии в первом эшелоне. Несмотря на все их усилия, добиться решительного прорыва фронта, как это было в начале лета, им пока не удастся, поэтому массированный удар бронетанковых и механизированных частей отложен до развития определенного успеха. В настоящее время германская группа армий «Север» с тяжелыми боями отходит на запад, используя каждую водную преграду в попытках хотя бы временно ста-

билизировать фронт.

Василевский остановился и отпил воды из полного стакана, стоящего на краю ближайшего к нему стола.

– Вместе с тем, против войск координируемых мной фронтов, действуют следующие германские армии: из состава группы «Север» – 2-я и 16-я общевойсковые, а также остатки 18-й, из группы «Центр» – 3-я танковая и 4-я общевойсковая, плюс, по некоторым данным, еще и 7-я танковая армия. Против 3-го Белорусского фронта также действует танковый корпус «Герман Геринг». Таким образом, – Василевский со значительностью посмотрел на Жукова, – даже в случае стратегического прорыва на северном направлении ожидать молниеносного продвижения наших мобильных частей вдоль Балтийского побережья, по меньшей мере, рано, поскольку наши войска располагают здесь лишь одной танковой армией – 5-й Гвардейской, понесшей значительные потери при ликвидации германского прорыва. И, к тому же, передавшей сразу три, – здесь Василевский сделал ударение, – танковые армии Георгию Константиновичу. Оставшиеся мобильные части мы собрали в единый кулак – это корпуса Попова и Панова, два механизированных корпуса и 3-й Гвардейский кавкорпус. Из них наиболее боеспособны первые два.

Голос и выражение лица Василевского вновь стали жесткими:

– Силы, которые мы получили с Карельского фронта,

незначительны, кроме того, большая их часть перебрасывается южнее. Я прошу членов Ставки обратить внимание на создавшееся нетерпимое положение на северном стратегическом направлении, где мы пытаемся добиться перелома, аналогичного южному, не имея при этом достаточных для этого сил. Я понимаю, что центральное направление весьма важно, но всего лишь две недели назад Ставка решила перенести основные свои усилия на север, так?

В помещении повисла тишина. Все посмотрели на Сталина, который молча поигрывал тяжелым карандашом, – не расхаживая по кабинету, как он обычно любил, а сидя на месте.

– Я, признаться, испытываю некоторые сомнения, – задумчиво произнес Верховный. – По поводу того, стоит ли нам продолжать придерживаться плана переноса основных усилий... на север. – Он снова помолчал. – Товарищ Василевский, ви закончили? Товарищ Жуков, а что ви скажете по этому поводу?

– Так точно, товарищ Сталин, закончил.

Василевский, тяжело ступая, вернулся к своему месту, в то время как Жуков поднялся и открыл соседнюю карту, с кирпично-красным пятном Берлина прямо у левого среза. У Василевского вдруг всплыла смутная ассоциация с детством и со школьным уроком – но он постарался отбросить все лишние мысли, сконцентрировавшись на главном.

– Я, конечно, понимаю чувства Александра Михайлови-

ча, – сказал Жуков, раздувая ноздри. – Но складывающаяся на центральном направлении обстановка не допускает двояких толкований. Сюда, и только сюда, нужно бить, бить и бить, всей мощью, всем, что у нас есть. На данный момент, – он полуобернулся к карте, – активными являются фронты. 1-й Белорусский Рокоссовского, 1-й Украинский Конева и вновь образованный 4-й Украинский фронт генерала Петрова. Наши южные соседи, 2-й и 3-й Украинские фронты, в настоящее время не предпринимают никаких масштабных действий, используя предоставленную паузу для переформировки и накопления сил.

Жуков говорил напористо и агрессивно – так, что его слова изначально воспринимались, как имеющие большее значение. Все привыкли, что наиболее важной операцией всегда руководил Жуков, и его напористость часто приносила свои плоды, заставляя Ставку принимать его собственное мнение как наиболее верное, давая Жукову почти все, что он попросит для очередного удара. До сих пор об этом никто, кроме обделенных, не пожалел.

– Против нас действуют значительные силы, но я сомневаюсь, что немцам удастся еще долго выдерживать такое давление, которое мы на них оказываем. У немцев на нашем участке имеются две танковых армии, 1-я и 4-я, но остались ли у них танки? По данным нашей авиаразведки, после летних операций танков там не осталось совсем. 17-я армия Шульца и 9-я армия пытаются действовать против 1-го

Белорусского фронта, но Константин Константинович дает им прикурить настолько сильно, что даже переименовывать группу «А» обратно в «Центр» не было особого смысла – через две недели ее можно будет смело расформировывать. 1-я венгерская армия, как известно, сдалась, и образовавшуюся на ее месте дыру немцы пытаются заткнуть чем попало – в частности, перебрасываемым туда 11-м корпусом.

Жуков, очертив на вертикальной карте расположение немецких армий, подошел к большому столу и развернул более крупномасштабную карту, придавив норовившие свернуться края свинцовыми гробообразными грузиками.

– В ожидании появления разрывов в перерастянувшемся севернее и южнее Лодзи германском фронте мною созданы два мощных кулака из бронетанковых, механизированных и кавалерийских частей, которые перейдут в решительное наступление при первой же возможности. Мы сделали так на Северной Украине, и я не вижу причин, по которым мы не можем рассчитывать на успех здесь. Итак, – указка Жукова ткнулась в Лодзь, – 1-й Белорусский фронт, в состав которого включены 2-я Гвардейская танковая армия Богданова и 1-я Гвардейская Катукова, переброшенные с 4-го Украинского, нанесут двойной удар севернее Лодзи в направлении на Шубин и южнее – на Познань. Дополнительный отвлекающий удар чуть южнее самой Лодзи нанесут 9-й танковый корпус Кириченко и 7-й кавкорпус Константинова, которые должны на максимальной скорости выйти к Косцяну и про-

демонстрировать угрозу флангу германской 9-й армии.

Жуков оглядел присутствующих, ожидая комментариев, но Сталин поднял на него вопросительный взгляд и снова склонился над картой, заставив маршала продолжить.

– Одновременно один мощный удар нанесет 1-й Украинский фронт, 4-я танковая и 3-я Гвардейская танковая армии которого в течение недели должны выйти к рубежу Лешно—Бреслау. Еще южнее предполагается серия локальных ударов силами 1-го Гвардейского кавалерийского и 31-го танкового корпусов. Сюда не входит 4-й Гвардейский танковый корпус Полубоярова, который нам пришлось отвести с фронта после тяжелых потерь, понесенных им в боях с германским 42-м корпусом, а также 1-й Гвардейский танковый корпус Баранова и 25-й танковый корпус генерала Фоминых, остающийся в резерве фронта.

– Да... – протянул Сталин. – Это, конечно, впечатляет. Я думаю, что немцам пора снимать сапоги. Ваш «Первый сельскохозяйственный фронт» им крови-то пустит...

Увидев недоумение, появившееся на лице Жукова, Сталин, рассчитывавший именно на такой эффект, с удовольствием пояснил:

– На одном фронте у вас и Гусев, и Курочкин, и Коровников с Рыбалко, и даже Гусаковский с Барановым. Вы что это там себе думаете, колхоз завести?

– Надо еще учесть Конева, – согласился Жуков. – Да и Гречко туда же. Один только я не вписываюсь...

Он хотел было пошутить по поводу «сельскохозяйственного вредителя» – но вовремя прикусил язык. Употреблять это слово при Сталине лишний раз не стоило, даже в такой обстановке.

– С вашим планом я согласен, – очень мягко сказал Сталин. – Думаю, что и остальные члены Ставки меня поддержат.

Все закивали. Возражать тут было глупо, план был впечатляющ и даже красив – хотя и прост, как мычание. Общевойсковые армии при массивированной артиллерийской и авиационной поддержке изматывают немцев, потом в наступление переходят ударные и гвардейские армии, боевые порядки которых насыщены танками и самоходными орудиями. Эти армии, при определенных усилиях, вскрывают фронт на значительном протяжении, как нож консервную банку, – а в прорывы бросаются танковые армии и конно-механизированные группы.

*Кончается корпус, поднявшийся первым,
Сметает его огневое поветрие,
Маршал бросает в прорыв резервы,
И батальоны уходят в бессмертие.*⁴⁸

Новиков находился в войсках, замененный в Москве Го-

⁴⁸ Стихи Павла Булушева

ловановым⁴⁹. Мотаясь из армии в армию, главный маршал авиации пытался хоть как-то координировать на межфронтном уровне не слишком развитую систему управления советских ВВС. Если на фронт приходилось по две воздушные армии, то между собой они еще могли кое-как спланировать совместные операции, но с армиями фронта «через один» севернее или южнее они уже не имели никакого взаимодействия и часто не были даже в курсе, чем те конкретно занимаются в настоящий момент. К концу третьей недели сентября Новиков добрался до Ленинградского фронта, отчаянно рвущегося вперед по самой кромке Балтийского побережья. Фронт с традициями и историей, с тельниками под бушлатами пехотинцев и боевым кличем атакующей морской пехоты, фронт, где мало-мальски прослужившие солдаты по звуку могут отличить морские пушки, бьющие с воды, от тех же пушек, установленных на бронепоездах, – слишком уж по-особому расходится звук над водной поверхностью.

Балтика встретила главмаршала проливным дождем, и штабной ЛИ-2 едва не разбился, заскользив при посадке на мокрой полосе. Штаб 13-й воздушной армии располагался в нескольких километрах от крупного аэродрома, где базировались сразу четыре полка и несколько отдельных эскадрилий армейского подчинения.

– Товарищ главный маршал авиации... – с рукой, прижа-

⁴⁹ Голованов Александр Евгеньевич, главный маршал авиации, командующий 18-й воздушной армией.

той к промокшей фуражке, к самолету подбежал полковник в плащ-палатке.

– Брось-брось, – отмахнулся Новиков. – Быстро куда-нибудь.

Они пробежали несколько десятков метров по кипящим от падающей воды лужам. Навстречу, взвизгнув, подрулил «хорьх», бешено мотающий «дворниками» по ветровому стеклу, главмаршал с полковником запрыгнули внутрь, и дверца машины сразу отгородила их от бушующей снаружи непогоды.

– Ну что, как обстановка? – спросил Новиков, стряхивая с колен тяжелые капли.

– Плохая обстановка, товарищ главный маршал...

– Можно Александр Саныч.

– Так точно. Тяжелые бои в течение всей последней недели, несем крупные потери. Слава Богу, что погода сегодня такая, хоть передышка ребятам будет.

Новиков посмотрел на него с некоторым удивлением.

– Полковник, доложите и объясните, что за ерунду вы несете, извиняюсь за выражение?

– Полковник Кремзер, зам начальника штаба 13-й воздушной армии. Очень тяжелая обстановка в воздухе со второго дня наступления, Александр Саныч, командарм вам сам доложит. Но такого я не видел, пожалуй, с сорок третьего. Сплошной клубок в небе, немцы озверели совсем.

Машину резко тряхнуло, и Новикова ударило о боковое

стекло.

– Поосторожней, герой, не картошку везешь, – буркнул маршал с неудовольствием.

– Виноват, – не оборачиваясь, ответил шофер, наклонившийся к стеклу так, что чуть не утыкался в него носом. Дождь усилился до такой степени, что разглядеть что-либо за сплошной пеленой воды было сложно.

– М-да... Вовремя сели, – заметил Новиков. Полковник кивнул, полностью соглашаясь. Если бы главмаршал гробанулся на посадке, можно было бы сразу стреляться.

В штабе армии, куда они доехали минут через пятнадцать (ненамного быстрее, чем если бы шли пешком в хорошую погоду), их встретили растопленным камином, коньяком, горячим ужином и прочими редкими радостями прифронтowego комфорта, доступного генералам. По отчету командарма, не сумевшему поймать Новикова в его перелетах с аэродрома на аэродром, воздушная армия дралась с полным напряжением и действительно несла тяжелые потери. К удивлению маршала, немцы ввели здесь в бой значительные силы истребительной авиации – которых у них, как считалось, уже не должно было быть. Противник дрался с ожесточением, которого фронт давно не встречал в своих операциях.

– Непрерывные воздушные бои на всем протяжении нашей оперативной зоны, – говорил командующий воздушной армией Рыбальченко, кусая себя за ус. – Штурмовые и бомбардировочные части атакуются непрерывно, мы вынужде-

ны задействовать львиную долю истребителей на их прикрытие. Некоторые истребительные полки сведены за неделю к трети списочного состава, в штурмовых подразделениях положение ненамного лучше. Насыщенность германских позиций зенитными средствами просто невероятная.

Он постучал по карте карандашом.

Генерал-лейтенант прямо посмотрел в лицо Новикову. Тот был мрачнее ночи за окном.

– Я докладывал командующему фронтом неоднократно, но никаких мер не предпринимается, – продолжил командарм, слегка повысив тон. – Такое положение недопустимо! Мало того, что армия не получала новых машин и летчиков в течение почти месяца интенсивнейших боев, так еще мы должны выделять летчиков в распоряжение главупра без всяких объяснений! Я не знаю, чем вызван этот приказ, но как его выполнить – просто не представляю. Летчики падают от усталости или падают мертвыми, мы сумели собрать пять сводных эскадрилий, оставив машины в их старых полках, но это еще более обескровливает армию. Еще неделя таких боев – и все. Я закончил.

Новиков мрачно молчал. Рыбальченко молчал тоже, поскольку считал, что сказал уже достаточно для немедленного снятия с должности.

– Я не буду отчитываться перед вами о причинах и целях своих распоряжений, – наконец произнес маршал. – Но могу заверить вас, что это не моя прихоть и не глупость. Приказ

этот был отдан именно в такое время, в какое диктовала обстановка. Я, конечно, виноват в том, что оторвался от центрального управления, а Александр Евгеньевич не сумел донести до меня тяжесть сложившейся обстановки, но такого я тоже не ожидал...

Он немного подумал и подытожил:

– Выполнение приказа о выделении эскадрилий разрешаю отложить.

Командарм явственно перевел дух.

– Ну не ругайся, не ругайся, – сказал Новиков. – Кто ж знал? Такое сейчас только на Третьем Белорусском. Ладно, две истребительные авиадивизии получишь завтра же, еще одной попрошу Науменко⁵⁰ поделиться, у него сейчас тихо. Активных действий не прекращать! Балтийцы помогают тебе?

– Помогают, так точно.

– Вот и хорошо. Пусть возьмут на себя всю кромку берега, на весь радиус, чтобы тебе о ней думать вообще не пришлось. Я завтра буду в Кронштадте, поговорю с Самохиным – уверен, что он не откажет. Еще чего?

– Людей в полки.

– Будут. Из ленинградских учебных полков получишь. И технику рассыпью завтра же начнут перегонять. Доволен?

– Доволен, Александр Александрович. Сердце болит, какие потери...

⁵⁰ Командующий 15-й Воздушной армией 2-го Прибалтийского фронта.

– Отвык уже...

– Да, отвык. Не сорок второй ведь на дворе и не сорок первый. Пластают нас, как повар свинью...

– Ладно, это временно, я надеюсь. Вот ведь южные соседи твои тоже подрались будь здоров, а теперь ходят как по Невскому.

– Угу...

– Ну-у! Ты, Семен Дмитрич, я вижу, совсем загрустил. Давай лучше выпьем с тобой, чтоб они все сдохли – и у меня на душе спокойнее будет.

Новиков улетел на следующий день, после того как поговорил по спецсвязи с Москвой, Ленинградом и штабом 15-й Воздушной армии. Спокойнее на душе у него так и не стало, слишком уж серьезными были возникшие у 13-й Воздушной осложнения. Не то чтобы с ними нельзя было справиться совместными усилиями нескольких фронтов – но больше всего Новикова тревожила мысль о том, где немцы сумели найти авиационное топливо для таких интенсивных боев. Разведке об этом ничего не было известно, а все попытки выявить движения колонн заправщиков по прифронтовым дорогам наталкивались на решительное противодействие. Вообще авиаразведка снизила качество своей работы по сравнению с тем, чего ей удавалось добиться еще полгода назад, перед самым летним ударом, и Новиков отметил про себя, что на это нужно обратить особое внимание. По словам командарма, за последние три недели удался только

один глубокий полет армейского фоторазведчика «бостон», которому вместе с прикрывавшими его «аэрокобрами» в течение всего пути пришлось отбиваться от «фоккеров». Проявленные пленки показали такую плотность рубежей обороны в пятидесяти километрах от нынешней линии фронта, что Говорова едва на месте не хватил кондратий. Натолкнись фронт на эти позиции без разведки – там бы все и остались висеть и лежать: на колючке в тридцать два кола, на рвах, на эскарпах, во взаимно перекрывающихся секторах обстрелов дотов и дзотов.

Новиков добрался до Ленинграда измотанный болтанкой и тяжелыми мыслями. Было ясно, что в Москву надо лететь не мешкая, – но, нутром чувствуя критичность ситуации, он хотел еще раз лично проверить, как идут дела у Покрышева с командой. Радости эта встреча не добавила, скорее наоборот.

– Гарам гробанулся, – были первые слова Покрышева после приветствий.

– Что?

– Миша Гарам, из третьей эскадрильи... Ну, он еще из тридцать второго ГИАПа пришел, помните?

– Черт, да он же опытный был мужик, как это случилось? Насмерть?

– Он не виноват. На посадке уже зацепился крюком, когда в барабане заклинило трос аэрофинишера. Самолет перевернуло вверх колесами, кабина – в лепешку, Миша сло-

мал себе все что можно, но жив, отправили в госпиталь.

– Слава Богу!..

– Да уж, повезло мужику, столько всего пережить и вляпаться в трос.

– Виновных нашли?

– Как уж водится, – Покрышев развел руками. – Виновных, не виновных, но крайних точно нашли. Тросы не поменяли вовремя, волокна на изломах посеклись и оттопырились – вот и заклинило...

– Почему не поменяли?

– Пять дней в море потому что! И по шестьдесят взлетов-перехватов-посадок на каждого. Просто не успели! А там любой мог быть, лю-бой!

Покрышев выругался и со злобой пнул ногой камешек, неведомо откуда занесенный на бетонную посадочную полосу, где стоял маршалский «Дуглас».

Новиков провел в Питере всего час, разговаривая со злым полковником, носящим теперь темную морскую форму, и почти все это время Покрышев был мрачен. Все-таки, «чапаевская» авиагруппа была очень необычным подразделением, и проблем с ее подготовкой и обеспечением возникало куда больше, чем с родным полком. Но теперь Покрышев не променял бы ее ни на что – слишком много значило уже сделанное.

Так и не успокоенный, главмаршал улетел в Москву – вновь к проблемам с Ленинградским и 3-м Белорусским

фронтами, с нехваткой обстрелянных пилотов для формирующихся частей ПВО, с нежеланием командиров отдавать хороших летчиков, с дефицитом высотных двигателей, с плохим кислородным оборудованием – и массой других неотложных дел, поглощающих его целиком. И – к мыслям о том, решатся союзники на войну или нет? Решится ли Сталин на противостояние им, хватит ли ему нервов не ударить первым, и хватит ли им всем потом сил – держаться, держаться, держаться...

Покрышев остался. Шустрая машина с курносым молодым шофером, украдкой поглядывавшим на полковника в новенькой морской форме, мчалась по обсаженному облетающими липами шоссе, полого поднимающемуся вдоль склона, где маячили зеленые купола обсерватории. Через полтора часа они добрались до Красногвардейска, до сих пор сохранившего военный вид, и, промчавшись по усыпанным желтыми листьями пыльным окраинным улицам, снова вылетели на хорошую асфальтовую дорогу. Дорога вывела к желтым зданиям старой Гатчинской школы морской авиации. Полковничий ЯК стоял уже полностью заправленный. Механик, вытирая руки промасленной тряпкой, радостно улыбнулся хмурому Покрышеву, затем принял фуражку и помог натянуть парашют. Тот, не выдержав, тоже чуть улыбнулся. Над Красногвардейском стояла отличная для сентября погода, было даже еще достаточно тепло. В такую погоду ругаться не хотелось, хотелось блаженно, по-кошачьи, шу-

риться на солнце.

Истребитель, поднимая клубы пыли, разбежался по полосе и рывком ушел в небо. До Кронштадта было рукой подать, и полковник не успел даже сполна насладиться ощущением свободного полета, не стесненного непрерывным напряженным ожиданием возможной схватки. Ветер из приоткрытого фонаря обвевал лицо, дышалось полно и хорошо.

Крепость, по сравнению с парками Красногвардейска, выглядела пыльной и серой, по улицам ходили патрули, придиравшиеся к козыряющим морякам, изредка проезжали грузовики, покрытые потертым брезентом. Морской город, потрепанный войной, но не потерявший строгой мужской красоты. Кое-где на улице звучал смех, иногда мимо проходили пары – девушки, пользуясь последними крохами позднего «бабьего лета», донашивали цветные платья, радость удаленного от войны города. Двое молодых старшин, неспешно проходя мимо Покрышева, жизнерадостно заржали над окончанием какого-то анекдота. «Колись, селедка...» – успел полковник услышать утонувший в хохоте конец фразы, прежде чем моряки, морщась, чтобы не расхохотаться в лицо старшему офицеру, четко откозыряли ему и прошли мимо. Покачав головой в молчаливом одобрении и немного удивляясь себе, он свернул на неширокую улицу, прямым лучом уходящую от аэродромного района – туда, где в створе домов блестело море.

Ему не хотелось сейчас думать о закованном в гипсовый

панцирь пилоте, который, скорее всего, никогда уже не увидит солнце вровень с собой. Это была не такая уж плохая судьба – много лучше, чем у сотен безвестных сержантов и младших лейтенантов, без всякой славы сгоревших в своих машинах за три года войны. И уж точно лучше, чем у пехоты, закапываемой в братские могилы, как грибы растущие, при каждом перемещении фронта на пять-десять километров к западу – а если к востоку, то бросаемые вообще без всяких могил, на съедение воронам. Пилоты бились и будут биться. Каким бы ты хорошим летчиком ты ни был, все равно случайность или собственная невнимательность может настичь тебя в любую минуту.

...Когда загорелся его мотор, он даже не особо удивился. Сначала температура масла на датчике начала дергаться, постепенно подползая к красной черте, потом завибрировала вся машина. Мотор чихал и плевался короткими черными дымками, трясясь все сильнее. Взяв управление на себя, Покрышев начал снижаться, внимательно глядя вокруг, чтобы выбрать место для посадки. И тут обороты двигателя начали резко падать, а затем из-под капота вырвалось пламя. Пологим скольжением сбить полощущиеся рыжие языки не удалось, а когда УТИ-4, двухместный вариант Поликарповского И-16, загорается, все кончается очень быстро. Мгновенно убрав подачу топлива, он спикировал тогда на какое-то поле, успев выровнять машину над самой землей. Потом был удар, качающееся небо над телегой, кровь из прокушенных губ,

дикая, невыносимая боль в раздробленных ногах, постепенно перешедшая в ноющую, ставшую привычной. У него тоже была жесткая и скрипучая койка, воробьи за госпитальным окном и страх, что жизнь кончилась...

Сейчас Покрышев вспоминал это даже с каким-то теплым чувством – хотя, казалось бы, что здесь хорошего. Но не сдался ведь, и выжил, и вернулся на фронт, и даже снова начал летать. Так что Мише Гараму еще повезло. Остался жив, полежит по госпиталям, получит отпуск и найдет себе какую-нибудь должность при Академии или в штабе любой авиационной части. Боевому офицеру, покалеченному в аварии, не дадут остаться без дела. Главное – остался жив.

На ЯКах-3 сначала второй, а потом третьей и четвертой эскадрилий меняли моторы. Нарботавшие по сотне часов, вынесшие все возможные перегрузки, ЯКи уже не выглядели сияющими, словно новенькие монеты, игрушечными самолетами, какими их запомнили первые из летчиков, попавшие в группу. Краска на обшивке плоскостей истерлась воздушными потоками до сияющего белого блеска, боковые поверхности фюзеляжей покрылись въевшимися в потертую краску пятнами от капель масла и копоты из патрубков, в пулеметах по три раза поменяли боевые пружины. В общем, по правде говоря, провоевавшие столько времени машины на фронте уже передали бы кому из летчиков попроще. Но, привыкшие за несколько месяцев к характеристикам конкретного самолета, пилоты, во многих случаях, предпочитали довести

машину до хорошего состояния и продолжать летать на ней – пусть и уступающей новым несколько километров скорости. Если плексиглас покрывался желтизной и трещинами по краям настолько, что становился почти непрозрачным, его меняли, самолеты натирали бензином, чтобы выгадать немного скорости, меняли поршневые кольца – но все это требовало больше и больше времени и усилий.

Через две недели в Кронштадт должны были перегнать новенькие машины с мощным, малосерийным пока двигателем ВК-107 А, дававшим на четыреста лошадиных сил больше серийного «сто пятого», но многие относились к этому с сомнением – слишком уж много проблем всегда было с новыми моторами, оказывающимися на поверку сырыми и опасными. Летчик в бою вообще не должен думать о моторе, у него достаточно других проблем. Приборная доска современного истребителя содержит десятки приборов, оглядывать которые в бою нет и не может быть времени, и если положения переключателей пилот меняет вслепую, то времени читать показания циферблатов в тот момент, когда кто-то на тебя заходит, у тебя уже не будет.

Летчики встретили полковника с радостью, день был скучный, а возвращение командира после общения с начальством обещало какие-никакие новости. Все уже успели перебивать у разбившегося Гарама в госпитале, но тот ничего не сообщал от морфина, и никакого смысла сидеть у его койки не было. Накрутив на всякий случай хвост «штурма-

нам клистира» (чтобы не перепутали, куда вставлять) и оставив у напуганной таким вторжением сестры коробку с еще крымскими сливами и сухумским виноградом, летчики проводили день в штабном домике, предаваясь самому сладкому для мужчин занятию – безделью.

– Ничего нового, не дергайтесь, – отмахнулся Покрышев. – Обещал дать на замену летчика, сказал – готовьтесь, а к чему, не объяснил. Как обычно, в общем.

– А что за летчик, знаешь его?

– Нет. Фамилия обычная, Смирнов. Зовут Олегом. Я никогда о нем не слышал, но Новиков сказал, он из 31-го ИА-Па. Кто-нибудь у нас есть из 31-го?

– Эй, кто тут из тридцать первого?

– Саша, ты не из тридцать первого?

– Нет.

– У нас один Смирнов уже есть. Лешка, ты что там сидишь, тут еще один Смирнов на подходе, знаешь такого?

– Да вон Анихеевич из тридцать первого, точно!

– Ни хрена, я из 31-го Гвардейского! – Пишкан, именуемый исключительно по отчеству, ткнул ошибшегося в бок кулаком.

– Не пихайся, а то сам пихну! – Все заржали, в группу почему-то действительно собирались люди с не всегда обычными фамилиями. Смирнов была редким исключением.

– Тише, тише, без гвалта. Ну, я из тридцать первого, а чего надо? – к группе подошел коренастый майор.

– О! Онуфриенко объявился!

– Отлюбив Ольгу...

Майор, сохраняя спокойное выражение лица, выдал весело настроенному Гуляеву тычок кулаком под ребра.

– Ой, охальники! – сокрушенно поцокал языком еще один летчик. Онуфриенко немедленно выдал под ребра и ему.

– Что, Григорий, ты правда из тридцать первого? – спросил Покрышев, которого общее, взявшееся ниоткуда веселье не особо заразило.

– Угу, – согласился тот. – До этого в 5-м Гвардейском и 129-м, вон, с Владимиром, – он показал на тоже подошедшего Боброва, переводящего взгляд с одного на другого.

– Ну и что? Бобров тут при чем? Ты Смирнова знаешь или нет?

– Да знаю, конечно!

– И как?

– Да отличный мужик, чего вы все так напряглись? Надежный, в воздухе не подведет и на земле тоже. Я с ним летал раз сто на пятых «Лавочкиных», у него под двадцать сбитых уже есть, так что не надо шуметь...

Он действительно оказался хорошим парнем, этот Смирнов, добравшийся до части через пять дней. Видимо, она была далеко не тем, что он ожидал увидеть, но наличие знакомых лиц его обрадовало, а кроме Онуфриенко его знал Скоморохов⁵¹ и, как выяснилось, Кирилюк⁵², который в день

⁵¹ Николай Скоморохов, десятый в списке советских асов, имел к концу войны

прилета Новикова ездил в Ленинград по каким-то своим делам. В общем, провоевавший достаточно долгое время летчик, особенно из ранних призывов, всегда мог найти каких-то знакомых в большинстве летных частей – особенно гвардейских, куда старались переводить лучших бойцов.

Николай Скоморохов, несмотря на всегда чуть надменное выражение лица, был славным и добродушным парнем и без особых проблем взял на себя натаскивание прибывшего новичка, которому удалось сдать зачет по ЯКу за три дня, а по палубным операциям «Чапаева» – за неделю.

– А что, ребята, с американцами война будет? – спросил Смирнов, более-менее оглядевшись вокруг, а также частично отъевшись и отоспавшись.

Несколько человек посмотрело на него удивленно. Кто-то, посмотрев, отвернулся, остальные перевели вопросительные взгляды на командира. Тот молчал.

– А с чего это ты взял? – осторожно поинтересовался Кожедуб.

– Ну, у нас говорили, что всех по три раза раненых рядовых и сержантов в пехоте, артиллерии и танках отзывают с фронта.

– Ну и при чем тут Америка?

– Говорят, – Смирнов пожал плечами, дескать, я-то тут при чем? – Говорят, что три ранения – это вроде как гаран-

46 личных побед.

⁵² Виктор Кирилюк, к концу войны имел 32 личные победы.

тия, что человек не подведет ни при каком раскладе. Их доучивают, дают младших лейтенантов и оставляют пока в тылу, с переформируемыми частями. Вроде болтали – для войны с американцами.

Кто-то присвистнул. «Я же тебе говорил», – отчетливо сказали в стороне.

– А я думал, мы тут одни американские силуэты учим... – протянул Раков. – А оно вон куда пошло...

Все заговорили разом. В летном кубрике «Чапаева», совершающего рутинный переход по замкнутому маршруту, как в последнее время стало обязательным – с полной командой, в полной готовности и со всеми возможными учениями и тревогами – были только пилоты и стрелки бомбардировочной эскадрильи. Стесняться здесь никого не надо было.

– Да подумайте, что может, скажем, полнокровная дивизия, если все младшие офицеры в ней будут из выслужившихся сержантов! – горячился один пилот. – Ее же на пулеметы просто так не бросишь! Значит, и не надо на американцев перекладывать, просто воевать научились!

– Ерунду говоришь, как гнали на убой пехоту, так и будут гнать. Генералу до окопов далеко, ему плевать, кто у него взводные. Тут стратегия!

– И еще, – почти все более-менее замолчали и развернулись к Смирнову. – Помимо таблиц опознавания всяких там «лайтнингов» и «тандерболтов», перечней союзных знаков и маркировок вкупе с прочим барахлом, появившимся за по-

следние недели... – летчик сделал паузу. – Там была одна такая текстовая табличка, которая меня удивила. Про что бы вы думали?

– Ну?

– Про то, какие клички для наших самолетов используют союзники.

– «Крыса»⁵³ ?

– Нет, это немецкое, как «Шварцтод». Здесь другое, у них очень стройная система создана. Для истребителей – одни имена, у бомберов – другие.

– А ЯК, ЯКа как зовут?

– «Фрэнк». Это для девятого, он там один был, я запомнил.

– Имя-то какое-то странное...

– Так американское же.

– А еще какие?

– ЛА-7 – это «Плавник», «Петляков» – «Самец», новый «Туполев» – «Летучая мышь».

– А ты новый «Туполев» видел уже?..

– Да подожди ты, интересно же! Еще какие там были?

– Э-э-э... Новый «Туполев» – «Мышь», это точно, а больше я не помню ничего... Разве что ЛИ-2 – просто «Такси».

– Вот это похоже!

⁵³ «Rata» – немецкое прозвище советского истребителя И-16. Было созвучно испанскому его прозвищу «Chatos» («Курносый»). Биплан И-15 имел у немцев классическое прозвище «Иван».

– И «кобра» – это «Фред».

– И Покрышкин – это бешеный кабан...

– Да пошел ты! – Покрышкин, ухмыляясь, пополировал рукавом свои ордена. Прозвище было далеко не плохим, хотя вряд ли приживется. Большой нужды различать его с Покрышевым не было.

– А вообще все это, ребята, очень серьезно, – голос командира был весьма задумчив, это вообще стало для него характерно в последнее время. – Таблицу-то эту к нам пришлют, я прослежу, но все это наводит на всякие разные мысли... И, наверное, не меня одного, а?

– Наводит-наводит, давно наводит.

– Угу, с конца июля нехорошим пахнет... Как они начали с немцами договариваться, так сразу ясно стало, чем дело пахнет.

– Дерьмом пахнет...

– Все так думают?

– Я вот думаю, что не дерьмом это дело пахнет, а кровью, – высказался Голубев, пытаясь выдавить последние капли из холодного чайника себе в стакан. – Я только не понимаю, зачем нас тогда здесь собрали, если война с американцами будет?

– Ну, у немцев-то флота нет уже...

– Это ты кому другому скажи! – Голубев поискал глазами своих, но те ввязываться в спор не стали.

– Командир! Ну чего ты опять молчишь? Уж ты-то зна-

ешь... Наверное.

Покрышев, конечно, знал. Кузнецов объяснил ему это вполне доступно, еще тогда, в Кремле, еще в самом начале – но только сейчас он начинал понимать, что все это затеяно всерьез, что авианосец и корабли действительно выйдут в море, когда придет время. И, скорее всего, противником их будут уже не немцы.

– Не особо много я знаю, ребята. Но просто так такую компанию не собрали бы, верно? Вспомните Сталинград, кто там был, Амет, ты? Когда звездную группу⁵⁴ собрали, сколько времени вам дали слетаться?

– Неделю с хвостом...

– А теперь мы все здесь, – тихо сказал Алелюхин.

– Кроме командира⁵⁵... и Миши Баранова⁵⁶...

– Земля им пухом...

– Земля им пухом, – как эхо отозвался Амет-Хан. Все замолчали. Смерть в воздухе редко бывала легкой.

– Если нам придется драться с чертом рогатым, мы будем драться и с ним, – очень спокойно выразил общее настро-

⁵⁴ Имеется в виду знаменитый 9-й Гвардейский Краснознаменный Истребительный Одесский авиаполк под командованием Льва Шестакова, созданный как элитная истребительная часть для борьбы за господство в воздухе. В нем воевали многие прославленные асы, включая Султана, Алелюхина, Лаврипенкова, Головачева, Карасева, Тюленева и других.

⁵⁵ Лев Шестаков, командир 9 ГИАПа (29 личных побед, включая 8 в Испании), погиб в 1944 году.

⁵⁶ Михаил Баранов, ас 9 ГИАПа (24 личных победы), погибший в 1943 году.

ение комэск-три. – Но лучше бы этого не произошло. Испания, Китай, Монголия, финны, немцы, теперь остальные подключатся... Сколько еще полков придется сжечь, чтобы это наконец закончилось?

В принципе, все сказанное им было общим мнением. У многих летчиков никакого желания воевать с кем-то еще не было. Одно дело воевать ради конкретной, затрагивающей лично тебя цели – «враги сожгли родную хату»... Или убили друга, или погиб брат, или просто, навидавшись войны и переполнившись ненавистью, до боли в зубах хочется наказать тевтонов так, чтобы потом поколений десять детей в люльках русскими пугали и сами чтоб боялись. Это одно. Но рисковать жизнью ради чего-то, не столь глубокого... Однако именно для этого и существует армия. Стройная система воинских званий, знаки различия, форма – чтобы сразу все было четко определено. Услышал команду, пересчитал на всякий случай количество звездочек на погонах приказавшего, сравнил со своими: ага, больше. Побежал выполнять. Или полетел – в данном конкретном случае. Соответственно, если большому дяде с большими звездами, заседающему в глубоком тылу, приходит в голову мудрая мысль отправить из пункта «А» в пункт «Б» майора или капитана Запертюйкина, значит искомый Запертюйкин должен, не теряя ни минуты, откозырять – и отбыть в соответствующем направлении. Как его внутренний протест, так и возможность того, что его, бедного, на этой дороге убьют, ни в малейшей степе-

ни не должны волновать большого и потенциально мудрого дядю. Так что можно не ругаться, а учить английский. И матчасть. И технические данные вероятного супостата. Дольше проживешь.

Иван Кожедуб имел к моменту его отзыва с фронта 48 побед, все личные. У Покрышкина, получившего в августе третью Золотую Звезду, было 53, и еще человек десять приближались к нему вплотную, но широколицего майора беспокоил не порядковый номер в более-менее условном списке, а возможная потеря привычки выживать. Летчики группы, без всяких сомнений, в учебных боях друг с другом повысили свой класс до пределов возможного, но настоящую слетанность могла дать только настоящая война, от которой авианосец пока держали на максимальном расстоянии.

Кожедуб попытался было завести разговор на тему «краткосрочной командировки» сначала с Осадченко, а потом с Федоровским – но получил щелчок по носу. Ему объяснили, что при отправке того же «Чапаева» для нанесения удара по какой-нибудь германской военно-морской базе его нужно обеспечивать на переходе, охранять, тралить, бомбить прибрежные аэродромы – и все это для того, чтобы восемь легких бомбардировщиков атаковали не весьма значительную цель. И половина истребителей – потому что вторую половину надо оставить охранять авианосец и те корабли, которые охраняют его. Так что сиди и не чирикай, навоюешься еще.

Большая война все же ощутимо приближалось. Амери-

канцы попытались прощупать наши войска на юге, послав пару десятков «лайтнингов» прошерстить прифронтовые дороги. Под штурмовой удар попала советская механизированная колонна, прикрывающие одну из них зенитные самоходки М-17 с четырехствольными «Кольт-Браунингами» сумели одного завалить. Подошедшие ЯКи сбили с наскака еще пару, приняв их за Ме-110, а разобравшись, начали показывать звезды, стучать себя по голове – в общем, намекать на дурость союзничков. Те вроде бы осознали ошибку, покачали крыльями и смылись. Американское командование принесло трогательные извинения, и никаких последствий этот бой не имел, кроме устного назидания командиру звена ЯКов и остальным: в следующий раз не джентльменничать, а сбивать на хрен.

Фронты на северном направлении задержались у германских рубежей почти на неделю, за истечением которой Новиков подтвердил Ставке свою уверенность в превосходстве советской авиации над Люфтваффе. К первому октября фронтовые полки насчитывали свыше восьми тысяч истребителей, девяносто семь процентов которых составляли машины, произведенные за последние два года. Еще пять тысяч штурмовиков и четыре с половиной тысячи бомбардировщиков были тем кулаком, который, будучи направлен в одну точку, мог разнести в прах любую подготовленную оборону.

Установившаяся на севере Европы хорошая погода и доз-

воление Верховного сконцентрировать ударные части большинства воздушных армий в границах Восточной Померании позволили использовать авиацию в невиданных до сих пор масштабах. Даже при взятии Кенигсберга, когда интенсивность бомбежек была максимальной, такого не было – на ту же ширину фронта тогда приходилось вшестеро меньше штурмовиков и пикировщиков. В дыму от пожарищ, сливающихся в одну гигантскую пелену, сотни ревущих машин взлетали, поднимались к тускло просвечивающему диску солнца, сбрасывали свой груз с пикирования, затем спускались к поверхности земли, расходясь широким веером, и опустошали коробки пушечных и пулеметных магазинов в любую мелькающую под крыльями тень. Садясь, пилоты лишь отруливали в сторону от полосы и, не выходя из кабин, дожидались, пока к их машинам подвезут новые бомбы, заполнят коробки магазинов через люки в крыльях снаряженными лентами, и снова взлетали. И так ежедневно по несколько раз в день – а для многих и каждую ночь. Утром пехота поднималась из своих окопов и, с винтовками и автоматами наперевес, в молчании пробиралась через изрытое воронками пространство – до следующей линии обороны, на которой еще огрызались уцелевшие в железобетонных колпаках огневые точки. Тяжелые корпусные САУ подходили к ним на расстояние прямого выстрела и крошили амбразуры фугасными и бетонобойными снарядами, прежде чем перебегающая следом пехота поднималась в полный рост. Это

была война, еще не виданная на Восточном фронте – война, где немецкий пулеметчик видел перед собой не бесчисленные, от горизонта до горизонта, цепи советской пехоты, а только летящую в него из дыма и пыли смерть. Оглушенные от непрерывных бомбежек, ослепшие от летящих внутрь дота зазубренных осколков бетона, режущих кожу не хуже ножа, видящие перед собой только росчерки вылетающих из дыма трассирующих снарядов, немецкие пехотинцы оставляли обреченные бункера и по обмелевшим траншеям пробирались в глубь своих позиций. Обычно – только затем, чтобы найти там те же перепаханые окопы, пробитые накаты блиндажей, засыпанные тела убитых, сгоревшие дома и срубленные осколками до полуметровой высоты пни леса. Не останавливаясь, они шли на запад, прячась от проносящихся на десятиметровой высоте эскадрилий черных горбатых штурмовиков, поливающих траншеи свинцом, кувыркаясь в попытках избежать пуль охотящихся даже за отдельными людьми Яков. В километре за ними катился вал продвигающегося русского железа.

Шестого октября 8-й Эстонский корпус 8-й же армии генерала Старикова пробил последний рубеж германских фортификаций, упирающихся в море. Южнее, в щель между уцелевшими участками укрепрайонов, на дороги Померании выходили части Рогинского, Белова, Романовского, Захватаева, еще южнее – Казакова и Свиридова. Фронт еще не рухнул, но времени готовить новые рубежи у немцев станови-

лось все меньше. Говоров, одновременно руководящий сразу двумя фронтами, бил и бил вперед с силой пробивающего нагрудную пластину рыцарского доспеха чекана, на острие которого находились выпестованные и снабженные по первому разряду, озверевшие от крови и побед гвардейские дивизии славянской пехоты. Советские армии на сужающихся на севере фронтах меняли друг друга, сражающиеся против них германские 3-я танковая и 9-я общевойсковая позволить себе этого не могли. Еще 24 сентября Гитлер объявил о создании «Фольксштурма» – убогой альтернативы американским и английским армиям, которые должны были не допустить русских варваров в Германию. Но и те и другие, вместо того чтобы принять протянутую руку дружбы и встать плечом к плечу с германскими воинами на защиту Европы от ужасов коммунизма, вопреки здравому смыслу продолжали бомбить германские города и стрелять в германских солдат.

Никаких переговоров пока не было. Не было и никаких договоренностей. Комбинации дипломатических движений, обращений к нейтральным странам с просьбой о посредничестве, такие важные и такие правильные, оставались безо всякого ответа. Попытка американцев, англичан и поляков сбросить парашютный десант на Голландию, после масштабных боев с частями Вермахта и СС закончившаяся к началу октября почти полным уничтожением воздушно-десантных частей союзников, стала логичным завершением политических глупостей, совершенных обеими сторонами.

Седьмого октября русские высадили морской десант на Борнхольм, вырезавший сопротивляющуюся часть гарнизона безо всякой пощады, – слишком уж много фигур в черных бушлатах осталось висеть на колючей проволоке аккуратных датских пляжей. Остальные без малого восемнадцать тысяч человек решили не изображать из себя героев. Крупные корабли КБФа приняли участие в десанте только в роли маячащей где-то за горизонтом угрозы. Отряд легких сил, состоящий из «Кирова» с эсминцами, в хорошем темпе обстрелял береговые укрепления, выпустив за сорок минут около трехсот снарядов, и отошел назад, под прикрытие «Петропавловска» с «Чапаевым» и ополовиненной бригады легких крейсеров. Командование, впервые проводившее крупную операцию в «открытой» части Балтики, все-таки решилось задействовать авианосец – более для тренировки, чем для реальной боевой пользы. Конечно, немцы могли попробовать навязать эскадре классический морской бой, но Кузнецов в итоге решил, что это было бы даже полезно. Сил у Кригсмарине становилось все меньше, большая часть уцелевших еще кораблей бесполезно ржавела в бухтах, а с несколькими действующими крейсерами Левченко справился бы. Ни «Кронштадт», ни «Советский Союз» в море не вышли, хотя такой соблазн был и у многих офицеров руки чесались в предвкушении настоящего дела.

«Чапаев», окруженный «коробочкой» эсминцев, прошел вплотную за тралами по извилистым прибрежным изоба-

там, непрерывно сопровождаемый гидросамолетами флотской авиации. Всего за неделю до этого у острова Нерва подлодкой был потоплен тральщик Т-45, после чего меры предосторожности были значительно усилены. За шестьдесят миль от Борнхольма с палубы авианосца стартовали разведчики: второе звено пятой эскадрильи, «Три К и Шипов», то есть сборная Сафоновского полка, знаменитого 2-го ГИА-Па ВВС Северного флота – Коломиец, Климов, Коваленко и Шипов. Эскадрилья штатных разведчиков считалась достаточно подготовленной для дальней навигации, в то время как для сафоновцев как разведчиков «второго эшелона» практика дальней морской разведки была просто сочтена полезной. Впрочем, Александр Шипов до перевода был штурманом полка и провел звено как по нитке. Самолеты вышли на остров почти сразу же после восхода солнца, с востока. То ли на пятикилометровой высоте их никто не опознал, то ли противник, расслабившись, принял за своих, но ни одна зенитка не тявкнула вслед.

Пройдя вдоль береговой черты острова, чуть превышающего по размерам Соловки, и осмотрев многочисленные пристани и причалы рыбацких поселений и городков Хасле, Сванеке, Сандвига, звено, не связываясь с противником, вернулось к авианосцу (на подходе оно для профилактики было перехвачено полной эскадрильей Амет-Хана). Доложив о результатах разведки Покрышеву и Осадченко, не особо даже уставшие пилоты отогрелись на камбузе и к полу-

дню пошли во второй вылет – на прикрытие разгружающихся транспортов. Наличие в воздухе советских истребителей, должно быть, здорово удивило германского разведчика, прилетевшего со стороны Свинемюнде и легко сбитого парой из второй эскадрильи. Бомбардировщики за «Рамой», к общему разочарованию, не последовали. Остров был захвачен настолько быстро, что германское командование на материке сумело разобраться в ситуации уже после того, как последний солдат, вытаращивший от ужаса глаза, выбежал из бункера и был аккуратно пристрелен, пока начальство не видит.

Морская пехота, наверное, впервые использованная на Балтике по своему прямому назначению в таком масштабе, пленных брать вообще не любила, а обстановка высадки прямо под огонь пулеметов способствовала исчезновению последних остатков интеллигентских комплексов у тех, кто их еще сохранял. Громадный, похожий на дикого кабана Бокрия, обходя траншеи, неодобрительно посмотрел на лежащие рядом трупы с вытянутыми руками и без оружия, но ничего не сказал. Догадливый старлей, правильно его поняв, быстро распорядился убрать покойничков подальше от случайного взгляда.

Вообще операция прошла настолько чисто, что это даже вызывало опасения. Время, которое заняло установление полного контроля над островом, оказалось, как и положено, обратно пропорционально времени, затраченному на подготовку операции, – что после Керчи и Коктебеля бы-

ло воспринято с облегчением. Среди прочего военного люда на освобожденный датский остров с транспортов высадились, в частности, батальон аэродромного обслуживания, принявший целехонький, хотя и небольшой, аэродром со всеми его службами и даже не успевшими взлететь разъездным «шторьхом» и метеорологическим Me-108. Натерпевшись страха на переходе морем, аэродромщики шустро прочесали жилые домики вокруг, выковыряли оттуда нескольких напуганных «коллег» и быстро доложили о готовности аэродрома к приему самолетов – последние приземлились там уже через два часа.

В отличие от летчиков перелетевшего на Борнхольм полка, которые, сев, ощутили ногами твердую землю, приземлившихся на палубу «Чапаева» ожидало еще два дня морской качки и страха перед таящимися в глубине подлодками. В принципе, все были согласны с тем, что операция оказалась чрезвычайно выгодной в военном отношении и полезной для флота, но у многих пилотов авиагруппы она отняла как минимум год жизни. На земле, закончив к вечеру вылеты, летчик, при нормальной ситуации на фронте, мог быть уверен, что в столовой он увидит подавальщиц, на столе – скатерти и привычные сто грамм, чуть позже – кино или танцы. А потом – сон до рассвета, прерываемый только вскрикиваниями воюющего во сне соседа по комнате. В море из вышеперечисленного не было ни танцев, ни девушек, но зато каждое стукнувшее в борт бревно казалось миной, кружа-

щие над горизонтом чайки – пикировщиками, а ночью каждый представлял злобного немецкого подводника, с криком «О-о-о! Колоссаль!» прицеливающегося в их борт.

Эскадра вернулась в Кронштадт 9 октября, и без каких-либо приключений. На следующий же день крейсера снова ушли в море, оставив почувствовавших себя морскими волками летунов «Чапаева» в сотый раз отрабатывать ставшие уже рутинными техники групповых взлетов и посадок, наведение по радиолокации, перехваты и морскую навигацию. Новые корабли были доведены до полной готовности, стрельбы проводили через день, тревоги – ежедневно. К 12-му все три корабля по очереди («Чапаев» – последний) поменяли на заводе выгоревшие лейнеры стволов орудий, и с этого времени стрельбы почти прекратились, хотя артиллерийские учения на станках и в башнях «без выстрела» продолжали проводиться. Кузнецов, опять побывавший в Кронштадте, отчитался в Ставке о полностью выполненной кораблями программе индивидуальных действий и действий в составе эскадры.

– Товарищ Кузнецов, – поинтересовался Сталин. – Вот вы нам говорите: Левченко, Левченко... Вы уже решили, что это будет именно Левченко, кто примет командование эскадрой?

– Да, товарищ Сталин, – несколько удивленно ответил остановленный на полуслове нарком.

– Почему же?

– Ну... Гордей Иванович получил опыт командования эскадрой, включающий линкор, при переходе «Архангельска», блестяще отработал учения с нашим линкором и линейным крейсером, ходил на Бронхольм... Я считаю, больше ни у кого такого опыта нет, так что его я и прочил в командующие. Вы возражаете, товарищ Сталин?

– Да нет, почему же... – Верховный легко махнул рукой. – Я просто подумал: Москаленко, Осадченко, Левченко... Интересная компания получается.

– Вы имеете в виду, что двое из трех командиров новых кораблей украинцы?

Сталин вопросительно посмотрел на Кузнецова, как бы удивленный вопросом. Что это, мол, вы, товарищ адмирал флота, разве не являетесь пролетарским интернационалистом?

– Черноморский флот, без сомнения, являлся лучшим по боевой подготовке перед войной. В нем служило и служит немало украинцев. И понятно, многие командиры с Черноморского достигли высоких должностей. Но Левченко действительно лучшая кандидатура для эскадры...

– А что вы скажете по поводу адмирала Трибуца? – жестко спросил Сталин.

– Вице-адмирал Трибуц находится вполне на своем месте, – немедленно отозвался Кузнецов. – Но против назначения его командующим эскадрой я буду возражать.

– Объясните, – Сталин сказал это с удовольствием, такие

моменты он любил.

– Некоторые черты характера нынешнего командующего Балтфлотом напоминают мне печальной памяти Рождественского, – Кузнецов рисковал, но он говорил честно. – Такой человек прекрасно подходит для командования флотом, который действует из своих баз и под контролем высшего руководства. Но если поставить его на эскадру, то Трибуц героически поведет ее на врага и с чувством исполненного долга отрапортует, что эскадра погибла, но не сдалась. Мне это не нужно.

– Интересно...

– Да, товарищ Сталин, мне не нужно, чтобы эскадра героически погибла за Родину. Мне нужно, чтобы ее противники погибли за свою родину. Я продолжаю настаивать на кандидатуре Левченко.

– А был ли адмирал Левченко в морском бою? Уверены ли вы, что он поведет себя правильно? – Верховный, пользуясь привычными оборотами, накладывал личную ответственность на каждого подчиненного.

Кузнецов усмехнулся.

– В морском бою из всех нас были только два человека: я и Лев Михайлович Галлер⁵⁷. Больше никто и никогда в бою из адмиралов не был...

– Про вас я помню, в Испании, – кивнул Сталин. – А Гал-

⁵⁷ Заместитель наркома ВМФ, автор программы «Большого Океанского флота». После Победы был репрессирован по «Делу адмиралов» и умер в тюрьме.

лер?

– Старшим офицером на «Славе» в Моонзундской операции.

– Да, и это я тоже помню, – Сталин кивнул еще раз. – И больше никто?

– Больше никто. Лев Михайлович уже старый человек, а вот если бы вы разрешили мне...

– Не разрешу.

Кузнецов даже не успел обрадоваться внезапно появившейся возможности.

– Хватит с вас «Балеареса»⁵⁸, вы мне здесь нужны.

– Жаль, что Иван Степанович...

– Да, жаль, – Сталин, чуть наклонив голову, подумал. – Нет. Исакову нельзя. Хотя, не будь увечье, он прекрасно бы подошел⁵⁹.

– Согласен.

– Александр Михайлович, – обернулся он к задумавшемуся Василевскому. – У нас ведь уже есть один Москаленко?

– Так точно, Кирилл Семенович, на 38-й армии.

– А равен ли линейный крейсер армии?

– Я считаю, равен.

⁵⁸ Тяжелый крейсер испанских националистов, потопленный торпедами республиканских эсминцев (советником на одном из которых был Н. Г. Кузнецов) в ходе рейда на базу республиканского флота в ночь 5/6 марта 1938 года.

⁵⁹ Адмирал Иван Степанович Исаков потерял ногу после тяжелого ранения в 1942 г. под Туапсе, где он попал под штурмовой удар «мессершмиттов». В дальнейшем, находился на штабных должностях.

– А я считаю, и больше армии, – добавил сам Кузнецов. – Сколько труда вбухали, сколько времени. Могли три армии снарядить от ботинок до гранат.

– И правильно сделали, что вбухали, – Сталин усмехнулся в усы. – Теперь они должны отрабатывать, что мы в них вбухали, – это слово ему, видимо, очень понравилось.

Шахурин отчитался по выпуску высотных моторов и кислородного оборудования для истребителей ПВО – и то и другое задерживалось, тормозя формирование новых частей. Верховный, однако, никаких репрессивных мер не предпринял, понимая стоящие перед промышленностью трудности.

– Еще неделю вам даю, – сказал он. – Через неделю доложите, что моторы устанавливаются на перехватчики и что проблемы с кислородом решены. Понятно?

Всем было понятно.

Северные фронты, подкрепленные резервами Ставки и ударными частями, переброшенными с южного направления, уверенно двигались вперед. Узкие красные стрелы наступающих армий вытягивались на запад все дальше, закругляясь локальными ударами по местным целям. Язык Ленинградского фронта навис над Штеттином, а уже на следующий день, пробив позиции 32-го армейского корпуса, изогнулся к северу – поворачивая к Свинемюнде, обжимаемому одновременно с востока. Второй Белорусский передал Говорову 2-ю Ударную армию Федюнинского, вклинившуюся между двумя отступающими дивизиями СС. По-

сле коротких маневренных боев армия наконец вырвалась на оперативный простор, сразу обрушив весь северный фас германской обороны. Через считанные часы Второй Белорусский, поддержанный специальной ударной авиагруппой Ставки ВГК (Кравченко, жаль, не дожил), начал наступление южнее Штеттина, раскроив германскую группу армий «Висла» на три неравные части между 65-й, 70-й и 49-й армиями, пронзив ее стрелами продвигающихся на запад танковых и кавалерийских корпусов.

С этого дня темп наступления увеличился в десятки раз. На рокадах с обеих сторон днем и ночью стоял непрерывный рев – обе стороны гнали на север технику и мотопехоту с максимально возможной скоростью. Веер советских ударов, развернувшись, вытянулся к Штральзунду, Ростоку, Висмару, Людвиглусту и дюжине других больших и маленьких городков Мекленбурга и Померании, нависая огромным кулаком над самим Берлином. Василевский убыл на фронт, за ним последовал Жуков – приняв готовящийся к удару Первый Белорусский вместо Константина Рокоссовского, с 12-го числа возглавившего Второй. Воронов находился на севере, Голованов тоже, и на заседаниях Ставки было тише, чем обычно. Слово «Берлин» витало в воздухе. До него еще оставалось сто с лишним километров, напичканных минами, противотанковыми надолбами и отборными немецкими частями, но первые наметки будущих планов по его взятию уже начали проскальзывать в обсуждениях, вызывая вполне по-

нятное волнение. К этому короткому осеннему месяцу шли многие годы, принося невиданные в истории жертвы человеческими жизнями.

Каждый пробовал это слово на вкус... «Берлин»... Вкус был металлическим и соленым, почти как человеческая кровь. Два самых мощных фронта – Первые Украинский и Белорусский – смотрели в сторону Берлина с вожделением и опаской – как стая волков, загнавших в болото лося. Очень хочется впиться ему в горло, насладившись убийством, но торопиться и начинать первым не хочется совсем – лось силен, матер, как и сами волки, и терять ему уже нечего. Фронты копили силы, перегоняли к переднему краю сотни составов с боеприпасами и ждали. Каждый день развития наступления на севере был выгоден советской стороне. Немцы сконцентрировали слишком много сил в центральной части Германии и, нервничая, наблюдали, как русские широким фронтом продвигаются им за спину, готовые развернуть острие Удара в их сторону, но все еще этого не делающие.

Это была война нервов. Гитлер приказал ни одну дивизию, ни одну роту от берлинских рубежей не отводить и продолжал усиливать играющую центральную роль в его обороне 4-ю танковую армию Неринга за счет частей, активно перебрасываемых с Западного фронта. Остатки доставались Мекленбургу, но это напоминало бросание в костер сухих листьев: в течение двух дней вступающие в бой дивизии становились инвалидными командами, теряя до двух третей

боеспособности. К 15-му группа армий «Висла» была расформирована – чисто официальное телодвижение германской военной бюрократии, худшей из всех возможных. Падение Афин не позволило им высвободить какие-либо дополнительные силы, которые можно было бы перебросить на север, поскольку англичане проявили удивительную цепкость, загоняя отступающие германские части в Югославию – на прокорм дружелюбным до невозможности ребятам Тито. 16 октября 70-я армия форсировала Эльбу своими передовыми частями в самом устье, через день дотянулась до Любека и остановилась, вцепившись в город железной хваткой. Попов предпочел потерять день, дожидаясь отставшие на марше части, но не поворачивать на север к Килю без надлежащего превосходства в силах и разведки. Слишком велик был риск нарваться на встречный удар свежих германских частей – как совсем недавно нарвалась 48-я армия. Развернутые фронтом на север армии Говорова, Еременко, Черняховского и Баграмяна дожимали отрезанную группировку, состоящую из 21-й германской армии, корпусной группы «Свинемюнде» и ошметков всякого фронтового мусора.

Масштабы развернувшейся бойни приблизились к советским поражениям сорок второго, почти зеркально повторив ситуацию: шарахающиеся взад и вперед массы пехоты, лишенной воздушной поддержки и разведки, непрерывные бомбежки мостов и переправ, штурмовки колонн, давящие людей танки передовых русских частей, отсутствие при-

казов, отсутствие горючего, отсутствие всякого понимания масштабов происходящего. Немецкий флот проявил исключительную и редкую настойчивость, пытаясь хоть как-то облегчить положение своих прижатых к морю войск. Эвакуация оторвавшихся от преследования подразделений, персонала военных и гражданских администраций, просто мирного населения, внезапно осознавшего реальность русского нашествия, – все это легло на корабли и суда Кригсмарине. Крейсера, эсминцы и миноносцы, расстреливающие свой боезапас по наступающим русским войскам, сумели несколько снизить давление авиации на порты погрузки и конвои на переходе, но несколько случаев успешных торпедных атак субмарин и катеров привели к огромным человеческим жертвам. Немцы снова активизировали авиацию, но было видно, что она уже находится при последнем издыхании. Большая часть потерь приходилась на действия немногочисленных пар «охотников» из состава чертовых «Зеленых задниц»⁶⁰, бороться с которыми было практически невозможно. Это приходилось принимать как неизбежное зло, и, несмотря на все попытки плотно прикрыть небо в прифронтовой зоне, для десяти-пятнадцати экипажей в день слова «Wir greifen an!»⁶¹ были последними, которые они слышали в жизни. Впрочем, в ответ однажды удалось поймать и кровавую

⁶⁰ Прозвище германской истребительной эскадры JG 54 «Grünherz», носившей до 1944 года на фюзеляжах изображение зеленою сердца.

⁶¹ «Мы атакуем!» (нем).

суку Хафнера, звено которого целиком было уничтожено ЯКАми в свалке, положившей конец его карьере везунчика⁶².

На фоне всего этого перед командованием одна за другой становились тысячи проблем, которых не было раньше. Если будет новая война, как к ней готовиться? Что будет с Дальним Востоком? Как бороться с тысячами четырехмоторных бомбардировщиков? Если подвешивать к перехватчикам РСы, как в начале войны, то это резко ухудшит их летные данные и они не смогут эффективно противостоять истребителям прикрытия. Значит, нужно смешивать в атакующих порядках собственно ударные машины и те, которые будут их защищать. Немалое число торпедных катеров, используемых флотами, были американской постройки – значит, если американцы перебросят в Европу свои, их надо будет как-то различать. Если война начнется неожиданно, то авиация настолько плотно перекроет все проливы, что эскадре вырваться в открытые моря будет невозможно – значит, нужно выходить до ее официального начала, причем идти вдоль берегов, откуда действуют еще и германские бомбардировщики, субмарины, шнельботы.

Если бы страна могла строить линкоры на севере! Но об этом не приходится и мечтать. Верховный и Ставка давили на Говорова, который входил в Данию на цыпочках, нужно было в быстром темпе перебрасывать на захваченные при-

⁶² Обер-лейтенант Антон Хафнер, 204 воздушных победы, одержанных в Африке, на Западном и Восточном фронтах.

брежные аэродромы свою авиацию, переводить тральщики и начинать чистить фарватеры, которыми советские моряки не ходили несколько лет. Существовал Кильский канал, но бомбежки превратили его в цепочку вытянувшихся с востока на запад грязных мелких луж, шлюзы лежали в руинах. Нужно было кончать с 21-армией, вырваться к Голландии и Скагену, чтобы уже на новых позициях, максимально отдаленных от родных городов, встречать подходящих к раздаче пирогов гостей. Все это требовало совершенно разных решений, обстановка менялась со сказочной быстротой, и реакция обычного человека просто не могла за ней поспевать. Единственный плюс заключался в том, что демократические принципы управления западных держав придавали им такую инерцию, что на резких поворотах истории они не могли достаточно быстро отвечать на смену этой обстановки и теряли темп.

Немецкие части в Дании продержались два дня, их даже не пришлось сбрасывать в море. Осознав бесполезность попыток удержать русских на аккуратных датских равнинах, немцы отвели свои войска с полуострова, перебросив на запад все боеспособные корабли с Балтики. Базирующиеся теперь на Борнхольм и Засниц части советской морской авиации совместно с катерами добились несколько отставших миноносцев и тральщиков, после чего в море наступило относительное затишье. Датчане встречали освободителей цветами. Сохранившиеся за годы оккупации нетронутыми потря-

сающей, невиданной красоты города были заполнены тысячами людей, с воем восторга размахивающих красно-белыми и просто красными флагами по обеим сторонам улиц, по которым грохотали траки идущих на север облепленных десантом танков. Это была первая после Польши страна, освобожденная советской армией, – и первая, не выглядевшая так, будто ее двести лет топтала татарская конница. Свирина и пиво подавались на стол в каждой расквартированной части, зализывающей раны после боев за Киль и Гамбург. Датские полицейские, снова щеголяющие с оружием и национальными эмблемами, отдавали честь русским регулировщицам в невиданных здесь ватниках, проталкивающих через их города колонны наземных служб авиации и флота.

Это было настоящее счастье, это было братство. На призывных пунктах формировались роты добровольцев для помощи братским народам Голландии и Норвегии, стонущим под тевтонским каблуком. Русские офицеры радостно хлопали по плечам молодых датских офицеров с двухцветными эмблемами на плечах. Датчане видели эстонские части, видели литовские, почему бы не быть и датским? Польские армии дрались южнее, но и им никто не запрещал носить свою форму и отдавать команды на своем языке. Маленькая Дания не могла выставить армию, но за честь государства готовы были постоять тысячи молодых и горячих юношей, желающих отплатить бошам за унижение своей ни в чем не виноватой страны. Королевский Датский Корпус в составе двух

дивизий, Зееландской и Ютландской, сформированный исключительно из добровольцев, номинально вступил в подчинение 8-й армии генерала Старикова уже 12 октября, хотя в нем еще не было ни оружия, ни формы, ни техники.

Многие советские офицеры с некоторым напряжением ожидали репрессий, арестов членов королевской семьи, священников, лавочников – но ничего этого не было. Нет, несколько дюжин коллаборационистов, не сумевших сбежать с хозяевами и замаранных в борьбе с подпольем, были повешены при большом стечении народа, и хотя некоторая часть местного населения считала, что это, может быть, слишком сурово, никаких претензий быть не могло. Каждое такое дело разбиралось при активном участии датских гражданских судебных органов и велось вполне достойно, без всякого давления с советской стороны. В общем, Дания отделалась от войны сравнительно легко. На ее земле не было каких-либо масштабных боев, попытки датской регулярной армии к сопротивлению тевтонам были чисто номинальными и воспринимались немцами именно так, сдающиеся части получили официальные, положенные по протоколу почести, и кампания 1940 года закончилась.

Отсутствие значительной, по европейским меркам, промышленности позволило Дании избежать опустошающих бомбежек, больших попыток создать партизанское движение тоже не наблюдалось, что было вполне объяснимо. Теперь освобожденная страна могла продемонстрировать свою бла-

годарность советским воинам и делала это со всей искренностью. Молодые, быть может, не очень хорошо одетые, но веселые и жизнерадостные славяне и прибалты быстро завоевали любовь населения, преградой к которой не могли стать даже различия в языке и отдельные случаи глушения рыбы гранатами, выменивания всяких полезных в военном деле вещей на алкоголь и прочего. Половина фонарных столбов страны была обклеена изображением улыбающегося русско-го генерал-лейтенанта, военного коменданта Дании, вместе с текстом обращения, гласящего, что советская армия пришла как друг и освободитель, и с отдельными ее неосознательными бойцами, нарушающими местные законы, равно как и законы военного времени, он будет разбираться своей властью при содействии местных органов власти.

В тех случаях, когда датским официальным лицам приходилось разговаривать с русскими официальными лицами, как военными, так и гражданскими, по понятным причинам стремящимися использовать индустриальный потенциал страны, чтобы чуть облегчить бремя, под которым сгибались плечи огромного Советского Союза, обычно пользовались немецким языком. Был мобилизован флот траулеров и катеров, еще при немцах переоборудованных на местных заводах и местными силами в тральщики. Принятые на государственную службу рыбаки и каботажные моряки, все обновление к обмундированию которых составлял золоченый значок с королевской флотской эмблемой, так же серьезно и

вдумчиво, как они привыкли ловить треску, вычищали многочисленные бухточки и фарватеры от сотен засоряющих их мин, действуя рука об руку с русскими моряками из тральных дивизионов. Жизнь была нормальной и жизнь была хорошей, война была почти не видна. Паровозоремонтные и танкоремонтные заводы работали теперь на русских, судоремонтные мастерские чинили поврежденные катера и тральщики; на пригородных пустырях, под руководством боевых офицеров, преимущественно прибалтов, тренировались батальоны возрождаемой армии – все это было правильно и давало надежду на нормальную человеческую жизнь. Большая часть русских частей снова ушла на юг, оставив на побережье авиацию и почти все легкие силы флота. Эсминцы, осторожно перешедшие свежепротраленными фарватерами в Марья-гер-Фьёрд, остались гарантом того, что немцы не будут слишком стремиться к ответным набегам на датские берега. Торпедные катера и подводные лодки, переброшенные на западное побережье, в Тиборен и Рингкебинг, могли теперь действовать в Северном море как на своем заднем дворе, топя пробирающиеся вдоль германского и норвежского берегов суда с железной рудой и всякую охраняющую их военную мелочь. Суммарный тоннаж потопленных судов, возможно, не был особенно велик, но этого было вполне достаточно, чтобы до предела осложнить жизнь германской металлургической промышленности, до этого вполне безмятежно пользующейся плодами оккупации Норвегии

в самом начале войны.

– Кое-кто, возможно, не понимает, – говорил Сталин, – почему в Дании коммунистическая партия не руководит страной, а руководит ею король... А ответ очень прост.

Как обычно, он произносил фразы с большими, вдумчивыми паузами, позволяя слушающим проникаться каждым словом.

– Это происходит по той же причине, по которой коммунистическая партия не правит Финляндией – нам это выгодно. Что, мы не смогли бы сейчас справиться с Финляндией? Смогли бы! А зачем? Финляндия сдалась, мы получили Петсамо и никель, мы получили новые военно-морские базы, мы освободили огромную массу войск, которая лупит сейчас немцев в хвост и в гриву, а немцы – наоборот, – он ткнул в висящую на стене карту черенком трубки, как стволом пистолета. – Немцы завязли там и тратят свои последние ресурсы... Вот некоторым товарищам, видите ли, не терпится поскорее сделать из Дании новую Бессарабию... Не понимают эти товарищи, что мы сейчас с Дании имеем все, что захотим. Датчане народ неглупый, европейский – они что, не понимают, что мы сами все возьмем, если пожелаем? Понимают, конечно! И все дают, что мы попросим, и даже больше. Такие искренние люди, как их Гитлер обидел, собака такая...

Сталин сокрушенно поцокал языком.

– Теперь вот рвутся поскорее в бой, отомстить Гитлеру... Что, мы будем им препятствовать? Да никогда! Что мы, зве-

ри, что ли?.. – Когда Сталин увлекался, его акцент становился заметнее, а движения быстрее. Все присутствующие на заседании Ставки Верховного Командования следили за ним, как привязанные ниточками за глазные яблоки.

– Если им хочется носить королевскую корону на плече, пускай носят, если это их подбадривает. Вон у нас сколько уже союзников, и у всех свои знаки. А делаем общее дело. А когда несколько людей из таких разных стран делают общее дело, то это называется действующий интернационализм. Вот у нас есть Поплавский, Сверчевский, они хорошо воюют?

– Хорошо, товарищ Сталин, – подтвердили из-за стола.

– А чехи как воюют?

– Тоже хорошо...

– Ну так и что, из-за того, что у чехов не стрелковый корпус, а армейский корпус, мы 18-ю армию себе во враги запишем?

– Никак нет...

– Вот и я так считаю! Поэтому пусть датчане воюют, когда пора придет, и пусть у них свой боевой флаг развевается, и все, глядя на него, плачут от умиления. Сейчас они проливы чистят от мин, для себя, между прочим, стараются, и видят, как советские моряки им помогают... И рыбой кормят все Прибалтийские фронты. На то они и Прибалтийские, что рядом с морем, хотя скоро их в Присевероморские переименовывать придется.

Маршалы посмеялись. Осложнения советская армия испытывала южнее. Взяв – к общему удивлению, без особо кровопролитных боев – Киль, Любек и Гамбург, которые должны были защищать уничтоженные на побережье дивизии, фронты развернулись на юг, начав продвижение к Бремену, Ганноверу, с последующим выходом к Магдебургу. Но в этот момент по перерастянутым коммуникациям развивших невиданный темп наступления армий нанесли удар освободившиеся после голландской мясорубки немецкие части и свежие дивизии, продвигающиеся со стороны Бранденбурга и Саксонии. Снова, в который уже раз, немцы нашли где-то топливо и бросили в бой сотни самолетов, и снова истребительные части отчаянно пытались очистить небо над своими войсками, а перемешанная русскими словами французская речь «Нормандии» мешалась в эфире с чистейшим русским матом и немецкими проклятьями.

Все это оттягивало и оттягивало силы от задачи номер один: создания станového хребта противовоздушной обороны в виде многочисленных и укомплектованных опытными летчиками полков. Обещанные сначала к сорок третьему, а затем к сорок четвертому году высотные разработки бюро Микояна и Гуревича так и остались в виде единичных опытных экземпляров – что МИГ-7 и МИГ-11, что все остальные. Заказанные под них моторы и оборудование ставилось на ПЕ-3 и высотные ЯКи, это позволило как-то выйти из положения, но перетяжеленные машины начали терять свои

главные преимущества – скорость и маневренность. В итоге следовало ожидать значительных трудностей в борьбе с американскими истребителями на большой высоте...

Новикова вывел из задумчивости слегка скрипучий голос Штеменко, что-то отрывисто сообщившего. Что именно – главный маршал понять не успел, но Сталин ответил очень резко: «Возражаю». Напрягшись, Новиков попытался понять, как же он смог настолько отвлечься от происходящего, что обстановка в комнате успела от общего смеха перейти к напряженному ожиданию.

– Возражаю категорически, – повторил Сталин. – Если Лучинский не способен удержать свои позиции, значит, армии нужен другой командующий. Никаких подкреплений ему не будет. У вас вполне достаточно сил, чтобы справиться с немцами, не привлекая резервы Главного Командования. Вам недостаточно мехкорпусов было дано? Почему Чанчибадзе может удержать позиции, а Лучинский не может?

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, – возразил Штеменко. – Немцы нащупали стык 28-й с армией соседнего фронта и задействовали в контрударе пять дивизий, включая одну танковую. По танкам и технике вообще им удалось создать локальный перевес и только ценой больших усилий прорвать позиции 3-го Гвардейского стрелкового корпуса, который...

– Да что вы мне ерунду порете! – Сталин возмущенно взмахнул рукой. – Мы уже слышали, что у них пять дивизий,

вы это говорили нам уже! Мы не слышали, что вы собираетесь делать кроме того, что просить у Ставки мехкорпуса!..

Снизу ситуация смотрелась несколько иначе. Батальоны рассеянного на части корпуса, изолированные, потерявшие две трети личного состава, вцепились в землю в забытых Богом холмах южнее Бойценбурга. Четыре десятка пехотинцев, загнанно дыша и на ходу вытаскивая из-за поясов саперные лопатки, взбежали на высоту – одну из цепочки заросших травой островков, оставшихся от старой дамбы, – и, побросав винтовки, начали вгрызаться в дерн. Лязганье раздавалось где-то неподалеку, пока приглушаемое небольшим леском, заслонявшим восточную часть горизонта. На юге и западе были видны открытые поля, черные, в желтых проплешинах отдельных перелесков. Еще одна цепочка невысоких холмов с петляющей между ними грунтовой дорогой вытягивалась южнее, до нее было километра два открытого пространства. К северу лежал невидимый отсюда изгиб Эльбы, откуда раздавались глухие удары работающей артиллерии.

– Давайте, ребята, давайте... – немолодой сержант с заплывшим, наливающимся чернотой глазом, пригибаясь, пробежал вдоль яростно копающих пехотинцев и выбрал себе место между двумя раздетыми уже до пояса мужиками, с каждым взмахом лопаты вышвыривающими вниз по холму целые фонтаны влажной глинистой земли. Уложив на жухлый пяточок травы тяжелый «дегтярь» и звякнувший мешок

с дисками, он поплевал на ладони и тремя ударами киркомотыги выворотил огромный пласт дерна, сдвинул его в сторону. Затем сержант короткими хэкающими взмахами взрыхлил образовавшийся пяточок и, сорвав с головы каску, начал вычерпывать землю, выкладывая перед окопом подушку бруствера. Остановившийся на мгновение, истекающий потом, солдат слева посмотрел на него, выпучив глаза.

– Ага, Муса, и ты тоже живой, – сержант не прервался ни на секунду. – Капитана видел?

– Выдел, – пехотинец, углубившийся уже почти по пояс, снова начал рубить лопатой землю, выкидывая ее вокруг себя уже по кругу.

– Кто еще цел?

– Нэ знаю. Хорошо, что ты живой.

Короткими хлопками лопатки он прибил землю вокруг себя и выложил цепочку дернин в виде короткой дуги, разрубленной пополам проемом, расширяющимся в сторону рощи, от которой они прибежали.

– Угу, хорошо... – Сержант сгреб каской остатки взрыхленной земли и, выпрыгнув из отрытого чуть мельче, чем по колено, окопа, снова ухватился за рукоятку киркомотыги. Лязганье из-за леска ощутимо усиливалось. Он как раз посмотрел в ту сторону, когда из-за самых верхушек деревьев вдруг выпрыгнули две тени, мгновенно блеснувшие на солнце желтым и белым.

– Воздух!!! – заорал сержант, в одно мгновение сложив-

шись пополам на дне окопчика, выставив перед собой пулемет и нахлобучив на голову каску, осыпавшую его струями земли.

Истребители, взвыв, снизились почти до уровня крон деревьев и прошли слева от мгновенно опустевшего холма – было видно, как поворачивались черные головы летчиков. Встав на мгновение на крыло, оба самолета синхронно развернулись, еще больше снизились, отвернули в сторону поля, сделали короткую горку, снова развернулись и, прибавив скорость, понеслись на холм. Сержант поглядывал попеременно то на них, то на опушку леска, и только вжимался в землю еще плотнее, согнув шею, чтобы представлять собой минимальную цель. На плоскостях приближающихся самолетов замигали блекло-желтые точки, воздух вокруг запылил, и верхушка холма покрылась воющими и разлетающимися осколками камней, вылетающими из невысоких столбиков пыли, поднимающихся вокруг. Два истребителя промчались прямо над холмом и ушли, раскачиваясь, в сторону реки. Приподнявшись над бруствером, сержант выложил пулемет на сошки и снова с яростью начал выгребать землю сорванной с затылка каской. Сосед справа посмотрел на него с мрачностью и взъерошил собственные коротко стриженные волосы, стряхивая глину.

Кто-то взбежал на холм, задержался над сержантом и коротко свистнул. Тот приподнял голову. Высокий, стриженный под горшок парень с защитными капитанскими погона-

ми, взмахнув рукой, кинул ему ППС⁶³ с привязанными к брезентовому ремню подсумками и побежал дальше. Подтащив автомат к себе и обтерев затвор ладонью, сержант взгляделся в выцарапанные на откинута прикладе инициалы.

– Муса! – крикнул он. – Эй, Муса, ГК – знаешь, чье?

– А? – тот поднял голову из отрытого уже почти в полный профиль окопа.

– Кто в нашей роте ГК?

– Не знаю. Может, второй рота? Я видал, они тоже бежали.

Ты отрыл?

– Отрыл, отрыл.

– Второй рыть будешь?

– Зачем? Здесь помру. – Сержант нехорошо усмехнулся и, выковыряв клинообразный кусок глины из стенки своего окопа, вложил туда вещмешок с пулеметными дисками.

– Сколько есть? – поинтересовался татарин, поудобнее устраивая свою винтовку на краю бруствера.

– Три.

– Хорошо...

– Да, хорошо, – согласился сержант.

Над головой снова вырос гул, но теперь он был не внезапный, а медленно накатывался, перекрывая канонаду, как приближающийся вал воды по узкой реке. Из-за спины выскочила девятка темно-зеленых, в неправильных желточных пятнах, штурмовиков и пронеслась вытянутым строем в во-

⁶³ Пистолет-пулемет Судаева.

сточном направлении. Шли они метрах на трехстах, плотно, как конная лава. У сержанта полегчало на душе, когда он увидел, как ИЛы промчались мимо них, – но сразу подумалось о побывавших здесь всего минуту назад истребителях.

Штурмовики прошли над лесом и рывком начали пере-страиваться в строй фронта. Вдалеке встали вертикальные струи пулеметных трасс, и, через секунду, послышался глухой прерывающийся треск и сотрясающее землю уханье. Был слышен только вой моторов и стук немецких пехотных пулеметов, потом все покрыл визжащий звук срывающихся с направляющих «эресов» и тукающий грохот скорострельных авиационных пушек, наплывающий волнами. Через какие-то секунды штурмовики выпрыгнули обратно и прошли прямо над макушками деревьев, виляя в разные стороны, как стряхивающие воду лошади. Несколько воздушных стрелков продолжали поливать огнем что-то видимое только им на противоположном от холма краю леса, потом замолчали и они, и вся девятка промчалась прямо над холмом, смыкаясь в плотную «змеяку». Стало тише, истребители, к счастью, так и не появились, и многие с облегчением поглядели на север, куда ушли свои самолеты. Из-за деревьев поднимались три отдельных неподвижных столба черного нефтяного дыма, земля продолжала вздрагивать, но это были уже отголоски канонады за рекой.

Снова подошедший капитан присел на корточки рядом с обернувшимся к нему сержантом, ткнул его кулаком под це-

лый глаз.

– Видал, а? Черт, еще бы два раза по столько... Полезут они на холм, как ты думаешь? – он с непонятым выражением в глазах посмотрел по сторонам.

– Может, и нет...

– Ты какой год воюешь, Семенов? – спросил капитан, даже не слушая.

– Второй.

– И я вот второй, – он мелко хмыкнул, покрутив головой. – Значит, так, я отослал посыльного к переправе с запиской, написал, что мы тут сидим. Ничего больше сделать нельзя тут – хотя, может, и успели бы добежать... Но ни хрена, лучше уж здесь, чем в воде. Здорово. Я думаю, если немцы не дураки, то переправу они трогать не будут, поэтому попрут прямо к ней. Мы чуть в стороне, так что первая волна на нас не пойдет, а вот если к ночи будут тылы зачищать, то тут нас и кончат. Так ты думаешь?

– Угу.

– Как стемнеет, попробуем к западу податься – может, проскочим каким-то макаром. Вряд ли нас будут целенаправленно выковыривать отсюда, слишком много здесь нас таких...

– Я ни одного человека с той стороны не видал, как мы тут засели.

– Может, еще в роще кто отсиживается... – Капитан снова коротко свистнул, и к нему подбежал крепко сбитый боец в

телогрейке, из которой ключьями торчала грязная вата.

– Кузя, слушай сюда, – капитан наклонил голову бойца к себе, ухватив его за грязную шею ладонью. – Если меня кокнут, Семенов за старшего, а после него ты. Понял, чего говорю?

Боец молча кивнул.

– Попробуем в темноте вывести людей к западу, проскочить без дороги. Если крюк отмахать, то можно найти на берегу еще пустое место, переправиться.

– Думаешь, до реки уже все?

– Да нет, конечно. Но к завтрашнему дню все, кто не успеют перебраться, здесь и останутся. Расхлебывать уже следующие будут, не мы. Так что надо сматывать под ночь безлунную.

– Дед успел выскочить?

– Кто знает, – капитан махнул рукой, поморщившись. – Если успел, то даст о себе знать.

Из-за края леска, огибаемого желтой песчаной дорогой, вдруг вынырнули два мотоциклиста, понесшиеся по широкой дуге через поле. Рухнув плашмя, капитан, прищурившись, проводил их стволом ППСа, боец Кузя повторил его движение как близнец. За мотоциклистами на дорогу вынесся транспортер с пулеметчиком на крыше, застыл на мгновение, а затем дернулся вперед, выбрасывая черные клубы выхлопа.

– «Майбах» или еще какая тетеря? – прошептал капитан, с

интересом вглядываясь в выкрашенную в коричневую и темно-зеленую краски машину.

– Бинокль е? – спросил сержант.

– А? Нет, нема, потерял. – Капитан потер глаза ладонью, хлопнул носом и снова устался на дороге, куда один за другим выкатывались броневики и мотоциклы.

– Разведрота? – полувопросительно произнес сержант, убравший пулемет в окоп вертикально, так же как и «судавку».

– Не, скорее мехчасть. – Капитан начал отползать задом, волоча за собой автомат. Кузя последовал за ним, приминая усыпанную комьями земли траву. Из соседнего окопа поднялась голова в пилотке поверх бритого черепа.

– Сержант, а сержант!

– Чего, Муса?

– Ты Адама помнишь?

– Помню, конечно.

– Хороший был мужик, правда?

– Правда, Муса, правда.

– Я вот вспоминаю его. Он мне как брат был, понимаешь?

– Я знаю, Муса. Мы все его помним. Мне он тоже был друг, и ты мне друг тоже.

– Спасибо, сержант. – Татарин тяжело вздохнул, и Семенов увидел, как тот, прищурившись, выставляет прицельную планку. Сделав то же самое, он повернулся вправо.

– Сосед!

– А? – из того окопа тоже поднялась стриженная голова.

– Тебя как звать?

– Сашкой.

– А меня Гордей, а его вон Муса. Бывай здоров, Сашка.

Каски что, нет?

– Нету, бросил.

– Винтовку не бросил?

Тот вместо ответа показал ствол.

– Вторая рота?

– Она, родимая.

– А что, офицеров нет никого?

Сашка помотал головой отрицательно и снова спрятал голову за срез окопа. Из-за леса выкатились два танка и остановились бок о бок, выставив пушки в сторону поля. Из люков высунулись две фигуры, что-то начали друг другу показывать. До танков было где-то метров с шестьсот, но видно все было четко. Муса покачал стволом автомата, но сержант спокойно сказал ему: «Не дури». Через минуту, взревев моторами и испуская сизый дым, оба танка залязгали по сторонам дороги, направляясь в сторону реки. Транспортеры, покачиваясь и завывая, шли метрах в двухстах перед ними, шевеля спичками пулеметных стволов. Боец справа высунул голову из окопа и перегнулся на спину, разглядывая небо на севере.

– Не, ни хрена, – сказал он через минуту. Немедленно после этого над холмом скользнула мгновенная крылатая тень,

и в уши ударил звон авиационных пулеметов, а с дороги поднялась пыль, казалось, сразу на всем протяжении. Одновременно с ярко-желтыми искрами, высекаемыми из брони транспортеров, оба танка захлопнули свои люки и дернулись в стороны, увеличивая дистанцию между собой. Одиночный, неизвестно откуда взявшийся ЯК встал на крыло, как немецкие истребители до него, и ушел куда-то за холмы. Оглохший сержант еще не успел ничего сказать, как над ними промчались еще двое истребителей – те же самые желто-белые «худые», которые обстреляли их во время окапывания, – и, звеня, ушли вслед за ЯКом.

– Разведчик? – спросил Сашка справа.

– Думаю, да, – сержант подмигнул ему, мол, держись. Тот спокойно кивнул. Стреляный, похоже, был воробей, такого легко не напугаешь.

Первая колонна ушла вперед, после паузы минут в десять на дорогу, уже не осторожничая, выползли еще шесть танков, потом броневики. За ними потянулись грузовики с зенитками, все это двигалось к переправе, со стороны которой ухало и клокотало. Последней промчалась группа грузовиков с пехотой, переваливаясь и подпрыгивая на ухабах – будто ее черт подгонял. Потом наступило затишье. Через десять минут с дороги свернула небольшая колонна машин с прицепленными сзади пушками и остановилась у леска. Машины развернулись, орудия отцепили, прислуга, работая топорами, расчистила сектора стрельбы в редколесье. Пушки по-

ставили коротким рядом и быстро замаскировали ветками, из грузовиков побросали ящики и укатили обратно за лес. Все это было видно как на ладони.

Сержант до боли сжал ложе автомата. Было ясно, что немцы не могут не проверить холм. Так и есть – два мотоцикла помчались через поле прямо к ним, в люльке одного на ходу крутилась катушка раскручиваемого провода. Мотоциклисты подлетели к холму на полном газу, остановились, чуть было не опрокинувшись, и выскочившие лягушачьего цвета фигуры с автоматами, болтающимися под рукой, побежали вверх по склону, разматывая за собой нитку провода.

– Связисты, маму вашу, – пробормотал сержант, вжимаясь в окоп так, что можно было видеть только затылки бегущих немцев. Те, не замечая окопы, продолжали бежать прямо на сержанта, пока передний вдруг не остановился на бегу, как будто увидел привидение, метрах всего в пятнадцати от него. Связист дернул нижней челюстью и попытался перехватить автомат, когда приподнявшийся из окопа Муса прочесал его поперек груди короткой очередью. Сашка справа двумя четкими одиночными выстрелами свалил заднюю пару, после чего сержант неожиданно для самого себя вдруг выскочил из окопа и побежал, держа в руке на отлете ППС, к последнему, упавшему от неожиданности на четвереньки немцу. «Куда?!» – крикнули сзади, но он уже добежал и, схватив онемевшего немца за шкирятник свободной рукой, потащил его за собой обратно к окопам. Остановился,

повернувшись, пнул фрица в пах, вырвал автомат из руки, отбросил в сторону, снова ухватил и потащил дальше. Все это происходило как будто не с ним, поэтому на подбежавших навстречу капитана с Кузей сержант не обратил никакого внимания.

– Ну ты, Семенов, даешь, – сказал ротный с восхищением, подтягивая немца на вершинку и ежесекундно оглядываясь вниз. Они спихнули его в чей-то окоп и плюхнулись рядом, глядя на него с любопытством. Немцу было лет двадцать пять, вполне крепок – видимо, просто растерялся.

– Что же ты, балда, – с удовольствием сказал капитан. – Гитлер капут, а?

Немец ничего не ответил, только лязгнул зубами, как замерзший.

– Ну и куда его теперь? – поинтересовался Кузя. – Что нам с ним делать на этой лысой фиговине?

Капитан пожал плечами и посмотрел на сержанта. Тот так же пожал плечами – зачем он приволок немца, он и сам ответить, наверное, не мог. Капитан спокойно достал из кобуры наган-самовзвод и выстрелил успешному зажмуриться немцу в лицо, того отшвырнуло назад, и он буквально стек по стенке окопа.

– Окоп испортил, – сказал Кузя. – Кто-то старался...

– Ничего... – Капитан, нагнувшись, легко вздернул немца за кисть, подхватил вторую и вытащил его за бруствер, спихнув вбок. Подумав, сделал ногой несколько толкающих дви-

жений, забросав землей текущую кровь.

На батарее, видимо, полностью обалдев от случившегося, наконец-то забегали, там послышались отголоски команд, и через полминуты раздались первые «взып... взып...» немецких противотанковых пушек. За секунду воздух наполнился летящими осколками, батарея закидала высотку снарядами так, что дым стоял столбом. Тем не менее выковырять пехоту из глубоких окопов с помощью таких пушечек было нелегко, и вскоре противник сменил высокий темп на беспокоящий огонь, не позволяя слишком далеко высовываться. Сквозь дым было видно, что большая часть прислуги просто присела за орудийными щитами в ожидании чего-то. Сержант, проковыряв пальцами уши, поглядел на склоны и решил, что на самую верхушку танк, пожалуй, не полезет. Больше всего немцам сейчас пригодилась бы минометная батарея, но об этом даже думать не хотелось, чтобы не накаркать. Несколько пехотинцев, у которых были винтовки, неспешно постреливали по прислуге – прицельного огня с такой дистанции вести было невозможно, но если насытить пространство достаточно большим количеством летящих в определенном направлении пуль, появляется шанс, что одна-две из них могут попасть во что-нибудь полезное.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять с дороги свернула еще одна колонна машин. Теперь это были крытые грузовики, из них деловито попрыгали человеческие фигуры. За колонной подошли транспортеры, разворачиваясь ко-

роткой цепочкой. На мгновение все они остановились, выбрасывая в воздух клубы выхлопного дыма, затем с крыши одного ударил пулемет, проведя длинную строчку на вершину холма. За ним последовали остальные.

– Пяхота... – прошептал себе под нос сержант. Он был рад, что судьба столкнула его в последние минуты не со слепой силой, вроде минометного огня или танка, а с живыми людьми, в которых можно было стрелять.

Пулеметы обрабатывали холм с методичностью хорошего дворника. Высовывать голову из окопа особо не хотелось, но это было необходимо, и сержант осторожно осмотрелся. Пехота, разумеется, еще не трогалась с места и поглядывала на холм издали, присев на корточки. Сзади кто-то подполз, шумно обрушился в тесный окоп, прижавшись к спине всем телом.

– Семенов, как жизнь?

– С ума сошел? – отозвался тот. Капитану явно уже было наплевать на тукающие вокруг пули. Одна как раз ударила в край бруствера, подняв столб пыли, но все же не пробив спрессованную землю.

– Справимся мы с ротой, Семенов?

– Нет, – равнодушно покачал головой сержант. Говорить надо было громко, потому что все грохотало, но напрягаться не хотелось. Его тоже начало охватывать равнодушие, как и капитана, только в другой форме. Если капитан постоянно двигался, то высывался из окопа, то снова вжимался

внутри, выскочил из него, ящерицей уполз влево, не особо уже заботясь о своей жизни, то сержант просто сидел, не шевелясь, поставив ППС между согнутыми коленями и глядя пальцем насечки на диске прислоненного к стенке ручника. Было ясно, что жить осталось минуты, и как многие бывалые солдаты он относился к этому вполне спокойно, находя удовольствие в маленьких деталях окружающего: расслабленности позы, тяжести и суровой красоте поглаживаемого рукой оружия, извилистости краев желтого листка, плавно спустившегося к нему в окоп, избежав проносившейся через завихряющийся воздух стали.

– Прихотови-ца-аа!!! – заорали сзади. Спокойно подтянув ремень каски поглубже под подбородок, сержант отщелкнул сошки «Дегтярева», растопырив их в боевое положение. Подумав, он извлек из кармана единственную гранату и аккуратно ввернул хранящийся изнутри ватника взрыватель, следуя надписи «Vor gebrauch sprengkapsel»⁶⁴ на рукоятке. Транспортеры не спеша продвигались к холму, поводя стволами пулеметов вправо и влево. Что делает с каской и головой пуля крупнокалиберного пулемета, сержант знал прекрасно, но это был вопрос уже чистой везучести каждого отдельного человека. Пехотинцы тоже пока не спешили, они трусили за транспортерами, растянувшись в одну широкую цепочку и стараясь держаться поближе к какой-никакой броне. Редкий винтовочный огонь начал до них доста-

⁶⁴ Перед употреблением вставить детонатор (нем.).

вать, одна из фигур вдруг повалилась набок, сгибая колени, – но соседи по цепи не обратили на это особого внимания, такой же расслабленной трусцой начав подниматься в гору. Снова зазынькали пушки, и невысокие разрывы вразброс покрыли холм, мешая целиться и вообще глядеть на белый свет. Броневики взревели моторами и полезли вверх по склону, за ними вприпрыжку припустили пехотинцы, начавшие постреливать короткими очередями от живота. Поморщившись, сержант передернул затвор пулемета, переставил планку на триста метров и высунул ствол из окопа, направив его в сторону бегущих немцев.

Чуть справа ударил еще один «дегтярь», прощупывая искрящим дзеньканьем крышу идущего на фланге транспорта. Сержант, оглянувшись, убедился, что два набитых запасных диска никуда не делись, и начал, прищурившись, выцеливать перебегающие в дыму фигуры. Когда они стали видны четче и сравнялись по размеру с выставленным на согнутой в локте руке ногтем большого пальца, он, поведя плечами, нажал на спуск, начав поливать короткими прицельными очередями свой участок цепи. Ему подумалось, что пулеметчик справа зря жгет патроны на железный гроб, но это, в конце концов, уже не имело никакого значения. Муса слева расчетливо и экономно бил по пехоте, расчищая пространство прямо перед собой, несколько человек покатались вниз по пологому склону, размахивая болтающимися кистями рук, как тряпичные куклы.

Позади и совсем рядом отчетливо застонали, воздух вокруг ныл и свистел, тукающие и трещащие звуки с обеих сторон проникали под каску, перемежаясь с шлепаньем пуль в мягкую почву. Пушки наконец заткнулись, и сержант, достреляв остатки патронов из диска, нырнул на дно окопа, сноровисто установив другой. Когда он вынырнул, длинная очередь прошла прямо поперек бруствера, заставив его рухнуть вниз и следующий раз высунуться уже с большей осторожностью. Прикрываемые снизу пулеметами, немецкие пехотинцы перебежали короткими зигзагами, постреливая и чередуясь друг с другом. Выбрав одного из них, уверенно и ловко прыгающего через кочки, сержант проводил его стволом пулемета, дожидаясь, пока тот сменит направление на более фронтальное. Дождавшись, он дал очередь патронов в шесть-семь, часть которых попала немцу куда-то в шею, заставив его схватиться за нее обеими руками, выронив автомат и дергая головой, заливаемой брызжущей кровью. Оторвав от раненого взгляд, сержант поспешно расстрелял второй диск, целясь уже не столь тщательно, – внезапно пришел страх, что его убьют раньше, чем он успеет израсходовать третий.

Немцы, повинувшись какой-то команде, начали швырять свои гранаты, и столбы разлетающейся земли поднялись почти вплотную к окопу. В ответ сержант кинул свою собственную. Стрелять теперь приходилось уже почти вслепую, широко поводя стволом. Пулемет сухо щелкнул и умолк, вы-

плюнув последний патрон, а из дыма на вершину уже набегали перекошенные фигуры в сером. Сержант успел перехватить автомат, когда сзади кто-то перепрыгнул через его окоп. Несколько уцелевших бойцов, стреляя, врезались в немцев, покатались с ними вниз. Хэкнув, он сам выпрыгнул из окопа, успев увидеть справа неподвижные тела наполовину засыпанных землей Сашки и какого-то еще бойца, а затем, стреляя в дым, побежал вниз по склону. Из просвета в дыму на него выбежал высокий пехотинец в каске, сержант успел вильнуть в сторону, влепив врагу откинутым прикладом в лицо. Тот свалился, как подрубленный, запрокинув голову назад, и сержант, шарахнувшись еще дальше вбок, выстрелил в упавшего с вытянутых рук. Потом у появившейся спереди тени в руках запорхала сияющая желтая бабочка, и спустившаяся темнота наконец-то принесла покой усталому человеку.

Узел 4.0

Октябрь 1944 г.

– Жил-был у бабушки серенький козлик...

В кубрике стоящего на бочке линейного крейсера было занудно и лениво.

– Жил-был у бабушки серенький... такой, понимаешь, козлик...

На трехъярусных шконках разлеглись матросы. Вечер, «личное время». Можно писать письма, можно играть в шахматы, можно пойти в библиотеку и взять почитать чего-нибудь.

– Бабушка козлика очень любила...

Немаленького роста матрос-артиллерист задумчиво поглаживал полоски на своем тельнике, побуркивая себе под нос.

– В лес за веревочку писать, понимаешь, водила...

Матросам было скучно. Не только, впрочем, матросам. Корабли почти всего Балтийского флота теперь базировались на датские порты, и только «тяжелая бригада» сидела в скучном Пиллау, как ушибленная подушкой. После нескольких месяцев напряженной, максимально похожей на настоящую войну, да и граничащей с ней учебы контраст был особенно разительным. Почти не ходили в море, почти не стре-

ляли, сидели и ждали чего-то. Сходы на берег вроде бывали – но куда подашься на вытянутых Косах и в махоньком, изученном уже вдоль и поперек, очищенном от местного населения городке? Днем всякие учения, классы, чистка стволов, иногда шлюпочные гонки с экипажами нескольких базирующихся на Пиллау тральщиков и сторожевиков или зашедшего «на огонек» эсминца, и это все.

– Ох-ох, что ж я маленьким не сдох?..

На Косах морякам давали время от времени погулять, подбирая из песка янтарь, попинать мяч, покидать камешки в серое море. Приходил катер, забирал зазябших, кутающихся в бушлаты, отвозил на корабль – к ужину и опостылевшей койке.

– Учум!

– У?

– Жалеешь, что в пехоте не остался?

Матросу было лень отвечать, но все же какое-то развлечение.

– Не, не жалею... – ответил он после некоторых колебаний, вызванных раздумываниями о том, стоит повыпендриваться или лень.

– А чо так? Все веселее было бы!

– Угу... Особенно по субботам...

– Чего?

– По субботам, говорю, веселее. – Он повернулся на бок, чтобы лучше видеть сверху лежащего на соседней койке со-

беседника. – Когда баня и танцы. И не в пехоте, а в морской пехоте, это разные вещи. – Матрос, которого назвали Учумом, шумно поскреб выпуклые мышцы груди.

– Эх, погуляли мы... Неделю вшей кормишь в окопе, потом топаешь куда-нибудь, режешь проволоку ножиком, ползешь себе носом в грязюку, из пулемета по тебе стреляют... Красота!

Матрос на соседней койке засмеялся.

– А тут, понимаешь, баня... Фельдшер тебя осматривает, кино кажут. Не, я свое отбегал... Буду снаряды таскать, раз такой здоровый вырос.

– А как же тебя отпустили с бережка-то?

– А я знаю? – Учум развел руками. – Приказ пришел, всех, кто с плавсостава еще жив остался, обратно на корабли. Хотя вроде самый кипеж пошел, матрос-то в обороне сидеть не любит...

В морской пехоте, конечно же, было значительно веселее. Морячков, собранных с погибших или недостроенных кораблей и с береговых служб, обмундировали в защитное, выдали винтовки и без всякой подготовки бросили в прорыв, контратаковать. Рев атакующей в тельниках нараспашку, в бескозырках вместо касок матросни, которая, выставив перед собой штыки и дико матерясь, неслась огромными прыжками вверх, на уставленную плюющими огнем пулеметами высоту, смел немцев не хуже реактивных снарядов. Когда они ворвались наверх, ни одного убитого немца там не

было, так же как и живого – только брошенные пулеметы и загаженные траншеи. И слава Богу, потому что патронов выдали только по две обоймы на человека, а гранат не выдали совсем. Лишь после первых нескольких боев им наконец удалось приобрести вид, подобающий brave матросам, – висящие на ремнях гранаты и подсумки, оттопыривающиеся от пистолетов карманы, ножи, которые висели на таких длинных ремешках, что напоминали кортики.

Когда бригаду переформировали в третий раз за два месяца, в роты стали приходиться моряки с самых боевых специальностей – рулевые, зенитчики, электрики, которых нужно готовить многими месяцами. Стране было совсем туго, и в цепь слали всех. Чудо, что кто-то еще выжил после полутора лет такой жизни. Потом стало легче. Морская пехота стала слишком ценным куском мяса, чтобы так просто бросать ее на колючую проволоку. Теперь они атаквали как положено, с артподготовкой, с разведкой, один раз даже с приданными гвардейскими минометами. Это была вообще песня: пейзаж выглядел как пустыня Кара-Кум после пьянки верблюдов – ни травинки, ни кустика. Учум, которого тогда звали Эфой, чуть не обделался еще, когда над головой с раздражающим уши свистом прошли первые серии похожих на головастика «Андрюш», потом впереди шарахнуло и белое пламя поднялось метров на тридцать. Когда они побежали вперед, это даже нельзя было считать атакой – по ним даже никто не стрелял.

А потом все это кончилось, пришел приказ, и человек пятнадцать из батальона, все бывалые ребята, отправились в распредпункт в Риге. А оттуда по кораблям. На огромном крейсере было еще человек тридцать вернувшихся с пехотного передка, хотя ни одного с его родной бригады. Переименованный в Учума Эфа одиноким чувствовать себя не привык, но ему действительно не всегда было уютно в комфорте и покое бронированного нутра крейсера. Из окопов он вынес одинокую медаль, две пули в бедре, осколок в заднице, полное презрение к смерти и знание жизни, которое даже не говорило ему, а кричало сейчас: просто так баня по субботам в военное время не бывает. За это придется платить, и скоро. И не только ему, но и всем остальным тоже – тем, кто сейчас пишет домой письма, в которых нельзя даже упоминать, на каком именно корабле ты служишь.

Не намного веселее было и в каюте младшего начсостава номер тринадцать, принадлежащей штурманам. Нравы в уплотненной шестиместной каюте отличались от матросских не сильно, да и обстановка тоже – разве что койки стояли в два яруса, а не в три, и были занавешены веселенькими ситцевыми занавесочками на колечках. Здесь тоже использовались в основном прозвища: Штырь, Леха, Зуб... Все были молодыми и повоевавшими минимум пару лет. С тральщика, с канонерки, с потопленного «Эмденом» торпедного катера, с эсминца, еще один с тральщика. Евгений, у которого прозвища не было, пришел с черноморской «Парижской

Коммуны». Вот такая веселая гоп-компания.

У младших офицеров развлечений тоже было не особо много. Леха, к примеру, развлекался зазубриванием наизусть звездных атласов, Зуб – изучением английской морской терминологии, и все поголовно – попытками кого-нибудь склеить в стылом, чихающем через разбитые пулями окна городке.

«Сядьте, дети, в круг скорее, речь пойдет о гонорее...» – мелодично продекламировал Коля Штырь, не отрываясь от одолженной в библиотеке брошюры, и снова заткнулся. Остальная присутствующая троица резалась в морской бой «по-адмиральски», то есть каждый одновременно против двоих. В двадцать два с мелочью с вахты пришел сменившийся старлей, поприветствовавший всех довольно неожиданным образом:

– Здорово, покойнички!

Отложившая блокноты троица и оторвавшийся от санпросветброшюры Штырь удивленно воззрились на вошедшего в кубрик.

– Это почему же мы покойнички? – очень осторожно поинтересовался наконец один. Остальные изобразили в воздухе вопросительные знаки пальцами, как у них было принято.

– На мостике шорох, будто отряд тральщиков приходит сегодня ночью, а дивизион эсминцев – к семи утра. Идем в Кронштадт завтра.

– Здорово!

– Вот это новость!

Довольный Штырь швырнул книжку вниз и прыжком слетел с верхней койки.

– Погодь, а покойники при чем?

– Ну как же, не за пирогами, чай, идем...

– Слушай, да хватит тут себе «тайну заколоченного чердака» строить, говори толком, что услышал, а то сейчас бить будем.

– Ага!

– Ладно, тогда слушайте: в Кронштадт идем буквально на несколько дней, так что развлечений не предвидится. На нас и Иванова будут ставить всякое новое радио, и заменят часть боезапаса. По дороге – учения по приему топлива на ходу. Ни о чем пока не подумали?

Ему никто не ответил, все молчали.

– Двоих, сказали, командируют в город в управление картографии, и тоже, наверное, не за урюком. Кто со мной поедет?

– Я!

– Идет, ты первый сказал. Остальные остаются и грузят всякое барахло.

– Сокол ты мой ясный, – Алексей поковырял мизинцем в ухе, демонстрируя недопонимание. – Кепско уразумил, глупарь такой, а че прямо не сказал никто, куды мы потом направимся, а?

Старлей осмотрел его сверху вниз, прищурившись.

– Ты мой умный... Не-а, все, как и ты, в недоумении. То ли забьем погреба репой и капустой и будем угощать датчан, то ли...

– М-да... Вот это новость... Коля, ты сегодня в читалке был, в газетах ничего особенного не видел? Типа там, «Злобные буржуйские агрессоры испытывают тяжелое похмелье... И просят героических советских штурманов поскорее освободить от них угнетаемый пролетариат... Пока им совсем не сплехело...».

– М-да... – согласился Зуб. – Это могло бы дело объяснить.

Штырь отрицательно покачал головой, «все как обычно». Из-за двери было слышно, как кто-то, топоча ботинками, промчался по коридору в направлении носа. Штурмана переглянулись и, не стовариваясь, начали одеваться.

– Что бы это значило, «заменить часть боезапаса»? – поинтересовался Штырь. Никто не ответил, только пара человек пожала плечами. Линкор и крейсер всегда имели в погребах полные боекомплекты для все калибров.

– Посвежее, может, порох возьмем... Или заряды поразнообразнее...

Подумав, Штырь кивнул, согласившись. Из всего теоретического многообразия зарядов для главного калибра на «Советском Союзе» имелись только боевой и стокилограммовый согревательный, поскольку других промышленность не выпускала. На «Кронштадте» выбор был чуть побольше – за

счет пониженно-боевого. Золотой мечтой каждого артиллериста была стрельба усиленно-боевым по бронированной цели, такой выстрел должен был протыкать даже современные линкоры почти насквозь. Было неизвестно, кто из руководителей промышленности отправился валить лес и копать каналы, но пока таких зарядов не было – печальная реальность жизни.

Четверка, озираясь вокруг, направилась в сторону кают-компания, где был шанс встретить кого-нибудь из свободных старших офицеров и задать ему парочку наводящих вопросов. По дороге обсуждались возможные варианты казавшегося сейчас неотвратимым боевого применения эскадры – слишком ценной, чтобы не нужно ей рисковать, и еще раз слишком ценной, чтобы просто стоять на якоре, точно в тыловом порту.

В кают-компания удалось найти вторпома Чурило, молча кутившего перед уставленным чайными принадлежностями отдельным невысоким столиком меж двумя диванами. После положенных уставных фраз он с улыбкой пригласил молодых офицеров присоединиться к чаепитию, что штурмана с удовольствием и сделали. После минут пяти ничего не значащих слов Коля Штырь, бывший в компании за старшего, рискнул наконец прямо поинтересоваться у Чурило новостями. Вторпом задумался, видимо, решая, стоит ли делиться с молодежью тем, что он, скорее всего, уже знал. В итоге уже сформировавшееся уважение к профессионализму и опыту

молодых моряков победило, подкрепленное тем фактом, что сходов на берег уже не предвиделось.

– Да, это вы, ребята, верно поняли, что в Пиллау мы уже не вернемся, – заметил он. – А зачем необходим поход в Кронштадт, объяснять, наверное, не нужно... Выгрузка боезапаса, докование, покраска, текущие работы по механизмам, потом снова погрузка боезапаса и припасов, и вперед, в открытое море. Что в мире творится, вы все знаете, не сегодня-завтра фрицы стакнутся с союзничками и попытаются нам вместе шею намылить. Так что, штурмана, зубрите лоции Скагеррака... И Каттегата... Слова-то какие... – Он глубоко затянулся, глядя в потолок. – Я их лет двадцать уже не слышал...

– Крейсера с нами пойдут? – подобравшиеся от серьезности разговора офицеры смотрели на Чурило, как попы на алтарь.

– Ну, до некоторых широт пойдут. А потом сами, ножками. Главное, проливы пройти так, чтобы ни одна сволочь, – кавторанг сжал кулак так, что побелела кожа, – не засекала. А это сложно. Но если нас запрут в Балтике – финиш, корабли можно было и не строить, все равно врагов у нас здесь не осталось...

Да, врагов у Советского Союза становилось все меньше – по мере того как фронты, толкаясь локтями, будто бегущие по узкому коридору люди, продвигались все дальше на запад. 20 октября советские и югославские войска освободили Белград и прошли по его улицам под двумя флагами, осыпа-

емые поздними осенними цветами из рук плачущих от счастья горожан. Это было настоящее боевое содружество славын – партизан маршала Тито, несколько долгих лет в неравной борьбе изматывавших немецкие армии, и воинов трех десятков народов, носящих одинаковые погоны армии советской. Никакие политические игры и сопливые пропагандистские лозунги не могли сделать того, что сделала с людьми общая победа над сильным и умелым врагом.

К сорок четвертому году в характере советских людей очень многое изменилось. Помимо массы личных черт и особенностей, сводимых естественным отбором к умению выживать в сложных и многообразных проявлениях войны, начинал главенствовать один фактор. К сорок четвертому году советские люди начали себя уважать. Находящийся лицом к лицу со смертью человек уже не особо боялся страшного и сурового сотрудника особого отдела, уже не слишком трепетал перед большим начальством – потому что начальство далеко, а смерть рядом. Фронтовики знали, что они могут, они уважали врага и знали, что сами сейчас внушают ему уважение. Строгое выражение на лице дивизионного специалиста уже вызывало не столько трепет, сколько внутреннюю ухмылку, поскольку «кум» в атаки не ходил, и попытка напугать фронтовиков грозно сдвинутыми бровями воспринималась как насмешка. Фронтовики, вернувшись после Победы домой, собирались открывать двери начальственных кабинетов ногами. Где вы были, товарищ начальник, когда мы

горели в танках, тонули на переправах, погибали от ран в госпиталях? В тылу были? Вот то-то же!

И только очень немногие понимали, что все, что ты делаешь на войне, не имеет для тебя практически никакого значения. Если солдат струсит, бросит оружие, его расстреляют перед строем или, если повезет, отправят в штрафроту с каким-то еще шансом вернуться. Но когда все это закончится, то честно и смело воевавших солдат задавят тыловые хари, у которых всегда будет больше медалей и лычек, всегда больше здоровья и сил – потому что они не мокли и не мерзли, лучше жрали и не перелопачивали кубометры земли, чтобы остаться живыми. И оружие у фронтовиков отнимут, и заставят снова бояться говорить о том, что они видели, что они думают. «Ах, говоришь, в Померании воевал? Интересно-интересно... А как там немцы живут? Что? Советские люди, по-твоему, живут не лучше? Ах ты сволочь троцкистская!!!» И фронтовик, озираясь, выбежит из кабинета и будет долго еще дрожать, не зная, придут за ним или нет, и снова будет опускать взгляд, наткнувшись на гордого и презрительного лейтенанта НКВД, идущего по улице с видом хозяина. Но до этого было еще далеко.

Эскадра покинула стылый город в десять утра, после дозаправки пришедших с небольшим опозданием эсминцев. Развернувшись уже в акватории в походный ордер и выйдя за тральщиками через проход между увенчанными маячками молами, тяжелые корабли, растопырив стволы зениток,

наконец-то начали отдаляться от берега. Погода была для октября вполне приличная, и над эскадрой кругами ходили несколько МБР⁶⁵, базировавшихся на разлохмаченный авиацией немецкий гидроаэродром на Косе. К вечеру сменяющие друг друга противолодочники отстали, и эсминцы сомкнулись теснее. Хотя они шли вдоль берегов, полностью контролируемых советской авиацией, но в стремлении привлечь как можно меньше лишнего внимания к новым кораблям командование флота не стало обеспечивать внешнее истребительное прикрытие. Шестерка «аэрокобр», попытавшаяся подойти к кораблям на четырехкилометровой высоте, была заблаговременно перехвачена звеном Ворожейкина, который, пристроившись к ведущему группы и сдвинув назад фонарь, вполне доступно объяснил тому жестами, чтобы ближе не лез. Пилот попытался изобразить недоумение, несколько раз подняв и опустив рукой летные очки на шлемофоне, но майор характерным движением провел себе рукой по горлу, уведя потом кисть вверх: «повесят». Тот посмотрел на ряд красных звезд на фюзеляже и явно осознал. Четверка проводила «аэрокобр» минут на десять в сторону берега и, покачав крыльями, отвернула назад, оставив тех в полном недоумении.

Из-за тралов корабли не могли идти быстро, и только когда добрались до значительных, по балтийским меркам, глубин, ход довели до «экономических» шестнадцати уз-

⁶⁵ Морской ближний разведчик МБР-2.

лов. Веер эсминцев открывался и закрывался вокруг «Союза», «Кронштадта» и «Чапаева», заслоняя их от возможного нападения подводных лодок. К половине шестого вечера следующего дня, когда корабли проходили группу лежащих между Готландом и Сааремаа банок, эскадру прикрыли восемь вышедших из Рижского залива «морских охотников». Эстонские острова обошли по широкой дуге и в узость бутылочного горлышка Финского залива, между Ханко и Палдиски, вошли уже глубокой ночью – снова за тралами, окруженные десятками тральщиков и сторожевиков ОВРа, готовых принять на себя случайную плавающую или не вытраленную мину. Девятнадцатого прямо на Таллинском рейде затонул тральщик Т-379, то ли подорвавшийся на mine, то ли торпедированный подводной лодкой, что наводило на всякие нехорошие предчувствия. Без единого огонька прошли траверзы Таммисаари, Карджаа, Киркконумми, потом залив начал постепенно расширяться. С рассветом эскадра склонилась южнее, подальше от возможного любопытства финнов. Дали, называется, на свою голову независимость. Кому бы из старых золотопогонников пришло в голову мимо Гельсингфорса крадучись проходить? Снова прибавили ход, дальше путь был уже знакомый, по сто раз исхоженный всеми штурманами и в мирное, и в военное время. Большой и Малый Тютерс, Нарвский залив, кладбище сторожевиков и тральщиков, потом Сескар, у которого погибли на минах «Радуга» и «Ударник», – и все, уже дома.

К Кронштадту подошли с темнотой, уберегаясь от лишних разговоров. Эсминцы остались на внешнем рейде, в то время как корабли «тяжелой бригады» встали на бочки всего в нескольких кабельтовых от берега, дразнившего моряков огоньками. Несколько часов прошли в ожидании и технических хлопотах, обслуживание котлов и главных механизмов после похода было не менее сложным, чем до него. Потом баркасы забрали с кораблей адмирала Левченко, командиров и еще несколько человек, доставив их на затемненный пирс.

– Не ожидал, Гордей Иванович? – Кузнецов подал руку Левченко, выбирающемуся на пирс по вертикальному деревянному трапу.

– Отчего же? Ожидал, не скрою. – Адмирал вылез на доски пирса и притопнул ногой, проверяя их прочность.

– Это хорошо, значит, меньше объяснять придется...

Командиры кораблей и ключевых боевых частей здоровались, приглушив голоса с встречающими их представителями штаба флота. Кто-то зажег наконец фонарик и указал дорогу через мостки к машинам, стоящим у обочины идущей вдоль берега дороги. Добравшись за пятнадцать минут до штабного здания – расстояния в Кронштадте были небольшими в любую сторону, – офицеры были встречены вооруженной охраной, по одному пропустившей их внутрь периметра. Вид изготовленных к бою пулеметчиков у входа в опоясанный темными деревьями сад, окружающий комплекс штабных зданий, явно впечатлил многих прибывших, но по

некотором раздумье с такими мерами можно было бы согласиться. Одного удара небольшой группы хорошо подготовленных диверсантов сейчас хватило бы, чтобы на месяц выключить из любых расчетов советскую эскадру, – а такая возможность вовсе не была невероятной, как многие поняли еще после гибели Ватутина⁶⁶.

Спустившись через скупое освещенный первый этаж в бетонированные подземелья, способные выдержать прямое попадание полутонной бомбы, моряки собрались в большой комнате для совещаний, уставленной кожаной мебелью, с лишенными окон стенами, увешанными картами Балтийского моря до самой Дании. Сначала внутренние, а затем наружные стальные двери затворились, отрезав помещение от окружающего мира. Двое оставшихся снаружи увешанных оружием «волкодавов» из какого-то силового подразделения флота имели приказ умереть, но ни при каких обстоятельствах не пропустить внутрь ни одного человека до конца совещания.

– Товарищи офицеры, – вставший во главе стола адмирал флота был мрачен и спокоен. – То, чего мы ждали последние месяцы, к сожалению, кажется, происходит.

Каждый из пришедших почувствовал заворочавшийся в желудке холодный комок. Они все уже понимали.

⁶⁶ Николай Федорович, командующий 1-м Украинским фронтом, был тяжело ранен, попав 29 февраля 1944 г. в засаду бендеровского отряда на прифронтовой дороге, и скончался от ран 15 апреля этого же года.

– Разведка засекала несомненные приготовления западных союзников к военным действиям против советских вооруженных сил. Похоже на то, что им все-таки удалось договориться с немцами о сепаратном мире, хотя боевые действия еще продолжаются. Скорее всего, англичанам и американцам пришлось пойти на некоторое количество дополнительных жертв, чтобы не обрушить ситуацию раньше времени. Это подтверждается независимыми агентурными данными, силовой разведкой, радиоразведкой, аналитиками Генштаба, дипломатическими каналами и много чем еще. Это война.

Все молчали, невольно сжав кулаки. Никаких сомнений в реальности происходящего никто испытывать не мог. По правде говоря, подобное должно было случиться уже несколько недель назад, и все это время задержка неизбежного развития событий держала всех в напряжении.

– Вы не видите здесь вице-адмирала Трибуца потому, что он находится в Копенгагене со штабом Балтфлота. Только что созданная Эскадра Открытого океана в составе линейного корабля «Советский Союз», линейного крейсера «Кронштадт» и авианосца «Чапаев» с сегодняшнего дня выводится из штатов Краснознаменного Балтийского флота и передается в непосредственное подчинение Ставки Верховного командования. Командующим эскадрой назначается вице-адмирал Левченко, боевой задачей ставится прорыв из акватории Балтийского моря на оперативный простор до начала открытых боевых действий против присоединившихся к стра-

нам гитлеровской коалиции США, Великобритании и Франции, действия на вражеских коммуникациях в северной части Атлантического океана и затем – отход к нашим северным военно-морским базам. В связи с этим, задачей Краснознаменного Балтийского флота является обеспечение вашего прорыва, отвлечение на себя части сил и средств противника и прочная оборона Датских проливов с опорой на масштабные минные постановки, морскую береговую артиллерию, надводные корабли, катера, подводные лодки и авиацию флота при полной поддержке армейской авиации и артиллерии.

– Фактически, – Кузнецов усмехнулся, – это будет вынесенный вперед план Эссена, применительно к Дании. Флот и авиация закроют проливы в три слоя, взять их с моря будет практически невозможно. С берега противнику придется общаться с нашей армией, а это может занять больше времени, чем он рассчитывает. Я знаю, что всех вас сейчас заботит один важнейший вопрос – топливо. Я прав?

Иванов, а затем все остальные напряженно кивнули. Левченко, что-то, видимо, знавший на эту тему, обернулся, чтобы оглядеть офицеров одного за другим.

– Четыре дня назад из Риги вышли специально подготовленные суда, переоборудованные во вспомогательные корабли снабжения, а также несколько танкеров. Их мы наскребли буквально по сусекам и укомплектовать смогли лишь в самый последний момент. Не без помощи финнов... – адмирал

даже сумел улыбнуться.

– Координаты точек randеву являются одной из наиболее важных частей операции. Конверты с координатами и опознавательными сигналами будут вручены всем трем командирам кораблей только в море. Товарищ Левченко владеет всей информацией в полном объеме, и потребность в преждевременном доведении этой информации до более широкого круга лиц может возникнуть только в случае гибели командующего эскадрой, выхода флагмана из строя либо разделения сил эскадры по какой-либо другой причине. Здесь, – Кузнецов открыл замок на папке с флотской эмблемой на обложке, – находятся данные по составу привлеченных к операции сил. Десять минут на ознакомление.

Он раздал присутствующим незаклеенные конверты из толстой коричневой бумаги. Внутри находилась стопка размноженных на литографе⁶⁷ листов с машинописным текстом и несколько глянцевых фотографий. Корабль снабжения «Капитан Руднев» (бывший дизель-электроход «И. Сталин»), состав вооружения, лист принятых на борт грузов, скорость хода, дальность действия, мощность радиостанции, грузоподъемность судовых стрел, фотография внешнего вида; командир – капитан второго ранга Владимирский. Корабль снабжения «Ворошиловец», бывший грузо-пассажир-

⁶⁷ Тип множительного аппарата, применяемого в 40-х годах, он же «спиртовой дубликатор». В отличие от более технически совершенного мимोगрафа, выдавал копии синего цвета, а не черного.

ский теплоход «Каскинен», командир – капитан второго ранга Николайчук. Вооруженный танкер снабжения «Бакинский Комсомолец», командир – капитан третьего ранга Неман. Еще два танкера – фотографии, объем и количество танков, производительность и количество насосов для передачи мазута на ходу. Состав сил КБФ, задействованных в операции: дивизия крейсеров, отряд легких сил, дивизионы эсминцев, дивизионы сторожевых кораблей, время и точки выхода, районы маневрирования прикрывающих выход флота подводных лодок, сектора и радиусы действия самолетов берегового базирования, номера и составы авиаполков. То же самое для Северного флота. При одном варианте развития событий – такой-то радиус прикрытия подводных лодок типа «К», подводных лодок типа «Щ», надводных кораблей. При другом варианте. При третьем. И, наконец, сама эскадра – маршрут до Скагеррака, зоны ответственности базирующихся по ходу эскадры легких сил и авиачастей, базы, в которых будет проводиться дозаправка и пополнение провианта. Все было рассчитано до мелочей, штаб флота и штаб самого Галлера, наверное, посвятили этому плану не один месяц – а может быть, даже не два.

Поднимая от бумаг головы, офицеры один за другим обращали взгляд к адмиралу флота, так и не сдвинувшемуся со своего места. Проведенная флотом подготовительная работа вдохнула в людей надежду, до этого сама идея использования надводных кораблей против англичан и американцев

казалась чистой воды самоубийством.

– Два дня дается вам на регламентные работы и полную загрузку боеприпасами и провиантом. В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое отваливаете и с эскортом эсминцев делаете двадцатидвухузловой пунктир до Пиллау. Пятьсот двадцать две мили без зигзага вы должны пройти за сутки.

– Мины?.. – подал голос Левченко.

– Со вчерашнего дня тральщики непрерывно работают на всех мелководных участках маршрута. Цепочка сторожевиков и все противолодочные силы ОВРа, каждый задрипанный ГСТ, который мы сможем поднять в воздух, будут прочесывать воду. Подводных лодок вам встретиться не должно, и, в любом случае, времени у нас почти нет – не до церемоний. В Пиллау дозаправка, одновременно погрузка части свежего продовольствия. В четыре часа утра эскадра должна покинуть гавань и, обойдя Штольпе-банку, тем же ходом совершить переход во временную военно-морскую базу Эбельтофт, воспользовавшись проливами Фехмарнбельт, Лангелансбельт, Сторебельт и Самсе. Контрольные точки – траверз Заснитца в 13.20 двадцать седьмого числа, узость Фехмарпбельта – в 18 ровно. На входе в пролив эскадру будут ждать надежные лоцмана из местных, которые обещали провести корабли по фарватерам без потери хода. Контроль, тем не менее, иметь полный. Прибытие в Эбельтофт в 22.40, четыреста двадцать ходовых миль от Пиллау.

Кузнецов короткими резкими движениями упирал указку

в крупномасштабную карту, изображающую лабиринт датских островов. Каждый поспешно записывал, хотя все эти цифры были размножены на пронумерованных листках и розданы.

– Эскадре придаются флагштурман Балтийского флота, флагманский специалист метеорологической службы, представители конструкторских бюро Маслова и Чиликина, военно-морской переводчик, старший специалист службы связи, старший шифровальщик штаба КБФ. Сегодня ночью и завтра на корабли будет устанавливаться новое радиооборудование, специалисты по нему также будут зачислены в экипажи.

Москаленко покачал головой. Чудо, если после полной загрузки и того, что он собирался затащить на свой корабль сверх норм и правил, он сможет выжать из него хорошую скорость.

– У вас будет день для дозаправки, получения воды, загрузки провиантом и какого-никакого отдыха, за время которого Трибуц проведет доразведку всеми возможными средствами. Вы должны понимать, что операция может быть прекращена в любой момент, – адмирал со значением посмотрел на командиров и неподвижного Левченко. – Даже из Скагеррака, даже из самого Северного моря вас могут выдернуть назад. Я не знаю, как может развиваться политическая ситуация. Я не знаю, когда это начнется. У американцев на другой стороне Земли что-то сейчас происходит. Мы не знаем,

что конкретно, – но это их тормозит больше, чем чисто военные проблемы: переброска техники и людей, боеприпасы, топливо, управление. Все это еще может кончиться большим пшиком, – он раскрыл пальцы, как осыпающиеся лепестки цветка. – Тогда мы все будем бить посуду и нажремся, как курсанты. Можете мне поверить... А теперь – за работу.

Он встал, за ним встали все остальные. Десять мужчин в морской форме стояли вокруг стола, глядя прямо друг на друга. Адмирал флота, не поднимая со стола фуражку, обошел его угол и, взяв Левченко за плечо, крепко сжал его руку. Иванов, Москаленко, Осадченко, Вяхирев, Зайцев, Чурило – моряки, которых он сам выбрал и качества которых знал наизусть. Ни разу не ошибившиеся в годы войны, ни разу не споткнувшиеся, умеющие убивать и выживать. Надежда страны. Он пожал руку каждому, глядя каждому в глаза. Подведешь? Выдержишь напряжение непрерывного ожидания надвигающейся смерти в течение многих недель, день за днем? Ну, смотри...

Десять человек вышли из подземного помещения, раздвинув плечами стоящих к ним спинами бойцов охраны. Через полчаса они были на своих кораблях.

Узел 4.1

23 октября – 7 ноября 1944 г.

Количество и разнообразие заталкиваемых в железное нутро «Кронштадта» предметов заставило бы Даниэля Дефо и Жюль Верна, любивших трогательно перечислять длинные списки захваченных их героями с собой или случайно выброшенных на необитаемый остров полезных вещей («При виде каждой доставаемой из сундука вещи Герберт громко кричал от радости», – кажется, так), позеленеть от зависти. Красные глаза Москаленко и старших офицеров уже с трудом воспринимали смазанный машинописный текст в режущем свете ламп, всех шатало от усталости и недосыпания. Раздевшиеся, несмотря на предутренний котлинский холод, матросы, как муравьи, растаскивали выгружаемые с причалов на палубы пакеты и связки бочек и ящичков.

– Торопимся, ребята, торопимся... – Москаленко, стоящий на баке с несколькими береговыми командирами, посмотрел на часы. – Сколько у нас еще времени?

– Восемь часов, – тоже взглянув на запястье, ответил немолодой кавторанг с красно-белой повязкой на рукаве.

– Успеваем?

– Вам виднее. Думайте, что еще надо? Если здесь не успеем погрузить, есть шанс в Пиллау или еще дальше что-то пе-

рехватить еще.

– Штурмана за картами. Доктора в аптеку. Радисты за комплектами. Аварийный лес. Сварка. Снаряды. Патроны, – каперанг останавливался после каждого слова, уставив взгляд перед собой. – Почему за три дня хотя бы не предупредили?

– Спросите чего-нибудь полегче... – портовик поморщился. – Да и как представляете себе такой заказ передавать?

– Истребитель с пакетом.

– Истребитель... – он слегка усмехнулся. – Не волнуйтесь, товарищ капитан первого ранга. Успеем все.

– Я приказал лепилам⁶⁸ брать шесть комплектов штата.

– Все получают. Скажут шесть – получают шесть. Скажут десять – получают десять. Все как вы скажете, так и будет.

– Снаряды?

– Сколько сказали.

– Унитары к соткам?

– Подвезут через полчаса. Машины уже вышли, время ушло грузить, поднимали по тревоге учебку. Сверхкомплект в ящиках по два выстрела.

– Патроны к автоматам и ДШК?

– Грузят. Сколько сказали.

– Когда произведены?

Кавторанг несколько растерялся.

– Не знаю...

⁶⁸ Врач (арго).

– Узнать.

– Так точно. – Офицер снабжения отошел в сторону, движением руки подозвал к себе вытянувшегося в струнку вестового матроса из ожидающего приказаний отделения, неприметно отирающегося у кнехта, что-то сказал отрывисто. Матрос выхватил электрический фонарик, осветил, офицер быстро нацарапал несколько фраз в блокноте, с треском выдернул страницу, сложил вчетверо, отдал матросу, еще что-то добавил. Тот сорвался с места, унесся на длинных ногах.

– Десять минут, – сказал снабженец, снова подходя к Москаленко и своему дежурному, молча разглядывающим освещенный прожекторами с берега и надстроек корабль.

Воздух был стылым и царапающим горло. В воздухе висела неподвижная, слегка переливающаяся в лучах прожекторов и ламп морось, заставляющая моргать и щуриться, когда белые точки ламп на берегу расплывались в четырехлучевые звезды. Командир крейсера оторвался от своих мыслей, за секунду утащивших оглушенный усталостью мозг в далекие, не имеющие отношения к войне дебри. Взмахом руки он подозвал к себе еще одного рассыльного и приказал прислать первого попавшегося свободного офицера из корабельных. Умчался и этот. Но не особо занятого офицера ему удалось найти только через десять минут, после долгих попыток рассмотреть среди таскающих тяжести и руководящих этим людей кого-нибудь праздного. Наконец матросу пришлось в го-

лову обратиться к кавторангу, размахивающему кулаком, задрал голову на надстройке, и тот живо нашел ему какого-то лейтенанта. Когда они домчались до бака, лейтенанту тоже пришлось бежать, командир просматривал вместе со склонившимся к нему дежурным желтые форменные бланки от партий боеприпасов. Дождавшись, пока они закончат, лейтенант доложил, назвавшись смешной фамилией Лепиха.

– Возьми отделение бойцов, лейтенант, с берега, и бегом выгрузите библиотеку. Товарищ капитан-лейтенант, распорядитесь.

– Всю, товарищ командир?

– Всю. До последней книжки. Полки оставить. Когда закончите, доложите Чурило, пусть займут подо что скажет. Медикаменты, скоропортящиеся продукты, в общем, все, что нужно вентилировать и что не загорится. Он разберется. Быстро.

Молчаливый помощник дежурного кивнул и прямо направился к трапам, за ним последовал оборачивающийся на ходу лейтенант.

– Можете получить дрозда... За классиков-то... – с неодобрением сказал портовик.

– Плевал я... – Москаленко поморщился. – Три тысячи томов. В море не до чтения будет. А гореть, случись что, станет будь здоров – прямо у барбета третьей башни. И вес. И библиотекарь. На хрен все пошли.

Кавторанг пожал плечами. В принципе, он был согласен

с командиром корабля. По его личному, тщательно скрываемому убеждению, экипажи спешно готовящихся к походу кораблей были самыми настоящими смертниками. Испытывая некоторую неловкость оттого, что остается на берегу, он пытался успокоить свою совесть работой и беспрекословным исполнением всех требований уходящих в море моряков. Не первый раз он готовил к выходу корабля, но впервые он испытывал тоску по уходящим, тоску по недоступному ему теперь мостику, по брызгам воды из-под форштевня. А ведь думал – исходился уже, старая лошадь.

К полудню в док, где стоял «Советский Союз», пустили воду, и корабль медленно приподнялся с кильблоков. В миле от входа в канал уже стоял окруженный буксирами «Кронштадт», дожидаящийся своей очереди на «процедуру», до которой еще надо было готовить док к приему отличающегося по конструкции корабля. Недолгие часы, отводившиеся тяжелым кораблям в единственном крупном сухом доке Кронштадта, не позволяли провести сколько-нибудь масштабных работ, но подводная часть кораблей не обрабатывалась с самых испытаний, и ее чистка и покраска могли дать важную прибавку в скорости и, главное, в дальности действия.

По всем правилам перед постановкой в док положено было сгрузить боезапас, крейсер же загрузили сверх всяких норм и стандартов. Цинки с патронами для зенитных автоматов лежали в коридорах, ящики с патронами к 100-мм

пушкам были напиханы в кладовые и мастерские – из тех, что под броней. Если 152-мм снарядов по штату полагалось полторы сотни на пушку, то взято было двести двадцать пять. А каждый такой снаряд – это 55 килограммов, каждый отдельный заряд к нему – еще 35 килограммов. И для всех их нужно было найти места в погребах, потому что хранить боеприпасы раздельного заряжания в непригодных для этого местах мог только самоубийца. Корабль наминал огромный пороховой погреб. Вес зарядов в погребах измерялся десятками тонн. Вес взрывчатки в снарядах – тоннами. Объем бензина в носовом бензохранилище – многими кубическими метрами, смазочных масел – снова тоннами, мазута в цистернах – тысячами тонн. Точнее, их было уже пять с половиной тысяч, потому что часть была взята в отсеки противоминной защиты. Все это могло гореть, могло взрываться, могло уничтожить огромный корабль за считанные секунды, но без этого он был незащищен.

Все делалось чрезвычайно быстро, в не слишком характерном для флота темпе. Время подпирало, и народ работал, как уколотый в задницу чем-то острым. Фактически это было понятное желание остаться живыми. Даже в те минуты, когда из дока выкачивали воду (процедура, за которой моряки любят наблюдать, свесившись через борт), цепочки матросов и старшин перебрасывали из рук в руки ящики и коробки, постепенно заполняющие все свободное пространство во всех еще незанятых уголках корабля. Автономность

по провизии и топливу составляла для «Кронштадта» около двадцати суток, но если на дозаправку, как выяснилось, Москаленко мог еще рассчитывать, то количество продуктов, которые могли сожрать хотя бы за неделю тысяча сто здоровых мужиков, с трудом могло быть перегружено в море. Исходя из этого, бочкам с квашеной капустой, мешкам с картошкой и ящикам с американской консервированной колбасой в списках, выданных к исполнению береговым службам, было уделено не меньше внимания, чем снарядам. Прямо в доке корабль начали красить одновременно сверху вниз и снизу вверх, по схемам, составленным в маскировочной лаборатории Кронштадтской ГВМБ⁶⁹. Несколько старшин лаборатории за два часа нанесли контуры пятен и косых полос и на катере ушли к стоящему у дальнего пирса «Чапаеву». Там работа была уже полегче – авианосец почти целиком состоял из плоских поверхностей.

Уже силами команды на «Кронштадте» залили пятна соответствующими цветами, что заняло почти весь день. Схема окраски не была особо новой, но все же отличалась от принятой на Балтике, где кораблям часто приходилось действовать вблизи берегов. На открытой воде способности человеческого глаза к восприятию несколько меняются в зависимости от фона, распространения света и тени и десятка других факторов, понятных только оптикам. Из обычной для осенней Балтики двух-трехцветной окраски в виде простых

⁶⁹ Главная военно-морская база.

участков с неправильными границами камуфляж линейного крейсера превратился в нечто, не охватываемое глазом, переходящее из одной формы и одного цвета в другой и заставляющее переводить взгляд на что-нибудь, от чего голова кружится меньше. Чем выше надстройки, тем светлее становились цвета, точно так же, как они светлели в сторону носа и кормы, где полосы из прямых становились волнообразными. Москаленко покачал головой и заставил себя думать о том, что вес пошедшей на это дело краски, как и масса потраченного времени, имеют меньшее значение, чем то, что вражеский сигнальщик обделается от удивления, увидев такое чудо на морской глади.

На закате к борту вышедшего из дока крейсера подвалил катер с вице-адмиральским флагом. Вахта даже на стоянке в родной базе блюлась свято, и заблаговременно предупрежденный сигнальщиками Москаленко встретил начальство у трапа. Взбежавший вверх Левченко крепко пожал ему руку, поглядывая вокруг со слегка изумленным видом на минуточку забежавшей в бардак институтки.

– Один катер оставил?

– Один, – подтвердил каперанг, уже чувствуя, к чему клонит Левченко.

– Твои заявки на снаряды-патроны я одобрил, ты у нас будешь легкой кавалерией, поэтому стрелять придется много. Но чем тебе особисты помешали?

Москаленко усмехнулся: особый отдел со всем барахлом

он приказал ссадить с корабля вместе с музыкальной командой – на что они, видимо, обиделись.

– А на хрена мне в море особый отдел, Гордей Иванович, подскажите? Шпионов ловить? Или дезертиров?

Адмирал примиряюще поднял руку.

– Да успокойтесь, Иван Степанович, ваше решение никто не оспаривает, но ведь особисты занимаются не только шпионами и диверсантами... И дезертирами!

– Совершенно верно, еще трусами и паникерами. Я не собираюсь утверждать, что на моем корабле трусов ни в коем случае не будет, всякое я видел. Но с ними разговор будет короткий и без особистов: за борт, чтобы чужой хлеб не ели. А особистов у нас трое. И на троих у них три пишущие машинки. Их нужно кормить, их нужно водить в баню, освещать им помещение, чтобы глазки не заболели. Значит, это провизия и топливо. И багаж у них не как у остальных офицеров. А я на этот вес десять лишних ящиков «соток» возьму, гораздо, на мой взгляд, полезнее.

– Считаешь, пара лишних снарядов полезнее для твоего здоровья, чем кум?

– Сколько эти ребята у меня хлеба сожрали, но даже если они себе пальцами очко заткнут, все равно разрыв «сотки» не перекроют. Перетерплю я их сопли как-нибудь.

– Иванов оставил.

– У Иванова линкор. У него метлахской плитки на душевые чуть не сто тонн пошло. А «Кронштадт» – это балери-

на!!! Как я тридцать три узла выдам, а?

– А сколько выдашь? – адмирал очень серьезно посмотрел на командира корабля.

– Посмотрим, как осадка к Скагерраку будет. Сейчас – узлов двадцать семь, более-менее. Я бы и «Чапаеву» посоветовал всех лишних на берег отправить, у него с местом еще хуже должно быть.

Левченко кивнул. Авианосец был слишком мал для океанских вояжей, и с автономностью у него было совсем плохо.

– Если Осадченко на «Руднева» надеется, то Бог, как говорится, в помощь, я все его трудности понимаю. Но я на него не надеюсь, и за четыреста килограмм особого отдела без пишмашинки я готов отвечать. Если бы у меня два особых отдела было, я сейчас от радости бы прыгал...

– Что, оба сплавил бы? – адмирал, не выдержав, все-таки улыбнулся.

– А как же! Представляете, это картошки на полный обед для всей команды! Если б у меня лишние три дня были, я бы приказал старую краску обколоть перед покраской, это еще пара-тройка тонн была бы...

– Ну это уж слишком... Вся команда работала бы скребками ради пары тонн?

– Мы две недели репу чесали в Пиллау, чем бы, думали, заняться, раз стрелять нельзя. Если б время знать.

– Никто не знал, Иван Степанович, это точно...

Левченко покинул борт «Кронштадта» через полтора ча-

са. Москаленко понимал, как сейчас дорого время, и был настолько краток в своих определениях, насколько мог. Он не вполне был согласен с отведенной кораблю ролью «легкой кавалерии» и попытался объяснить получившему командование над эскадрой адмиралу свои собственные взгляды на возможное боевое применение в ситуации столь уникального корабля, каковым являлся «Кронштадт». Проблема была в том, что и «Советский Союз» с «Чапаевым» тоже были уникальны, и большого выбора кандидатур на роль артиллерийского авангарда просто не имелось.

В два часа ночи 26 октября, точно по графику, три затемненных корабля выскользнули с Кронштадтского рейда, окруженные низкими тенями эсминцев. Поход был напряженным и бесшумным. На хорошей скорости корабли проскочили Финский залив вычищенным и пробомбленным южным фарватером, пройдя над могилами балтийских эсминцев, и к полудню поравнялись уже с Даго. Флот действительно задействовал все силы, чтобы нейтрализовать потенциальную минную и торпедную опасность, а о вражеских самолетах здесь не вспоминали уже больше года.

Хуже были те мысли, которые каждый передумывал про себя. Целиком картину происходящего знали только ключевые офицеры кораблей, от деятельности которых шансы эскадры зависели напрямую. Остальные довольствовались разрозненными кусками мозаики, маленькими фрагментами доступной информации, которая вела к совершенно опре-

деленным выводам. В кубриках и каютах не утихали споры о том, что предстоит кораблям. Количество принятого топлива ясно говорило об океанском походе, а объем принятого боезапаса – о предполагающейся активности, но направление выдвижения, как и его сроки, оставались предметами домыслов. В матросских кубриках «Чапаева» была создана стройная теория о проходе на Средиземное море, на помощь югославам. В каюте младшего начсостава номер 13, расположенной между носовыми башнями «Кронштадта», предполагали, что эскадра будет действовать короткими набегами из передовых баз Дании, для чего переводится в порты ее восточного побережья, будучи прикрыта от тяжелой бомбардировочной авиации бывших союзников массивированной концентрацией истребителей.

В каютах командиров и адмиральском салоне линкора вели короткие прокрутки вариантов, которые могли встретиться в море. Атака сорока торпедоносцев под прикрытием сорока истребителей, заблаговременно перехваченная половиной авиагруппы «Чапаева»: возможные потери авиагруппы, объем боеприпасов, потраченных на отражение атаки прорвавшихся машин, число полученных попаданий. Значительную роль в определении численных параметров такого рода, наряду с подлинными сводами разведанных, таблицами и графиками пенетрантности снарядов разных калибров сквозь палубы и пояса разной толщины, играл бросаемый на стол размеченный цифрами граненый карандаш и случайно

открытые таблицы звездного атласа. Такие игры, несмотря на всю их условность и приблизительность, немало развивали тактическое мышление и вообще способствовали углублению мозговых извилин.

После короткой дозаправки у знакомых пирсов Пиллау эскадра снова вышла в море, и в этот раз не на черепаших семи узлах, а на хорошей скорости, не часто доступной вынужденным экономить топливо тяжелым кораблям. Двадцать два узла не были пределом ни для одного из кораблей эскадры, но все же это была скорость хорошего грузовика на неплохой дороге, и для кораблей размером с железнодорожный вокзал (для «Чапаева» больше подходило сравнение с аэродромом) она выглядела впечатляюще. Осадченко покомандовал в свое время лидером и скорость любил. Зная, как важно время, он, будь его воля, приказал бы дать полный ход – по крайней мере, до входа в Фехмарнбельт. Но с другой стороны, двадцать два узла позволяли менять котлы в работе, что в преддверии длительного похода было жизненно важно.

Никаких трудностей и проблем при движении через датские проливы у эскадры не возникло. Лоцманы ждали в точно назначенное время и в точно указанном месте, с вооруженным эскортом и сопровождаемые переводчиками с датского (хотя профессиональные лоцманы, разумеется, знали и немецкий и английский). Дублировали их моряки советского торгового флота, которым приходилось уже ходить этими

проливами в предвоенные годы. За несколько лет многое изменилось, но фарватеры по-прежнему сохранялись в идеальном состоянии, бакены и маяки работали и полностью соответствовали нужным разделам лоций. Море кормило Данию, и равных датчанам моряков было мало. Разве что голландцы. И норвежцы. И англичане.

Мысленно продолжив этот список, стоящий на мостике «Чапаева» рядом с лоцманом Осадченко начал улыбаться. Говоря о русских, лоцман имел вполне уважительный тон, русские здесь плавали уже лет четыреста. Находящийся в конце строя авианосец просто повторял все эволюции идущих перед ним кораблей, и не особо загруженный лоцман имел возможность поразлагольствовать об огромном влиянии викингов (к потомкам каковых он совершенно искренне и даже не без оснований причислял и себя) на развитие славянских народов и их приобщение к мореплаванию. На викинга он особо не был похож, поскольку волосы имел темные и роста был не очень большого, но мужиком он был крепким и говорил интересно, переводчик пересказывал его слова для тех, кто плохо знал немецкий. Каперанг несколько раз хотел оборвать датчанина, слишком увлекшегося, по его мнению, разговором, но тот вполне контролировал ситуацию и ни разу не запоздал с указаниями, а также попутно просвещал внимающих штурманов по поводу ориентации в приливно-отливных течениях проливов и бухт в лабиринте островов восточной части Датского королевства.

Летуны в это время, собравшись кучками по восемь-десять человек, спешно накачивались огненной водой – поскольку им было приказано выспаться, а спать в дрожащем нутре несущегося сквозь темноту железного ящика было довольно сложно. Конечно, страх испытывали все! Горячий душ, прекрасная еда, хрустящее постельное белье – все это радовало, но на привыкших к относительному комфорту летчиков в чинах это производило гораздо меньшее впечатление, чем на прикомандированных гражданских или вернувшихся из морской пехоты моряков. Ощущение же полной уязвимости давило на мозги с силой стотонного пресса, и только алкоголь мог на некоторое время приглушить это ощущение. За месяцы подготовки летчики успели несколько привыкнуть к далекому гулу турбин под ногами, к всхлипывающему шороху разбивающихся о борта волн, даже к качке, и с подначки экипажа уже начали в какой-то степени считать себя настоящими моряками. Теперь же им становилось ясно, что до этого еще очень далеко.

Настоящий моряк имел каждую минуту какое-то дело, то есть обеспечивал безостановочное движение корабля, либо спал, восстанавливая силы перед следующей вахтой. Инженерно-технический состав авиагруппы тоже не скучал, поскольку всегда можно было найти недостаточно прикрученную гайку или что-нибудь в этом роде. Самолетов в замкнутом пространстве корабельного ангара, за закрытыми щитами вентиляционных просветов, было много, и они все бы-

ли крайне сложными агрегатами, да и новые моторы давали основания потеть. Они, в принципе, были хороши и нареканий пока не вызывали – но новое есть новое, и механики с летчиками относились к движкам с некоторым настроженным прищуром. Отсутствие таких моторов на фронтовых машинах вызывало подозрение, хотя дело, скорее всего, просто было в высокой цене новых образцов – слишком жирно было ставить их на машины, которые все равно в массе гибли раньше, чем вырабатывали ресурс. Несмотря на свою оторванность в последнее время от войны, пилоты хорошо знали цену разлагольствований о «неоспоримом господстве в воздухе» советской авиации. Эшелоны продолжали идти и идти на запад, и летные училища все продолжали выпускать желторотых младших лейтенантов, подлежащих жестокому фронтовому отбору в две существующие категории – «старик» или кусок обугленного мяса, закапываемый в неглубокую могилу под жидкий пистолетный залп. Летчики и стрелки авиагруппы «Чапаева», снова надевшие ордена, четко осознавали, что идут не к теще на блины. Хотя даже Покрышева держали пока в неведении, куда именно, – что его несколько обижало.

В мире существовали всего две системы применения палубных авиагрупп. Согласно первой ее командир был фактически приравнен к командиру корабля – по аналогии со знаменитой грабинской фразой: «Танк – повозка для пушки». То есть авианосец – это плавучий аэродром, и дело команди-

ра корабля просто доставить его в точку выпуска самолетов по всем правилам кораблевождения, которым его специально учили. Ведь не вмешивается же, в конце концов, командир БАО в управление боевой работой полка, базирующегося на поле, которое он обслуживает. Второй метод был почти полной противоположностью первому. В нем авиагруппа расценивалась просто как еще один вид оружия корабля, пусть и главный. Поэтому и командир боевого корабля относился к ней соответственно – давал приказание ее командиру, как командиру боевой части, сообразно решению адмирала или своему собственному, признавая за ним исключительно право совещательного голоса. На «Чапаеве» четкая система еще не сложилась, но явно склонялась ко второму варианту.

В конце лета над офицерами группы прошел золотой дождь «за старое», раз в две недели обязательно кто-то получал что-то крупное, причем без отрыва от напряженного обучения для церемонного выезда в Кремль. Особенно урожайным был август – девятнадцатое число, после дня авиации, когда вышел указ о награждении крупной группы летчиков. Самому Покрышеву, Кожедубу и Ворожейкину⁷⁰ дали дважды Героев (интересно, что в указе Арсения Ворожейкина назвали командиром «Н-ского» – 32-го, для понимающих, истребительного полка, кем он был до перевода на «Ча-

⁷⁰ Арсений Ворожейкин, седьмой в списке советских асов (52 личные победы, включая 6 в Монголии). К осени 1944 года имел 46 личных побед.

паев»), Покрышкину аж трижды, отчего воен-женщины ахали с утра до вечера, за пятьдесят три сбитых. За плюс-минус месяц вперед и назад дважды Героя дали Гуляеву, бывшему комэску 129 ИАПа, за сорок два, потом первое золото Абрамову, за двадцать. Еще одним дважды Героем стал комэск-один Раков, к общему удивлению – за «Ниобе».

Пикантность ситуации заключалась в том, что вторая Золотая Звезда была им давно и честно заслужена, но как раз по «Ниобе» Раков промахнулся. Когда был взят порт, где затонул старый крейсер, и допрошены соответствующие пленные, вдруг выяснилось, что наблюдаемая сверху картина всеобщего разрушения, вызывавшая такую гордость, далеко не во всем соответствовала действительности. Первое звено добилось одного попадания фугасной 250-килограммовой бомбой, остальные промахнулись. Основная ударная группа – Барский с Раковым – добились еще одного попадания, на этот раз бронебойной, но большая часть бомб опять легла мимо цели. Крейсер, может, и уцелел бы, но подошедшие топмачтовики, атака которых была по горячему следу расценена как ненужная, вывалили на «Ниобе» весь свой груз, после чего он и приказал, как говорится, долго жить.

Таковы превратности наградной системы. Человек может получить награду за подвиг, которого он не совершал или даже совершил кто-то другой, и с другой стороны – точно так же может быть ее лишен без объяснения причин, по случаю, по плохому настроению начальства или ошибке писаря. Все

к этому привыкли и относились к наградам, по большей части, философски. Многие из молодых и зеленых предполагали, что наличие одной, двух, а тем более трех Золотых Звезд на груди фронтовика является как бы подтверждением того, что этот человек есть образец бесстрашия. На самом же деле бесстрашие как именно органическая природная способность является чрезвычайно редким качеством, почти уникальным. Современная война, где пуля, как известно, дура, отнюдь не способствует выживанию бесстрашных дураков – посему ум идет с означенной способностью рука об руку. Среди многих выдающихся бойцов, собранных в группу, как сливки в сепараторе, с воюющих авиаполков, бесстрашным «в чистом виде» был, пожалуй, только один человек – Павел Камозин⁷¹. Такие люди встречаются, как бывают хуленькие подростки, способные отжаться от пола тысячу раз или подтянуться на перекладине раз шестьсот. Говорят, что благодаря какой-то причуде природы у таких людей при мышечной работе не вырабатывается продукт с кислым названием, поэтому их мышцы «не помнят» о только что проделанном усилии. Фактически это ненормально. Под способностью Камозина, возможно, тоже имелась вполне материальная основа, но он был единственным человеком, не испытывающим страха вообще. Озабоченность, напряжение, усталость – сколько угодно. А остальные летчики, которым

⁷¹ Ас 66 ИАПа и 101 ГИАПа, имел к концу войны 35 личных побед, из которых 29 к лету 1944 года.

с этим меньше повезло, просто знали массу психологических трюков для демонстрации поразительного бесстрашия в бою. У некоторых это получалось бессознательно, многие понимали и настраивали себя соответствующим образом.

Человека могла удерживать от страха ненависть. Примеров этому масса. Ненависть является чрезвычайно сильным переживанием – возможно, наиболее сильным из доступных человеческому сознанию. Фактически она может граничить с подсознанием и часто берет на себя контроль за действиями индивида. Пограничное состояние, когда сознание затуманивается желанием убивать, может сотворить с человеческим организмом невероятные вещи. Человек, которого ведет направленная ненависть, способен в одиночку расшвырять десятки врагов, прорываясь к горлу одного-единственного, может ударом руки пробить другому человеку череп, может просто уйти, выключиться из поля зрения других людей.

Это звучит невероятно, это может вызывать насмешку у не испытывавших такого состояния людей, но подобное действительно бывает. Петр Покрышев видел такое один раз, но ему хватило. Полк в тот месяц дрался с немецкой истребительной группой очень высокого класса, и ежедневные потери были большими. В одном из боев на его глазах был сбит пилот, с которым они воевали бок о бок многие месяцы и были близки насколько только могут быть близки братья от разных родителей. Его сбил Me-109, на борту которого бы-

ла нарисована семерка, а на носу – вписанный в круг горный пик. Покрышев запомнил каждую деталь окраски убийцы его друга, каждую оголившуюся заклепку на фюзеляже ушедшего в свечу «мессера». Он бросил цель, за которой гонялся, с максимальной перегрузкой оторвался от ведомого на пилотаже и не отпускал взгляд от маневрирующего немца ни на секунду. Вокруг крутились в карусели три десятка истребителей, эфир был полон рычанием и матом, и ни один человек не обращал на него внимания. Покрышев подбирался к борту немца, двигаясь как пардус, прыжками. Его могли сбить сто раз. Любой летчик, маневрирующий таким ненормальным образом, не оборачивающийся, с прокушенной губой и кривой усмешкой глядящий лишь в одну перемещающуюся по небу точку, был бы сбит за секунды, которые требуются для захода на дурака.

Никто этот заход не сделал, потому что ненормальный «вархаук»⁷² был никому не нужен – люди были слишком заняты уничтожением подобных себе. Покрышев подобрался к убийце вплотную, перезарядил оружие. Немец маневрировал как сумасшедший, теряя высоту с каждым виражом. Он явно был хорошим летчиком и знал, как выжать все возможное из своей машины, но каждый раз, оборачиваясь через правое плечо, он натывался на взгляд русского. Когда высота кончилась и небо неожиданно стало пустым, как часто быва-

⁷² P-40 «Warhawk» («Ястреб войны»), американский истребитель, продававшийся и поставлявшийся по ленд-лизу во многие страны.

ет в групповых воздушных боях, они остались одни. На горизонтали, даже у самой земли, «мессершмитт» был быстрее – но оторваться рывком оказалось невозможно, потому что Покрышев держался в правом пеленге всего метрах в пятнадцати – и продолжал улыбаться. Пилот «мессера» уже понял, что это конец, его уже начало затягивать темнотой, он последний раз обернулся и посмотрел в лицо доворачивающему на него истребителю. Покрышев улыбнулся ему в последний раз и нажал гашетку управления огнем крыльевых пулеметов. Шесть стволов полудюймового калибра, покачнув самолет, прочертили короткий дымный пунктир, уперев свои трассы в кабину германского истребителя. Пробив бронестекло, они маленькими белыми вспышками, похожими на зажигающиеся электрические лампочки, замигали внутри, разрывая кинетикой бакелит⁷³ и алюминий приборной панели, протыкая человеческую кожу. Покрышев проводил взглядом уходящий вниз самолет с покрытым снегом горным пиком на охряном круге (австриец, наверное) – и только его тогда сведенное судорогой лицо немного расслабилось.

Менее сильными, менее направленными эмоциями могут быть кураж, ярость, гордость, гнев. Многие летчики, наоборот, подавляют в себе сильные эмоции, делая ставку на хладнокровие, умение и опыт. Покрышев видал и то и другое. Пилот современного истребителя, бросающего свое звено на многократно превосходящую его числом группу самолетов,

⁷³ Наиболее распространенный в 40-х годах пластик.

не может быть спокоен. «Сдохни со мной, сука» – это фраза, которую воспринимают мозги атакованных им пилотов. И если уровень ярости летчика, да еще помноженный на его умение, выше, чем у противника, исход боя обычно предрешен. Ну и чем это отличается от того же викинга, который, грызя щит и выкрикивая что-то неразборчивое на стародатском, прыгал с мачты на палубу вражеского драккара? Товарищ Дарвин, несомненно, исторически прав, Энгельс с ним согласился, но за последние пару тысяч лет люди ненамного изменились... Смешно сказать, но и суеверия тоже очень хорошо помогают бороться со страхом. Взять хотя бы Шутта⁷⁴. Уж на что смелый парень, спокойный в воздухе, хладнокровный, а перед каждым вылетом тарелки бьет, никак его отучить не удастся, как ни пытались. Тоже не просто так, наверное? Или еще один есть, который на землю садится рядом с самолетом, посидит немножко – и все, готов лететь. Так что не надо путать трусость и страх. За трусость расстреливают, иногда даже свои, некоторым приходилось. А вот страх каждый испытывает сам по себе, в кабине никого, кроме тебя, нет, и в лицо никто не заглядывает: а не боишься ли ты? Бояться не стыдно, страх совершенно нормален, но вот подавлять его на некоторое время надо уметь.

К сожалению, все отработанные методики и ритуалы предназначались для неба, а на воде летчики чувствовали

⁷⁴ Николай Шутт, ас 270 ИАПа, ветеран Халкин-Гола. К концу войны с Японией в сентябре 1945 г. имел, по разным данным, от 25 до 55 личных побед.

себя уязвимыми – дальше некуда. Хорошо завидовать морякам, когда сидишь где-нибудь на суше. Дескать, форма с якорями, салфетки на столах, вода горячая из-под крана течет. А вот когда проблюешься за борт от первой зыби, прожаришься в машинном отделении, увидишь, как стоит торчком лом на палубе сам по себе, потому что включен ток в обмотке размагничивания, – тогда чуточку задумаешься.

Но это так, прелести жанра. Хуже всего – непрерывно ощущать нацеленные в тебя глаза из невидимого. Это примерно как выйти голым на абсолютно пустынную улицу. Вроде на тебя никто и не смотрит, но ощущение жуткое, как будто все показывают пальцами, из каждой подворотни мерещатся чьи-то глаза. Так и в море: все время кажется, будто на тебя кто-то смотрит, или из-под воды, или из проплывающего мимо облака. И ведь не узнаешь, правда это или нет, пока из ниоткуда не устремится к борту бесшумный пенистый след или с воем не выпадут из облака пикировщики с изломанными чайчьиими крыльями. На психику давит отвратительно. Но, опять же, это, так сказать, предварительный этап – поскольку, когда дело дойдет до стрельбы и бомбежки, их результаты становятся гораздо более фатальными, чем на суше. Мало того, что цель вражеских бомбардировщиков сведена к одной точке, к тебе, так еще если и не убьет прямым попаданием, то потонешь ни за что, ни про что – хуже смерти не бывает.

Есть и еще один фактор. Над морем пользоваться пара-

шютом большого резона нет. Одно дело, когда прикрываешь, скажем, погрузку в порту или конвой вблизи берега. Тогда, если собьют, есть шанс, что подберут катера. И совсем иначе, когда дерешься над открытым морем, где никого рядом нет и можно утонуть или замерзнуть за час-два. Покрышкину в свое время запретили охотиться на транспортники над Черным морем, потому что ведомый, не вытерпев, рассказал дома о том, как он один раз едва не столкнулся с падающим трехмоторным Ju-52. Вот запретили, и все – а может быть, сейчас поспокойнее на душе было бы.

Большинство летчиков авианосца боролось с мыслями о холодной океанской воде, в которую, может быть, придется спускаться, если собьют. Некоторые верили в клятвенные обещания командования задействовать на спасение сбитых летчиков, если такая надобность возникнет, корабельные гидросамолеты. Оптимизм не порок, а может, и действительно не захотят разбрасываться Героями. Летчиков поплавковых КОР-2 (их периодически называли еще и Бе-4, по имени конструктора) готовили не слабее, чем раковскую эскадрилью, тоже много летали, много искали, бомбили условные подводные лодки, практиковали взлеты с катапульт... Тоже опытные и суровые были ребята, нечего сказать. Раков пару человек из них даже знал. КОР-2 был неплохой машиной, хотя и выглядел как игрушка, его выпускали уже лет семь, маленькой серией, и никогда особо активно не применяли. Считалось, что для «большого флота» Бериев сделает

новую машину, – но что-то у него, видимо, не заладилось, а может, и начальство устраивала еще не старая модель, но пока ни о чем другом слышно не было. Радиус катапультного самолета был не особенно велик, и при встрече с истребителем он был, в общем-то, обречен, поскольку имел для обороны лишь один винтовочного калибра пулемет у стрелка. Но в его полезности никто не сомневался – несколько десятков лишних тонн авиатоплива не были для «Советского Союза» большой проблемой по сравнению со скорлупкой «Чапаева».

В общем, пока по авиагруппе было объявлено «расслабление», многие не то чтобы не просыхали, но просто все время были чуть-чуть навеселе. С точки зрения политруководства, это требовалось гневно осуждать, но больших возможностей да и желания делать это у военкома авианосца не имелось. В отличие от многих представителей своей специальности, он не был ни дураком, ни сволочью, а, наоборот, вполне нормальным и неглупым мужиком, обладающим здравым смыслом, юмором и здоровым количеством цинизма. Придраться к нему никто не мог, и, наоборот, очень ценили, назначив на столь ответственный пост. Все политинформации проводились вовремя, планы политзанятий с матросами, старшинским составом и офицерами были расписаны по неделям и четко соблюдались, зачеты сдавались вовремя и на хорошие оценки, члены партии и комсомольцы были в надлежащем балансе. По совокупности всего этого он считался прекрасным политработником, ответственным и достойным.

На «Чапаеве» к нему относились вполне хорошо, считая его своим, на что также были причины. Военком Терещенко смотрел сквозь пальцы на поведение летчиков, поскольку они не были смешаны с командой и никакого «разлагающего действия» на нее не оказывали. К тому же они вели себя совершенно спокойно – просто расслаблялись умеренным количеством алкоголя, не буяня и не стуча друг другу в морду. Он видел, что среди них много седых не по возрасту, много двадцатипятилетних, выглядящих на тридцать пять, носящих на груди нашивки трех-четырех ранений и на лице шрамы заживших ожогов. Для приведения в полностью здоровый вид всю группу надо было прежде всего отправить на берег, где они чувствовали бы себя уверенно, к тому же объявить, что в ближайшие полгода никакой войны не будет. Потом дать нажраться пару раз до состояния полного изумления, дать провести отпуск у моря с нескудной девчонкой, у кого нет – предоставить, и только после до-о-лгого перерыва снова отправлять на войну, причем постепенно. Поскольку обо всем этом приходилось только мечтать, небольшой выпивон был идеальным средством держать их до начала боев в человеческом состоянии, не превращая драконовским контролем боевых офицеров в озлобленных невропатов.

Двадцать седьмого к одиннадцати часам вечера эскадра вошла в затемненный Эбельтофт-Виг, бухту Эбельтофт. Маленькая база, надежно скрытая от посторонних глаз, была

уже неплохо оборудована. Боновый заградитель перекрыл проход в сетях, отгораживающих участок бухты от подлодок и диверсантов, эсминцы выстроились полукругом снаружи, непрерывно ведя наблюдение. Огонь по катерам было приказано открывать, не запрашивая опознавательный, – как и по любым рыбацким лодкам и шхунам, зашедшим в запретную зону.

– Ну, успели мы? – первым делом спросил Левченко, когда командующий базой офицер с осторожно подошедшей к борту весельной шлюпки взобрался по трапу на палубу линкора и передал пакет с приказом.

– Так точно, товарищ вице-адмирал.

– Где Трибуц?

– Товарищ комфлота в Ханстхольме, на передовой базе, с крейсерами. Вам приказано дозаправляться и грузить продовольствие.

– Знаю... – Левченко, наклонив голову, нетерпеливо читал бумаги при свете низко склоненной лампы. – Сколько у нас времени? Как разведка?

– Пока ничего нового, товарищ вице-адмирал. Корабельная и воздушная разведки пока ничего подозрительного не засекали, из штаба тоже никаких горячих сообщений нет. Но приказано грузиться не задерживаясь.

– Это-то ясно... – адмирал осмотрел опоясывающую бухту с запада и севера цепочку возвышенностей, не очень характерную для датского побережья деталь. – А вы вообще в

курсе, каперанг?..

– В курсе, – спокойно ответил тот, даже не заставляя закончить фразу. – Но пока можно не беспокоиться особо. За последние три дня ни одного контакта с надводными кораблями нет от самого Ставангера. Четыре дня как катерники дрались у выхода из Скагеррака, на меридиане Сегне.

– Ага. И что?

– Дивизионом наткнулись на шнельботы, была стрельба, одного потеряли – прямое попадание, взорвались баки.

– Так, а что авиация?

– Летают, – офицер пожал плечами. – Тут рядом хороший аэродром под Тхорсагером, – адмирал подумал, что название он произносит неправильно, но поправлять не стал, вдруг его местные действительно так называют.

– Второго дня сбили Do-215, редкая птица, вообще-то. Догнали и шлепнули.

– Ничего разглядеть не успел?

– А на что тут глядеть? – каперанг обвел темное пространство вокруг рукой. – Резервуары на берегу, пакгаузы, пара пирсов, пустой поселок Все. Так сюда месяц тральщики базировались, а до того рыбаки. Никаких причин особо на эту дыру обращать внимание нет.

– Ну и слава Богу, – Левченко кивнул, вполне довольный. Никому не известная дыра рядом с приличным аэродромом – ничего лучше для передовой базы и придумать нельзя.

К сожалению, хорошо взятый темп пришлось сбавить, за-

стряв в Эбельтофте почти на неделю из-за неясности политической ситуации. Немцы все еще продолжали драться, и войска союзников точно так же продолжали продвигаться на восток, изредка прощупывая советский фронт дальними разведчиками – которых иногда удавалось перехватить немцам, иногда нашим, а иногда и не удавалось вообще. В течение двух дней, когда стало ясно, что исчезла срочность, заставившая гнать эскадру через Балтику сначала в одну, а затем в другую сторону, степень готовности постепенно понизили, поработав с механизмами и котлами. В такой задержке имелись положительные стороны – так, например, Левченко здорово поднатаскался в общении с командирами кораблей, избежав сложившейся традиции «как поведу, так и будет»⁷⁵. С другой стороны, такая стоянка после рывка здорово напоминала Мадагаскарское стояние другого недоброй памяти адмирала. Да и идущие в небольшую бухту транспорты с большим количеством разнообразного продовольствия могли кого-нибудь умного насторожить. Для предотвращения этого снабженцев перенацелили на бухту Аргус всего в четырнадцать миль к западу, где бочки и мешки перегружали на баржи, растаскиваемые буксирами к северу и югу, а с них потом снова разгружали на берег.

Тем не менее, время, в целом, работало не на немцев и их

⁷⁵ Слова командующей Порт-Артурской эскадрой контр-адмирала Винега на вопрос командира броненосца «Севастополь» Эссена о том, как именно он собирается вести сражение с японским флотом.

прикидывающихся невинными овечками западных союзников, а на советскую сторону. Линия продвижения советских войск, которая отодвигала скорее всего обреченную буферную зону от прочно уже завоеванных позиций в Германии и Дании, медленно перемещалась на запад и юг, распираемая изнутри накачиваемыми в вытянувшийся вдоль балтийского побережья «язык» пехотой и техникой. Доводимые до полной укомплектованности полки ПВО занимали позиции вдоль и севернее 53-й параллели, в Дании и Прибалтике – там, куда, скорее всего, должен быть направлен удар стратегической авиации противника. Еще одна мощная группировка прикрывала юг страны и Румынию с Болгарией и югославскими портами, базируясь на тыл остановившихся перед Карпатами и австрийскими Альпами фронтов.

На центральном участке огромного фронта в глубину советских позиций вдавался огромный клин – почти вся Чехословакия, Австрия, часть Венгрии, а за ними германские земли, от Бранденбурга до Тюрингии. На все это богатство давно с вожделием поглядывал товарищ Жуков, но его пока придерживали, накапливая силы до невиданной в истории концентрации. Напавший в июне сорок первого Гитлер с его танковой мощью был щенком по сравнению с тем военным потенциалом, который накопили придержавшие свой рывок фронты буквально за месяц. Готовились фотокарты и планы, сотни эшелонов с боеприпасами и топливом разгружались в непосредственных армейских тылах, чтобы сокра-

тить расстояние, на которое их придется перевозить, когда наступление наконец-то начнется. Пока оно велось на уровне пехотных батальонов – полчаса артиллерийской подготовки, перепахивающей немецкие окопы и расклепывающей бетонные колпаки дотов, затем с криком «ура» батальоны поднимаются в атаку, немцы, напуганные началом давно ожидаемого страшного русского наступления, выбираются из блиндажей второй линии окопов, и тут батальоны ложатся, не добежав до разорванной проволоки, и артиллерия работает еще пятнадцать минут. Так было раз двадцать за две недели, то в одном месте, то в другом. Каждый командарм придумывал свои собственные трюки, нередко проявляя незаурядную изобретательность, и все это служило одной цели – помотать врагу нервы, не дать ему перебросить войска на север слишком рано. Удивительно, какое удовольствие может испытывать мужчина, мотая кому-то нервы, а ведь считается, что это исключительно бабское развлечение. Развлекались все – от артиллеристов до пехоты, которой давно так хорошо не жилось. Нет, все-таки научились воевать к сорок четвертому, в большинстве, конечно...

Так тянулось время, непонятно почему. 7 ноября наконец произошло событие, которое оказалось спусковым механизмом всей гигантской цепочки действий, приведшей к самой ненормальной международной войне в истории человечества. К облегчению многих советских военачальников и дипломатов, посвященных в круговорот секретных дипло-

матических и военных движений обеих сторон, таким событием стал не праздничный банкет в Московском Кремле, а произошедшие в этот же день в США президентские выборы, на которых на четвертый срок президентского правления был переизбран Франклин Делано Рузвельт.

Связать новый политический фактор (точнее, продление срока действия старого) с Началом помог эпизод в Югославии. В тот же самый день, седьмого, несколько десятков «лайтнингов» на максимальном, видимо, радиусе действия атаковали колонну 37-й армии, при штурмовке погиб командир корпуса генерал Котов. Закончив с колонной, то ли те же, то ли уже другие «лайтнинги» обрушились на аэродром, где базировался 866-й истребительный авиаполк. Двое из поднятых по тревоге ЯКов дежурной эскадрильи были сбиты «молниями» на взлете, оба пилота погибли. Уцелевшая шестерка, во главе которой оказался Колдунов⁷⁶, сумела как-то вывернуться, набрать высоту и устроить карусель с американцами, в течение каких-то секунд сбив не то три, не то пять истребителей. Подойдя затем на несколько метров к ведущему американцев, Колдунов в упор продемонстрировал ему свои красные звезды, и на этом бой закончился.

Все это можно было бы объяснить не такой уж редкой на войне ошибкой, но в документах, найденных в обломках сбитого «лайтнинга», нашли полетные карты с четко обозна-

⁷⁶ Александр Колдунов, ас 866 ИАП, 46 сбитых немецких, плюс 1 или 2 американских самолета, к августу 1944 года имел всего 15 личных побед.

ченными целями на советской стороне фронта. Как только известие об этом эпизоде достигло по цепочке связи Ставки, наработанный механизм пришел в действие. Через полчаса командующий военно-морской базой Эбельтофт капитан первого ранга Костан в своем домике и командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц в графском дворце на выходящей к морю окраине Ханстхольма были вызваны к линии правительственной связи и получили приказание поднимать по тревоге все силы флота и эскадру. В считанные часы, как только подняли пары в четверти котлов и долили в цистерны израсходованные за сутки на внутренние корабельные нужды тонны мазута, корабли вышли в море. Через несколько дней, собственно, все и началось.

Узел 5.0

8-10 ноября 1944 г.

Верховный Главнокомандующий в белом мундире с одинокой Золотой Звездой сидел за председательским местом огромного стола в комнате совещаний Ставки в Кремле. Перед ним лежала простая бумажная папка с двухзначным номером, этот же номер был от руки написан в верхнем правом углу каждой страницы, находящейся внутри. Точно такая же папка лежала перед каждым присутствующим.

– Ну и что вы об этом думаете? – ни к кому конкретно не обращаясь, мрачно спросил Сталин.

Все продолжали молчать. Сталин поднял глаза и обвел лица преданных ему и стране людей тяжелым взглядом. Отсутствовало несколько человек, которых он хотел бы сейчас видеть. Правительственная связь позволяет каждодневно держать в узде любого генерала или директора индустриального гиганта, но он всегда предпочитал смотреть в лицо человеку, с которым разговаривает, чувствуя, как одна отдельная человеческая воля замещается на собственную волю Сталина, на волю советского народа.

Сидевший на противоположном краю стола Шапошников согнулся, пытаясь подавить приступ кашля. Сталин поглядел на него с искренней жалостью: шестидесятидвухлетний

маршал был ему действительно родным и нужным человеком.

– Я полагаю, товарищ Верховный Главнокомандующий, – наконец прервал затянувшееся и ставшее уже опасным молчание Маленков, – что все это чистая проформа, и наши слова и действия не имеют никакого значения для политического развития ситуации. За исключением только одного случая, а именно – мы на все соглашаемся и остаемся, таким образом, при своих. Но стоило ли тогда так долго ждать?.. Мне кажется, нужно ответить отказом и использовать этот день так же, как мы использовали остальное время. А еще лучше – просто проигнорировать требования и, может быть, получить еще день отсрочки.

С полминуты все размышляли.

– Лишний день отсрочки ничего не решит. Практически все, что может быть сделано, уже сделано. Гитлер убит заговорщиками, немцы открыли Западный фронт, и сейчас колонны бывших союзников идут в нашу сторону. За день они сумеют пройти лишние сто – сто пятьдесят километров...

– Что все равно мэньше, чем разделяющее нас пока расстояние, – заметил сам Сталин.

– Так точно. И если мы за это время начнем решительное наступление в центре, у нас все-таки будут несколько дней форы. С одной стороны, это позволит им атаковать наши колонны на марше – при условии, если нам за эти дни удастся прорвать немецкую оборону на значительную глубину. Та-

кое встречное сражение нам, в принципе, выгодно. Несмотря на большую степень механизации американской и английской пехоты, мы обладаем подавляющим превосходством в танках и авиации поля боя, что может оказаться решающим. В то же время, если наступление не начинать, то западники окажутся перед нашими хорошо подготовленными позициями...

– Я с вами нэ согласен, товарищ Жуков, – Сталин задумчиво крошил сигарету. – В наступлении войска союзников, особенно американские, весьма хороши, особенно если задействуют свою тяжелую авиацию по переднему краю... В принципе, они нам это и предлагают в своем «заявлении», – он с негодованием ткнул пальцем в раскрытую папку. – Остаться на месте и ждать их подхода, после чего нам, возможно, выделят сектор в оккупированной нами же зоне. И это все, что они могут нам предложить? Не выйдет!!!

Верховный Главнокомандующий встал со своего места и упер сжатый кулак в папку, как будто вдавливая ее в стол. Со злобой произнеся несколько сложных грузинских слов, он снова оглядел всех и каждого.

– Я не услышал вашэго заключения, товарищ Жуков, – сказал он, буравя того взглядом.

– Мое заключение в том, что надо атаковать немедленно.

– Так...

– И атаковать по всему фронту, снести артиллерией и авиацией их передний край, на отдельных участках сконцен-

трировать огневую мощь на всю глубину, прорвать оборону, ввести в прорывы танковые армии и, не останавливаясь, идти в сторону запада. Первые же встречные части американских или британских войск втянуть в маневренные бои на больших скоростях, с максимальным использованием авиации, чтобы они не могли передвигаться свободно. Дальней авиацией напрямь их армейский тыл, сконцентрировавшись на железнодорожном транспорте и складах горючего. Армейской авиацией долбить ближнюю зону. Мы все это обсуждали много раз, все войска изготовлены, осталось только отдать приказ. До начала фактических боевых действий с ними какое-то время все равно останется, так что за день-два сконцентрированные сейчас войска перестанут представлять из себя настолько кучную цель. А до начала собственно столкновений пехоты они вряд ли решат применить тяжелую авиацию в полном объеме – это не в их «демократическом» духе. Важно учитывать моральное состояние их войск. По многим данным, и американцы, и англичане испытывают внутренние политические трудности, чему свидетельство, в частности, и это заявление. Чувствуй они себя поувереннее в политическом отношении, просто молча ударили бы по нашим позициям двумя тысячами бомбардировщиков, только после этого официально приняли бы предложение Германии, а потом уже разбирались бы и с нами. Картина была бы куда более мрачная. Так что... Сейчас десять часов вечера. Это, на мой взгляд, идеальный момент, чтобы отдать приказ фронтам о

переходе в наступление с действием по основному варианту, с максимальными усилиями в полосах 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, вспомогательными целями для всех остальных и переходом в активную оборону на северных участках. За ночь засечь какие-то изменения в зоне нашего переднего края невозможно, мы немцев щупаем уже месяц, так что они несколько попривыкли. Есть шанс поймать часть немецкой авиации на аэродромах, хотя я на это особо не рассчитываю, и вообще пробить линию их стратегической обороны достаточно быстро – если не слишком стремиться свести вектора всех успешно продвигающихся армий в сторону Берлина.

– Вы полагаете? А как насчет огромного политического значения, которое сыграло бы взятие вражеской столицы в ближайшее время?

– Не буду спорить, товарищ Сталин, это было бы очень ценно. В политическом и моральном отношении, конечно, да. Но даже силами одного фронта Берлин не взять, его оборонительные рубежи значительно мощнее даже тех, что мы сейчас имеем перед собой, и попытка прорвать их с ходу заведомо обречена на провал с неприемлемыми для нас потерями. Поэтому подготовленный основной вариант наступления все еще является наиболее выгодным.

– Штеттин—Виттенбург и Шлибен—Магдебург?

– Так точно, Штеттин—Виттенбург и Шлибен—Магдебург, – кивнул Жуков. – Это позволит нам одним рывком

глубоко вклиниться в центральную часть Германии, соединиться с северным соседом и принять бой на выдвинутых позициях не в вязких укрепрайонах, а на равнинах, в германском стратегическом тылу.

– Жаль все же, что не удалось тогда потянуть время... Все испортил нам тот их удар... Теперь все не так, все в других масштабах. План «Бэ». Вариант «Бис»...

Голос Сталина был теперь приглушен.

– Мы столько раз обсуждали это, товарищи, но теперь пришло время принять решение, которое будет окончательным. Да или нет. Берем мы на себя эту ответственность и рискуем потерять очень многое, или принимаем их предложения, начинаем переговоры, и тот, кто станет править Германией вместо покойника Гитлера, смотрит на нас с видом победителя. Нет большей мудрости, чем заставить других воевать в твоих собственных интересах... И нет большего разочарования, чем когда это не удастся.

Вождь советского народа усмехнулся в первый раз за вечер.

– Во сколько вы предлагаете начать наступление?

Начало двухчасовой артподготовки запланировано на четыре утра. Еще до ее окончания войска первого эшелона должны в сумерках ворваться в расположение германских войск. К окончанию первого дня наступления вся глубина их обороны должна быть прорвана нашими частями.

– Знаете, что это напоминает? К дому человека подкра-

дываются грабители, собираются ломать дверь, и в тот момент, когда они заносят топор, этот самый человек начинает неожиданно ломать дверь изнутри, им навстречу. Что в такой ситуации должны чувствовать бандиты, грабители?

– Наверное, удивление.

– Удивление, ошеломление, растерянность, – Сталин делал резкие жесты правой рукой при каждом слове. – А растерянность в бою – это поражение. Основным вариантом я утверждаю. За сорок минут до начала зачитать обращение к войскам. Они имеют право знать, на что мы идем... У кого-нибудь есть возражения по существу вопроса?

Возражений не было, как легко было догадаться. Советское государство было поставлено в безвыходное положение. Заключившая сепаратный мир со своими западными противниками постгитлеровская Германия, тело вождя и вдохновителя которой сейчас догорало в бензиновом костре во дворе Имперской Канцелярии, не была, конечно, победительницей. Именно этот факт позволил удержаться кабинетам Черчилля и Рузвельта. Германия была побеждена, повержена, обращена в руины и сдана на милость своим победителям. Как гласит американская идиома: «Победа – это когда все солдаты противника убиты и все его вещи поломаны». То, что из числа победителей по политическим причинам были исключены русские, было куда менее важным. В конце концов, они кое-что себе уже получили и вообще уцелели только благодаря союзной помощи. Празднование по-

беды над Германией, вылившееся в бурное ликование, прокатившееся по победившим странам, оставляло мало места для размышлений о каких-то там русских, продолжавших воевать непонятно зачем. Во время Первой мировой, фактически признав свое поражение, они заключили мир с Германией, которой до окончательного военного краха оставалось два шага, а после победы западных Союзников во Второй так же остались в дураках, с недоумением пытаясь понять, как же это получилось. Это, судя по всему, в природе славян. Примерно так выглядело общее представление о положении на Восточном фронте. Насколько оно было далеко от истины, показали уже ближайшие дни.

Девятого ноября 1944 года советские войска начали третье стратегическое наступление за год. В три часа ночи большинство подразделений было поднято по тревоге. Выбегающие из блиндажей и землянок солдаты ощущали вокруг массовое шевеление. Поуркивали моторы, ржали лошади, что-то перезвякивало в темноте, наполненной топотом бегущих ног, отдаленным гулом двигателей и приглушенными человеческими голосами. Каждый полагал, что он стал последним проснувшимся в это очень рано начавшееся утро. Офицеры кучками стояли между опутанными маскировочными сетями капонирами, негромко переговариваясь и то и дело поглядывая на часы. Всем было ясно, что давно по какой-то высшей причине задерживаемое наступление начинается сегодня.

Солдат и офицеров полка самоходной артиллерии, уже три недели назад приданного 4-му Гвардейскому стрелковому корпусу генерала Гагена, входившему в 8-ю армию под командованием Старикова, собрали побатарейно, и старшие офицеры с политруками зачитали им приказ главнокомандующего о переходе фронтов в решительное наступление, имеющее своей целью окончательный разгром врага. Приказы объявляли о предательстве бывших союзников и призывали громить их без жалости. Возбужденные голоса бойцов раздавались со всех сторон, приказы практически одновременно были доведены до всех низовых звеньев войскового управления.

Части были скучены. Через каждые триста метров располагались позиции полковых пушек или батарей зениток, ровными рядами выстраивались по сторонам проезжих путей капониры с тягачами, танками, самоходками, десятками армейских грузовиков. От сотен землянок тянулись невидимые в темноте тропинки, стягивающиеся в ходы сообщения, ведущие в лежащие в полутора километрах окопы переднего края. Время шло неимоверно медленно. Войска получали горячую пищу, много раз проверенные ориентиры и отметки уточнялись ротными и командирами батарей. Каждый артиллерийский наблюдатель, каждый командир стрелкового батальона или танковой роты имел тщательно прорисованный фотопланшет, демонстрирующий наложенный на координатную сетку вид сверху ближайших сорока километ-

ров германских позиций, с выделенными кружками и стрелочками ДОТаами, пулеметными гнездами, месторасположением известных штабов и складов. Все это было вызубрено наизусть, зачеты сданы на рельефных макетах. Наступление готовилось слишком долго, чтобы насобачившиеся в этой азартной игре штабисты могли допустить сбои на самом первом этапе. В паре километров позади артиллеристы торопливо свинчивали защитные колпачки со взрывателей выложенных на брезент в ровиках снарядов, рядом подвывали моторы подходящих из тыла машин с рядами рельсовых направляющих на кузовах.

– Боишься? – командир самоходки номер 222 присел рядом со своим братом, всего месяц назад распределенным в его батарею прямо из училища, вдвоем с которым они теперь составляли огневой взвод.

Юный младший лейтенант, глубоко дышащий ртом, изо всех сил замотал отрицательно головой, поспешно запихивая в карман комбинезона треугольный кусок сахара. Ему было настолько страшно, что болел желудок.

– А зря.

Брат сел рядом с ним, свесив ноги в капонир, где стояла САУ с номером 224. Крепко обхватив его за плечи и подтянув к себе, он жарко зашептал ему на ухо:

– Не будешь бояться – убьют. Будешь трусить – убьют. Растеряешься – тоже убьют. Хочешь остаться в живых – держись за мной. Радио все время на прием, на передачу пере-

ключаешь, только если заметишь что-то важное. С ходу не стреляй, смотри куда целишь. Если подожгут, выпрыгивай кубарем и закапывайся в какую-нибудь воронку поглубже, пока наши дальше не пройдут. Мне мать приказала тебя беречь, братан, и я тебя сберегу. Но в машине ты командир, и от тебя весь расчет зависит. Первый бой всегда самый страшный, только не растеряйся, только держись за мной. Все будет хорошо.

Он посмотрел на часы. Было без двадцати.

– Ел уже?

Брат кивнул.

– Врешь, – с удовольствием сказал старлей. – Я вижу.

Тот посмотрел на него, как собака, дрожа от озноба.

– Ну хватит, хватит. Курнуть хочешь?

Не дожидаясь ответа, он достал пачку папирос, полученных в последнем допайке, вынул две, прикурил одновременно от похожей на бочонок саперной зажигалки, дал одну брату. Тот затянулся так глубоко, что сквозь втянутые щеки проступили контуры зубов.

Командир полка обошел шестнадцать своих самоходок. Треть уже повоевала, а остальные были новенькими, с иглочки, изделиями Уралмашзавода. Две недели переформировки и последующий месяц в армейском тылу позволили ему неплохо поднатаскать молодежь, но воюющий с сорок первого майор знал, что особо большого значения это не имеет. Все равно, когда наступит время следующего пере-

формирования, в строю останется меньше половины ветеранов и меньше трети молодежи – выживут самые ловкие и самые везучие. Он поздоровался с командиром своей второй батареи и с его младшим братом, которого узнал не по осунувшемуся лицу, плохо различимому в темноте, а по белевшему на корме самоходки номеру. Большие красные звезды хорошо смотрятся на парадах и учениях, в полевых же условиях их заменяют номера и тактические знаки частей – ромб, перечеркнутый круг, перевернутый треугольник. Он не возражал, когда на машинах писали всякие личные надписи, но любители такого у него почему-то долго не жили.

Младший лейтенант, не отрываясь, смотрел на майорский иконостас, увенчанный новеньким орденом Богдана Хмельницкого.

– Зря смотришь, Леник, – заметил майор. – Таких уже не дают. Повезет в наступлении – получите по ордену. На тебе, Боря, еще с прошлого раза «Знамя» висит, и на наводчике твоём, этот, как его...

– Михайлов?

– Ага, этот самый. Я подавал на «Славу», но где-то зажали.

Майор не зря завел такой разговор, он знал, что ничто так не успокаивает людей перед первым боем, как внешняя сторона войны. Ко второму разу это уже не действует.

Сзади, шипя, поднялась красная ракета, через секунду такие же ракеты поднялись, тоже позади, слева и справа. И немцы и наши периодически подвешивали над передним

краем свои люстры, но их свет так далеко не долетал. Поднялись еще две красные, за ними одна зеленая.

– Зажми уши и открой рот, – посоветовал комполка молодому. Тот послушно раскрыл рот.

Земля под ногами дрогнула, сзади возник нарастающий рев, все усиливающийся и усиливающийся. Потом по ушам дало ударной волной, настолько сильной, что все сразу оглохли. Позиции подошедшей к ним метров на восемьсот бригады гвардейских минометов осветились пульсирующим белым светом, на фоне которого темнели выстроенные в ряд тупорылые грузовики с направляющими реактивных установок. Серый светящийся дым растекался от их позиций во все стороны, клубами обволакивая кусты и деревья. Из световых пятен одна за другой срывались, уходящие по крутой дуге в небо, хвостатые веретенообразные тени, похожие на телеграфные столбы. Залп весьма напоминал усиленный раз в шестьдесят полет болида, как он предстает на картинке в учебнике, – только с воем, грохотом и летящей в глаза пылью. Машины выпустили последние ракеты и почти сразу же заревели моторами, собираясь менять позицию.

– Что-то мы близко, не накроют? – прокричал в ухо майору комбат-два, заслоняя лицо от поднятых с земли воздухом сухих листьев.

Тот отрицательно помотал головой, показал вперед, изобразил жестами стреляющего себе в висок человека, кивнул обоим и убежал в темноту. Вокруг стоял рев орудий, кото-

рые били из-под каждого холма, из каждого лесочка. Ночная артподготовка была делом не очень обычным, если не считать Курской дуги, где она производилась с целью предупредить немцев, – но большинство целей были хорошо разведаны, и в любом случае плотность огня просто насыщала соответствующую площадь земли до состояния невыживаемости. К тому же именно для этого они, самоходы, здесь и были.

Артиллерия в русской армии всегда считалась одним из наиболее уважаемых врагом родов войск – точнее, не всегда, а начиная с Павла I. К сороковым годам XX века она, пожалуй, уступала своим противникам в гибкости и надежности системы управления, но здесь не было ничего страшного, поскольку по «железу», то есть количеству и калибру применяемых стволов, меткости и мощи их огня и его воздействию на цель она оставляла всех конкурентов далеко позади. Эффектное и тонкое фехтование на шпагах, конечно, смотрится очень красиво, и ни у кого нет сомнений, что шпагой можно человека проткнуть насквозь. Но когда на поле боя на громадном битюге выезжает Илья Муромец с пятипудовой палицей, любителю фехтования лучше делать ноги, пока Илья не подъехал чуть поближе...

В стрельбе по неподвижным целям ничего похожего на советскую артиллерию человечество пока не создало. В соответствующих академиях были в свое время просчитаны таблицы и формулы, показывающие, сколько снарядов какого калибра должно приходиться на километр фронта и кило-

метр глубины вражеской долговременной обороны. Отдельные показатели имелись для скорострельности орудий, типов снарядов и особенностей фортификационных сооружений, на которые эти снаряды должны были воздействовать. Сухой, почти математический подход абстрагировал артиллеристов от каких-либо личных чувств к противнику, тысячи человек автоматически втаскивали снаряды в камеры гаубиц и пушек, подтаскивали их от ровиков, переносили огонь по фронту и в глубину согласно планам и цифрам, выданным штабами артполков и дивизий, – и все это продолжалось два полных часа. Дрожащие от страха люди, на которых эти снаряды падали, превращались на это время в животных, разум которых метался внутри замкнутых черепных коробок в попытках найти безопасное убежище. В передовой линии окопов у немцев ночью не было никого, кроме пулеметчиков и часовых, которых накрыло первым залпом. Те, кого в глубоких блиндажах разбудил разрыв первого упавшего рядом ракетного снаряда, согнувшись вдвое, сидели на своих койках в ожидании конца артобстрела, чтобы попытаться оказать сопротивление наступающим русским. Иногда шальной снаряд, выпущенный давно оглохшим наводчиком гаубицы в нескольких километрах к востоку, механически перемещающим ствол по горизонту на доли деления согласно распечатанной на картоне таблице, пробивал накат блиндажа из нескольких слоев бревен, рельс и земли и, взрываясь внутри, убивал десятки людей. Иногда фугасный снаряд проламывал

метр железобетона и проникал в погреб ДОТа, выжигая изнутри его содержимое. Все это определялось статистикой – удивительной наукой, становящейся более-менее достоверной только при достижении больших цифр.

Объем выделенных на артподготовку боеприпасов вполне позволил достичь заданного порядка, и после полутора часов подготовки, когда раздалось «По машинам!», участок германской обороны в пределах досягаемости усиленного биноклем взгляда превратился в хорошо вспаханное поле с очень небольшим количеством ориентиров, на которых мог задержаться взгляд.

– Заводи! – командир полка, стоящий на крыше машины с блеклым номером 101, крутил над головой сложенными парой флажками. Слышно ничего не было, потому что артиллерия продолжала бить, почти не снизив темпа, и со стороны передовой продолжало раздаваться такое же глухое марсианское уханье, хотя и чуть отдалившееся – полки начали уже концентрировать огонь на более глубоких целях. Кроме того, в пяти десятках метров от закопанного в капониры полка самоходов на хорошей скорости шла немаленькая колонна «тридцатьчетверок» с включенными фарами, ревя и лязгая, как стадо взбесившихся тракторов на прогулке.

Взметнув флажки, комполка вывел свою машину из капонира, водитель, открыв люк, развернул ее на залитом маслом пяточке и, взревывая двигателем, вписал самоходку точно в хвост последней «тридцатьчетверке». Полк побатарей-

но выстроился за ним, майор придержал свою машину, и с короткими интервалами все шестнадцать «сушек» сформировали колонну, вытягивающуюся в сторону вспышек на горизонте. Ночь шла на исход, за спиной уже начинало потихонечку светлеть, и по мере приближения переднего края, разграничивающего наши и их позиции, фары танков и самоходок гасли. Водители и командиры захлопывали люки, законно опасаясь шального пока осколка от своего или вражеского снаряда.

Путь до передка они прошли за три минуты, за время которых командир машины номер 222 раз тридцать обернулся от своего места назад – выглядывая, как там брат. Тот шел ровно, его водитель четко держал интервал и пока не проявлял особой нервозности, которая могла бы проявляться в рысканье или приближении к впереди идущей машине вплотную в попытках укрыться за ее броней.

Не доходя двухсот метров до нейтральной полосы, идущее перед ними подразделение танковой бригады начало разворачиваться в широкий фронт, сливаясь на флангах с другими подразделениями той же или соседской танковой части. Самоходки снизили скорость и начали перестраиваться позади уже устремившихся к вражеским позициям танков. Пока по ним не было сделано ни одного выстрела, и группы пехотинцев, труся по желтой, уже похрустывающей траве, бежали вплотную к машинам полка, формируя жизнеспособную и гибкую систему взаимодействия уязвимых людей и

уязвимой техники. Построив полк километровым фронтом, майор, машина которого была неразличима среди других таких же самоходок, повел его метрах в шестистах за танками. Борис, по-прежнему поглядывая на находящегося теперь слева брата, шел крайним на правом фланге полка, иногда замечая наравне с собой справа мелькающие в дыму силуэты тяжелых ИСов, которые должны были принадлежать гвардейскому танковому полку прорыва, последнюю неделю стоявшему рядом с ними.

Опытный механик-водитель плавно обходил начавшие попадаться глубокие воронки, на дне которых еще плавал сизый дым сгоревшего тротила. Стало еще светлее, но в воздухе висела поднятая снарядами и траками танков густая пыль, скрипевшая на зубах. Батарея самоходок поднялась на пологий холм, за которым открывалось что-то типа долины, куда спускались сейчас идущие перед ними танки. Артиллерия, видимо, уделила особое внимание долинке, и сейчас там не было видно никакого шевеления, кроме пробирающихся на ощупь и поводящих пушками танков, почти плывущих в скопившемся вплотную к поверхности земли дыму. Прижавшись к смотровой щели, Борис пристально разглядывал немецкую батарею противотанковых пушек, сквозь позиции которой как раз проходил его взвод. Батарея была установлена с таким расчетом, чтобы встречать выкатывающиеся на холм танки прямой наводкой, но ее перепахало по крайней мере двумя дюжинами крупных фугасов, и пушки валя-

лись перевернутые, с оторванными, жирно чадящими колесами, вперемешку с обезображенными человеческими телами – расчеты успели занять свои места, прежде чем их накрыло. Танк из взбирающейся на склон следующего холма роты вдруг получил в бок мгновенный белый росчерк, пришедший откуда-то справа, и взорвался, разнесенный детонацией в боевом отделении. Из люков выбросило пламя, и он мгновенно застыл, превращенный в пылающий чадный факел. Соседние «тридцатьчетверки» начали маневрировать, разворачивая башни.

– Возможная цель справа двадцать градусов! – прокричал Борис в «розетку» батарейной связи, одновременно пытаясь разглядеть немца в дыму и тумане. Прежде чем он успел его нащупать, еще один росчерк оборвался в катках другой «тридцатьчетверки», и она закрутилась по широкой дуге, разматывая гусеницу. Теперь он был точно уверен, что это одиночка, уцелевший при налете. Самоходка слева выстрелила, гулко перекрыв лязганье и рев дизеля.

– Ленька, видишь его? – радостно прокричал он, хотя было странно, что брат сумел разглядеть цель, от которой он находился еще метров на тридцать дальше. После короткой паузы ответное «нет» пробило через треск статики.

– Дур-рак, не жги тогда патроны! – старлей стукнулся лбом о внутреннюю поверхность купола, когда самоходку качнуло, и здорово прикусил себе щеку.

Третий танк превратился в питаемый дизельным топли-

вом костер, а он до сих пор не видел цели. Двести двадцать вторая шла зигзагами на максимальной скорости вверх по склону холма, постепенно обходя справа то место, где затаился невидимый стрелок. Тот танк, которого подбили вторым, со всей возможной частотой лупил из своей восьмидесятипятки в дым, одновременно поливая пространство перед собой пулеметным огнем. Его экипаж, судя по всему, даже не знал, кто в них попал, бронированная тварь или пушка, но не покидал обреченную машину. Именно в тот момент Борис внезапно увидел врага. По всем понятиям фронтового опыта, после нескольких удачных попаданий немцу нужно было менять позицию, причем радикально и с максимальной скоростью – но он задержался, чтобы прикончить сидящего перед ним неподвижного русского. Наполовину закопанное в землю приземистое, похожее хищностью на кабана самоходное орудие, «Хассен», «Хассер» – черт, как же его там по-немецки...

– Заряжай! Бронебойным! Цель право десять, дистанция триста!

– Готов!

Его машина встала, как стабанившая лодка. «Огонь!» – звонкий грохот 85-миллиметровой пушки слился с сотрясением тяжелой отдачи. Водитель мгновенно сорвал машину с места, ведя ее теперь почти прямо на немецкую самоходку, поскольку надеялся, что скошенная лобовая броня способна удержать ее снаряд даже на таком небольшом расстоя-

нии. Его собственный бронебойник попал в край бруствера капонира немца, земля взлетела столбом. Тот начал задом выбираться из укрытия, когда рядом рванул еще один снаряд – так и не добитые танкисты наконец увидели вражину, молодцы ребята.

– Готов!

– Огонь!

Он был готов поклясться, что снаряд скользнул в миллиметре над крышей немца, который уже почти полностью вылез из капонира и, не останавливаясь, начал разворачиваться.

– Мыхалыч, сука! Куда целишь, мать твою!!! Он все!!!

Немецкая машина уперла зрачок ствола ему в лицо. Это был конец. Он не промахнется. Как глупо... Старлей закрыл глаза, чтобы не видеть вспышки.

– Готов!

Его снова ударило инерцией о железо, но Борис продолжал крепко зажмуривать глаза, когда в наушниках раздался торжествующий вопль наводчика. Так и не выстрелив, его самоходка дернулась, разгоняясь с места. Обмирая сердцем, Борис обернулся влево. Слава Богу, Ленька был цел, значит, немец стрелял не в него. Ой, мама...

Они прошли в десяти метрах от горящего «Хассена» или «Хассера», так и не вспомнил, как его зовут. Восемьдесят пять мэ-мэ «двести двадцать четвертой» сумели прошить его лобовик в самом основании рубки, сбоку от орудия, оста-

вив шикарную дырку, из которой выбивались теперь языки пламени. С этой минуты они должны водку всему Ленкинскому экипажу. Всю оставшуюся жизнь.

Батарея перекатилась через холм, вырвавшись на пересеченную линиями окопов и надолбов равнину, перепаханную так же, как и предыдущий километр. Несколько танков горели там и сям, но танковая бригада расстреляла еще уцелевшие точки и ушла вперед на большой скорости, следуя за катящимся на запад густым рядом рвущихся снарядов. Клубки колючей проволоки, в которые превратились заграждения, достигали высоты человеческого роста, воронки располагались настолько плотно друг к другу, что их приходилось перескакивать, чтобы вконец не сбиться с генерального курса.

– Ходу, ходу!

Батя подгонял полк, стремясь удержать дистанцию до танкистов. Справа звонко защелкало по броне, какой-то дурак лупил из пулемета. Борис даже не стал тратить на него время. Впервые стали попадаться воронки от снарядов «Андрюш», различимые даже на фоне всеобщего разрушения. Пехота начала отставать, и теперь самоходкам могло прийти туго. Все военное искусство строится на компромиссах и балансе. Не сумел удержаться за танками – тебя могут пожечь «тигры» и «пантеры», если сумеют контратаковать. Решил остаться с теми же танками – есть риск нарваться на пехотные средства, а пулеметов на СУ-85 нет.

– Цель вправо сорок! Вторая цель справа тридцать, ди-

станция тысяча! – командира левофланговой батареи он узнал по голосу.

Раз от того справа тридцать-сорок, значит, цели примерно между ним и первой батареей по фронту. Старлей прочесал взглядом пространство перед собой, но увидел их только тогда, когда вокруг пары пятящихся самоходок начали рваться снаряды. Немцы были почти в километре, очень здорово замаскированы. Они отстреливались, но против полнокровного полка истребительных САУ у них не было никаких шансов на открытой местности. Наконец-то Борис вспомнил, как их называют – «Хетцер»⁷⁷, с 75-миллиметровой пушкой. Странно, что танкисты их пропустили – хотя, возможно, именно эти немецкие самоходки и сожгли те машины, с которыми они сейчас поравнялись. Через несколько секунд оба «Хетцера» получили по попаданию и вяло загорелись. Экипажей он с такой дистанции разглядеть не сумел, но после попадания 85-миллиметровых снарядов, если уж те пробьют броню, в большинстве случаев редко кто мог уцелеть.

Полк прошел еще несколько километров по перепаханному полю, переваливаясь через траншеи и воронки, расстреливая немногочисленные уцелевшие огневые точки. На правый фланг пришлось лишь одна – стандартная двухпулеметная точка в бетонном колпаке, ее метров с четырехсот наживил номер 225, в комплекте которого было больше фугас-

⁷⁷ «Hetzer» («Охотник») – немецкое самоходное орудие на базе чехословацкого танка Р/Крpfw 38(t)

ных снарядов, чем у других, и они пошли дальше. Все было слишком легко, немецкая оборона на переднем краю еще никогда не давалась им с такой простотой. Это было опасно. Батарея выскочила ко входу в широкую лощину, куда по плану они должны были пойти за ИСами, – но ИСы чуть приостали, занятые своими местными целями, и сблизившаяся с ними первая батарея, не дожидаясь отставших, построилась клином и помчалась вперед по ее левой кромке. Борис, выкрикнув в микрофон команду, перестроил свои четыре машины и повел их по правой стороне, гвардейские ИСы наконец-то пристроились сзади по центру, метрах в пятистах.

Лощина чуть расширялась от входа, и через еще три сотни метров половина самоходного полка снова образовала плотный фронт, на ходу с лязганьем подминавший под себя невысокие деревья. В наушниках затрещало, сквозь писк и шипение слышались неразборчивые слова, крики, прерываемые звоном и грохотом, одновременно кричали несколько человек.

– Я «Омск-один»! Третья, четвертая батареи, держитесь, держитесь! Вторая, первая, скорость!

На командирской машине радиостанция была лучше, и Батя, должно быть, сумел разобрать, что творится на левом фланге, образованном теперь третьей батареей и четвертой, шедшей до этого по оси полка чуть позади командира. Впрочем, и так было понятно, что они нарвались на что-то серьезное и сейчас дерутся за свою жизнь. Восемь самоходок

на полной скорости мчались вперед по ложине, слева холм стал более пологим, справа – более крутым. Было странно, что немцы оставили такой удачный проход без присмотра, но потом стало ясно: все, что противник сумел приготовить, было разбито артиллерией. Поперек ложины были прокопаны противотанковые рвы, но прошедшие впереди «тридцатьчетверки» оставили цветные дымовые шашки в местах, где стенки были обрушены, и шедшие следом машины сумели перебраться, почти не потеряв времени. Один танк стоял с сорванной гусеницей, видимо, нарвавшись на мину, его экипаж яростно молотил кувалдами по запасным звеньям, цепляя их взамен перебитых. Противотанковыми минами такое место быть обделено не могло, но землю здорово перекопало, и нарваться на уцелевшую можно было только случайно.

В наушниках трещало и бухало, холм продолжал мешать связи. Танкисты сзади тоже наддали, но, когда склон справа сменился ровной поверхностью, на которой что-то еще горело и рвалось, разом ушли туда. Самоходные установки проскочили позиции еще одной батареи противотанковых пушек, опять превращенной в мешанину тел и рваного железа, засыпанного стволами срубленных осколками осин. Слева выстрелили две машины первой батареи – наверное, что-то увидели.

– Уступ вправо, поворот, следуй за мной!

Командирская машина развернулась влево и помчалась

вверх по склону, который метров через триста загибался от них, ограничивая видимость. Борис оглянулся, вспомнив о брате, – тот четко держал свою позицию, молодец, этому в училище, видимо, хорошо учили. В первый раз минуты за три вспомнил, надо же. Дизель надсадно выл, выбиваясь из всех своих пятисот лошадиных сил, но гусеницы хорошо цеплялись за грунт, и самоходка вылетела на плоскую поверхность на достаточно еще приличной скорости, раскачиваясь и грохоча. Борис был самым правым и самым передним в уступе, открывшемся в сторону своих позиций. Рывок на полной скорости через разбитую лощину позволил им выйти в спину взводу германских тяжелых танков, которые сейчас пятились от того, что осталось от левого фланга полка, стреляя с остановок. За их силуэтами колыхались столбы солярного дыма, чуть ближе – горели несколько «тридцатьчетверок».

– Бронебойным! По танкам противника! Распределение целей справа! А-ггонь!

Командирская машина выстрелила первой, вслед за ней сместа начали стрелять остальные. Наводчик Бориса на этот раз не промахнулся, с восьмисот метров впечатав бронебойный снаряд в корму «тигра», который вспыхнул как фейерверк – чистым пламенем и почти без дыма.

– Готов!

Немцы, теряя одну машину за другой, закружились на месте, пытаясь развернуться навстречу новой опасности.

Несколько «тигров» уже горело, пораженные с небольшой для изделия Петрова⁷⁸ дистанции. Борису удалось подловить на развороте еще одного, вклепив ему снаряд в сравнительно уязвимый борт башни. Немцы оказались меж двух огней, кто-то из уцелевших бойцов третьей или четвертой батареи стрелял как бешеный, забивая полковую связь матом и рывчанием. По ним тоже стреляли, один раз трассер убойного 88-мм снаряда прошел метрах в пяти от их машины. Наконец пушка выплюнула последний выстрел, дымящаяся гильза грохнулась о пол боевого отделения, и наступила тишина. Двигатель поуркивал на небольших оборотах, не дожидавшийся команды водитель тронул машину с места, на малой скорости выровняв ее со строем обеих батарей, двинувшихся на равнину в сторону горящих немецких танков. Сквозь их строй, пробираясь буквально боком, прошли три Т-34 и две СУ-85 из их полка – все, кто уцелел. Борис спросил по ТПУ⁷⁹ заряжающего, сколько осталось выстрелов, тот ответил, что еще больше половины, тридцать два.

– Еще один «Александр Невский» на Батю, – сказал наводчик бесцветным голосом. – Четко сработал, по-русски.

Старший лейтенант, не отвечая, кивнул. Он не хотел даже думать сейчас о том, кто погиб на тех двух батареях. Чуть не каждый второй там был его другом.

⁷⁸ Конструктор 85-миллиметровой танковой пушки Д-5С, устанавливаемой на СУ-85.

⁷⁹ Танковое переговорное устройство

Ополовиненный полк продолжил движение вперед, проламываясь через немецкие позиции. В течение часа они не видели почти никого живого, набегая на линии неодоушевленных дотов и почти в упор расстреливая амбразуры уцелевших. Встреч с немецкими тяжелыми танками ко всеобщему облегчению больше не было, хотя во многих местах пришлось наткнуться на еще тлеющие остовы бронированных машин – немецких и наших. Шедшие впереди танки тоже получили свою долю войны. Над горизонтом непрерывно мелькали самолеты, но открывать люки, чтобы рассмотреть их получше, большого желания ни у кого не возникало – больно легко тут было словить пулю.

В десять с небольшим утра пришлось немного задержаться, разбираясь с очень живучим Pz.IV, в которого всем полком с расстояния в километр с небольшим не могли попасть минут пять. Потом сзади подошли легкие «Жу-жу»⁸⁰ и несколько танков с десантом, майор скомандовал «Вперед», и машины снова пошли на запад, в глубь немецких позиций. Равнина вокруг все так же продолжала напоминать лунный пейзаж, снарядные воронки располагались местами так густо, что практически смыкались краями. Левее Борис видел идущие широкой цепью машины полка, впереди была истерзанное поле, в полукилометре справа виднелась еще одна цепь оставляющих за собой сизый выхлопной дым са-

⁸⁰ Фронтовое прозвище самоходной установки СУ-76, она же «Прощай, Родина», «Коломбина», «Коробок» и «Голожопый Фердинанд».

моходок – тоже «восемьдесят пятых». Они двигались на запад неостановимой волной, огибая особенно крупные доты, расстреливая пытающихся сопротивляться, обходя группы горящих танков и редкие дымящиеся остовы выгоревших насквозь грузовиков и транспортеров. Дважды полк попадал под огонь артиллерийских засад, во второй раз таким образом потеряли одну машину из первой батареи, с номером 219, получившую с километра в борт снаряд 88-миллиметровой зенитки. Батарею закидали осколочными, приведя к молчанию, танки ворвались на ее позиции и додавили побитые орудия и расчеты.

Ко второй половине дня, когда снаряды были уже на исходе, полк занял оборону на крутом, обращенном к западу эскарпе, дожидаясь снабженцев. Мимо проходили колонны танков и грузовиков с мотострелками, тягачи волокли пушки, через час быстрым шагом протопали первые представители «махры»⁸¹. Запыленные, покрытые копотью и ссадинами от осколков, «сушки» стояли, заглушив двигатели, машин никто не покидал, но многие наполовину высунулись из люков, жадно вдыхая пронзительный осенний воздух. Высоко в небе кругами ходили черточки барражирующих истребителей, Борис прищурившись наблюдал за их полетом, полностью расслабившись – как летом, когда, лежа в поле, смотришь на кувыркание жаворонка в потоках воздуха. Брат сидел на броне своей самоходки, свесив ноги в люк и бездум-

⁸¹ Классическое прозвище русской пехоты.

но глядя на свои руки. Первый бой у человека. Повезло, что так судьба распорядилась. Будь их батарея на левом фланге полка, неизвестно, сумели бы они оба остаться в живых... На борту Ленькиной машины он вдруг заметил глубокую блестящую выбоину. Надо же, значит, тот «Хетцзер» успел выстрелить. Хорошо, что мать не узнает, что он чуть не потерял Леньку в первом же бою. Вот ведь судьба удружила...

Командир самоходки номер 222 слабо свистнул и помахал брату рукой, тот поднял голову и вяло махнул в ответ.

– Ну как? – не напрягая голоса, спросил Борис.

Тот не ответил, только помотал головой. В ушах все еще было как будто ватой набито, сам себя плохо слышишь. Сзади подъехала колонна автоцистерн и грузовиков в сопровождении ленд-лизовского сокровища – самоходных зениток, сразу развернувших стволы на запад и север. Из кабины переднего грузовика выскочил невысокий, плотно сбитый старлей с автоматом под боком, подбежал к машине брата, что-то спросил. Тот молча показал влево, и старлей убежал в сторону майорской самоходки. Им дали два часа на заправку и загрузку снарядами – в последнем беспрекословно помогли бойцы автороты, что было нечастым праздником. Танкисты успели покурить и даже перекусить едва теплой перловкой с мясом. Водки не дали, сказали, что дадут утром. Майор долго водил карандашом по карте, вытянув из своей машины провода микрофона, смотрел на запад, хмурился и снова водил карандашом. С запада грохотало и вздрагивало,

почти весь горизонт был затянут черным дымом.

Остаток дня опять двигались на запад. К ночи земля снова стала нормальной, но все равно двигаться пришлось по пересеченке, поскольку обочины дорог были забиты разбитой, сожженной авиацией и сброшенной в кюветы техникой, а по самим дорогам, что остались целы после артиллерийского обстрела, безостановочным потоком тянулись сотни грузовиков. За день армия продвинулась на шестьдесят километров, пробив германскую оборону даже без особого перенапряжения. Хотя те тысячи солдат, которые лежали, пока не прибранные, в полях, с этим, наверное, не согласились – если бы остались живы...

Ширина прорыва составляла всего пятнадцать километров, но этот коридор постоянно распирался изнутри, и таких прорывов было четыре десятка – на всю огромную извилистую линию фронта, рассекающую землю черной полосой наискосок с севера на юг и с запада на восток.

– Я думаю, результатами первого дня наступления мы можем быть довольны, – сказал Верховный, заслушав доклад начальника Генштаба. – Показательно, что ни в одном месте немцам наши войска остановить не удалось. Надюсь, это заставит кое-кого задуматься. Посмотрим теперь, как войска проявят себя в маневренных боях...

На второй день наступления фронты ввели в прорывы полностью укомплектованные танковые армии: 5-ю Гвардейскую на 1-м Прибалтийском, продавливающим германские

позиции в направлении Виттенберга, 2-ю и 3-ю Гвардейские в полосе 2-го Белорусского, обходящего Берлин с севера, еще две – южнее, в полосе 1-го Украинского и одну, 6-ю Гвардейскую – на 2-м Украинском. Все потери, понесенные танками и самоходками при прорыве, относились к собственным или приданным частям общевойсковых армий или отдельных корпусов и могли за короткий срок быть возмещены накопленной техникой и людьми прямо на передней линии. Одна свежесформированная танковая армия оставалась «про запас», так же как и достаточно многочисленные танковые, механизированные и кавалерийские корпуса – из тех, кто не был пока задействован в бою. Сквозь образовавшиеся в линии фронта прорывы на запад текли реки людей и техники, захлестывая Германию, Венгрию и Словакию. Тем временем в германском военном руководстве под контролем принявшей общее руководство «комиссии» из представителей военных кругов США, Британии и Франции срочно менялись генералы. Каждый вновь назначенный (исключительно из воевавших на Восточном фронте) был полностью уверен, что теперь-то все будет как надо – что уж он-то с помощью новых союзников расквитается с усатым чертом и его азиатскими маршалами за два года унижений. Через германские границы на восток шли колонны союзной бронетехники, артиллерии и пехоты, солдаты которой настороженно оглядывали заискивающе улыбающихся немцев, стоящих у дверей своих домов, когда огромные крытые грузовики с бе-

лыми звездами на дверцах машин проходили мимо, обдавая людей удушливым выхлопным дымом.

Фронтовики британских и американских частей относились к немецкому гражданскому населению с безразличностью и презрением, а к ставшим теперь вроде бы союзными германским солдатам – с плохо скрываемой злобой. У немцев осталось оружие, знаки различия, ордена, военная организация и вся техника, которая теперь перемещалась на восток бок о бок со своими недавними врагами. Немецких солдат кормили, заправляли, обмундировали, снабжали только свои службы. Причем кормили и снабжали в последнюю очередь, только после того, как все, что не было отмечено приставкой «эрзац», доставалось «западникам», которые забирали нужное им, не затрудняя себя какой-либо бумажной волокитой. Никто особо не скрывал, что немцев на Восточном фронте собираются использовать в качестве пушечного мяса, поскольку проливать свою кровь за вонючих «гуннов» или «джерри»⁸² уроженцы Северной Америки, Британских островов, а тем более Австралии или Новой Зеландии вовсе не собирались. Многие открыто выражали свое желание, чтобы немцев там и похоронили, после чего, как рядовые не сомневались, в Вашингтоне сумеют договориться

⁸² Jerry's – британское сленговое имя для германских солдат, вошедшее в обиход еще со времен Первой мировой войны, известное русскому коллективное наименование «Fritzs» было менее популярно. Встречающиеся в похожем контексте слова «Boshi» и «Hup» («Гунн») были более характерны для, соответственно, для французского и американского сленгов.

с «дядей Джо», отдадут ему честно заработанную часть пирога и все будет нормально. Информацию о прорывающихся им навстречу русских танках большинство фронтовиков из армий бывших «западных союзников» встречали с ухмылкой. Чем быстрее русские встретятся с ними, тем лучше – тогда «джерри» перестанут пороть чушь. Русские их просто передают, а если при этом слегка поцарапают себе кулаки, так не в первый же раз. В возможность настоящей войны никто особо не верил, даже многие немцы. Почти все полагали, что отчаянное сопротивление на Восточном фронте просто покупает им время и территорию, по которой будут определять будущую границу зон влияния, как в свое время собирались делать в Финляндии. О том, что в итоге главная роль в определении финско-советской границы принадлежала все же Сталину, а не Паасикиви, многие не имели представления.

Вообще, политическая наивность людей, поставленных своими народами к кормилу власти во время войны, была поразительной. Американцы и англичане передали Советскому Союзу десятки тысяч грузовиков, тысячи боевых самолетов и танков. Они везли это через пески Ирана и ледяные воды Арктики, охотничьи угодья Люфтваффе и Кригсмарине. Советскому Союзу, в течение нескольких лет, предоставлялась передовая военно-техническая информация и технология. Что они получили за это, спрашивали теперь в Британии и США? Золото. Слитки с печатями Гос-

банка, за исключением нескольких тонн, погибших с «Эдинбургом»⁸³, перекочевали в подвалы государственных хранилищ западных стран – но ведь золото это условность! Зачем золото стране, которая настолько огромна и разнообразна, что почти не нуждается во внешней торговле? Ей нужны технологии, и за них она честно заплатила, но зачем у нее взяли это золото? В Советском Союзе почти не носят обручальных колец, это считается мещанством, и эту глупую церковную традицию осуждают партийные органы. В Советском Союзе не ходит в обращении золотая монета, да и серебряная особо не ходит – после исторической фразы Ленина «Надо расстрелять как можно больше кассиров»⁸⁴. Из золота и серебра делаются ордена и медали, некоторое их количество используется в радиотехнике, и это все! В остальном оно бесполезно. Да и само количество полученного золота совершенно не соответствовало объемам предоставленной Советам помощи. Одни только «Ройял Соверен» и «Милуоки», переданные советскому Северному флоту в счет дележа итальянских кораблей, до которых они не могли пока добраться по географическим причинам, достались им, получается, да-

⁸³ Легким крейсер Королевского флота, вышедший из Мурманска с грузом советского золота, передаваемого в уплату союзникам за военную помощь. Был поврежден подводной лодкой и 2 мая 1942 г. добит атаковавшими его германскими эсминцами.

⁸⁴ По легенде, реакция Ленина на известие о том, что в стране исчезает из обращения серебряная разменная монета, которую население накапливало как надежное средство вложения.

ром! Эсминцы, многочисленные тральщики, торпедные катера – все это русские получили, и все это теперь делало союзникам ручкой.

Чины в политическом руководстве Соединенных Штатов и Великобритании, которые осознавали истинный размер помощи, фактически оказанной врагу, употребляли по этому поводу слова, которых не было в больших словарях английского языка: «Woody» или «Rum-dum»⁸⁵ с английской были наиболее простыми из них. Немецкий язык был не менее богатым, но немцы о многом не были в курсе, для их психики вполне хватало того давления, которые русские оказывали на нее сами по себе. Маленькой хорошей новостью было известие о том, что назначенный к переходу в Мурманск для передачи русским эсминец «Линкольн» был задержан вместе с крупным конвоем, на который они, возможно, еще рассчитывали. Таким образом, последним прошедшим в Советское Заполярье союзным конвоем стал августовский JW-59. В безуспешных попытках его атаковать немцы потеряли три субмарины: две были потоплены «эвенджерами» с английского авианосца, а одна – советским эсминцем «Дерзкий». Он оказался единственным участником этого столкновения, который принес какую-то пользу своей

⁸⁵ Woody – что-то глупое, со смысловым оттенком «безумное, ненормальное»; Kum-dum (или Rum-dumb) – что-то очень глупое, от немецкого Dumm, глупый (английский сленг 40-х годов).] с американской стороны, «Loony» или «Dippy»* [Loony – сумасшедший; Dippy – подверженный временному помешательству (американский сленг 40-х годов).

стране.

– Сборище идиотов, – сказал по этому поводу еще один человек, владеющей информацией в полном объеме. Он говорил, разумеется, по-русски.

Узел 5.1

11-12 ноября 1944 г.

Одиннадцатое ноября корабли советской Эскадры Открытого океана встретили в море, так же как они встретили и предыдущие дни. В полночь менялись вахты, поднявшиеся наверх офицеры и матросы настраивались на долгую бессонницу и неподвижность, сменившиеся поскорее уходили к камбузу и койкам. Монотонное движение моря вокруг само по себе клонило ко сну, к этому прибавилось отсутствие каких-либо событий, с благодарностью воспринимаемое всеми. В первую ночь, когда в окружении чуть не половины Балтийского флота пробирались по Скагерраку, каждую минуту ожидая атаки торпедоносцев или катеров, никто не спал, в полной готовности находясь на боевом посту по штатному расписанном. Весь следующий день прошел так же, зенитчики коченели в напряжении у своих автоматов, готовые открыть огонь за секунды, наблюдатели закладывали себе в веки желтую ртутную мазь, чтобы как-то притупить резь в воспаленных холодным ветром и напряжением глазах. На ночь с восьмого на девятое пришелся отрезок пути почти строго на север, в уости между восточным побережьем Шотландии и изрезанным шхерами норвежским побережьем, тянущимися на сотни миль. Эскадру оставили сначала стороже-

вики, потом эсминцы, а затем и крейсера четкой кильватерной колонной обогнули идущие шестнадцатиузловым зигзагом «Кронштадт», «Чапаев» и «Советский Союз», ложась на обратный курс. На палубах было черно от народа, все, кто не был занят, стремились, скорее всего в последний раз, посмотреть на уходящие в дальний поход океанские корабли.

«Желаем счастливого плавания» – отмахал матрос на площадке флагманского крейсера бригады «Петропавловск» и после завершения фразы помахал от себя, просто рукой в перчатке.

Потом усталость начала брать свое. Человек не может находиться в напряжении несколько суток подряд, его мозг начинает бороться с этим при помощи оупения, подавляющего внимательность и интерес к окружающему. Поэтому к 11 ноября, когда, уменьшив частоту зигзагов, корабли эскадры начали все круче склоняться к весту, жизнь в нутре стальных гигантов уже приобрела какую-то упорядоченность. Вахта, еда, сон. Напряжение схлынуло – работа, которую делал каждый человек на борту, была привычной и являлась тем якорем, за который цеплялся разум в условиях постоянной давящей опасности. На широтах Эдинбурга и Осло должны были патрулировать германские подлодки – было известно, что по крайней мере одна их флотилия базируется на Берген, но никто советскую эскадру так и не атаковал. По предположению штабистов, немцы вернули подводные лодки в базы по причине официального прекращения боевых действий про-

тив Британии.

Следующим логичным этапом было бы установление английского контроля над самой Норвегией, но с момента заключения «сепаратного мира» прошли считанные дни, и англичане просто не сумели пока провести эту операцию, имеющую меньшее значение, чем переброска подкреплений в континентальную Европу. Если бы воды между Норвегией и Шотландией были наполнены таким же количеством кораблей, как во время германского вторжения, тут бы, наверное, поход бы и закончился. «Советский Союз» обменялся бы несколькими залпами с, скажем, «Энсоном» и «Роднеем», линкоры обоюдно повредили бы друг друга и вернулись в свои базы на долговременный ремонт. Если бы «Кронштадт» при этом повреждений не получил (а ввязываться в артиллерийское состязание с линейным кораблем ему никакого резона не было), он продолжил бы поход вдвоем с «Чапаевым» – с меньшей степенью приемлемого для себя риска. Но страна строила свой линкор не для того, чтобы выбить из строя один вражеский и разойтись по домам. Левченко имел строгие инструкции принимать бой с боевыми кораблями только в случае подавляющего преимущества, либо, наоборот, пикового положения, когда избежать его было невозможно никакими мерами.

– Нет, мы все-таки везучие ребята, – сказал вице-адмирал в тот момент, когда эскадра совершала свое четвертое, после выхода в Северное море, изменение генерального курса. –

Такая погода замечательная!

До этого они шли по наиболее простому маршруту, держась подальше от враждебных берегов. С погодой им действительно здорово повезло, облака висели сплошной низкой пеленой, дождь шел половину каждого дня и половину каждой ночи, потоки воды с неба изгибались резкими порывами ветра в самых разных направлениях. Траверз шотландского Петерхэда, на который базировалось немало морской авиации, проходили ночью с восьмого на девятое, оставив его в ста десяти милях к западу. В два часа ночи изменили курс почти на сто градусов, уйдя еще восточнее, чтобы подальше обогнуть Шетландские острова, – и попали в полосу густого тумана, который закрывал их почти до самого рассвета.

У многих невольно возникала ассоциация с походами владивостокских крейсеров, которых туман так же спасал от лишнего глаза, когда они ходили вокруг Японии, избегая боя с крейсерами Камимуры. Но здесь даже удивляться особо не приходилось, поскольку для ноября в Северном море погода, состоящая из сменяющих друг друга дождей, была совершенно обычной. Так что все было нормально. Подводных лодок не было потому, что немцы закончили воевать против англичан, надводных кораблей не было потому, что англичане закончили топить немцев, самолетов не было из-за отвратительной ноябрьской погоды, и всем этим воспользовался Гордей Иванович, проведший эскадру через наиболее

плотно прикрытый участок маршрута без сучка и задоринки. Масса истрепанных нервов командиров кораблей и самого вице-адмирала в зачет не шли. Важным было лишь то, что к двум часам ночи 11 ноября они прошли первую тысячу миль, и ни одна живая душа в Скала-Флоу или Лондоне не имела никакого представления о том, что происходит в море, находившемся под их контролем многие годы.

Человечество привыкло преувеличивать объем информации о вражеском лагере, доступный в военное время вовлеченным в столкновение державам. Это стимулируется несколькими действительно выдающимися успехами, достигнутыми разведками в ходе Первой мировой войны и в межвоенные годы, а также огромным количеством шпионских романов и фильмов, выпускаемых во всех странах. Фактически же большая часть добытых разведкой сведений всегда была отрывочной, недостоверной и не находящей подтверждения в независимых источниках. Добытая разведкой информация могла быть предоставлена противоборствующей или третьей сторонами, преследующими собственными цели, либо же просто сфабрикована завербованным агентом в личных интересах – такие случаи тоже бывали. Жемчужины разведывательной деятельности, вроде добытого «Протокола о намерениях», являвшегося итоговым документом совещания германских, американских и английских дипломатов и военных, были редкими исключениями. Куда более обычными были пробелы в целых разделах ин-

формации – о сроках начала немцами войны, что на западе, что на востоке, о силах сторон, о потерях, причиненных Люфтваффе Королевским ВВС в ходе Битвы за Англию, о тактико-технических данных советских самолетов и танков, о факте наличия советских кораблей в Северной Атлантике...

К 11 ноября стекающиеся в одну линию колонны войск бывших союзников и врагов наконец-то вошли в соприкосновение. Случись это в других условиях, встретиться солдаты армий-победительниц на рубеже какой-нибудь из германских рек, сбросив с ее берегов последних обороняющихся, все было бы совсем иначе. Они обнимались бы, швыряли под ноги ненужное теперь оружие, пускали бы в небо цветные ракеты. Но ноябрь сорок четвертого очень сильно отличался от его сентября. С запада американцы, англичане и канадцы толкали перед собой волну немецких войск, с мрачной решимостью готовых принять бой с вторгнувшимися в их страну большевистскими варварами – пусть даже в одиночку. За ними с интересом наблюдали экипажи «шерманов» с белыми звездами на бортах, которым было любопытно, что собой представляет этот самый Восточный фронт, вызывающий неподдельный страх у таких серьезных людей, как гунны. Ломившиеся с противоположной стороны советские войска тоже толкали перед собой немецкие армии, но в несколько другом настроении. Если немцы, двигавшиеся с запада на восток, еще питали какие-то иллюзии по поводу

независимой и суверенной Германии, хоть бы и в усеченных границах, то тем, кто брел с востока, такая надежда уже казалась наивной.

Самого Восточного фронта как такового к 11 ноября уже не существовало. Советское стратегическое наступление разрубило его на маленькие обрывки, быстро превращенные в каплевидной формы «мешки», вытянутые по направлению отхода войск, а эту редкую цепочку фронтом назвать уже было нельзя. Примерно так происходило в сорок первом, когда большая часть советского фронта просто перестала существовать, и новый Западный фронт командованию РККА пришлось выстраивать в бывшем тылу из частей, которые не попали под прямой удар. Теперь немцам и их новым союзникам, пользуясь советским опытом, предстояло сделать то же самое, причем с наименьшими потерями времени и территории.

– «Ratsch-boom»⁸⁶, – буркнул в темноте немецкий офицер в звании, соответствующем армейскому майору, которого сопровождал британец, являющийся наблюдателем при дивизии СС, выдвигающейся к Ольденбургу.

– Что? – удивился британец, хорошо знавший немецкий.

– «Ратш-бум», – повторил немец, не слишком вежливо ткнув рукой в направлении вспышек на горизонте.

⁸⁶ Немецкое прозвище советского 76-миллиметрового противотанкового орудия, имитирующее звук его выстрела и попадания снаряда, имеющего высокую начальную скорость.

– Я не понимаю.

– В первый раз слышите это?

– Что – это?

Британский майор искренне пытался понять, что имеет в виду немец, показавший на опоясанный белыми вспышками темный горизонт, по направлению к которому двигалась их колонна, но в какофонии вздохов и шелеста рвущихся вдалеке снарядов так ничего особенного и не разобрал.

– Привыкайте, герр майор, – опять буркнул немец. – Я-то надеялся, что долго теперь не услышу эту суку.

Он коротко и тихо выругался, употребив пару новых для чистокровного «байта»⁸⁷ оборотов.

– Слышите? Такой то-онкий звук? «Рат-т-тш!» И тут же – «Бум!». Русская противотанковая пушка. Мы должны быть уже близко.

– Что, их превосходительство генерал-майор собирается атаковать ночью?

Англичанин намеренно употребил армейское звание вместо «бригаденфюрера» – мелкая деталь, показывающая, кто здесь хозяин.

– Приказ был вступить в контакт, установить противостоящие силы, утром контратаковать... Было бы лучше, герр майор, если бы вы в штаб дивизии отправились. А то не ровен час...

– Я потому и нахожусь здесь, а не в штабе дивизии, потому

⁸⁷ Bite – здесь, уроженец Йоркшира.

что там ваш «Ратш-бум» не слышен.

– Будьте спокойны, – немец хмыкнул. – Когда русские начинают свой «Бум», слышно их бывает очень хорошо.

– Вы уже были на русском фронте, майор?

Немец вместо ответа отвернул косою воротник плаща и посветил лучом маленького ручного фонарика на красно-белую ленточку. «Мороженое мясо», русская зимняя компания.

– Полтора года, – сказал он после некоторого молчания. – Потом, слава Богу, отправили к вам на отдых.

– Неужели общение с нами вам показалось отдыхом?

– Ну почему же... У нас были свои трудности. Налеты, обстрелы... Когда вы переправились, рай кончился. Но с Россией это не сравнить.

– Вы так встревожены русским наступлением. Не верите, что русские остановятся?

– Простите меня, герр майор, но – нет, не верю. Они, конечно, остановятся. Но это будет не здесь, и даже не в Голландии. В Бельгии – может быть. Во Франции – почти наверняка. Но не здесь.

– Ну, ваша дивизия и не имеет такой неблагодарной задачи, как нанесение поражения всей русской армии. Вы стоите на острие копья. За нами катятся дивизии и армии. Постепенно давление станет для русских непреодолимым, и они вынуждены будут остановиться.

– Да, я примерно так и предполагаю, – согласился немец.

кий офицер. – Количество ваших «шерманов» может впечатлить. От нашей танковой дивизии осталось полбатальона. Так что на помощь доблестных союзников мы рассчитываем как на единственное средство как-то их удержать. Если бы нашим правительствам удалось договориться до июня, то мы бы остановили их и в одиночку. Разбить – вряд ли, а остановить бы остановили. Но, как я с вами согласился, герр майор, эти месяцы не были раем. Мы почти не получали пополнений, а потери были огромными. Вы воюете как богатые люди.

– Я думал, это относится только к американцам.

– Нет, и к вам тоже. Хотя теперь и большевики, я слышал, тоже так воюют. Сначала артобстрел, потом авианалет, потом танки от горизонта до горизонта, и только потом пехота.

– Вам приходилось видеть русского комиссара?

– Конечно, – немец равнодушно махнул рукой. – В первые годы было много пленных. Их строили и говорили: «Евреи и комиссары – выйти из строя». И всегда несколько человек выходило.

– И что?

– Ничего. Расстреливали. Так что видел.

– Скажите, майор, – британец пожевал губами, обдумывая услышанное. – Вам приходилось слышать про Женевскую конвенцию?

– Разумеется. Не надо считать меня необразованной деревенщиной. Но это был Восточный фронт, а не Западный.

Мы и Untermenschen⁸⁸. Здесь другие правила, герр майор. Не рекомендую вам попадать в плен.

– Я в плен не попаду.

– Разумеется, герр майор. Я просто предупреждаю. Если вас увидят в обществе воинов СС, в плен вы уже не попадете.

– Вы имеете в виду...

– Ага. Именно это.

Оба они помолчали. Передовой танк ядра дивизии катился по хорошей дороге в сторону приближающихся вспышек. Сзади шла вся колонна, танки, инженерные машины, гранатодеры.

– А про Палестинскую бригаду вам слышать приходилось?

Британцу было все-таки немножко не по себе, и ему хотелось поговорить.

– Нет, – немец, казалось, был удивлен. – Это британская часть?

– Да, британская, из палестинских евреев. Не видали еще такую вот голубенькую нашивочку на плечах? Со звездой Давида?

– Не встречал... А было бы интересно... Не думайте, что я твердолобый нацист, герр майор. Я никогда не одобрял крутые меры по отношению к евреям. Но такова политика Рейха, что можно поделаться? Среди комиссаров немало евреев, конечно, но меня всегда удивляло, что из строя выходят

⁸⁸ Недочеловеки, низшая раса (нем).

светловолосые...

– Вы бы не вышли?

– А меня не спросят!

Впереди послышалось громкое тархтение, различимое даже за ревом танкового двигателя. Из темноты вынесся мотоцикл с коляской, вильнул, остановился на секунду, седок прокричал несколько фраз и исчез позади. Немецкий офицер, перегнувшись вниз, взял в руки микрофон рации и остановил колонну несколькими короткими словами.

– Три с половиной километра, – сказал он, вновь повернувшись к британцу. – И... половина пятого утра.

В темноте снова сверкнул луч засунутого в рукав плаща фонарика.

– Пять минут ждем приказаний, потом занимаем оборону по сторонам дороги. Идти дальше вперед я не намерен.

– Русские умеют драться ночью, майор?

– Не очень. Как и все остальные. Они хорошо дерутся ночью, если нападают. И мы хорошо деремся ночью, если нападем. В этом нет ничего такого нового. Но в последнее время нам приходилось больше практиковаться. Днем, в хорошую погоду, ваши истребители-бомбардировщики не давали нам передвигаться. Завтра мы увидим русские самолеты – и, очень хочу надеяться, английские или американские. Я несколько отстал от местных новостей, но мне рассказывали, что с воздушной угрозой здесь стало не легче.

Штаб дивизии потратил значительно больше времени,

чем отведенные для себя командиром немецкой танковой колонны пять минут. В ожидании приказа танкисты начали умело разворачивать имеющиеся средства, оседлывая дорогу. В ночной атаке у них были хорошие шансы потрепать головные русские части, но близкое соседство противотанковых пушек не располагало к излишнему безрассудству. Ганс-Ульрих, как звали немецкого командира, предпочитал дожидаться хоть какой-нибудь определенности. Если перед ними находятся лишь небольшие мобильные части, пусть и усиленные артиллерией, их атакуют с рассветом – возможно, получив дополнительную поддержку частей дивизии. Русские к тому времени тоже смогут что-то подтянуть, и если ни одна сторона не добьется решительного успеха в первые часы, то начнется гонка за то, кто успеет подойти первым: продвигающаяся по той же дороге дивизия вермахта в более-менее боеспособном состоянии или же русский корпус. Силы будут наращиваться до тех пор, пока одна из сторон не получит такое превосходство в массе, которое позволит ей подавить средства другой стороны и пройти сквозь ее позиции. Времена, когда героизм одного человека мог оказать влияние на ход сражения, давно прошли. Теперь имела значение только масса.

В половине седьмого, когда видимость стала приемлемой, «тигры» двинулись вперед. По сообщениям разведбата, половину ночи проводившего разведку боем, в трех километрах впереди находились остановившиеся при столкновении

с разведчиками подвижные силы русских – некоторое количество средних и легких танков, самоходные орудия, пехота. Одна из рот попала под огонь противотанковой батареи, удивительным образом успевшей подготовить себе позиции, – эту батарею они и слышали ночью. Все, что стало известно штабу дивизии, было нанесено на крупномасштабную карту окрестностей Ольденбурга, которую Ганс-Ульрих держал развернутой на броне идущей в центре ромба командирской машины. Британец, подписав какие-то бумаги, отправленные им с посыльным в штаб дивизии, остался с ним за члена экипажа.

Дивизия СС, почти все части которой уже вышли на исходный рубеж, наносила контрудар по наступающим русским частям, стремясь перерезать идущую в направлении Бремена автостраду, по которой русские гнали войска на запад. Времени на дополнительную разведку, координацию с авиацией или местными частями «Frontschwein»⁸⁹, влившимися в гренадерские полки по пути, уже не было. Скорость, ударная мощь и внезапность были единственными козырями дивизии, которая в ее теперешнем состоянии не имела никаких шансов в обороне, если бы русские первыми нанесли сильный удар.

Над головами по плечи высунувшихся из люков танкистов пронеслись несколько тесных групп истребителей-бомбардировщиков – чудное зрелище для тех, кто не видел самолете-

⁸⁹ Презрительное название германского Ландсвера в кадровых частях.

тов с крестами уже почти целый год. «Фокке-вульфы» ушли в сторону русских позиций, где рвалось и трещало, немногочисленные пушки дивизии спешили использовать имеющиеся снаряды до того, как «тигры» вклинятся в наспех подготовленную оборону русских.

Приближающийся шелест вдруг оборвался, когда перед танковым ромбом, идущим параллельно дороге по полю, уставленному рыжими скирдами, встал первый куст разрыва. Ганс-Ульрих с треском вдвинул люк на место, защелкнул замок и протиснулся в командирскую башенку, прикинув к смотровой щели. Разрывы кучно испятнали поле перед его танками, рядами перемещаясь вправо и влево, как строй деревьев, растущих вдоль аллей. Русская артиллерия ставила заградительный огонь, причем не слишком плотный, он видал и похуже. Танки прошли колышающуюся цепь разрывов, не отклонившись от курса ни на йоту. Британский майор считал, что решение штаба дивизии атаковать южнее дороги было неверным, но немецкий командир был уверен, что именно так и надо было поступить при том недостатке сил, который они испытывали.

Снаряд разорвался буквально в нескольких метрах перед их танком, и «тигр», по броне которого звонко стукнули осколки, ослеп и оглох, проходя через столб дыма и пыли. Когда они выскочили из оседающей позади темноты, командир одного из взводов выкрикнул направление на цель и почти тут же открыл огонь. Развернувшись, Ганс-Ульрих, при-

щурившись, взгляделся в ряд небольших строений километрах в полтора, принадлежащих к обозначенному на карте фольварку.

– Что там за цель?

Опущенные вниз морщины делали майора похожим на суку французского бульдога. Теперь он глядел на немецкого командира снизу вверх, вцепившись в свое сиденье.

– «Большой Слон», я «Росомаха-один», фольварк в квадрате сорок-Бруно, северо-западная окраина, несколько легкобронированных целей, пехота. Прошу огня, прием.

В наушниках раздавалось свистящее шипение, но слышно было вполне хорошо. По короткой цепочке запрос быстро добрался до гаубичной батареи, которая открыла огонь уже через несколько минут. В бинокль было хорошо видно, как взлетела крыша какого-то сарая, вздернутая изнутри разрывом крупного снаряда. Вся окраина занятого русскими фольварка, по которому перебегали микроскопические фигурки пехотинцев, покрылась вертикальными столбами дыма, сверкающими багровым и желтым, когда снаряды попадали во что-то, что могло гореть. Огневой налет был коротким, но плотным, и сразу за ним с правого фланга выдвинулась цепь «хорниссе»⁹⁰ с пехотинцами на броне, пошедшая прямым ходом на фольварк, от которого к ним тянулись редкие штрихи пушечных выстрелов. Русские, хотя их нельзя

⁹⁰ «Шершень» – неофициальное название германского самоходного орудия «Nashorn» («Носорог»), популярное в войсках.

было за это винить, оказались в безвыходном положении – поля, окружавшие отдельно стоящий блок строений, не позволяли им контратаковать, а отступить они не могли, так как «тигры» уже обошли фольварк несколькими километрами северо-восточнее и теперь могли расстреливать отдельные цели на открытом пространстве без большого для себя риска. Заметив какое-то шевеление среди домов, Ганс-Ульрих подстроил оптику, с некоторыми усилиями разглядев перемещающуюся за горящими строениями гусеничную машину. Он не был полностью уверен, но ему показалось, что это американская M10⁹¹, и это ему не понравилось.

– Черт.

Он оторвался от окуляров и посмотрел на британца, все еще сидящего, задрал голову.

– Герр майор, вы можете быть уверены, что перед нами нет американских или ваших собственных частей?

– Там могут быть только отступающие германские части или уже русские. Нас никто не мог обогнать, потому что мы находимся в авангарде марша, да и задержка перед рассветом была слишком незначительной.

– Это хорошо, герр майор, потому что я только что видел M10. По фольварку барабанит наша артиллерия, и вот-вот к ней присоединятся панцергренадеры.

– Это русские, – с уверенностью сказал тот. – Никто дру-

⁹¹ Поставлявшееся Советскому Союзу по ленд-лизу самоходное орудие, носящее в войсках неблагозвучное прозвище «пердун».

гой не может там быть. Каковы ваши действия?

– Продолжаем движение. Если это действительно М10, то «Хорниссе» справятся с этими пукалками без большого труда, а уйти русские не смогут, мы их уже обошли.

Германские танки шли геометрически правильным строем по черной богатой почве, урожай с которой был снят совсем недавно – скорее всего, теми людьми, кто жил в горящем сейчас фольварке, откуда отстреливались русские самоходки. Три десятка тяжелых танков не были той силой, которая может повернуть ход даже одного крупного сражения, но это было ядро истерзанной до десятков процентов былой мощи элитной дивизии, и в умелых руках они способны были на многое. Они прошли через ряды скирд, правильными цепочками выстроенных на границе двух полей, и, снизив скорость, позволили подтянуться к себе бронированным транспортерам, полумесяцем охватывающим оба их фланга и спину. Такое построение, удобное для открытых пространств, живо напоминало строй германской рыцарской конницы в золотое время Средневековья: танки заменили закованных в броню конных латников, самоходки – копейщиков, а пехота осталась пехотой, ландскнехтами германских княжеств, объединенных единой волей в Райх.

Ганс-Ульрих ощущал все большую настороженность. Он кожей чувствовал опасность, как она сгущалась в воздухе, как по горизонту пробегали черные тени, исчезающие, если начинаешь глядеть прямо в ту сторону. Они продвинулись

уже на три с лишним километра и за исключением оставшейся далеко позади отдельной части, зажатой среди пылающих строений, не встретили пока ни одного русского. Склонившись на своем сиденье, Ганс-Ульрих еще раз провел пальцем с коротко обстриженным ногтем по нанесенному на карту маршруту, предназначенному его танкам. На том месте, где они сейчас находились, по данным ночной разведки должны были быть русские легкие танки, лакомая и ценная цель для его «тигров». Позиции русских «ратсч-бумов», которые сожгли несколько машин разведбата, располагались чуть севернее и не представляли угрозы маневру немецких танков – если только русские пушки все еще оставались на том же самом месте. По замыслу командования танки должны были вклиниться между русским бронированным острием и более уязвимыми пехотными и тыловыми частями, поставив не слишком устойчивые в мобильном бою средние и легкие русские танки в опасное положение между основными силами дивизии с приданными им «хуммелями»⁹² и его ударной группой из «тигров» и 88-мм «хорниссе». Отсутствие же русских частей в пределах видимости было плохим признаком – это означало, что они успели перегруппироваться, воспользовавшись предрассветной задержкой противника. Глупо. Ничего они, выходит, не выиграли, и выспаться он все равно не смог.

⁹² «Шмель» – германское самоходное орудие, находящееся на вооружении танковых и некоторых гренадерских дивизий.

Командир батальона сунул в рот таблетку первитина, сильного стимулирующего средства, разжевал всухую, поморщился. Двигатели выли, гусеницы лязгали, танки, раскачиваясь, пробирались по полю, обрывающемуся в километре впереди редколесьем, сквозь который просвечивала желтизна ноябрьской травы на следующем поле. Это был не запад Германии с ее лесами и не горы юга, на таких равнинах обороняться было сложно.

– Стой! – Ощущение опасности стало настолько сильным, что больше терпеть он не мог.

Танки остановились, за несколько секунд прекратив монотонное вязкое лязганье.

– «Барсук», я «Росомаха-один», продолжить движение вперед двумя группами, по нашим флангам. «Росомаха-два, три, четыре», перестроиться в клин, движение малой скоростью с максимальной осторожностью.

Ганс-Ульрих бросил микрофон коротковолновой радиации и перелез к люку. Открыв замки, он осторожно сдвинул в сторону массивный броневой блин и высунул из него голову и плечи. Первым делом он оглянулся назад: да, «тигры» с неторопливой грацией хищников перестраивались в соответствии с его приказом, вновь формируя боевой строй, подобный рыцарской коннице. Когда машины слева и справа почти поравнялись с ним, водитель включил передачу, и командирский танк тоже тронулся с места. Ганс-Ульрих поднял бинокль, разглядывая небольшую рощицу, состоящую

из тонких, прозрачных без листьев осин. Оптика позволяла разглядеть даже отдельные стволы деревьев, роща была совершенно прозрачна, а над ней кружились бестолковыми кругами вороны. Метров восемьсот. Очень опасно, хуже не бывает. И уходить, главное, нельзя. Разве что пятаться.

Тщательнейшим образом танкист проглядел рощу справа налево и слева направо. Ни одного стеклянного отблеска, ни одной перебегающей фигуры.

– «Большой Слон», я «Росомаха-один», прошу двухминутный огневой налет на полосу леса в квадратах сорок два-Дора и сорок два-Цезарь, замаскированная артиллерия. Мы в восьмистах метрах западнее, продолжаем движение.

Ждать опять пришлось недолго, воздух забулькал, и вокруг рощи начали рваться тяжелые снаряды. Спереди, сзади, в самой роще, поднимая всякий древесный мусор. По правде говоря, Ганс-Ульрих не ожидал, что дивизия так плотно будет его поддерживать. Видно, действительно дела плохи, если такое внимание оказывается запросам командира фронтовой части. Будь так всегда...

Напряженность исчезла. В роще никого не было, там горел мокрый дерн, дымно, с треском. Вороны, в полном ужасе, пронесли почти у него над головой, хлопая крыльями. Он проводил их взглядом, а когда повернулся назад, из земли, из-под деревьев, уже замелькали вспышки выстрелов русских пушек, по ушам ударило визгом и свистом. Идущий справа танк вздрогнул, блеснув из щелей ярким белым пла-

менем, тут же сменившимся на густой масляный дым.

– Огонь! – в ужасе завопил он, захлопывая одновременно люк. – Вперед всем, огонь с ходу! «Росомаха-четыре», принять вправо, обойти рощу! «Барсук», подавляющий огонь! Вперед!

Снаряд то ли срикошетировал от их лобового листа, то ли его просто не пробил, но лампы внутри танка лопнули, засыпав осколками закрывающие их сетки, и наступила темнота, прорезаемая лишь качающимися лучами света из смотровых щелей. Вокруг грохотало и трещало, пулеметы «тигра» мерно и налаженно работали, поливая что-то видимое стрелкам, а Ганс-Ульрих наконец-то втиснулся под командирскую башенку, пнув по дороге британца. Деревья, между которыми горело и рвалось, были уже почти перед ними, оттуда стекали в лицо выстрелы. Русские слишком близко их подпустили, с тридцатью танками так не шутят.

Командирский «тигр» ворвался в рощу. «Пушка справа!» – крикнул водитель, танк не успевал развернуть башню и ударил всем корпусом, подмяв орудие под себя. Они стреляли и давили, танк швыряло влево и вправо, раскачивая, как лодку в море, от сторон отлетала окалина, из щелей, бьющих его по лицу, Ганс-Ульрих видел, как вокруг метались фигуры, пламя столбами поднималось со всех сторон.

– Влево! Башню стволом назад! Гони!

Они вырвались из рощицы с противоположной стороны, оставив позади разрушение и огонь, и он тут же начал раз-

ворачиваться, собираясь пройти вдоль тыла русских батарей – по крайней мере, четырех на трехстах метрах, – чтобы добить уцелевшие пушки. Что-то здесь было не так. Он был единственным, прошедшим русскую позицию насквозь, и не видел больше ни одного «тигра» позади.

– «Росомаха-два, три, четыре», «Барсук», где вы, доложите место!

В наушниках была тишина, не было даже треска статики. Крутанувшись в башенке, командир посмотрел вбок, где должна была болтаться антенна командирской рации. Но вместо нее теперь был короткий обрубок.

– Пушка право двадцать, огонь!

Командир батальона повел свою машину вдоль ряда деревьев, сквозь которые просвечивали пожары, стреляя каждый раз, когда видел глубоко вкопанное в землю орудие, выставившее из капонира лишь ствол, обращенный на запад, откуда они пришли. Было невероятно, чтобы русские сумели за ночь так точно выбрать позицию и настолько глубоко закопаться в землю. Просто чудо, что они дали ему подойти достаточно близко. Впрочем, с большей дистанции лобовая плита «тигра» в большинстве случаев не пробивалась – уж это русские должны были знать.

Роца кончилась, танк развернулся на месте, собираясь пройти таким же способом в обратном направлении, зачистив роцу пулеметами от последних ползающих, вжавшихся в землю солдат противника.

– Стой!

За краем деревьев Ганс-Ульрих углядел шевеление и решил рискнуть остановкой, чтобы рассмотреть его получше. «Свиная задница», – пробормотал он, что-то разглядев. Британец, слава Богу, смолчал, потому что на его обычное «Что там?» танкист сейчас, не раздумывая, ответил бы ударом ногой в лицо. За левым от них краем поля, отграничиваемым редкими деревьями, колыхался вертикальный столб дыма, поднимающийся из бронированной машины. Уцелевшая оптика позволяла разглядеть ее во всех деталях обтекаемой формы, чуть колеблющейся под горячим маревом пожара. Незнакомый танк, силуэтом чуть-чуть похожий на помесь «тридцатьчетверки» с «шерманом», но с заметно более крупной пушкой, наклоненной вниз.

– Назад! – поняв, что засмотрелся, командир откинулся от панорамы, пытаясь понять, что теперь делать. Почва вокруг была вся изрыта танковыми гусеницами, буквально вся.

– Сможешь с кем-нибудь связаться?

Стрелок-радист отрицательно покачал головой, мертвенно-бледный в свете аккумуляторного фонарика.

– В рощу, остановиться не выходя из-за деревьев.

Он выбрал более-менее свободное пространство между двух переломанных пушек, вокруг которых валялись, раскинув руки, мертвые фигуры в серых шинелях. Был риск, что кто-то из уцелевших русских артиллеристов или пехотного прикрытия попытается подползти на расстояние броска гра-

наты, но эта позиция была нужна ему хотя бы на несколько минут.

– Чуть ближе.

Впереди открылось то поле, откуда они пришли, – теперь совершенно неузнаваемое, перепаханное воронками, уставленное горящими танками и транспортерами. Слева, где крайним, почти вплотную к кромке рощи стоял замеченный им дымящий русский танк, не было больше никого, зато на всю ширину фронта атаки стояли мертвые танки его батальона – все еще догорающие, с вырванными катками. Это была не просто артиллерийская засада, это была танково-артиллерийская засада. Русские подпустили их так близко еще и потому, что хотели дать увязнуть в скоротечном обмене выстрелами с минимальной дистанции, одновременно выводя свои танки им во фланг. Сожженный монстр слева был работой «Росомахи-четыре», которая должна была успеть развернуться, еще несколько подбитых, но внешне целых машин стояли перед ним как на ладони, метрах в семистах.

– Три цели слева сорок пять, наводить по ближнему, снаряд бронебойный, не стрелять без моей команды.

Губы бывшего командира батальона скривила нехорошая усмешка. Русские его не видели точно так же, как он их не видел до этого. Ни одного движения вокруг не было. Русских танков не могло быть только четыре, и «тигров» было явно меньше тридцати... Двадцати девяти. Но никто не двигался, не стрелял, не крутился, отбиваясь сразу от несколь-

ких врагов. Тишина была абсолютной, только негромко трещало пламя и дергался на холостом ходу двигатель его собственного танка.

– Огонь... – он подал команду шепотом, словно боялся, что его услышит кто-то лишний. Пушка рывкнула, выпустив снаряд, мгновенной вспышкой расцветший на бортовой броне неподвижного русского танка – ближайшего к ним из тесной группы стоящих треугольником подбитых машин. Тот не пошевелился, не взорвался, не загорелся, просто продолжал стоять, как стоял.

– Танк за ним правее, о-гонь!

Второй танк, по крайней мере, начал нехотя дымить. Ганс-Ульрих ощутил катящийся между лопаток холодный пот. Ситуация была сюрреалистичной. По-прежнему на затянутом густым плавающим дымом поле не было никакого движения. Они выстрелили по третьему танку, так же попали, и так же ничего не случилось. Медленно проведя оптикой по горизонту, задерживаясь на остовах узнаваемых боевых машин, он тщательно разглядывал дымящееся поле. Самоходки, бронетранспортеры, «тигры». Потом снова самоходки. Они стояли почти в том же строю, в каком он оставил их, когда ворвался, стреляя, в мертвую теперь рощу. Между двумя абсолютно одинаковыми останками «тигров», внешне неповрежденных, но неподвижных, появилось какое-то шевеление. Пошатываясь, по полю шел человек, прижимающий руки к лицу. На нем был черный комбинезон, волосы тоже

черные. Не отрывая рук, он наткнулся на дымящийся танк, его развернуло, и человек упал на колени, точно так же продолжая закрывать ладонями лицо.

– Назад! Назад! Назад!!! – Ганс-Ульрих понял, что если не закричит сейчас, то произойдет что-то ужасное, страшнее чего быть уже не может вообще ничего, и он закричал то, что посоветовал ему кружащийся по часовой стрелке в глазных яблоках разум.

Танк дернуло, водитель на максимальной скорости вывел их задним ходом на восточную сторону рощи и рывком развернул машину на одной гусенице.

– Полная скорость! Курс на северо-восток, отходим!

Они как могли быстро отошли от рощи, из которой и из-за которой поднимались многочисленные столбы дыма. С этой ее стороны пейзаж был мирным: желтый выцветший луг, очередные скирды, тонкий ручеек, бегущий по дну неглубокого овражка. Подумав, Ганс-Ульрих приказал забирать еще сильнее влево. Одиночный танк, даже тяжелый, в чистом поле не имел почти никакой боевой ценности, если ему приходилось действовать против танков, – а именно эта перспектива сейчас перед ними и стояла. Очухавшийся наконец-то британский майор начал нудным голосом выведывать подробности произошедшего. Ганс-Ульрих с большим трудом удержал желание вlepить ему ботинком по потной морде, а потом с нежностью помуссировал мысль пристрелить майора и выкинуть из машины. Но от этой светлой идеи также со

вздохом пришлось отказаться.

– Uber Schwere*⁹³, – сказал он коротко, не отрываясь от оптики.

– Что? – разумеется, переспросил майор.

Штурмбаннфюрер со вздохом подумал, что если после сегодняшнего дня в батальоне появится батальонсфюрер⁹⁴, то в этом будут виноваты не русские, а новые союзники Германии, пользы от которых пока как от козы шпика.

Они потратили несколько часов, выбираясь из полей, ограниченных такими же рошицами, уставленных совершенно одинаковыми скирдами. С максимальной осторожностью обходя разбросанные там и сям небольшие хутора, Ганс-Ульрих в конце концов вывел свой «тигр» к позициям родной дивизии – туда, где она находилась с утра. В нормальное наступление дивизия так и не перешла, поскольку делать это ей было нечем. Русские активно прощупывали ее устанавливающую оборону, пытались просочиться между отдельными, не связанными пока между собой опорными пунктами, носились по полям вдали на смешного вида двухосных бронемашинах и легких Т-70, которые как будто что-то вынюхивали, но исчезали при малейших попытках их собствен-

⁹³ Сверхтяжелый [танк] (нем).

⁹⁴ В войсках СС командира батальона называли штурмбаннфюрером (от немецкого Sturmabteilung, батальон). Термин «батальонсфюрер» использовался только для тех случаев, когда кто-то замещал убитого или выбывшего из строя командира батальона, а «батальонскоммандер» – при взаимодействии с армейскими частями.

ной бронированной мелочи навязать им бой в африканском стиле – только на пашнях вместо барханов. К громадному облегчению командира танкового батальона, сведенного из всех танков дивизии, выдержавших переход, в утренней мясорубке сумели уцелеть целых семь «тигров», их экипажи смотрели на Ганса-Ульриха с его ребятами как на выходцев с того света – впрочем, взаимно. С ним танков стало восемь, полтора взвода, все-таки кое-что. Хотя, если подумать, что на дивизию...

Успели немного обсудить утреннее. Оказывается, его приказа развернуться вправо никто не слышал – видимо, антенну срубило еще до того, как они влетели в ту клятую рощу. Он, как выяснилось, своим рывком ушел из прицелов поползших из-за опушки, как крысы, русских танков. Один из старых танкистов, воевавших, как и он, в первую русскую кампанию, подтвердил его мнение о том, что это были не КВ. Все, конечно, знали, что у большевиков появились новые тяжелые танки «Сталин», – но само собой, во Франции их до сих пор никто видел. А тот, кто увидел, наверняка бы запомнил. Батальону все же удалось сжечь штук десять машин, потом обе стороны поскорее разошлись, воспользовавшись густым дымом, в котором почти ничего нельзя было разглядеть, – это он уже застал. Весь кошмар длился минут десять, не больше.

К полудню к их позициям подошли передовые части пехотной дивизии. Пехотинцы и танкисты с интересом посмат-

ривали на их замаскированные ветками закопченные танки, покрытые свежими ссадинами снарядных рикошетов. Расположившийся неподалеку штаб танковой части прислал своего офицера, познакомились.

– Ганс-Ульрих Красовски.

– Фридрих фон Витгенштейн.

– Дрались утром?

– Было такое дело...

– С кем?

– Противотанковые пушки с трехсот-четырехсот метров и тяжелые «Сталины» с тысячи-тысячи двухсот. Потеряли почти три четверти безвозвратно, плюс штурмовые орудия.

– Хреново.

– Это уж точно.

Они оба закурили, чувствуя друг к другу спокойное расположение. Невдалеке, у раскинутой над столами и стульями маскировочной сети, британский майор церемонно раскланивался с щеголеватым гвоздем в американской танковой куртке.

– Ваш?

– Мой, – командир батальона сумел улыбнуться. – В моей машине просидел весь бой, героически наводил пушку. Не сомневаюсь, получит Германский Крест в Золоте, если его еще не отменили.

– А вы?

– У меня уже есть, – штурмбаннфюрер махнул рукой,

«яичницу Гитлера» из фронтовиков носили только полные дебилы. Такие, впрочем, тоже бывали, даже в СС.

Сзади ревели и подвывали моторы, подходили колонны тяжелых грузовиков, останавливались поротно, оттуда группами выпрыгивали солдаты в полной выкладке, с ранцами, с винтовками, в болтающихся на бедрах сумках, флягах и ножнах. Приятно посмотреть.

– Откуда вас?.. – ему стало интересно, откуда, действительно, могла взяться такая ухоженная часть, причем явно ветеранская, посреди всеобщего разрушения.

– Голландия, Арнем, до того Италия несколько лет. Пополнились после сентября, с тех пор нас придерживали для чего-то крупного, даже странно.

– Угу. Этот тип знает?

– Разумеется. К нашим «пантерам» относится с полным презрением, явный тыловик. Я таких траками бы давил, не раздумывая.

– Я тоже. Дал бы в руки гранату или мину-липучку, так, для интереса, и посмотрел, как бы он повыпендривался. Этот англичанин хотя бы не трус, и то слава Богу.

Пехота продолжала разгружаться, вытаскивала из кузовов машин длинные пулеметы, коробки с патронами. Всюду кипела настоящая, нужная деятельность, люди были заняты подготовкой к следующей атаке, которая, как сказал Фридрих, должна была начаться в три. Эсэсовские части кое-как определили позиции русских пушек, в основном на соб-

ственной шкуре, немного потеснили слишком уж вырвавшихся вперед и к часу отбили охоту «просачиваться» у настырных русских мотоциклистов. Ганса-Ульриха позвали к рации, выставленной на козлы между машинами.

Это был сам бригаденфюрер, его превосходительство, неглупый офицер, но слишком уж уставший от войны. Обласкав командира бывшего сводного батальона и пообещав ему награды и почести, он приказал ему присоединиться к трехчасовой атаке «пантер» в качестве мобильного отряда с некоторой долей независимости. В принципе, штурмбаннфюрер был согласен с тем, что эта атака имела хорошие шансы – при надлежащей артподготовке по разведанным целям, с авиационной поддержкой, с немедленным продвижением пехоты.

Ремонтники дивизии, которых было теперь больше, чем танкистов, уже присобачивали новую антенну на место срезанной осколком, в лючок на корме подавали снаряды, пополняя опустошенный боекомплект. Тем временем экипажи уцелевших машин сошлись вместе, разбирая по судкам горячее варево из котлов полевой кухни армейских танкистов, на вершине которой орудовал черпаком веселый ушастый повар в косо сидящей пилотке. Слышался гомон голосов, у новоприбывших пехотинцев явно было хорошее настроение. Танкисты отошли в сторону, присели на ствол поваленного дерева, начали, не торопясь, обедать. Потом вокруг рвануло.

Это случилось без всякого предупреждения, без визга и

рева, по которому опытный солдат может достаточно точно определить калибр падающего снаряда или мины и то, насколько далеко от него она упадет. Просто одновременно взорвалось все вокруг, воздух вспыхнул и тут же почернел, перечеркнутый летящими в самых разных направлениях крутящимися предметами. Офицеров сшибло, опрокинуло назад, залив горячим супом, прямо перед носом Красовски шлепнулась оторванная в локте человеческая рука, с надетыми на запястье часами. Воздух горел, сухой жар ослеплял и не давал дышать, по телу барабанили комья земли, и сама почва под животом и бедрами раскачивалась и подпрыгивала. Лежащий рядом лицом к нему стрелок его танка лихо подмигнул командиру сначала одним глазом, потом другим. Штурмбаннфюрер удивился – это было странно, поскольку каких-либо эмоций под таким огнем он от себя не ожидал. Но потом все стало ясно, потому что танкист подмигнул ему еще несколько раз и начал, подвывая, приподниматься, совершенно определенно намереваясь бежать. Коротким броском Ганс-Ульрих навалился на него, придавив к земле.

– Куда, урод, куда? Лежать, сволочь, застрелю!

По ним все так же барабанило, грохотало все вокруг, над головой проносились куски железа и поднятого с земли деревянного барахла. Потом тряска почти совсем прекратилась, взрывы ушли в отдаление, а вскоре исчезли совсем. Рядом кто-то пронзительно кричал, на одной высокой ноте, пери-

одически всхлипывая, чтобы набрать воздуха. Громко простучали сапоги пробежавшего человека, кто-то тащил в одиночку носилки, царапающие по земле свободной парой ручек.

– Помогите! Да помогите же! – прокричал молодой голос.

Красовски приподнялся, осторожно оглядываясь по сторонам. Земля была покрыта пеплом и щепками, обломки перевернутых столов были разбросаны по всей округе, разбитая вдребезги кухня лежала на боку. Повара нигде не было видно, но мертвые и живые, ползающие, дергающиеся еще тела в защитного цвета шинелях были разбросаны вокруг как тряпки, без всякого порядка. Кто-то рядом стонал, глухо и утробно, как корова. Ганс-Ульрих Красовски осмотрел своих – слава Богу, все целы. И танки целы, ближайший снаряд рванул, наверное, метрах в тридцати, это машины выдержать могли. Горела лишь пара из рассредоточенных «пантер», но в целом бронетехника отделалась сравнительно легко. Его взгляд наткнулся на лежавшего лицом вверх метрах в пятнадцати офицера, светлые волосы были залиты бурой от пыли кровью. Фридрих фон Витгенштейн. Познакомились, называется.

Командир батальона, пошатываясь, встал, рядом поднимались, отряхиваясь, его танкисты – такие же оглушенные, бледные, испачканные пылью. Раненый впереди перестал стонать, неожиданно замолчав, а кричавшего уже потащили на носилках. Танкисты прибывшей части, изумленно гля-

дя вокруг, стояли небольшими группками, некоторые сидели на корточках, копаясь в телах мертвых. Широкоплечий фельдфебель подошел к телу Фридриха, посмотрел почему-то вверх, присел на корточки, перевернул с натугой. Гансу-Ульриху показалось, что он щупает пульс на шее, – нет, просто отломал половину жетона и спрятал в нагрудный карман, поднялся, пошел к следующему. Попытавшись сосредоточиться, штурмбаннфюрер Красовски возмущенно сбросил с плеча трясущую за него руку. Та не унималась, пришлось повернуться.

– Герр батальонскоммандер, – немолодой майор с орденом на шейной ленте что-то говорил ему, не отпуская плечо.

«Атака... Атака...» – послышалось Красовски сквозь бубнение. Тупо глядя на орден, он механически кивал, не понимая, чего хочет собеседник.

– ...Поэтому в три тридцать вы должны со своими танками выйти на исходный рубеж, вам понятно?

Ганс-Ульрих наконец-то уловил конец фразы, состоящей до этого из бессмысленных звуков, и поднял глаза на майора – судя по всему, командовавшего штурмовыми орудиями.

– Воздух!!! – ошалело заорали сзади.

Все попадали на землю, закрываясь руками, перекатываясь и ужом переползая под защиту танковых траков. Вокруг снова завывало и затрещало, так и не успевшая осесть на землю пыль накатилась сверху и полезла в ноздри, и только тогда он наконец понял то, что пытался уловить все последние

минуты, когда его подбрасывало и трясло, когда ему мешал этот майор... У русских тяжелые танки могут быть и в отдельных полках. Но когда ты сначала дерешься с тяжелыми танками, а потом попадаешь под залп реактивных минометов, причем широкий, накрывший, судя по всему, позиции сразу нескольких скучившихся в подготовке к наступлению частей эсэсовцев и только-только подошедших армейцев... Это не разведка, это не легкая бригада. Тяжелые танки и реактивные установки вместе, вне зоны прорыва долговременной обороны, могут быть только в одной ситуации. Это корпус. Это наступающий танковый корпус.

Узел 5.2

13-14 ноября 1944 г.

Русские рвались на запад, перемалывая одну германскую дивизию за другой. К тринадцатому ноября еще только-только начинавший формироваться фронт натянулся как струна, вытянувшись с северо-запада на юго-восток, и мог рухнуть в ближайшие часы. Командование союзными войсками в Европе не хуже немцев понимало, что когда он лопнет, не выдержав перенапряжения, бронированные армады русских танков ринутся вперед на всем его протяжении и остановить их будет уже невозможно. Переговоры с германским главнокомандующим Кейтелем об условиях введения в бой союзных частей велись непрерывно, но американцы и англичане продолжали еще на что-то надеяться и непонятно зачем тянули время. Всем было ясно, что следует немедленно, не теряя ни дня, ни часа, принять окончательное решение – объединить силы полностью, интегрировав уцелевшие еще германские части в свою систему управления войсками, и попытаться сдержать русских хотя бы на юге Германии и Австрии. В воздухе уже шли воздушные бои между американскими дальними истребителями и русскими ЯКаи.

– Сегодня?

– Сегодня, – подтвердил командиру предоставившего для

него штаб авиакорпуса генерал-майор, заместитель командующего ПВО страны и командующий ее авиацией.

Корпус стоял под польским городом, носившим символическое название Зблево, километров на пятьдесят южнее Гдыни. Сюда стекался сейчас обширный поток информации об американской и британской тяжелой авиации, параллельно с таким же потоком, фокусирующимся в Москве.

Было пять часов утра, над огромным летным полем, уставленным десятками истребителей, стелился чуть светящийся туман, закрывающий бродящих между машинами людей почти до плеч. Скоро должно было светать.

– Не подкачают твои ребята?

Генерал-майор Осипенко обращался больше к себе, чем к комкору в звании полковника, второй месяц ожидавшему генеральского звания, но так его пока и не получившего. Ему ужасно хотелось, чтобы все надвигающееся на них оказалось горячечным бредом, возникающим в его воспаленном, скажем, тифом, мозгу. Очнешься себе на больничной койке, слабый, остриженный, и все вокруг спокойно и хорошо... Мечты идиота.

Корпус, сформированный на базе отдельного полка ПВО еще в августе, был укомплектован и натаскан так, как не готовили даже в предвоенное время. Никогда не воевавших пилотов в нем были считанные единицы, и те с «инструкторским» налетом. Остальные были уже обстрелянными летчиками, и хотя, за исключением Козлова, известных асов в кор-

пусе не имелось, многие полагали, что, когда начнется настоящая драка, таковые вырастут сами собой, пусть и на высотах менее удачливых. В корпусе имелся один старый ИЛ-4, непригодный уже для фронта, но дававший летчикам отличную практику заходов и пилотажа на большой высоте, с кислородными масками. Вопреки сложившимся представлениям, советские истребители вовсе не были настолько плохи на больших высотах. Просто им в большинстве случаев нечего было там делать, отдельные перехваты высотных разведчиков были редкостью. Тем не менее еще с сорок третьего кислородное оборудование и радио ставилось на почти все выходящие с заводов машины. Большинство поставленных для новых авиачастей ПВО истребителей были последних месяцев выпуска – и то и другое на них было отличного качества. Тактические замыслы высших штабов привели к тому, что корпуса имели смешанный состав и полки в них делились на ударные и эскортные. Первые должны были непосредственно бороться с четырехмоторными бомбардировщиками, а вторые – связывать истребители прикрытия. Те из старых летчиков, кто еще помнил Халхин-Гол, с подозрением вспоминали тактические разработки для разнотипных машин перед «еще той» войной: скоростные И-16 связывают противника боем, а потом подходят высокоманевренные И-15 и сбивают всех, кто еще цел. Идея была, в принципе, правильная, но настоящие бои не оставили от нее камня на камне. Так и здесь, ко всяким наставлениям и теориям

те летчики, которым предстояло идти наверх и драться, относились с философским спокойствием, рассчитывая больше на опыт и здравый смысл – свой и соседей.

Тем не менее в каждом корпусе было по два-три типа истребителей, что серьезно усложняло техническое обслуживание. Хорошо еще, что калибры боеприпасов не менялись уже почти год: 12,7 миллиметра, 20 миллиметров да 37 миллиметров, сотни ящиков таких патронов ждали своей очереди на складах полков. Ох, лучше бы «союзнички» не решились. Ну зачем им это, спрашивается, надо? До Москвы они собираются идти? Не пойдут, не идиоты. Не пускать советские войска в Берлин? Уже не выйдет, Берлин в таком глубоком котле, что соваться туда с запада – чистой воды самоубийство. Но ведь готовятся, шарят вокруг, щупают за коленку, дескать, может сами сдадитесь?

Сдаваться никто не собирался. Корпуса и полки ПВО, обставившие фронт и ближний тыл сетью «редутов» и более старых «пегматитов»⁹⁵, постов наблюдателей и дальномерщиков, были изготовлены и накачаны на тему «защиты священных рубежей». Американские армейские ВВС пока действовали небольшими группами истребителей-бомбардировщиков и «охотников» лишь по фронтовым целям, скорее «пристреливаясь», чем действительно работая на полную мощь, и с ними вполне на уровне могла общаться советская фронтовая авиация. Тяжелые бомбардировщики и

⁹⁵ Советские радары ПВО.

истребительные крылья эскортных машин американцы пока придерживали, но и они явно дозрели до практического применения. Расценивая стратегическую авиацию как один из наиболее сильных своих козырей, можно было попытаться впечатлить русских одним хорошо поставленным ударом в тысячу-полторы машин – чтобы они осознали наконец, против кого имеют глупость выступать. Так что надежды на то, что накатывающийся вал всеевропейской бойни сам по себе сойдет на нет из-за осторожности, если уж не благоразумия сторон, не оправдались.

– Сегодня, – отстучал в два часа ночи радист, до которого только-только добралась информация, снятая со стола командира немецкой истребительной группы. Радиограмма в пять слов. Позывные, высшая степень срочности, слово «сегодня», конец связи. Никаких лишних деталей не было, потому что бывшие союзнички не баловали немцев большим доверием. Было бы чрезвычайно полезно иметь свою волосяную лапу в разведке Люфтваффе, неоднократно проявляющей невероятную осведомленность в планах американских воздушных армий, – но до нее, увы, добраться пока не удалось.

Все же за шифровкой из источника в 6-м Воздушном флоте Люфтваффе последовали похожие сообщения из 1-го и 2-го флотов, из штаба воздушного флота «Рейх», позже – из нескольких не имеющих прямого отношения к авиации источников. К четырем утра, когда американцы уже завтра-

кали и проходили инструктаж, слово «сегодня» уже всюду гуляло по проводам московских телефонов и заставляло дежурных корпусов ПВО будить своих командиров, техников и летчиков, а вместе с ними поварих, вооруженцев, шоферов, аэродромные команды. К пяти тридцати, когда громадные стаи самолетов начали формировать строи последовательно секций, звеньев, эскадрилий, групп и крыльев, закрыв небо над «Серебряной Прожилкой»⁹⁶ белыми звездами на правых плоскостях⁹⁷, русские были уже готовы.

Массированный дневной удар проводился силами тяжелой бомбардировочной авиации 8-й воздушной армии США по польским и восточно-прусским портам и железнодорожным узлам. Немцы, оповещенные за пять-шесть часов, пропустили стокилометровую колонну «крепостей» вдоль своего побережья, сопроводив ее эскортом из нескольких десятков истребителей, своего рода почетным караулом. Дюжина реактивных Me-262 с воем прошла вдоль строя американских «тандерболтов», пилоты которых не проявили никакой реакции, мучительно пытаясь загнать застарелый ужас как можно дальше в глубину сознания. Отвалив, самолеты «гуннов» ушли к береговой черте, но над Данией американцев встретили ЯКи. Русские все поставили на один впечатляю-

⁹⁶ «The Silver Streak», Ла-Манш (английский сленг 40-х годов, сейчас общепринятое выражение).

⁹⁷ Американские самолеты имели опознавательные знаки на правой плоскости – снизу, а на левой – сверху.

ший удар, стянув к северу, наверное, большую часть своей фронтовой авиации. Шедшие в голове американской колонны «мустанги» выложились полностью, проявив себя с лучшей стороны. Выбивая русских одного за другим, они сами, однако, понесли тяжелые, неожиданные потери, и к моменту подхода к Борнхольму контроль над ситуацией был ими почти полностью утрачен.

Именно тогда на тихоходные бомбардировщики набросились похожие на английские «спитфайры» «Лавочкины» и тяжелые варианты ЯКов с вооружением, включавшим помимо пушек еще и реактивные снаряды. «Тандерболты» исчерпали свой боезапас, пытаясь защитить ведомые эскадрильи, но зону отсечения над морем, как оказалось, контролировали звенья двухмоторных ПЕ-3, и было слышно, как кричат те, кого они поймали. Русские большими группами атаковали одну из эскадрилий с края колонны и только после полного ее уничтожения выбирали следующую цель. Психологический эффект этой простой тактики был огромен – все частоты связи отдельных авиагрупп оказались забиты воем гибнущих экипажей. Не дойдя сто километров до Кенигсберга, американцы повернули назад. Поврежденные бомбардировщики, дымя форсируемыми моторами, пытались удержать строй, что давало им шансы на спасение, но один за другим самолеты с зафлюгированными винтами выскальзывали из хвоста колонны, оттягиваясь назад, где их ждала неизбежная смерть. Многие пилоты концевых машин плакали, огляды-

ваясь на исчезающие в облачной дымке позади беззащитные силуэты отставших бомбардировщиков.

Нескольким поврежденным «крепостям» удалось дотянуть до Голландии, Бельгии и даже до Франции, около десяти самолетов сели в Швеции, где их экипажи были интернированы. Потери отдельных авиагрупп были чрезвычайно тяжелыми, особенно среди находившихся в голове колонны, некоторые эскадрильи были выбиты полностью. Всего погибло свыше полутора сотен «летающих крепостей» и «либерейторов» и ненамного меньшее число истребителей сопровождения, на которых русские обращали особенное внимание. Пилоты вернувшихся истребителей утверждали, что им удалось нанести русской авиации серьезный урон, – это подтвердилось при проявке пленок их фотопулеметов, но реальное значение этих потерь для противника оценить было невозможно.

Командование ВВС США внутренним циркуляром объявило о временном прекращении налетов на оккупированную русскими территорию – до полного уяснения политических аспектов новой войны такие потери не оправдывались никакими военными Успехами. К датскому побережью несколько раз вылетели скоростные разведчики F-5E «лайтнинг», но четыре машины исчезли одна за другой, и их вылеты тоже пришлось прекратить. К полудню 13 ноября русские, сбросив в море остатки германской 15-й армии Зангена и оттеснив 2-ю английскую армию, достигли Эмдена и

вышли на границу с Голландией. Южнее их продвижение замедлилось, армии увязли в сложных маневренных боях в густо пересеченном реками промышленном районе. В этот же день, в качестве меры устрашения, советская авиация нанесла дневной удар тяжелыми бомбардировщиками по Эрфурту – в лучших традициях ранних Люфтваффе или самих американцев и англичан. Средних размеров город, не имеющий столь мощной системы ПВО, как, скажем, Мюнхен или Штутгарт, пал. Несколько сотен ЕР-2 и «бостонов» под прикрытием ЯКов с увеличенной дальностью действия обрушили на него фугасные и зажигательные бомбы, за сорок минут превратив улицы в сплошное пожарище, из которого поднимался вертикально вверх крутящийся огненный смерч. Повторение Ковентри, пусть и в уменьшенном масштабе, заставило многих на Западе задуматься о боевых возможностях советской авиации, которая ранее считалась слабой, плохо подготовленной и вообще неспособной противостоять сильнейшим ВВС мира.

На земле пилоты советских истребительных полков, прилегшие невдалеке от своих машин, так же лежа заполняли формы на боевой вылет. Взлет в семь двадцать, набор высоты – десять с половиной километров к восьми ноль пяти. Положение других формирований относительно их собственного. Управление. Наведение по радио с поста радиолокации. Первый заход. Второй заход. Набор высоты. Отчет по тому, что видел, отчет по тому, что думаешь. Объем пи-

санины не ограничен, и можно быть уверенным, что ее прочтут все, кому положено, и с максимальным вниманием. В тех частях глубинной ПВО, которые нацелены на противодействие тяжелым бомбардировщикам, может быть только один вылет в день, но его хватает выше крыши.

– Лучше бы я в ударной группе оставался... – невысокий, полноватый летчик, не похожий на пилота-истребителя, но воюющий именно в истребительной авиации уже третий год, говорил в небо, даже не трудясь вернуть в нормальное положение закатившиеся под веки зрачки, – не было сил. За вылет он потерял килограмма три, вместе с потом. – Два таких вылета, и буду выступать за ВВС рулевым на «восьмерке». Или жокеем. Оторвут с руками...

– Сначала здесь задница оторвется... От перегрузок. Ох.. – Его ведомый лежал в полуметре, раскинув конечности наподобие креста Андрея Первозванного. Болел каждый сустав и каждая связка, даже и не знал, что их так много в организме.

– Руки бы поотрывал тому, кто трепался, что у «мустангов» на перегрузках оружие отказывает... Засунул бы его к себе за бронеспинку, и пусть бы служил пулеулавливателем, трепло базарное. Не помнишь, кто это был?

– Не... Ничего не помню... Помню, что меня Николаем родители назвали, а кто такие, зачем... Уже не помню. Ой, мама...

– Вот именно...

Они полежали еще минут пятнадцать, совершенно молча,

остывая и расслабляясь. Подошел адъютант полка, собрал бумаги, молча прикурил по папиросе, всунул в рот каждому.

– Благодетель... – блеющим голосом проговорил комэск. – Водички принеси холодненькой, не сочти за труд. А то сдохну.

Адъютант, повоевавший на ЯКах летчик, кисть которого была в свое время исковеркана пулей немецкого крупнокалиберного пулемета, не обидевшись и не возмущившись, кивнул. Через пять минут к лежащим офицерам подбежала худенькая девушка с погонами младшего сержанта, прижимающая к груди глечик с молоком, обернутый коротким полотенцем. Оба летчика только застонали, приподнимаясь.

Молоко было холодное, невероятного вкуса. Струи, протекающие между лязгающими до сих пор зубами, стекали за расстегнутый воротник гимнастерки, на бочкообразную грудь капитана, сержантша засмотрелась. На высоте было минус сорок или пятьдесят, не спасали ни унты, ни шерстяное белье в три слоя, ни обогрев кабины, ни спирали термокостюма, шнур от которого втыкался, как пуповина, в гнездо на борту «Яковлева». В среде высотников ходила легенда о северянине-торпедоносце, у которого уже на боевом курсе мелким осколком замкнуло нагревающую спираль на спине, и он сумел добраться до нее только завершив заход и выйдя из-под огня, получив ожоги, мало совместимые с летной карьерой. Другая страшная история была про истребителя-перехватчика, который обмочился, когда на него внезапно сде-

лали заход посреди чистого неба, и ему сожгло закоротившей спиралью кожу на бедрах (и хорошо еще, если не кое-что другое). Несмотря на эти страсти, американский лендлизовский термокостюм считался даром судьбы. Перенести минус пятьдесят по Цельсию, как и оттаивание после него, ни один человек без крика не мог, несмотря на весь антураж и гонор «кондовых сибирских мужиков». Не тот уровень.

Капитан наконец-то оторвался от глечика с молоком, кивнул головой на ведомого, делающего глотающие движения кадыком. Сержантша быстро приняла, передала лейтенанту, не дав ему сделать ни одного лишнего движения.

– Как там, в штабе? – спросил комэск, растягивая гласные, как человек, которому и лишнее-то слово в тягость.

– Пишут, считают, – младший сержант смотрела на капитана со смесью ужаса и восхищения. По фронтовой привычке комполка вывел радиообмен на динамик, подвешенный на сосне чуть в стороне от штабного угла. Туда, после взлета, стеклись техники и аэродромщики, дело у которых не ближайшие часы оставалось только одно – ждать. «Чтобы знали», – объяснил командир сурово-подозрительному по определению особисту. Под его бдительным взором ни разу не поднимавшиеся в воздух, кроме как в чреве «Дугласа» при последнем перебазировании, технари и сжавшиеся за их спинами аэродромные девчонки получали достаточно полную картину произошедшего в воздухе, от первого «Твою мать!» летчика, увидевшего строй «крепостей», до

облегченного «Сели...» последнего из оставшихся в живых, вернувшегося на свой аэродром.

Зрелище протянувшейся на всю видимость вереницы «коробочек» американских бомбардировщиков ввергало в ступор. Двенадцать «летающих крепостей» либо идущих в нижнем эшелоне «либерейторов» составляли одну эскадрилью. Три эскадрильи, тридцать шесть машин, составляли группу, две или три группы – крыло из семидесяти двух или ста восьми бомбардировщиков, построенных косым трехмерным ромбом, способным встретить сотнями стволов атаку с любого направления. И такие «коробочки» шли и шли, как фаланга гоплитов, с запада на восток – насколько хватало глаз.

На обычной войне действия одного летчика, каким бы он выдающимся асом ни был, не имеют почти никакого значения. Даже сбившие за два-три года войны до полусотни вражеских самолетов асы фактически не оказывают на ход войсковых операций никакого влияния, и только постепенное накопление на каком-то участке невосполнимых потерь с течением времени может к чему-нибудь привести. Точно так же, когда корпус выбрал себе американское бомбардировочное крыло, не слишком прикрытое истребителями, и начал заходы на него, отдельные сбитые или вывалившиеся из строя «крепости» уменьшали оборонительную мощь противника совсем ненамного. Несколько ЯКов сбивалось в каждой атаке – в обмен на повреждения, которые огромные

и живучие четырехмоторные машины получали от их огня. Слава Богу, все пилоты имели строгий приказ, будучи подбитыми, не пытаться спасти машину, а покинуть ее с парашютом. Это несколько снимало груз с плеч летчиков, самолеты которых были почти не защищены. Заводы выпускали достаточно моторов и планеров, чтобы пополнять воюющие полки, но брать опытных летчиков было уже неоткуда – резервы фронтов были выскоблены до дна.

После второго захода – сверху вниз и сзади наперед через четкий строй бомбардировщиков – первая эскадрилья оказалась над поднимающимися откуда-то снизу «мустангами» и с облегчением занялась своей прямой обязанностью. Драк с тремя-четырьмя десятками американских истребителей летчики полка восприняли как подарок неба, это было более благодарным занятием, чем бессмысленные атаки на застилающие небо порядки бомберов, которым вооружение легких «красавиц» было как слону дробина. Если два остальных полка корпуса, вооруженные ЯК-9Т с 37-миллиметровой пушкой и «эрэсами», имели хорошие шансы сбить В-17 несколькими удачными попаданиями, то единственная 20-миллиметровая пушка ЯК-3 вкупе с парой крупнокалиберных пулеметов должна была поливать даже одиночный бомбардировщик как из шланга, чтобы чего-то добиться. С истребителями все было понятнее и проще: высота, скорость, маневр, огонь. Зашел в хвост – сбил. Дал зайти в хвост себе – прощайся с жизнью. В стремительных серебристых «мустан-

гах», раскрашенных кольцами и квадратами, было много общего с советскими ЯКами, как есть много общего в силуэтах акулы и дельфина, выточенных эволюцией ради единой цели – подвижности. Разделившись сначала на звенья, потом на элементы, американцы приняли навязанный им бой, вовсе не пытаясь, вопреки стандартной тактике советских истребителей, обязательно сорвать атаку на свои бомбардировщики. У бомбардировщиков была своя работа, у истребителей была своя. Бой шел на равных, долгий и упорный, новичков в нем, похоже, не было ни с той, ни с другой стороны. Истребители крутились, переворачивались, пикировали друг за другом до самой земли, стреляя. У капитана отказало сразу все оружие, и он потерял секунды, пока на ощупь, не прерывая каскад фигур пилотажа, искал тумблер дублирующей цепи предохранителей. За это время к нему в хвост зашла американская пара. Ей хватило бы и одной секунды, чтобы его сшибить, но по «мустангам» очень вовремя шархнул его ведомый – не попав, но заставив уйти вниз. Теперь они сами спикировали за этой парой, непрерывно оглядываясь, чтобы сзади снова никто не пристроился. Променяв высоту на скорость, «мустанги» разогнались до совершенно невероятных скоростей, но капитан с ведомым, открыв рты и мыча от непереносимой боли в ушах, висели у них на заднице, как пара легавых на хвосте у лисы.

– Крылья! Крылья! – орал лейтенант, согнувшийся в своей кабине в ожидании треска, которым будет сопровождать-

ся разрушение конструкции ЯКа.

Американцы начали выходить из пикирования на двух тысячах метров, по-прежнему держа строй. Комэск сам не был уверен, отвалятся у его машины крылья или нет, – но раз не отвалились у «мустангов», то должны выдержать и у «Яковлевых». Медленно и аккуратно, миллиметр за миллиметром он выбирал на себя ручку управления, уменьшая угол, под которым разогнавшаяся машина неслась к покрытой черными полосами уже различимых деревьев земле. Чуть дрогнет рука, и все – последнее, что услышишь в жизни, будет треск лопающегося металла...

Они вышли из пике в трехстах метрах от земли, почти без просадки, аккуратно, как в аптеке. «Мустанги», пилоты которых, видимо, плохо соображали после перегрузок, начали набирать высоту. Используя резерв скорости после пикирования, советским истребителям удалось сблизиться с ними на четыре десятка метров. Капитан оглянулся вправо – ведомый шел на своем месте, только чуть пониже.

– Твой правый, мой левый, потом вправо! – успел крикнуть он, и оба одновременно открыли огонь по плавно перемещающимся в прицелах самолетам. У них было на это полсекунды, потом дистанция сократилось так, что самолетам пришлось резко взять в сторону, чтобы не столкнуться в воздухе.

Резко развернувшись, оба ЯКа снова зашли к американцам в хвост, расстреливая истекающие белым дымом маши-

ны, уже валящиеся вбок. Потом произошел эпизод, который заставил капитана несколько смутиться. Он открыл огонь из пулеметов, чтобы активировать фотопулемет в крыле, и четко видел, как пули раздирали обшивку падающего «мустанга». Уже можно было выходить из пике, но он продолжал, давая короткие очереди толчками большого пальца на кнопку электроспуска, держаться за американцем. С вражеского самолета вдруг сорвался сброшенный фонарь кабины, улетевший влево, и летчик, как чертик из табакерки, высунулся наружу, приподнимаясь на локтях. В это мгновение в «мустанг» вошла последняя очередь, и летчика вновь вдернуло внутрь. Войдя в штопор, самолет ввинтился в землю, в одной вспышке превратившись в полыхающее месиво металлических листов. Второй истребитель рухнул в километре, пилот успел выпрыгнуть. Если бы не слишком маленькая задержка, выставленная на фотопулемете, капитан не стал бы стрелять по обреченной машине, и летчику, возможно, хватило бы высоты спастись. Комэск не испытывал большого стыда или чего-то в этом роде – просто некоторую досаду. Убивать непреднамеренно на такой огромной войне было глупо.

– Никола, к штабу зовут.

Задремавшего уже капитана подергал за рукав старлей из его эскадрильи. На ходу протирая глаза и удивляясь, как он мог уснуть в такую холодину под открытым небом, он пошел в ту же сторону, куда тянулись, вяло обмениваясь взмахами рук, остальные. Полк потерял шесть человек и десять само-

летов, на его счет были записаны один достоверно сбитый В-17 и семь «мустангов». Фактически баш на баш.

– С почином всех...

У командира, не участвовавшего в вылете, был такой же усталый вид, как и у всех остальных.

– Мерси, – вяло отозвался один из летчиков. Остальные даже не нашли в себе сил засмеяться.

– Звонили с корпуса, Литок со сломанной ногой лежит у них... Сима имеет пулю в бедре и тоже, таким образом, из дела выходит. Значит, завтра пойдут трое стажеров и я. Технику из корпуса перегонят...

– Как остальные? – поинтересовались негромко.

– По-разному... Парашюты по всему небу висели. Поляки двоих американцев дубьем забили.

– Обалдели совсем.

– Да нет, сами подумайте – они немцев за пятки кусали до крови столько лет, а тут только вроде скинули с себя, так их снова бомбить начинают. «Освободители». Ясно, звереет народ. Странно, что в ПВО польских частей нет...

– Правильно, что нет. Кто знает, чего от них ожидать!

– Брось, поляки не первый месяц уже летают.

– Вот и пусть летают. Только от нас подальше.

– В 907-м ИАПе лейтенант «крепость» с концами таранил.

Командиру полка не понравилось направление, которое принял разговор, и он поспешил сменить тему.

– Жив?

– Нет, насмерть. Осипенко обещал к Герою представить посмертно.

– Зря он...

– Кто знает... Может, ранен был или с управлением не справился. Сейчас не сорок второй.

– Все равно зря. Бывает, когда действительно надо, как Талалихин, но тут, наверное, не тот случай...

С этим можно было поспорить. Отвыкшие от значительных воздушных боев американцы были весьма впечатлены действиями советской авиации, особенно ее настойчивостью. Система ротаций, призванная держать перед носами американских экипажей сладкую морковку возвращения домой, привела к тому, что сокрушившие Люфтваффе истребительные асы или разъезжали по стране с кампаниями по продаже бумаг военных займов, или служили инструкторами в учебных полках. Некоторое количество пилотов со значительным опытом воздушных боев находились на инспекторских или штабных должностях в действующей армии, и лишь очень немногие – в должностях командиров эскадрилий, непосредственно связанных с боевой деятельностью. Тем не менее летчики американских истребительных частей искренне считали себя лучшими в мире. Несколько совершенных за день таранов потрясли их не меньше, чем сам факт того, что советские ВВС способны драться с ними на равных. Бомбардировочные эскадрильи нередко несли

тяжелые потери, но в последние месяцы – почти исключительно от зениток. Как стало ясно из отчетов, представлен-ных командованием Люфтваффе после «сепаратной капиту-ляции» (термина, позволяющего законникам говорить о со-блюдении Касабланкских принципов⁹⁸), немцы накаплива-ли силы для «Grosse Schlag», удара по бомбардировщикам двумя тысячами истребителей, которые должны были нане-сти 8-й воздушной армии высокие одномоментные потери, заставившие бы ее прекратить операции на длительное вре-мя. Считалось, что к такому может привести потеря пяти ты-сяч членов экипажей за один вылет. Примерно то же самое совершили вместо немцев русские, подняв в воздух свыше двух тысяч истребителей. По ценам конца сорок четвертого года, один В-17 стоил около 240 тысяч долларов, В-24 – по-чти 370 тысяч. Русские цены в рублях сравнивать с доллара-ми было сложно, но две-три сотни сбитых 13 ноября Яков и «Лавочкиных» были в целом адекватны «мустангам», сто-ившим пятьдесят одну тысячу, и «кингкобрам», стоившим сорок шесть. Не нужно было иметь бухгалтерское образова-ние, чтобы сосчитать, что прежняя тактика войны в воздухе чисто с финансовой точки зрения против русских делалась невыгодной. Следовало придумать что-то иное.

Свои пять копеек в виде трети миллиона долларов Объ-

⁹⁸ 23 января 1943 года на встрече в Касабланке Союзниками было заявлено, что они согласятся прекратить войну только с безоговорочной капитуляцией Герма-нии.

единенному командованию сэкономил пилот шестой эскадрильи «Чапаева», встретивший на пятьдесят шестой параллели патрульный противолодочный «либерейтор», взлетевший с ирландского побережья. Официально Германия, конечно, капитулировала, но командиры субмарин были хозяевами своей судьбы, и несколько из них по согласию с командами решили прорываться в Южную Америку – вместо того чтобы добровольно отправляться в концлагерь под надзор британцев. Выходом было бы затопить лодки у родных берегов, как капитулировавший Флот Открытого моря в Скапа-Флоу после поражения в Первой мировой, но новые хозяева объявили, что попытка уничтожить собственные корабли будет караться как военное преступление, и потрудились довести эту информацию до всех лодок в море, зашифровав донесение положенным по времени кодом. Когда шифровальные машинки выдали в центральных постах подводных лодок это сообщение, подписанное адмиралом Муром, многие командиры осознали, что в Норвегии им делать нечего.

Патрульные самолеты имели инструкции топить лодки, направляющиеся на юг, и пропускать, облетев, те из них, кто, подчиняясь приказу, двигались на север и запад. Они были вооружены и тщательно обшаривали океанскую поверхность радарам и биноклями, разыскивая последних отчаянных «мальчиков Деница». К чему они не были готовы, так это встретить посередине Атлантического океана истре-

битель с мотором водяного охлаждения. К счастью для советской эскадры, оказавшейся далеко в стороне от маршрута В-24, старший лейтенант Кутахов, выполняя свой первый в походе разведывательный полет в поисках чего-нибудь полезного, заметил англичан первым.

Воздушная война над морем имела свои особенности. Заметить идущий над водной поверхностью самолет, находясь выше его, было чрезвычайно сложно. Другое дело, если его силуэт проецировался на фоне неба. «Либерейтор» был, однако, крупной машиной, да и сам капитан имел задачу поиска надводных целей – поэтому за всем, что находилось ниже его, он наблюдал особо пристально. Англичанин делал, видимо, то же самое, не ожидая опасности сверху. Теоретически к нему можно было попытаться подобраться поближе, рискуя нарваться на прицельную очередь в упор, когда стрелки наконец заметят противника. Но связываться в одиночку с хорошо защищенной машиной, вполне способной за себя постоять, старшему лейтенанту очень не хотелось. Полет над океаном на колесной машине был опасен сам по себе, а тесный контакт с крупнокалиберными пулеметами бомбардировщика в двухстах милях от родной взлетной палубы имел знак равенства с графой «пропал без вести». Никто и не узнает, что с ним случилось, потому что нарушить радиомолчание он имел право только в случае обнаружения целей, которые не будут ждать его возвращения на «Чапаев».

Уйти и не рассказывать никому? Атаковать и положиться

на везение? Мучаясь и раздумывая, старший лейтенант все же ушел в сторону, подальше от взгляда не вовремя поднявшего глаза вверх стрелка. Через два с половиной часа его ЯК-9ДД с крупной белой тройкой на фюзеляже сел на палубу авианосца. Проделав все положенные послепосадочные процедуры, старлей выскочил из кабины на крыло, спрыгнул вниз и, не дожидаясь помощи механиков, сбросил парашют, трусцой подбежав навстречу подходящему комэску-шесть.

– Нормально все?

Тот был спокоен, хотя несколько насторожился при виде бросившего свою машину вернувшегося из полета разведчика. Обычно летчики оставались в кабинах вплоть до спуска их машин в ангар.

Старший лейтенант наклонился к его уху и шепотом произнес несколько слов.

– Где? – спросил командир эскадрильи, протягивая ладонь. Тот раскрыл планшет и показал на жирную стрелку за желтоватым целлулоидом – место, где он встретил патрульный самолет, его курс и подписанную рваным курсивом высоту.

– К хозяину, – подумав, сказал комэск. – И к Осадченко. С докладом. Медленно и спокойно.

Они поднялись в комнату инструктажа, пустую сейчас, обвешанную плакатами с самолетными силуэтами и таблицами технических данных. Сняв телефонную трубку, майор через оператора связался с Покрышевым, и тот через десять

минут подошел к ним.

– Ну что? – спросил командир авиагруппы, закрыв за собой дверь.

Расстелив на столе карту, старший лейтенант во второй раз показал место, где он встретил англичанина, и объяснил причины, по которым не стал с ним связываться. Балтийцам была известна история, когда командир подводного минного заградителя был обвинен своим военкомом в трусости за то, что не захотел обстрелять из 45-миллиметровой пушечки вражеский порт. Старлей надеялся, что с ним такого не случится, – но некоторые сомнения все же имелись, и он с тревогой следил за сменой выражений на лице полковника.

– Правильно сделал, – наконец сказал тот. – Нам он не помеха, а тебя сшибить бы мог. Или шухер бы поднял не вовремя. Сейчас-то все тихо. Надводников никаких не видел?

– Нет.

– А подводных лодок?

– Тоже нет. Вообще за весь полет никого, кроме этого «либерейтора».

– Плохо... Горючку жгем со страшной силой, а толку ноль. Завтра еще по вылету, и все. Попрошу адмирала, чтобы «кору» гонял больше, чем нас, командир с этим тоже согласен.

– Ну, ни одной капли из своей горючки мы пока не сожгли.

– И это верно.

«Чапаев» действительно пока заливал в баки разведчиков только бензин из принятых на ангарную палубу бочек –

бомбы замедленного действия, ждущей единственного раскаленного осколка, чтобы прикончить корабль. Таковы были компромиссы, на которые пришлось пойти для того, чтобы приспособить корабли для океанского похода. Топливо взяли в такой перегруз, что в первые двое суток после выхода волны свободно перекатывались через полубаки, заливая ледяной водой помещения под ними. Но все три корабля вырабатывали в первую очередь мазут из носовых цистерн, и постепенно, одновременно с улучшением погоды, их мореходные качества стали приходить в соответствие с нормой.

Информация о замеченном Кутаховым самолете была доложена сначала командиру авианосца, а затем командующему эскадрой. К этому времени прошло уже три часа с момента их встречи над водной пустыней, и никаких тактических последствий это событие не имело, но Левченко к вечеру выдал «рекомендацию» для «Чапаева»: быть готовым к встрече следующего противолодочного, как правильно было понято, «либерейтора» с бортовым радаром, а всем кораблям – усилить наблюдение за воздухом, как с помощью технических средств, так и визуальное.

Левченко целенаправленно искал в Атлантике американский войсковой или смешанный конвой с неизвестным индексом, неизвестным составом охранения и вообще являющийся одним большим неизвестным. Единственным показателем, который удалось узнать советскому командованию, было наличие в его составе бывшего лайнера «Аквитания»,

ныне войскового транспорта, доставившего 28 октября из Нью-Йорка в Гринок 422-й и 424-й полки американской 106-й пехотной дивизии и теперь возвращающегося обратно – за новым пополнением для американских войск, несущих значительные потери в Центральной Европе. Перехватить и утопить войсковой транспорт было звездной мечтой любого капера, но такой успех являлся маловероятным, поскольку завеса секретности, окружающая переброску военных частей морем, сбоев практически не давала. Да и охранялись подобные конвои весьма сильно. Так что оставалось надеяться на некоторый шанс обнаружить пустой войсковой транспорт с легким охранением, направляющийся предположительно с эскортом эсминцев прямо в Гудзонов залив. Вообще северная треть Атлантики между Ирландией и Ньюфаундлендом должна была кишеть идущими в разных направлениях конвоями, отдельными транспортами, эскортными группами противолодочных поисково-ударных групп, но ничего этого пока не было видно. Спускающиеся к югу советские корабли находились посреди простирающегося на сотни миль водного пространства, без единого клочка суши. Проскальзывающие по их поверхности сделанные из стали искусственные куски земной тверди были преходящими, существующими секунды по меркам громадного, вечного океана.

Начиная с 14 ноября, когда эскадра пересекла пятьдесят пятую параллель – широту Ньюкасла и Каунаса, – началась настоящая работа для экипажей гидросамолетов. На «Совет-

ском Союзе» их было четыре, на «Кронштадте» – два, и еще перед рассветом бело-голубые снизу и темно-синие сверху машины были выпущены в воздух. Каждый запуск с катапульты был непростым и опасным событием, в мирное время на крейсерах собиравшим немало зрителей. Цикл подготовки, пройденный эскадрой, сделал такие запуски более-менее рутинными, и утренний не отличался от них ничем, кроме массовости, – все шесть самолетов ушли в небо в течение получаса, широким веером покрыв южную часть горизонта, разрубленную пополам просвечивающими косыми лучами солнца. Бомб они не несли, используя сэкономленные десятки килограммов как «плату за проезд» на еще несколько десятков километров.

Слетали они, однако, безрезультатно и вернулись к тому моменту, когда эскадра насчитывала не три, а уже четыре корабля. Левченко, рассчитывая все же на перехват крупного конвоя и неизбежную после этого гонку со временем, вывел их к «Бакинскому Комсомольцу», собираясь пополнить уже на треть израсходованные даже на линейном крейсере запасы топлива. Нелегкие манипуляции с подвешенными на грузовых стрелах шлангами, передаваемыми с борта на борт на малом ходу, были несколько раз отработаны в Финском заливе, но океанское волнение, хотя и умеренное, по местным меркам, довело процедуру до пытки. На передачу всех шлангов на «Чапаев» ушло почти сорок минут – вдвое больше, чем положено по нормативам, в свое время успешно сдан-

ным и принятым. Топливо авианосец принимал четыре часа, заметно осев. Каждую секунду, однако, стоявшие наготове, поглядывавшие на мостик матросы готовы были резкими движениями разводных ключей свинтить шейки переходников, по которым в цистерны бывшего легкого крейсера перекачивался густой флотский мазут. К двум часам дня «Чапаев» закончил, и его место по борту «Комсомольца» занял линейный корабль. На двух других выделенных для операции танкерах имелось оборудование для дозаправки одновременно двух кораблей, побортно – но как раз этот танкер был исключением. «Кронштадту» времени до захода солнца не хватило, а включать палубное освещение никто, разумеется, не собирался. Вместо этого эскадра снизила ход, идя на юг вместе с танкером, чтобы продолжить дозаправку утром. В темноте его низкий силуэт был похож на авианосец, что могло вдобавок отвлечь подводную лодку, случись она рядом.

Так закончился день 14 ноября в месте, где не было других ориентиров, кроме иногда просвечивающих через редкие разрывы в облаках звезд.

Узел 5.3

15-16 ноября 1944 г.

– Ватаси ва... Тама сика ни... Будо-ося о номимасен. Будо-ося о намимасен. Будо-ося...

– Задолбал.

Обычная жизнь в каюте младшего начсостава, переделанной из четырехместной в шестиместную, когда пространства перестало хватать.

– Что значит-то?

– «Я только иногда пью вино», – Евгений посмотрел со своего места с некоторым смущением.

– Вино!

Штурмана оживились.

– Вино – это хорошо!

С этим тезисом никто спорить не стал.

– И пиво – это тоже очень хорошо.

Как говорил Остап Бендер, «И против этого тоже нет возражений».

– Евгений, как будет «пиво»?

– «Бипру».

– Молодец! Даже в книжку не заглянул... На какие мысли это наводит?

– На совершенно определенные...

– О пиве...

– Нет! О том, из-за чего Евгения поперли с «Коммуны».

Евгений, ты любишь пиво?

Молодой штурман, имеющий к двадцати семи годам больше ходовых часов на линкорном мостике, чем проведенных в постели с молодой женой-украинкой, смутился. Он вообще очень легко смущался – таким людям жить в каюте номер 13 было непросто. Вполне это осознавая, всегда готовые позубоскалить работники секстана и линейки не давали себе особой воли, ограничиваясь несколькими минутами приколов.

– Пиво я люблю... Холодненькое, с пенкой... Выйдешь, бывало, на набережную, подойдешь к киоску. Форма белая, ботинки скрипят! Эх, была жизнь!

– Кому мешало, спрашивается...

– Я последний раз пиво пил в Питере, когда полный экипаж формировали.

– Аналогично.

– Ребята, мы уходим от темы. О чем мы начали?

– О пиве!

– Алкоголик! Мы начали о том, почему Евгения поперли с «Парижской Коммуны»!

– Меня не поперли!

– Подсудимый! Вам слова пока никто не давал! Сидите и не чирикайте, куда ваш моральный облик обсуждается на заседании сокращенной...

– Залежании.

– Совершенно верно, залежании сокращенной комиссии штурманской каюты имени... Имени... Имени Лью Толстого в Ясной Поляне. Что мы видим перед собой? Перед собой мы видим брeнное тело Евгения Зимины, украшенное орденом Красной звезды. За что, спрашивается, оно было украшено, можем задать мы вопрос, и мы его зададим!

Ораторствующий Штырь простер вперед руку, Леха Вдовин при этом заржал так, что из соседней каюты постучали в переборку.

– Да, товарищи, мы прямо и смело, с морской прямоотой зададим этот вопрос: «Почему, Евгений, ваше сменившееся с собачьей вахты тело, вместо того чтобы мирно почивать, оглашая окрестности здоровым храпом, изучает чуждый нам язык?»

– Ну, ребята... Ну ладно вам...

– Нет, позвольте! Что за слова изучает этот, с позволения сказать, орденоносец? Нет, он не зазубривает разницу между «мопус» и «маггинс»⁹⁹, как Зуб, которого мы уже простили. Он не ломает, как некоторые, на которых мы сейчас не будем показывать пальцами, голову в попытках найти методика просчитать курс «Кронштадта» до перемещающегося в евклидовом пространстве пирса, на котором ему помашут голубым платочком. Нет! Он изучает, безбожно подглядывая при этом в учебник, слова, за которые его давно разобрали бы на партсобрании ребята, менее добрые, чем мы с

⁹⁹ Morus – мечтатель; Muggins – дурак (английский сленг).

вами. «Доколе?» – спросим мы. Почему, спрашивается, доблестный линкор Черноморского флота исторг из своих казематов это чудо? Эту гордость! Эту надежду крейсера! Евгений! Когда под простреленным флагом, осыпаемый осколками вражеских снарядов, бледный и красивый, я упаду на палубу... Прошу тебя! Скажи мне тем же томным голосом: «Я хочу пива!» Или что ты там сейчас зубрил. И я, откинувшись на носилки, провожаемый орудийными залпами в лазарет, прошепчу Раговскому, нашему доброму доктору, заносящему надо мной ланцет, эту фразу на языке самураев, и он, пораженный, дрогнет и прослезится...

– Ну ты и трепло! – с большим одобрением сказал Алексей. – Это ж надо, из любой темы развить травлю на полчаса без остановки! Скучно без тебя было бы...

– И будет. Мне через три часа заступать. Будет сегодня что-нибудь новенькое, как по-вашему?

– Кто его знает... В любую минуту могут по тревоге поднять всех на брови.

– Странно, конечно. Крадемся по району, крадемся, а толку нет. Остались бы у берега, подолбили бы по танкам.

– С двенадцати дюймов по танкам? Могу себе представить...

– А что, делали же?

– Делали. Но то другие времена были. «Гангут» в океан не выведешь.

– Боишься?

– Боюсь, – Евгений согласился спокойно, как человек, которого в трусости обвинить невозможно.

– Я тоже боюсь, точнее, опасаясь. Покрутимся мы, пожгем мазут в топках, танкеры переловят, и останемся мы у разбитого корыта. Почему, по-вашему, мы идем на шестнадцать узлах, а не на четырнадцать с половиной?

– Мы на семи идем. Еще шланги не отсоединили.

– Я не об этом. Я вообще.

– Спроси у командира. Десять процентов экономия, это не коту под хвост, согласен.

Корабль начал ощутимо вибрировать, чуть накренившись влево.

– О! Закончили. Три с половиной часа почти. Теперь можем снова играть в игры.

– Пойти проводить «Комсомольца» не хочешь?

– Можно, в принципе. Ты пойдешь?

– Давай.

Алексей и Коля Штырь оделись и вышли на верхнюю палубу, оставив Евгения, помахававшего им рукой, в каюте. У фальшборта, залитого шаровой краской, стояло человек сорок моряков, разглядывающих идущий уже кабельтовых в четырех приземистый танкер с развевающимся на корме военно-морским флагом. «Кронштадт» начал набирать ход, и танкер сместился в сторону кормы. Несколько минут все не спеша шли по палубе, перебрасываясь комментариями, пока не уперлись в кормовой флагшток, любимое место курения

команды. Закурили тут же, продолжая разглядывать все более отстающий танкер.

– Не завидую ребятам... – сказал кто-то из матросов, разминающих папироску желтыми пальцами в костяной твердости заусеницах и размытых пятнах въевшегося в кожу машинного масла.

– В одиночку по такому морю... Того и гляди, нарвешься, а ни пушек нормальных, ни скорости.

В течение тридцати минут «Бакинский Комсомолец» с опустевшими танками исчез в сырой дымке, закрывающей северные румбы. Наладившаяся корабельная жизнь продолжалась своим чередом, покуда в шестнадцать часов с мелочью не была прервана экстренным докладом с линкорного Бе-4. Летчик, возбуждение которого было заметно даже сквозь отвратительную слышимость, пошел на нарушение радиомолчания, поскольку считал, что обнаруженная им цель слишком жирна для риска упустить ее в темноте, которая должна была спуститься через несколько часов. На «Чапаеве» сыграли боевую тревогу, вызвав ажиотаж команды, совершенно не знавшей о происходящем. Эскадрилью «Сухих» начали готовить к вылету, в то время как адмирал все еще продолжал размышлять над тем, каким образом накрыть обнаруженный гидросамолетом не крупный конвой, не поднимая особенно большой паники в океане.

Это был даже не конвой – просто несколько судов с охранением. Очень хорошо, что на них наткнулся не дальний

ЯК, а «Бериев», тихий мотор которого позволил ему облететь ордер, не привлекая к себе внимания, а не занятому управлением стрелку-радисту в хорошую оптику разглядеть все подробности их везения. Четыре транспорта, по виду – классические «либерти» – шли за парой эсминцев, выполнявших противолодочный зигзаг и явно уделявших основное внимание наблюдению за поверхностью. В связи с этим возникал соблазн натравить на них пикировщики, а уже потом разыскать и утопить тихоходные транспорты. Считали время, считали дистанции, считали курсы. Тянуть было совсем уж нельзя, и Левченко наконец-то дал добро на воздушный удар.

– Парами заходим на эсминцы! Па-ра-ми!

Раков, стоя в кабине бомбардировщика, мотор которого уже разогревался, орал назад, сложив руки рупором. Стрелок поводил стволом пулемета влево-вправо, проверяя механику, тоже обернулся на него, посмотрел с улыбкой. У них было буквально несколько минут, чтобы договориться, распределить цели, проверить выданный штурманом авиагруппы курс. Истребительного прикрытия не было, хотя прорштурбовать эсминцы было бы полезно. Все упиралось в топливо. К «Сухим» подвесили ФАБы¹⁰⁰ – пятисоткилограммовые ведущим пар, и две по двести пятьдесят ведомым. Индикатор температуры масла на приборной панели раковской машины достиг нужного уровня. Раков, все еще стоя, еще раз

¹⁰⁰ Фугасная авиабомба.

обернулся, показал рукой – «Вперед!» – и опустил на сиденье, не закрывая фонарь кабины. Пристегивать замки ремней он тоже не стал, зная, что если мотор откажет на взлете, то времени на возню с фонарем и замками не будет – нагруженный бомбардировщик пойдет ко дну камнем.

Стоящий справа механик выдернул тросами колодки из-под колес, выпускающий офицер дал отмашку, и Раков, отпустив тормоза, начал разгонять машину по палубе, ускоряясь с каждой секундой. Мимо мелькнула островная надстройка, пушки, задравшие стволы в небо, частокол крупнокалиберных пулеметов. Дрожание прекратилось, и самолет, чуть просев, оперся плоскостями на спрессованный скоростью воздух. Медленно выбирая ручку, полковник поднял машину выше уровня палубы, увел в сторону, чтобы не мешать взлетающим следом. Ребятам должно было быть легче, поскольку им на разгон добавлялся тот кусок палубы, где стоял его собственный «Сухой».

– Третий оторвался... Четвертый оторвался.. Пятый оторвался... – монотонно бубнил в переговорник стрелок.

Кругами набирая высоту, Раков построил эскадрилью в двойной фронт, более приемлемый для морских машин, чем стандартное бомбардировочное «Kette»¹⁰¹. Взяв курс на юго-запад, восьмерка «Чапаева» постепенно поднялась на четыре тысячи метров. Полет проходил в полном молчании, радиции были поставлены на «прием» у всех. По переговорно-

¹⁰¹ Звено из трех самолетов-бомбардировщиков (нем.)

му устройству сержант комментировал положение остальных машин в строю, давая самому Ракову сконцентрироваться на навигации. Заход планировался сложный – с запада, после намеренно неправильной кривой, никак геометрически не связанной с курсом идущих на юг кораблей. Дистанция была, по океанским меркам, небольшая, сто тридцать миль – едва ли половина их боевого радиуса, но маневрирование на выходе на цель, как и на отрыве, призванное дезориентировать супостата, должно было сожрать еще немало топлива, цeniaщегося на вес золота.

До места, где находился конвой, вполне дотягивали патрули с воздушных баз канадского Ньюфаундленда и Исландии: Ботвуда, Гандера, Хармон-Филд, Сент-Джонса, Торбея, Кефлавика, Брейддальсвика – эти названия были заучены летчиками наизусть до уровня «разбуди ночью». Был шанс, что вражины, если даже вовремя их заметят, примут сравнительно небольшую группу машин в обычном для американцев строю за своих – либо с одной из этих баз, либо с какого-нибудь эскортного авианосца. «Сухие» не были очень похожи на морские машины союзников – что-то было лишь от «эвенджера», может быть, но расчет строился на логику. Неоткуда было в Атлантике взяться чужакам.

Тридцать минут скуки – как обычно. Скука в воздухе была лучшим приятелем полярных и вообще морских летчиков, привыкших к огромным расстояниям, какие приходилось преодолевать. Даже пересев на боевые машины, не идущие

щие по радиусу действия ни в какое сравнение с оранжевыми «полярными коровами», они сохранили привычку не испытывать раздражения от отсутствия событий в ходе полета. Каждые тридцать секунд – контроль приборов, каждые сорок пять секунд – осмотр воздушного пространства вокруг, если хочешь жить. Так что полчаса никакой роли не играли.

На конвой действительно удалось выйти из-под солнца, пилот «Бериева» не наврал со скоростью и, главное, курсом. Скорость «Либерти», которые в немалом уже числе ходили под советским флагом, была известна – десять-одиннадцать узлов. Если бы пилот ошибся в определении класса, пришлось бы сделать поправку миль на пять-шесть, все равно ведущие акустический поиск эсминцы больше 17—18 узлов не выдавали. Переведя машины в пологое скольжение, пилоты бомбардировщиков убрали газ, разделившись на две, а потом еще на две группы. Пара эсминцев впереди и короткий строй пузатых пароходов – действительно, классические «С1» шли ровно, как по ниточке. Радары, которые наверняка у них имелись, были либо выключены, либо никого не возбудили, потому что даже когда «Сухие» почти бесшумно выплыли из солнечной короны в нескольких тысячах метров на траверзе эсминцев, корабли не изменили ни курса, ни скорости.

На высоте трех тысяч метров, чуть повернув, чтобы зайти с раковин обоих эсминцев, Раков перевел свою пару в пикирование, за ним почти сразу последовали остальные

машины. Выпустив закрылки, он, прищурившись, удерживал строгий анфас эсминца в геометрическом центре бомбардировочного прицела, собираясь положить «пятисотку» с высшим бомбардировочным шиком – «в трубу». За долгие годы пикирований и штурмовок полковник нутром впитал ощущение, что бомба пикирующего бомбардировщика должна не бросаться, а выстреливаться из самолета, продолжая его траекторию. Так атакует на горизонтали торпедоносец, выпуская торпеду, курс которой определяется боевым курсом самого носителя. В трехмерном пространстве это было значительно сложнее, поскольку на траекторию «выстрела» бомбы влияла масса дополнительных факторов, и даже минимальное скольжение машины по фронту «заносило» бомбу далеко в сторону. Но в группу не зря набирали специалистов, и полковник был совершенно уверен, что в этот раз не промахнется.

В отличие от покойного «Ниобе», эсминец, заполнивший уже все поле видимости его прицела, открыл огонь только когда до падающего почти отвесно пикировщика оставалось метров шестьсот. Зенитный автомат на кормовой надстройке бесшумно заплелся вспышками, возгоняющими похожие на раскаленные докрасна теннисные мячи трассирующие снаряды вверх, в лоб пикирующим «Сухим». Вжав кнопку сброса и почувствовав запах пороха от сработавших замков, налившись кровью по шею, Раков вывел бомбардировщик в горизонтальный полет над самой водой.

– Попали! Взрыв у носовой трубы! Второй за нами... Хорошо идет... Хорошо идет... Хорошо идет... Попал!

Стрелок, скукожившийся в позе эмбриона, орал в переговорное устройство, захлебываясь гнусавостью.

– Третий выводит... Хорошо вышел... Автомат на миделе по нам! Влево!

Полковник, привыкший в таких случаях сначала делать, а потом уточнять или переспрашивать, толкнул педалями руль, и машину вынесло влево, пропустив густую трассу «теннисных мячиков» в десяти метрах по правому борту.

– Третий попал, четвертый – один столб у дальнего борта. Еще лево!

Раков беспрекословно подчинился. Дистанция от атакованного ими эсминца стала уже почти безопасной, второй, промелькнувший сбоку, горел как римская свеча, а огонь с идущих еще в семистах метрах дальше транспортов был скорее декоративным, чем действенным. Первый раз обернуться комэск-один решил только через минуту, набрав запас высоты для экстренного маневрирования.

Черт их знает, может, это были и не эсминцы – больно уж гладко все прошло. Оба корабля горели, явственно оседая в воду, сотрясаемые вторичными взрывами. На железном, в принципе, корабле может гореть почти все, и те патроны и снаряды, которые лежали без дела в кранцах прошляпивших зенитчиков, сейчас с треском фейерверка разлетались в разные стороны, оставляя дымные белые следы. Кто может быть

похож на эсминец, но защищен настолько слабо? Быстроходный минный заградитель? Нет, он имеет обычно даже больше зениток, потому что большую часть работы выполняет у вражеского побережья. Да и нечего минзагу делать в охране. Если это перегон в Европу, то вполне объясним курс кораблей, но не объяснимо их соседство с «Либерти».

Так и не вымучив ничего из своих извилин, полковник повел собирающуюся за ним эскадрилью точно на запад, снова под солнце. Зенитки уже давно оставили их в покое, но идея была благодарная – запад был стороной, куда уцелевшие суда уж точно не пойдут. Вряд ли на разбитых надстройках эскортных кораблей уцелели радары – тонкие, чувствительные электрические приборы, не приспособленные к столкновениям с грубой прозой жизни – сталью и аммотолом 80/20, начиняющем внутренность авиабомб. В бомбе, которую полковник положил рядом с носовой трубой доставшегося ему шедшего чуть восточнее корабля пары, находилось двести тридцать четыре килограмма твердого взрывчатого вещества, более устойчивого к сотрясениям, чем обычный тротил или ставшая в последнее время популярной жидкая взрывчатка. Еще столько же было в бомбе капитана Челепса, командира второй пары его звена, настолько же редко промахивающегося, насколько редко улыбающегося североморца. И по сто восемнадцать кило того же аммотола в двухсотпятидесятках – из тех, что попали. По сравнению с размерами и весом корабля это, может, и не выглядело впе-

чатляюще, но пятисоткилограммовая бомба оставляет в почве воронку, в которую может спрятаться танк, а больше половины ее веса приходится на железо, куски которого, разогнанные до гиперзвуковых скоростей взрывным разложением аммотола или синала, пробивают и коверкают стальные переборки и палубы на десятки метров во все стороны от места попадания. Оба корабля были обречены.

В рубке «Советского Союза» адмирал Левченко и все остальные с интересом слушали перевод перехваченных станциями линкора панических и гневных радиogramм, данных открытым текстом с транспортов, которые обозначали себя трехбуквенными позывными. Радио атакованных кораблей молчало – это могло бы означать, что они уже затонули, если бы не повторившееся несколько раз в тексте радиogramм слово «cripples»¹⁰².

Переводчик был гражданским, всего три недели назад надевшим военные погоны. С самого начала войны он служил в одном из управлений Флота и имел несчастье обратить на себя внимание высокого чина, с легким сердцем рекомендовавшего его Кузнецову в качестве лучшей кандидатуры для заполнения вакансии в штабе отправляющейся в боевой поход эскадры. Переводчику, не имеющему в жизни никаких амбиций и страстей, кроме связанных в той или иной форме с лингвистикой, сейчас было плохо и тоскливо. Его подташ-

¹⁰² Калеки, инвалиды. В военном сленге – тяжело поврежденные корабли или самолет (англ).

нивало от постоянного зыбкого движения палубы под ногами, его оглушали команды и мат, его пугали постоянные скалящиеся улыбки на лицах моряков, с которыми он сталкивался каждую секунду. Первый раз за неделю от него потребовали чего-то связанного с его профессией, это хотя и волновало, но одновременно и успокаивало – как что-то надежное, придающее смысл самому его существованию в непривычных условиях.

– Это не американцы, – заявил он, завершив перевод.

Наклонивший голову к левому плечу и зажмурившийся переводчик выглядел в форме капитан-лейтенанта как чучело. Он приложил палец к носу и тут же отдернул его.

– Американец никогда не скажет «Канк» и никогда не скажет «Пи Ди Кью»¹⁰³, это чисто английское!

– Уверены?

– Та-а-к точно, товарищ адмирал, уверен абсолютно. Это не американцы, не канадцы, не австралийцы, не африканцы и не новозеландцы. Все говорившие родом из Метрополии.

– Вы что, можете на слух отличить австралийца от новозеландца?

– Если они будут говорить по крайней мере минуту – конечно. А говорили они достаточно... гм... импульсивно. И искренне.

– А если бы они говорили на немецком?

¹⁰³ Sank – дурацкий, «Пи Ди Кью» – «PDQ», Pretty damn(ed) quick, дьявольски быстро (английский сленг).

– Тогда я мог бы сказать, из каких они земель... Более-меее...

– Ваше мнение: это не трюк? Они действительно считают, что их бомбили свои?

– Мое мнение – да. Выражения были очень... образные, я бы сказал. Так не станет говорить человек, играющий какую-то роль. Все было очень естественно и... по-настоящему. Да, я в этом уверен. Да и не стали бы они употреблять некоторые там слова, которые не-англичанин или не-американец, скорее всего, даже не поймет.

– А почему же тогда они стреляли? – поинтересовался кто-то из штабных офицеров.

– Потому же, – Левченко ответил почти ласково, – почему и наши зенитчики стреляют по мудакам, перепутавшим стороны фронта. В этом ничего особенного нет.

– И что же, они подбирают людей?

Адмирал смотрел на переводчика, приспустив веки, не желая подталкивать его к тем словам, которые он хотел услышать.

– Да... Я ясно слышал: «shorten a butcher's bill», дословно – «уменьшить счет от мясника». Явно имеется в виду, что пытаются спасти еще хоть кого-то.

Капитан-лейтенант, моргая, смотрел на Левченко, который, наморщившись, что-то напряженно обдумывал.

– Иван Ефимыч, – обратился он к кавторангу, стоящему чуть позади. – Вы просчитали, успеют до темноты еще раз

вдарить «Сухие»?

– Ударить успеют, Гордей Иванович, а садиться уже в темноте придется. Могут побиться.

– А то, что мы им навстречу идем, учли? И если «Чапаев» с «Кронштадтом» полный ход дадут, тогда что?

Капитан второго ранга, начштаба эскадры, покачал головой.

– Все равно, Гордей Иванович. Не успеют. Через два с небольшим часа темнеть начнет. Три четверти часа им всем сесть, полчаса заправиться и бомбы подвесить, еще сорок минут лететь, даже если без всяких шуток с курсами. Даже если транспорта все это время с места не сдвинутся, все равно времени не хватит.

– Подвесить к «корам» бомбы?

– Слону дробина. Наоборот, это из них дурь выбьет – поймут, что пора сваливать, и ищи их потом.

– Так... – Левченко забарабанил носком ботинка по палубе. – Так-так-так... Сколько у них может уйти времени, чтобы разобраться, что это были не свои?

– Сколько угодно. Но там и американцы рядом, и канадцы, и британцы. Пока всех обзвонят, пока все у себя проверят, будут орать друг на друга... Может занять время...

– «Меридиан» помнишь?

– А как же...

– И остальных?

– «Туман» и «Пассат»¹⁰⁴. Засекли-то вовремя, но пока почесались, пока передали, пока переспрашивали...

– Вот именно.

Левченко и кавторанг уставились друг на друга.

– Пять часов хода, – осторожно сказал штабист. – Можем успеть.

Цель была слишком жирной, чтобы ее отпускать. Новый «Либерти» стоил копейки, каких-то шестьсот десять тысяч долларов – всего лишь полтора самолета того типа, что разведчик с «Чапаева» отпустил утром. Но их было четыре, и они шли на восток, то есть были нагружены. И радиолокаторов на них быть не могло, поэтому в темноте они станут слепыми.

– Попробуем? – сказал адмирал самому себе, и сам с собой согласился: – Да, попробуем. Ничего не теряем, кроме топлива, которое пока есть. Передать по эскадре: «Держать ход двадцать четыре узла».

Он обвел находящихся в рубке людей долгим взглядом.

– Пощупаем их за вымя, как вы считаете?

– Давно пора пощупать.

– Пощупаем, никуда не денутся...

Переводчик, о котором все уже забыли, отступив в тень, смотрел на моряков со стороны. В голову ему пришло слово,

¹⁰⁴ «Меридиан», «Туман» и «Пассат» – советское гидрографическое судно и сторожевые корабли, потопленные германскими эскадренными миноносцами в Заполярье.

наиболее точно соответствующее атмосфере момента. Английское слово «confidence». Еще подумаешь, прежде чем удастся найти ему подходящий перевод. «Самоуверенность» не подходит, смысл совершенно противоположный. «Уверенность в себе» – вот более точный аналог. Мало есть языков, более четких в определениях, чем английский, и мало есть менее четких, дающих такое разнообразие вариантов перевода. «Gazetted» – скажет англичанин, и надо потратить минуту, чтобы объяснить, что одним этим словом обозначается человек, фамилия которого была пропечатана в «Лондонской газете» по случаю награждения его Крестом Виктории. А услышишь – «guts», и гадай себе, имеются в виду настоящие кишки, способность «быть достаточно храбрым для чего-то», или твой собеседник австралиец и тогда это значит просто «информация». Надо еще языки учить, тогда жить станет легче.

Самое интересное, что они успели. Сто двадцать морских миль корабли эскадры покрыли за пять часов, добравшись до усеянного обломками и покрытого еще горящими нефтяными пятнами куска океана. В той точке, где транспорты находились во время атаки и откуда они послали радиogramмы о случившемся, стремясь, видимо, остановить свое внезапно сошедшее с ума командование, радиолокаторы советских кораблей ничего пока не видели – значит, транспорта ушли отсюда по крайней мере два часа назад. Вопрос – куда?

Стремясь быстрее пообщаться с новыми знакомыми, Лев-

ченко построил эскадру фронтом, увеличив интервалы, и развернул ее к юго-юго-западу. Можно было предположить, что прямо на запад морячки идти не рискнут, а с севера они пришли сами. Оставались южные и восточные румбы, но с точки зрения здравого смысла делать там беззащитным и тихоходным кораблям было совершенно нечего. Наоборот, если в канадских, английских и американских штабах разобрались, что это были не «доунтлессы» и не «барракуды», а кто-то другой, то всем судам надо было спешно стягиваться в направлении родных берегов, пока «большие хорошие парни» не выяснят точно, что же это все-таки было.

Расчет оказался верным, и через сорок минут такого же хода на радаре «Советского Союза» показался первый «блип» от чего-то надводного, а за ним и второй. Супостаты, процесс троганья которых за вымя приближался с каждой минутой, решили разделиться, но шли в более-менее одинаковом направлении и только облегчали задачу. Еще не было двадцати трех часов, когда линкор уперся прожекторами в надстройки первого из транспортов. Тот в ответ зажег свой навигационный прожектор, но с 90-сантиметровыми боевыми прожекторами, почти в полмиллиарда свечей каждый, лучи которых свели в один сияющий, лежащий горизонтально над водой световой столб, он соревноваться не мог. Внимательно разглядев «Либерти» и убедившись, что никаких сюрпризов не имеется, линкор погасил прожектора и начал сигналить. Транспорт тоже активно заработал фонарем, мигая частыми

прерывистыми вспышками.

– Что говорит?

Знавший английский офицер, читающий передачу, громко заржал.

– Говорит – назовите себя.

Левченко тоже засмеялся.

– Шустрый какой... Передайте ему: «Линейный корабль Японского Императорского флота... „Йоса“¹⁰⁵. Застопорить машины, не пользоваться судовой радиостанцией, спустить шлюпку с капитаном и судовыми документами. Команде разрешается покинуть судно в течение пяти минут».

– Здорово!

– А что это за «Йоса», разве есть такой?

– Уж и похулиганить не даете... Мне интересно, что Иван Степанович придумает?

– Назовется французом-вишистом. Или аргентинцем. С него станется.

– Здесь знает кто-нибудь японский?

– Э-э-э... В кормовой башне, кажется, якут есть...

– Да?

– Можно спросить, даже если не знает, показать его с трапа, пусть по-якутски что-нибудь скажет.

– Да ладно, все это ерунда... Пять минут прошло уже?

– Нет еще.

– И шлюпок не видно. Противоминной артиллерии пра-

¹⁰⁵ Хорошее качество (яп.).

вого борта – приготовиться открыть огонь. Стрелять по ватерлинии. Заряд пониженно-боевой пойдет?

– Согласен.

Старший артиллерист бросил несколько фраз в трубку телефона, снова повернулся в ожидании.

– По три снаряда на ствол вам хватит, Егор Алексеевич?

– Хватит. Но лучше бы они сами топились. Согревательный заряд, три выстрела на орудие, потом стволы чистить. И шум на пол-Атлантики.

– Бойтесь селедку распугать?

– Селедку, не селедку, а двоих еще не нашли, между прочим. Звук над морем далеко разносится...

– Гм. В принципе, тоже верно. Вот ведь жизнь повернула, ни у кого из нас нет опыта транспорта топить... Хорошо, передайте: «Приказываем затопить судно немедленно. В случае неподчинения открываем огонь». Передавайте.

Через полминуты мичман-сигнальщик сообщил, что квитанция получена. Тоже недодумали – строчащий фонарем как из пулемета мичман был в английском не слишком быстр, хотя поплавал по Европе, а приданный переводчик, хоть и говорил на нем как на родном, но шараялся от тумбы сигнального прожектора как черт от ладана.

Вражина подчинился, шлюпку с капитаном спустили на таях с видимого борта, остальная команда, скорее всего, сейчас отгребала от противоположного. Радио пароход не тронул, молодцы, жить хотят. И утопили свой «Либерти» как

миленькие – с крыла мостика линкора это засняли кинокамерой до самой последней секунды, вплоть до момента, когда под воду ушли огромные грузовые стрелы транспорта.

«Кронштадт» до такого, видимо, не додумался, потому что из темноты несколько раз глухо ударило, двигая в воздухе висящую невесомо сырость. В течение двух часов нашли и остановили два остальных парохода, наводясь в непроницаемой северной темноте по радиолокатору, как летучая мышь в пещере. Очень спокойно и деловито, без излишнего возбуждения, прикончив англичан, как правильно определил очкарик-переводчик, Левченко собрал свои раскиданные на тридцати милях корабли и, снова сбросив ход до экономического, увел эскадру на восток – подальше от места, где они поохотились.

Капитаны потопленных судов стали единственными пленными, двое достались Иванову, двое – Москаленко. Высаживать их на шлюпку после допроса не стоило, поскольку уже на борту советских кораблей им представились по всей форме. В принципе, задачей эскадры было не утопить, шуруя на коммуникациях, какой-то огромный объем тоннажа, а именно создать панику, пресечь или сократить до минимума сообщение между континентами. А для внушения растерянности и паники не было ничего лучше, как создать впечатление непонятной опасности. Больше тумана, больше странного, ненормального – и эффект окажется более сильным, чем если бы эскадра просто подошла к берегам Америки и

демонстративно рядом с ними кого-нибудь потопила. Опять же, когда владивостокские крейсера ходили вокруг Японии, самым важным их достижением был не потопленный тоннаж, не редкие удачные перехваты с последующим отрывом от противника, а именно окружающий их ореол потусторонности, не пересекающийся с нормальными цифрами скоростей и курсов крейсеров Камимурь.

Водоизмещение транспорта типа С1, «Либерти» в варианте сухогруза было вполне умеренным – четырнадцать тысяч сто тонн. Четыре раза по столько – и цифра уже становится достаточно значительной, чтобы окупить потраченное топливо, и время, и принесенный в жертву риск. На «Чапаев» записали два британских эсминца, принадлежащих Королевскому Канадскому флоту: «Ку-Апелл» и «Сент-Лаурент», старые корабли ранних межвоенных классов, составляющие 11-ю эскортную группу. Интересной новостью было то, что третий эсминец группы, способный значительно усложнить так благополучно разрешившуюся ситуацию, тоже канадский «Скина», разбился буквально три недели назад на камнях исландского побережья. Похоже, начиналась полоса везения – суеверие, как жизненный факт, воспринимаемый почти всеми воевавшими.

Неизвестно, сколько времени полтора сотням моряков с потопленных судов придется провести в шлюпках в сотнях миль от ближайшего берега и найдут ли их вообще, но большой крик в Адмиралтействах бывших союзников дол-

жен был подняться уже вот-вот. Со стороны это смотрелось, наверное, кошмарно: вспышка передач в эфире, букет радиодиаграмм в стиле: «Вы что, обалдели, идиоты! Мы свои!» Два эсминца тонут, на берегу пытаются разобраться, кто же из своих допустил такую дурость, а потом четыре транспорта просто исчезают бесследно. Ни один из капитанов не нашел в себе желания героически погибнуть в попытках сообщить, что они встретились с рейдером. Кстати, все четверо вполне могли предположить, что это был один и тот же рейдер.

Все три штаба морских операций: американский, канадский и Соединенного Королевства, надо отдать им должное, среагировали достаточно быстро – несмотря на уже наступившую ночь и привычный антагонизм, всегда служивший фоном в отношениях флотов, конкурирующих не меньше, чем сотрудничающих. Тем не менее недостаток сведений не позволил сделать выводы, имеющие отношение к действительному положению дел. Наиболее вероятным считалось, что эсминцы подверглись внезапной атаке самолетов, запущенных с подводных лодок. Это вовсе не было невероятным – японцы, например, такие лодки имели точно, размытые слухи о чем-то подобном у немцев тоже ходили не один год. В конце концов, немцы вполне могли построить новый тип субмарин и вывести несколько штук в океан, а эти лодки вполне могли оказаться среди тех, которые пока не вернулись в свои базы, продолжая бессмысленную «сепаратную» войну.

Можно было прижать к стенке германских адмиралов, чтобы они дали ответ, так это или не так, – но на это требовалось время, в Европе была уже глубокая ночь. Главной проблемой, решить которую надлежало обоим Адмиралтействам, был вопрос безопасности войсковых транспортов, немалое число которых находилось в море на пути в Европу и обратно, перевозя подкрепления воюющей американской армии и вывозя раненых. Быстроходные лайнеры, превосходящие в скорости любую подводную лодку, совершали свои переходы в одиночку, эскортируемые только в первые часы после выхода из порта и последние – уже перед самым прибытием в пункт назначения. Другие, пересекая Атлантику в составе хорошо охраняемых конвоев, полагались на пушки крейсеров и эсминцев и противолодочные патрули самолетов с эскортных авианосцев. Эти были в данной ситуации малоуязвимы, но появление нового фактора – вражеской авиации в океане, пусть даже в мизерных количествах, – представляло очень большую опасность для одиночек.

Трагедия «Роны», почти неизвестная за пределами очень узкого круга высших флотских чинов, произвела в свое время глубокое впечатление, хотя и не изменила принципы обеспечения переброски живой силы морем. Его Величества транспорт «Рона» в конце ноября сорок третьего года вблизи Североафриканского побережья Средиземного моря был атакован самолетом, всадившим в него «Ferngelenkte Gleitbombe», то бишь управляемую планирующую бомбу

дальнего действия. Были убиты или утонули свыше тысячи американских военнослужащих и 120 англичан – что было равноценно поражению в крупном морском или наземном сражении.

Такое случилось пока только раз¹⁰⁶, но службы, ответственные за обеспечение безопасности переходов, были взвинчены до предела. В данный момент в Атлантике находились сразу несколько войсковых транспортов, что было обусловлено военной ситуацией на европейском фронте. На полпути к Саутгемптону находились части 8-й бронетанковой дивизии, и только-только по тому же маршруту из Бруклина, Нью-Йорк, был отправлен транспорт «Джордж Вашингтон» с 262-м пехотным полком, а также еще два транспорта с остальными частями 66-й дивизии – 263-м и 264-м полками. Конвой возвращать не стали, поскольку он вполне мог отбиться даже от крупной «волчьей стаи», если бы такая откуда-то взялась. Лучше было не связываться с Эйзенхауэром, требующим насколько возможно ускорить переброску войск. И все-таки это скорее были японцы, чем немцы, – тем столько подводных лодок уже и не набрать.

¹⁰⁶ Второй войсковой транспорт был бельгийский «Леопольдвилль», перевозивший через Ла-Манш части американской 66-й пехотой дивизии, он был потоплен германской подводной лодкой в Рождественскую ночь 1944 года, при этом погибло около 980 человек. Потопленные советскими подводными лодками германские «Вильгельм Густлофф», «Генерал фон Штойбем» и «Гойя» нельзя считать «чистыми» войсковыми транспортами, поскольку кроме военных частей они одновременно перевозили большое количество раненых и беженцев.

Транспорт «Маунт-Вернон» успел прибыть в Марсель тринадцатого, тоже в составе конвоя, разгрузив части 42-й пехотной дивизии, поэтому основное внимание было обращено на двух находящихся в море одиночек – реквизируемый в свое время британским Адмиралтейством голландский «Ниеу-Амстердам» и американский войсковой транспорт «Уэйкфилд», индекс AP-21, которые в один и тот же день вышли из Бостона курсом на Ливерпуль. В отличие от большинства конвоев, маршруты быстроходных одиночек были проложены по менее нахоженным тропам, они пролегли значительно южнее, и бывшие лайнеры пересекали значительную часть Атлантики практически по горизонтали, затем круто поднимаясь почти к Исландии, чтобы снова спуститься к шотландскому побережью. В данном случае это поставило пару лайнеров в опасную близость к месту непонятого происшествия. Поэтому, неспособные соперничать в скорости с огромными кунардовскими «королевами», «Ниеу-Амстердам» и «Уэйкфилд» получили приказ возвращаться. 80 000-тонные «Куин Элизабет» и «Куин Мэри», пересекающие Атлантику с почти тридцатиузловой скоростью, могли пересечь океан по прямой за считанные дни, доставляя за раз по полнокровной дивизии. Для меньших по размеру и менее быстроходных «Аквитании», «Иль де Франс», «Уэйкфилда» и «Ниеу-Амстердама» (черт, язык сломаешь с этим голландским) рейс туда и обратно занимал обычно дней восемнадцать. «Аквитания» успела вернуться в Нью-

Йорк, проскочив, видимо, под самым носом таинственных субмарин, остальных нужно было возвращать.

Американскому командованию, как флотскому, так и морскому, и в страшном сне не могло привидеться, что предпринятое Левченко маневрирование благодаря нелепому совпадению вывело эскадру на встречный курс с одним из этих гигантов. Крупная засветка, появившаяся на пределе разрешающей способности радара «Советского Союза», была сначала воспринята как фата-моргана, свободное блуждание электронов в цепях прибора. Но дистанция сокращалась, а засветка исчезать не спешила, устойчиво сползая по экрану, напоминая своему своей абстрактностью картину сумасшедшего буржуазного художника. Решились доложить командиру. Тот, подумав, запросил спецсвязью «Кронштадт», который, недолго помолчав, подтвердил, что тоже наблюдает одиночную засветку уже несколько минут. Только тогда решились разбудить адмирала. Был четвертый час ночи, когда Гордей Левченко, одновременно с несколькими штабистами, поднялся в носовую боевую рубку.

– Чем порадуете старого больного человека? – адмирал, командовавший Краснознаменным Балтийским флотом еще до войны, любил шутить по поводу своего возраста. Выглядел он лет на пятнадцать моложе положенного по документам, бывают же такие люди.

– Товарищ вице-адмирал, – Иванов пожал протянутую руку, – минут пятнадцать, как и мы, и «Кронштадт» наблю-

даем радиолокаторами одиночную крупноразмерную цель, медленно сдвигающуюся левее нашего курса. Идет он, судя по всему, почти прямо на нас.

– Дистанция, скорость?

– Почти невозможно сказать точно, пока далеко слишком.

Я попробовал разойтись с Иваном Степанычем, чтобы попытаться его триангулировать, но погрешность может быть достаточно большой. Миль тридцать по штурманским расчетам. Через некоторое время попробуем просчитать скорость по изменению курсового угла, если получится. Но, судя по всему, не маленькая.

– Так... Значит, что-то большое и одинокое движется на нас контркурсом... Ну и что это может быть?

Иванов пожал плечами: «Что бы это ни было, лучше бы нам быть настороже».

– Айсберг? Линкор на испытаниях? Флотский авианосец в одиночном плавании? Круизный лайнер с певичками и канканом? Алексей Игнатьевич, могут, по-вашему, локаторы пока просто не видеть его охранение?

– Нет, я в этом достаточно уверен. Шесть часов назад они «Либерти» почти с двадцати миль читали.

– А эсминцы?

– Эсминцы читает с меньшего, но все же... Если он в тридцати милях и в нашу сторону идет, то четверть часа можно подождать без особого риска.

Четверть часа еще не прошла, когда в рубках советских

кораблей командирам почти одновременно были поданы трубки телефонов, соединивших их с радистами. Перемещающийся в пространстве электронный артефакт, явно был реальным и даже обитаемым, поскольку он использовал радио на передачу, выдавая довольно мощной станцией кодированные группы знаков. «Градусами» – бортовыми радиопеленгаторами – передача была однозначно ассоциирована именно с ним.

– Черт, быстро ответить абракадаброй, повторив его первую строчку! – командир линейного крейсера, способный на необычные реакции, повернулся к офицеру связи.

– Иван Степанович... Нехорошо без санкции адмирала...

– Не успеем же!

Офицер связи, неприметный, с плохо запоминающимся лицом старлей, усмехнулся, глядя на возбуждение командира. Второй помощник сумел поймать в полумраке эту усмешку и с негодованием повернулся к стоящему с бумагами в руках офицеру, уже совершенно спокойному.

– Нельзя, Иван Степанович. Адмирал сам догадается и передаст, если считает нужным. В машину о полном ходе?

– Верно. Сколько готовность?

– Как положено. После вчерашнего пунктира котлы еще теплые.

Оба артиллерийских корабля разошлись шире и с двадцати миль в конце концов сумели определить скорость «большого неизвестного» и отследить резкое изменение его курса.

– Двадцать два узла, – сказал в недоумении старший штурман линейного корабля, оборачиваясь к склонившемуся через его плечо командиру, проглядывающему его расчеты.

– Очень интересно... Что бы такое крупное могло идти на двадцати двух узлах?

– Линкор... Современных серий, «Алабама», скажем.

– И что ему здесь делать. Эсминцев ведь нет?

– Рядом нет, может, оторвались?

– Линкор. Гм... И что, скорость не увеличивает?

Штурман посмотрел на свои записи, покачал головой отрицательно.

– Нет, все постоянная, с тех пор как начали считать.

– А вот это еще страннее... Ладно, если у него двадцать два – двадцать три узла полная скорость или даже максимальная... Но какого черта кто-то будет идти на такой скорости посреди океана?

– Ну, если американцы спешно перебрасывают корабль... Такое тоже может быть... Или испытания, скажем, на двенадцатичасовой полный ход.

– В таком месте? Чушь! И без эскорта – тоже чушь! Дать двадцать четыре, попробуем к нему поближе подойти. Как, Алексей Игнатьевич, с какой дистанции его можно в ночной визир рассмотреть?

– В такую погоду да в такой час... Кабельтовых сорок, пожалуй... И то, если он такой большой, каким кажется.

– Кажется... Посмотрим. Но я не думаю, что это линкор. Он нас увидел, но мы его уже читали достаточно долго к этому времени, значит, радиолокатор на нем не Бог весть что... Хм. И без эскорта. Быстроходный транспорт?

– С радаром?

– Потому и с радаром, что быстроходный и ходит в одиночку. Вот как выдаст сейчас двадцать девять с половиной, так и станет нам всем ясно, кто это нам встретился. Сделаем ручкой и пойдем своей дорогой.

– «Квин»?

– Нет, конечно. Такого не бывает. Но я, пожалуй, рискну. Даже если это линкор, можно его на вкус попробовать, а если не понравится – оторваться еще ночью. Если авианосец – тем более ночью надо разбираться. Сколько ход?

– Сколько ход? – повторил командир корабля.

– Двадцать два пока.

– Очень славно. Доводим до двадцати четырех и смотрим, ускорится он или нет. Если да, то доводим до полного, разомнем кости, нам все равно в ту сторону. А если нет... Подойдем и поздороваемся.

Время тянулось, как привязанное за хвост. Для каждого это был первый в жизни морской бой с надводной, в полном смысле этого слова, целью. Уже никто не сомневался, что им удалось ухватить какую-то удачу, но в ситуации было слишком много непонятого. Неизвестный корабль разразился серией энергичных радиogramм, все кодированные,

обращенных понятно к кому. «Советский Союз» и «Кронштадт» шли на обеих его раковинах, с «Чапаевым» чуть позади, но два узла преимущества в скорости, ради которых конструкторы могли пожертвовать и жертвовали многим другим, большой разницы не создавали – они нагоняли противника в час по чайной ложке, медленно выбирая кабельтовы из разделяющей их темноты. Таким ходом советская эскадра догнала бы неизвестного только часов через десять, когда могут появиться гораздо более актуальные проблемы. После двадцати минут такой странной погони Левченко наконец разрешил невозмутимому командиру линкора дать двадцать семь.

Его тоже начинал захватывать азарт. Если от тебя кто-то убегает, то всегда появляется стремление его догнать, это в природе всех хищных тварей. Страх жертвы, бывает, провоцирует и достаточно осторожного хищника. Впрочем, в голове адмирал держал припомнившийся ему эпизод из Первой мировой, когда пара черноморских эсминцев навела на «Императрицу Екатерину» соблазнившийся легкой добычей «Гебен» – до сих пор, кстати говоря, плавающий. Эх, если бы в свое время не перетопили Черноморский флот, свой флот, выстроенный на народные копейки, может, все бы иначе повернулось... Говорят, и Балтийский пытались, только у Троцкого повода не нашлось.

Через три часа погони, уведшей сцепленные невидимыми трассами отражающихся от металла электрических волн

корабли на восемьдесят миль к осту, с мостиков линейного крейсера, вырвавшегося еще кабельтовых на тридцать вперед, что-то начали различать. Мощные линзы ночного визира, синхронно связанные с многочисленной оптикой дальномеров, начали проецировать на чуть-чуть более серый восточный горизонт буквально по миллиметру выползающую из него тень.

– Прожекторами? – вопросительно повел бровями огневрежц местного значения.

– Нет... Не стоит, – Москаленко покачал головой. Его не оставляло чувство, будто что-то здесь не то.

– Широ-окий... Дли-инный...

Пост ночного визира находился прямо перед боевой рубкой, и при желании, приподнявшись на цыпочки, можно было разглядеть согнувшуюся над окулярами мокрую спину наблюдателя. Два часа назад Чурило выбрал его из сигнальщиков, как имеющего самый темный оттенок карего цвета глаз, и заставил все это время просидеть с открытыми глазами в затемненной каюте неподалеку. По популярному поверью, чем темнее глаза у человека, тем лучше он видит в темноте. Никто не знал, правда это или нет, – но здесь был не тот случай, чтобы устраивать эксперименты. Еще помогали, говорят, кислое, сладкое и красный цвет. Красный цвет на корабле был, в фотолаборатории, но от нее до визира нужно было добираться минут, по крайней мере, десять, что лишало идею смысла.

– О-очень длинный... На корме что-то круглое... Мачта громадная, но не башня...

Темнота впереди вдруг сменилась часто захлопавшими вспышками. Сбоку ахнули, у Москаленко самого в груди екнуло так, что чуть не пробило грудину изнутри. «*Vasa incognita*»¹⁰⁷, видимо, понял, что терять ему нечего, и шарахнул из всего, что имелось на борту.

– Лево сорок!

Командир крейсера, первым понявший, что сейчас будет, закрыл ладонями лицо, одновременно плотно зажмурившись и отвернувшись. Далеко между «Кронштадтом» и стрелявшим с треском лопнули шары осветительных снарядов и достаточно быстро погасли, снова замененные темнотой, теперь гораздо более непроницаемой. Большие недостатки, странно. Разомкнув веки, он увидел вокруг себя пытающихся проморгаться, трущих глаза руками людей – зажмуриться успели вовсе не все. Корабль тяжело разворачивался влево, даже на таком ходу и в относительно спокойном море его маневренность могла бы быть и лучше. Впрочем, с «Советским Союзом» дело обстояло вовсе худо, так что надо было радоваться за то, что есть.

Они «открывали углы "А"», как говорят англичане, то есть приводили цель в зону действия всей главной артиллерии. Предупредительно подняв руку, Москаленко остановил готового задать вопрос артиллериста, повернулся к связисту.

¹⁰⁷ Неизвестное судно (лат.)

– Теплосвязью достанем до начальства?

– Так точно, товарищ командир, пока достанем.

– Передать: «Крупный пассажирский лайнер. Затемнен.

Вооружен. Прошу указаний». Как там на визире, что скажут?

От рубки до визира можно было, в принципе, докричаться через стекло – но проще было воспользоваться телефоном. Тысячи километров обрезанных проводов не зря тянули через посты и отсеки, связь на «Кронштадте» была налажена отлично.

– Две трубы, чуть наклоненные, две мачты. Две стрелы или что-то подобное почти рядом друг с другом на юте.

– «Амстердам»?

– Такого быть не может. Но похож.

– Передача с «Союза». Огонь не открывать.

– Очень похож на «Амстердам», очень. Как там, «если что-то похоже на утку, двигается как утка и крякает как утка, так значит это утка и есть». Так?

– Так. Но тогда нам нужно что-то быстро разбить. Или сломать. Или выкинуть за борт. Меня очень нервирует такое везение. В природе такого не бывает.

– Да-а-а... Меня, признаться, тоже. Кто как думает, он порожний идет или груженный?

– Шел на запад, значит порожний.

– Тогда еще ничего. Я имею в виду, тогда попроще цель получается, не такой торт со свечками.

– Чем он по нам стрелял, этот торт?

– Семьдесят шесть мэ-мэ, я полагаю. Пять миль – и недо-летом...

– Сигналит...

– А?

– Сигналит, говорю. Как в прошлый раз. Как будто год назад это было.

– Что сигналит?

– Как обычно. «Назовите себя». Далось им это...

– У этого, во всяком случае, капитан не мандражирует. Рацией пользоваться не стесняется. Сколько, интересно, боеприпасов пойдет, чтобы такое великолепие утопить?

– До хрена.

– А топить сам себя он не будет. А если будет, то займет это часов шесть.

– А к этому времени здесь будет не протолкнуться, согласен. Что там «Союз»?

– Подходит. Прожектора включил. Нет, выключил.

Линкор, видимо, просто привлек к себе внимание, разразившись длинной серией вспышек сигнального прожектора. В ответ снова тонко хлопнуло несколько пушек, разрывов даже не было видно.

– Пора кончать эту комедию...

Все закивали, ситуация действительно затягивалась.

– Мать моя женщина... Мужики... – прильнувший к оптике офицер, не разгибаясь, поводит плечами влево-вправо. – Клянусь мамой, там черно от народа.

– Дай!

Москаленко отодвинул кавторанга от стекол, сам припал прищуренным глазом к командирскому визиру, синхронизованному с ночным. Да, действительно, в свете снова включенного Ивановым освещения копошение на огромных палубах лайнера было ясно различимым. «Гос-споди. Сколько же там тысяч человек? – подумал он – Дивизия, полдивизии?»

– Почему же он тогда на запад шел?

Каперанг удивленно посмотрел на спросившего. Похоже, последнюю фразу он произнес вслух. Сбоку шарахнуло, все повернулись вправо и успели увидеть угасающий в темноте сноп огня.

– Соблазнившись удачной наводкой... – понимающе кивнул ком-БЧ-2. – Давно пора.

Линкор дал одиночный выстрел под нос лайнеру, и тот сразу же начал сбавлять ход. «Кронштадт» включил и свои прожектора, добавив света на сцене. Да, здорово похоже на «Амстердам». И на палубах полно народа, суетятся у многочисленных шлюпок.

– Не представляю, что сейчас будет. Что делать, главное, непонятно... Как мне повезло, что Гордей Иваныч решать будет... Вот пусть и решает... Сколько же здесь тысяч...

– Я думал, мы все от радости сбесимся. Никто и не мечтал ведь...

– Топить надо. Топить в темпе и сматываться. Через три

часа здесь каждая собака с округи соберется.

– Может, госпитальное судно? Потому и шло из Европы, с ранеными.

– Цвет. Маркировка. Освещение ночью. Пушки какие-никакие. Куда там к черту госпитальное!

– На наших тоже красных крестов нет...

– Потому нет, что немцы в них целили, не стесняясь! А тут на хрен, джентльменство, война с реверансами! Передать на линкор: «Прошу разрешения открыть огонь». Точка. Все.

«Советский Союз» вместо ответа открыл беглый огонь противоминным и универсальным калибрами. Сигнальный прожектор на фоне огня и дыма не читался, теплограмма тоже не проходила, по понятным причинам, но кто-то на линкоре догадался и через минуту передал маломощной внутриэскадренной радиостанцией запрещение – справятся, дескать, сами. Борт лайнера, похожего издали на светящийся серебром в отраженном прожекторном свете спичечный коробок, вспыхивал и рассыпался искрами, иногда закрываясь топкими водяными столбами близких недолетов. Шестидюймовки линкора выдавали сорок пять снарядов в минуту на борт.

– Убийство... – шепнул сзади молодой голос. – Ну это же убийство, ну так же нельзя, ну пусть же шлюпки спустят, а? Командир обернулся в ярости, перекошенный.

– Убийство? – голос Ивана Москаленко был похож на шипение. – Ты говоришь «убийство», недоделок? Когда в

Таллинском переходе «Верошпо» пикировщики расстреляли, по красным крестам целясь, – это было убийство. Когда финские гидро на воду садились и плавающих людей из пулеметов расстреливали на выбор – это тоже было убийство. Когда наши десанты полосовали на пляжах Крыма, в прибое – это убийство. Где ты был, щенок? Мы санитары моря, на хрен! Не нравится – прыгай за борт. И радуйся, что не нам приказ дали, а сами топят. Убийство было бы по шлюпкам стрелять. И пришлось бы. И, может, придется еще...

– Я вот что напомним всем присутствующим... – Чурило, полностью сохранивший самообладание, был угрюм, хотя и не более, чем обычно. – Бой в море Бисмарка¹⁰⁸. Читали материалы?

– Так точно... – голос у виновника ярости командира был совсем тих.

– Доложите.

Старший лейтенант с нечастой среди младших офицеров ленточкой ордена Нахимова на груди нерешительно повернулся к командиру.

– Глухой? – мрачно поинтересовался тот.

¹⁰⁸ Почти безнаказанное избиение японского войскового конвоя союзной авиацией 3-4 марта 1943 г. закончилось потоплением восьми поисковых транспортов и четырех эсминцев. Помимо экипажей, погибло 3220 пехотинцев, многие из которых были расстреляны уже в воде пулеметами американских и австралийских самолетов. В западной литературе это ныне расценивается как совершенно логичное и правильное решение. Аналогичные эпизоды со стороны японских, немецких и советских моряков и летчиков гневно осуждаются.

– Третьего-четвертого марта сорок третьего... – голос молодого офицера был нетверд, он все время косился в сторону рубочной щели, где вспыхивало и дрожало яркое белое зарево. – В море Бисмарка, японский войсковой конвой из восьми транспортов с сильным эскортом. Атакован в течение двух дней дважды, с высотным и топмачтовым бомбометанием, «бофортами», А-20, В-17, В-25. Воздушное прикрытие было связано боем... Американцы заявили о потоплении всех восьми транспортов и четырех или пяти эсминцев...

– Молодец. А что было потом?

Старший лейтенант молчал.

– Не помнишь? Так я напомним. Потом спасающихся на шлюпках расстреливали из крупнокалиберных пулеметов. И знаешь почему?

Тот стоял неподвижно, бледный, даже головой не покачал.

– Земля была рядом, острова, – просто сказал Чурило. – Многие могли бы спастись, добраться до Лаэ. Зачем это им было надо? Производственная необходимость, так сказать... Ну что, закончили они там?

Артиллеристы «Советского Союза» уже закончили. Полтораosta осколочно-фугасных снарядов, выпущенные с расстояния в четыре с половиной мили, ушли в корпус и ватерлинию лайнера, освещенного, как стройплощадка Дома Советов в ночную смену. Прошло три с небольшим минуты, но судно уже пылало от носа до кормы, а затем начало уходить носом под воду, встав почти вертикально. Было удивитель-

но, что громадный лайнер, даже с такого расстояния поражающий размерами, сдался так легко. С палуб в воду срывались шлюпки и детали конструкций, калеча людей. Хотя кто еще мог остаться на такой палубе... Шесть килограммов и двести пятнадцать граммов взрывчатки в каждом снаряде. И снарядный корпус из хрупкой стали...

Советские моряки, так и не подошедшие к пылающему, медленно погружающемуся в воду судну, не могли знать, как им несказанно повезло. Нет, загруженный войсковой транспорт сам по себе был невероятным, в природе не встречающимся везением, стоящим столько, сколько не помещалось в сознании: десятков Золотых Звезд, десятков танковых батальонов, нескольких не переброшенных пехотных дивизий – в том числе и тех, что не будут переброшены из-за произошедшего. Но это был все же не «Ниеу-Амстердам II». Бывший голландский трансатлантик, находившийся буквально в полутора сотнях миль, вовремя шарахнулся в сторону, ужаснувшись радиограмме своего собрата. На пойманном, как теперь уже стало понятно, русскими транспорте «Уэйкфилд» находились лишь войсковые части – личный состав 81-го саперного батальона, личный состав дивизионной артиллерии – четыре полных батальона со штабом и службами, с 589-го по 592-й, многочисленные мелкие части спецназначения, натренированные на американской земле, включая всю дивизионную разведку, «черный» батальон квартирмейстеров. Восемь с лишним тысяч человек, почти все из 106-й

пехотной дивизии – «Золотые львы», носящие погоны молодые и крепкие мужчины. На растворившемся в пространстве «Амстердаме», выжимающем теперь из своих машин все возможное, были медики. Шестьдесят четвертый полевой госпиталь, отдельные медчасти, тысячи армейских врачей и медсестер – самый ценный персонал из всех возможных на войне служб. Пехотинца можно натаскать за три месяца, а можно и за три недели, если совсем уж подопрет. Хорошего командира взвода удастся подготовить за полгода, даже летчика – за год-полтора. В то же время врача нужно готовить восемь лет только до выпуска, когда он начнет хоть что-то соображать.

И все это чуть было не ушло на дно, в холодную толщу воды, беспомощно и без надежды. «Амстердам», попадись он русским, тоже не ускользнул бы – построенный в тридцать восьмом корабль давал лишь двадцать с половиной узлов, и пушек на нем было достаточно только для того, чтобы отогнать вздумавшую состязаться с ним в скорости всплывшую субмарину, не больше. И не подняли бы на нем флаг Красного Креста – из-за тех же пушек, да и из-за батальона связистов, плившего на войну вместе с девчонками-медсестрами и зелеными резидентами¹⁰⁹ Хопкинса, Ю-Пенна, Йеля, десятка других школ, выбравших службу в полыхающей Европе. Так что повезло. Не замолили бы...

«Уэйкфилд» был невезучим кораблем с начала и до само-

¹⁰⁹ Клинический ординатор в американских больницах

го конца. Все-таки что-то есть в судьбе кораблей, predetermined с самого начала, как и в человеческой судьбе. Повоевавший пехотинец, танкист, летчик часто, посмотрев на соседа, может подумать про себя «А ведь его завтра убьют», и оказаться прав. Кто знает, почему так выходит – может, и вправду что-то общее объединяет все сущее на земле...

Первый раз океанский лайнер, тогда еще «Манхэттен», действительно очень похожий на построенного шестью годами позже голландца, отличился в феврале сорок первого, сев на мель у Вест-Палм-Бич, штат Флорида. Потом, уже переименованный в «Уэйкфилд», он получил японскую бомбу на разгрузке в Кеппель-Харборе тридцатого января сорок второго, а в сентябре того же года выгорел почти дотла на переходе через Атлантику с войсками – от случайного пожара, самой страшной опасности для лайнеров. Хорошо, хоть эскорт сумел снять всех и довести обугленный, дымящийся остов до канадского Галифакса, где он чуть было не перевернулся в жуткий, по местным меркам, шторм с дождем, свободно заполнявшим водой его корпус через прогарные дыры в палубах. Полностью отстроенный заново к сорок четвертому году на бостонских заводах, «Уэйкфилд» мотался в одиночку по одному и тому же маршруту, получив уже прозвище «Паром Бостон-Ливерпуль». Он был крупнейшим судном, находящимся в составе Береговой охраны США, и последним его командиром стал кэптэн Рэней, USCG¹¹⁰, погибший

¹¹⁰ United States Coast Guard, Береговая охрана США, официально независи-

вместе со всеми остальными, когда невезучий лайнер наконец допрыгался.

Восемь с лишним тысяч человек. Самым легким выходом для осознавших этот факт американских адмиралов было застрелиться. Была еще какая-то надежда, что кого-то можно спасти устремившимися из гаваней эсминцами, но холодная океанская вода и растаскивающий обломки в разные стороны ветер каждую секунду уменьшали число тех, кто остался еще в живых, пуская с плотиков ракеты в светлеющее небо. Можно было признать потерю транспорта с войсками, и уже утренние газеты вышли бы с двухдюймовым шрифтом заголовков. «Войсковой транспорт „Уэйкфилд“ потоплен русскими рейдерами в Атлантике» и «8,500 presumed MIA!»¹¹¹. Пошатнуло бы это нацию? Да, несомненно. Заставило бы ее проникнуться ненавистью к русским варварам, расстрелявшим беззащитных людей? Да, пожалуй. И имеющиеся еще симпатии к Советам это погасило бы точно. Но наряду с этим возникла бы масса других вопросов, первым из которых был бы: «Почему? Как это случилось?», и сразу после него: «Кто виноват?» Простой ответ: «Враги виноваты» не проходил в подобных ситуациях ни в одной стране мира. Виновного всегда искали среди своих, и лучше не одного, а нескольких. В американском флоте это заканчива-

мая от флота гражданская структура, в случае военных действий вливающаяся в состав военно-морских сил.

¹¹¹ Missed in Action, «как предполагается, пропали без вести»

лось отставкой и пенсией, в советском – понятно чем.

Стоивший больше, чем Перл-Харбор, Саво¹¹² и «Рона» вместе взятые, «Уэйкфилд» требовал козла отпущения – но только если бы его судьба стала известна.

В данном случае этого не произошло. Рузвельт лично принял решение о том, что отставок и наказания виновных не будет. И никакой кампании в прессе не будет тоже. О судьбе потерянного транспорта узнал лишь ограниченный круг лиц, и немногочисленные утечки обрывков информации в прессу были пресечены с нехарактерной для Америки строгостью и даже жестокостью. В течение первой половины дня 16 ноября решались текущие вопросы – с прикрытием конвоев, уже слишком далеко отошедших от берега, чтобы успеть вернуться, с формированием корабельных групп и с распределением зон ответственности. Погибший транспорт, в отличие от бессмысленно потерянного конвоя с двумя канадскими эсминцами, сумел передать достаточно подробные сведения о тех, с кем его свела судьба. Два линкора классической схемы, похожие на американские линейные корабли, но с далеко разнесенными вертикальными дымовыми трубами и умеренными надстройками, и кто-то так и не показавшийся третий. Простая логика подводила к выводу, что третьим был авианосец, на которого можно было повесить погибшие

¹¹² Американское название Первою боя в Соломоновом море в ночь 9 август 1942 г., ставшего самым тяжелым поражением американского флота. Японскими кораблями за считанные часы были потоплены один австралийский и три американских тяжелых крейсера, погибло свыше тысячи человек.

эсминцы и вообще столь успешную ориентацию корабельной группы в пространстве. Возникал вопрос: «Откуда („черт побери“, обязательно добавлял про себя каждый спрашивающий), так вот, откуда русские сумели взять два современных линкора, которых еще месяц назад у них не было?» Откуда они также взяли якобы имеющийся авианосец? Ну ладно, можно еще предположить, что на линкорах крупные авиагруппы, машины по четыре, и тогда авианосца нет, а есть просто еще один боевой корабль – скажем, тяжелый крейсер. Но как все это можно было упустить? Почему прошляпили их вступление в строй, их подготовку, которая должна была занять не один месяц, их выход в океан, наконец?

Считалось, что разведке работать в Советском Союзе сравнительно нетрудно. Посольства были, разумеется, обложены сверху донизу, каждый наемный шофер, грузчик, дворник был информатором НКВД, каждый выходящий из ворот посольства капиталистической державы автомобиль обязательно сопровождался, каждый вышедший прогуляться по Москве дипломат или секретарь получал личный «хвост» из суровых домохозяек или пары рабочих с газетами в руках. Но все это сочеталось с удивительной наивностью самих русских, не имеющих представления о работе современной разведки. Крадущийся по переулку, закрывающий лицо полой пошитого в Европе плаща человек, нервно сжимающий в потеющей руке рукоять ракетницы, нацеленной на «секретный завод», мог быть немедленно схвачен бдитель-

ными пионерами, конечно. Но ничего не стоило узнать номер этого завода, тип и объем его продукции, имена большинства инженеров и мастеров, просто поговорив под рюмочку по душам с работающим на этом заводе человеком – через посредника, естественно. Носящие большие, азиатского вида, орденские звезды генералы и полковники, сто раз проверенные бдительным НКВД, пристально следящим, в первую очередь, за своими, могли допустить на приеме, устроенном посольством в честь очередной блистательной победы союзников, удивительную глупость, назвать цифру, за которую в третьей стране пришлось бы платить тысячи фунтов или долларов.

И вдруг это все оказалось ненастоящим. Вдруг выяснилось, что целый пласт информации маскировался ворохом мелких, местных деталей, даже не искажающих общую картину, а отражающих ее – как зеркало, на котором вдобавок что-то еще нарисовано.

Русские рейдеры в океане были, в принципе, не слишком страшной угрозой. Неожиданные и тяжкие потери в первый день их активности применительно к тоннажу пересекающих Атлантику судов были почти незаметны, составляя какие-то доли процента. Куда хуже была потеря значительной части 106-й дивизии, но дивизия эта планировалась к направлению на тихий участок фронта, и только к декабрю. В лагерях южной Англии были накоплены такие резервы, которые позволяли компенсировать почти любые одно-

моментные потери, что в Европе, что в Атлантике. Бельгия и Франция, превращенные усилиями американцев в огромные склады самых разных военных материалов, служили буфером, распределявшим и направляющим поток грузов к армиям Русского фронта. Большая часть американских и британских частей уже сдвинулась в сторону Центральной Германии, пройдя ускоренным маршем земли, наступление на которые было запланировано лишь через месяцы. Наиболее мощный ударный кулак из американских, немецких, английских и канадских частей удалось создать в тыловом районе, образованном естественными границами Нидерландов, Бельгии и Люксембурга. Подчинив единому командованию 1-ю и 2-ю английские и 1-ю канадскую армии на северном фланге построенной широким клином группировки, 1-ю, 3-ю и 9-ю американские – на южном и поставив на острие кое-как переформированные германские 5-ю танковую и 7-ю общевойсковую армии, Эйзенхауэр надеялся в одном масштабном сражении на рубеже Везера разгромить войска советских фронтов, а затем деблокировать Берлин и остановить войну, пока она не зашла слишком далеко, – разговаривая теперь с русскими с уже обеспеченных позиций.

И американцам, и англичанам все-таки пришлось ввязаться в «настоящую» войну с бывшими восточными союзниками. Много в этом типе войны было для них новым. Выяснилось, что каждая из союзных сторон пытается беречь сво-

их людей за счет соседа. Причем «подставить» американцев воспринималось немцами как крупная удача, и наоборот – лишняя сотня убитых и раненых в германской части считалась англоязычными офицерами хорошей ценой за переключение внимания русских самолетов с них самих. Выяснилось, что масштабы войны на Восточном фронте несколько отличаются от Западного. Гордость британских и немецких войск, Африканская кампания была бы сведена русскими к титанической битве за обладание несколькими фермами в пригородах мелких городков масштаба Далленберга или Ошерелебена. К недоумению американских пехотинцев и танкистов и к плохо скрываемому злорадству танкистов немецких, соотношение потерь с советскими танками было практически тем же, какое имели немецкие танковые части в течение всего сорок четвертого – то есть чуть больше, чем один к одному. Это было странно, поскольку «шерман», основной теперь танк фронта, считался хорошей машиной, по всем пунктам превосходящей русские танки. Обнаружилось много всяких мелочей в сложной и неясной пока войне за обладание Германией, на территории которой столкнулись интересы нескольких стран, ни одна из которых не желала уступать...

– Цыпа-цыпа-цыпа... – шептала восемнадцатилетняя сержантша, припавшая щекой к отполированному ложу «мосинки».

На фронте она была второй день. Отделение последнего

выпуска ее школы распределили в 130-й Латышский стрелковый корпус, хотя ни одной прибалтки среди десяти девочек не было – сплошь русачки да белоруски. Корпус только что закончил двухсоткилометровый марш и теперь отчаянно закапывался в землю в окрестностях какого-то немецкого городка с невозможным для запоминания названием. Они прибыли только ночью четырнадцатого, когда на участке батальона, в который их направили, было еще тихо, но уже со вчерашнего дня вокруг шла настоящая война: стреляла артиллерия, над головами проносились самолеты, все, в общем, как ожидалось. В первый же день их послали на нейтралку и ползком вдоль передовой – готовить лежки. Была надежда, что в первый же день удастся открыть счет, прикончить ганса или фрица, но ни одного человека на той стороне она так и не увидела. То ли дело сегодня.

В кружочке, образованном кольцом безлинзового оптического прицела ее винтовки, сидели две человеческие фигурки, обрезанные по пояс башней широкозадого танка, не похожего ни на один из зазубренных на занятиях по наблюдению макетов. Хорошо, что каждой оставили ее собственное оружие, вылизанное до матового сияния, изученное насквозь, до царапинки. Отличницей снайперша по имени Аня не была, но зрением и пластикой ее Бог не обидел, и с пятидесяти метров она на зачет вкладывала десять пуль в трехкопеечную монету. Оптиками для прицелов на всех не хватало, и кто-то умный придумал систему колечек и шпеньков, че-

редующихся друг с другом, если смотреть через которые, мир становился рельефным и контрастным. Им пытались втолковать что-то типа «рефракция, интерференция», но девяти классов образования было недостаточно, чтобы понять все эти тонкости, а особо и не спрашивали.

– Цыпа-цыпочка... Морда такая... Ну что тебе поближе не подъехать?

Танк стоял метрах в пятистах от ее лежки, закопанный почти по башню и заваленный ветками, но двое на его крыше сидели пригибаясь, поводя биноклями. Офицеры, наверное. Не дыша, Аня чуть повела затекшей шеей, скосив глаза на прицельную планку. Все правильно, выставлено пятьсот. С такой дистанции тяжелая винтовочная пуля пробивает человеческий череп насквозь, как рассказывали видавшие. Сама она ни разу в жизни не стреляла по человеку. Готовили снайперш полгода, и готовили достаточно жестоко – в последние месяцы боеприпасов не жалели, плечо превратилось в один сплошной синяк, доходящий вглубь, наверное, до кости. Выпуска они все ждали как избавления – наконец-то отправиться на фронт, как остальные. Им вручили лычки, накормили на прощанье ужином и посадили в теплушку, которая шла все на запад и на запад, пока не уперлась в разбитую станцию, от которой три дня пришлось идти пешком, озираясь в любопытстве на окружающую жизнь.

Любопытство и сейчас было главнейшим чувством в Анином сознании. Дистанция была слишком велика для ее опы-

та, но стрельнуть по офицерам-танкистам хотелось, она наблюдала за ними минут двадцать, а всего лежала на вмятом в ложкообразную ячейку ватнике уже часа четыре – без еды, почти не шевелясь, без, извините, туалета. Со всех сторон то и дело стучали одиночные выстрелы, иногда трещала короткая очередь пулемета, непонятно куда направленная. Возможно, ее выстрела и не заметят, а если она промахнется, то и точно не заметят, подумаешь, лишний щелчок. Половину своей фляги Аня извела на полив земли перед ячейкой, чтобы прибить пыль. Нет, не заметят.

По миллиметру приближаясь напрягшимся веком к жесткому кольцу прицела, Аня поиграла пальчиками на спусковом крючке, разминая связочки. Вряд ли попадешь, но попробовать стоит, все равно больше никого не видно. Двое на танке все так же продолжали водить биноклями. Может быть, они делали и что-то другое, но движения были похожими, а никаких деталей разобрать было невозможно. Бликов не было, то ли из-за того, что солнце уже склонялось за их спинами, то ли из-за просветленной оптики. Выцелив правого, как чуть более высокого и, значит, по идее, являющегося лучшей целью, Аня начала по волоску выбирать отлаженный под ее палец спуск. Это заняло секунды две, в течение которых ложе устроенной на левой ладони винтовки колебалось вверх и вниз на доли миллиметра, в такт ее пульсу. «Раз-и-раз-и-раз» – обычное стрелковое упражнение, завершенное все равно неожиданным толчком приклада в расслабленные

мышцы плеча.

Произведя выстрел, девушка уткнулась лицом в землю, не собираясь вытягиваться вперед с любопытством торопящегося в покойники человека. Кто-нибудь мог заметить вспышку на нейтралке, и тогда сейчас ее начнет полосовать пулеметом. Нет, вроде обошлось. Процепенев в позе «лежать» с полминуты, Аня осторожно поглядела в прицел Так, танк стоит, ничего ему не сделалось, а вот людей на крыше башни больше нет. Теперь можно подумать.

Если в шести сантиметрах от твоего уха просвистит пуля, ты, разумеется, попытаешься укрыться, нырнуть куда-нибудь. Но стреляла она не в голову, а в грудь, как и следует на такой большой дистанции. Черт знает, попала или нет, но штаны ребята наверняка обмочили. Вот обидно... Аня ощутила разочарование. Столько стараний, а ничего не известно...

– Дура, – сказал ей вечером командир батальона, которому она пожаловалась на свою неудачу. – Жива осталась – и радуйся. Старший сержант во второй роте пулю в башку получил, перепрыгивал из одного окопа в другой. С чего, спрашивается? С того, что тот, кто его прикончил, оказался более осторожен. Вот и ты такой будь. Надоело похоронки писать, а уж на девчонок...

Комбат был молодой, и красивый – тоже, но ей, конечно, не светило. Обычная она была, не красавица, не актриса. Просто натасканная на человечину девочка в звании млад-

шего сержанта и в возрасте восемнадцати лет, пережившая всего лишь второй день своей войны.

Узел 6.0

17-18 ноября 1944 г.

Запланированное на утро 17 ноября наступление американских, британских и немецких танковых частей, которое должно было завязать сражение, задержалось почти на шесть часов. Вечером предыдущего дня погибло сразу двое ключевых тактических командиров – генерал-майор Эрнест Хармон по прозвищу Гравийный Голос, командир американской 2-й бронетанковой дивизии, был убит шальной пулей во время командирской рекогносцировки, а почти весь штаб английской 29-й бронетанковой бригады вместе с ее командиром был уничтожен, попав на марше под удар русских штурмовиков.

Это были случайности, но они оказали значительное влияние на темп наступления. Темп являлся одним из наиболее важных факторов, определяющим успех в современной войне, вместе с внезапностью и силой удара. Когда неизвестно откуда прилетевшая пуля пробила грудь человека с двумя серебряными звездами на каске, это не ослабило непосредственной силы «железа» дивизии, но заставило потерять время на замену убитого. Второй убитый генерал за несколько часов на узком участке фронта, еще до начала наступления, сбил темп еще больше. Было признано необходимым

сменить систему позывных и принятый на настоящее время вариант шифра, заново проконтролировать схему взаимодействия с авиачастями, находящимися в подчинении трех независимых структур, не слишком стремящихся к слиянию в экстазе. В общем, за ночь и захваченные шесть часов следующего дня сделать сумели немало. Наступление началось в полдень вместо шести утра – не такая уж большая разница.

За две недели маневренных, за отсутствием фронта, боев на равнинах Северной Германии советские и немецкие войска, а потом и подключившиеся к ним остальные (американцы, англичане, канадцы, французы), немалому научились. Достаточно крупные по объему задействованных войск сражения длились пока не более одного-двух дней, почти никогда не приводя к ясному результату. Ни русские, ни их противники не стремились обязательно оставить за собой поле боя. Было ясно, что в сложившейся ситуации это не имеет никакого значения. Советские войска дрались на чужой территории, и оставленный ради тактического удобства городок, занятый всего-то пару дней назад, их совершенно не волновал. Натыкаясь на сильное противодействие немецких частей на заранее подготовленных рубежах, русские подвижные части отходили, чтобы нащупать слабое место на другом участке.

Удавалось им это достаточно регулярно, большая часть Ганновера и Северной Вестфалии представляла собой «слоеный пирог» из десятков механизированных групп, на

ощупь ищущих друг друга. Если набрать из разных весовых категорий тридцать боксеров, завязать им глаза и выпустить их на достаточно просторный ринг, можно будет заметить интересные закономерности. Прежде всего, часть боксеров, у кого повязка не слишком плотная, будут что-то через нее видеть, хотя бы в виде размытых контуров, и им не придется тратить много времени на ощупывание формы носа и веса мускулов встретившегося им соседа по рингу. Отвратительная разведка американских частей стоила им в эти недели немало крови, но учиться они начали, надо признать, быстро. Во вторых, выяснилось, что группа самых мускулистых участников общей свалки, оттопыривающих руки в стороны из-за невероятного обхвата бицепсов, не «держит» удар совсем.

Сложно представить себе настоящего боксера, который при виде собственной крови, текущей из подбитого носа, начинал бы плакать тонким голосом и проситься домой. Между тем именно это и происходило. В армии США считалось, что потери трети личного состава – все вместе, безвозвратные и санитарные – являются «совершенно неприемлемыми». Более того, части, потерявшие более чем треть бойцов, официально считались разбитыми и заботливо отводились в третий эшелон для долгого и ласкового зализывания ран. Бывали, конечно, и исключения, но редко. Для германских и советских дивизий, сводимых в жаркое время к паре батальонов, такое поведение было странным и вызывало пре-

зрение – смешанное, понятно, с черной завистью. С техникой американцы также расставались не скупясь, бросая при локальных отступлениях артиллерию и вообще все малоподвижное без малейшего зазрения совести. Словом, друг друга изучали танкисты, друг друга изучали летчики, друг друга пробовали на вкус генералы.

Дэмпси, Крерар, Симпсон, Ходжес, Паттон – заучивали на советской стороне имена британских и американских командармов. Обстфельдер, Бранденбергер, Занген, Мантейфель – звучали новые немецкие имена, бывшие совсем недавно голой теорией. На другой стороне фронта делали то же самое и с теми же целями, но проблем при этом испытывали значительно больше. Тем служащим военной разведки, которым удавалось произнести три и более согласных звука за раз, была открыта прямая дорога в штабы армий Русского фронта. Вот как произнести фамилию Бранткалн на английском? Справились? А Перхорович? А Цветаев? В английской транскрипции нужно две буквы, чтобы на бумаге передать более-менее близко к оригиналу произношение буквы «ц» в открытых слогах, и аж четыре – если нужно передать произношение буквы «щ». А 11-м танковым корпусом командует Ющук, и он не единственный советский командир, фамилию которого западнее Рейна не могут произнести люди, чьей профессией является знание противника, как родного. Впрочем, это так, мелочи.

– Я бы не переоценивал достигнутые за последние дни

успехи, – сказал Верховный Главнокомандующий на заседании Ставки. – Наши бывшие союзники все-таки начали свое наступление, острие которого проникает все глубже в позиции Второго Прибалтийского фронта. Является ли он их целью? Пожалуй, нет. Слишком много они для этого сконцентрировали сил. Их целью является разгром всей нашей северной группировки, которая, по их мнению, чересчур зарвалась: то есть Ленинградского и всех трех Прибалтийских фронтов, а также Третьего Белорусского. Количество армий сторон сравнивать глупо... Даже в том бардаке, который они сейчас имеют, их армии отличаются по размеру раза в три. Что говорить о наших... Если же сравнивать танки и пушки, то будет примерно одинаково, насколько мы можем судить. Но вот что интересно, товарищи...

Сталин, машинально постукивая черенком трубки по краю стола, оглядел немногих членов Ставки Верховного Командования, находившихся не на фронтах, а в Москве.

– Для хорошего наступления нужно превосходить противника в четыре, в шесть, а лучше в десять раз по основным видам вооружений. А у них этого нет, наступают они примерно равными нам силами. Это очень странно. То ли у них есть что-то в запасе, чего мы не учли, то ли они нас совсем за ровню себе не считают – закидаем, мол, фуражками. Но это вряд ли, последние дни их могли кое-чему научить. Скорее всего, они просто не владеют информацией. Монтгомери – увлекающийся человек, маневренная война могла просто

не оставить ему достаточно времени для тщательной оценки ситуации. Сейчас они вклиниваются между Еременко и Баграмяном, давят танками позиции наших 10-й Гвардейской и 42-й армий... И получают всеми силами и средствами соответственно. А вот когда они их проутюжат, профильтруют и пойдут дальше, вот тут-то самое интересное и начнется... У товарищей Казакова и Свиридова неблагоприятная задача – умереть на своих позициях. Мы не можем их отвести, потому что поздно определили направление главного удара американских и английских войск. Теперь они должны потрепать и американцев, и англичан, да и немцев тоже. Уверен, на это они способны... Да... Общее руководство осуществляет фельдмаршал Монтгомери?

– Так точно, товарищ Сталин.

– И это тоже интересно... Предыдущий раз он осуществлял общее руководство крупной войсковой операцией с привлечением сил нескольких стран только при высадке в Нормандии, в июне, с тех пор ему большой воли не давали... Всем, уверен, интересно, как он справится в этот раз. Кто у них на острие?

– Немцы, – ответил Штеменко. – Новички на нашем фронте, могут нарваться с непривычки. Монтгомери их, похоже, за пушечное мясо держит, гонит вперед без оглядки. В первом ударе немцы двести танков пустили, но достаточно легко откатились назад. Штук пятьдесят на наших позициях осталось. А через два часа 5-я танковая армия нанес-

ла удар чуть севернее, по армии генерала Казакова. В этом ударе было, по нашим прикидкам, танков двести-триста, в том числе значительное число тяжелых и сверхтяжелых, которые, несмотря на отчаянное сопротивление наших войск, несколькими клиньями рассекли позиции 10-й Гвардейской армии...

– Что делается для восстановления положения? – спросил Сталин вполне спокойным голосом.

– Пока ничего, товарищ Сталин.

Тот спокойно кивнул. Идея Жукова обсуждалась достаточно подробно, чтобы Верховный проникся ее замыслом. Многих корбила такая откровенная жестокость, но это, во всяком случае, было хоть как-то оправдано с военной точки зрения. Когда дивизии просто бросают на пулеметы в наступлении без подготовки, а потом за их гибель снимают их же командиров – это одно. А когда ими жертвуют ради более крупной цели – это уже совсем другое. Оба способа, к сожалению, стали уже частью русского стиля ведения войны, но к сорок четвертому за первый, по крайней мере, начали карать.

В данном случае Сталин и Жуков принесли в жертву две армии, на которых пришелся удар Монтгомери. Не из излишней кровожадности, не для собственного удовольствия и не легко. Просто так было необходимо. Это было ценой. Вплоть до вчерашнего дня не было известно, на кого именно придется главный нажим, и только к полудню выясни-

лось, что 22-я армия осталась чуть южнее полосы вражеского наступления. В отличие от обычной советской тактики, когда наступление начиналось одновременно на нескольких участках, поддерживаемое многочисленными отвлекающими и вспомогательными ударами, противник сконцентрировался на одном, достаточно узком, секторе, вложив в него всю огневую мощь первого эшелона, и только после обозначения успеха начал расpirать создавшиеся коридоры значительными силами.

Когда к вечеру семнадцатого немцы получили все, на что еще были способны обреченные армии, к ним присоединились американские и британские дивизии, начавшие развивать наступление за Мюнстер и Белефельд. Взломав без большого труда не слишком-то устойчивую оборону только недавно начавших закапываться в землю русских, 1-я американская армия развернулась почти прямо на север, став разграничителем усилий новых союзников по рассечению советских фронтов на британо-германскую и американскую «зоны ответственности».

Командующий армией генерал-лейтенант армии США Куртни Ходжес получил к наступлению на одну дивизию меньше обещанного – VIII корпус остался без 106-й пехотной дивизии, которая в ополовиненном состоянии была придержана в глубоком тылу для доформирования. Но армия зато имела полнокровную бронетанковую дивизию – величайшую ценность на Русском фронте, где количество танков

на километр определяло успех или неуспех операции, производившейся на любую мало-мальски значительную глубину. Американская 9-я бронетанковая дивизия была одной из немногих частей, не имевших своего прозвища, так популярного среди остальных. Только в армию Ходжеса входили «Плющ» (4-я пехотная), «Голова индейца» (2-я пехотная), «Ключевая» (или «Краеугольная») 28-я пехотная, а в соседях у них были дивизии с самыми разными экзотическими названиями и эмблемами, включая бронетанковые «Везучую семерку» и «Ад на колесах».

Привнесение в войну чего-то личного имело гораздо большее значение, чем может показаться с первого взгляда. Война является механизмом, направленным на уничтожение в человеке всего внутреннего, всего своего, не открытого другим. Только генерал или маршал получают наконец право хоть на какую-то оригинальность, на выражение своих мыслей, не до конца подавляемое вышестоящим начальством. Непосредственно же воюющие люди одеваются в одинаковую для всех форму, им выдают одинаковое оружие, они носят каски, которые делают их похожими как гвозди. Все это подчинено одной цели – дать человеку понять, что его личные переживания, его собственное, частное нежелание умирать не имеет никакого значения, что он всего лишь один из многих. И только когда продолжительность жизни человека на войне начинает несколько возрастать, когда пришедшие в часть солдаты успевают познакомиться друг с дру-

гом, прежде чем их убьют или отправят в дальний госпиталь, только тогда можно начинать чуть-чуть понижать этот забор, ограждающий человеческие привычки, выкрашенный, соответственно, в «полевой серый» или желтовато-зеленый цвет гимнастерок. При этом человек все еще остается винтиком, но ему начинают разрешать считать ту машину, в которой он ввинчен, своей. Тогда и появляются напыщенные названия вроде германских «Валлонии» или «Охраны фюрера», политически выверенные «Ясский», «Львовский» и так далее у советских дивизий и корпусов и более раскованные, иногда даже юмористические, вроде «Громяющего Стада»¹¹³, у американцев. И солдаты начинают даже гордиться этими названиями – не понимая, что все это не имеет никакого значения для бессмысленного железа, несколько граммов которого, если им придать подходящую форму и достаточную скорость, способны пресечь жизнь участвующего во всем этом безумии человека, оставив его семье лишь желтеющую похоронку или свернутый треугольником флаг с пришпиленной к нему медалью. И постаревшие солдаты, пережившие его на десятки лет, будут говорить: «Да, мы были „Кричащими Орлами“¹¹⁴ или «Гвардейским Краснознаменным Одесским полком», мы были крутые ребята, все как один...» И старики будут кивать головами и вспоминать давно забытые имена – потому что у них больше нет оружия и нет сил, и гордые

¹¹³ «Thundering Herd», американская 8-я бронетанковая дивизия.

¹¹⁴ «Screaming Eagles», американская 101-я парашютно-десантная дивизия.

названия на эмблемах и нашивках, раз или два в год припиливаемых к гражданским костюмам, – это все, что у них осталось...

Для солдат советских армий, разбитых, разрубленных на части, выжженных артиллерией и вытоптаных траками немецких, американских, английских или канадских танков, это все не имело никакого значения. Даже для тех из них, кто еще оставался жив. 130-й латышский стрелковый корпус генерала Бранткална, один из немногих еще держащихся островков в море текущих на северо-восток дивизий с белыми крестами и белыми звездами на танковой броне, доживал свои последние часы. Цепочка холмов, вытянувшаяся почти правильной дугой между двумя испепеленными фольварками, была истерзана всеми видами оружия – насколько это только возможно. Считать немецкую артиллерию слабой может только тот, кто не был под ее ударом. И считать немецкую авиацию разбитой может только тот, на кого в конце сорок четвертого года не падали бомбы «восемьдесят восьмых», безнаказанно плывущих в затянутах дымом пожаров небе.

Их обошли уже слева и справа, и «пантеры» уже пытались ударить сзади – и так же отходили, ища себе более полезное для здоровья занятие, чем добивание отчаянно огрызавшегося корпуса. Бранткалн все понимал. Его, конечно, не просвещали в высоких штабах о его истинной задаче, и он ни разу не видел лично ни Жукова, ни тем более Сталина – но

весь опыт, полученный кровью, своей и чужой, ясно давал ему понять – это конец. Генерал знал, что их не бросили: пока связь была, Казаков и Еременко твердили ему: «Держись, только держись, сколько сможешь». Но ни один из них не заикнулся о том, сколько именно надо держаться, пока не подойдут свои. Что это означает, было понятно. Корпусом пожертвовали, и армией пожертвовали, и, наверное, не ею одной – чтобы втянуть в сражение как можно больше вражеских сил, пустить им первую кровь, заставить тратить силы, замедлять продвижение, дезориентировать.

Это было по-русски, и это было, наверное, правильно. Командарм и комфронта не бросали корпуса на произвол судьбы, они задействовали весь диапазон своих средств, чтобы продать свою жизнь подороже, это было именно то, что от них требовалось на этом этапе. Артиллерийские полки, уцелевшие в первые часы или, вопреки воле врагов, спасенные отчаянно, зло дерущимися летчиками воздушных армий, управляемые с максимумом изворотливости и хитрости, на которые были способны советские офицеры, двигались и стреляли. Эскадрильи бомбардировщиков прорывались к линии фронта, сбрасывали свой груз и откатывались назад, теряя машины и людей. Засады немногочисленных оставленных армиями танковых батальонов расстреливали «Королевских тигров» и двигавшихся за ними «шерманов», зная, что сигнала к отступлению не будет. Человека нельзя припирать к стене. В нем может проснуться темное, страш-

ное чувство, затягивающее разум в такую глубокую воронку, выхода из которой нет, даже если он останется жив.

Когда на бойца смотрит смерть и ясно, что спасения нет и быть не может, что кавалерия Буденного не спешит с боевым кличем тебе на помощь, сметая врагов, – тогда у разума может быть только три выхода. Первый – сказать себе: «Это все равно конец, нет никакого смысла, все равно убьют», и поднять руки. В сдавшихся стрелять не будут, противник наступает успешно, и пленные могут получить шанс пережить первые часы, когда ворвавшиеся в их окопы солдаты действуют еще сами по себе, не связанные правилами и надзором тыловых чистоплюев. Но до этого можно и не дожить, потому что таких людей, не раздумывая, убивают свои – те, кто выбрал другую дорогу. «Это все равно конец, все равно убьют», – говорят себе те, другие. И заканчивают: «Так сдохнем же так, чтобы они всю жизнь потом боялись». И тогда контроль берет то, что определяет жизнь человека, бессознательное, глубинное, едва покрытое налетом цивилизованности, воспитания, научного атеизма или, наоборот, церковных заповедей. Человек впадает в состояние боевого безумия, подхлестываемого химией разлагающихся азотных соединений застилающего все вокруг порохового и тротилового дыма. Превращая его в зверя, бессознательное выбирает один из всего лишь двух возможных выходов, позволяющих не выпасть из окружающей действительности до тех пор, пока избавление наконец не придет. Это может быть

кураж или злоба. В каждой национальности люди делятся в подобном выборе на примерно одинаковые доли. Все эти ироничные истории про «горячих эстонских» или «латышских» парней, про хладнокровие англичан или немцев – все это правда только в нормальной жизни. 8-й эстонский корпус был в армии Старикова на Ленинградском, 16-я литовская дивизия была на 1-м Прибалтийском, у армянина Баграмяна. В Латышском стрелковом корпусе, воевавшем на 2-м Прибалтийском фронте, русских, евреев, узбеков и татар было сейчас не меньше, чем латышей и эстонцев. Выставивший перед собой ствол «Дегтярева» белобрысый латыш, в озверении полосующий огнем перебегающие в дыму фигуры, мог, обернувшись вправо, увидеть оскаленного русского парня, выщеливающего офицеров, встав почти в полный рост, плюющего на воюющие вокруг осколки, а слева – горбоносого осетина, с рычанием выдергивающего грязными пальцами изо рта обломки выбитых пульей зубов, не отрываясь от автомата.

– Уходи, девочка, назад! Уходи, я тебя умоляю!..

Комбат, заросший черной грязью, страшный, с горящими, налитыми кровью глазами, буквально выл, оскалившись, на нее и набиваемый ею диск.

– Не пори ерунду, командир. Некуда мне идти. Нейтралки больше нет, и тыла тоже. Не пойду я никуда.

Аня не была дурой, хотя находилась на фронте всего тре-

тий день. Все ей было ясно с ее несостоявшейся военной карьерой. Просто женщине сложнее было впустить внутрь себя зверя, войти в то состояние, которое облегчает последние минуты жизни осознавшим себя мужикам. Да она и женщиной-то еще не была...

Зная, что ничего у нее с комбатом нет и быть не может, она все же решила прийти к нему, чтобы остаться рядом. Даже не пришла, просто привело ее. Насколько вокруг хватало глаз, все горело и вспыхивало, меняя очертания. В ложбинках между холмами и на бывшей трехсотметровой нейтральной полосе, сплошь перекопанной на метр в глубину, горели танки и бронемашины. В двухстах метрах прямо перед КП батальона в землю воткнулся сбитый в самом начале «Ильюшин» – большая часть фюзеляжа самолета, как ни странно, уцелела, и до сих пор сквозь уже мелкие язычки пламени был виден обгоревший скелет стрелка.

Когда началось по-крупному, на командном пункте батальона собралось человек пятнадцать бойцов, к четвертой атаке их осталось девять. Если бы все снаряды, которые взорвались в расположении их батальона, упали за секунду, земля просто бы провалилась внутрь себя, забрав всех бойцов с собой, но немецкий и американский огонь подчинялся той же самой статистике, дающей погрешность на несколько человеческих душ, которые выживут всегда, при любом обстреле. Аня молча поглаживала свою винтовку, успокоенная тем, что комбат отвернулся и больше не гонит ее. В метре

справа сидел, привалившись к стенке окопа, мертвый боец, крепко обхвативший двумя руками пулеметный диск – наверное, тот самый второй номер, за которого капитан набивал диск до того, как она пришла. Хотя и первого тоже убило.

В воздухе послышался вой. Звук приближался, усложняясь, и когда все попадали на дно траншеи, излил себя дюжиной разрывов спереди и сзади, потом еще и еще. Воздух трясся и забивал в ноздри и уши смешанную с земляной крошкой пыль, дышать было почти невозможно, но это и не требовалось. Спокойно разглядывая лицо чернолицего сержанта, который, неслышным шепотом матерясь (по губам вполне можно было разобрать), поспешно утапливал патроны в объемистый диск своего ППШ, Аня ждала, пока налет закончится.

– Иду-ут!!! – заорал рычащим голосом комбат и обернулся на нее: – Уйдешь?!

– Нет! – крикнула она, вставая. Значит, он про нее не забыл.

Шепчущий боец справа, широко и страшно улыбаясь, припал грудью к полукругу увенчанного прокопанными секторами выступа траншеи и дернул к себе автомат.

«Рыцарь», – подумала Аня, – «рыкарь», «рычащий воин». Ее тоже начало захлестывать. Выглянув наружу, она увидела то же, что и в предыдущие разы, – ползущие в дыму танки и транспортеры, редкие фигуры прыгающих через рытвины, перебегающих людей. Связи давно не было, уже три часа. Ни

с дивизией, ни с соседними батальонами, ни тем более с артиллерией. Трижды комбат посылал людей, и только последний вернулся, с разорванной щекой, сказал, что все, больше никого посылать не надо. Комбат только кивнул, поняв. Присев снова, пониже, он заправил в ракетницу крупную ярко-красную гильзу с латунным ободком и упер рукоять в заднюю стенку окопа, выпустив в пятнистое небо сияющий шарик сигнала. Через минуту-две спереди начали подниматься разрывы, штук десять прошлись поперек равнины и угасли.

– Живые, надо же! – в изумлении произнес капитан.

Она посмотрела на него, не поняв, но он ничего не добавил, снова прикинув к своему пулемету.

Аня смотрела через прицел на перебегающие человеческие фигурки, привычно прикидывая ветер по направлению и пологости поднимающегося вокруг дыма. Была бы оптика, можно было бы и в таком дыму бить на выбор. Но и так ничего. Выбрав машущего рукой в их направлении человека, она, практически не целясь, выстрелила в него, и тот упал.

– Молодец, красавица! – в восторге закричал страшно улыбающийся сержант, оскалившись настолько сильно, что челюсти едва не выскочили вперед, как у кобры. Она перезаряжала и стреляла, почти визжа от радости, и люди останавливались на мгновение, чтобы опрокинуться назад, перевернутые огромной энергией винтовочной пули. Сбоку трещали очереди, бойцы решили, что эта атака для них последняя, и наслаждались вседозволенностью, перестав экономить па-

троны.

Пехота залегла, и угловатые танки выскочили вперед, звонко тренькая пушками с коротких остановок. Капитан запустил еще одну ракету, но ничего не произошло, только сзади взлетело сразу три. Перекосившись, он посмотрел прямо на девушку – видимо, хотел что-то сказать, но не сказал, только сплюнул черной слюной и снова отвернулся. Несколько танков почему-то загорелось, хотя никаких видимых причин к этому не имелось, и Аня сумела снять в колено одного из вылезавших в верхний люк танкистов, он был метрах в двухстах пятидесяти. Катаясь по земле, танкист орал так, что его было слышно через весь грохот, треск и непрекращающееся снарядное шелестение. К нему попыталось подбежать сразу двое, и Аня, как на стрельбище, влепила им по пуле в таз, один умер, наверное, сразу, а второй тоже начал орать. Теперь они орали вдвоем, и те бойцы, которые находились в состоянии куража, пьяные от своей неуязвимости, начали все громче смеяться.

– Ну даешь, девчоночка, ну даешь! – утирая слезы, прокричал немолодой мужик, волосы которого торчали из-под каски слипшимися мокрыми клоками. Она как раз вышарила в подсумке полную обойму, и солдат, кивнув, протянул ей одну из своих. – На, для тебя не жалко.

Танки отошли назад, за ними, пятась, отползали пехотинцы, провожаемые ее одиночными выстрелами. Странно, что им удалось отбиться, она этого не ожидала. И те, кто был пья-

ным, и те, кто был злым, начали смеяться все громче. Сначала засмеялся тот клокастый, вспоминая, видимо, свой смех минуту назад, потом к нему присоединилось еще несколько человек, и вскоре ржали уже все, кто с всхлипываниями, кто охриплым басом, кто заливисто, пуская петуха. Причем это не была истерика, это был нормальный смех счастливых, радующихся жизни мужчин, хлопающих друг друга по плечу и мотающих головами, давясь от восторга. Откуда-то сбоку тоже долетели отголоски смеха, а потом снова все покрыл грохот разрывов, приближающийся скачками к КП.

В течение трех часов неизвестно какой противник, то ли немцы, то ли уже американцы, произвел еще две атаки, уже с разных сторон, каждый раз предваряя их пятнадцатиминутной артиллерийской молотилкой. В одну из них легкий танк с трапезиевидной башенкой вломился почти прямо на их позицию, и его подбил приползший неизвестно откуда бронебойщик, а потом сожгли бутылкой КС¹¹⁵. Трижды налетали самолеты, но каждый раз не по ним – вываливали свои бомбы куда-то вбок, выпускали эрэсы, поливали что-то невидимое из пулеметов и уходили назад, маневрируя. Аня, не стреляя, проводила первый раз самолет стволом, но капитан неодобрительно покачал головой, и она, пристыженная почему-то, опустила оружие.

Когда начало темнеть, все успокоилось. По-прежнему за

¹¹⁵ Самовоспламеняющаяся жидкость с очень высокой температурой горения, прообраз напалма.

их спинами стоял непрерывный грохот, поднимались трассы – видимо, какие-то части корпуса еще дрались в темноте. В десять вечера неожиданно завыло и заныло, и между ними и следующей, далекой грядой холмиков, где все еще стреляли, вдруг шарахнуло так, что земля ходила ходуном еще, наверное, минут пять.

– Гвардейцы... – прошептал комбат, голос у него за день сел до почти бесшумного сипения.

Посоветовавшись, решили никуда не уходить. Вокруг продолжалось какое-то шевеление, слышались моторы, далекие голоса. Странно, что противник неожиданно оставил недобитые остатки штаба батальона в покое. Когда стемнело совсем, капитан, подсветив себе фонариком под раскинутой шинелью, посидел с двумя бойцами над картой, а затем солдаты уползли в темноту, закинув автоматы за спины. Через полчаса где-то вдалеке поднялась стрельба, потом звучно хлопнула граната, и все стихло. К утру, когда все вымерзли как цуцики, потерявшие маму, второй пехотинец приполз с «сидором», набитым сухарями, и еще тремя ребятами из их батальона. У одного глаз был замотан грязной почерневшей тряпкой, засунутой под каску, но вторым он смотрел весьма бодро, сразу начал называть Аню «сестричкой» и многозначительно двигать бровью.

Ворочавшийся без сна пожилой боец приподнялся, молча вынул из ножен и протянул девушке финку с длинным, заточенным с двух сторон на острие лезвием. Кивнув, Аня, сон к

которой тоже не шел, начала, приклонив голову к плечу, вырезать крохотные метки на прикладе своей уже вычищенной и отполированной винтовки. Одноглазый парень заткнулся и довольно быстро затих, вздрагивая во сне. К ней сон так и не пришел, и они до самого утра проговорили с комбатом и еще одним парнем, ползавшим за патронами по окопам.

Рассвет восемнадцатого ноября они встретили, прижавшись друг к другу, трясаясь от озноба. Сожрали сухари, запивая водой из покрытых ледяной корочкой луж. Огонь разводить не решились, хотя там и сям все еще поднимались шапочки чахлого дыма, что-то где-то догорало. Сожженные танки за ночь превратились в черно-бурые остовы, лишившиеся краски и похожие на окаменевших во сне доисторических зверюг.

– Скоро до нас доберутся? – поинтересовался бронебойщик, помятый, как с похмелья.

– Скоро, скоро, – успокоили его.

– Часов через шесть-семь вся эта команда обратно поперет, только отмахиваться будем. А может, и позже. Анюта, что у тебя по штыковой подготовке было?

– Тро-ойка...

– Нормально. С патронами могло бы быть и получше, ну да ладно уж... Танки нас, похоже, в покое оставили, теперь просто подчистят окопы пехотой. Зуб за зуб отдадим, и все, конец фильма, поцелуй в диафрагму. Как там у Булушева?

*Как старинные дублоны,
Как старинные дукаты,
Тускло светятся патроны
В магазине автомата...*

– В общем, часа три проживем еще.

* * *

Командир бывшего батальона бывшего Латышского корпуса бывшей 10-й Гвардейской армии смотрел на вещи трезво и, не имея понятия об идеях и замыслах высших штабов, сделал вполне правильные выводы из ситуации. За полтора дня активных и успешных боев американские, британские и немецкие войска увязли глубоко. За исключением немецких и нескольких американских частей, их потери не были настолько велики, чтобы снизить боеспособность и ударную мощь наступающих армий, но они все-таки имелись. Танки выходили из строя из-за механических поломок, подрывались на минах, идущие на острие удара бригады и дивизии нет-нет, да нарывались на удары русской артиллерии и авиации, иногда достаточно болезненные, или на встречные танковые сражения с небольшими группами быстроходных русских танков.

В американской танковой дивизии имелось двести тан-

ков с небольшим, из них четверть – легкие, малопригодные для действий против бронированных целей. В британской было двести семьдесят шесть машин, и это не считая легких «стюартов». Ни одного столкновения с примерно равными им по массе русскими танковыми корпусами пока не было, куда они делись с участка наступления – тоже было не очень понятно. Огромные стада разнотипных «шерманов», лишь немного разбавленные британскими «кромвелями» и германскими «четверками», «пятерками» и «шестерками», медленно уменьшаясь в числе, продолжали продвигаться на северо-восток. К утру восемнадцатого Жуков решил, что они втянулись уже достаточно. Он боялся пропустить момент, когда осторожное, логичное продвижение «союзничков» наберет такой разгон, что никакими силами согнуть их в планируемый «початок» уже не удастся. Операцию столь крупного масштаба ему производить еще не приходилось, но именно к ней готовились советские войска почти весь последний месяц и именно к ней, по его мнению, они были готовы.

Большим плюсом для советской стороны была отвратительно поставленная войсковая разведка противника. Авиаразведка на тактическом уровне почти не велась, имея больше вид формальности, чем действительно важного и ценного направления работы. Армейская разведка практически отсутствовала, заброски диверсантов не производилось или почти не производилось, языков по ночам не брали, офице-

ров на прифронтовых дорогах с изготовленным мешком не подстергали. У человеколюбивых генералов американских армий, видимо, не каждый раз поднималась рука отправлять своих людей почти на верную смерть.

У немцев с этим дело обстояло несколько лучше, но сейчас они находились в подчиненном положении, на каждый самолетовылет нужно было заранее подписывать бумаги в американских, британских и французских тройственных контрольных комиссиях – которые, демонстрируя свою значимость, могли разрешить вылет, а могли и не разрешить или разрешить вовсе не туда. Жуков, в отличие от союзников, не страдал ни от избытка человеколюбия, ни от недостатка власти, и к 18-му его оперативная карта представляла достаточно полную картину распирающих горловину прорыва армий, растекающихся, как гной, по равнинам Ганновера. Каждый значок на карте означал прокол информации – запеленгованная рация, почерк которой был зафиксирован за время кратковременного «затишья перед бурей», захваченный говорящими по-английски диверсантами офицерик, расколовшийся, когда ему начали снимать ногти, либо проскочивший на рассвете и не перехваченный проспавшими «мустангами» фоторазведчик.

Жуков был уверен, что его собственные изготовленные к удару армии и корпуса смотрятся на карте Монтгомери значительно хуже, если видны там вообще. Русское слово «маскировка» было одним из немногих, вошедшим в употребле-

ние в военном английском языке, и, между прочим, не зря. Замыслов высшего командования не знали даже командующие армиями, не то что офицеры, которые непосредственно соприкасались с противником и теоретически могли попасть в его руки. «Товарищ Константинов», как называли Жукова во всех служебных переговорах, ведущихся по проводам, по радио или через посыльных, карал быстро и много – за малейшую глупость, за почти любую неудачу, за отсутствие таланта, за отсутствие везения, за поздно или не полностью выполненный приказ. Такая азиатская техника работала к срок четвертому как налаженные часы: если офицер с малейшей долей ответственности не становился на войне профессионалом, его убивали или враги, или свои.

Все или почти все было просчитано и промеряно, теперь оставался только неизбежный процент риска. Второго такого шанса у Советского Союза не будет больше никогда в истории.

Узел 6.1

18 ноября 1944 г., 8.30-9.45

В 8.30 утра радиолокаторы поиска воздушных целей «Советского Союза» и «Кронштадта» практически одновременно обнаружили две большие группы самолетов, приближающихся с севера. Сомнений по поводу того, что бы это могло быть, не имелось: советское соединение было обнаружено – видимо, каким-то одиночным разведчиком, оставшимся незамеченным. С момента наступления светлого времени суток прошло очень немного времени, и даже если предположить, что вражеский разведчик был выпущен в воздух еще в сумерках, все равно времени на подготовку к удару почти не было. Значит, удар готовили еще с вечера и нанесли немедленно после доразведки. Это было очень неприятным открытием. Охота, видимо, уже началась, и теперь к Северной Атлантике стягиваются крупные силы британского и американского флотов.

Время, впрочем, еще было. По мнению штаба адмирала Левченко, обнаруженные самолеты принадлежали одиночному тяжелому авианосцу, входящему в состав какого-нибудь наспех сформированного соединения, и удар наносился с единственной целью – нанести повреждения советским кораблям, снизить их скорость, чтобы затем загнать в угол и

прикончить массированными атаками с воздуха и эскадрами линкоров флотов союзников, – в общем, повторение истории с «Бисмарком». И наверняка главной целью самолетов станет авианосец. По данным радиолокации количество приближающихся машин оценивалось примерно в полсотни. в любом случае половину истребителей авианосец противника должен был оставить для самообороны, плюс какое-то количество ударных самолетов – для повторной атаки.

– Началось, значит, – пробурчал Левченко, вода пальцем по мелкомасштабной карте, двести двадцать морских миль в сантиметре.

Им так и не удалось найти на первом этапе своей работы самую вкусную цель из возможных – стандартный конвой из Бостона, Бруклина или Галифакса на Ливерпуль либо Марсель. Сотня тяжело груженных, неповоротливых транспортов, два десятка корветов, дюжина эсминцев, один-два крейсера и пара тихоходных эскортных авианосцев. Всех утопить – и покончить с собой, потому что жить больше будет незачем. Этого не случилось, и они потеряли день во враждебных водах даром, рискуя каждую секунду. Вот и выяснилось, что зря.

Противника еще не было видно на горизонте, когда первые советские самолеты ушли в небо – с катапульт линкора и линейного крейсера стартовали три Бе-4, а с палубы «Чапаева» – пять ЯК-9ДД. Восемь разведчиков должны были перекрыть сектор в 100 градусов, осью которого являлся курс

приближающихся самолетов, и обнаружить, во что бы то ни стало обнаружить вражеский авианосец. Затем в воздух поднялись все остальные истребители «Чапаева» – эскадрильи со 2-ю по 5-ю, всего 32 истребителя.

В дополнительных наставлениях и накачке летчиков нужды не было – все понимали, на что идут и что будет, если враг прорвется к их собственному авианосцу. Собравшись над соединением, перестраивающимся в строй пеленга, четыре эскадрильи ушли на север, откуда надвигалась волна самолетов противника. В это время она была уже в двадцати двух километрах от советских кораблей. На кораблях происходили последние приготовления к отражению атаки: все трое увеличили скорость, доведя ее до полных двадцати семи узлов и вздымая огромные столбы воды из-под форштевней. Подавались снаряды к зенитным орудиям, разворачиваемым в сторону противника, в бронированных недрах кораблей разворачивались боевые лазареты. Что-то будет?..

В двадцати километрах от советского соединения американские самолеты перестраивались в боевой порядок. Пятнадцать торпедоносцев «эвенджер» спустились к самой поверхности воды, выстроившись во фронт, чтобы не мешать друг другу, четыре машины вскоре повернули к востоку, чтобы выйти в атаку с другого курсового угла, со стороны солнца. Полторы эскадрильи снаряженных сейчас бомбами истребителей морской пехоты – 112-я и часть 123-й – наоборот, теснее сомкнули строй, чтобы прорываться через истре-

бительный заслон русских, плотно поддерживая друг друга огнем.

То, что третьим кораблем эскадры является все же не крейсер, даже тяжелый, а авианосец, стало известно только перед закатом, когда ее наконец-то засек один из сотни патрульных самолетов, прочесывающих океан таким частым гребнем, что и мышь бы не проскочила. 82-я истребительная эскадрилья в полном составе, 37 «хеллкэтов», шла строем «коробочки» над торпедоносцами и впереди пикировщиков.

На предполетном инструктаже цели между ударными самолетами были распределены самым примитивным образом: торпедоносцы наносят удар по линкорам, для пикировщиков же первоочередной целью является русский авианосец. Авиагруппа «Беннингтона» была вполне готова к боям – две эскадрильи: 82-я истребительная и 82-я торпедоносная включали в качестве ядра пилотов, уже имевших опыт боев на Тихом океане, полученный на эскортных авианосцах, а остальные, хотя и вновь сформированные, были хорошо подготовлены и в целом вполне способны на выполнение любых задач. Противником летчиков авиагруппы еще никогда не был другой авианосец, но авианосные летчики с огромным энтузиазмом вспоминали битву за Мидуэй, в котором новичками-американцами были, по слухам, потоплены четыре лучших авианосца японского Императорского военно-морского флота.

Главным козырем, важнейшей частью авиагруппы, счита-

лась 82-я бомбардировочная эскадрилья, сформированная самой первой и летавшая на новейших «хеллдайверах» еще с конца мая. Эскадрилья, натасканная в Океане, штат Вирджиния, и на Норфолкской станции, последние три недели базировалась на Тринидад, а 20 сентября была принята авианосцем «Беннингтон» и приняла участие во всех его учебных походах. Пройдя полный цикл подготовки, она считалась вполне способной справиться с поставленной задачей – задержать русскую эскадру. Одно-два бомбовых попадания в палубу русского авианосца – и его можно будет не учитывать в последующих атаках, несколько торпед, попавших в линкоры, – и они уже не смогут уйти от американских, британских и французских тяжелых кораблей, спешно выходящих из своих баз.

Единственное, что не было взято в расчет, – это то, с каким противником придется драться американским летчикам. Слово «русские» им ничего не говорило. Японцев они знали, потому что дрались с ними, сбивали их и сами несли потери, за три года войны американские летчики научились их уважать. Немцев они боялись, хотя сами ни разу еще не встречались с ними в небе. Легенды об увешанных железными крестами германских баронах и графах, сбивших по двести самолетов каждый и пьющих из фамильных кубков кровь сбитых ими американских и английских пилотов, были любимой темой дружеских бесед опытных пилотов с более молодыми во время пребывания авианосца в Атлантике – пока

считалось, что их могут все же послать в Средиземное море или Арктику. О русских они не знали ничего. Не было ни презрения или насмешки над противником – как смеялись над японцами до чудовищного дня 7 декабря 1941 года, не было подавляющего страха, было скорее любопытство.

Видимость была прекрасной, и противники заметили друг друга издалека. Четыре эскадрильи советских истребителей шли прямо в лоб «хеллкэтам», но прежде чем противники сблизилась, одна из них круто ушла вниз...

У Покрышкина, шедшего во главе второй эскадрильи, наверное, впервые не звенело в ушах в предвкушении воздушного боя. Только холодная голова и четкая координация действий всех четырех эскадрилий может дать шанс на успех в предстоящей схватке – а цена слишком высока. Удара всей массой в лоб американским истребителям русские не приняли, он привел бы к неоправданным потерям – в лобовой атаке мощь вооружения машины куда важнее, чем умение летчика. Покрышев молодец, за месяцы подготовки многие полковники перестали жалеть, что их поставили в подчиненное положение.

Пятая эскадрилья – восемь ЯК-9Д – спикировала на идущие над водой торпедоносцы, а три эскадрильи на ЯК-3 на максимальной скорости попытались обойти фронт американских истребителей. Противники столкнулись на высоте четырех тысяч метров, в четырнадцати километрах от советской эскадры, и бой сразу же превратился в скоростную со-

бачью свалку на вертикальных, косых, горизонтальных петлях и полупетлях. Каждый стремился зайти своему противнику в хвост и расстрелять его из всего бортового оружия, вспороть брюхо, ужалить сверху, закрутив траекторию полета своей машины в немыслимую спираль. Часть русских истребителей проскочила и, перестроившись, набросилась на ближайшую группу пикировщиков. Остальные ввязались в скоростной бой с истребителями, но при первой же возможности тоже выходили из боя, быстро наращивая силу атак по неуклюжим пикирующим бомбардировщикам, похожим на летающие мясницкие колоды.

– Бей! Бей! Бей!..

Бой истребительных групп сразу же сложился в пользу русских, и если сначала американский комэск воспринял это как результат их численного превосходства, то вскоре ему стало ясно, что бой вообще не предвещает ничего хорошего. Русские неожиданно продемонстрировали такой класс высшего пилотажа, от которого у американских пилотов буквально глаза полезли на лоб. Выдающаяся маневренность ЯК-3 позволяла им легко выходить из-под атак растерявшихся пилотов «хеллкэтов», у которых рябило в глазах от проносящихся мимо незнакомых до сегодняшнего дня хищных вытянутых силуэтов русских истребителей. Советские летчики не нуждались в ведомых, что позволило им значительно усложнить характер воздушного боя. В первую же минуту эскадрилья «Ведьм» потеряла четверых, а русские ис-

требители словно озверели. В такой переделке командиру восемьдесят второй истребительной бывать еще не приходилось. Он более полугода воевал на Тихом океане, сбил четыре японских самолета, имел высокие боевые награды, пользовался уважением всех летчиков авианосца и командиров, но тут ему стало очень страшно.

«Очень страшно» – это были именно те слова, которыми он про себя обозначил свое состояние. Ничего лучшего ему в голову не пришло. Эфир был полон криками ужаса его боевых товарищей, с которыми он столько месяцев делил стол и развлечения на берегу. На его глазах русский истребитель пронесся над скользящим на крыло «хеллкэтом», прошив его фюзеляж от хвостового оперения до фонаря кабины. Было видно, как пули рванули обшивку, выдирая из нее клочья, и перевернувшийся «хеллкэт» перешел в беспорядочное падение.

Майору потребовался весь его опыт пилотирования, чтобы раз за разом уводить хвост своего самолета от огня противников, пытающихся вцепиться в него сзади. Каждый раз, когда в рамке его прицела мелькал чужой самолет, он жал на гашетки, пытаясь достать врага сходящимися нитями трасс своих крупнокалиберных пулеметов. В какой-то момент ему наконец удалось самому зайти в хвост одному из русских. Темно-синий красноразвездный истребитель с жирной белой четверкой поверх вертикальной полосы метался широкими зигзагами, пытаясь уйти с линии огня, и тридцатилетний

майор, сжав зубы и мыча про себя самые грязные оскорбления, какие знал, вновь и вновь доворачивал свою машину, загоня проклятого русского в прицельное кольцо и почти непрерывно стреляя...

Иван Кожедуб, усмехнувшись про себя напору увлекшегося американца, пристроил свой ЯК выше и сзади и, уравнивая скорости машин, открыл огонь. Одного короткого касания гашеток ему хватило. Пушечно-пулеметная очередь вдребезги разнесла фонарь «хеллкэта», и тот сразу вспыхнул, разваливаясь в воздухе на части.

Заложив крутой вираж, Кожедуб вывел свою машину из карусели гонящихся друг за другом истребителей и, пристроившись к какой-то разворачивающейся паре, атаковал группу пикировщиков. Разогнавшись на небольшом отрезке до максимальной скорости, тройка с короткой горки прорезала строй окрашенных в очень темный, почти черный цвет «корсаров», с ходу завалив одного. Одноместные «корсары», по сути дела лишь глупостью командиров превращенные на этот бой в истребители-бомбардировщики, тяжело нагруженные и лишившиеся непосредственного прикрытия, не могли долго противостоять маневренным легким истребителям. То один, то другой из них вспыхивал в воздухе и, оставив за собой тонкий след дыма, падал вниз. Несколько летчиков, не выдержав напряжения самоубийственной атаки, освободились от подвешенных к их фюзеляжам бомб, вступив в бой уже как истребители, на равных, готовые по-

стоять за себя. Бой был жестоким – в воздухе крутился громадный клубок полосующих друг друга огнем крылатых машин, из которого то и дело выпадали кувыркающиеся, штопорящие, пикирующие самолеты. Над неудачниками смыкалась вода, взлетев черно-белым столбом, подсвеченным мгновенными короткими язычками желтого пламени, уцелевшие уносили ноги, выжимая все возможное из своих истерзанных моторов.

Над самой поверхностью воды фронт «эвенджеров», истекая кровью, рвался к уже недалеким русским кораблям. Пилоты вели свои торпедоносцы змейкой, прикрывая друг друга, стрелки лупили длинными очередями по атакующим их со всех сторон истребителям с косо́й белой полосой на фюзеляже. Крупнокалиберные пулеметы заставляли их рано прекращать атаки, а тяжелые торпедоносцы демонстрировали поразительную живучесть. С иссеченными пулями плоскостями, сбитыми антеннами, дырами в фюзеляжах они неслись к изготовившимся к бою, пока молчащим линкорам. Выходящий из пикирования ЯК нарвался на пулеметную очередь, попытался выправить крен и, задев копчиком крыла гребень волны, рухнул, подняв высокий столб воды. Экипаж удачливого «эвенджера» встретил это воплями восторга.

Советские корабли, развив максимальную скорость, развернулись кормой к приближающемуся фронту самолетов, поставив слабо вооруженный «Чапаев» между линейным ко-

раблем и линейным крейсером, что позволяло создать над ним максимальную плотность огня. Строй пеленга, кроме того, что он давал свободу маневрирования, позволял также вести бортовой огонь всем трем кораблям.

Громадное количество людей на палубах и надстройках, застыв на своих боевых постах и затаив дыхание, наблюдали за кувыркающимися вдали черточками самолетов. Бой приближался, уже можно было различить характерные силуэты ЯКов, короткие плоскости вражеских истребителей, мигающие огоньки на их ребрах. Сквозь шум работающих на полную мощность корабельных механизмов, глухой вибрацией доходящий до самых верхних надстроек, были слышны воющие и звенящие переливы самолетных моторов, надрывающихся на крутых виражах. Непрерывная пулеметная трескотня и короткий лай авиационных пушек волнами наплывали на замершие в ожидании зенитные расчеты, офицеров-наблюдателей, застывших с биноклями в руках, дальномерщиков на мостиках.

Когда от атаки пары ЯКов, зашедших снизу, пикирующий бомбардировщик взорвался в воздухе, эффектно выбросив протуберанцы из огненного шара, линкор вдруг грохнул дружным воплем сотен здоровенных матросских глоток, выкрикивающих не имеющие аналогов в мировом лексиконе междометия, выразившие высшую степень человеческого восторга. С этого момента над кораблями стоял непрерывный рев. Каждая удачная атака истребителей, завершавша-

ся ударом оставляющей черный шлейф дыма огненной кометы о поверхность океана, поднимающим сияющий водяной столб, вызвала новую вспышку рева дошедших до предела энтузиазма моряков. Это было как на стадионе перед войной: баски и наши, когда солнце светило ярко и флаги натягивались от исторгаемого тысячами пар здоровых мужских легких ора.

Все перипетии воздушных схваток были видны уже совершенно отчетливо – бой накатывался с кормы, стало ясно, что американцев удержать не удастся. Многократно повторенные команды с островной надстройки авианосца заставили разгоряченных боем истребителей прервать атаки. Подстегиваемые приказами своих комэсков, летчики поспешно выходили из боя, освобождая небо, радиальными курсами расходясь в разные стороны. Через считанные мгновения все корабельные орудия, в сектора стрельбы которых попадали приближающиеся самолеты, открыли огонь.

Все три корабля окутались тонкой серой завесой сгорающих пороховых газов. Вдыхая этот пьянящий, заставляющий обо всем забыть запах, дорвавшиеся наконец до глотки противника зенитчики извергали из десятков орудийных стволов плевки раскаленного металла, уносящиеся в сторону выходящих на боевой курс пикировщиков и торпедоносцев. Кормовые 152-миллиметровые башни «Советского Союза» и «Кронштадта» стреляли осколочно-фугасными снарядами, рвущимися на самой поверхности воды. Каждая из

башен выплевывала в минуту по пятнадцать 55-килограммовых снарядов, создавая непроницаемый частокол из непрерывно вздымающихся и опадающих водяных гейзеров. очередной столб воды поднялся прямо перед несущимся торпедоносцем, тот пронзил его насквозь и, скапотировав, пропал вспенившуюся борозду среди волн.

Громкий хлопающий звук палубных и башенных стабилметров, бьющих в лоб торпедоносцам, почти видимо разлетался в сгустившемся дымном воздухе. Разошедшиеся веером с обоих бортов самолеты покрывали за секунду больше ста метров, но эти оставшиеся до сброса торпед мгновения были исполосованы густой сеткой голубоватых трассеров зенитных автоматов. У зенитных установок металась сине-черные фигуры матросов, непрерывно втискивая в приемные окна счетверенных и спаренных 37-миллиметровок новые обоймы, опустошаемые за считанные секунды. Полтора зенитных стволов выплескивали буквально море стали, и хотя лишь немногие из снарядов и осколков находили цели, плотнейшая завеса огня казалась почти непреодолимой. Торпедоносцы отчаянно маневрировали, пытаясь уклониться, сбить наводку, выгадать несколько секунд для сброса торпед. Несколько «эвенджеров» один за другим упали в океан, растерзанные осколками «соток», прошитые очередями зенитных снарядов, сокрушавших все на своем пути. Одному из самолетов оторвало плоскость, и он встал над водой вертикально, прежде чем перевернуться через хвост и

рухнуть, взорвавшись при ударе о воду. Стиснув зубы, пилоты прорывались сквозь зенитный огонь. Извергающие пламя силуэты русских кораблей, похожие на каких-то чудовищных бронированных динозавров, выростали в размерах с каждой секундой.

Командир второго звена эскадрильи торпедоносцев, последний оставшийся в живых старший офицер, не отпуская гашетки носовых пулеметов, протискиваясь через светящиеся траектории зенитного огня, вырвался к траверзу гигантского линкора. Одновременно с нажатием прикившим к прицелу штурманом кнопки сброса он рванул правой рукой рычаг механического отцепления торпеды, вложив всю свою ярость в этот все завершающее движение. В его сознании навсегда отпечаталась яркая, раскаленными красками выжженная на сетчатке глаз картина: окутанный дымом борт вражеского корабля, темно-серые надстройки, в которые упираются сияющие нити его собственных крупнокалиберных трасс, разноцветные усы очередей зенитных пулеметов, дугами мотающиеся над водой, и оранжевые шипы огня на стволах автоматов, бьющих в упор.

Пять «эвенджеров», три с левого борта и два с правого, сбросили свои торпеды на дистанции 400—500 метров от бортов линкора, к линейному крейсеру прорвался только один. Выкрики офицеров, стегаящие по ушам глохнущих людей выстрелы, рев вентиляторов, гонящих воздух к форсируемым механизмам, звон пуль, вонзающихся в надстрой-

ки, рикошетирующих от железных поверхностей, мгновение – и торпедоносцы, захлебываясь пулеметным лаем, закладывая крутые виражи, пытаюсь спастись от смертоносного ливня зенитного огня. Линкор кренится на правый борт, разворачиваясь на пяточке между сходящимися белыми пенящимися дорожками, стремительно скользящими к его бортам.

Торпеды еще только входили в воду, а первые бомбардировщики, тяжелые, жуткие, похожие своей массивностью на дубовые колоды, уже переходили в пикирование на описывающий циркуляцию авианосец. Только то, что строй пикировщиков был еще до выхода в атаку растерзан советскими истребителями, видимо, спасло авианосец. Яростный огонь его зениток практически не отразился на качестве их атаки – один «хеллдайвер» был сбит в момент, когда только заваливался в пике, а другой, наоборот, из пикирования не вышел и с ревом вонзился в воду в полусотне метров от правой раковины «Чапаева». Одна за другой несколько бомб легли в кипящую кильватерную струю корабля, еще пара – в десятке метров от борта.

Авианосец непрерывно менял курс, описывая разнодужные координаты в обе стороны от генерального курса, счетверенные зенитные автоматы захлебывались беглым огнем, провожая каждый пикировщик до момента сброса. Крутые циркуляции на полном ходу выносили «Чапаев» из-под падающих бомб, и атака закончилась для него, в принципе, благополучно – авианосец не получил ни одного прямого по-

падания. Правда, было отмечено минимум три близких разрыва, а одна из бомб взорвалась в непосредственной близости от его кормы, но о причиненных повреждениях докладов от БЧ-5 на мостик пока не поступало.

Проводив взглядом рукоятки машинного телеграфа, переведенные с «самого полного» на «полный», командир «Чапаева», криво усмехаясь, оглядел окружающих его офицеров – на их бледных лицах он увидел растерянность и облегчение.

– Живые?

– Вроде живые...

В следующее мгновение сигнальщик доложил, что в «Советский Союз» попали.

Громадный линкор, накренившись, описывал широкую циркуляцию. В него попала одна торпеда – в левый борт, в мидель, слава Богу, а не в оконечность. Практически сразу после попадания линкор атаковала еще одна четверка торпедоносцев, зашедшая веером со стороны солнца. Десятки офицеров-зенитчиков, срывая голоса, выкрикивали слова команд, перенацеливая батареи. Оставив в покое выходящие из атаки самолеты, на нового противника обрушило огонь все, что могло стрелять. Один торпедоносец разнесло буквально на части прямым попаданием снаряда крупного калибра, остальные шарахнулись в стороны и не слишком прицельно сбросили свои торпеды с большой дистанции.

Огонь велся еще несколько минут, затем по двухфлажно-

му сигналу с «Советского Союза», продублированному по радио, его задробили, после чего на выходящие из сферы зенитного огня кораблей соединения американские самолеты вновь накинудись советские истребители. На этот раз особого накала в их атаках не было – многие не смогли принять участие в этой фазе боя, получив повреждения или исчерпав боезапас. Сбив несколько одиночных торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков, истребители прекратили преследование и вернулись к соединению.

Три корабля, разошедшиеся в ходе боевого маневрирования на большое расстояние, поспешно собирались в компактный кильватерный строй. Авианосец шел чуть в стороне, принимая самолеты. Первыми садились те, кто заявлял о повреждениях, остальные в это время кружили, сбиваясь в строи эскадрилий. В эфире шел бурный обмен впечатлениями о проведенном бое, в адрес штаба авиагруппы передавались радостные комментарии. Севшие самолеты немедленно откатывали к носовой части взлетной палубы, а затем по очереди опускали в ангар с помощью носового подъемника. У кормы мотались дымки зажженных на палубе шашек, указывающих направление и силу ветра. Офицер с белым флагом в поднятой руке, стоящий у среза полетной палубы, давал разрешение заходящим на посадку самолетам, готовый в любой момент получить запрещающий приказ с мостика. Нескольким истребителям, не выдержавшим паузу после посадки предыдущей машины, пришлось уйти на второй круг.

– Горючку и патроны!!! – проорал в лицо командиру палубной команды первый из севших комэсков. – «Пятерка» села уже?!

– Нет.

– Бегом, мать вашу всех! Где Покрышев, где Амет?

– Не сели еще. Нельзя заправлять, погоду, недолго осталось. Еще крутятся наши, ну нельзя ведь...

Ему сложили крылья, опустили вниз, на продуваемую насквозь из открытых бортовых проемов ангарную палубу. Первым, кто попался комэску-три, был Раков.

– Тридцать минут у тебя, – сказал ему Кожедуб. – Готовь своих головорезов, пойдем, наверное, вместе.

Тот осознал, умчался нехарактерной для его комплекции рысью.

В центральном посту «Советского Союза», расположенном глубоко под верхней палубой, со всех сторон прикрытом броней, шла напряженная работа. Из центрального поста борьбы за живучесть, где обобщались данные от аварийных партий, обследующих район повреждений, туда непрерывно докладывали об их объеме, о принимаемых мерах, о возможных последствиях. Пока еще было рано делать выводы – насколько торпедное попадание повлияло на боеспособность линкора, но серьезность сложившейся ситуации понимали все.

Одна торпеда в борт для линкора в шестьдесят с лишним тысяч тонн водоизмещением – вещь далеко не смертель-

ная, однако последствия этого попадания могут быть весьма опасными. Группа инженеров из Мучкинского и Чиликинского бюро, развернув простыни чертежей, рассчитывали варианты контрзатопления бортовых отсеков правого борта для спрямления возникшего крена. Крен на левый борт, после попадания быстро достигший трех градусов, больше не увеличивался, что было хорошим признаком. Торпеда попала в цитадель линкора и, разрушив и затопив отсеки системы противоторпедной защиты на большом протяжении, не привела к затоплениям в защищенной части корабля.

Последнее время ходили туманные слухи про разработанную и якобы уже применяемую американцами аж 57-сантиметровую авиаторпеду, но то ли это была не она, то ли она, несмотря на калибр, не представляла собой ничего особо страшного, но повреждения были в пределах соответствующих расчетов. Однако линкор потерял часть горючего из цистерн левого борта, а вытекающий мазут стелился за кораблем широкой черной полосой, отмечая его курс. Впрочем, с этим можно было бороться: через полчаса аварийные партии задействовали систему вытеснения топлива из поврежденных цистерн с помощью пенообразователей, и вскоре демаскирующий след должен был исчезнуть.

Было ясно, что походу и рейдерству приходит конец, надо было убираться из Атлантики как можно быстрее. Хорошо, что выдержала ПТЗ¹¹⁶, но вот по поводу маневренности лин-

¹¹⁶ Противоторпедная защита.

кора ничего, кроме матюков, Левченко сказать не мог.

С верхней палубы по крутым трапам сносили вниз раненых. Подхватив товарища под мышки и под колени, двое или трое матросов бережно перекладывали его на корабельные носилки и осторожно спускали на жилую палубу, а затем в корабельный лазарет. В развернутой операционной, под ярким светом тысячесвечевых ламп две хирургические бригады оперировали тяжелораненых, фельдшера перевязывали тех, до кого очередь еще не дошла. Тихо переговариваясь между собой, четыре врача, выпускники ленинградского Военмеда, прошедшие полную школу фронтовой медицины, вели свою отчаянную драку, на этот раз за жизнь людей, — цель прямо противоположная, чем у тех, кто поливал их огнем полчаса назад.

В выложенной сияющей метлахской плиткой операционной не было места званиям, окончательная сортировка проводилась в «предбаннике», или «чистилище», как его называли врачи между собой, в паузах между операциями, и у офицера не было никаких шансов попасть на операционный стол раньше матроса, на которого указал заляпанный кровью хирург. Раненые все прибывали. Американские авиационные пулеметы произвели страшное опустошение в надстройках «Советского Союза», их крупнокалиберные пули, если и оставляли человека в живых, превращали каждую рану в мешанину рваных мышц, обрывков сосудов и мельчайших обломков костей. Именно в эти минуты на верхней палубе од-

ним из офицеров был сделан ставший впоследствии знаменитым кадр: гнездо счетверенной 37-мм зенитной установки, разбросанные по ее полу сотни гильз и три неподвижных тела матросов в касках – навалившийся на рукояти поворотных механизмов наводчик, скорчившийся у подножия оружейной тумбы заряжающий, прижавший лицо к полной снарядной кассете, и раскинувший руки подносчик, лежащий лицом вниз.

Узел 6.2

18 ноября 1944 г., 9.45-11.50

Удар по авианосцу противника начали готовить еще до того, как на палубу «Чапаева» сел последний истребитель. Радиостанция «Советского Союза» ретранслировала разведчикам шестой эскадрильи сообщение о курсе отходящих американских самолетов. Смысла в радиомолчании не было, атаковавшему их противнику координаты советских кораблей были известны с точностью до кабельтова. Впрочем, особой надежды на то, что их сообщение будет услышано хотя бы одним из пятерки ЯКов, командир авианосца не питал. Его прямо трясло от азарта – теперь ход был за советской стороной, и если он будет верным, второго удара по эскадре уже не случится.

На палубу «Чапаева» сел тридцать один истребитель, большинство уже было спущено в ангар, где их облепили матросы, старшины, военные инженеры сразу, кажется, всех служб авианосца. Из подъемников погребов вытаскивали кассеты с патронами к 20-мм пушкам и крупнокалиберным пулеметам, в открытые горловины баков под напором вырвались струи бензина, вдоль ряда самолетов двое матросов катили на тележке баллоны со сжатым воздухом. Летчики буквально выползали из кабин своих самолетов, их береж-

но принимали, помогая сойти на крыло. Из кабины одного из первых севших ЯКов пилота, залитого кровью, пришлось вынимать. Несколько офицеров, пошатываясь, все же оттолкнули матросов и сами спустили товарища на землю. Ноги не держали того, но он, обвисая на руках друзей, поцеловал крыло своего истребителя, прежде чем лечь на теплые железные плиты ангарной палубы.

Старший авиаинженер авианосца бежал между двумя рядами самолетов, оглядывая их один за другим, время от времени подтягиваясь на крыло с уже поднятой вертикально и поставленной на стопор консолью, чтобы заглянуть в кабину – или наоборот, нагибаясь вниз, офицеры-летчики махали ему руками, бросая каждый по несколько слов. Возле одного из ЯКов четвертой эскадрильи инженер, даже не останавливаясь, скрестил поднятые руки – хвостовое оперение машины было изодрано в клочья. Добежав до конца ряда, он повернул обратно, теперь уже тщательнее осматривая каждый самолет в поисках повреждений.

Независимо от того, был истребитель поврежден или нет, его оружие перезаряжалось, пневматика пополнялась сжатым воздухом, масло доливалось в маслобак – все делалось одновременно. Иначе было с горючим – «Чапаев», жестоко лимитированный в водоизмещении, имел топливо лишь на пять боевых вылетов полной авиагруппы, поэтому ценность каждой лишней заправки была невероятной. В случае самой крайней необходимости поврежденные истребители уйдут в

бой над палубой своего авианосца с теми остатками топлива, которые у них есть, – в любом случае они будут сбиты в первую очередь, поврежденный самолет – лакомая добыча.

Петр Покрышев, стоя на взлетной палубе среди растянувшихся на ней офицеров-летчиков истребительных эскадрилий, размахивал кулаком. Никто не стеснялся лежать при стоящем командире авиагруппы – летчики авианосца знали себе цену, а самому командиру на субординацию было просто наплевать, большинство своих подчиненных он знал не первый год, по крайней мере заочно.

– Амет-Хан, так тебя! Ты что делал! Что делал, спрашиваю?!

Молодой смуглолицый капитан с красивыми тонким лицом приподнял густые брови, не изменив спокойно-безмятежного выражения лица.

– Вцепился в истребителей, в горло прямо, вырезал их со своими желтокожими, а бомберов кто есть будет, я? Я буду?

– Ну люблю я их, командир, люблю! – слова молодого летчика вызвали хохот среди офицеров, но Покрышев сбить себя с тона не дал.

– Кто ж не любит! Как же, американского истребителя на вкус попробовать, белую звездочку нарисовать! А вот Иван Никитович не увлекся и своим увлечься не дал! Нас здесь для чего собрали, «хеллкэтам» хвосты трепать? Мы просрали линкор, понимаете, просрали, в первом же бою!

– Сам-то... – буркнул невысокий мрачный летчик с оди-

ноким орденом Александра Невского на гимнастерке.

– Что?! Что ты сказал? Ты, герой Четвертой Пунической, думаешь, я тебя не видел? Я всех вас видел – и как ты один пикировщик десять минут трепал, я тоже видел!

– Брось, Петро, ну не гони на ребят, они полностью выложились...

Кряхтя, здоровенный двадцатичетырехлетний мужик, один из самых удачливых асов военно-воздушных сил, поднялся на ноги и ухватил командира за плечо. Тот стряхнул его руку.

– Вот кто выложился, Иван, а кто и нет – не надо! Вторая – так точно нет, и все мы тут это знаем. Александр Иванович, разъясни нам, убогим, как ты с дюжиной «колод» справиться не мог?

Обалдевший от такого вопроса Покрышкин вскочил на ноги одним рывком, скуластый, с отеками под глазами.

– Что-то я не понял, командир... – начало было тихое, но все знали, что взорваться комэск-два способен от малейшего толчка, в нем как будто всегда плавала капля гремучей ртути, подвешенная на тонкой проволочке. – Если я помню верно, то ни одна бомба в «Чапай» не попала, иначе бы мы тут не сидели... И если «колод» мы сбили не особо много, то и сами никого не потеряли, а вот жопу им надрали вполне по правилам. А что у тебя было, может, расскажешь нам?

– Живучие, суки, – в голосе комэска-пять была тоска, свой первый бой над океаном он представлял себе совсем

иначе. – Я таких еще не видел, «юнкерс» ему в подметки не годится, а уж на что крепкая машина. И парень мой погиб. Совсем худо.

– В пятой было хуже всех, – подтвердил худой высокий офицер, только что подошедший к собравшимся и утирающий лицо шлемофоном. – Все крылья в дырках, во такие! – он показал.

– Не в вашу пользу счет, – Покрышев сам помрачнел, гнев на его лице уступил место решимости. – Потерять машину на таком деле... Всем табуном же *били*... Ладно, хватит. Глупо скулить дальше. Скоро вылетаем опять, через минут тридцать-сорок, если от шестой что-то будет. Идут первая, остатки пятой, – он взглянул на Покрышкина, но тот ничего не сказал. – Остальные в зависимости от дистанции. Но вторая уж точно.

Летчики второй эскадрильи застонали, изобразив преувеличенное страдание на лицах. Несмотря на фактически проигранный «по очкам» бой, настроение у них было хорошее – американцы на деле оказались не самыми страшными противниками, в характеристиках их самолетов не было ничего особо неожиданного. Впрочем, силу батареи крупнокалиберных пулеметов «хеллкэта» или «корсара» недооценивать никто не собирался – для легких ЯКов даже несколько полудюймовых пуль могли представлять смертельную опасность. По этому поводу летчики кстати и некстати употребляли дурацкую присказку «А кому сейчас легко?», каждый раз по-

чему-то вызывавшую взрыв хохота.

Кормовой самолетоподъемник выкатил на палубу первый бомбардировщик – выкрашенный в три матовые краски Су-6 полковника Ракова. В отличие от машин истребительных эскадрилий, на самолетах первой не было опознавательных вертикальных или косых полос на фюзеляже, да и вообще ярких цветовых пятен на бортах было гораздо меньше. Не распластывались по носу орлы, как на всех без исключения самолетах четвертой, не скалились морды львов и барсов (отличительные признаки машин Щипова из пятой и Покровского из третьей), не было устрашающих рядов звездочек на фюзеляжах. Даже тактические номера были не белыми, а желтыми – для управления эскадрилей в бою их яркости хватало, а выдерживать по ним ракурс прицеливания было несколько сложнее. Техники опустили поднятые сегменты крыльев в горизонтальное положение и откатали машину вперед, через мгновение подъемник снова ушел вниз. Из блистера стрелковой точки махал руками сержант, не менее знаменитый, чем сам Раков, стрелок с торпедоносцев Северного флота. Перегнувшись через ограждения зенитных гнезд, матросы, обслуживающие 37-миллиметровые автоматы, махали ему в ответ, выкрикивая пожелания. Между соборным на борту «Чапаева» созвездием асов и ими зияла пропасть, сержант же был свой.

Восьмерка пикировщиков выстроилась в шахматном порядке на корме авианосца и застыла в неподвижности. Над

закрытыми створками бомболоюков на замках висели пятисоткилограммовые бронебойные бомбы, способные пройтись что угодно, патронные ящики забиты до отказа, высокооктановый бензин залит «по пробку» – что еще надо? Несмотря на отсутствие какой-либо информации от разведчиков, взлет бомбардировочной эскадрильи все-таки состоялся ровно в 10.30. Через десять минут ее догнали 2-я и 5-я истребительные, в составе которых теперь насчитывалось двенадцать боеспособных Яков, – на бортах почти всех их рядами красных звездочек уже красовались по одной-две белой, и это впечатляло. Сопровождение бомбардировщиков – не слишком почетная задача для асов их уровня, но над морем все меняется. Если удар по американскому авианосцу удастся, это оправдает любые жертвы. Сумеют ли они найти противника, справятся ли они с его охранением, сумеют ли потом найти свой авианосец – эти вопросы по очереди возникнут перед тремя эскадрильями в ближайшие часы. Вторая эскадрилья покинет своих товарищей немедленно после прохода «точки поворота» – то есть использования половины горючего, после этого защита пикировщиков будет возложена на плечи пяти ЯК-9Д – дело, как показал утренний бой, вовсе не безнадежное, но сложное невероятно. Вылет шел практически в никуда – найти авианосец должны были сами бомбардировщики, и очень маловероятно, что это удастся сделать на первых десятках километров пути.

Выручило везение – искать цель, мотаясь зигзагами над

водой, не пришлось, за них это сделал истребитель-разведчик из шестой эскадрильи, способный держаться в воздухе втрое дольше. Идя в редких облаках на шестикилометровой высоте, пилот кренил машину то вправо, то влево, осматривая океан на десятки километров в обе стороны, и во время очередного полуразворота ему открылся веер белых кильватерных следов. Мгновенно развернувшись, натасканный на морскую разведку капитан-североморец, помнивший еще охоту на «Тирпица», ушел в ближайшее облако, изменил курс и передал на эскадру сообщение о координатах группы кораблей.

Около пяти минут он шел по компасу, а затем вывалился из облака практически над серединой ордера. По нему уже стреляли, серые пятна рвущихся зенитных снарядов крупного калибра негусто вспухали под плоскостями. Заложив крутой вираж, капитан увидел и висящую над кораблями четверку истребителей. На главный вопрос он ответить сумел – один из кораблей явно был авианосцем, остальное его в данной ситуации не слишком волновало. На максимальной скорости снизившись до четырех тысяч метров, ЯК прошел над корабельным порядком, внимательно считая корабли эскорта.

Других авианосцев, по крайней мере рядом, видно не было, и, сочтя свою задачу выполненной, капитан развернул машину, уходя за траверз противника. Связываться с четверкой истребителей ему совсем не хотелось. Несмотря на весь описываемый в газетах героизм советских истребителей и их

безусловное идейное и техническое превосходство над любым врагом, исход воздушных боев в соотношении противников 4:1 был обычно predetermined и заканчивались они одинаково – стаканом водки перед пустым местом в летной столовой, уж это разведчики знали лучше других.

Накренив самолет, капитан увидел справа и сзади медленно вползающие в стекло силуэты самолетов, они явно приблизились. Снаряды рядом больше не рвались, и это тоже кое о чем говорило. Теперь ему нужна была высота – чтобы передать еще одно сообщение и чтобы принять бой, если избежать его не удастся, в идеальных для себя условиях. Чем выше – тем больше скорость у тяжелых американских истребителей, но на средних высотах по маневренности ЯКом равных не было, а разница в скорости вряд ли будет так велика. Мотор за две минуты поднял его на шесть тысяч, американцы висели где-то в километре сзади и отставать не собирались. Время пока было.

– Борт, я шесть-три, шесть-три. Группа кораблей в квадрате сорок шесть – сорок, повторяю, сорок шесть – сорок. Авианосец один, повторяю, авианосец один, крейсер один, эсминцев семь или восемь. Повторяю, один авианосец в квадрате сорок шесть – сорок. Курс авианосца – юго-юго-восток, юго-юго-восток. Охранение – крейсер и семь-восемь эсминцев, зенитный огонь сильный. Скорость семнадцать-восемнадцать. За мной четыре истребителя, не отстают.

Взгляд, брошенный через правое плечо, убедил его, что так оно и было.

– Если оторваться не удастся, приму бой, на вас их не поведу. Повторяю...

Бой он принимать пока не собирался, но от собственных слов ему стало приятно. Повторив то же самое еще раз десять, разведчик менял курс, чтобы по-разному ориентировать антенну, и это позволило американцам сократить расстояние по крайней мере вдвое.

Впрочем, судя по всему, подойти ближе им уже не удастся. На данный момент истребителей, превосходящих ЯК-9 с 1650-сильным мотором по скорости на средних высотах, было немного, и вдвое более тяжелые американцы в их число не входили. Пилот боролся с искушением развернуться и попытаться набить американцам морду. Риск был велик, но уйти ему в любом случае удастся, если соскользнуть на пять тысяч. Пожалуй, обнаружив вражеский авианосец, орден он себе уже заработал, и на этом его роль выполнена, однако привезти домой фильм из фотопулемета все-таки будет гораздо приятнее. Он истребитель не хуже других, если не считать кофлу дважды Героев, и шестую не больно-то позадираешь, но все же...

Искушение боролось в нем с осторожностью, но осторожности с каждой секундой становилось все меньше. Растравляя себя, он представлял предстоящий бой, и из глубины души поднимался восторг. За два года войны на северном те-

атре военных действий он сбил четверых, и это всяко были летчики не чета американцам. Черт побери!

Повинуясь порыву, он заложил боевой разворот, одновременно вновь переключив тумблер радиостанции на «передачу».

– Американцы не отстают, принимаю бой. До связи.

Бросив свою машину в переворот, он проскочил под разделившимися на пары «хеллкэтами» и заученным движением вогнал ее в свечу. Одна из пар поспешила развернуться, но скороподъемности ЯКу было не занимать, и преимущество по высоте получить удалось. Вторая атаковала его справа, открыв огонь с большой дистанции, это окончательно убедило капитана в том, что перед ним новички. Легко избегнув атаки, он сорвал свой истребитель в штопор, падая сверху на первую пару, которая, в свою очередь, уже разворачивалась. Обнаружив валящегося сверху русского, ее ведущий ушел вниз переворотом, второй летчик предпочел восходящую бочку и выскочил из прицела за доли секунды. Кинув взгляд через левое плечо, капитан засек двух других и повернул машину, чтобы пропустить их слева от себя. Со снижением ЯК прошел мимо безуспешно пытающейся его перехватить двойки истребителей и в боевом развороте вцепился в нее сзади. Пара мгновенно разделилась, чего он, в общем-то, и добивался. В данный момент из первой пары его мог атаковать только ведомый, но видно его пока не было. Может, тот уже снизу? Вряд ли, скорее, где-то сзади.

Мысли мелькали, как в калейдоскопе, ничего интереснее в жизни он еще не испытывал. Один из «хеллкэтов» пикировал, надеясь на превосходство своего двигателя, второй давно вильнул куда-то влево, но по времени еще не мог успеть зайти в хвост. «Хеллкэт» спустился аж до двух тысяч метров, время от времени доворачивая в разные стороны, русский истребитель висел сзади и повторял все его маневры. Три остальных американца, отстав, с разных ракурсов валились на него сверху.

Догнать тяжелый истребитель в пикировании было невозможно, за время снижения с двух тысяч до четырехсот метров тот успел оторваться от преследования и даже развернуться. Однако вместо того, чтобы вступить со своим противником в маневренный бой до момента, когда его смогут поддержать остальные три истребителя, молодой американский пилот задрал нос своего самолета и атаковал русского в лоб. Пятитонная машина, имеющая слишком небольшую скорость после разворота и трудно управляемая на такой малой высоте, просела. Пилот облился мгновенным потом, когда рогатую ручку управления рвануло у него из рук, а желудок подпрыгнул чуть не до подбородка. Навалившись на нее всем телом и рефлекторно сманеврировав педалями, он выровнял крен, смог наконец, переведя дух, зафиксировать то, что горизонт занял нормальное положение, и только потом вспомнил о русском.

Того не было видно, и первый полный ужаса взгляд амери-

канца был назад. То, что слева, куда он обернулся, забыв первое правило из параграфа «сумей выжить в небе», никого не оказалось, было еще страшнее. Крича, он начал поворачивать голову вправо, когда первая пушечно-пулеметная очередь разодрала фюзеляж и плоскости, рассекая хрупкие нервюры, обрубая провода и тросы, насквозь дырявя обшивку. Голубоватые гнутые плиты плексигласа покрылись сетью мельчайших трещин и лопнули, что-то горячо ударило в плечо и бок, перед глазами вспыхнул огонь. Парень прижал руки к лицу, выгнувшись дугой на сиденье не защитившей его машины, и через долю секунды вопль оборвало ударом крылатой могилы о жесткую, как наждак, воду.

Узел 6.3

18 ноября 1944 г., 11.50-20.30

Атака на американский авианосец не удалась. Иначе вряд ли могло случиться, учитывая силы атакующих и тех, кто им противостоял. Шедшую на шести тысячах метров прямо в лоб авианосному соединению группу самолетов обнаружили с помощью радарных установок, и немедленно подняли на помощь воздушному патрулю ожидавшую на палубе восьмерку «Ведьм» – русских ждали. После визита разведчика, которого не удалось сбить дежурной четверке, потерявшей в коротком бою одну машину, курс соединения не был изменен. Большого смысла в этом контр-адмирал не находил, риск ответного удара с русского авианосца, по его мнению, был невелик, а в случае его нанесения «Бенningтон» вполне способен за себя постоять. Другой вопрос: как строить свою тактику дальше? Вышестоящее командование приказало нанести еще один удар всеми силами авиагруппы, но с этим придется подождать, пока вернувшиеся из атаки летчики не придут в себя. Если не дать им отдохнуть, их атаку сможет отбить и какая-нибудь дежурная пара русских истребителей, давшая издали несколько очередей. В этом контр-адмирал Алан Киик убедился, лично переговорив почти со всеми пилотами уцелевших машин: зенитный огонь

линкоров они охарактеризовали как «жуткий», а качество истребительного прикрытия как «ошеломляющее». Летчики размахивали руками, изображая особенности высшего пилотажа своих противников, о сбитых не рискнул заявить ни один из них – пленки фотопулеметов позволяли достоверно определить результативность огня каждого. Мокрые фотографии, изображающие снятый с трех тысяч метров авианосец на циркуляции в окружении водяных столбов и один из русских линкоров сразу в нескольких ракурсах, были приколоты на доску в комнате предполетного инструктажа, и десятки людей, отпихивая друг друга, проталкивались к ним, чтобы лично взглянуть на корабли, так напугавшие боевых летчиков, которых они искренне считали лучшими в мире.

Вопль ревуна разогнал моряков по боевым постам, но на палубе народу оказалось больше обычного. Двенадцать истребителей сомкнули строй и плотной группой ушли навстречу русским, еще шесть начали поднимать на взлетную палубу. «Хеллкэты» приняли бой на все тех же шести тысячах метров, разделившись на две группы – восемь попытались связать боем пятерку ЯКов истребительного прикрытия, а остальные четыре намеревались атаковать бомбардировщики. Ни то, ни другое им не удалось, трое были сбиты в течение тридцати секунд, причем два из них – малоизвестным старшим лейтенантом, машина которого была украшена силуэтом овчарки. Строй американских самолетов рассыпался. Один лишившийся ведущего и потерявший ориента-

цию лейтенант не нашел ничего лучшего, как выходить из боя прямым курсом на «Сухих». Двое ЯКов немедленно взяли его в клещи, опустили под строй бомбардировщиков, диктуя курс трассами, пущенными впритирку к фонарю кабины, и демонстративно расстреляли на глазах у остальных американских истребителей. Бедный парень выл в рацию, захлебываясь слезами, но прийти к нему на помощь никто не рискнул. Кувыркающийся «хеллкэт» упал в воду на траверзе самого дальнего эсминца кругового зенитного ордера, и в следующую секунду все зенитные орудия американских кораблей открыли огонь.

Сорокамиллиметровые «бофорсы» не доставали до шести тысяч, но зенитные пятидюймовки авианосца, крейсеров и эсминцев, за минуту выкидывающие в небо по шесть-десять снарядов, испятнали курс русских самолетов полупрозрачными пятнами разрывов. Пикировщики разделились на две группы по четыре машины в каждой, и в пологом снижении с периодическими доворотами в разные стороны, сходящимися градусов под тридцать, курсами пошли прямо на авианосец. Подготовка зенитчиков авианосца оказалась не в пример лучше, чем у его летчиков, – огонь управлялся отлично знающими свое дело специалистами с богатым практическим опытом – две машины иссекло в клочья близкими разрывами еще задолго до выхода в точку начала пикирования. Вокруг бомбардировщиков одновременно рвались десятки снарядов – машины подбрасывало и трясло в воздухе, далеко

отлетающие при взрывах мелкие осколки пятнали плоскости и фюзеляжи десятками точечных проколов.

– Не пройдем! – слова, которые с трудом удерживал в себе каждый, имел право сказать только сам Раков, остальных за это ждал бы трибунал. – Отходим и поднимаемся на десять тысяч! Сразу!

Повторять не было нужды. Полковнику было абсолютно ясно, что вся эскадрилья будет уничтожена зенитным огнем еще до сброса бомб, и без какой-либо пользы. Если же подняться на десять тысяч метров и бомбить с горизонтального полета, шансов уцелеть у них будет гораздо больше. Вероятность попадания упадет почти до нуля, но это хоть что-то. Океан примет всех.

Шестерка Су-6, развалив строй, отошла, провожаемая непрерывным огнем, поднялась на максимально возможную для себя высоту – форсируемые моторы с трудом вытащили их девять с небольшим тысяч. В принципе, на такой высоте шансы американских тяжелых истребителей резко повышались, но в воздухе их оставалось всего восемь, а поднять остальные, находясь под атакой, значило прекратить на какое-то время маневрирование.

Две тройки маленьких русских бомбардировщиков неторопливо мелькали в просветах облаков. «Беннингтон» оказался единственным кораблем, зенитки которого были способны добросить снаряд до такой высоты, а это более чем вдвое уменьшало плотность огня. На этот раз он не очень

беспокоил русских – на описывающий восьмерку авианосец бомбы были сброшены одновременно, и когда громадные столбы разрывов встали с обоих его бортов, на крейсерах решили было, что авианосцу конец, но он вывернулся из-под накрытий, не получив ни царапины и ни на мгновение не замедлив темп стрельбы. Так же неторопливо и нагло русские удалились. Их провожали огнем до последней возможности, но сбить хотя бы еще одного не удалось, истребители тоже не решились еще раз атаковать и снова стянулись над своим авианосцем, откуда их так бесцеремонно отогнали зенитчики. Прошли еще полчаса до того момента, когда, подняв смену, им наконец разрешили сесть. Теперь над пилотами не смеялись – им поверили все.

В течение часа в адрес атлантического оперативного командования были отправлены восемь радиограмм. Контр-адмирал Кинк четко изложил сложившуюся в центральной части Атлантики ситуацию: его оперативная группа была практически нейтрализована, а никакой другой в радиусе четырехсот миль не было. Зато имелось сразу несколько следующих в разных направлениях крупных конвоев, прикрытых эсминцами и эскортными авианосцами, а иногда и легкими крейсерами из состава Королевского флота – но не имеющих никаких шансов отбиться от русских линкоров. Русский авианосец он оценил как легкий, хотя о нем было известно весьма мало, разве что то, что он попытался нанести удар восемью пикировщиками, успешно им отбитую, и выглядел

на фотографиях как перекошенный «Индепенденс»¹¹⁷. Кинк не сомневался в том, что это было все, чем русские располагают. Вывод – задача их авианосца в прикрытии линкоров с воздуха. Давшийся дорогой ценой опыт показал, что на это он вполне способен, и даже в случае сосредоточения против русского соединения сразу нескольких ударных авианосцев (а его среди них уже не будет!) весьма проблематичный успех обойдется слишком дорого. Отсюда еще один вывод – это дело «больших хороших парней», сиречь линейных кораблей.

Через считанные часы количество золотых галунов на квадратный метр пола в обоих Адмиралтействах побило всякие рекорды. Одна за другой к их подъездам подкатывали дорогие черные машины, вызывая своим числом изумление у штатских. Всего полгода назад сообщение о «лисе в курятнике», обещающее хорошую охоту за «красной дичью», не вызвало бы в Британском Адмиралтействе ничего, кроме профессиональной радости, но сейчас момент был крайне неудачный. В распоряжении Флота Метрополии находилось всего четыре современных линейных корабля: «Кинг Джордж V», «Энсон», «Дьюк оф Йорк» и давно нуждающийся в серьезном ремонте тихоходный «Родней», который фактически служил стационарным флагманом в Скапа-Флоу и не мог быть использован в море из-за предельной изношенности машин. Остальные имеющиеся линкоры постро-

¹¹⁷ Тип американских легких авианосцев, аналогично проекту «Чапаева» перестраиваемых из легких крейсеров.

ки времен Первой мировой войны являлись фактически плавающими батареями, предназначенными исключительно для обстрелов береговых целей. Еще два линкора и линейный крейсер «Ринаун» оперировали на Тихом океане, подорвавшийся на mine «Нельсон» ремонтировался в Филадельфии, а остальные лежали на дне.

Американцы помочь не могли – все их силы были брошены в район Филиппин, где еще докручивались остатки большой мясорубки для Японского флота, и в Атлантике находились только антикварные корыта типа «Нью-Йорк», посылать которые в бой было бы самоубийством. Имелось еще два только что вступивших в строй «больших крейсера», и они как раз проходили подготовку в Атлантике, но американцы всячески декларировали, что эти корабли не являются линейными крейсерами, а были всего лишь быстроходными охотниками за крейсерами противника.

Авианосцев, на первый взгляд, хватало, но когда зашел разговор о том, какие ударные группы посылать в море, число авианесущих единиц в разряде «operational» вдруг резко уменьшилось. Готовить начали все, но что из этого выйдет, было пока неясно. Кто-то из адмиралов припомнил, что в день Ютландского боя в гаванях было совсем пусто, в море находились абсолютно все корабли флота. Похоже, в этот раз могло случиться что-то похожее.

На подготовку к выходу эскадр в море нужно было несколько дней – пока примут запасы, пока пополнят и пе-

реформируют авиагруппы флотских авианосцев и так далее. Алану Кинку с крейсерами и эсминцами следовало следить за русскими и не давать им возможности пересечь наиболее важные узлы путей конвоев, сами конвои требовалось завернуть, их охранение задержать и сосредоточить в северной части океана, передав общее руководство англичанам. Кто-то высказал мысль, что русские так и продолжат свое движение на юг, направляясь во Владивосток. Идею отправили в США – пусть у них голова болит, если русские вдруг вступятся за японцев в момент высшего напряжения борьбы на море... Резко возросшая интенсивность радиообменов имеющих отношение к флоту станций была отмечена германской радиоразведкой, но причина этого долгое время оставалась неясной, а отчитываться новые союзники не собирались. Затем удалось получить сведения о форсировании работ в портах Британии и атлантического побережья США. Не возникало никаких сомнений в том, что флоты новых союзников готовят что-то масштабное, – и, скорее всего, это была еще одна крупная десантная операция в Северной или Южной Европе. Возникал вопрос: где именно? Немногочисленные силы Кригсмарине, базирующиеся на порты Северного моря, были приведены в состояние повышенной боевой готовности, на случай, если их вдруг включат в какие-то свои расчеты. Выход в море уцелевших к этому времени тяжелых кораблей не планировался, но все способные к действиям подводные лодки, в том числе и недавно вернувши-

еся, согласно приказу, из прерванных боевых патрулей, одним рывком вышли из-под возможного превентивного удара дальней авиации русских, направившись по огромной дуге к скандинавским берегам. 6-я и 8-я флотилии эскадренных миноносцев с утра находились в четырехчасовой готовности к выходу в море, ожидая данных о районе высадки, чтобы произвести попытку предложить свои услуги в эскортировании десантных судов. Абсурд. Германское командование и все еще функционирующий *Marinenachrichtendienst*, служба военно-морской разведки Кригсмарине, полагали, что располагают для подготовки еще несколькими днями, но уже с ночи с 17-го на 18-е начали поступать сообщения с еще находящихся в море подводных лодок о массовом выходе боевых кораблей из портов Шотландии и Ирландии. Десантные средства пока не были обнаружены, но это ничего не значило. Крайне требовался воздушный удар по русским портам, но почти вся тяжелая авиация была задействована на центральном направлении в отчаянных попытках задержать продвижение русских частей в глубь Германии и поддержать долгожданное общее контрнаступление.

Поздним вечером 18 ноября были обнаружены главные силы Британского флота. Эскадра в составе трех линейных кораблей и как минимум трех крупных авианосцев в сопровождении огромной своры крейсеров и эсминцев огибала Ирландию в 50 милях от ее западного побережья, прикрываемая десятками противолодочных самолетов берегового ба-

зирования. Оказавшуюся на пути эскадры подводную лодку, попытавшуюся на всякий случай обозначить себя как дружественную, загнали под воду и непрерывно бомбили в течение восьми часов, чудом потеряв в тридцати морских милях от точки начала охоты. Выкрутившись, лодка подвсплыла на шнорхельную глубину, подняла на поверхность выдвижную радиоантенну и передала уже устаревшее сообщение о курсе и составе эскадры. Единственной важной информацией, которую удалось извлечь из направления ее движения, было то, что предполагаемым районом высадки не является северное побережье Германии, то есть удар наносится не для содействия наступлению. Субмаринам был ретранслирован курс соединения, и уже находящиеся в море лодки начали перенацеливать к Гибралтарскому проливу – пока Британское Адмиралтейство, переварив новости о зашевелившихся без указаний недобитых немецких моряках, не отдало приказ всем сидеть на месте. Союзнички...

Узел 6.4

18 ноября 1944 г., конец дня

На «Чапаеве» имелись две командирские столовые: обычная и «летнего состава», предназначавшиеся, соответственно, для офицеров самого «Чапаева» и для его авиагруппы. В этот долгий вечер в «морской» столовой «Чапаева» было не продохнуть. Командир авианосца объявил о товарищеском ужине в честь «спасителей», и строевикам пришлось очень сильно потесниться, чтобы дать место за сдвинутыми столами отутюженным, при полном параде, летчикам и инженерам. Входящих встречали два младших лейтенанта при кортиках, самые высокие по росту на корабле, указывая каждому его место за столом. Все знали, что еды до Мурманска может не хватить, и любили пошутить на эту тему, выбирая на съедение самого толстого матроса, старшину или офицера – в зависимости от ранга коллектива, в котором эта тема обсуждалась; но на один день командир «Чапаева» категорическим приказом отменил режим экономии. С удовольствием толкаясь и переругиваясь, офицеры в черных и синих кителях рассаживались по разномастным стульям, снесенным в столовую откуда только можно.

Нельзя было сказать, что стол ломился, но поесть и выпить на авианосце явно пока было что. Наиболее проголодав-

шиеся, а может, просто более уверенные в себе, начали открывать расставленные редкими группами бутылки с портвейном, вызывая радостное нетерпение у соседей по столу. Портвейн был единственным официально разрешенным в море алкогольным напитком, хотя негласно у многих имелись и некоторые запасы напитков покрепче – для употребления по медицинским показаниям. Расслабление после наполненного риском и ужасом близкой смерти дня однозначно являлось одним из них, и небольшие группки самых близких друзей уже успели обсудить, где они встретятся после окончания ужина и у кого что будет с собой. Напиваться никто не собирался, на завтра все ожидали второй попытки американцев, но по чуть-чуть и в хорошей компании – почему бы и нет?

– Товарищи!

Напрягая голос, капитан первого ранга пытался перекрыть шум голосов веселящихся летчиков.

– Да товарищи же! Тише, я прошу вас!

В его интонациях уже появились первые нотки раздражения, к такой наглости он не привык. Стараясь не забывать, что перед ним элита советской авиации, лучшие летчики страны, имена которых люди произносят с трепетом, он, сдерживаясь, начал стучать вилкой по стакану. Крупных кораблей в Советском флоте были пока считанные единицы, и в профессиональной среде их командиров знали по именам, но портретов их в газетах, конечно, не печатали, и спроси

на улице пацана, кто такой капитан первого ранга Осадченко, тот только плечами бы пожал. Постепенно гул утих, и даже самые увлеченные разговором повернулись к нему. Еще несколько секунд командир спокойно и на этот раз с чувством превосходства молча глядел на собравшихся и только затем поставил стакан на стол, застеленный чистой скатертью, еще не успевшей, как и все на корабле, приобрести потертый вид.

– Товарищи... Мои дорогие друзья! Сегодня наш славный «Чапаев» принял настоящее боевое крещение ..

Договорить фразу ему не удалось. Дикий рев одновременно вскочивших на ноги моряков и летчиков сотряс воздух. На пол полетело несколько разбитых в секундной толчее стаканов, но звон посыпавшихся по полу осколков едва был слышен. Люди обнимались, хлопали друг друга по плечам и спинам, несколько молодых офицеров, подскочив к командиру своей БЧ, скрутили его и очень аккуратно несколько раз подбросили к подволоку, окружающих эта картина довела чуть ли не до слез. Все же хохот постепенно затих, и все снова расселись, улыбаясь, совсем иначе воспринимая теперь ожидаемую речь.

– Наши враги просчитались. Они думали найти здесь легкую жертву, последние годы победы давались им слишком легко. Они отвыкли бояться, но мы их снова этому научим!

«Уж ты-то научишь, пожалуй», – подумал Раков, сидящий у ближнего к командирскому стола в окружении мрач-

ных пилотов бомбардировочной эскадрильи. – «Особенно со своим авианосцем на сорок пять самолетов. В небо-то летать не надо».

Бомберы были по возрасту лет на десять старше самого взрослого из истребителей, и большинство из них вообще казались пилотам-бомбардировщикам просто везучими сопляками, успешно прикидывающимися взрослыми. Это не касалось таких зверей, как Кожедуб, – несмотря на молодость, он по всем замашкам был мужик, каких поискать.

– Враг силен, и недооценивать его нельзя. Но вас собрали сюда как лучших! Лучшие моряки, лучшие летчики – только они могут быть в экипаже такого отличного корабля, как наш. Защищая свой народ, наша великая страна построит еще более прекрасные и грозные корабли, но «Чапаев» и его героический экипаж всегда останутся легендой!

Взрыв аплодисментов, каждый снова что-то кричит.

– Так выпьем же за создателя советского океанского флота, за нашего выдающегося вождя, которому мы обязаны своей судьбой, своими победами, выпьем за товарища Сталина!

Каперапг допил оставшееся в стакане и высоко поднял его, обводя взглядом стоящих вокруг людей, которые искренне и с удовольствием выпили. Младшим офицерам на флоте жилось очень неплохо, довольствие было немалое, а уровень потерь в несколько раз ниже, чем в той же авиации. Бывали, конечно, и черные дни, когда гибли целыми коман-

дами или пропадали бесследно, но у надводников это редкость.

Потом пили за «Чапаева», третий тост, как обычно, – за тех, кто в море, потом за Победу. Паузы между тостами были короткими, и разговор за столами становился все более оживленным. Летчики двигали в воздухе ладонями, демонстрируя соседям хитрости воздушного боя, те восхищенно покачивали головами. Наличие на собеседнике пары Золотых Звезд не слишком располагало к панибратству, и то, что было задумано, – то есть сблизить авиагруппу с командой, не очень получилось. Несколько человек уже менялись с соседями местами, пододвигаясь к более знакомой компании, те с удовольствием теснились, испытывая в душе облегчение.

Поднявшийся со своего места Покрышев держал в руках какой-то листок, и ближайšie к нему летчики совсем по-мальчишески вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что там написано, еще до того, как все более-менее притихнут. Командир авиагруппы, усмехнувшись, поднял его выше, и молодежь пятой эскадрильи разочарованно заныла. Значительно откашлявшись, Покрышев объявил о зачтении результатов дня. Летчики возбужденно задвигались, все более-менее знали счет соседей по эскадрилье, но совместный бой в группе асов такого высокого класса был для них всех первым.

– Поп-прошу минуточку внимания!..

– Давай-давай! Шевели ластами! – выкрикнул с места Сиротин, держащий за плечо сверкающего глазами Глинкина.

Ближайших соседей-моряков просто перекосило от такого вопиющего нарушения субординации – на флоте это было немислимо. Между одной и тремя большими звездами на погонах у моряков была пропасть в десять-пятнадцать лет службы, в небе же иерархии не существовало, и летчики с удовольствием переносили это на землю. В любую минуту жизнь подполковника или полковника с полной грудью орденов могла встать в прямую зависимость от поведения какого-нибудь зеленого лейтенанта, и выбор был всегда однозначен – смерть молодому. Это накладывало свой отпечаток на свободу отношений.

– Первое место – капитан Лавриненков¹¹⁸, четвертая эскадрилья. Три «хеллкэта» и один «корсар» в утреннем бою.

Летчики четвертой эскадрильи взвыли, вскакивая со своих мест, на капитана набросились и начали качать. Когда все более-менее успокоились и красный, в пятнах, Лавриненков перестал отвечать на выкрики летчиков других эскадрилий, Покрышев продолжил:

– Второе, третье и четвертое места поделили: майор Ермаков, вторая – «хеллкэт» и два «хеллдайвера», капитан Амет-Хан Султан, четвертая – три «хеллкэта», капитан Лисицын, пятая – два «эвэнджера» утром и один «хеллкэт» днем...

Все поняли, что качание летчиков одного за другим займет слишком много времени, и поздравляли их уже сидя, аплодируя. Семеро истребителей за день добились по две по-

¹¹⁸ Владимир Лавриненков, ас 9 ГИАП, имевший 35 личных побед.

беды, включая самого командира авиагруппы, еще семеро – по одной. Список с перечислением всех победителей сегодняшнего длинного дня был внушительным и не отличался разнообразием. В конце Покрышев особо отметил капитана Гринберга из шестой разведывательной эскадрильи, не только сбившего один американский истребитель, но, главное, сумевшего обнаружить американское авианосное соединение. Как бы вскользь он упомянул о представлении его к высокой правительственной награде. У некоторых отличившихся за день летчиков брови удивленно поползли вверх: ничего подобного в свою сторону они не услышали. Дело, впрочем, было командирское, а на недостаток наград никто из них пожаловаться не мог.

– Многие из вас за этот день увеличили свой боевой счет. Сегодня мы доказали врагу, чего стоят советские летчики, но нам пришлось заплатить за успех свою немалую цену. Я прошу всех встать и почтить молчанием светлую память героически погибших сегодня капитанов Лепко и Шмерцова, старшего лейтенанта Боганиса, старшего сержанта Артемова, сержанта Михасанко. Умершие в небе достойны вечной памяти...

Нестройно поднявшись, все затихли. Моряки думали о том, каково это – умереть на высоте нескольких тысяч метров и падать вниз, уже ничего не ощущая. Те из летчиков, кто знал погибших, вспоминал их про себя добрым словом, многие вспоминали, как горели сами или как гибли их бо-

евые друзья за долгие три года войны. Так же вразнобой все сели и молча, поодиночке, выпили. Каждому было кого вспомнить.

– Меня самого два раза сбивали... – шепнул сидевшему рядом моряку невысокий капитан с розовыми пятнами заживших ожогов на правой щеке. Покрышев сидел спиной к говорившему и невольно обернулся. Летчика он узнал – не будучи в первых рядах по списку побед, он, однако, отличался дикой яростью в драке и готов был лучше сдохнуть, чем отказаться от невыгодного боя. Его машину отличала также не очень обычная эмблема – распластавшая крылья черноголовая чайка и надпись «Отомщу за Ленинград» с широким веером красных звездочек за ней. В эскадрилье Амет-Хана было немало таких меченых.

– ...Первый раз еще в сорок втором, на Яке. Сопровождали штурмовиков, попались группе «мессеров», – меченый летчик сделал ударение на первом слоге. – Штурмовики ушли, а меня сразу... – он показал ладонью, что именно с ним сделали, и глаза сразу провалились, в память.

– Выпрыгнул, мотоциклисты охотились... Отстреливался, автомат добыл у одного такого... А они по всему полю, как грибы черные. Идут и кричат. Три дня брусничкой питался, вышел на нашу танковую разведку, чуть не пристрелили.

– Страшно?

– Потом страшно... Когда один. Второй раз уже в этом году, в самом начале. Ходили четверкой, пошарили, верну-

лись. Я на посадку захожу, а ведомые в воздухе. Одиночка, сволочь! Не побоялся, прямо над полосой на меня спикировал, в белый цвет выкрашен, ведомые дернулись – все мимо. ЯК как фанера вспыхивает, я повалился, все горит уже. Фонарь заклинило, пламя в спину, в руки... Механик спас, на горящем крыле руками защелку отламывал, потом вытащил меня, – летчик поднял стакан. – Умирать буду, не забуду такое. Дожить бы, детям рассказать...

– Расскажешь еще... – Моряку с такими же четырьмя звездочками на погонах стало жутко, такого, что рассказал ему летчик, в газетах не писали. Он сам кое-что повидал, тонул на канонерке, расстрелянной пикировщиками в осенней Балтике, но там все-таки гибнешь не один.

– На этой войне невозможно выжить... – покачал головой летчик. – В сезон за месяц три состава в эскадрилье меняется. Я посильнее пацанов, которые из школ приходят, но и мне не светит... Сначала немцы, потом американцы... Я знаю, что все равно убьют, поэтому и не боюсь так этого. Другое дело, когда и как... У меня есть еще пара вопросов к этим ребятам... Две дочки были, соплюшки совсем, в Питере на-чисто...

Моряк вздрогнул, поняв. Как это было, он видел – из Кронштадта, окутанного розовыми сполохами непрерывно бьющих в небо корабельных и крепостных зениток, видно было одно громадное зарево над городом, вертикально стоящие лучи прожекторов, и утром – черные столбы дыма в

абсолютно белом небе. Снующие катера, снимающие людей с надстроек затонувших прямо в гавани эсминцев, и десятки моряков, в абсолютном молчании стоящих на пристани и глядящих на восток, в сторону Ленинграда. У многих там были семьи, и потом, тоже у многих, глаза становились такие же мертвые, как у горелого пилота.

– А как американцы против вас? Вообще, я имею в виду, как летчики?

– Ничего ребята, не трусы. Лобовой не боятся, друг друга прикрывают. Но это все мальчишки, зелень, а тут, – он мотнул головой вокруг себя, – сплошные волки. Да я и сам такой. Это просто убийство было, хотя и оправданное. Они бы вас, ребята, сделали. Так что никаких там мук совести по этому поводу у меня нет.

Взгляд у уже основательно выпившего капитана был холодный и абсолютно равнодушный. Так оно, по всей вероятности, и было.

– Видел я и как наоборот бывает: четверка «мессеров» на моих глазах эскадрилью ранних ЛАГГов вырезала за десять минут, это вообще гробы. Или на нашем участке группы «пешек» одна за другой пропадать стали, и главное, – он, усмехнувшись, посмотрел сквозь свой стакан на свет, – ни звука по рации. Как в болото проваливаются. Потом через неделю один лейтенант пешком пришел, – а мы с бомберами на одном поле базировались, – глаза белые, руки трясутся... Ничего не добились от него, в тыл пришлось отправить. Что там

у них было?

Покрышев решил, что капитану уже достаточно, встрял и, развернувшись, похлопал его по плечу:

– Не пугай молодежь, капитан. Мы здесь все пуганые. Сейчас вон кино крутить начнут.

Действительно, в столовой, служившей одновременно и малым кинозалом, два матроса уже устанавливали вложенную до этого внутрь раздвижной тумбы громоздкую черную киноустановку, еще один навешивал экран из обшитой тесьмой простыни. Кино любили все, но обычно показ какой-то картины обсуждался во всех подробностях за несколько дней. Прошел мгновенный слух, что это комиссарский сюрприз в честь вечера. Все пошевеливались, пробираясь поближе к экрану, и кто-то в углу был уже недоволен, что его толкают.

Военком корабля махнул матросу у выключателя, и аппарат, провернувшись, застрекотал, выдав на стену мерцающий серый прямоугольник. В наступившей темноте люди продолжали, пригибаясь, двигаться вместе со стульями, наступая на ноги сидящим, те беззлобно ругались, вытягивая шеи, чтобы не упустить ни секунды зрелища.

На дергающемся и стрекочущем квадрате простыни появился пятизначный номер, какая-то дробь, мелькнула звезда на косой белой полоске, и вдруг из стены распахнулось набегающее небо. Восторженный вопль какого-то легчика был в ту же секунду поддержан десятком других. Небо с по-

лосками серых облаков завернулось в спираль, потом ухнуло вверх, и с нижнего правого края экрана прямо в центр прыгнули косо висящие в нем фигуры самолетов с широкими и как бы косо обрубленными плоскостями. Вылетевшие с боков камеры нити трасс устремились к ним и, не коснувшись, прыгнули вверх. Самолеты исчезли, небо снова извернулось, мигнуло и совершенно без паузы перешло в другой кадр – набегающий слева темный силуэт истребителя, поворачивающегося на крыло. Трассы снова вылетели откуда-то сбоку, изображение дрожало и дергалось, как сумасшедшее, мигающая дымная полоса уткнулась в основание крыла «хеллкэта» и скользнула вверх, выбивая обломки из фюзеляжа. Самолет выпустил дымную полосу и скользнул вниз, под экран.

Все это выглядело не очень настоящим – в боевой кинохронике показывали немало воздушных боев, и они выглядели гораздо более красиво, моторы завывали, а грохот пулеметной стрельбы в соответствующих местах был куда более впечатляющим, чем разлетание каких-то фрагментов из черных крестообразных пятен в полной тишине.

Второго противника летчик, фильм из фотопулемета которого все сейчас с напряжением смотрели, рискнул взять в лоб, и некоторые зрители отшатнулись от прыгнувших с экрана ответных трасс. Третьему он – видимо, после крутого разворота, изображение было смазано инерцией, – сел на спину и расстрелял почти в упор. Зрелище было жуткое –

американский истребитель, распоротый длинной пушечной очередью, вспыхнул мгновенно и сразу весь, затем кадр снова поменялся. Все сменяющие друг друга эпизоды заняли от силы полторы минуты, перед самым концом на экране снова появились профили горбатых истребителей, и один-два снаряда из длинной, выпущенной с большой дистанции очереди попали одному из них в хвостовое оперение. В самую последнюю секунду можно было видеть, как «корсар» развернуло в воздухе и швырнуло вниз, а затем картинка сменилась на ровное черное поле. Бой кончился.

В нескольких местах послышались аплодисменты, которые почти сразу же и угасли. Если не чувствовать каждую секунду, что тебя вот-вот прикончит человек, сидящий в такой же машине, как и ты, и имеющий, теоретически, точно такие же на это шансы, а глядеть на это со стороны, то такой бой был самым настоящим убийством.

Тостов больше не было, и вечер быстро угас сам собой. Небольшими группками офицеры выходили из столовой, первыми летчики, за ними потянулись и моряки. У многих было подавленное настроение. Не приукрашенная закадровыми комментариями, война повернулась самой неприглядной своей стороной. Да и вообще, спать всем хотелось ужасно.

Узел 7.0

19 ноября 1944 г.

Семнадцатиузловым ходом линейный крейсер шел всю ночь и с рассветом оказался в районе, где по расчетам штаба соединения должен был находиться атаковавший их вчера авианосец. Какое у него охранение, точно было неизвестно, но разведчики и пикирующие бомбардировщики не обнаружили рядом с авианосцем тяжелых кораблей – то есть бой придется вести с крейсерами и эсминцами. Впрочем, сохранилась вероятность того, что за ночь к ним мог присоединиться одиночный линкор, выделенный из охранения какого-нибудь конвоя. Хорошо, если американский – все новые американские линкоры были задействованы на Тихом океане, а от старых «Кронштадт» легко ушел бы. Хуже, если встретится британский линкор, а то и линейный крейсер. Последний расклад грозил «Кронштадту» почти неминуемой гибелью – большинство уцелевших к сорок четвертому году британских линейных кораблей и линейный крейсер «Ринаун» превосходили его и в скорости, и в вооружении. Впрочем, было маловероятно, чтобы их успели подготовить и перебросить через половину Атлантики за полтора дня.

С восходом солнца ход уменьшили до десяти узлов. Были основания предполагать, что радарные установки против-

ника превосходят отечественные, и если их обнаружат, одиночная тихоходная цель не вызовет большого подозрения. К восьми часам утра на экране радара «Кронштадта» появились отметки нескольких целей, шедших в строе флота. Дистанцию оценивали в 30-35 миль, курсы были сходящиеся. Восторг и удивление на мостике линейного крейсера были смешаны с тревогой. В глубине души никто из командного состава корабля не верил в то, что авианосную группу противника удастся обнаружить по расчетам штаба, то, что они на нее наткнулись, было практически чудом. Несмотря на помощь радара, обнаружить врага в безбрежном океане казалось невозможным. В котельные и машинные отделения было передано приказание подготовиться к даче полного хода, но ни курса, ни скорости менять пока не стали. Линейный крейсер находился восточнее своей цели, практически на ее левой скуле, дистанция медленно уменьшалась, и это Москаленко вполне устраивало. По данным штурманских прокладок, через час расстояние между их кораблем и противником будет наименьшим и составит миль около семнадцати, а затем снова начнет увеличиваться. Москаленко принял решение продолжать сближение с противником малым ходом до тех пор, пока не будет опознан как крупный боевой корабль, а затем резко увеличить ход до полного, выйти на дистанцию действительного огня и перетопить все, что окажется в пределах досягаемости его орудий. Ему сжимала сердце мысль о том, что он, возможно, идет прямо в зубы «Ри-

науну» или «Герцогу Йоркскому», но отказываться от шанса навязать бой авианосцу было глупо, даже учитывая подобный риск. К сожалению, разведкой не было установлено число кораблей, входивших вечером вчерашнего дня в состав охранения авианосца, поэтому по количеству засветок на экране ничего нельзя было сказать. Орудия зарядили «в виду неприятеля», и линейный крейсер продолжал уныло тащиться посреди океана, чистого от горизонта до горизонта.

– Мать его через семь гробов... Когда ж это все кончится...

Алексея, прижавшегося к задней стенке рубки, явственно колотило. Он уцепился за рукав единственного незанятого сейчас штурмана, Евгения (того, который без прозвища), и подтянул его к себе. Не обернувшись, Зимин сжал пальцами кисть его руки, помял суставы.

– Держись, Лех. Сейчас уже. Все чисто будет, – нормальным, но очень тихим голосом произнес тот и тут же вlepил назад локтем. Это у них шутка такая была, среди своих – всегда быть готовым к удару. Любой из компании мог на полуслове вдруг ткнуть в брюхо, так что согнешься пополам, если не успеешь пресс напрячь.

– Цел?

Он все же обернулся, посмотрел серьезно. Алексей кивнул, стараясь вдохнуть воздух бесшумно. Колотить его, во всяком случае, перестало.

– Все бояться... Но никто не трусит... Понял?... – Евгений говорил так тихо, что приходилось читать по губам.

– Сейчас мы туда придем... Начнем стрелять... Будем вести прокладку, ловить курсы... Все будет нормально...

Евгений очень медленно, стараясь не привлечь к себе внимания, поглядел по сторонам, никто на них не смотрел.

– Вспомни себя, Леха... – сказал шепотом и отошел, не оглянувшись.

Алексей изо всех сил ущипнул свое бедро, обтянутое форменными брюками, с вывертом, так чтобы остался лиловый синяк. Глубокий и очень медленный вдох через нос. Очень медленный и совершенно бесшумный выдох ртом. В тот момент, когда воздуха уже не остается совсем, нужно сделать резкий выдох, изгнав из альвеол все остатки кислорода, и только тогда вздохнуть нормально. Через сорок секунд он был уже более-менее в норме.

На ходовом мостике островной надстройки авианосца «Беннингтон» царило полное спокойствие. Если до недавнего времени еще сохранялся риск того, что с наступлением темноты русская эскадра развернулась на 180 градусов и всю ночь шла прямо им в лоб, то теперь с облегчением можно было сказать, что этого не произошло, – еще в темноте авианосец выпустил разведывательные самолеты, перекрывшие шестидесятиградусный сектор по его курсу, и до сих пор никаких признаков кораблей противника обнаружено не было. Это заставляло предположить, что русские изменили курс и ушли либо восточнее, либо западнее района их поисков, –

совершенно логичное решение, надо сказать. Ситуация давала повод волноваться, что если противника не удастся найти за ближайшие полдня, то он может оказаться далеко, и в следующий раз его обнаружить будет не так просто.

Громадные потери, понесенные авиагруппой «Беннингтона» во вчерашнем бою, практически свели к нулю его ударную мощь. Впрочем, и русский авианосец, как выяснилось, не является ударным кораблем, так что возможности у них равные. Разрозненные машины из торпедоносной и бомбардировочной эскадрилий должны были вести разведку в более широком секторе вслед за «корсарями» морской пехоты, но пока контр-адмирал «держал паузу». Незачем дублировать уже полученные данные. Вторую волну разведчиков он предполагал выпустить в воздух в одиннадцать часов утра, третью – еще через три часа. К этому времени какие-то результаты о местонахождении русских должны были появиться.

Эти результаты контр-адмирал Кинк, командующий наспех сформированным Западным военно-морским оперативным соединением, получил раньше чем ожидал. Радары засекли тихоходный объект – скорее всего какой-нибудь транспорт из «капельных перевозок», а может, и субмарина в надводном положении. Эскадренный миноносец «Паркер» из состава группы охранения авианосца получил приказание «разобраться и доложить», увеличил ход и, описав широкую белую дугу на гладкой поверхности океана, удалился в юго-

восточном направлении.

Все было спокойно, и пришедшее через сорок пять минут паническое сообщение с эсминца о том, что обнаруженная радаром цель является линейным кораблем, стало громом среди ясного неба. Радиолокаторы показывали, что корабль противника резко увеличил ход и лег на курс перехвата, после чего контр-адмирал с огромным трудом подавил в себе желание устроить истерику. Спокойным, сухим голосом он приказал объявить боевую тревогу. По всему громадному корпусу авианосца разнеслись жуткие, пронизывающие гудки ревуна. Матросы и офицеры, отдохавшие в кубриках и каютах, завтракающие, болтающие, играющие в карты, с проклятиями вскакивали, на ходу застегивая форму, разбегаясь узкими коридорами по своим боевым постам. Летчики выхватывали планшеты из стеллажей и бежали к своим самолетам. Глубоко в недрах авианосца громадные турбозубчатые агрегаты начали разгоняться, толкая огромный корабль вперед. Из снарядных погребов подавались унитарные патроны к универсальным 127-мм установкам, и матросы, присвистнув, устанавливали их взрыватели на контактное действие.

Четверка истребителей, барражировавших над эскадрой, ушла на восток для доразведки, на замену им собирались поднять другое звено. В ангаре лихорадочно готовили немногочисленные ударные самолеты, подвешивая к ним торпеды и бронебойные бомбы. Из вчерашней атаки верну-

лись девять «эвенджеров» и семь «хеллдайверов», но далеко не все они могли участвовать в новом ударе. Учитывая то, что нескольким вернувшимся пришлось сесть на воду, а часть была очень сильно повреждена, и с учетом оставшейся половины не участвовавшей во вчерашнем бою 123-й эскадрильи, всего авианосец мог выпустить в воздух шесть торпедоносцев и одиннадцать вооруженных бомбами машин.

Было бы хуже, если бы русский линкор был обнаружен уже после выпуска второй части ударных самолетов для разведки. Впрочем, еще требовалось время для того, чтобы поднять и имеющиеся. С кораблей охранения авианосца доносились такие же отрывистые вопли сигналов тревоги – соединение готовилось к бою. Два легких крейсера перешли на левый траверз отвернувшего к юго-западу «Беннингтона», эскадренные и эскортные миноносцы оттянулись назад, перестроившись в две короткие кильватерные колонны – в одной три корабля, в другой два. С «Паркера», шедшего параллельно курсу русского линкора, благоразумно держась от него достаточно далеко, не переставая передавали данные о его курсе и скорости. Непрерывно ведущиеся на командном мостике авианосца штурманские прокладки вызывали опасение, что линкор, даже если выжать из турбин авианосца все возможное, успеет на некоторое время сблизиться с ним до приемлемой для своего главного калибра дистанции.

Приняв решение, Кинк приказал эскадренным миноносцам атаковать русского и связать его боем. Этим он выга-

дывал время для подготовки и нанесения воздушного удара – а если повезет, то эскадра просто сможет выйти из-под атаки. Три разнотипных эсминца ушли на запад, оставив за собой медленно расползающийся строенный кильватерный след. Вскоре русский линкор показал им из-за горизонта верхушки своих мачт. Впечатление было кошмарное – словно кто-то открыл занавес, за которым скрывалось чудовище. Перекрестившись, командир головного эсминца перевел рукоятки машинного телеграфа на «самый полный», довернув вправо для выхода на скулу линкора. Остальные последовали его примеру, разойдясь веером для атаки из разных секторов.

В боевой рубке «Кронштадта» было тихо, если не считать отрывистых докладов штурманов и операторов радиолокационных установок, поступающих каждые две минуты. Четыре американских эсминца явно готовились к звездной торпедной атаке – часто практикуемому в упражнениях и редко применяемому приему, спасения от которого, по предвоенным теоретическим выкладкам, не имелось. Они уже вошли в пределы досягаемости универсального калибра, но приказа на открытие огня не поступало, и линейный крейсер продолжал мчаться вперед в напряженном молчании. Довернув на полрумба южнее, «Кронштадт» выходил на замаячившую вдали авианосную группу противника, еще пятнадцать минут полного хода, и можно будет надежно корректировать огонь главного калибра. Единственный находящийся в го-

товности Бе-4 катапультировать смысла не имело – продолжительность его существования над палубой авианосца будет исчисляться секундами.

В 9.08 эсминцы ринулись вперед, и, подняв стеньговые флаги, «Кронштадт» открыл огонь бортовыми залпами вспомогательного и универсального калибров. По эсминцу, атаковавшему с правого борта, били все четыре бортовые башни, и скоро он скрылся среди вздымающихся водяных столбов. Эсминец резко маневрировал, идя противозенитным зигзагом, но его преимущество перед линейным крейсером в скорости было не настолько велико, и постепенно, так и не выйдя на дистанцию залпа, он начал оттягиваться назад. Три эсминца с левого борта вели себя гораздо более агрессивно. Старший артиллерийский офицер, лично управлявший огнем вспомогательного и универсального калибров левобортных батарей, пока не был приведен в действие главный, распределил цели и корректировал каждый залп первой 152-мм башни с помощью четырехметрового дальнометра по эсминцу, находящемуся в наиболее опасном для линейного крейсера положении, на заходе с острого курсового угла. Залпы ложились хорошо, но эсминец непрерывно выходил из-под накрытий, отклоняясь на 10-15 градусов в стороны, и с генерального курса не сходил.

Получив доклад от четвертого артиллерийского офицера о том, что эсминец, обстреливавшийся стабилметрами универсалами, поврежден и ставит дымовую завесу, стар-

ший артофицер приказал перенести их огонь на вторую цель, а высвободившейся 152-мм башне – присоединиться к первой. Теперь залпы падали у бортов первого эсминца каждые семь с половиной секунд, и уклоняться ему стало гораздо труднее. Противники сближались с потрясающей быстротой, и когда флаг-офицер доложил, что этот эсминец опознан как принадлежащий к типу «Флетчер» (то, о чем он и сам догадался), старший дал приказ на открытие огня носовым башням главного калибра. Через мгновение последовал первый залп. Громадные водяные гейзеры, обрушившиеся на мечущийся эсминец, должны были растерзать, измять его корпус, но чертов «Филя», дорвавшись до сорока восьми кабельтовых, заложил крутую циркуляцию вправо. Дальномер четко спроецировал его низкий силуэт, развернутые торпедные трубы, серые квадратики пушек и – накрывший его в этот момент двенадцатидюймовый залп. Из корпуса эсминца выбросило черные ошметки металла, носовая часть закрылась огненной вспышкой, но «Флетчер» не сбавил хода и снова перешел на зигзаг...

– Руль право на борт, – не отрываясь от бинокля, приказал Москаленко немедленно после торпедного залпа первого эсминца, стремясь развернуть «Кронштадт». «Флетчер» был опасен мощным торпедным вооружением, и два его пятитрубных торпедных аппарата могли при веерной стрельбе перекрыть очень широкий угол. 46-узловая скорость корабельных торпед плюс 29 узлов самого «Кронштадта» (на

резвую голову или не с перепугу и не сложишь такие цифры) – все это оставляло крейсеру лишь около четырех минут на выход из поражаемой зоны. Логичнее был поворот влево, на торпеды второго эсминца – но, может быть, именно на это командир «Флетчера» и рассчитывал?

Десятиторпедный залп – это удар ниже пояса, вполне способный прикончить даже линкор, не то что крейсер. На крутой циркуляции, накренившей корпус «Кронштадта», людей сбивало с ног, валило на палубу. Две минуты полного хода, и крейсер повернул на такой же угол влево, выгадав около мили в сторону от предположительного курса торпед американца. Второй эсминец, засыпаемый снарядами «соток», выпустил несколько торпед кабельтовых с 50-55, скорее действуя на нервы, чем серьезно угрожая. Крейсер еще раз склонился вправо, на этот раз на небольшой угол, главный калибр задробил стрельбу, сберегая снаряды для более важных целей, и «Кронштадт» проскочил мимо смерти. С мостика увидели бесшумно скользнувшую на приличном расстоянии вдоль левого борта веретенообразную тень, оставляющую мгновенно вспухающую цепочку следов, остальных торпед даже не засекали визуально, хотя гидроакустики прослушали проход нескольких слева.

В девять часов двадцать минут утра, через тридцать восемь минут после того, как «Кронштадт» лег на курс перехвата, его орудия открыли огонь по авианосцу противника, находившемуся в 124 кабельтовых. На этой дистанции рас-

ход боезапаса уже оправдывался значительными шансами поразить цель. Двенадцатидюймовые 54-калиберные орудия «Кронштадта» могли бить на вдвое большее расстояние, даже по невидимой цели – но тогда их огонь с помощью радиолокации корректировать было невозможно, разве что гидросамолетом. Рядом с приземистым корпусом авианосца маячили два крейсера и два других небольших корабля. Все соединение полным ходом отходило на юго-запад, при этом эскаорт пытался ставить дымзавесу.

Три эсминца шли на раковинах линейного крейсера, стреляя из своих пушек и надеясь этим обратить на себя его внимание, четвертый безнадежно отстал. Каждые семь секунд корпус линейного крейсера вздрагивал от тяжести залпа, выбрасывая в воздух два снаряда по огромной дуге уносившихся в сторону американских кораблей, в паузах по полному залпу давали 152-мм башни левого борта. Главный калибр вел огонь фугасными снарядами, по приказу старшего артиллериста заряды использовались ослабленно-боевые. Такое сочетание должно было давать убийственный эффект – снаряды, падавшие под большим углом, в первую очередь поражали взлетную палубу, что сейчас было наиболее важно. Шестой залп накрыл авианосец, и встающие среди силуэтов вражеских кораблей водяные столбы вдруг разбавились поднявшимся вертикально столбом черного дыма.

Попадание, бывшее на такой дистанции более-менее случайным, дало четкую отправную точку для поправок к следу-

ющим залпам, бившая осколочно-фугасными вспомогательная артиллерия увеличила темп стрельбы, и... это было все. Американские крейсера, непрерывно ведущие огонь, оставив свой авианосец, развернулись на «Кронштадт», и стало ясно, что сейчас польется большая кровь. Три эсминца заходили сзади. Находящиеся на мостике переглянулись: происходящее являлось чем-то средним между двумя знаменитыми сражениями начального периода войны – перехватом авианосца «Глориес» германскими линкорами и боем в устье Ла-Платы, когда два легких и один тяжелый крейсера англичан истерзали «Адмирал Граф Шпее». В принципе, класс «суперкрейсеров» и предназначался в первую очередь для уничтожения стандартных «вашингтонцев»¹¹⁹, но переключаться на них с такой выгодной цели, как авианосец, было в данной фазе боя явно неразумно.

«Кронштадт» продолжал нестись вперед, пытаясь максимально сблизиться с авианосцем и лишь время от времени уклоняясь от накрытий. Американцы, развив максимальный темп стрельбы, быстро шли на сближение. Их снаряды, падая вокруг корпуса советского крейсера, взрывались при ударе о воду, поднимая высокие водяные фонтаны. Близкие промахи засыпали палубу «Кронштадта» осколками, дырявя щиты палубных зенитных установок. Несколько прямых попаданий заставили крейсер содрогнуться, но видимых послед-

¹¹⁹ «Вашингтонские» крейсера с характеристиками, ограничиваемыми рамками Вашингтонского договора 1921 года об ограничении морских вооружений.

ствий для его боеспособности не было – один снаряд попал в ватерлинию под острым углом и срикошетировал от бортовой брони, другой взорвался внутри полубака, выбросив фонтан огня, еще пара разорвалась в надстройках на миделе.

К этому времени дистанция до «Эссекса», или кого-то похожего на него, составляла 119 кабельтовых – минимальная с момента начала боя, и вот-вот она должна была начать увеличиваться. Линейный крейсер повернул вправо, приведя противника в сектор действия кормовой башни главного калибра и перенеся огонь всей вспомогательной артиллерии на крейсера и эсминцы, перешел на трехорудийные залпы. Крейсера находились в восьми милях, и огонь четырех 152-миллиметровок левого борта на качество их стрельбы практически не отражался. Офицер напряженно всматривался в смазанные силуэты, скользящие по поверхности океана, но надежно опознать тип кораблей противника не удавалось. Большой по размеру имел пять башен и две дымовые трубы, меньший – палубное или казематное расположение артиллерии, возможно, он был британским либо канадским. Старшего артиллериста беспокоил большой расход боезапаса носовых башен главного калибра без заметного результата – авианосец увеличивал дистанцию, зигзагами выходя из-под их накрытий, прикрываясь дымзавесами эскортных кораблей. С пожаром на нем, похоже, справились, и в любой момент могли поднять в воздух ударные самолеты. Истребители с «корабля типа „Эссекс“», вконец обнаглев, роились

вокруг «Кронштадта», поливая его надстройки пулеметным огнем, пользуясь тем, что прислуга зенитных автоматов шхерилась под броней, но торпедоносцев или бомбардировщиков в воздухе пока, кажется, не было. К этому моменту главный калибр перешел на полные боевые заряды.

На ходовом мостике «Бениингтона» неподвижно стоял контрадмирал Кинк, опираясь о края штурманского стола и сжимая в правой руке бинокль. Ему не был виден вражеский линкор. Находясь на остром кормовом угле, он попадал в сектор обзора лишь при резких разворотах авианосца, но адмирал и не искал его. Авианосцем сейчас управлял его командир – капитан Сайке, отлично знающий свое дело, и никакие советы ему не были нужны. Адмирал допустил ошибку, не сумев предугадать действия русских, теперь он за это расплачивается. Впрочем, все, что было можно, он уже сделал. Эсминцы попытались задержать русского – и не смогли, слишком их было мало для дневного боя. Возможно, надо было отдать приказ о совместной атаке крейсеров и эсминцев, это распылило бы огневые средства противника. Но теперь было уже поздно, один из эсминцев оказался практически выведен из строя, большая часть торпед израсходована без какой-либо пользы, крейсера ведут бой, но для них он безнадежен – если русский, конечно, соизволит обратить на них внимание. А если не обратит – конец авианосцу, и самому адмиралу тоже, и никакие 33 узла по справочнику его уже

не спасут. По правде говоря, больше тридцати одного «Беннигтон» никогда и не давал, хотя и был новым кораблем: напиханные в него сверхпроектные зенитки и их многолюдные расчеты съели, вместе с боезапасом и неисчислимым дополнительным оборудованием, все резервы скорости...

Поздно теперь думать. Никто и не готовил авианосец к бою с крупным артиллерийским кораблем, его двенадцать пятидюймовок – дробина для линкора, не то что восьмидюймовки «Саратоги» в ее лучшие годы, та бы за себя хоть постоять смогла. Адмиралом овладело полное равнодушие к тому, что происходит и что сейчас произойдет. Отвернувшись от окон рубки, он ушел в глубь помещения, со вздохом усевшись в стоящее там глубокое кресло. Никто не обратил даже внимания на это.

В кормовой рубке, наоборот, велась лихорадочная деятельность. Командный состав авианосца изо всех сил боролся за его спасение. Поступающие от наблюдателей доклады о падении залпов противника немедленно анализировались, и командир отдавал приказ об очередном изменении курса. Одно полученное в начале боя попадание показало им, что может сотворить линкор с их кораблем, если подойдет чуть поближе. Громадный снаряд вдребезги разнес полетную палубу позади кормового самолетоподъемника, расшвыряв скрученные и исковерканные листы настила в разные стороны. Одного из офицеров палубной команды перерубило пополам стальным бимсом, несколько матросов по-

легло там же, срезанные веером разлетевшихся обломков. Пробив взлетную палубу, тяжелый снаряд взорвался в ангаре, забитом бешено работающими людьми.

Огромный столб дыма и огня, вырвавшийся из недр деразнувшегося корабля, поднялся высоко вверх, а затем растекся за корму, сносимый набегающим воздушным потоком. К сорок четвертому году на авианосцах флота США научились бороться с огнем, пожар начали тушить через считанные секунды. Перепрыгивая через трупы, лавируя между пылающими обломками разбитых самолетов, матросы из аварийных команд раскатывали рукава брандспойтов, сбивали пламя ручными огнетушителями. Носовой и бортовой подъемники не прекратили свою работу ни на мгновение. Пикировщики, снаряженные бронебойными бомбами, один за другим подавались на взлетную палубу и откатывались в сторону кормы – настолько далеко, насколько позволяли вырвавшиеся из-под палубы языки пламени. Уцелевшие после взрыва в ангаре торпедоносцы спешно перетаскивали к носу, рвущиеся патроны из боезапаса горящих самолетов разлетались во все стороны, поражая технический персонал ангара.

Люди надрывались, на руках вытаскивая многотонные машины из огня, не обращая внимания на мгновенно вспухающие пузыри ожогов. Им нужно было только немного времени, чтобы поднять вверх последние пикировщики, чтобы зафиксировать носовой подъемник в поднятом положении, чтобы выпустить пикировщики в воздух, чтобы поднять на

палубу уцелевшую четверку торпедоносцев, к которым уже подвешивали торпеды – дабы и их выпустить в воздух, усилив удар пикировщиков. Только время! Но его им никто давать не собирался. В 09:22¹²⁰ авианосец содрогнулся и резко накренился на левый борт, через некоторое время нехотя выровнявшись. Один снаряд накрывшего их залпа упал в трех десятках ярдов по правому борту, два дали попадания. Один из этих двух прошел верхнюю палубу и развал борта в корме авианосца, словно они были из картона, и разорвался в воде у правой раковины, второй угодил под острым углом в корпус на метр выше ватерлинии, пробил несколько палуб и продольных переборок и взорвался глубоко внутри корабля.

Попадания глухим раскатом отдались по всем помещениям «Беннингтона». В главном командном посту старпом авианосца, не мигая, уставился на деления кренометра: пузырек воздуха в изогнутой трубке и утяжеленная грузом стрелка сначала показали четыре градуса на правый борт, затем сползли до двух и снова медленно начали переползать на деление «3». Здесь они окончательно остановились, дав пищу для размышлений группе борьбы за живучесть, – теперь для того, чтобы поднять самолеты в воздух, необходимо было спрямить крен, перекачав часть топлива в пустые цистерны левого борта и затопив несколько небольших бортовых отсеков. Эта работа была проделана очень быстро, и

¹²⁰ Американская система обозначения времени является 24-часовой, и время указывается без дополнительных знаков

уже к 09:45 командиру авианосца доложили о возможности произвести взлет самолетов. Еще через две минуты первая пара вооруженных пятисотфунтовыми бронебойными бомбами «хеллдайверов» тяжело оторвалась от взлетной палубы. Остальные, сгрудившись у края зияющего провала, из которого продолжали вырываться клубы серого дыма, ждали своей очереди.

Лица пилотов были бледны как мел. Им посчастливилось выйти живыми из вчерашнего боя, и, еще не оправившись от него, они должны были снова атаковать неуязвимый русский линкор. Впрочем, этот вылет в любом случае был для них последним – их авианосец потерял возможность производить прием самолетов, а другой палубы в пределах радиуса их действия не было. Так что, сбросив бомбы и израсходовав боеприпасы, им оставалось только сесть на воду по курсу соединения и молиться о том, чтобы их подобрала корабли эскорта. В течение следующих пяти минут все пикировщики поднялись в воздух и начали набирать высоту, кружась над своими кораблями.

Вид несущегося среди столбов воды, поднятых рвущимися снарядами, «Кронштадта», несомненно, производил сильное впечатление.

– Взгляни на этого русского.

Хенри Лакий, капитан первого ранга и командир легкого крейсера «Мемфис», оторвав от глаз бинокль, обернулся к

юному уоррент-офицеру, стоящему рядом с побелевшим от волнения лицом.

– Плевал он на нас! Эта тварь нам не по зубам, пусть авиация работает и линкоры. Адмирал совсем с ума сошел – он нас сожрет и не поморщится!

– Так что же, сэр? – мальчишка побледнел еще больше, хотя это казалось невозможным. – Уходить? От своих?

Бессменно откомандовавший «Мемфисом» в течение почти трех военных лет Лакий посмотрел на него как на пустое место, оттопырив нижнюю губу.

– Выпускнику бы Аннаполиса¹²¹, юноша... – он оборвал фразу. – В любом случае «Беннингтону» конец, это и коту ясно, а если мы останемся – конец нам, – последние слова он произнес, снова оторвавшись от окуляров. – Разумеется, мы остаемся.

Никто из находящихся в боевой рубке офицеров не проронил ни слова. Всем стало почему-то неловко, будто оба сказали что-то противное, повисла пауза, странная среди боя. Крейсер делал 30 узлов, описывая сложную кривую, чтобы удержать своего противника на постоянном курсовом угле. Обе башни и четыре его казематных орудия били непрерывно, в одном залпе выкидывая в небо по четыре шестидюймовых снаряда. Из погребов американских крейсеров, действовавших в Атлантике, к 1944 году исчезли бро-

¹²¹ Аннаполис – столица штата Мэриленд, США, знаменитая командным военно-морским училищем.

небойные снаряды – риск прорыва уцелевших к этому времени тяжелых германских кораблей был сведен практически к нулю. В данном случае это оказалось кстати – бронебойные 152 миллиметра для линейного корабля – дробина, в то время как фугасные способны произвести серьезные разрушения на его палубе, изрешетить надстройки, выбить незащищенную броней зенитную артиллерию.

В принципе, особо на «Мемфис» можно было не рассчитывать, архаичное расположение его артиллерии в казематах при небольшом водоизмещении не позволяло рассчитывать на высокую точность артиллерийского огня. Результативность огня «Саванны» была куда выше – даже на такой дистанции было видно, что на русском корабле возникли очаги пожаров, он несколько раз отклонился от своего курса, выскальзывая из-под их залпов. Дистанция все уменьшалась, крейсера и эсминцы сжимали кольцо вокруг по-прежнему не слишком обращающего на них внимание линейного корабля. Прямо перед старпомом лежал раскрытый справочник составов флотов за 1943/44 год, развернутый на первой странице раздела «Россия», но ни один из серых силуэтов не походил особо на то, что находилось сейчас перед ними.

– Линейный корабль типа «Советский Союз», – вымолвил он, перелистнув страницу, как обычно, украшенную в углу карикатурой. – Достроили, значит. Четыре штуки таких заложено – два на Черном море, два на Балтийском.

– Эти с Балтийского вышли...

– «Советский Союз» и какой-то второй: «Советская Бессарабия» или «Советская Украина», а может, «Белоруссия».

– Какая нам разница?..

– Слушайте, Эндрю, бросьте этот сопливый тон! – не выдержал Лакий. – Что там дальше, старший, продолжайте.

Старший помощник хмыкнул, покосившись на своего командира, и продолжил ровным голосом:

– Около шестидесяти двух тысяч тонн, девять шестидесятидюймовок в трех башнях, пяти– или шестидюймовая вспомогательная артиллерия, скорость – около двадцати семи узлов, а предположительно и еще меньше. Про броню ничего, но нехилая, видимо, у такой громадины. Ориентировочные сроки вступления в строй головного – в сорок четвертом, трех остальных – в сорок пятом – сорок шестом. Все.

– М-да. Что тут сказать. Торпедист, ваше мнение?

– Несомненно!

Старший торпедный офицер крейсера, двадцатичетырехлетний выпускник Университета Сент-Луиса, все это время прямо подпрыгивал от нетерпения, пытаясь вставить слово в разговор старших офицеров.

– Прямо сейчас! Вместе с «Саванной» и эсминцами – зайти с четырех сторон, и как «Шарнхорст» его!

– Как «Шарнхорст» не выйдет, мы не «Дюк оф Йорк», а «Ринд» – не «Скорпион».

– Так, значит, – командир отгибал пальцы из сжатого кулака, – три торпеды в залпе у нас, три у «Паркера», еще штук

пять у остальных эсминцев...

Он обвел замолчавших офицеров внимательным взглядом.

– Надо решаться, amigos, время!

Никто не ответил, и пауза до следующего приказа была минимальной.

– Эсминцам – торпедная атака! «Основным правилом для флотилии является атака с минимальной дистанции, не считаясь с потерями» – это инструкция, и мне кажется, она написана как раз для сегодняшнего случая. Не мне вам объяснять значение авианосцев в современной войне. Машине – самый полный. Торпедные аппараты приготовить, атакуем левым бортом. Штурман?

– Девять минут для выхода на дистанцию двенадцать тысяч ярдов, одиннадцать – для одиннадцати тысяч. При сохранении им данной скорости и курса.

– Скорость он вряд ли уже увеличит, что там в книге написано – черт с ним, но мог бы – давно бы уже это сделал, а курс – чего нам еще от него надо?

За следующие несколько минут в рубке «Мемфиса» никто не произнес ни слова. По-прежнему гулко били оба орудия носовой башни, пороховой дым относил прямо на надстройки фок-мачты, из которых из-за сотрясений при стрельбе давно повывлетали все стекла. От вонь сгоревшего пироксилина в ушах у людей звенело не меньше, чем от оружейного грохота. До русского линкора оставалось около се-

ми миль, на левой раковине шел верный «Саванна», поддерживая своего собрата огнем, эсминцы тоже, судя по всему, уменьшали дистанцию.

Русский пристрелялся, и залпы его вспомогательной артиллерии ложились все ближе. Впрочем, и сам он шел в окружении всплесков шести- и пятидюймовок американских кораблей, на миделе и юте болтались дымные струи, штопором уносящиеся ему в кильватер. Артиллерия русского стреляла не переставая, и на нее, в связи с уменьшившейся дистанцией, приходилось обращать все большее внимание. Первое попадание крейсер получил в 09:48, то бишь в девять часов сорок восемь минут «Ак Эмма»¹²², и после этого, несмотря на решительное маневрирование, они следовали одно за другим – русский, видимо, сосредоточил на крейсере огонь всей своей противоминной артиллерии. Снаряды из накрывавших их залпов шли под острым углом по отношению к курсу «Мемфиса», и крейсер содрогался при каждом попадании: проламывающем поясную броню, вырывающем фонтан искореженных обломков из полубака, мгновенным огненным шквалом разрушающем надстройку. Шесть снарядов попали в американский крейсер менее чем за две минуты, а для торпедного залпа, такого, чтоб наверняка, все еще было слишком далеко.

– Два, – командир оторвался от прорези в броне и обер-

¹²² Ask Emma, сленговое обозначение двенадцатичасового промежутка «AM» (после полуночи), Rip Emma соответствовало «PM» (до полуночи)

нулся к окружающим его офицерам. – У него два калибра!

– Как у итальянцев.

– Да, и у немцев. Не знаю, хорошо это или плохо.

– Для нас?

Торпедисту, оказывается, было смешно. Он широко улыбался, не отрываясь от визира автомата торпедной стрельбы. Впервые за два года службы на крейсере ему представился шанс проявить свое мастерство. Отношение остальных офицеров к его обязанностям было ироничным, всем казалось, что времена «Дорсетшира» давно миновали, да и аппараты с большинства крейсеров были давно сняты – просто до их корабля руки пока не дошли.

– Мне нужно десять тысяч ярдов, это максимум, с которого можно рассчитывать на попадание. Лучше девять.

– Ага, а еще лучше семь. Тогда-то он и перенесет на нас свой главный калибр, чего мы все тут и добиваемся. Чудесно!

– Куда уж лучше!

– Если кто забыл, до сих пор не зафиксировано ни одного торпедного попадания с дистанции более пяти миль. Старший, как там эсминцы?

Пауза, возникшая после этого вопроса, продлилась больше, чем требовалось, и один за другим все офицеры повернулись в том же направлении, что и внезапно замолчавший старпом. То, что их героическая атака уже никому не нужна, стало ясно сразу. Авианосец еще имел ход, еще даже пытал-

ся как-то менять курс, но уже был обречен. Громadne язьки пламени вырывались из его корпуса, наклонившегося к поверхности моря под нелепым углом, из развороченной на корме взлетной палубы толчками выбрасывало вверх клубы густого нефтяного дыма. Вокруг, не далее чем в четырех-пяти десятках метров один за другим поднимались фонтаны накрытий, каждый залп теперь, по-видимому, давал попадание. Эта жуткая картина через несколько секунд исчезла из поля зрения офицеров крейсера, когда тот, повинаясь приказу командира, заложил циркуляцию, склонившись в сторону русского корабля.

– Спокойной ночи, ребята¹²³, – произнес Лакий, прежде чем они легли на боевой курс. До торпедного залпа оставалось две минуты, посоветовать каперангу отказаться от него никто не решился.

«Беннингтон», медленно кренясь на правый борт, погрузился в воду. Та скорость, которую могли обеспечить заполняющемуся водой корпусу уцелевшие котлы, уже не оказывала никакого влияния на исход боя. Огромный авианосец почти не слушался руля, значительный дифферент на корму в сочетании с креном на правый борт вызывал очень большие опасения в отношении потери остойчивости – корабль мог перевернуться еще до исчерпания заложенных в проекте ее запасов. Отбиваться ему было уже нечем, яростно бив-

¹²³ Good night – в американском сленге середины века одним из значений этого выражения было «Это конец».

шие в задирающийся горизонт кормовые башни пятидюймовых универсалонок снесло прямым попаданием, островную надстройку пробило насквозь тяжелым снарядом, от взрыва которого рухнули за борт сломавшиеся у основания мачты радиолокаторы. Корма авианосца пылала, так и не успевшие подняться в воздух торпедоносцы скатывались в сторону правого борта, утыкаясь в нижний ярус «острова». В 09:56 командир «Беннингтона», убедившись, что все возможности сопротивления и борьбы за живучесть исчерпаны, отдал приказ оставить корабль. Турбины медленно остановили свое вращение, и неподвижный, пылающий авианосец застыл, окутанный черным дымом, задирая нос к небу. С бортов сбрасывали плоты и пробковые матрацы, матросы прыгали в воду с высоты правого борта, пытаясь как можно дальше отгрести от тонущего авианосца, дергающегося от попаданий и близких промахов. Легший у самого борта снаряд прикончил наиболее торопливых. У среза палубы выстроившиеся в ряд моряки не отрываясь смотрели на идущий на горизонте бой. Несколько человек молились, стоя на коленях, кто-то стаскивал с себя ботинки, какой-то младший лейтенант лихорадочно зарисовывал в блокнот силуэт русского корабля. Из люков, расположенных у основания надстройки, выскакивали матросы, чьи боевые посты были в глубине лабиринта палуб и отсеков авианосца. В первое мгновение, выбежав на яркий свет, они застывали, пораженные картиной пронесшегося над палубой опустошения, ле-

зущие следом толкали их в спину, стремясь, в свою очередь, скорее оказаться наверху.

Зрелище, конечно, было не для слабонервных. Палуба задиралась к носу под углом градусов в десять, одновременно накренившись почти на такой же угол вправо, чтобы сохранить на ней равновесие, людям приходилось передвигаться согнувшись. Почти вся кормовая оконечность, вплоть до кормового самолетоподъемника, была разворочена и горела, исторгая из недр корабля густой черный дым с проблесками оранжевого пламени. На палубе валялась одна из башен универсальной артиллерии и обломки металлических конструкций, снесенных с «острова», у подножия которого сгрудились исковерканные, припавшие на крыло, сбившиеся в кучу «эвэнджеры», придавив несколько дверей. Среди самолетов лежали тела американских моряков, сброшенных с надстройки или погибших уже здесь. Десятка три человек, раскатав по палубе пожарные рукава, поливали водой раскалившуюся палубу, стремясь использовать последние минуты, пока не упало давление в гидросистеме, руководил ими офицер в обгоревшем мундире с неразличимыми уже знаками различия. С обоих бортов сбрасывали спасательные плотки, на правом борту на шлюпбалках покачивался катер, уже доверху забитый людьми. За считанные минуты он был спущен на воду, и несколько моряков прыгнуло на него сверху, на головы сидящих. К катеру со всех сторон устремились надеющиеся спастись на его борту, но места им уже не было

– взревел мотор, и сначала медленно, а затем все быстрее он начал удаляться от гибнущего корабля.

Корпус авианосца дрогнул, где-то в его погружающейся кормовой части возник глухой рокот, корабль ощутимо трянуло несколько раз подряд, и это точно не было очередной серией вражеских попаданий – уже довольно давно, как с удивлением обнаружил командир авианосца, по ним никто не стрелял. Капитан Сайке находился на палубе, стоя у носовых универсальных башенных установок вместе с большинством старших офицеров авианосца. Не хватало нескольких – погибших или все еще не выбравшихся из внутренних помещений. Контр-адмирала Кинка тоже не было, старый извращенец¹²⁴ отказался покинуть носовую рубку, заявив, что желает погибнуть вместе с кораблем. Услышав об этом, Сайке поморщился и приказал одному из штурманов, бугаю из Северной Каролины, футбольной гордости «Беннинггона», привести адмирала, если понадобится, силой. Помимо всего прочего, капитан первого ранга не хотел быть единственным козлом отпущения за гибель флотского авианосца – пятого с начала войны и второго за месяц¹²⁵, после двухлетнего отсутствия потерь в тяжелых кораблях. Он не любил красивых жестов. То, что тяжелый авианосец, только что всту-

¹²⁴ Одно из американских сленговых значений слова kinky, образованного от «kink» (завиток) – извращенный

¹²⁵ Легкий авианосец был потоплен японской авиацией 24 октября, в первую фазу Битвы за Лейте.

пивший в строй, ценнейшая боевая единица, его любимый корабль, потоплен так глупо, просто каким-то шальным рейдером, возникшим ниоткуда, было невероятно, невозможно! Это противоречило всем стандартам – авианосцы никогда не участвуют в надводных боях, их строят не для этого. Да, «Глориес», но это британский авианосец, корабль его чертова величества, он погиб так же, как и они, глупо вляпавшись в самом начале войны, погиб в назидание другим, и повторения этой истории просто не должно было состояться! Почему здесь нет линкоров? Почему крейсера и эсминцы не дали им время отойти, не дали хотя бы несколько, пять-десять минут, чтобы поднять в воздух торпедоносцы? Почему русский линкор не был обнаружен самолетами-разведчиками – уж это прямая вина адмирала. Почему во вчерашнем ударе полегла почти вся авиагруппа, а у вернувшихся дрожали колени? За что? Капитан первого ранга уже практически терял контроль над собой, после четкости и хладнокровия проявленного им в бою это было невыносимо. Сильный удар по пяткам заставил его оглянуться.

– Сэр! – тряс его за рукав какой-то незнакомый офицер. – Сэр! Надо уходить, корабль скоро утонет, а перевернется, скорее всего, еще раньше! Уже никого почти не осталось, надо уходить, сэр!

Молодые глаза возбужденно блестели на густо закопченном лице, парень продолжал трясти командира авианосца за рукав, видимо, не очень сознавая, что делает. Дифферент

на корму увеличивался прямо на глазах, но Сайке, казалось, не понимал значения происходящего. Со скрежетом пополз по палубе торпедоносец с подломившейся стойкой шасси, его развернуло, и какой-то пробегающий мимо матрос едва успел отшатнуться, когда крыло самолета описало дугу рядом с его головой. Старший помощник обнял своего командира за плечи и мягко повел его к борту. Тот не сопротивлялся. Сволочи, все сволочи... На мгновение оглянувшись на привлекающую его внимание фигуру, он увидел сидящего на палубе офицера-летчика, который рыдал, обхватив голову руками. Рядом валялся планшет, какие-то выпавшие карты, еще бумаги. Ветер трепал белые листки, заставляя их взлетать вверх, чтобы снова опуститься на палубу и с шелестом ползти вниз, в сторону кормы. Не останавливаясь, старпом указал нескольким идущим рядом офицерам на летчика, того подхватили, потащили вверх по палубе. Летчик вырывался, выкрикивая сквозь слезы что-то бессвязное, пытался вытащить пистолет из кобуры, его не пускали. На палубе уже никого не было. Группа офицеров остановилась у решетчатой мачты, и моряки по одному начали спускаться по скобтрапу на главную палубу. Цепляться было неудобно, крен составлял уже градусов пятнадцать, ноги соскальзывали в воздух. Снова собравшись на палубе, офицеры, после короткой паузы, один за другим прыгнули в воду с пятнадцатифутовой высоты.

Торпедная атака, в нормальном понимании этого слова, так и не состоялась. Легкий крейсер «Мемфис», сблизившись с русским линкором миль до пяти, получил несколько попаданий подряд. С шедшего на левой раковине второго крейсера увидели, как полетела за борт его четвертая дымовая труба, а через мгновение и фок-мачта. Эсминцы сделали, что могли, выпустив остатки торпед с самоубийственных дистанций, – их было немного, и русский без особого труда увернулся, не выпуская свои жертвы из прицелов. «Саванна» с трудом уклонился от нескольких накрытий, каждое из которых могло быть для него смертельным, – русский, плюнув на уже тонущий авианосец, вцепился в него клыками своего главного калибра. Один из снарядов четко вошел в кормовую группу башен, насквозь проткнув пятидюймовую плиту лобовой брони пятой башни. Взрывом вышибло задний наклонный лист, многотонную броневую крышу вспорол как жестянку, сорвало с болтов и отшвырнуло далеко за борт. Четвертая башня больше не дала ни одного залпа – ее перекосило на катках, испятнав броневые плиты десятками крупных и мелких вмятин.

Крейсер шел зигзагами, лихо кренясь на циркуляциях и постепенно увеличивая дистанцию, в скорости русскому линкору с ним явно было не тягаться. Уводя за собой русского, его командир попытался довернуть к западу, но противник, видимо, имел какие-то свои интересы: отвернув от «Саванны», он сосредоточил весь огонь на «Мемфисе», мето-

дично превращая его в пылающую развалину. Каким-то чудом машинно-котельная установка старого крейсера до сих пор оставалась невредимой, хотя было глупо относить это на счет бронирования – даже средним калибром оно пробивалось почти с любого курсового угла. С палубы «Мемфиса» снесло уже все, что можно, время от времени стреляла то одна, то другая шестидюймовка, но огневые возможности корабля были фактически сведены к нулю – не уцелело ни одного дальномера. В последней попытке оторваться от неумолимого противника старый крейсер вытянул свой курс в нитку, развив максимальную скорость и разбрасывая форштевень волны. Неизвестно, кто управлял в эти минуты кораблем, но это было его ошибкой. Несмотря на то что отчаянный рывок позволил увеличить дистанцию, русские на этот раз пристрелялись почти мгновенно – громадные огненные вспышки закрыли ют и район фок-мачты, обе носовые трубы, крутясь, рухнули на палубу, корабль рыскнул на курсе, заваливаясь на правый борт, корма его погрузилась в воду.

После короткой паузы, прозвучавшей как перебой в работе сердца, раненому крейсеру был нанесен еще один удар. Человек, управляющий огнем линейного корабля, не отказал себе в удовольствии дать полный бортовой залп по накренившемуся, беспомощному противнику. «Мемфис» закрыло сплошной водяной стеной, сквозь которую, крутясь, пролетали рушащиеся в воду обломки металла. Крейсер повалило на борт, корпус с лязгом разодрало вдоль, из щелей

выплеснуло мгновенное белое пламя, и через считанные секунды его не стало.

То, с какой неожиданной легкостью это произошло, стало наибольшим потрясением для всех свидетелей боя. Никому из участвовавших в нем американских моряков не приходилось раньше бывать в артиллерийском морском бою, вся их служба прошла на сравнительно спокойном (особенно в последнее время) Атлантическом океане, поэтому основные представления о морских сражениях для них были сформированы в основном воспоминаниями британских адмиралов о линейных битвах Первой мировой. Почти мгновенная гибель корабля, несмотря на то что он перед этим достаточно долго подвергался воздействию артиллерии, просто не сразу доходила до сознания. По сравнению с величественным и постепенным погружением в воду громадины «Бенningтона» исчезновение «Мемфиса» с поверхности казалось каким-то ненастоящим.

«Кронштадт» без особых усилий вышел из боя, просто прекратив огонь по спешно расходящимся радиальными курсами эсминцам и повернув на восток. Радарная установка на нем вышла из строя, хотя прямых попаданий в комплекс надстроек у фок-мачты не было – сотрясения от стрельбы собственных орудий и попаданий в корпус были слишком сильными для требующего длительной настройки тончайшего электронного механизма радиолокационных станций. Этого следовало ожидать. После всех произошедших

за последние два часа событий командный состав линейного крейсера принял это известие достаточно спокойно, пилоты гидросамолетов отреагировали на него матом.

Узел 7.1

19 ноября 1944 г., вторая половина дня

Чрезвычайно медленно и чрезвычайно аккуратно самоходки артполка, перешедшего недавно в армейское подчинение, продвигались по затянутой туманом лощине. С начала большого наступления прошло всего одиннадцать дней, а полк уже успели два раза потрепать и два раза пополнить. Оба пополнения были россыпью, без переформировки. Так и не доведенный до штатного состава полк свели в три батареи – вместо четырех. Техники не хватало – во-первых, потому что СУ-85 уже почти не выпускали, просто использовали уже произведенный запас деталей и узлов, а во-вторых, перебрасывать к голландской границе технику и людей становилось все сложнее. Ходили неясные слухи о мощном контрнаступлении немцев, англичан и американцев юго-восточнее, якобы развивающемся уже третий день. Нехорошие разговоры ходили и про то, что позиции 2-го Прибалтийского фронта прорваны и Ленинградский с 3-м Прибалтийским то ли уже отрезаны, то ли будут отрезаны вот-вот. Сложно было сказать, правда это или нет. С боеприпасами проблем особых не было, за неимением в последние дни больших боев, с топливом тоже. Много доставлялось, видимо, морем,

вдоль берега, да и часть прибрежных железных дорог, видимо, должны были еще уцелеть – к морю супостат еще не вышел, это было известно точно.

Странно вообще, что туман держится в середине дня. Воздух холодный, ни одного листочка на деревьях уже не осталось, вода поутру покрывается ломкой ледяной корочкой – предвестницей мучавшего Бориса каждую зиму кашля. Он ни разу не болел на войне, как и все остальные, кого он знал, но кашель был сам по себе. Странно, в довоенное время каждый третий имел язву либо жаловался на печень, простужались как минимум раза три за зиму. А тут хоть бы что прилипло... Обморожения, конечно, были. Один раз он видел, как солдат погиб от столбняка, несмотря на сыворотку, – за полтора часа его скрутило узлом, выгнуло, и он умер, просто не способный дышать. Молниеносная форма. Но это тоже после ранения, поцарапало осколком голень, а в портянках и крысы могут завестись, не то что микроб.

– Стой.

Борис вовремя увидел вскинутые флажки над командирской машиной, хотя успел задуматься. Повезло, Батяня задумчивости на марше не прощает, даже своим. Порвет жопу на британский флаг и поставит на бруствер буквой «зю», пугать врагов образовавшимся калибром.

Обернувшись на сзади идущую машину брата, Борис продублировал командирский сигнал, а потом и следующий – «Глуши моторы». Подозрительно что-то.

В лощинке, в тумане... Как засадный полк. Старший лейтенант чуть не заржал про себя, восхищенный своей аналогией. Черт, в бой их ведут, или все-таки это лишь такой долгий марш? Интересное кино. Могли, пожалуй, просто спрятаться от самолетов: за последние дни британские «темпесты» и «тайфуны» завоевали всеобщее уважение (как, хочется надеяться, и наши у них). Ну, тогда залитая туманом лощинка – самое то. Хуже, если коварный враг таится рядом и это замечательное место у него пристреляно чем-то крупным. Нет, правильно, что их «сушек» больше не делают, новые «тридцатьчетверки» сейчас составляют львиную долю танковых парков – слишком большой оборот, все более-менее малосерийные машины сходят на нет. Пока 85-миллиметровую пушку в танк втиснуть не могли, истребительные самоходки были «звездой экрана», танкисты на них молились, подхалимничали. А теперь чувствуешь себя очень уязвимым. Вот и придерживают полк во втором эшелоне, не гонят. Появится новая техника, так снова подхалимничать начнут. Человеческая природа на войне проста, человеку жить хочется. И спать. И есть. И выпить. И бабу, конечно. Но самое интересное, что когда дело доходит до горячего, все желания, и так из-за окружающей обстановки не слишком разнообразные, сводятся к одному – жить. И ради вот этого желания человек способен убивать, не задумываясь. Вот умора... Старина Вернадский был, пожалуй, более прав, чем сам предполагал. Доминанта! Говоря простым

языком, больше одной мысли за раз человек думать не должен.

Полк простоял в долине два часа, и постепенно стало ясно, что марш в самом деле закончился. Техники и людей вокруг делалось все больше, и хотя все еще держащийся туман не позволял разглядеть многого, но присутствие человеческой и железной массы ощущалось кожей. Сзади вырос взрывающий звук мотоциклетного мотора. Борис напрягся: звук был немецкий. Через полминуты мимо действительно промчался БМВ с затянутым в кожу парнем в седле – без погон, но, во всяком случае, с ППШ под боком. Мотоцикл круто затормозил, уже проскочив машины первой батареи. Через пять минут, снова взревев мотором, он умчался вперед, и стало видно, что майор бежит вдоль самоходок своего полка, останавливаясь у каждой, вместо того чтобы приказать нормальное: «Командиры батарей – ко мне!» Вспрыгнув на броню «двести двадцать второй», он показал Борису развернутую карту с их собственной позицией, а также отметками огневых рубежей и целей. Карта была хорошая, с русскими названиями населенных пунктов и весьма полно представленной схемой предстоящих развлечений.

– Твоя копия, – отрывисто сказал комполка, протягивая ему плотный конверт. – Я за тебя уже расписался. Стартуем через сорок минут, короткий марш, стрельба с закрытых позиций, в огневых карточках все цели расписаны. На нас запланированы только закрытые, но всякое может случиться,

так что держать ушки на макушке. Как братеньник?

– Ничего.

– Ладно, я дальше, читай пока.

Он спрыгнул с башни и побежал дальше.

– Постой, с ума сошли? – закричал ему вслед Борис. – Сорок минут, и... все? Они обалдели?..

– Отстань! – проорал майор, обернувшись на бегу. Хотел добавить что-то, но только рукой махнул.

Не теряя времени, командир второй батареи приказал экипажу слушать радио и смотреть по сторонам, а сам потрусил к стоящей в десяти метрах машине с номером 224. Ленка смотрел на него сверху башни, потом, осознав субординацию, спрыгнул и склонил голову над разворачиваемой Борисом схемой.

– Ага, ага, – приговаривал комбат, водя заскорузлым пальцем по линиям и заштрихованным квадратам, испещрявшим узкую картонную гармошку. Закончив, он протянул схему брату, поднял голову и залиvisto свистнул. Из люка самоходки, стоящей позади Лениной, вопросительно махнул рукой взводный, Борис сделал ему раздраженный жест: тебе, мол, кому же еще... Огневые карточки и маршрутка были расписаны по минутам, кто-то в штабе не пожалел времени. Все это, понятно, было до фактического контакта с противником, но они действительно, Бог миловал, находились пока во втором эшелоне. Если повезет, то весь первый день будут стрелять через головы, из-за спины танкистов.

За отведенное время удалось прокрутить диспозицию с командирами машин, покурить и даже потрепаться. В батарее имелся всего один новенький, да и тот битый волк, после госпиталя, так что все было пучком. Ленька, по всеобщему согласию, за полторы горячих недели вполне обтерся и начал соображать не хуже многих. Его уже вполне можно было ставить командиром взвода, но лишнего взвода не имелось, как и лишнего желания у командира полка спорить с комбатом-два; что такое брат, он вполне понимал. Успели обсудить вчерашнюю историю с армейским журналистом. Мудак в лейтенантских погонах поднял смех, когда ему рассказали, как жгли взвод «тигров». Полком – взвод. Один за другим сплюнув охреневшему корреспонденту под ноги, летики и повыше чином отвернулись, чтоб не видеть его рожи, младшие лейтенанты просто ушли подале от разборок.

Вот так какой-нибудь тыловик начинает на складе горючки выпендриваться: что же вы, герои, тремя армиями с одной немецкой деретесь... А что – ему о штатах частей понятия нет, о том, как выглядит прущий на тебя «тигр», – тоже. А вот гонора много. Интересно, найдется ли среди фронтовиков интеллигентный и вежливый человек, который разъяснит, что взвод советских самоходок – это две машины, а взвод германских танков – пять, или он так и будет ходить оплевываемый? И что их полк самоходок, когда свежий, – шестнадцать стволов, а немецкий танковый полк – под сто пятьдесят бронированных зверюг, больше чем полторы на-

ших бригады или почти как американская дивизия...

Именно на дивизию их и вынесло, когда все началось. Артподготовка была не особо продолжительной – то ли боеприпасов было не так много, то ли фортификаций особых впереди не имелось. Тем не менее гвардейских минометов и залпов с выставленных за последние часы направляющих рам было больше, чем когда-либо. Тронулись, стреляли, загружались снарядами с грузовиков полка, почти неотступно следующих за ними, снова стреляли в белый свет, из каких-то лесочков и овражков. Когда дело клонилось уже к вечеру, пошли наконец в рывок. Местность была менее холмистая, чем та, на которой они действовали девятого и десятого ноября, но холмы иногда тоже попадались. В промежутке между двумя такими взгорками они наткнулись на остатки громадной колонны грузовиков и бронетехники, искореженной до почти полной неузнаваемости. У Бориса в первое мгновение захолонуло сердце – ему показалось, что это наши. Но нет, в голове стояло несколько еще дымящихся «стюартов», которых в советских частях не держали уже давно – с начала, пожалуй, сорок третьего. Можно было принять разгромленную колонну за разведбат, кто его знает, где могли еще эти тархтелки сохраниться. Разве что полевые кухни охранять. Остальные машины, впрочем, были разнокалиберными грузовиками и транспортерами, а также «шерманами», каковые в частях имелись, по слухам, в немалом количестве – но где-то вдалеке, на других фронтах. Сам он их не видел

ни разу. Бригаду поймала, видимо, авиация, и, пожалуй, еще утром. Даже легкое топливо продолжало бы еще гореть, если бы «белые звезды» накрыло их залпами или артиллерией. Может, поэтому наступление и началось не с утра, как положено, а днем?

– Кракатау, – сказал наводчик, познаниям которого Борис не переставал удивляться. Мужик он был деревенский, но говорил иногда образно и так, что запоминалось надолго.

– Да, Кракатау...

Пожалуй, полная бригада здесь накрылась. Сколько в ней положено – 68 танков, плюс всякая легкая мелочь из obsługi. Зенитчики там, мостовики. Самое интересное, что километра через три они наткнулись на еще одну бригаду супостата, избитую до полного «ай-я-яй». Ну, эта хотя бы кого-то успела увидеть перед собой, потому что стояла, наполовину рассыпавшись по полю, чуть ли не шахматными рядами. Пытаться реконструировать произошедшее было почти невозможно, разве что полазить по горелым остовам, пощупать дырки. Становилось все интереснее. Чем можно было набить такую кучу танков? ПТАБами¹²⁶ ? «Андрюшами» или «Катюшами» улучшенной кучности, если в одну четко разведанную точку будет бить по бригаде? И какой дурак согласится подать команду, глядя на это дело из лесочка? А если авиацией, то как американцы смогли прошляпить пару полков штурмовиков – вот это было совершенно непонятно. На каж-

¹²⁶ Противотанковая авиабомба

дом «шермане» имелось по зенитному пулемету, плюс самоходки с зенитными автоматами, чадающие среди других, – так что с одного захода пришлось бомбить, если это «горбатые» были. Мрак. Сыпанули, небось, а потом что? Куда эти разворачивались?

Они как раз прошли мимо обгоревшего танка, от которого оглушительно несло горелой резиной и сладким запахом паленого мяса – тошнотным признаком того, что экипаж остался внутри. Майору, может, тоже хотелось остановиться, но делать этого он, конечно, не стал, накрутили его по поводу графика движения. Да и со стрельбой тоже. Откроешь огонь с пятнадцатиминутным опозданием, да не связавшись с артразведкой, а там свои уже...

– Справа! – вдруг заорало в шлемофоне голосом Антонова, комбата-три. Борис успел подумать еще, что громкость отрегулировать на стоянке не позаботились, протрепались, – а сам уже отдавал команды батарее, переключаясь с командиром второго взвода.

Справа из леска, где, как он думал, должен был сидеть храбрый корректировщик, часто били пушки. Метров семьсот. Опасно, как черт с вилами.

– Осколочным? – переспросил заряжающий, то ли не поняв его приказ, то ли одурев со страху.

– Осколочным, сука!!! Заряжай на хрен, урод! Беглый огонь по опушке! Следуй за мной!

Батарея с ходу развернулась, начав вальсировать в нитях

трасс. Через секунды их нащупали, и оглушающим тычком из сидящих в самоходке людей чуть не вышибло дух. Ударом в лобовой лист их толкнуло вниз, глухо екнув всеми сочленениями «шайтан-арбы» под номером 222.

– Живы?

Почему их не пробило с семисот метров? Борис бросил взгляд вправо – нет, Ленька еще цел, танцует, как и они, выпуская один снаряд за другим. На его глазах в лоб Ленькиной машины вошел трассер, но никаких видимых последствий это не принесло.

– Чушь какая-то... – произнес он вслух, не понимая. Несколько деревьев упало, и с опушки буквально выпрыгнули сразу несколько танков, чуть не через каждые пять метров.

– «Стюарты!» – завопил «третий». Нет, ну надо же, глаза-стый какой. Все, теперь пошло месилово. Охренели совсем, чего из леса вылезли? И в лоб на «восемьдесят пятых» .. Жить надоело? Или...

– Первый! – Борис с азартом ухватился за гарнитуру полковой связи. – Они нас за «жу-жу» приняли!

Их потрянуло еще раз, и теперь здорово. Была б башня – заклинило бы, как пить дать. Нет, точно приняли за «семьдесят шестых», почти не бронированных, потому и полезли, чтобы числом смять – раз не вышло из импровизированной засады сжечь первым залпом половину полка. Потому и полезли на рожон, чтобы их пукалки могли СУ-76 исты-

кать, как швейные машинки. «Стюарт» хоть и дерьмо как легкий танк, особенно по стандартам конца сорок четвертого, но свое дело знает туго.

Нет, противника было меньше, чем поначалу показалось с перепугу, – рота, наверное, значит, семнадцать штук. Снова не к месту вспомнился тот журналист – вот что значит обида. Хотя какая только чушь не приходит в голову, когда дерешься. Если кто-то предполагает, что человек думает словами и на родном языке, он ошибается. Человек думает образами, которые становятся тем отрывистее, чем выше скорость мышления, подстегнутая опасностью или чем-нибудь таким же возбуждающим. Поэтому среди обрывков картин и символов – «движение вправо, трасса, снаряд» – может вклиниться и что-нибудь, имеющее к текущему моменту куда меньшее отношение.

Роту они сожгли за десять минут. Все-таки он был, пожалуй, не прав в своем предположении. Что СУ-85 не похожа на «семьдесят шестую» – это ладно. Что-то общее в них все равно есть, а строго спрашивать с никогда не видевших ни того, ни другого было глупо. Вряд ли ребята так же хорошо учили силуэты русских танков и самоходных орудий, как зазубривали их наши танкисты. Но это было не главное. Скорее всего, это действительно была разведка дивизии, зажата между уже глубоко продвинувшимися частями и практически не имевшая шансов ни при каком раскладе. Деваться им было некуда, бригады шли в прорыв одна за другой. Стран-

но, что они не сдались, пока могли. Американцам так и не удалось сблизиться с самоходками до таких дистанций, чтобы их пушки могли пробить борта «сушек», а вращающиеся башни полноценных танков стали решающим фактором маневренного боя. Назад им тоже отойти не удалось, поскольку Батя погнал полк вперед и пятящиеся танки с не слишком толстой броней «восьмидесятипятка» наживляла с полутора километров. Как там, «Наши гнали татар сорок верст...». В Ленькином экипаже, кстати, был татарин, причем крымский. Это он их тогда спас, когда чертов «хетцер» сжег две «тридцатьчетверки» на его глазах и чуть не прибил его самого.

Встали. Открыли люки. Очень легко все получилось, даже нехорошее чувство осталось где-то в глубине груди. Сколько экипаж в «стюарте»? Хотя глупо думать, что раз ты остался жив, то, значит, все легко обошлось. В первой батарее погиб водила, которому крупный кусок стали, отколовшийся с внутренней стороны брони при попадании, воткнулся в глаз и достал, видимо, кончиком до мозга. Четверо были ранены, все легко, у трех машин разбило катки, хотя ремонту они подлежали – если удастся эвакуировать.

Майор связался с ремротой, обещали прислать «Силу» – старый танк без башни, служивший в полку тягачом. На него ссылали потерявшие машины экипажи, пока не получали пополнение техникой – новой или восстановленной, без разницы. Так что опять почти ополовинило полк, за минуты, как это и бывает обычно. Выгружается такая часть из эше-

лона, довольные, что на фронт попали, теперь кормить будут, и тут рев, крики, все взрывается... Поднимаешь лицо из лужи – половины полка как не бывало. Знаем, проходили. Но смелые ребята все же. И дурные... Жалко. Пообрывать бы ноги тому дураку, который все это затеял. А отдуваются за него фронтовики. Дядя в высоком цилиндре или в кое-какой другой форме, которую на всякий случай даже представлять себе не хочется, сидит где-то далеко и умно рассуждает над политическими тонкостями. И ему не приходит в голову понюхать, как пахнет самоходка, в которой заживо сгорели четыре человека... Из которых один был твоим одноклассником по училищу. А второй земляком.

Борису было немного неловко перед собой. Когда поднялась бешеная стрельба и вокруг заныло летящим железом, первым его движением было закрыть Ленку. Закрывать собой, броней своей машины, чтобы парень уцелел. И только через секунду вспомнилось, что в его собственной самоходке сидят еще три человека, у каждого из которых есть ждущая его семья, которой плевать, за кого их собственный брат или сын погиб. Хотя у заряжающего семьи уже, кажется, нет – все погибли...

Вот так и прошел для полка первый день того сражения, которое, как считали несколько маршалов с погонами разного фасона, должно было решить судьбу Европы на ближайшие десятилетия. Маленький, частный кусочек войны. Свои страхи, свои порывы, терзания, у каждого собственные. Бу-

ря цыганских страстей, смерть Тибальда, душение Дездемоны... Кого это все будет волновать через десять-пятнадцать лет? Или через шестьдесят? Какое дело будет отдельно взятому человеку, живущему в мирной стране, струсил какой-то лейтенант или капитан в бою под давно отстроеным заново задрипанным городишком – или не струсил и умер героем. Умер, и черт с ним, хотя вечная слава, конечно. Других забот хватает.

Разница часовых поясов с театрами военных действий не особо влияла на московские привычки облеченных властью. Заседания Ставки затягивались до трех-четырёх часов утра почти каждый день. Несмотря на то что фронт измерялся тысячами километров – от тихого сейчас Заполярья, где советские войска двигались по кромке норвежских шхер, до венгерских и югославских городков, где под благожелательным присмотром командиров неуклонно продвигающихся на запад фронтов увлеченно резали друг друга представители горячих южных народов. Однако восемьдесят процентов всего времени самого генералиссимуса и остальных военных членов Ставки занимали лишь два района боевых действий. Оснабрюкская операция и судьба советской Эскадры Открытого океана, пытающейся вырваться из Атлантики.

– Я считаю, что товарищу Левченко очень повезло, и мы должны воспользоваться удачным моментом, – заявил нарком ВМФ на вечернем заседании. – Он сумел дозаправить-

ся и частично восполнить израсходованные боеприпасы в тот момент, когда возникла пауза в операциях британского и американского флотов, на что имелись как объективные, так и субъективные причины.

Цвет кожи на лице Кузнецова был уже не просто серым, а приобрел землистый оттенок, какой бывает у людей с большой печеню. В течение последних полутора-двух недель адмирал спал по четыре часа в сутки.

– К объективным относится полный разгром американского оперативного соединения, предназначенного для перехвата нашей эскадры, а также неудачная для поисковых операций погода в Атлантике, которая ухудшается на глазах. К субъективным – растерянность и даже шок, которые американцы и англичане, безусловно, испытывают от произошедшего в последние дни.

– Но нашим кораблям все же не удалось найти и уничтожить ни одного крупного конвоя, что оправдало бы риск, на который мы пошли. Так, товарищ Кузнецов? Разве вы не говорили три недели назад, да и до этого много раз, что хотели бы избежать морских боев?

– Хотел, согласен.

– Почему же не избежали?

– Я избежал. Я остался в Москве. Но адмирал Левченко принял решение, продиктованное сложившейся обстановкой, и оно оказалось верным. Ему требовалось нейтрализовать авианосец, который рано или поздно сумел бы нанести

серьезные повреждения хотя бы одному из кораблей эскадры, после чего ее пришлось бы разделить. А если бы и не сумел, то, я полагаю, удержал бы с ней контакт и навел другие силы. А так, воспользовавшись ночью и использовав совершенно нестандартную тактику, Левченко это соединение разгромил, причем почти «всухую». Самым важным для нас стало то, что почти сразу после боя он встретился с танкером и кораблем снабжения, – и это, судя по всему, осталось незамеченным для противника. Британские и американские силы, находящиеся в районе действия наших кораблей, сейчас слабы и дезорганизованы, но я все же настаиваю на том, что судьбу мы испытывали достаточно. Из океана пора уходить.

Сталин молчал, задумавшись. С военной точки зрения он признавал правоту Кузнецова – корабли уже превысили необходимый уровень риска, на который он соглашался. Да и в оперативном искусстве войны на море Верховный Главнокомандующий честно считал себя не слишком разбирающимся – то ли дело армия. Так что оставалось согласиться с наркомом, разрешить кораблям, уже окупившим свою постройку, уходить на север, пока союзнички не стянули силы, чтобы заняться ими по-крупному. С другой стороны, из местной ситуации можно было извлечь некоторую выгоду, чтобы адмирал флота не думал о себе и своих моряках в очень уж розовых тонах. Контроля над ними сейчас почти нет, кто знает, что им в голову взбредет, за тысячи километров от Москвы... Или нет. Все же нет. Подумав, он решил не

поднимать лишний шум и не стравливать Кузнецова с маршалами, которым на флот наплевать – лишь бы еще одна-две дивизии не добрались до Эмса. Успеется еще.

– Согласен, – наконец сказал он. Все это время остальные в молчании прождали его решения, которое некоторых волновало, а некоторых и нет.

Николай Герасимович Кузнецов благодарно кивнул. Он все же не ожидал, что Сталин даст ему столько воли – с самого начала операции и сейчас тоже. Прекрасно понимая подавляющее превосходство Королевского флота, даже в его усеченном состоянии, над ударной группой Левченко, адмирал надеялся, что набор нестандартных финтов и телодвижений, предпринимаемый эскадрой, собьет британцев с толку, даст им время вывернуться. Хорошо, что топливо приняли, закончить должны были буквально часы назад. И снаряды. После всех погонь и стрельб находящиеся на шестую часть земного радиуса от ближайшего дружественного порта корабли должны были чувствовать себя очень неудобно. А все хорошее имеет обыкновение заканчиваться внезапно, и «вата» наступает, «когда ее совсем не ждешь». Сумели же американцы утром вчерашнего дня атаковать эскадру неожиданно, только благодаря радару их перехватили вовремя...

Так, опять уплыл мыслями. Усталость, все из-за нее. Ставка уже обсуждала совсем другое, звучали номера армий, корпусов и дивизий, наших, американских и немецких, фамилии генералов, трехзначные цифры, отражавшие суточ-

ные успехи и потери в самолетах и танках. Два фронта, на которые пришелся удар, удерживали прогибающуюся, рвущуюся линию обороны за счет введенных в бой вторых эшелонов, изматывая наступающие армии и не жалея ни боеприпасов, ни техники. Говоров перешел в контрнаступление на ограниченном участке, сконцентрировав не слишком значительные подвижные силы в коротком, без размаха, ударе, нанесенном по перерастянутым коммуникациям наступающих американских войск. Концентрация брони и артиллерии была там не столь высока, как на добивающем войска Еременко острие удара, а концентрация авиации, противотанковых средств и средств ПВО не так значительна, как на оставшихся за Эссенем рубежах.

Генералу Старикову удалось, судя по его докладу, поймать со спущенными штанами почти полную бронетанковую дивизию противника, которую за сутки привели в состояние, несовместимое с боевой деятельностью. Цифрам, указанным в сводке по полосе 8-й армии, не очень-то поверили, но член Военного Совета утверждал, что подобная танковая мясорубка, причем исполненная собственными силами фронта, еще не встречалась в его опыте в таких впечатляющих масштабах.

Наступление основной ударной силы, запланированной к предстоящей операции – пяти армий 3-го Прибалтийского фронта, наносивших вспомогательный удар по всей ширине изогнутого западного фланга врага, и девяти армий 1-го

Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, подчиненных общему руководству Жукова, накаченных танками и артиллерией до максимально возможных пределов, – намечалась на утро следующего дня. Именно поэтому первый отвлекающий удар и был нанесен в середине дня – чтобы захватить ночь, когда действия 8-й армии с приданными частями, перемещение ее в тылу наступающей группировки, ночные стычки и рев танковых моторов привлекут к себе настолько большое внимание, что заставят врага разворачиваться, жечь горячее, тратить время и темп на переходы и разведку этой новой, явно незначительной, но требующей ответных действий угрозы. Пока же начиналась ночь, в которую должны были спать очень немногие люди из имеющих отношение к происходящему.

Узел 7.2

20 ноября 1944 г.

Из всех военно-морских баз Британской Империи, расположенных на побережьях нескольких государств, одна за другой выходили группы кораблей – уже последние. То, что происходило в течение трех дней с 17 по 20 ноября, превосходило всякие представления о норме. Ранее такое случилось только один раз, когда происходила высадка в Нормандии и артиллерийские корабли выстроились вдоль французского берега, перепав его на десятки километров вглубь. Со стороны тех, кто не был знаком с подоплекой событий, происходящее сейчас тоже оценивалось как нечто подобное. Отдельные крейсера и дивизионы эсминцев веером расходились от берегов Шотландии, Исландии и Канады, перекрывая рубежи между Фарерскими островами и Исландией, Исландией и Гренландией, мысом Фарвелл и северо-западной оконечностью Ирландии, а также все другие направления, считающиеся в Адмиралтействе стратегическими.

Две мощные эскадры были направлены в Атлантику с перерывом в одни сутки: первая состояла из трех новых линейных кораблей и двух ударных авианосцев, на нее и возлагались самые большие надежды. Вторая включала в себя линейные корабли «Рамиллиес», «Малайя» и «Уорспайт» с че-

тырьмя эскортными авианосцами, она должна была надежно защитить важнейший узел судоходных путей у юго-западной оконечности Ирландии. Десятки адмиралтейских танкеров и судов снабжения, отправленные вдогонку в составе нескольких конвоев, должны были обеспечить эскадрам возможность находиться в море в течение всего времени охоты за русскими рейдерами.

Подводная лодка Кригсмарине U-262 вторые сутки двигалась строго на юг от берегов Исландии вопреки распоряжению командования подводными силами. Относительно большой боевой опыт командира и сплаванный экипаж до сих пор давали ей возможность оперировать преимущественно самостоятельно, что позволило лодке уцелеть при избиении «волчьих стай» в сорок третьем году, а как свободный охотник ее командир имел почти полную независимость в выборе цели и тактики. За две недели боевого похода, до того как пришел приказ о прекращении военных действий, субмарина произвела три торпедные атаки, причем в первом случае была атакована группа из трех небольших транспортов, шедших под охраной корвета и шлюпа вдоль исландского берега. Четыре электрические торпеды были выпущены веером в расчете поразить сразу несколько целей – но только одна из них попала в небольшой транспорт, который почти мгновенно затонул. Остальные торпеды прошли мимо и взорвались, ударившись о берег. На следующий день одной торпедой был потоплен одиночный сухогруз, оцененный в три с половиной

тысячи тонн водоизмещения, а почти через неделю была сделана попытка атаковать крупный конвой, направляющийся на восток. После трехторпедного залпа с большой дистанции (оказавшегося неудачным) на лодку набросились эсминцы и загнали ее на глубину.

Теперь большую часть ночного времени суток лодка шла в надводном положении. Она стремилась на юг, к дружественным Германии странам Южной Америки, до которых было еще долго. Будучи слишком далеко от берегов, можно было почти не опасаться противолодочных самолетов берегового базирования – за исключением разве что патрульных «либерейторов». Но не слишком пока плотная сеть их пролетов и усовершенствованный «Бискайский крест» в качестве эфемерной гарантии технического превосходства давали некоторые шансы зарядить аккумуляторные батареи, не слишком часто прерываясь на аварийное погружение. Именно при таких обстоятельствах в 3.50 двадцатого ноября пассивным обнаружителем радиолокационного излучения типа «Палау» был засечен работающий радар в левом кормовом секторе. Через пятнадцать минут операторы антирадаров совместно со старшим офицером подводного крейсера решили, что мощность получаемого сигнала повысилась, хотя он еще не был настолько сильным, чтобы вызвать отраженный сигнал от корпуса их лодки. Была сыграна боевая тревога, вызвавшая даже приступ некоторого энтузиазма у команды, – это был первый контакт за шесть дней.

– Погружение на перископную глубину. Курс прежний, ход снизить до малого. Сделать запись в вахтенном журнале. Акустической вахте – особое внимание кормовым секторам.

Обер-лейтенант, закутанный в прорезиненный плащ, в на-
двинутой до бровей шапке с опущенными ушами, неторо-
пливо спустился в рубку по скобтрапу, за ним последовали
вахтенный офицер и впередсмотрящие. Рубочный люк был
задраен, и через несколько минут лодка мягко скользнула
вниз. Рано повзрослевший на войне юноша, давно перестав-
ший мечтать о Рыцарском Кресте, совершенно реально оце-
нивал ситуацию как бессмысленную. Шансы произвести тор-
педную атаку были минимальны, корабль мог пройти в пяти
километрах от него, и они его даже не заметят. Ему хотелось
лишь одного: чтобы его с людьми оставили в покое...

Однако, через полчаса акустик услышал очень слабые шу-
мы винтов в том же самом секторе. Фактически это означа-
ло, что что-то движется прямым курсом на лодку. Командир
сменил шапочку на форменную белую «морскую» фуражку
с измятым верхом, как всегда делал перед боем, при этом
все остальные в рубке подобрались и разошлись по своим
местам. Акустик начал докладывать, и с каждой минутой си-
туация становилась все более многообещающей. Боевой ко-
рабль с числом винтов более двух на скорости 18—19 узлов
шел юго-юго-западным курсом, не применяя противолодоч-
ный зигзаг и не используя активное гидроакустическое обо-
рудование.

– Руль лево тридцать, ход средний. Мы поставим его на лунную дорожку – если повезет, то он пройдет достаточно близко от нас для торпедного залпа. Дистанция по акустическим данным?

Динамик захрипел и высказал предположение о том, что она составляет восемь-девять километров, пеленг прежний.

– Еще лево двадцать, полный ход. Мы опаздываем. Носовые и кормовой аппараты приготовить, торпеды парогазовые. Поднять ночной перископ, боцмана на горизонтальные рули.

Офицеры лодки коротко обсудили свои шансы и вообще вопрос необходимости этой атаки. Сошлись, впрочем, на том, что стоит попробовать – если уж так идет карта и если не будет риска.

Ночной широколинзовый перископ был поднят из воды и на считанные секунды лег в ложбинку между волнами – за это время командир успел внимательно осмотреть кормовые сектора.

– Ничего. Акустик?

– Акустический пеленг смещается на левый борт! Это крупный боевой корабль! Дистанция уменьшается.

Еще несколько минут прошли в абсолютной тишине. На панели вычислителя торпедной стрельбы одна за другой зажглись зеленые лампочки заряженных торпедных аппаратов – четыре на носовую и одна на кормовую группу. Торпеды для носовой были последние.

– Поднять перископ, – согнувшись в три погибели, оберлейтенант повернулся на вращающейся перископной площадке, и речь его приобрела скорость и четкость автомата. – Так держать! Ход малый! Дистанция четыре тысячи триста метров! Курс цели двести десять, скорость восемнадцать узлов, три наклонные, близко расположенные трубы, две мачты, ракурс две четверти, форштевень прямой. Опустить перископ! Данные ввести в автомат стрельбы, торпедный треугольник рассчитать! Первый, второй, третий и четвертый торпедные аппараты – товсь! Двигателям – стоп! Руль лево на борт! Он наш!

– Хельмут, это «графство»¹²⁷ !

– Берем его! С нами Бог!

– Торпедный треугольник рассчитай! Данные к торпедам поданы!

– Стреляем носовыми аппаратами, угол растворения два градуса, интервал между выпуском торпед шесть секунд, последовательность: первый, третий, второй, четвертый, глубина хода торпед полтора метра. Коррекция! Перископ поднять! Он на дорожке, дистанция тысяча триста метров! Перископ опустить! До залпа?

– Десять секунд! Восемь, семь, шесть, пять! Ручной контроль выпуска торпед! Две, одна, первая торпеда пошла! – Все почувствовали благословенный мягкий толчок, сопро-

¹²⁷ Один из британских тяжелых крейсеров, названных по графствам Метрополи.

вождавший пуск торпеды, матрос на секундомере пустил отсчет, и через шесть секунд, после пуска второй, в носовые дифференцировочные цистерны начали принимать воду, чтобы компенсировать вес торпед.

– Торпеда из второго аппарата вышла! – Пауза, все застыли в напряженных позах. – Торпеда из четвертого аппарата вышла! Двадцать секунд от пуска первой!

– Мы не можем промахнуться, до попадания сорок секунд. Тишина в отсеках! – Снова пауза, только сердце у каждого колотится в ребра так, что могут услышать на поверхности.

– Сорок пять секунд, первая торпеда мимо... Пятьдесят... Пятьдесят пять, вторая торпеда мимо...

– Дерьмо!

– Молчать всем! Слу... Попали!!! – Лодку тряхнуло, изпод воды донесся тяжелый глухой рокот, словно по корпусу ритмично били мягкой кувалдой.

– Минута ровно! Минута, две, четыре, шесть, есть вторая!!! – На этот раз субмарину качнуло так, что люди с трудом удержались на ногах, а карандаши, подпрыгнув на столе, отлетели на пол. – Перископ!.. Мой Бог, вы только поглядите!

Первая торпеда попала крейсеру прямо под среднюю трубу, вторая угодила между кормовыми артиллерийскими башнями, и боеприпасы в их погребах сдетонировали, вышвырнув к небу переливающийся оттенками оранжевого и

черного, заворачивающийся внутрь себя огненный столб. В течение следующих секунд произошло еще несколько взрывов в кормовой части корабля, расшвыривающих в сторону изорванные в клочья детали стальных конструкций, и крейсер начал буквально проваливаться в воду, задирая форштевень к небу.

– Всплываем. Автоматчиков на мостик. Пойдемте, господа, поближе рассмотрим мою несостоявшуюся висюльку. Хенке, будьте любезны, захватите с собой фотокамеру.

В балластные цистерны подали сжатый воздух, и подводная лодка всплыла в километре с небольшим от ярко освещенного пожарами и пылающей на воде нефтью гибнущего корабля. Офицеры поднялись на мостик и устроили овацию своему командиру – даже эта, уже ненужная по политическим причинам атака была проведена безукоризненно.

– Будем подбирать кого-нибудь?

– Зачем?

– Ну, узнаем название корабля... и вообще...

– Попробуем сами догадаться. Ну-с, это явно не «Лондон», надстройка маленькая, это также не «Норфолк» и не «Девоншир», у тех третья башня снята. Кто остается?

– «Бервик», «Камберленд», «Кент»...

– «Саффолк» и «Сассекс». Ну что ж, один из них стал пятым тяжелым крейсером, потопленным в этой войне, и первым на счету Кригсмарине. Хотя и слишком поздно. Поздравляю, господа, мы все отлично поработали.

Лодка совершила полную циркуляцию вокруг погружающегося в воду горящего крейсера, засняв его последние минуты со всех сторон, и продолжила свое движение на юг. Позади еще четверть часа стояло зарево, а затем темнота снова стала непроницаемой. В только что сформированной цепи британских крейсеров, перекрывающих Атлантику к северу от Ньюфаундленда, образовалась брешь, но об этом еще никто не знал – условия радиосвязи были плохими, и еще в течение следующих восьми часов после несостоявшегося утреннего сеанса невыход «Сассекса» на связь расценивали как следствие надвигающегося с севера урагана.

Много позже выяснилось, что именно в эти часы в образовавшийся девяностомильный промежуток между «Белфастом» и канадской «Угандой» прошли три корабля русской эскадры. Развернутая веером завеса из крупных крейсеров – все, кого успели стянуть сюда из разных баз или из охранения развернутых, а то и брошенных на произвол судьбы конвоев, – должна была засечь русских, определить направление их движения и повиснуть у них на хвосте, не давая уклониться от боя со спешащим к юго-западу Флотом Метрополии под командованием адмирала Мура. Три линкора типа «Кинг Джордж V» с флагом командующего флотом на «Дьюк оф Йорке» составляли сильнейшую с начала войны эскадру: британское командование было полно решимости покончить с зарвавшимися русским линкорами, подтвердив свое трехсотлетнее право на владение Атлантикой.

Линейные корабли прикрывались тяжелым авианосцем «Индефатигейбл» и только что присоединившимся к ним «Формидэблом», перешедшим из Гибралтара, тремя крейсерами, включая тяжелый «Норфолк», и девятью эсминцами. Еще два крейсера ПВО покинули соединение после выхода из района максимальной активности субмарин – они были более нужны для срочной проводки конвоев в британские порты. Линейные корабли, на которых каждый матрос знал, что им предстоит насмерть драться с двумя линкорами типа «Советский Союз», пытающимися изолировать их родину от западного союзника, дозаправились у Фарер, чтобы иметь полный запас топлива к началу охоты. Но никакой информации от спускающихся к югу крейсеров не было, и это заставляло Мура нервничать.

Он надеялся обнаружить русских до того, как погода испортится окончательно, что позволило бы ему атаковать их с большой дистанции силами двух ударных авианосцев. После полного исчерпания их возможностей Флот Метрополии должен был бросить себя на чашу весов, сделав ставку на выучку британских артиллеристов и бесспорное преимущество своих артиллерийских радаров. Зная, какими потерями закончилась бесплодная атака «Беннингтона», про себя адмирал приготовился к тому, что экипажи большей части «эвенджеров» можно заранее списать со счетов. Но ужас этого решения, от которого хотелось выть, был неизбежен – ему требовалось хотя бы несколько торпедных попаданий, чтобы

снизить скорость русских.

В эти два дня на всей громадной эскадре не было ни одного атеиста. Когда пятнадцать тысяч человек в той или иной форме одновременно думают о смерти, это создает потрясающее ощущение – напряжение чувствовалось кожей, а имя «Худ» повторялось сотни раз в день в каждом помещении каждого корабля. Гибель этого бронированного гиганта, любимца нации, была наибольшим потрясением для Британии за всю войну, и каждый думал, не будет ли он следующим.

Линейные корабли шли строем кильватера за завесой эсминцев и крейсеров, на обоих флангах соединения находились авианосцы, осуществляющие силами своих авиагрупп непрерывный круговой поиск на триста миль и противолодочное патрулирование. «Файерфлаи» и вооруженные бомбами «барракуды» взлетали и садились каждые десять минут, прочесывая океан. Для «Индефатигейбла» это был первый настоящий боевой поход, и нервозность, царившая на нем, усиливалась многочисленными проблемами, с которыми сталкивался экипаж. Молодой летчик истребительного патруля на «сифайре» неточно рассчитал скорость своего самолета при посадке, проскочил посадочные тросы в кормовой части авианосца и ударился о полетную палубу с такой силой, что одна из стоек шасси переломилась, швырнув закрутившийся волчком трехтонный истребитель за борт. Оптимизма экипажу это явно не прибавило. Адмиралу доложили о произошедшем инциденте, но он даже не изъявил сво-

его неудовольствия командиру авианосца по поводу гибели летчика и машины – это не имело сейчас никакого значения.

Больше всего его занимал вопрос, равны ли по силам три «Кинг Джорджа» двум «Советским Союзам». По поводу этого у него были очень большие сомнения. Его линейные корабли, в отличие от русских, имели опыт артиллерийских боев, и на них имелись артиллерийские радары новейших модификаций хорошо себя зарекомендовавших типов «281» и «279». Про себя Мур вознес благодарственную молитву Господу за то, что «союзникам» так и не были поставлены современные радарные системы. Гидроакустику русские получили в обмен на золото, немедленно ушедшее в США, и эта глупость теперь могла стоить жизни сотням подводников Королевского флота. Он вспомнил, как погиб «Эдинбург» с партией проклятого золота в артиллерийских погребах, которого русские эсминцы оставили прямо перед атакой германских кораблей, и решил, что за это они ему заплатят отдельно.

Каждые шесть часов в адмиральском салоне «Дьюк оф Йорк» собирался полный состав оперативного штаба флота, формируя цельную картину происходящей на просторах Атлантики драмы. Десятки поисковых групп прочесывали океан, перекликаясь между собой, и их частый гребень неминуемо должен был захватить русскую эскадру. Несколько входивших в состав разных конвоев эскортных авианосцев были оттянуты с возможного пути движения рейдеров. Их ма-

ленькие авиагруппы сейчас ничего не значили для кораблей противника, прикрытых набитым истребителями легким авианосцем, а шестнадцатиузловая скорость делала эскортники желанной добычей – еще более легкой, чем «Бенningтон», название которого произносили с ужасом. Второй после «Глориса» в 1940 году случай потопления авианосца артогнем надводного корабля вызвал широкий резонанс в обоих Адмиралтействах и здорово напугал авианосных адмиралов, уже взявших в привычку свысока смотреть на старую линкорную школу, которую они называли «черными сапогами». Говорят, что что-то нехорошее было у американцев в ходе только что блистательно завершившейся титанической битвы за обладание Филиппинами, но никакой достоверной информации по этому поводу не имелось.

Британское Адмиралтейство в резкой форме потребовало у американцев задействовать находящиеся в Атлантике два линейных крейсера типа «Аляска». Те ответили категорическим отказом и согласились выслать в море лишь несколько оперативных групп, состоящих из немногочисленных легких крейсеров и эсминцев, взяв на себя зону патрулирования западнее сорокового меридиана. Совокупность их официальных сообщений и информация от собственных разведывательных источников английской короны в США не могла составить цельную картину происходящего сейчас на другой стороне планеты – но было ясно, что лопнувший почти вплотную к Японии гигантский нарыв эскалации воен-

но-морских сил прорвался, судя по объему задействованных средств, страшной мясорубкой. Конечно, исход ее был практически predetermined заранее, но он неожиданно оказался весьма тяжел для обеих сторон.

Пауза после последнего сообщения о контакте с русскими затянулась, и каждый час район их возможного местонахождения все более расширялся, обесценивая полученную ранее информацию. Пилоты «файерфлаев» авианосцев выматывались, сводя перерывы между полетами к минимуму, но русские пропали и теоретически уже могли быть где угодно – от Гудзонова пролива до Гибралтара. Фактически же они несомненно продвигались к северу, осознав, что зашли в своем проявлении храбрости слишком далеко. Для них оставалось два пути – через Датский пролив, вплотную к паковым льдам, и через Фарерский. Первый вариант имел то преимущество, что позволял максимально отдалиться от британских баз, игнорируя возможность боя с силами, базирующимися на порты Канады и самой Исландии. Пролив, однако, был узок, и пройти его, оставшись необнаруженным, к сорок четвертому году стало почти невозможно – занятая американскими войсками Исландия была напичкана радиолокационными станциями. Фарерский пролив был шире, но находился ближе к Британским островам и гораздо плотнее прикрывался авиацией. Попытавшись поставить себя на место русского адмирала, Мур так и не сумел прийти к какому-либо решению. Последний контакт, по данным радио-

пеленгации, находился на одинаковом расстоянии от обоих проливов, но были сомнения даже в его достоверности.

Еще одной отправной точкой стал перехват крейсером «Орион» русского вспомогательного крейсера к югу от Азорских островов вечером 19 ноября. Сухогруз вместимостью в шесть тысяч тонн водоизмещением шел под голландским флагом и в балласте, но у командира «Ориона» наличие одиночного судна воюющей державы в опасном районе вызвало смутные подозрения. В ответ на предупредительный выстрел и требование лечь в дрейф «голландцы» немедленно подчинились. Матросы в экзотической форме с широкими воротниками махали руками от установленных на баке и юте спаренных зенитных пулеметов – большинство голландских торговцев имели легкое вооружение с расчетами из личного состава Голландского Королевского флота. Именно эти матросы в упор расстреляли шлюпки с досмотровой партией, подошедшие к их борту. Сухогруз дал полный ход и пошел на таран, нацеливаясь прямо в центр корпуса «Ориона». Одновременно были сброшены фальшивые щиты на носовой надстройке, освободив скрывающиеся за ними две пятидюймовки, немедленно открывшие беглый огонь по идущему малым ходом всего в четырех кабельтовых крейсеру. На место торгового флага Голландии взлетел сияющий белый флаг с синей полосой по нижней кромке и алыми пятнами русских эмблем, вызвав припадок бешенства у англичан. Давший полный ход легкий крейсер уклонился от тара-

на, открыв огонь главным калибром всего на пару минут позже русского. Расчеты «Бофорсов» хлестнули по надстройкам пушечными очередями, посыпались стекла. На таком расстоянии промахнуться было невозможно, и корпус сухогруза уже после второго залпа окутался пламенем разрастающихся пожаров.

Соппротивление капера было подавлено быстро и с максимальной жестокостью. Один за другим рвущиеся в его надстройках шестидюймовые фугасные снаряды «Ориона» выбивали из бушующего пламени куски металла, проламывая борт как бьющий без перерыва громадный молот Тора, а расчеты многоствольных зенитных автоматов не выпускали свою цель из прицелов ни на секунду, выкашивая тех, кто пытался вырваться из этого ада, – нарушивший правила войны на море ставил себя вне закона. Пылающее судно остановилось, кренясь на правый борт, и англичане прекратили огонь. Снова снизив ход до малого, британский крейсер развернулся кормой к ветру, что позволило аварийным партиям протянуть рукава максимально близко к очагам пожаров на верхней палубе. Вельбот и катер были изрешечены осколками нескольких разорвавшихся в надстройках на миделе снарядов, а спущенный разъездной ял с морскими пехотинцами опоздал – пленных не было. Сухогруз затонул очень быстро, оставив на поверхности большое рваное пятно солярового масла, переливающегося по краям радужными бликами. Из плавающих в солярке грязных обломков много информации

извлечь не удалось, несколько разодранных пробковых кругов имели надписи на голландском языке с названием реально существующего торгового судна, а на всплывших металлических бочках из-под масла не было ни одной славянской литеры. В принципе, если бы не поднятый корсаром в бою военно-морской флаг, определить его национальность было бы невозможно. Он мог быть немцем и даже японцем! Еще уцелевшие вспомогательные крейсера этих стран давно уже не рисковали подходить так близко к берегам, хотя чем черт не шутит, – но русский... В общем, срочная радиограмма с «Ориона» была воспринята со всей возможной серьезностью: до сих пор все действия русского флота были четкими и безошибочными, и их профессионализм не мог не вызвать уважения. Хотя, конечно, это не имело никакого значения по сравнению с оскорблением, нанесенным британской короне предавшим ее союзником.

Слово «предательство» вообще является чрезвычайно интересным термином с точки зрения психологии. Существует некий принцип, широко используемый человеческим мозгом для создания себе максимально комфортных условий, что является важным фактором выживания. Мучающийся совестью человек напряжен, рассеян, не готов к активным действиям, его реакция и способность к адекватному ответу на внешнее воздействие серьезно понижаются. Поэтому уровень контроля, стоящий за сознанием, формулирует для себя очень удобную схему: «Другие люди поступают плохо пото-

му, что они плохие, а я – потому что так неудачно сложились обстоятельства». Разницу между интенсивностью возбуждения в зонах коры головного мозга, которые можно условно назвать «Ай, как мне стыдно!» и «Сами виноваты, нечего было!», с некоторых пор стало принято называть этой самой совестью. Маленькое, черное и очень мешает жить.

Накал развернувшихся на севере Германии боев в значительной мере объяснялся тем, что большая часть вовлеченных в бойню людей считали себя правыми. Те, у кого с чувством правоты было похуже, имели проблемы. Новые союзники не настолько повысили ударную мощь бывшего Третьего Рейха, насколько это можно было от них ожидать. Их действия, обусловленные какими-то идеалистическими понятиями, нередко вызывали почти суеверный ужас германского генералитета – как всегда пугает чужая, не подчиняющаяся норме, логика. Уцелевшие части гитлеровских сателлитов, все еще оставшихся верными своим прежним хозяевам, вроде хорватов и получивших оружие «Hilfsfreiwilligers», то есть русских волонтеров «Освободительной Армии», были с удовольствием использованы в качестве смазки для траков русских танков, лавиной катящихся на запад. В то же время мелкие добровольческие подразделения тех стран, которые официально считались оккупированными Рейхом, были разоружены и препровождены за решетки фильтрационных лагерей. Эта судьба постигла, в частности, бельгийскую добровольческую роту, которая, в отличие от датской, разбежав-

шейся еще на вокзале перед отправкой, сумела добраться до фронта.

Германские части дрались с полным напряжением, в том числе и те, которых перебросили с Западного фронта, в то время как немецкие солдаты, попавшие в плен за полгода, прошедших после высадки в Нормандии, продолжали сидеть за колючей проволокой, вместе с теми, кто был пленен еще в ходе Африканской Кампании.

Если бы их освободили и дали в руки оружие... М-да, тут могли быть варианты. Просидевшие в лагерях солдаты не питали, что объяснимо, большой любви к своим недавним тюремщикам, а те, в свою очередь, не испытывали к ним большого доверия. В стане новых союзников было немало проблем на расовой и этнической почве. Каково, например, белокурому рыцарю СС отдавать честь британскому офицеру с синей звездой Давида на правом плече? И ладно еще это. Солдаты Палестинской бригады, сплошь бывшие самими классическими евреями, любили выдернуть из рядов пленных какого-нибудь немчика и заставить его вытирать своей формой пыль с дороги, а их офицеры в это не вмешивались. Несколько произошедших эпизодов оставления расположения части, стоявшей в глубоком тылу, были соотнесены по времени с внезапными и безвременными смертями германских офицеров и чиновников в близлежащих городах – причем по достаточно одинаковой схеме. Скандалов не возникало, в конце концов, это были всего лишь немцы,

но британское командование начало железной рукой укреплять пошатнувшуюся дисциплину. Немногочисленные попытки открытого мятежа в германских частях были задавлены в зародыше. Похожие, хотя и менее радикальные проблемы имелись с польскими, чешскими и норвежскими частями, любившими втихомолку подставить немецкого соседа. И все это не прибавляло стойкости войскам в масштабе фронтовых операций.

– Я не понимаю, какого черта нас держат в неведении о происходящем!..

Ганс-Ульрих Красовски, командир переформированного за счет разбитых частей танкового полка, важнейшей и почти единственной ударной силы, потрепанной в неудавшемся контрнаступлении, сменившей свое название и номер дивизии СС, шел на головной машине колонны, уставленной антеннами почти как рождественская елка.

– Ну подумайте, если дивизию и вообще армию все же задействовали, то, значит, командование в замысел и детали наступления посвящено, так?

– Вероятно...

Старый знакомый, британский майор, который уже не выглядел так по-дурацки да и вел себя нормально (видимо, из-за усталости), расслабленно мотал головой, раскачиваясь вместе с танком на еще не слишком разбитой дороге.

– Тогда почему не держат в курсе меня? Вас? Какой в этом

смысл? Маршрут движения, опознавательные сигналы для своей авиации, сроки выхода к рубежу, и все! А командирам рот и взводов нельзя говорить и этого! Неужели боятся, что я выдам план русским? Которые спустятся за ним на парашюте, а потом на нем же и улетят... Ерунда. Нам просто не доверяют по определению. Немец – значит доверять ему нельзя. Я делаю правильные выводы, герр майор?

– Правильные...

– У-у-у, да вы совсем расклеились. Коньячку?

– Не откажусь.

Майор присосался к микроскопической изогнутой флажечке с выдавленным охотничьим сюжетом на выпуклой стороне.

– Данке. Неплохо.

– Держитесь, герр майор. Еще пара часов, и мы сольемся в экстазе с русским железом.

– Очень тяжелый марш.

– Согласен. Тяжелый, длинный и не особо мне понятный.

Почему, черт подери, мне не говорят, на кого нас бросают! Одиннадцатого, когда мы с вами напоролись, никто не знал ничего. Три дня назад нам соизволили дать какую-то информацию – но только после того, как целая американская дивизия начала проситься на наше место во втором эшелоне. И, кстати, после того, как она это место получила. Помните денек? Холм...

– Да уж, такое не забывают...

Полк, тогда почти полного состава – даже с ротой «Королевских тигров», даже с командирскими танками по штату, прошел русские позиции, додавливая очаги сопротивления, окруженные дымящими машинами заокеанской постройкой. За все это время, кстати, новоиспеченный ObersLueutenant (то есть подполковник, поскольку они теперь были уже как бы не СС) не видел ни одного английского танка, даже в английских же танковых частях. Половину дня полк провел в бою, медленно перемещаясь вместе с пехотой вдоль перепачканных русских позиций. Потерь почти не было, от русских мало что уже оставалось, но американской дивизии действительно досталось здорово, ее отвели назад после первых же суток. Что же касается сказанного майором «такого не забывают», оба имели в виду одно и то же. Под конец дня, когда фронт ушел уже далеко и снаряды до бывшего первого рубежа обороны русских уже не долетали, они остановились, въехав на один из пологих холмов, с которого открывался хороший обзор во все стороны. Открыв люки, экипаж его танка, держа перед собой оружие, разглядывал дымящееся поле боя – гиперреалистичный натюрморт страдающего садистскими комплексами художника. Пехотинцы методичной трусцой прочесывали траншеи, изредка постреливали, проверяя тела убитых русских, которых часто и не надо было хоронить, настолько их глубоко засыпало в обвалившихся внутрь себя окопах. Присевший на корточки около застывшего выгоревшего «стюарта» рослый, с нагловатыми

повадками унтер (Ганс-Ульрих его уже давно знал, он тоже воевал года три) помахал им призывно рукой – идите, мол, не пожалее. Еще несколько солдат тоже остановились рядом с унтером, обернулись на них. Танкисты из его экипажа, уже вылезшие на броню, разминая кости, посмотрели на своего командира вопросительно. Кивком Ганс-Ульрих отпустил их, сам продолжая разглядывать в бинокль местность вокруг. Через минуту ему засвистели уже его собственные солдаты, замахали, и тогда любопытство победило и он подошел вместе с англичанином.

Танк стоял над более-менее целым участком траншеи – с задранной пушкой, как будто его остановили в прыжке. Его корпус нависал над скорчившимися на дне траншеи телами в изодранной пулями и осколками одежде. Сначала он не понял, что здесь такого, но потом увидел. Большинство убитых русских солдат были в шинелях или стеганых куртках, похожих на японские доспехи, из них бурыми клоками торчала засохшая вата. Но между ними, вытянувшись, лежали двое в одних гимнастерках, с абсолютно спокойными лицами, с закрытыми глазами, как будто спят. Длинный небритый мужик в капитанских погонах и девушка, тоже военная. Он знал, конечно, что у русских воюют женщины, нескольких он даже видел в свою первую кампанию, но эта была не такой, как остальные. Среднего роста, с очень правильными чертами лица, она улыбалась застывшей улыбкой. Вместо не удивившей бы его санитарной сумки она держалась одной рукой за

винтовку с привинченным диоптром да еще и с примкнутым штыком. Унтер, упершись в ее локоть каблуком, вывернул винтовку из мертвых рук, внимательно осмотрел и протянул молодому подполковнику. На отполированном деревянном прикладе рельефно выделялся короткий ряд свежих зарубок, едва наживленных чуть глубже грунтовки. Снайперша. Понятно тогда, почему она не стала их дожидаться.

Вернув винтовку унтеру, Ганс-Ульрих мрачно смотрел, как солдаты ворочают ее тело и тело убитого капитана, шарят по карманам. «Нашел», сказал один из пехотинцев и оттянул расстегнутый им ворот гимнастерки на шее убитой девушки. Британец открыл было рот, но не успел ничего сказать, солдат обнажил ее до плеча. В надключичной ямке багровел сине-черный круг входного отверстия, впившиеся порошинки просвечивали сквозь белую кожу. Капитан застрелил ее в упор, когда она открыла плечо, так, чтобы не было никаких следов выстрела, чтобы не испортить ее красоты. И все это время девушка улыбалась. Потом он застегнул крючки на ее воротнике, сел рядом с ней и выстрелил в себя. По-солдатски, в сердце. Унтер отомкнул обойму, передернул затвор. Пусто. Взял из руки капитана среднего размера пистолет, несчастый среди пехотных офицеров «ТТ», тот тоже был пустым. Ганс-Ульрих повернулся к майору, тот смотрел прямо на него, лицо было серое.

– Поняли? – спросил он майора.

Британец, не сказав ни слова, повернулся и пошел обратно

к танку, сутулый.

Теперь они вспоминали это заново, и каждый запрятывал свои мысли как можно глубже в глубь памяти, чтобы они могли вылезти из своих могил лишь в самые темные ночи, уже в глубокой старости, когда грань между прошлым и настоящим начинает стираться. Они оба надеялись дожить до восьмидесяти с лишним лет, но это был первый раз, когда обоим в голову пришла одна и та же простая мысль. Все это может закончиться совсем не так однозначно, как они предполагают.

Узел 7.3

21 ноября 1944 г.

Боевая тревога по британской эскадре была объявлена в четыре часа дня. К этому времени горизонт уже был полностью затянут темными тучами и экипажи авианосцев наслаждались безопасностью. За пять часов до того двухмоторная летающая лодка «Каталина» из базирующейся на Исландию канадской эскадрильи передала сообщение о приближении русских кораблей к южному входу в Датский пролив. Непосредственно после этой передачи связь с «Каталиной» прервалась, и относительно ее судьбы ни у кого никаких сомнений не было. Мур считал, что им здорово повезло в том, что он все же решился не спускаться от Фарер далеко на юг, а, наоборот, поднялся к полярному кругу. Он считал, что русским некуда деваться. Никаких фактов, свидетельствующих в пользу какого-либо из решений, принятых русским адмиралом, не имелось – ни для Датского, ни для Фарерского проливов. Но пропавший «Суссекс» был ближе к Исландии, и адмирал склонился в пользу этой версии. Невидимый ореол страха, окутывавший корабли, перемещающиеся по океану, оставляя за собой пустое пространство, не оставляя свидетелей, усиливался с каждым прожитым ими днем. Чудо еще, что «Каталина» в такую погоду, когда по-

леты были сведены почти к нулю, сумела их засечь на приличном расстоянии от входа в пролив, сообщив четкие, математически правильные данные о противнике. Привидения не способны противостоять четырнадцатидюймовым броневой снарядом. Им придется заплатить кровью по человеческим законам, где логика и техника имеет большее значение, чем ирреальные способности к невидимости и невероятный, необъяснимый уровень везения.

Может, это обратное движение маятника – после неожиданных, странных поражений в русско-японской войне, превративших уважаемую морскую державу в посмешище? Как та случайность, когда Того остался единственным не пострадавшим офицером на открытом мостике «Микасы», или когда пробивший башню «Фудзи» двенадцатидюймовый броневой снаряд, воспламенив кордит, перебил осколками пожарную магистраль – и пламя было залито хлынувшей под напором водой. Или когда другой снаряд, попавший в котлы броненосного «Идзумо», просто не взорвался... Каждый такой эпизод не был уникальным в военно-морской истории и не нес в себе ничего сверхъестественного. Просто комбинация случайностей. Только почему-то раз за разом склонявшихся в одну сторону. Теперь, получается, в другую... Понятно, что авианосец с парой легких крейсеров не способен отбиться от перехватившего их быстроходного линейного корабля. И понятно, что несчастные канадские эсминцы не ожидали посреди Атлантики увидеть над собой вражеские

самолеты. Но все это вместе... Такого бывать не должно, иначе люди начнут полагаться на судьбу больше, чем на разум.

Британские линкоры легли на курс перехвата в одиннадцать тридцать утра, увеличив скорость до двадцати узлов. Мур намеревался дать бой на выходе из пролива, где у русских было меньше шансов уклониться от встречи с ним. Предстоящее сражение могло стать звездным часом Флота Метрополии – либо его позором, не легче того, которое Флот перенес после прорыва германских линкоров через Ла-Манш в феврале сорок второго.

– Почему? – сказал тогда Черчилль, услышав первый доклад о том, что неожиданный рывок немцам удался. И положил трубку. Чтобы не услышать этого слова во второй раз, адмиралы Королевского флота были готовы продать душу. Мур был счастливым исключением. Он был уверен, что услышать такое ему не придется.

Было три часа сорок минут, когда, выслушав очередную неутешительную метеосводку, адмирал отослал два своих авианосца назад к востоку – приближающийся с севера ураган превратил их из козырной карты в обузу для артиллерийских кораблей. Полеты были полностью прекращены уже в течение нескольких часов. Официальное извещение о смерти можно было выписывать на экипажи еще до того, как самолеты попытались бы взлететь – что с исландских баз, что с палуб, что с катапульт. Разве что потом прыгать над Рейкьявиком с парашютом... После недолгих размышлений адми-

рал решил не давать авианосцам в эскорт ни одного крейсера, и они ушли пугающе беззащитными, закрытые хлипкой завесой из эсминцев, которых было недостаточно даже для надежной обороны от еще встречающихся в океане нацистских подводных лодок.

В четыре тридцать Мур выделил крейсера и эсминцы прикрытия в отдельное ударное соединение, передав его под командование контр-адмирала Гонта, держащего флаг на «Норфолке». Три крейсера с пятью эсминцами ушли к югу на двадцатипятиузловой скорости, чтобы пройти вплотную к Исландскому побережью. В основе замысла лежало стремление уничтожить русский авианосец, который неизбежно отделится от остальных кораблей и уйдет южнее при появлении на сцене британских линкоров, а затем поставить противника в условия комбинированной артиллерийско-торпедной атаки с двух бортов.

К сожалению, с самого начала все пошло совершенно не так, как было запланировано. На северном входе в пролив русских не оказалось, на радарх было чисто, и полные мучительной неизвестности сорок минут эскадра полным ходом шла в глубь вдвое суженного льдами пролива, причем у Мура не возникло и тени сомнения в том, что он направляется в лоб русским и в ближайшие минуты те будут потрясены зрелищем надвигающихся на них его трех «Кинг Джорджей». На сорок первой минуте русские обнаружили уже далеко за кормой – канадский фрегат «Ланарк» взывал о по-

мощи, находясь под атакой пикировщиков и в прямой видимости русского соединения.

Небо при этом оставалось таким же черным, и сила порывов ветра заставляла усомниться в принципиальной возможности любого самолета благополучно сесть на раскачивающуюся палубу. Тем не менее уцелевшая шестерка русских пикирующих бомбардировщиков непрерывно прочесывала водную поверхность по курсу своей эскадры в поисках подводных лодок под перископом – это было единственной возможностью для тяжелых кораблей, не имеющих ни эскорта эсминцев, ни топлива, ни времени для противолодочного зигзага, проскочить узость пролива, не подвергнувшись атаке. Как только летчик или стрелок замечали любую тень под водой, СУ-6 с минимальной высоты сбрасывал на нее две или четыре свои стокилограммовые бомбы, а затем пристально изучал результаты атаки.

За время, когда соединение проходило Датский пролив, бомбардировщики несколько десятков раз сбрасывали бомбы на то, что им показалось подводными лодками в перископном положении, но было ли что-то внизу на самом деле, оставалось неизвестным. Наиболее сложным делом была посадка – за последние полсутки сначала ветер и потом волнение усилились минимум вдвое, и даже наиболее опытным пилотам эскадрильи вроде Ракова или Давыдова требовалось по два, а то и три захода для уверенной посадки, от которой волосы у всех стояли дыбом. После выхода из пролива, ко-

гда риск наткнуться на развернутую завесу из подводных лодок несколько снизился, летчики получили больше времени для отдыха между вылетами, а темпы потребления топлива уменьшились.

Нарвавшись вместо лодки на небольшой патрульный корабль, капитан Челепис навел на него находившегося рядом Чебаника, не став дожидаться остальных. С фрегатом было покончено за считанные минуты – наплевав на его десять 20-миллиметровок два зашедших с обоих диагональных кормовых ракурсов СУ-6 высыпали бомбы из люков на высоте не более двух сотен метров, облив на прощанье палубу своими пулеметами. Получив четыре прямых попадания и несколько близких разрывов, корабль затонул почти сразу, оборвав радиопередачу на самой трагической ноте.

Время разбираться, как русские успели проскочить, у Мура появилось лишь когда оба британских соединения развернулись на 16 румбов и, форсируя механизмы, устремились в противоположном направлении. Единственным объяснением было то, что еще на входе в пролив русские увеличили ход вдвое и, не применяя зигзаг, рванулись сквозь него напролом. Быстрая гибель попавшегося им по дороге «Ланарка» объясняла и то, как им удалось без потерь миновать позиции как минимум пяти заблаговременно развернутых в проливе американских подводных лодок. Теперь русские снова вышли на оперативный простор и в промежутке между Исафьордуром и Ян-Майеном могли избрать любое удобное им

направление, не опасаясь никого, находясь на 90 миль впереди британской эскадры и имея в своем распоряжении надвигавшуюся ночь. Выбранный ими путь являлся простым решением геометрической задачи – но, в отличие от Роже-ственского, оказавшегося в 1905 году примерно в такой же оперативной ситуации, в этот раз русские выиграли.

Произошедшее было результатом всего лишь неудачного стечения обстоятельств, но вело к тупику – Мур и Гонт находились теперь за кормой русской эскадры и должны были затратить массу топлива, чтобы нагнать ее. Вдобавок приближение ночи исключало помощь самолетов берегового базирования, даже если предположить, что к утру (довольно теоретическому за Полярным кругом) погода необъяснимым образом прояснится, поскольку к этому времени русские, скорее всего, выйдут за радиус их реального действия. Тупик.

Мур в ярости расхаживал по ковру в адмиральском салоне «Дьюк оф Йорка», расположенного по правому борту сразу за компасной площадкой, время от времени бросая взгляды в иллюминатор, на вырывающиеся из-под борта косые вспененные валы. Напряжение от чувства приближения боя сошло на нет, и он с гневом оглядел расслабившихся офицеров своего штаба.

– Драться мы будем ночью. Ход полный. – Обведя бешеными глазами их сразу ставшие бесстрастными лица, он после короткой паузы выплюнул: – Бой навяжем на максималь-

ной дистанции, какую будет позволять артиллерийский радар. Это 140—150 кабельтовых. Потом сближаемся.

Ни один человек не решился проронить ни слова, все сидели или стояли выпрямившись как истуканы, глядя ничего не выражающими глазами прямо перед собой.

– Ни ночью, ни днем им от нас не уйти. Наш радар – это козырь, которого у них в колоде нет и не будет. На такой дистанции калибр не важен. Соединению Гонта зайти им в лоб и осветить. Потом торпедная атака совместно крейсеров и эсминцев. Если не справимся сами, то через пару дней наведем на них Бонхэм-Картера и устроим второй Ютланд...

При этих словах стоящий навтыжку тридцатилетний капитан-лейтенант Элксенсон, флагманский штурман штаба эскадры, ощутил вздрогнул, почувствовав хлынувший из пор его кожи холодный пот. Его отец был артиллерийским офицером в батарее противоминного калибра «Лайона», перенес и Доггер-Банку, и ютландскую бойню, и не считал нужным скрывать от сыновей подробности пережитого кошмара. Боль в голосе отца, жесткого и сдержанного человека, в те немногие моменты, когда им удавалось упрямить его рассказать им о Ютланде, производила на них не меньшее впечатление, чем багровый кордитный ожог на обоих предплечьях и кистях, которыми он тогда закрыл лицо.

Мур резко обернулся на привлекшего его внимание офицера, смерив его взглядом, но тот больше не шелохнулся, глядя прямо перед собой и всем своим видом изображая

мраморную статую.

– Ютланд... – адмирал взвесил на языке так громко прозвучавшее слово. – Ютланд... Вот оно что...

Он, не отрываясь, глядел в лицо своего штурмана, с которым плавал не первый год, высоко ценя его как профессионала и фанатика своего дела, в котором до сих пор ни разу не замечал проявлений человеческих слабостей.

– А есть ли у нас другой выход?

Среди офицеров возникло какое-то движение, словно все одновременно повели плечами, но опять ни один не рискнул произнести ни слова.

– А вот другого выхода у нас нет.

На этот раз Мур был уже спокоен, и во взгляде, который он наконец отвел от бледного неподвижного лица капитан-лейтенанта, пережитого им минуту назад бешенства не было и в помине, оно ушло глубоко внутрь. Только после этого чувствовавший себя одиноким и незащищенным солдатом, на которого надвигается вражеский танк, флаг-штурман рискнул подумать, что разум и воля адмирала по силе воздействия равны, по крайней мере, шестнадцатидюймовому калибру. Накопившийся в легких воздух он выдохнул абсолютно бесшумно.

– Если мы их выпускаем, Бонхэм-Картер сам с ними связываться не будет, это я лично ему прикажу. Погода... Она вряд ли улучшится, а скорее и наоборот. Если они дойдут до Мурманска, то все эти жертвы, две тысячи погибших аме-

риканских моряков, наши метания – все будет зря. По большому счету это будет означать, что после потопления «Шарнхорста» год назад мы все зря ели свой хлеб и переводили топливо, за которое платили жизнями экипажи «купцов» и эсминцев...

– Они могут попасться и субмаринам наци.

– Не стоит на это особо рассчитывать. С абсолютно той же вероятностью им можем попасться и мы. Даже, пожалуй, с большей – мы еще в проливе, и нас могут атаковать даже янки, с них станется.

– Силуэт «Кинг Джорджа» уникален, спутать его с чем-то – значит совсем себя не уважать.

– Разве что с «Лондоном».

– В любом случае, они предупреждены, что линкоры Флота Метрополии в море...

Перебрасываясь фразами, офицеры штаба расселись по креслам. Вестовые в белых перчатках принесли чай с бисквитами, мирная обстановка в салоне напоминала какой-нибудь аристократический офицерский клуб в Лондоне или Ливерпуле – основных нервных узлах морских операций. Адмирал разрешил закурить, и разговор стал еще более непринужденным. У Элксенсона мелькнула мысль, что все вокруг свихнулись, но этого просто не могло быть, и он решил, что сам сходит с ума. Нереальность происходящего подчеркивалась темой разговора. Обсуждалась наиболее выгодная дистанция ночного боя, и в качестве «адвоката дья-

вола» выступал старший артиллерийский офицер «Дьюк оф Йорка», фанатичный приверженец крупной артиллерии. Его любимым коньком была разработка варианта ситуации, когда тяжелый корабль, не замеченный авиаразведкой, внезапно атакует соединение авианосцев, – после потопления «Беннигтона», именно в таких условиях его авторитет возрос неизмеримо.

Неизмеримо возрос к этому моменту и авторитет Баграмяна, оказавшегося первым из командующих фронтами, которому удалось добиться значительного успеха в медленно разгорающейся битве на просторах северо-западных земель Германии. К восьми часам вечера отдельные подвижные группы 4-й Ударной армии генерала Малышева сумели внезапным ударом захватить неповрежденные мосты через Эмс – чистое золото по военным меркам. Через часы, за которые спешно собранные тыловые части американской дивизии пытались отбить переправы у держащихся за них ногтями и зубами десантников, уже вдоль северного берега реки прошла, отслаивая от Эмса, как стамеска, американскую технику и живую силу, головная бригада 3-го Гвардейского мехкорпуса.

– Кто? – спросил вдыхающий холодный трубочный дым генералиссимус стоящего навытяжку генерала.

– Полковник Кремер, командир 8-й Гвардейской мехбри-

гады.

– Где представление?

Генерал не понял, и Сталин с раздражением подумал, что даже хорошие новости ему приходится выслушивать от идиотов.

– Представление к званию Героя, обещанное командиру первой части, которая пересечет коммуникации.

– Да, товарищ Сталин. Командир корпуса, наверное, представит листы после завершения операции...

– Нам придется извести много чернил на подписи к наградным листам, товарищ Сталин, но это будет самой простой частью.

Шапошников был одним из немногих армейских военных, присутствовавших в последние дни на заседаниях Ставки. Ключевые фигуры – Жуков, Василевский – были в войсках.

– Да... Чернил в стране хватит. Гм... Значит, все-таки Баграмян, а не Черняховский. Интересно. Я не ожидал такого.

– Иван Христофорович в исключительно хорошем темпе разделался с противостоящими ему частями, не постеснявшись вовремя задействовать Вольского. Перед ним не оказалось крупных танковых частей, а вот Иван Данилович столкнулся с сопротивлением немецкого танкового корпуса, более устойчивого в гибкой обороне, чем американские части. Бывший «Герман Геринг». И вообще, в полосе Третьего Белорусского оказалось больше немецких частей, чем мы пред-

полагали. Не знаю, можно ли в этом винить разведку – она сработала выше всяческих похвал...

Шапошников закашлялся под осуждающим взглядом Сталина, но справился с собой и добавил:

– Разведданных никогда не бывает достаточно. Что-то я не встречал в своей жизни ни одной карты, выкраденной со стола Рауса¹²⁸. И хорошо. Потому что я бы ей не поверил. Просто так ничего достаться не может. Надо думать, как усилить 11-ю Гвардейскую, чтобы она наконец опрокинула чертова «Геринга», а то он нам всю обедню испортит...

Он снова начал кашлять. Сталин, сев, машинально постукивал трубкой по рукаву, задумавшись.

– Хватает ли ему противотанковых средств? – спросил он после непродолжительного молчания.

– Когда наши войска дерутся с германскими танковыми частями, противотанковых средств хватать не может.

Сталин посмотрел на Шапошникова несколько удивленно – такая формулировка ему понравилась. Открыв блокнот, он быстро записал фразу маршала, подчеркнув ее дважды.

– Усилить Черняховского. Всемерно. Пусть товарищ Жуков представит требования. Что с западным фронтом?

– Хуже. Ни недооценки не было, ни просчетов. Просто не хватает сил, чтобы ломать их в таком же темпе, как с востока. Спиной их держат канадцы и британцы на голланд-

¹²⁸ Командующий германской 3-й танковой армией, действовавшей в конце 1944 г. против 3-го Белорусского фронта.

ской границе, и хотя у них недостаточно сейчас сил и средств для решительного наступления, но тщательно беречь свои спины нашим войскам приходится. Единственным положительным фактором здесь является то, что наступающим частям приходится действовать против участка ответственности американских частей – в обороне те не так хороши, как немцы или англичане. Все перемешалось, армии толкаются и меняют зоны ответственности после каждого нашего значительного удара. На восемьдесят-сто километров южнее или севернее было бы еще хуже.

– Хороши... Сами они хороши. Чем закончился контрудар Коты? Его отпрепарировали?

– Пешка за качество. Ходжес и Киан¹²⁹ списали еще одну дивизию, а Стариков потерял силы и темп. На волоске все висело. Часы решили. Часы и роты. И самое важное – истощается авиация. Потери огромны, и особенно на западном фланге, где концентрация авиации вражеской возрастает с каждым днем. Действовать над полем боя становится все сложнее и сложнее.

– Никто и не говорил, что это будет легко. Но с вами, товарищ Шапошников, я согласен. Авиация на этом участке действительно заслуживает особого внимания. Спасибо за совет.

Маршал кивнул. Он был в официальной отставке с июня

¹²⁹ Генерал-лейтенант Куртни Ходжес и генерал-майор Вильям Киан, командующий и начальник штаба американской 1-й армии.

сорок второго, и его голос в Ставке был почти чисто совещательным, как и голоса всех остальных. Только решение самого Сталина было окончательным. Еще никому и никогда не удавалось навязать Верховному свою волю – только переубедить, причем ценой значительных усилий, напряжения и нервов. И никогда не знаешь, чем может закончиться такая попытка. Но на уровне «советов», которые старому армейцу давать позволялось, можно было направить мысли Вождя в соответствующем направлении. Шапошников был одним из немногих, кому Сталин демонстрировал свое уважение, и ему вообще позволялось больше, чем другим.

Конец дня 21 ноября встречали в разных местах по-разному. Экипажи кораблей идущих в океане эскадр, продиравшихся через непогоду, лязгали зубами от холода и напряжения. Многие не спали уже вторые или третьи сутки и не ожидали, что смогут уснуть и в эту ночь. Отстающая на несколько часовых поясов Европа полыхала орудийными вспышками, контрастно высвечивающимися на фоне чернеющего неба. В нем проносились рыжие росчерки советских и немецких реактивных снарядов, ищущих пехоту и технику, нащупывали друг друга мечущиеся с места на место батареи, поднимались в воздух твари ночного неба – русские «Ночные Ведьмы» и немецкие *Nachtschlacht-flieger-Verbanden*¹³⁰,

¹³⁰ Ночные штурмовые части германской авиации. Известно, что первоначально Люфтваффе, переняв идею от советских ВВС, создали их как

стервятники, слетающие на свет и на звук. Еще восточнее мчались на всех парах составы, влекущие к фронту людей и оружие, чтобы напитать войну. Пятнадцать составов – одна дивизия. И назад – с превращенными в металлолом боевыми машинами, безвозвратными потерями бригад и корпусов, с санитарными поездами, за которыми в пропитавшемся кровью и гноем воздухе висел беззвучный крик. Круговорот веществ в природе, насмешка над школьными штампами.

Американцы так и не решились повторить свою недельной давности попытку массивной дневной бомбардировки. Судя по всему, эффект русского варианта «Гроссе Шлага» оказался достаточно значимым. В зоне досягаемости «крепостей» у русских не имелось никакой значимой индустрии, бомбардировка европейских городов, даже находящихся на оккупированной ими территории, их, разумеется, не трогала, а бомбить менее крупные цели было сложно. Ночным бомбардировщикам Королевских ВВС работы было больше, но и их активность большого влияния на развитие ситуации не оказывала.

В последние дни советское командование начало привлекать авиаполки глубинной ПВО к задачам тактического уровня – с жуткими клятвами не втягивать полки в обычную мясорубку, беречь каждую машину, каждого летчика. Они обеспечивали ПВО армейского и фронтового тыла, занятие почти по профилю. Разнообразие встреченных неприятель-

ских машин поражало воображение. В течение всего двух дней перелетевший из Зблева корпус, оставивший на родном поле почти весь тыл и по эскадрилье с каждого полка, встретил в воздухе и старых знакомых – немецких «юнкеров» с «хейнкелями», американских «бостонов» с «митчеллами» и невиданных еще летчиками «мародеров», чья живучесть и скорость стоила им немало крови.

– Какие новости для нас, пушистых? – спросил командира эскадрильи Николай, его бывший ведомый, только что получивший второе звено эскадрильи после вчерашней гибели его командира.

– Никаких... Лежим, отдыхаем. Первая эскадрилья дежурит.

– А вообще какие?

– Разные. Не помнишь, кто ту «крепость» завалил тринадцатого?

– Э-э-э... Шалва?

– Да, верно. Я никак вспомнить не мог. Молодняк видел?

– Молодняк, – лейтенант улыбнулся, довольный. – Это такой молодняк, который тебя зажарит без сковородки. У каждого второго по два ранения. Так что сиди и бойся.

Новости действительно были разные. Первого ноября погиб Александр Клубов, один из наиболее популярных и результативных летчиков в советской истребительной авиации, но только сейчас известие об этом достигло воюющих частей. Полк, где он был помощником командира по воздуш-

но-стрелковой службе (16-й ГИАП, как стало известно), стали перевооружать на новую технику, и он по должности начал летать первым. Из-за отказа гидравлики Ла-7 скапотировал при посадке, убив любимого всеми мужика. Пропал из того же полка Покрышкин, переведенный неизвестно куда, пропал Алелюхин, пропал Сиротин. Дмитрий Глинка тоже было пропал, но вернулся в сентябре – просто покалечился. Многие исчезли совсем, и слухи про них ходили очень нехорошие. В августе нескольких известных летчиков наградили, что было обнадеживающим знаком, но в армейских газетах продолжали печатать фотографии исчезнувших из частей пилотов и рассказывать про них совершеннейшие сказки. «Неужели снова начинается?» – спрашивали себя те, кого пополняющийся список фамилий исчезнувших известных асов начинал тревожить. Это было диким, но это было не в первый раз. Про Рычагова и Смушкевича было известно достаточно многим, а тогда, в сорок первом, большей дикости, чем расстрелять лучшего аса страны, просто представить было нельзя.

Сейчас было, конечно, полегче, чем в сорок первом – по крайней мере, их части. Приказом Осипенко, командующего истребительной авиацией ПВО, каждому командиру давалась полная свобода в отношении выбора тактики боя и решения о том, вступать в него или нет. Более важным считалось сохранить подготовленных людей и технику, продемонстрировав активность в воздухе, чем влить в статисти-

ку какое-то большое число сбитых. Утром предыдущего дня эскадрилья записала на свой счет три «митчелла» без единой потери, но днем в скоротечной схватке с истребителями-бомбардировщиками потеряла пилота, да еще из лучших. После этого комэск стал осторожным, как болгарский нестинар, не приняв ни одного боя. Единственным исключением стал все-таки сегодняшний день, когда он пятнадцать минут водил эскадрилью широкими кругами вокруг крупной группы тесно сомкнувшихся «мародеров», не зная, то ли рискнуть нарваться, то ли подождать, не караулит ли где сверху «Черное звено», охотники за истребителями. Одного из «мародеров» подбила зенитка, и он отстал от своих, став легкой добычей ЯКов, которые проводили остальных почти до линии фронта без единого захода. Не рискнули.

– Знаешь, что у меня сейчас главное в жизни? – спросил задумавшийся капитан.

Бывший спиногрыз посмотрел вопросительно: «Ну?»

– Мне интересно. Я не знаю, не могу даже предположить, что будет с нами, что будет вообще. Мне еще никогда не было так интересно жить. Ты меня понимаешь?

Лейтенант подошел к командиру вплотную – выше его на полголовы, уже в плечах на ладонь. Говорить он ничего не стал. Ему было понятно вполне.

Узел 8

Ночь с 21 на 22 ноября

1944 г., 21.40-08.56

Ничем не примечательная вечерняя вахта на мостике ползущего по поверхности океана «Кронштадта» никогда бы не отложилась в чьей-либо памяти, если бы не случайность, оставшаяся совершенно незамеченной со стороны. Вахтенному штурману показалось, что заточка одного из карандашей могла быть и получше, и он обернулся от своего стола к столику вахтенного офицера связи с намерением попросить кусочек наждачной бумаги. За полминуты до этого раздраженный недосыпанием и головной болью командир выругался в адрес мудаков, не могущих настроить свои ящики с битым стеклом на волну Главного морского штаба для получения очередных ценных указаний. Не обратившего на это никакого внимания штурмана, не испытывающего в данный момент ничего, кроме комфорта и удовольствия от выполняемой работы, вдруг как ударило – взгляд у склонившегося над таблицами частот старлея был направлен точно в спину Москаленко, и был он очень нехорошим. Связист улыбался, но эта улыбка не обещала ничего доброго, а в насмешливом выражении его лица вахтенный штурман с потрясением увидел превосходство, легкую брезгливость и знание того, что

будет. Как будто почувствовав чужой взгляд, офицер связи снова склонился над своими бумагами, мгновенно погасив на лице всю мимику. Алексей, сердце у которого колотилось, как сумасшедшее, почесал себе бедро и не очень ловко облокотился о стол, с которого на пол свалился длинный графитовый карандаш фабрики «Сакко и Ванцетти». От удара о линолеум палубы тонко заточенный грифель сломался у основания, и карандаш, подпрыгнув, покатился от стола. Чертыхнувшись, он со спокойным выражением лица полностью развернулся к связисту.

– Вадим, дай наждачку.

Так же спокойно старший лейтенант со скромной колодкой из двух ленточек сложил квадратик наждака вдвое и кинул из своего угла на стол штурману. Очистив карандаш и заточив его лопаточкой, тот так же кинул бумагу обратно. «Кронштадт» качало, и штурман промахнулся, не докинув тяжелый бумажный кубик на полметра. Ничего не сказав, связист нагнулся со своего места, подобрал наждак и снова склонился над своими формами.

– Спасибо! – запоздало сказал штурман. Тот ничего не ответил, только головой мотнул, слышу, мол.

«Ай да связист! Ай да мышка наша серенькая!..» – подумал Алексей, сдерживая дыхание, чтобы продолжать казаться безмятежным и увлеченным любимой работой – расчетом скоростей линейного крейсера для вывода его в точку поворота у южного побережья Медвежьего. Впервые незаметный

светлоглазый старший лейтенант вызвал у него интерес, и, продолжая делать вид, что работает, то есть перекладывая линейку и транспортир с места на место и водя по кальке карандашом с сосредоточенным видом, Алексей попытался вспомнить, что вообще ему известно о связисте. Выходило немного. Самое нормальное звание для его возраста – то есть точно возраст он, конечно, не знал, но на вид старлею было года 23—24. На колодке – «Красная звезда» и «За боевые заслуги», опять же «малый джентльменский набор». Говорил, что из Ленинграда, и, наверное, не врал. Вид образованный, и не дурак. В связи разбирается крепко, но впрямую за радией не сидит, на то радисты есть, а работает больше с бумагами, выдает радистам частоты и сроки сеансов, смены частот внутриэскадренной связи, шифрует и расшифровывает, когда нет шифровальщика, что надо и быстро. Все время молчит. Нет, общается, когда дело, четко соблюдает субординацию. «Корректен» – вот самое подходящее слово, хотя и устаревшее. Но никогда не травит баек, не заливает, не пытается подколоть кого-то. В шашки играет неплохо, но с ним играть неинтересно, сидит как дурак, не радуется ничему, не переживает. Никто с ним вместе не служил, никто его нигде не встречал из их компании. Если спрашивать пошире, может, кто-то чего-то знает... Но вот этого делать никак не следует. Про тебя он не думает, вот так пусть и остается. Но что ему от командира надо? Сидит, слушает... Шпион? Или все же нет?

Штурман был далеко не ребенком и вполне понимал, что это могло означать, если его следующее предположение окажется верным. Своего командира он, как и все остальные молодые офицеры «Кронштадта», любил, его резкость в разговоре никогда не переходила в грубость, а идеально проведенный бой в полной мере выявил все его сильные стороны. Никакого прозвища, даже логично образованного от фамилии, у Москаленко не было – едва возникнув после его назначения командиром строящегося корабля, оно быстро исчезло само собой, настолько явно оно ему не подходило. Тем не менее Алексей понимал, что, несмотря на все победы и достижения, даже если им удастся дойти до Мурманска без единой царапины, то, что, бывало, звучало в рубке, будучи доложено куда следует, испортит кровь немалому числу людей. Победы забываются очень быстро. «Скотина», – подумал он, еще ниже склоняясь над исчерченной мягким карандашом картой. Сделать было ничего нельзя, и именно бессилие больше всего и угнетало.

После некоторых размышлений о том, что лучше бы, наверное, и не высовываться, Алексей решил рассказать о своих догадках кому-нибудь, кто сможет принять решение, как поступить дальше. Что самому Москаленко не следует говорить ни слова – было ясно, тот просто послал бы его подальше с такой заботой. Военком, о-очень задушевный товарищ, отпадал первым – тот больше говорил о необходимости любить Партию, чем любить море. Оставалось три кавторанга,

из которых он остановился на вторпоме Чурило, как человеке опытном и, безусловно, преданном своему командиру и своему кораблю.

До конца вахты оставалось еще больше часа, за это время ничего не произошло, но как всегда перед сменой все начали нервничать. Ровно в двадцать два вахта была передана, штурмана сменил другой старший лейтенант, пошутивший по поводу исчерченной вкривь и вкось кальки, офицер связи, зевнув, ушел в свой закуток за метеокомнатой – в первую ночную обязанностей у него не было, и в ходовой рубке снова стало тихо. Командир крейсера остался на вахте, ему не нравились прокрутки ситуаций, переданные штабом Левченко, и он боялся, что английская эскадра сумеет догнать их и перехватить в первой половине ночи.

Сменившийся штурман вместо своей уплотненной каюты пошел в коридор кают левого борта – здесь обитали старшие офицеры и здесь, как он знал, находилась и каюта второго помощника. Коридор не охранялся, и в нем было удивительно тихо – только постоянный рокот работающих турбин, к которому все привыкли уже настолько, что перестали воспринимать как звук, глухо вибрировал, отражаясь от стен. В желтоватом свете несильных ламп Алексей пошел вдоль ряда дверей, надеясь, что ни одна из них не откроется именно в эту секунду, и почти сразу же нашел нужную: она, как и положено, располагалась близко к трапу, ведущему в рубку. Глубоко вздохнув, он осторожно постучал.

«Да!» – сразу же отозвались внутри. Нешироко приоткрыв дверь, Алексей боком продвинулся внутрь тесной каюты, застыл на пороге, сказав обычное «Разрешите», и, получив соответствующий кивок, прикрыл дверь за собой. Второй помощник был занят тем, что привинчивал и прищипливал свои ордена к до предела отглаженному черному кителю, и выражение лица у него было при этом довольно мрачное. У Алексея похолодело внутри, когда он подумал о том, что, кроме своих фактически ничем не подтверждаемых подозрений, ему высказать нечего. «Себе же хуже делаю», – подумалось, но взгляд связиста, направленный в спину командиру, его брезгливую усмешку он забыть не мог. «Если что, – мысль мелькнула и смазалась, – скажу, думал, что он американский шпион». Кавторанг мрачно смотрел на покрывающегося пятнами штурмана и продолжал молчать, взвешивая на руке орден Отечественной войны. «Нельзя больше», – подумал Алексей и выдавил едва не прервавшимся голосом: «Офицер связи...»

– Ну и чего с ним? – буркнул вторпом, не отводя глаз от уже почти бурого лица старлея.

– Да с ним-то ничего, – того как прорвало, и он заговорил, прерываясь. – А вот с командиром может быть, если не сделать что-нибудь...

За полминуты он выложил все, что знает и что думает про незаметного связиста. Вышло немного и сумбурно, почти по-женски, и опять он с каким-то облегчением подумал,

что все сказанное им ерунда, выдумки, и сейчас кап-два обложит его матом и на этом все закончится.

Вторпому, однако, полученного хватило «Так...» – сказал он, прикрыв наконец глаза. Алексей дернулся, ему послышалось страшное. Детство он провел в Бурятии, где отец служил в невысоких чинах в кавалерии, и ощущение тихо вынутого из ножен изогнутого метрового лезвия было ему хорошо знакомо. Здесь был как раз не звук – тихий и шелестящий, едва различимый ухом, – а именно ощущение, от которого идет мороз по коже и хочется на шаг отступить и присесть, готовясь нырять под клинок, как учил отец.

– Ты парень, не дурак, и правильно сделал, что ко мне пришел.

Оскалив зубы, вторпом повернул китель лицевой стороной к себе и с хрустом вколочил последний орден в отверстие.

– Я тебе верю, такие вещи лучше всякой бумаги. И времени у нас нет, сегодня ночью все решится.

Алексей поднял глаза на лицо почти пятидесятилетнего матерого мужика с косым шрамом на левой брови, поймал его взгляд, в котором была только боль и ожидание, и понял – «Да».

– Тебе и делать, больше некому. Такого не поручают... «Чего?.. – ахнул про себя Алексей. – Чего не поручают?.. Ведь не это же самое поручит?..»

– Сегодня ночью нас будут убивать, – кавторанг привинтил плоскую стальную шайбочку, закрепив орден на кителе,

и легко встал на ноги, мотнув его рукавами кителя в воздухе. – Так вот, выкрутимся мы или нет, Вадик пережить этот бой не должен.

Сказал буднично, даже чуть гнусавым голосом, но бесповоротно и с пониманием глядя на исказившееся лицо молодого штурмана.

– В рубке будет тесно, никто на тебя внимания не обратит. Куда бы я ни послал тебя с поручением, помни: его я pošлю минут через пять к СПН¹³¹ универсального калибра на стреляющий борт. Ты там уже должен быть к этому времени. Ничьих постов, кроме зенитчиков, там нет, а они внизу отсилятся, так что никто тебе не помешает. Работай чисто, оттащи его потом куда-нибудь, где осколков много.

Подойдя к Алексею, Чурило положил ему тяжелую руку на плечо.

– И не дергайся так, не он первый, не он последний. С этими ребятами иначе нельзя, а то они нас всех к ногтю... Одним сексотом меньше на флоте... И не думай, что ты первый его просчитал. Все нормально будет.

Потрясенный штурман вышел из каюты вторпома, с минуту бесцельно постоял у двери, потом, опомнившись, пошел к себе. Подумав, он решил сделать то же, что и Чурило, да и большинство опытных офицеров – переодеться в чистое, а потом попытаться немного вздремнуть. Каюта, которую он

¹³¹ Стабилизированный помт наводки, включающий в себя 4-метровый дальномер и управляющий стрельбой 100-мм установок.

делил с офицерами своей БЧ, была пуста, и, отхлебнув из полупустого стакана холодный чай, Алексей уселся пришивать подворотничок к суконному воротнику собственной кителя. Привычная и не требующая напряжения работа его немного успокоила. Разгладив грудь кителя на колене, штурман достал из нагрудного кармана завернутые в чистый носовой платок награды, практически тот же комплект, что и у приговоренного связиста. «ЗБЗ» – за катерные рейды с разведчиками в самом начале войны, «Звездочка» и еще одна «За боевые заслуги» – память о горячей осени сорок второго, когда стволы пушек канонерки, на которой он воевал, не успевали остыть за короткий северный день. Привинтив орден и приколов обе медали, Алексей повесил китель на стул и, не снимая ботинок, вытянулся на койке. Сон, разумеется, не шел. В голову упорно лезли разные мысли, и основная из них была: «А может, мне показалось?» Черт, ну не монашенка же он все-таки! В том же сорок втором их как-то провезли по берегу, показывая цели, по которым они стреляли незадолго до этого, – командование решило, что это будет способствовать повышению их боевого духа. Песок на прибрежных дюнах был перекопан, наверное, на три метра вглубь, редкий сосняк превратился в отдельно торчащие расщепленные пни, каждый из которых был не более метра высотой. Все было устлано ровным слоем военного мусора – щепками от выкрашенных в зеленый цвет снарядных ящиков, пустыми цинками, разодранными противогазными и гранатными сумками.

ми, обрывками пулеметных лент вперемешку с заскорузлыми кровавыми бинтами и ворохами стреляных гильз. После их работы пехота высаживалась здесь с барж, довершив начатое. Тела своих уже успели убрать, а убитые немцы валялись в разных позах, иногда друг на друге, лица их уже успели потемнеть и потерять человеческое выражение. Моряки, возбужденно переговариваясь, остановились тогда у группы тел в серого цвета гимнастерках, песок вокруг которых был просто черным от запекшейся крови. Ведущий их по берегу младший лейтенант с «МП»¹³² за спиной охотно и с удовольствием объяснил, что эта компания долго отстреливалась, а потом их порубили саперными лопатками. Алексея поразила словоохотливость пехотного лейтенанта, ему казалось, что о смерти всегда нужно говорить тише. Никаких чувств, кроме обычного любопытства, убитые у него не вызвали, и потом, поразмыслив, он понял, что просто не воспринимал их как людей. Теперь дело было совсем другое. С офицером связи он был знаком почти полгода, они раз тридцать попадали в одну вахту, бывало, говорили, и взять его просто так и убить казалось невозможным. Ну сказать ему, что ли, крикнуть...

– А не надо было тогда к Чурило ходить! – со злостью сказал штурман сам себе и осекся, оглянувшись быстро на дверь – не слышит ли кто. Мысленно послав свою чувствительность к черту, он решил больше об этом не думать. Гром-

¹³² Германский пистолет-пулемет MP-39 или MP-41, более известный как «Шмайсер» (по имени фирмы-производителя).

ко и с выражением произнеся «Надо – значит надо!», формулу, часто повторяемую его отцом, Алексей решил перейти в практическую плоскость. Достав из-под матраса кортик с кожаным ремнем, он, нажав на кнопку, извлек его из ножен и внимательно осмотрел чистое, без единой зазубрины, бритвенной остроты лезвие. Кортиками они с братом обменялись на счастье, когда в сорок третьем встретились на побывке у родителей. Брат был на шесть лет старше и успел дослужиться уже до майора артиллерии. Рассказывая про свой кортик, брат хвалился, что тот сделан из разрубленного и разогнутого швейцарского подшипника от стамиллиметровой полковой пушки образца 1910 года и зубрит любой черкизовский или златоустовский клинок как жестяной. На флоте холодное оружие полагалось и младшим офицерам, и, оставив себе ножны с якорем, Алексей выменял свой кортик на кортик брата. Георгий сгорел в самоходке под Влоклавеком в сорок третьем, и письма матери заканчивались теперь одной просьбой: не губить себя.

Взглянув на часы, Алексей изумился – за всякими дурацкими мыслями прошло уже много времени, а он тут расслаживается, как поп на похоронах. Быстро надев китель и прицепив кортик на уровне верхней трети левого бедра, он заспешил в командирскую столовую с намерением съесть чего-нибудь, что осталось в расходе от ужина. Кок, однако, навалил ему полную тарелку обильно наперченного гуляша и выдал чуть не четверть буханки хлеба – сегодняшний вечер,

видимо, не располагал к аппетиту. Удивляясь себе, штурман умял всю тарелку, поминутно глядя на часы в ожидании того, что вот-вот объявят тревогу, а добираться до рубки минут десять. Напившись черной крепости чая, он помахал рукой коку в окошке и побежал к выходу, придерживая колоотящийся кортик левой рукой.

По дороге к рубке он несколько успокоился – в принципе, ничего страшного еще не произошло. Стемнело уже полностью, завесив последние просветы в облаках. Снова начался дождь. Рубка была полна народу, все при полном параде. Москаленко сидел прямо на столе, прикрыв глаза ладонью, и что-то вполголоса говорил Чурило, наклонившему к нему голову. Тот покосился на очередного вошедшего, но даже не моргнул в сторону Алексея, продолжая кивать командиру.

Был первый час ночи, но все были возбуждены как в первую утреннюю вахту. Синие лампы на столах давали достаточно света для работы, и сразу несколько офицеров расположились вокруг крупномасштабной карты Северной Атлантики, захватывающей верхним краем Шпицберген, а нижним – северную оконечность Норвегии. Курс соединения пролегал несколько ниже Медвежьего, полого спускаясь затем к юго-востоку, тонкая красная линия обозначала их конкретное местоположение и курс за последние несколько часов. В отношении подводной опасности ничего хуже того места, где они сейчас находились, просто не существовало. Пару лет назад их бы уже пять раз торпедировали, но к концу

сорок четвертого наводившие некогда ужас на Северную Атлантику «волчьи стаи» были перетоплены, а немногие уцелевшие лодки старались не связываться с боевыми кораблями. «Охотниками-убийцами», как иногда дословно переводили англоязычный термин, эскадра не являлась даже отдаленно, поэтому взаимности риска не было – все сводилось к факту наличия или, наоборот, отсутствия подлодок-одиночек на их пути. В любом случае, о противолодочном зигзаге не могло быть и речи. На часы все смотрели поминутно, разговаривали громко, то и дело смеялись. Нервное напряжение было предельное.

Ничего, однако, не происходило. Ратьер затемненного «Советского Союза» молчал, «Чапаеву» тоже, видимо, не хотелось лишний раз обращать на себя внимание. Невысокий, похожий в темноте на привидение, абсолютно черный на фоне серого моря, он выдавал себя только вырывающимися из-под развала носовой оконечности бурунами. С кормовых флагштоков линкора и крейсера спустили за корму белые шелковые вымпелы десятиметровой длины. Сразу намокнув, они стали единственными светлыми пятнами на сливающейся границе неба и моря, служа ориентиром идущему сзади кораблю. Радары включались на короткие периоды и через нерегулярные промежутки времени, уменьшая риск быть обнаруженными по их излучению. Тридцать секунд, требовавшиеся антенне радара «Советского Союза», чтобы два с половиной раза обежать горизонт с вершины башне-

подобной фок-мачты, проходили в полном молчании, затем взмокший капитан-лейтенант клал трубку, сигнальщик выдавал на другие корабли двухсекундный ряд «теплых» точек, и люди получали возможность еще минут двадцать дышать более-менее спокойно. Командам было разрешено спать на боевых постах, но вряд ли у кого-то хватило нервов уснуть в эту ночь. По отсекам разнесли консервы, сухари и бачки с горячим чаем – это было очень кстати. Не хотелось делать ничего, люди просто сидели, глядя на черные коробки репродукторов, в полной готовности в любую секунду сорваться с места, крутить, срывая дыхание, рукоятки маховиков, вслушиваться в прорывающиеся сквозь телефонный треск слова команд. На человека, имеющего достаточно смелости или, наоборот, легкомыслия, чтобы травить в такой обстановке анекдоты, смотрели как на фокусника в цирке.

Обходящий отсеки «Кронштадта» военком засмеялся, увидев смущение старшины одной из шестидюймовых башен, не сумевшего остановиться при его появлении и закончившего рассказ неприличным словом. Комиссар, в другое время собравший бы ради этого комсомольское собрание боевой части, сейчас только махнул рукой – сиди, мол, и, обернувшись сам на дверь, не входит ли кто еще, сам рассказал хоть и не содержащий ни одного грубого слова, но не слишком пристойный и абсолютно идиотский анекдот. Днем раньше засмеяться при этом не рискнул бы ни один матрос, теперь же, после слов: «...Девушка, может, еще раз на трак-

тор посмотреть хотите?», большинство искренне захохотало. Выслушав еще парочку таких же глупых анекдотов, военком, покачивая головой и ухмыляясь, вышел из башни, закрыв за собой рычаг бронированной двери. В башне ему понравилось – если матрос травит про баб или морские страшилки для молодых, значит, он с ума еще не сошел.

С трудом удерживаясь за поручни, он добрел по раскачивающейся палубе до люка и с удовольствием протиснулся в относительное тепло корабельного нутра. Задержавшись на мгновение в проеме, военком «Кронштадта» провел взглядом по уровню, где приблизительно находился горизонт. Ничего не увидев в черноте ночного океана, он наконец захлопнул дверь люка за собой. В попытках разглядеть что-то в месиве волн и дождя он был не одинок. Только на одном «Кронштадте» дюжина сигнальщиков и просто не приставленных к делу офицеров обшаривала линию горизонта в самую лучшую оптику, как отечественного, так и иностранного производства в попытках увидеть врага до того, как он увидит их.

К четырем часам утра окончательно измучивший всех дождь перестал. Вахта сигнальщиков сменилась несколько раз, и от сладкого кофе – лучшего, по мнению Москаленко, средства для улучшения зрения ночью – всех уже тошнило. Нервное возбуждение сошло, уступив место усталости и желанию уснуть, у многих появилась надежда, что им каким-то образом удалось ускользнуть от англичан. Действи-

тельно, после прорыва сквозь пролив на полной скорости и без единого выстрела эскадра успела уже дважды поменять курс, идя двадцатиузловым ходом, и не имела ни одного контакта с противником с момента потопления сторожевика в проливе и уничтожения истребителями «Каталины» за несколько часов до этого. До наступления светлого времени суток, когда калибр «Советского Союза» мог стать одним из решающих факторов артиллерийской дуэли, оставалось всего несколько часов, и шансы протянуть как-нибудь это время все более повышались. За ночь эскадра прошла уже треть пути к Ян-Майену – голому клочку земли в сердце Северной Атлантики, и после пяти часов даже Москаленко поверил, что они выкрутятся.

В пять шестнадцать утра измученный двенадцатичасовой вахтой оператор радара на вершине фок-мачты линкора включил свой прибор, подождал две минуты, пока прогреются нити ламп, проверил неоновой лампочкой сеть и переключил тумблер активного контура на «вкл.», засунув лицо внутрь картонного цилиндра, затеняющего экран. Желтая стрела поискового вектора едва успела провернуться на четверть круга, как за ней вспыхнули три жирные желтые точки, выстроенные в ряд. Инженер-капитан-лейтенант несколько секунд в ужасе смотрел на их медленное угасание и очнулся только от возмущенного и нетерпеливого голоса в прижатой к уху телефонной трубке: «Как сейчас, нормально?..»

– Мать! – он дернулся, выронив трубку с плеча, и с тру-

дом успел подхватить ее рукой. – Три цели сто пятьдесят градусов, интервалы минимальные! Дистанция... – сорвав картонку, он нахлобучил на экран целлулоидную гибкую линейку. – Около тридцати девяти тысяч. Жирные, как собаки! Леня, чтоб я содох, – оператор с тем же ужасом проследил, как вектор развертки снова прошел через этот сектор и точки вспыхнули на том же месте с пугающей ясностью. – Это они!..

Офицеры в рубке, уже успевшие остыть и расслабиться, как один повернулись к поперхнувшемуся воздухом каплею с трубкой в руке. Бледный хуже покойника, тот попытался сказать что-то, голос сорвался, и командир шагнул к нему, страшный, с искаженным лицом: «Ну?!» Капитан-лейтенант, запинаясь, повторил услышанные слова, с растерянностью и страхом глядя на адмирала. Левченко, сразу постаревший, согнулся пополам в кресле, как от боли. Выпрямившись, он закрыл ладонью горло, с трудом выдавив из него сухой и надтреснутый голос: «Отключить радар, быть в готовности включиться любую секунду». Офицер у телефона скороговоркой передал адмиральское приказание и тут же отозвался: «Он отключил сразу же, еще до приказа».

– Молодец, – Левченко сжал ладонью горло еще сильнее, боль при каждом слове была невыносимой.

– Ратьером на «Кронштадт» и «Чапаев»: «Три крупные цели на курсовом угле один-пять-ноль, в плотном строю. Дистанция три-девять тысяч метров. Боевая тревога».

Ждавший этой секунды Иванов, скинув плексигласовую коробку предохранителя, вжал багровую кнопку алярма в стальной кружок и сразу же пятками ощутил вырвавшиеся из стальных тарелок удары гонга.

– Ну что, бог артиллерии, – обернувшись, он в упор взглянул в лицо старшему артиллеристу. – Постреляем? Не все Москаленко порох жечь?

«Постреляем» было то слово, которое старший не переносил по отношению к главному калибру своего корабля и страны вообще. Когда первую шестнадцатидюймовку будущего «Советского Союза» испытывали на артиллерийском полигоне на окраине Ленинграда, стекла дрожали в Красном Селе. Беззвучно оскалив зубы, он отдал честь и, развернувшись, вышел из рубки. Считая себя вторым по важности человеком в эскадре после Левченко, командир БЧ-2 четко понимал, что от качества его стрельбы сейчас напрямую зависит жизнь пяти с половиной тысяч человек. Вбежав в пост управления стрельбой главного калибра, он поймал вопросительный взгляд уже все понявшего каплея и оскалился еще раз, на этот раз по-дружески. Сразу за ним в пост вбежало еще несколько человек, забивших все углы тесного помещения. Щелчки переключаемых один ряд за другим тумблеров громоздкого центрального автомата стрельбы оживляли его электрические цепи, соединяя мозг главного калибра с его глазами с одной стороны, и кулаками – с другой.

Больше всего Бородулину хотелось дать холостой залп

прогревающим зарядом, чтобы довести температуру стволов до идеальной, но невозможность этого он понимал сполна. Втиснувшись в узкое вращающееся кресло по соседству с инженерским и пару раз крутанувшись влево-вправо, он переключил главный рубильник цепи ЦАСа на «вход». Отныне вся информация от дальномеров на обеих рубках и фокмачте линкора замыкалась на «самоход» автомата впрямую. Старший лейтенант, контролер вычислителя, сломав печать на замке, вынул из узкого стального ящика стопку твердых целлулоидных листков с продетыми в отверстия на углах шнурками и, широко ухмыльнувшись, надел всю пачку себе на шею. Вид у него, конечно, был глупый, но старлей относился к этому с юмором, насколько это было возможно в создавшейся ситуации.

Бородулин подмигнул лейтенанту и снова обернулся к усыпанной градуированными циферблатами панели. Данные как с дальномеров, так и с артиллерийского радара не поступали, и индикаторные стрелки горизонтальной и вертикальной наводки стояли по нулям, означая, что башни находятся в походном положении. Сигнальные лампы всех трех номеров включились одна задругой, обозначая готовность соответствующих погребов и башен к бою, затем ожила картушка ориентировки носового командно-дальномерного поста, повернувшегося влево. Как раз в нем и находился управляющий огнем главного калибра первый артиллерист в должности капитана 3-го ранга, которому Бородулин доверял как

себе еще с «Молотова». Два года назад у них было на одну звездочку меньше, но уже тогда они понимали друг друга с полделения малой шкалы. Сам он должен был находиться в боевой рубке, вместе с остальным начальством – но чтобы водить командирским визиром за британским флагманом и с глубокомысленным видом выбирать тип снарядов из двух имеющихся, большого ума не требовалось, и эту почетную функцию он возложил на одного из молодых лейтенантов с мало определенными функциями помощников, которых имел в своем личном распоряжении.

Боевые посты были заняты по штатному расписанию, и боевые части одна за другой объявляли о своей готовности. В рубке все замерли, когда командир линкора доложил адмиралу, что корабль к бою изготовлен. Момент был неординарный. Многим вспомнилось, что русские линкоры не вступали в бой с середины еще Гражданской войны. Незачем говорить, что и ни один из командиров, включая и самого Левченко, ни разу в жизни не был в морском бою.

Произошел короткий, но жаркий разговор на тему того, какую выгоду можно извлечь из неведения противника об их боеготовности. Англичане, несомненно, были готовы к бою раньше и могли открыть огонь в любой момент, поэтому смысла в первом залпе с советской стороны не было. В первую очередь требовалось сократить дистанцию до такой, когда цель надежно удерживается артиллерийскими радарными, то есть примерно до ста двадцати кабельтовых. Ес-

ли бы удалось начать бой на этой дистанции, а потом, пользуясь короткой паузой, пока англичане реагируют на мгновенный ответ русских, сблизиться хотя бы до восьмидесяти и попытаться реализовать преимущество в весе залпа... Но ни Левченко, ни кто другой англичан за салаг не считал, и рассчитывать на такую глупость с их стороны было бы непростительной ошибкой. Скорость «Кинг Джорджей» была для «Советского Союза» недостижимой, и это давало врагу неопределимое преимущество в ночной игре в кошки-мышки. Ту дистанцию, когда советский радар будет беспомощен, а британский еще сможет корректировать огонь, они могли подобрать чисто опытным путем в ходе боя.

Оторвавшись от стола, адмирал быстро продиктовал еще одну светограмму мателотам, возложив на «Кронштадт» обязанность любой ценой защитить авианосец, и в первую очередь от вероятных торпедных атак с подбойного борта. «Чапаеву» приказывалось после первого же залпа на полной скорости уходить на северо-восток, не отрываясь, однако, слишком далеко. Красный огонек ратьера отбарабанил услышанное и, шелкнув, заткнулся. С двадцати миль его вряд ли можно было разглядеть, но мигающее световое пятно среди непроглядной темноты действовало на нервы всем.

На борту «Чапаева» гудящие элеваторы выдали первую порцию снарядов к палубным «соткам». Прислонив лицо к стеклу и закрыв ладонями пространство между его поверхностью и скулами, Осадченко смотрел сквозь потоки дождя,

как прозрачные фигуры матросов в дождевиках в полной темноте возились вокруг своих орудий, готовя их к бою. Страх за будущую судьбу в случае поражения смешивался в нем с непосредственным страхом за свою жизнь, причем страх последний был гораздо менее реальным. Откомандовав два военных года последним лидером на Балтике и дослужившись до капитана 1-го ранга в должности командующего дивизионом эсминцев, Осадченко никогда прежде не попадал в ситуацию, когда шансы отбиться по сравнению с шансами врага утопить лично тебя были бы настолько разными. К артиллерийскому вооружению «Чапаева» он, привыкнув к большим калибрам, относился с презрением – но сейчас ничего лучшего у него не было. Авианосец немного отстал от эскадры, и туши тяжелых кораблей уменьшились в размерах на фоне чуть-чуть посеревшей полоски неба.

На всех трех советских кораблях моряки, переодетые в «первый срок», при наградах и кортиках – у кого были – замерли в молчании. Враг нашел их, и ни уйти, ни отказаться от боя было нельзя. Командир «Чапаева» сжимал в ладони «счастливую пуговицу», найденную когда-то на асфальте возле Университета, в проеме между Двенадцатью Коллегиями и Кунсткамерой. Шириной в пятак, она с тех пор обкололась по краям, оставив зазубренные пластмассовые сколы, но по-прежнему оставляла в душе теплое ощущение. В удивившей комиссара «Кронштадта» своим весельем шестидюймовой башне противоминного калибра матросы, кла-

дая зубами, стаскивали с себя бушлаты – через минуту после начала стрельбы температура в башне поднималась до тропической, а ни одной свободной секунды у них тогда не будет. Двое старшин, кореша на всю жизнь, стащили и робы, а затем обменялись тельняшками, мелькнув молочно-белыми плечами с одинаковыми наколками в виде якорей. Не отделяющий себя от расчета старший лейтенант снял бушлат вместе со всеми остальными и теперь пытался согреться, обнимая себя за плечи и изо всех сил дергая ногами. Почувствовав тычок в спину, он обернулся и увидел матроса-замкового, держащего на ладони дюралевый портсигар, затейливо украшенный впаянными завитушками тонкой медной проволоки. Не колеблясь ни секунды, лейтенант сорвал с запястья выменянные когда-то на винное довольствие немецкие часы и протянул их матросу. «Не подведи нас, старшой, – серьезно сказал тот, сжав ладонью кисть лейтенанта с зажатыми в ней часами. – Твой черед». Тот кивнул, всем сердцем ощущая близость друзей, с которыми он готов был разделить любую судьбу. Единственный страх, испытываемый им в эту минуту, был страх подвести товарищей, сделав что-то не так или растерявшись в критический момент. Оглядев напряженные тела членов своего расчета, лейтенант мысленно поклялся, что ничто не сможет заставить его оставить свой пост.

На стремительно сужающемся пятачке морской поверхности тысячи людей готовились убивать друг друга. Ни один

не был уверен, что победит, но странное дело – абсолютно каждый был убежден, что точно останется в живых, несмотря ни на что. Моряки с обеих сторон перебирали в памяти свою жизнь, глядели на фотографии любимых, молились вслух или про себя, искренне или на всякий случай, просто сидели, тупо глядя в переборки в ожидании приказа. На мостике «Дьюк оф Йорка» семнадцатилетний сигнальщик дрожащими руками набирал флагами на фал классическое изречение Нельсона «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг», все равно не видимое в темноте. Адмирал Мур, стоя перед смотровой щелью боевой рубки, сжимал и разжимал челюсти, как бульдог в предвкушении свалки – желваки ходили под кожей, перекатываясь вверх и вниз. Ожидаемая речь о долге и славе произнесена не была, и у некоторых офицеров осталось чувство, что упущено что-то важное. Три линкора выстроились кильватером, разомкнув интервалы и постепенно увеличивая ход до полных тридцати узлов, охватывая голову русской колонны. Наличие поискового радара с большим радиусом действия позволяло англичанам выйти в выгодное положение еще не будучи обнаруженными русскими и затем «поставить палочку над Т», обрушившись на головные русские корабли всей мощностью бортовых залпов главного калибра линкоров.

Подойдя к столу Элксенсона, Мур внимательно осмотрел карту с прокладками курсов всех трех эскадр. Соотнесение черчения по карте с реальным положением вещей было выс-

шим пилотажем флотоводческого искусства, в котором сорок лет прослуживший на раскачивающихся палубах адмирал мог дать фору любому обшитому галунами кабинетному любителю военно-морских игр. В данную минуту Гонт со своими фокстерьерами на полном ходу обходил русских справа. Мур не сомневался, что у Гонта хватит выдержки и здравого смысла удержаться от соблазна первого торпедного залпа из темноты по ничему не подозревающему противнику. Будь у него больше эсминцев, он и сам начал бы с этого, но эсминцы будут нужны для завершения боя: пример «Бисмарка» ясно показал, что потопить современный линкор одной артиллерией практически нереально. Пример «Худа», с другой стороны, не менее убедительно продемонстрировал, что и такое вполне может случиться. Адмирал надеялся, что Всевышний не сыграет с ним подобную шутку, но жизнь научила его, что полагаться на чувство юмора Вседержителя не стоит – оно у него весьма своеобразное.

Напряжение все возрастало. Британская эскадра уже прошла траверз русских и с каждым оборотом винтов уходила вперед. Восточная сторона горизонта скоро должна была начать светлеть, обрисовывая силуэты русских кораблей, в то время как «Кинг Джорджи» нанесут удар из тени. Солнце даст им полчаса превосходства, пока не посветлеет настолько, что они окажутся в том же положении. Тогда придет очередь Гонта. Если бы догнать врага удалось хотя бы на час раньше, судьба боя решилась бы еще в темноте, теперь же

приходилось думать о классических, времен Ютланда, проблемах плюсов и минусов светлой и темной сторон горизонта. То, что Большому флоту приходилось обращать на это внимание, было национальным позором. Скупой не просто платит дважды. Проигравшему придется расплачиваться за свою скупость до конца жизни.

В течение пятнадцати минут британские линкоры ушли на тридцать кабельтовых вперед, и Мур наконец отдал приказ о сближении. Еще через пять минут развернутые вправо башни дрогнули, поймав цель, – артиллерийский радар выдал на них первые достоверные сведения. Правый ряд цифр в окошке счетчика дальномерных показателей в постах управления стрельбой, тренькнув, провернулся и пошел вращаться, со шелканьем отсчитывая ряды от девятки до нуля и снова на девятку. Мур не отрывался от окуляров, ворочая в щели боевой рубки тяжелым адмиралтейским биноклем. Ему показалось, что что-то черное, воздушно-неуловимое и размытое мелькнуло и тут же пропало где-то на самой границе горизонта, через несколько минут уже слезящиеся от напряжения глаза адмирала снова поймали это «что-то» на том же почти месте, и Мур внутренне охнул, пораженный.

Тонкие черты вынырнувших из темноты силуэтов были непередаваемо прекрасны той жестокой красотой архитектуры, которая могла восхитить только профессионального моряка классической линкорной школы. Детали невозможно было разглядеть, расстояние скрадывало их черты, но сердце

замирало от красоты хищных созданий человеческого гения. Так был красив «Худ», переставший существовать в одной мгновенной вспышке разлагающегося кордита, такими были линейные крейсера эскадры Битти, идущие навстречу своей судьбе, таким был, наверное, даже немецкий «Шарнхорст», когда Фрейзер поймал его в декабре сорок третьего. Похожие на бронированные утюги «Кинг Джорджи» и два «Нельсона», составляющие ныне основу боевой мощи Британской Империи на морях, были отвратительны, хотя и функциональны, и от этого было еще тяжелее принадлежать к ним в это страшное и интересное время.

Опомнившись, Мур оторвался от бинокля, обернувшись к ждущим его офицерам.

– Дистанция?

– Сто двадцать четыре кабельтова. – Элксенсону даже не пришлось заглядывать в записи, чтобы ответить на адмиральский вопрос.

– Я, вероятно, слишком хотел увидеть их собственными глазами, – огорченным тоном сказал Мур. – Теперь нам придется уменьшить ход. Угол «А» все еще открыт?

– Так точно! – флаг-офицер качнул стиснутым кулаком, лицо его исказила гримаса радости и злобы.

– Не будем больше медлить. Да поможет нам Бог.

Мур, сдернув с головы фуражку и на мгновение склонив голову, быстро перекрестился, его примеру последовало большинство офицеров. Вскинув фуражку на седую голову и

повернувшись ко всем спиной, упершись взглядом прозрачных глаз в черную смотровую щель, ясным и простым голосом он приказал:

– Ход уменьшить до двадцати шести, маневрирование индивидуальное... Огонь.

В секундную паузу, длиной в три удара сердца, оглушительная, ватная тишина наполнила комнату, а затем воздух вдруг взорвался десятками отдаваемых во всех направлениях команд. Приказы, впитанные телефонными мембранами, ушли по проводам и через неуловимые хронометрами мгновения по цепочке взрывающихся химическими сигналами натянутых ожиданием в струну нервов добрались до мозга башенных командиров, замкнув отработанный до безусловного рефлекс выполнения команд. И еще раз – по нервам членов расчетов, превратив цепочку запущенных одним словом сигналов во вспышку бездымного пороха в каморах стволов пяти-с-четвертьюдюймовых орудий. Рывкнув, универсальные установки правого борта на флагманском линкоре выпустили первые снаряды, за ними последовали залпы идущих в кильватере «Кинг Джорджа» с «Энсоном». Через сорок секунд сияющие огненные шары с треском лопнули над двумя головными русскими кораблями, беспощадно осветив их анатомическим белым светом. Тут же был дан первый бортовой залп главным калибром. Четырнадцатидюймовые снаряды британских линкоров не успели покрыть и половину расстояния до лежащих как на ладони рус-

ских кораблей (если можно употребить это выражение по отношению к объектам, находящимся в двадцати двух километрах), как по смутным профилям линкоров противника вдруг пробежали различимые даже на таком расстоянии блестящие красно-желтые огоньки – русские открыли огонь. Выражение злобной нетерпеливой радости у флаг-офицера адмиральского штаба за одну секунду сменилось на испуг: из безнаказанного профессионального убийства бой за одно мгновение превратился в поединок равных противников, и хладнокровие только что казавшихся беззащитными русских не могло не пугать.

На шедшем третьим «Энсоне» после первого же залпа главным калибром в кормовой четырехорудийной башне перекосило стояк, поддерживающий лотки подачи снарядов, сведя пять снарядов в его первом залпе к трем уже во втором. Командир не захотел, да и не имел большой возможности доложить об этом Муру, и распределение целей осталось тем же: два головных линкора концентрировали огонь на головном русском, «Энсон» должен был заняться вторым линкором. Британцы успели дать еще один залп, когда в воздухе повис раздирающий уши вой приближающихся снарядов. Звук проникал сквозь самоубийственно тонкую сталь противопульного бронирования боевой рубки¹³³ как через бумагу,

¹³³ Рубки тяжелых британских кораблей, построенных после Первой мировой войны, действительно не несли тяжелой брони – в отличие от обычно чрезвычайно хорошо бронированных рубок кораблей остальных морских держав. Ошибочность этого решения была доказана, по крайней мере, дважды – тяжелым крей-

заставляя пригибаться, закрывать глаза, бороться с желанием лечь ничком и закрыть голову руками, чтобы только не слышать этого невыразимого кошмара. Не выносимый никакими нервами визг достиг максимума и оборвался совсем рядом, глухим ревом и дробью тонких перестуков за ним, когда три огромных, выше клотиков мачт, столба черной воды выплеснулись из океана в двух сотнях ярдов перед носом «Герцога» и еще три – между ним и «Георгом Пятым». Прицел противника, неизвестно сколько времени настраивавшего свою оптику, по самоуверенному флагманскому линкору и его мателоту был безупречен, корабли выручило лишь снижение скорости хода. Впрочем, первый залп британцев тоже пропал даром – оба русских корабля, развернувшись, рванулись вперед, буквально выпрыгнув из освещенной зоны, куда через полминуты рухнули полтора десятка бронебойных снарядов. Растянутая во времени игра началась.

Левченко и Иванов не были единственными людьми на корабле, кто вполне понимал всю шаткость развивающейся ситуации. Удачное использование радара дало им неоспоримое моральное преимущество в завязке боя, но три к одному – это три к одному, и одной передовой идеологии недостаточно, чтобы уравнивать вес залпов. Американцы ввели спе-

сером «Эксетер», получившим в рубку попадание 11-дюймового снаряда с «Адмирала графа фон Шпее» в бою у Ла-Платы, и линейным кораблем «Принц оф Уэльс», рубку которого пробил, взорвавшись, 8-дюймовый снаряд.

циально для таких случаев показатель, названный ими «Поправка на "И"», что, собственно, означало «на Иисуса». Фактически это было то, чего всегда не хватало старой формуле боевых коэффициентов Джейна. Сейчас судьбой команд советских кораблей непосредственно распоряжались двое: во-первых, несомненно, Иисус (чего, разумеется, в трезвом уме вслух никто бы не признал), а во-вторых, Бородулин, который, запершись в центральном артиллерийском посту, манипулировал шестой частью экипажа, кончиками пальцев перекидывая «ленивчики» тумблеров.

Максимальная скорострельность на такой дистанции должна была составить шесть трехорудийных залпов в минуту, то есть по залпу каждые десять секунд, но с тревогой прислушивающиеся к ни с чем не сравнимому рывкающему грохоту своих орудий и рушащихся вокруг залпов противника командиры чувствовали, что Бородулин стреляет чуть ли не втрое реже возможного. Целая вечность проходила от одного залпа до другого, и в тридцатисекундную паузу английские линкоры успевали вкладывать по два, по три своих залпа, каждый из которых мог принести конец всем. Несколько первых минут боя Иванов с надеждой ждал, что вот-вот на горизонте встанет извергающий обломки огненный столб, за которым последует грохочущий победный звук детонации, и ликующий голос старшего прокричит среди общего восторга, который он себе очень зримо представлял, что англичанин взорвался и огонь уже перенесен на следующую цель. Но

этого все не было и не было. Наоборот, огонь англичан становился точнее, и разброс залпов неуловимо стягивался к словно приманивающей снаряды рубке. В воздухе, и так полным летящих в разные стороны осколков, взрывались «люстры» осветительных снарядов, которые то били по глазам невозможно чистым белым светом, то гасли, мгновенно вбрасывая линзы биноклей в темноту.

Надо было что-то делать, и Иванов пристально посмотрел на адмирала, всем своим видом показывая, что ждет от него приказаний, которые готов выполнить не жалея себя. Левченко, однако, этот взгляд проигнорировал, и Иванов вдруг с недоумением понял, что и такие вещи, как боевое маневрирование уже под огнем противника, тоже возложены адмиралом на него. То есть он, конечно, знал, что это, по идее, входит в компетенцию командира корабля, – но Левченко давно приучил его к подчинению, и груз ответственности, ранее вполне компенсировавшийся плюсами высокой должности, вдруг возрос до невероятного.

Проглотив слюну и схватившись за края железного столика с диаграммами защищенных зон британских кораблей, чтобы удержаться на подпрыгнувшем полу, он твердым, суровым голосом уверенного в правильности своих решений человека отдал приказ о совершении левого двадцатиградусного координата с продолжительностью дуги в сорок секунд. Левченко вообще не отреагировал на действия командира линейного корабля: то ли продемонстрировав, на ком теперь

лежит вся ответственность, то ли не одоблив, но демонстративно абстрагировавшись.

Командир штурманской группы переложил линейку на молочно-белом ватманском листе, удерживая карандаш на крупном черном штрихе полуминутного отсчета курса, впившись взглядом в приклеенный мякишем к бумаге дешевый «пилотский» компас. Очень медленно, нехотя, корпус «Советского Союза» покатился влево, сотрясаемый всплесками от падающих в пределах нескольких сотен метров вокруг него тяжелых снарядов, беспощадно освещенный сверху, осыпаемый визжащими стальными осколками, на ощупь ищущими щель боевой рубки. Выправившись, линкор оставил всплески за кормой, и штурман с погонами кап-три и командирскими нашивками на рукавах, по-мальчишески надув щеки, выдохнул воздух, коротким движением карандаша вычертив на ватмане ушедший в сторону от генерального курса двухсантиметровый отрезок.

«Ну, давай поворачивай, ты, старая корова!» – про себя выругался Иванов. Убогая маневренность «Советского Союза» доставила ему массу проблем еще в «мирное время» – то есть, конечно, в военное, но вне боя. Теперь она грозила обернуться коллективной могилой для него лично и всего экипажа в целом.

Линкор, отсчитав сорок секунд, медленно начал крениться в другую сторону, возвращаясь на курс. В это время из динамика раздалась яростная брань брызгавшего слюной Боро-

дулина, отделенного от них двадцатью метрами и тремя броневыми палубами. В гневе старший артиллерист позволил себе такие хамские выражения, которые могли стоить ему головы или погон непосредственно на корабле, если бы нашлось, кем его заменить. Иванов вжал голову в плечи, скрипнув зубами в бессилии. Ох, важен был Егор Алексеич, и ох, уверен в себе. Дай-то Бог, как говорится, чтобы он это в деле проявил. Никто в рубке не выказал свое отношение к услышанному – хотя оглушительный мат не мог не впечатлить молодежь, начавшую иронично поглядывать на своего командира, молча выпрямившегося у просвета рубочной смотровой щели. Через минуту, однако, они поняли, что только так и можно было поступить: не отвечать же, в конце концов, матом на мат, тем более в присутствии адмирала, и ирония зримо сменилась одобрением.

Очередной падающий на них залп, визжащий и хрипящий как палата припадочных при профессорском обходе, воткнулся в воду на правом траверзе в сотне метров от борта, сразу же за ним последовал еще один, на этот раз легший слева, близким недолетом. В каждом залпе англичане клали на них по пять снарядов, иногда по четыре, и в противовес этому размеренно вздрагивали стволы шестнадцатидюймовок «Союза», ударяя в корпус страшной отдачей и чуть заметно покачивая кончиками стволов после каждого выстрела. Орудия били с паузами, все время останавливаясь и как бы прислушиваясь к происходящему там, в двух десятках

километров, куда по пологой дуге уходили выталкиваемые ими снаряды. Сами английские линкоры невозможно было разглядеть маломощной оптикой биноклей в беспросветно черном горизонте запада, но бегающие вплотную друг к другу огоньки, сопровождаемые непрерывным рокочущим грохотом, невозможно было спутать ни с чем. Англичане занялись ими вплотную.

Бородулин, так же как и остальные две тысячи офицеров и матросов, не входящих в состав БЧ-2 (или входящих, но не принадлежащих к элите боевой части, то есть расчетам КДП главного калибра), не имел никакой возможности видеть происходящее за пределами тесных боевых отсеков корабля. Лишь два десятка моряков, среди которых не было ни одного матроса, в разной пропорции возможность эту имели, но открывающаяся им картина не была, однако, как он знал, ни столь радостна и лучезарна, ни столь благотворна для нервов, как полагала кодла дармоедов, столпившихся в боевой рубке. Засевши под прикрытием четырехсот двадцати пяти миллиметров стали ижорского проката и, вероятно, прикрыв головы ладонями, они ожидали теперь чего-то выдающегося от группы управления ЦАС-ноль. Бородулин сам всегда завидовал дальномерщикам, которые видят падение своих залпов лучше, чем чужих, – но двадцать лет при больших калибрах делали для него участие в стрельбе зрения необязательным. Гораздо более важным для себя он считал чутье и неослабевающий контроль за техникой. Как бы ни развива-

лась инженерия и электроника, какое бы новое набитое про-
водами железо ни давали под его начало, вооруженный бал-
листическими таблицами и старой германской логарифми-
ческой линейкой, он всегда мог отстреляться лучше ЦАСа и
данные выдавал вдвое быстрее, ограниченный только скоро-
стрельностью орудий. К сожалению, некоторые частные слу-
чайи были как раз из той оперы, когда без тонкой, черт бы ее
побрал, техники не обойтись, – и ночной бой принадлежал
именно к ним.

Старший артиллерист нервно поглядывал на перекинутые
на внутреннюю сторону запястья часы, прикидывая расход
боеприпасов, который он может себе позволить до момента,
когда начнется настоящее дело. Стреляя почти втрое реже
возможного и только тогда, когда совпадали графики «са-
моходов» на обоих планшетах ЦАСа – рассчитанных с авто-
матических и мгновенных текущих наблюдаемых парамет-
ров, – он экономил каждый снаряд, уверенный, что англи-
чане не смогут поддерживать такой высокий темп стрельбы
долго и, когда посветлеет, у него будет в погребах больше,
чем у них. В каждый залп он, однако, вкладывал всю свою
душу и умение, искренне надеясь удержать англичан подаль-
ше от своего корабля до того, как начнет светлеть, – а если
повезет, то и попасть в их.

Полубронебойные снаряды подходили к концу, но даже
пары попаданий хватило бы, чтобы разнести в клочья все
надстройки британского флагмана, вместе с засевшим в них

хитрым адмиралом, неизвестно как сумевшим их отыскать после того, как они так здорово его обманули в Датском проливе. Какой эффект вызывает их попадание, он видел на фотографиях, сделанных после первого этапа стрельб «Советского Союза» по корпусу старого броненосца, прибуksированного на морской полигон в Лахте. Помнится, на полном ходу и со ста тридцати кабельтовых он тогда накрыл его вторым же залпом, а третьим вlepил полубронебойник прямо под рубку, к черту разнеся все в радиусе метров двадцати, что привело к приостановке стрельб. Сейчас, в гораздо худших условиях, он добился накрытия четвертым, и с тех пор раза три был уверен, что залпы ложились прямо в точку, — но ничего нельзя было узнать и проверить, вот что злило. Даже когда долбили «Красную Горку» с «Андрея», Галлер потом специально отвез всех младших офицеров-артиллеристов смотреть попадания, щупать дыры в бетонных стенах, давал комментарии назидательным голосом¹³⁴. Теперь англичане попытаются унести свои дыры с собой.

Мозг делал всю работу почти автоматически: графики на планшетах стекаются в один, планшетисты, ведущие свои рейсфедеры по двум сторонам плексигласового квадрата, сводят руки в одну точку, крик «Сошлись!», взгляд на контролера с таблицами на шее, не отрывающегося от цифер-

¹³⁴ Имеется в виду контрреволюционный мятеж форта «Красная Горка» и «Серая Лошадь», в подавлении которого важную роль сыграла корабельная артиллерия линкора «Андрей Первозванный» и крейсера «Олег». Командиром «Андрея Первозванного» был в то время Лев Михайлович Галлер.

блата указателя дистанции: тот держит выставленный большой палец – норма, рубильник перекидывается рывком, включив зеленый свет на башенных символах, подтверждая решение комдивизиона. Гироскоп преобразователя координат взвывает после секундной паузы, когда скрипящий корпус линкора проворачивается на киле, придя в равновесие с раскачивающим его океаном, и тогда всех толкает в стороны отдачей, и щелкают цифровые колесики в счетчиках времени полета снарядов до цели и перезарядки орудий. Секунды пошли, медленные, как всегда. А снаряды падают, падают, падают прямо на тебя, и их не видно, но их приближение чувствуется кожей. Потом корабль встряхивает, и сквозь десятки сантиметров броневых сталей проникает дробный, в три-четыре вспышки, рев близкого разрыва, и почти одновременно мелодичный звонок указателя возвещает о падении своего залпа.

К удивлению Бородулина и всех остальных, на этот раз залп лег значительным, ненормальным перелетом. Бородулин даже повернулся посмотреть на прокладку самописца отметок курса и скорости самого «Союза», хотя точно помнил, что ничего выдающегося, за исключением регулярных отворотов влево-вправо, Иванов себе не позволял. Счетчик дистанции разогнал «от себя», и десятичные цифры в нем крутились как сумасшедшие, а за цифрами на метровой шкале почти невозможно было уследить взглядом. Такое могло быть, если бы нарушилась фокусировка стерео-дальномера,

хотя бы одного, а это значит...

– Колян!.. Андреич!

Секунды хватило старлею на связи, чтобы, повинуясь мелькнувшей кисти старшего: один палец вперед и сразу вверх – носовой КДП, похожий на запятую кружок– «Связь давай!», и растопыренные пальцы– «в динамик!», переключить мгновенными тычками полдесятка тумблеров. Тут же Бородулин рывкнул в сорванный со скрепки микрофон. Из затянутого сеткой динамика на лейтенантском столе ударило треском и шипением вперемешку с обрывками команд и узнаваемым сквозь что угодно пульсирующим воем проводимой электроприводами механики.

– Га! – Первый откликнулся так, что сразу понятно было – он в норме, чего пристали!

– Чего с дистанцией, куда она скачет?!

– А на нас родимая, мы им надоели с тобой! – Из динамика рвануло воем, грохотом, шумом встающей и осыпающейся воды. – Во, видал, а? Сейчас они здорово разозлились, поперли на нас как психи! Тут-то и начнется самый кипеж, верно? Иванов их смачно растравил, за нос водит минут пятнадцать уже, это ж надо! Ни одного попадания!

Восклицания и присказки первого, казавшегося полной противоположностью Бородулина во всем – кроме, разве что, похожей фамилии и обожания корабельного железа, – перемежались с отрывистыми, смазанными командами членам расчета «бэшки», как называли вращающиеся установ-

ки на фор-марсе и рубках.

– Ты мне того, теперь полный зеленый свет давай! Ох, у меня вопросы накопились!

– У меня тоже!

Бородулин, дав отмашку на связь, рассмеялся, и все остальные вместе с ним. Приятно сознавать свою силу, сокрытую в девяти двадцатиметровых стволах, в восьмистах с лишним метрах, покрываемых снарядами за первую секунду, в том, что может сделать невероятный удар тысяча-с-лишним-килограммового стального жала по закаленной броневой плите.

Тяжелый, похожий на танк, кавторанг со спокойным лицом обвел взглядом смотрящих на него веселых молодых ребят в офицерских погонах, черных старшинских квадратах, с нашивками ранений и редкими ленточками наградных планок на груди. Все они успели хватануть по два-три года войны на всех трех воюющих флотах, а кое-кто и Финскую тоже, на эсминцах, крейсерах, линкорах, в береговой артиллерии – везде, где только были тяжелые пушки. Возрастом выделялся только усатый инженер-капитан-лейтенант с колодкой «Красного Знамени» на узком черном кителе, с нахмуренным лицом и улыбающимися глазами, вполне разделявший отцовские чувства Бородулина по отношению к молодежи.

– За старшего, Григорий, – ему хотелось сказать всем что-то теплое и хорошее, но пафоса и так было слишком много,

и Бородулин пересилил себя. – Удачи вам, ребята.

Развернувшись, он вышел в тамбур, и тяжелая стальная дверь плотно закрылась за ним, лязгнув поворотными запорами. Ловко и уверенно кавторанг начал карабкаться по скоб-трапу шахты, подтягиваясь попеременно двумя руками и цепляясь плечами за выступающие крючки проводки кабелей с висящими на них позвякивающими бирками. Поднявшись на две палубы и ввинтившись в колодец, поднимающийся к мостику, он откинул броневую крышку, подтянулся, вынеся вес тела на палубу, и перебежал к уже нормальному трапу, ведущему собственно в носовую боевую рубку, провожаемый взглядами матросов-телефонистов. Пропущенный старшиной на запоре, он вошел в тесноту рубки, сразу приковав взгляды большинства присутствующих своим ростом и уверенностью. Не удостоив взглядом Иванова, усмехающегося горькой усмешкой предупреждавшего и не понятого человека, он протиснулся между двумя каменно застывшими с биноклями в руках кавторангами, отстранил согнутого лейтенанта и приник к окулярам командирского визира, напрямую синхронно связанного с ВЦУ-1 и уже, в свою очередь, замкнутого на все три командно-дальномерных поста. Впрыгнувший из темноты в зрачок угловатый черный силуэт невозможно было спутать ни с чем, слишком часто, исполненный гуашью, тушью, черной бумагой от оберток фотопластинок, он в разных проекциях стоял и висел, приключенный, в командирских каютах «Союза» и штабных каби-

нетах Ленинграда. Сейчас он был живым и опасным, не более абстрактным, чем рычащая собака, которая, оскалив зубы, боком подбирается к сжимающему в руках палку пацану, пробирающемуся домой. Единственный выход в таких ситуациях – короткий и точный удар, чтобы ослепляющая боль заставила ее забыть долг сторожевой дворняги ради зализывания горящего огнем бока.

– Товарищ вице-адмирал, – Бородулин не оторвался от визира, но голос его был четок и не сдавлен, как обычно бывает у людей, говорящих в согнутом положении. – Они закрыли себе кормовую башню. Выйдите на контркурс, и мы его сделаем начисто за десять залпов. Я обещаю. Снаряд бронебойный.

Коротким тычком в бок застывшего лейтенанта он дал понять, что последние слова предназначены конкретно ему.

– Снаряд бронебойный! – отрапортовал очнувшийся офицер, бросившись к телефону и повторив то же самое в трубку. В рубке после слов Бородулина стояла полная, насколько это возможно, тишина, и неуместный голос лейтенанта резанул слух.

– Я не могу, Егор Алексеевич, – голос Левченко был глух, как из коробки с ватой. – Мы и так оторвались от «Чапаева», и каждую минуту можно ждать атаки эсминцев справа. На контркурсе они нас отрежут от «Кронштадта» и навалятся втроем. Если – и когда – они дойдут до ста десяти, мы уменьшаем ход и ставим себя против головного. Если они вовремя

нас не раскусят, мы их состроим на развороте.

– Раскусят. Можно сказать – уже. Головной поворачивает. Сто пятнадцать—сто двадцать кабельтовых.

– Сто двадцать ровно!

Левченко повернулся к командиру «Советского Союза», смерив его взглядом с головы до ног. Тот открыл рот, чтобы что-то сказать, но почти сразу захлопнул его, дыша прерывисто, как рыба. Адмирал что-то прошептал, оскалив на мгновение зубы, и, казалось, едва удержался, чтобы не сплюнуть.

– Руль лево на борт!!! Ход самый полный!!! Штурман, доложить, когда он встанет на шестьдесят градусов! Артиллерия – теперь все на вас!

Бородулин, бросив визир лейтенанту, шагнул к телефону, на ходу показывая связисту, кто ему нужен. В принципе, Андреевич находился от него метрах в пяти строго вверх, но докричаться до него через сантиметры брони было нереально.

– Николай, товсь! – он вырвал трубку из рук старшины, не дожидаясь полученного рапорта. – Выходим на параллель флагману, шестидюймовки на тебя работают по мелочи, давай, родной!

Старшина, со сведенными от напряжения скулами, подхватил брошенную трубку, обернувшись – не видит ли кто. Старший уже снова был у визира, сводя данные с комдивизиона 152-миллиметровок. Корпус линкора покатился влево, довольно заметно накренившись, и все вцепились в при-

винченные к полу столы или шкафы, пытаясь сохранить равновесие. Снаряды ложились вокруг «Советского Союза» уже непрерывно, и крупные осколки то и дело звонко стучали о рубочную броню.

– Шестьдесят!.. – выкрикнул согнувшийся рядом с Бородулиным кап-лей с угломером, воткнутому, казалось, прямо в глазницу. Планшетист перекинул линейку на своем столе мгновенным скользящим движением, и адмирал Левченко, выпятив на Иванова указательный палец, буквально выплюнул:

– Прямо руля! Так держать! Ход до полного!

– Бей их, Егор... – шепот флаг-офицера в спину старшего артиллериста был неслышен в оглушающем грохоте залпа, но Иванов прочел его по губам. С искаженным в ярости лицом он повернулся в угол ото всех, где наткнулся на растерянный взгляд телефониста. Тот, вздрогнув, тут же наклонился над какими-то блокнотами, вжав голову в плечи. Командир линкора взбесился мгновенно, но взрыв его эмоций, выплеснувшийся во все стороны зримым комом ярости, остался незамеченным – шестидесятитысячетонный линкор швырнуло в сторону, качнуло обратно, и дикий удар в ноги подогнул колени, бросив тех, кто не имел хорошей опоры, на палубу. Удар снизу за доли секунды по костям и суставам ног передал свою инерцию позвоночнику и, через спинномозговую жидкость, – мозгу, который швырнуло в стенки черепа в оглушающем нокдауне. С плавающими перед глазами белы-

ми кругами, моряки вскочили, зажимая головы руками, выдыхая вогнанный силой удара в легкие воздух, чтобы остановить затихающий визжащий вой в ушах – то ли от сотрясения, то ли от разлетающихся обломков.

– Бэ-Че Пять! – Иванов, потрясенный не меньше других, но способный говорить благодаря огромной порции адреналина, выплеснутой в его кровь перед ударом, заорал в переговорник, и это подействовало отрезвляюще. Сразу несколько человек бросилось к телефонам, пытаясь перекричать грохот и звон, от которого прогибались корабельные стекла в узкой щели рубки.

Шестидюймовки линкора рывкали побатарейно каждые три секунды, служа фоном сотрясающим все залпам главного калибра. Командир пятой БЧ в глубокой норе центра борьбы за живучесть, отделенный от рубки тремя десятками стальных переборок, сам еще не знал ничего, и его доклад, прерываемый глухими паузами размыкаемых сотрясениями контактов, ничего не дал. Шестнадцатидюймовые орудия «Советского Союза» в очередной раз взревели, откачнув корабль вправо, и почти одновременно с этим его корпус подбросило ударом еще одного попадания. Можно было если не услышать, то почувствовать, как ухнул, лопнув, броневой лист, и вибрация рвущихся металлических связей разлетелась от точки попадания где-то на левом борту. Самым поганым было то, что ничего не было известно, ни куда и как в них попали, ни сумели ли они попасть в кого-ни-

будь в ответ. Западная часть горизонта оставалась непроницаемо-черной, мелькающие в ней огни создавали сюрреалистическую картину, никак не способную проявить понятным для разума изображением свое убийственное содержание.

Вставший в сотне метров от борта гигантский столб воды закрыл половину обзора, залил брызгами стекла. Линкор, повинувшись командам пришедшего в себя командира, стремившегося вырваться из-под накрытий, тяжело разворачивался вправо. Несколько залпов англичан, не успевших вовремя уловить его маневр, легло за кормой, потом на левом борту – близкими недолетами. Связь с рубочным КДП переключили на несколько минут на динамик, и азартные крики управляющего огнем слегка сняли давящий страх смерти. В морском бою, как теперь становилось ясно, всегда кажется, что противник стреляет вчетверо чаще тебя и по крайней мере втрое метче. Здесь необходимы профессионально крепкие нервы, чтобы понять истинное положение вещей. Почти четыре сотни шестнадцатидюймовых снарядов просто не могли пропасть впустую, и Бородулин с Науменко наверняка сумели хоть сколько-нибудь из них положить в цель. На ночных стрельбах со ста кабельтовых, как все помнили, им удалось выдать аж одиннадцать процентов попаданий – по снаряду в двух последних залпах из шести положенных. Сейчас это, значит, составило бы... Иванов со злостью оборвал свои размышления, вернувшись в действительность. Происходящий вокруг сумасшедший дом нисколько не походил на зна-

кому-то до последней коряги Лахту, и сравнивать проценты было нелепо.

Кое-чего артиллеристы, сожравшие уже половину боезапаса, впрочем, видимо, добились – как-то неожиданно, необъяснимо, британская эскадра уменьшила ход и повернула влево, резко увеличив дистанцию. Это стоило, судя по злобным воплям Науменко сверху и сжатым зубам самого старшего артиллериста, нескольких ушедших «за молоком» драгоценных полных залпов. Иванов поглядел на часы – бой длился, оказывается, всего двадцать с небольшим минут, и опустошить погреб англичане, при всем желании, просто еще не могли. Значит... Не хотелось, конечно, так беспардонно надеяться на хорошее, но неужели им что-то действительно удалось? Дистанция все время была слишком большой для решительного боя, приблизиться как следует англичане так и не рискнули, и что из этого?.. Вот-вот начнет светать, тогда они тем более не станут приближаться, а для больших дистанций «Советский Союз» защищен достаточно хорошо...

– Сколько до рассвета?

Флаг-штурман отозвался сам, хотя не был подчинен Иванову.

– По таблицам – еще восемь минут, но уже здорово посветлело справа, они нас сейчас хорошо видят.

– Интересно, почему они тогда отходят?

Несколько человек одновременно кивнули, видимо, их за-

нимал тот же вопрос. Остальные просто молча смотрели на Левченко, ожидая от него хоть какого-нибудь ответа.

– Их трое, – адмирал говорил медленно, тщательно подбирая слова. – И даже если Егор Алексеевич с Николаем Андреевичем одного попятнали, то странно... – он на мгновение замолчал, наклонив голову и словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. – Действительно, почему бы им сейчас не долбануть по нам?..

– Эсминцы справа!!!

Дикий крик офицера, стоящего с телефонной трубкой в руке, бросил всех к рубочным щелям. Старший артиллерист, буквально зарывав, оттащил за плечо какого-то не в меру шустрого кап-три из штабистов, пытавшегося протиснуться к свободному проему мимо него, и сам уткнулся в окуляры вспомогательного визира. Про то, что приближалось к ним с востока, нельзя было, конечно, сказать ничего определенного – это напоминало цепочку улиток темно-оливкового цвета, ползущих по почти такого же оттенка листу цветной бумаги. Что-то из них такое торчало, неразличимые ниточки мачт, пятнышки отбрасываемых надстройками теней, и ни одного огонька или блика, просто мрачные вытянутые пятна.

– Головным «графство», – голос флаг-офицера был сухим и напряженным, но звучал ровно, как и подобало при его должности ходячего справочника. – За ним легкий, из новых, потом уже эсминцы. Строй уступа вправо, разомкнут...

– Точно они с эсминцами тяжелый крейсер погнажи? – пе-

ребил его кто-то из моряков – вполне по-хамски, надо сказать.

– Взгляни сам, это Карл Цейсс, – кавторанг сунул перебившему его свой бинокль, вежливо придерживав ремешок. – Трубы различаешь?

– Ну?

– Что ну? Вторая тень между трубами в полтора раза толще, и вообще у кого ты еще три трубы видел?

– Тоже верно.

Закусивший губу офицер вернул бинокль, протянув его через голову втиснувшегося между ними, дышащего, как загнанная лошадь, кап-лея с перекошенным лицом.

– Сколько эсминцев всего? – Иванов, сам пытающийся сдержать прерывающееся дыхание, спросил коротко и жестко, как ударил.

– Шесть, товарищ командир...

– Это сила, нечего сказать. Товарищ адмирал, – полуобернувшись к Левченко, он чуть растянул рот, заставляя себя произносить слова спокойнее. – Возможно, стоит напрямую натравить на них «Кронштадт», у нас и так забот хватит...

Видя, что Левченко не реагирует, шевеля тубами под тенью, откидываемой биноклем, Иванов добавил:

– Я поддержу его противоминным калибром и универсальным, для шума. Если он не задастся целью обязательно кого-нибудь утопить, то сможет устроить им пару горячих часов.

– А так и сделаем!

Адмирал неожиданно отбросил окуляры бинокля от глаз, поморгал, фокусируясь на происходящее внутри рубки, и, обернувшись к флаг-офицеру, сказал, с видимым удовольствием от своего знания:

– Эсминцев пять, а не шесть. Третьим еще один крейсер, малый.

Не теряя ни минуты, он вытянул указательный палец к офицеру связи, стоящему с уже открытым блокнотом в руке, продиктовав ему короткое приказание. Это заняло секунд двадцать, и, закончив, Левченко, снова готовый включиться в работу, вдруг с удивлением заметил появление какого-то нового фактора. Кормовой КДП главного калибра перестал выдавать данные, и все попытки прозвониться к нему были безуспешными. Иванов орал в телефон на командира БЧ-5, но тот ничего не знал про пост, занятый нарастающим креном, расчетами контрзатоплений и разрастающимися пожарами. Линкор горел, и низкое, хотя и сильное пламя пожара на правом борту делало его отличной целью для приближающихся английских крейсеров и эсминцев. Яростно выматерившись, командир корабля достаточно ровным, однако, голосом обратился к согнутому над визиром старшему артиллеристу:

– Егор Алексеевич, это, кажется, ваша епархия. Я посылаю вашего лейтенанта, будьте в курсе.

Спина Бородулина напряглась, но, кроме банального

«угу», он ничем не показал, что слышал обращенные к нему слова. Иванов несколько секунд с ненавистью смотрел в спину не соблаговолившего обернуться к нему капитана второго ранга, и тот это явно чувствовал, хотя и водил из стороны в сторону своими трубками. Поднявшись наконец, он сам зарорал на «своего» офицера: «Не слышал, что ли? Бегом!!!» Тот сорвался с места, протиснувшись ужом мимо штабистов, нырнул в приоткрытую старшиной рубочную щель и пропал. Все невольно проводили его взглядами, потом внимание приникших к щелям офицеров привлек стиснутый океаном хищный силуэт «Кронштадта», прошедшего контркурсом кабельтовых в тридцати по правому борту. Неподвижные башни линейного крейсера вызвали тревогу, но никаких следов пожаров видно не было, а яркий бурун выдавал высокую скорость. Москаленко, видимо, развернул корабль всем корпусом, как кабан, переведя новые цели на тот же левый борт.

В «Кронштадт» до сих пор не попало ни одного снаряда из нескольких сотен по нему выпущенных. Командир ежеминутно вводил крейсер в координаты на оба борта¹³⁵, считая точность своей стрельбы менее важным фактором, чем одно-единственное результативное накрытие, которое было нужно англичанам для превращения громадного и быстро-

¹³⁵ Последовательные повороты на один и тот же угол, ставящие целью изменение дистанции до противника

ходного корабля в плавающее приемное отделение морга. Залпы англичан – по три, четыре, пять снарядов¹³⁶ – ложились вокруг достаточно плотно, не давая ни на минуту расслабиться и служа постоянным напоминанием о возможности близкой смерти. Накачанная командиром верхушка артиллерийской БЧ получала массу удовольствия, лупя по концевому «Джорджу» вперемешку всеми калибрами с периодичностью в полторы-две минуты исключительно с целью продемонстрировать свою значимость. Попаданий, возможно, они не дали даже ни одного, но британский линкор непрерывно разносил свои курсы, шарахаясь из-под удачно лежащихся залпов и сбивая себе наводку на очередные пять минут. Несколько раз огонь по приказу Москаленко перенесли на средний линкор в строю, не давая ему возможности расстреливать «Советский Союз» в тепличных условиях необстреливаемого корабля.

Появление на сцене крейсеров и эсминцев не стало для командного состава «Кронштадта» апокалиптическим откровением. Собственно, никто и не сомневался, что это произойдет. Более-менее неожиданным являлось только включение в строй выходящих в торпедную атаку кораблей тяже-

¹³⁶ В течение всей карьеры линкоры типа «Кинг Джордж V» испытывали многочисленные проблемы с 14-дюймовыми орудиями главного калибра. В боях с «Бисмарком» и «Шарнхорстом» британские линкоры выпустили на треть меньше снарядов, чем было «заказано» числом залпов. В частности, «Принц оф Уэльс» из-за технических неполадок к концу артиллерийской дуэли с «Бисмарком» остался с двумя действующими орудиями главного калибра из десяти.

лого крейсера в качестве лидера. Шаг был оригинальный и, в принципе, удачный. Тяжелый крейсер волей-неволей заставлял обращать на себя внимание большей части имеющихся на борту стволов, ослабляя, соответственно, плотность огня по эсминцам. Короткая вспышка ругани, вперемишк с профессиональной терминологией, наполовину состоящая из вырывания друг у друга биноклей, ознаменовала мозговой штурм по опознанию головного британца. Тот, повернув, окончательно сформировал со своими мателотами правильный уступ, облегчив этот процесс и усложнив одновременно прицеливание. Отсутствие одной из кормовых башен свело выбор, согласно последнему «Своду разведанных по флоту Британии и колоний», к «Норфолку» либо «Девонширу» и вызвало небольшой ажиотаж по поводу наличия у противника на два ствола меньше возможного – немаловажная вещь, когда счет идет на дюймы калибра.

«Кронштадт» развернулся и, выдавая полные двадцать девять узлов, лег в сложную кривую, держа «тяжелого» в фокусе. Быстрая реакция линейного крейсера, если так можно назвать маневр, проводившийся больше десяти минут, позволила встать к югу от англичан, и теперь их теневой борт был виден отлично.

– Дистанция?

– Сто сорок до головного.

Старший штурман цепко держал в руке телефонную трубку, напрямую соединявшую его с носовым КДП, – дружеские

отношения с офицерами-дальномерщиками позволяли ему не тратить лишнее время на получение информации о явно важнейшей цели.

Москаленко крутанул рукой, и старшина моментально протиснул командиру телефонную трубку на длинном черном шнуре.

– Миша, ведешь его?

Ответа слышно не было, но командир уже через секунду бросил: «Одобряю... Давай!» – и вернул трубку, крутанувшись на пятках.

«Кронштадт» дрогнул, как бы остановившись на мгновение, и вильнувшая под ногами палуба ясно дала понять, что «вторая гусарская забава», то есть мочилово в полную силу и против численно превосходящего противника, началась. Первая, как известно, производилась в другой обстановке и была на порядок менее захватывающей.

Отжатый к задней стенке рубки молодой штурман поймал мгновенный кивок стоящего за спиной командира Чурило и напрягся. Но ничего не случилось – тот, видимо, просто проверял наличие его под рукой.

Британцам не было особо над чем раздумывать – через полминуты, за которые снаряды покрывали большую часть разделяющего противников расстояния, воздух в очередной раз завыл и забулькал, пропуская продирающие сквозь него отполированные куски стали. Алексей подумал про себя, что звук шел на более высокой ноте – на этот раз он был ско-

рее визжащим, признак высокой скорости снарядов. Затем залп рухнул перелетом, и все невольно пригнулись, пытаясь укрыться от коротко пробарабанивших по корпусу осколков.

– Ха! – каперанг притопнул ногой. – Первый недолетом, по целику хорошо лег... – он провел биноклем по забранной чуть приоткрытыми заслонками щели. – Второй на подходе, раз... два-три... Лег перелетом по минимуму... Бурун вырос! Черт!

Линейный крейсер дернулся, показав, что их что-то задело, палуба ощутимо ударила по ногам¹³⁷.

– «Дидо» бьет беглым, и достаточно лихо – на такой-то дистанции. Смотрим опять за эсминцами!

На протяжении следующей минуты нельзя было слышать ни слова, непрерывный грохот и звон вбивал воздух в перепонки, не позволяя пробиться словам команд. «Кронштадт» дрожал и раскачивался, в рубку то и дело били крупные осколки, иногда от ее внутренних стенок отлетали чешуйки краски и зависали в воздухе, перемещаясь рывками, как и весь корабль. Один из ударов отдался в пятки особенно сильно, и несколько человек даже не удержались на ногах.

– Вдовый! – Чурило, вцепившись обеими руками в привинченный к палубе стол, мотнул головой, чуть не сбросив фуражку. Алексей подбежал, ухватился за тот же угол.

¹³⁷ В военно-морской медицине существует понятие «палубно перелома», когда кости голеней ломаются от резкого колебания палубы при близком попадании снаряда.

– Бегом по верхней палубе, пулей. Где что горит, где какие дыры, доложить нам и в живучесть, с первой же коробки. Все ясно? – он оскалился в лицо старшему лейтенанту и, не потратив ни одной лишней секунды, развернулся от него и шагнул к припавшему к щели в броневой плите командиру.

С полсекунды Алексей стоял в напряжении, а затем, сорвавшись, метнулся к рубочному люку. Старшина с перекрученным набок гүйсом крутанул центральный маховик запора и оттянул тяжеленный овал люка на себя. Молодой штурман ужом протиснулся в едва приоткрывшийся проем, и створка с лязгом захлопнулась сзади. Полутораметровый тамбур он преодолел одним прыжком, едва не посунувшись лбом во второй люк – вот было бы весело! Еще секунда ушла на отпирание-запирание, и через несколько нисходящих трапов и короткий аппендикс коридора он выскочил к еще одному закрытому проходу – на верхнюю палубу, как раз позади носовой шестидюймовой башни. Вдохнув нагретый механизмами воздух внутренних помещений, Алексей с силой ударил ладонью по верхнему рычагу сдвоенного запора и тут же, нагнувшись, – по нижнему. Люк с лязгом распахнулся, и в лицо ему хлынул холодный и влажный, как ледяное крошево, ветер. Вцепившись в створку обеими руками, чтобы не повалило, и замкнув оба запора снаружи, он бросился по палубе в сторону кормы, на бегу придерживаясь о стенку возвышающейся как дом надстройки, когда корабль слишком уж кренило.

Оглух он почти сразу. На открытом воздухе звук выстрелов корабельных орудий был невыносим для уха. Пару раз он забыл открыть рот на бегу, опасаясь прикусить с размаху язык, – и все, остальные звуки доносились уже как сквозь вату, ощущаясь больше открытой кожей, чем перепонками. На секунду приостановившись, огибая основание носового КДП-4, он сориентировался, какой борт стреляющий в данный момент. Даже важнее не стреляющий, а подбойный. Прямо перед ним теперь возвышалась вторая шестидюймовая башня борта, и языки пламени из ее стволов выплеснулись, вместе с грохотом и толчком ударной волны – как показалось, прямо в лицо. Быть так близко к стреляющим орудиям было просто опасно, но времени не было, и он метнулся мимо, очень надеясь, что его не размажет внезапным разворотом установки, чуть не упал, когда корабль подбросило вверх, удержал равновесие, притормозил, и тут его сбило с ног. Алексей не успел сгруппироваться, и его здорово приложило о барбет правым боком и бедром. Вскочил, прихрамывая сделал два шага, и тут, казалось, рывкнуло прямо над ним, едва не оторвав голову ударом спрессованного воздуха, разлетевшегося от срезов стволов.

Пригнувшись, Алексей быстро проскочил два десятка метров открытого пространства до носовой универсалки, где раньше располагался катер, и прижался спиной к углублению, где стенка надстройки изгибалась под тупым углом, давая начало кормовому комплексу надстроек. Продвинув-

шись боком до входного люка и прикинув расположение коридоров, он, покрутив вокруг головой, отпер запоры, закрыл, как положено, его за собой и прошел еще метров пять до поворота коридора, идущего вдоль переборки. Основание «Качающегося горшка» – стабилизированного дальномера управления огнем универсальных установок – было теперь прямо перед ним, лаз в шахту обозначался задраенной дверью на двухметровом закруглении коридора.

Второй такой же лаз был снаружи, на палубе – но он находился лишь в метре от носовой спаренной «сотки», и пользоваться им сейчас было полным безрассудством. Оставался коридор. Ощупывая ножны кортика, Алексей вернулся чуть назад, к его изгибу, который, повторяя форму надстройки, давал ему некоторые шансы остаться незамеченным для связиста, которому, когда он завернет из-за угла, останется всего пять метров до эспэна. Если он будет бежать по коридору, а не по верхней палубе, то он, во-первых, здорово будет стучать и пыхтеть, и услышать его можно будет заранее, несмотря на грохот. А во-вторых, он как следует разгонится и будет тормозить только после поворота, перед самой дверью. Здесь-то его и надо ловить.

С некоторым даже удивлением Алексей подумал о своем хладнокровии. Чурило сказал, что у него будет пять минут, или минут пять, это разные вещи. Офицер связи, не ведающий о том, какой неприятный сюрприз его ожидает, наверняка уже бежит по коридору, придерживаясь за перебор-

ки, мигая от света дежурных ламп, едва позволяющих читать индексы на люках, ведущих внутрь надстройки. Если же он пробежит по верхней палубе, как сделал он сам, то в любой момент может распахнуться тот же самый люк... Вздвогнув, Алексей вжал кнопку на рукояти и бесшумно извлек кортик из ножен. Коридор изгибался вправо, если бежать с носа, значит, бить придется левой рукой, а ей он владеет плохо. Впрочем, если связист действительно здорово разгонится, то на повороте его занесет вправо, особенно учитывая качку, и место для короткого замаха будет, так надежнее.

Держа клинок по-испански¹³⁸, он покрепче сжал рукоять, оперев ее звездочкой на торце о переборку, и постарался как можно глубже вжаться в нее сам. Несколько минут он не слышал ничего, кроме общего грохота и звонкого биения стамиллиметровок, сотрясавших все вокруг. Фактически он находился от них метрах в трех, через переборку. Глаза уже хорошо привыкли ко мраку, и он даже начал различать качающиеся вверх и вниз светлые лучики, исходившие из образовавшихся там и сям на внешней стенке мелких осколочных проколов. За бортом светало прямо на глазах. Вообще-то находиться в этом коридоре было весьма опасно, как он начал теперь понимать. Сзади его хоть как-то защищала сорокамиллиметровая броня барбета универсалки, спереди же до ближайшей шестидюймовой башни не было ничего.

¹³⁸ То есть у бедра и острием вперед; в самой Испании такую стойку называли «наваррской».

Звук ударов подошв бегущего по коридору человека о прикрытый тонким линолеумом стальной настил он узнал сразу, хотя доносился тот еще издали, переплетаясь с собственным эхом. Алексей пригнулся, напрягшись, но почти сразу же распрямился, снова вжавшись в переборку спиной. Бегущий был еще достаточно далеко, просто в закупоренном со всех сторон коридоре звук распространялся, как в гулком подвале. Тем не менее он становился громче каждую секунду, палуба звенела и трепетала под ногами торопящегося моряка, он слышал чертыхание и проморгался, уже окончательно изготовившись к броску. Было件нятно, что времени на опознание уже не останется, нужно будет бить первого, кто выскочит из-за поворота, – а если это окажется не тот, если просто случайность пригнала сюда кого-нибудь другого, то придется его оттащить на три метра дальше и ждать самого связиста. Хотя все это ерунда, некому здесь сейчас что-то делать или искать.

Черная фигура выскочила из-за изгиба коридора, упершись во внешнюю переборку на повороте, чтобы не потерять ни секунды, и в то же мгновение Алексей выстрелил себя вперед. Выбежавший на него человек не успел ничего понять, вытянутая левая рука штурмана вжала его горло в стену, и острое кортика вошло слева между нижними ребрами, снизу-вверх. Алексей одним дугообразным движением с силой повернул рукоятку вправо от себя, одновременно вдвигая лезвие на всю длину, и машинально сдвинул легшую на

горло моряка кисть вверх, приподняв ему подбородок. Тот не успел даже вскрикнуть, только как-то по-детски всхлипнул ртом, уже оседая на палубу.

Штурман выдернул лезвие из падающего тела и шагнул назад приставным шагом, как на фехтовании, хлынувшая кровь залила палубу, чуть не дойдя до его ног. Хищно обернувшись, выставив перед собой кортик и убедившись, что никаких нежелательных свидетелей не было, он по-кошачьи перепрыгнул через скорченное тело и приподнял его голову, просунув ладонь под затылок. Это был старший лейтенант по имени Вадим, офицер связи «Кронштадта». Короткими движениями пальцев расстегнув крючки на вороте кителя убитого и одну верхнюю пуговицу, Алексей тщательно вытер лезвие кортика о его внутреннюю поверхность, с правой, чистой стороны и с тихим щелчком вставшей на место защелки вложил его в ножны. Все, теперь он был ни при чем. Никто его не видел, и даже если сию минуту из шахты вылезет какой-нибудь матрос, они вместе потащат тело старлея, причем все, кто им могут встретиться, будут искренне полагать, что героический связист, посланный Чурило с поручением к посту наводки, не дошел до него, сраженный осколком вражеского снаряда. Дыр в переборках для этого было более чем достаточно – если не поторопиться, то самому можно лечь тут, рядышком, для полноты компании.

Корабль, набитый нашим мясом,
Украшит северный пейзаж...

Алексей сам поражался своему цинизму. Минуту назад он убил человека, которого знал и на которого еще сутки назад не обращал внимания. Дыхание при этом оставалось ровным, как и положено молодому и спортивному офицеру, а чуть-чуть громкое биение сердца где-то глубоко внутри вполне объяснялось трепетным волнением, которое каждый младший офицер, будь то морской или армейский, должен испытывать, когда спешит с поручением старшего по званию – как и положено, передвигаясь быстрым шагом или бегом. Передвигался он сквозь надстройку, обходя по широкой изломанной дуге основание кормовой дымовой трубы и накопец попав в симметричный коридор у подножия СПН, но уже на другом борту.

Постояв с полминуты у закрытого люка на палубу и прислушиваясь к звукам в оставшихся позади коридорах, он отпер рычаги и выглянул наружу. Ветра здесь было меньше, чем на другом борту. Москаленко, молодец, сумел поставить корабль так, что его собственный пороховой дым вдобавок относил от орудий и оптики. Он в десятый раз за последние

десять минут проманипулировал с запорами и трусцой побежал по палубе в сторону бака. Орудия этого борта не стреляли, но универсалки были развернуты вперед на максимальные углы. Видимо, командир опасался повреждений, которые могут заставить его менять борт. В принципе, «Кронштадт» был великолепно бронирован для боя на средней дистанций с крейсерами «вашингтонского» класса, что легкими, что тяжелыми, – но чем черт не шутит...

Алексей обратил внимание, что несколько стоек фальшборта срублены и раскачиваются на тросах, звякая о срез палубы, успев еще подивиться, какой скорости был удар осколками, что смог, даже не оборвав леер, срубить круглый стальной прут вместо того, чтобы выдернуть его из палубы. В этот момент целый залп лег очень близким перелетом, и штурмана с силой швырнуло на палубу вниз лицом. Наверное, именно это его и спасло – точно такие же осколки на разные голоса проныли вокруг, впиваясь в переборки и протыкая их с тонкими стальными щелчками.

Приподнявшись, все еще оглушенный, он успел увидеть опадающие водяные столбы, которые проносило справа. Штук восемь, наверное. Калибр не особо большой, но все равно впечатляет, кучно и близко. Если бы в мидель, пожар сейчас был бы до неба. Бронирование-то, конечно, бронированием, но оно глубоко внизу, а сверху даже пять с четвертью дюймов британского «Дидо» могут натворить массу дел. Еще он подумал, что, останься он здесь с осколком в зад-

нице, у Чурило поубавилось бы проблем. Нашли бы его через пару часиков, если бы за борт не выкинуло креном, вот и проблемы бы все решились как бы сами собой. Алексей шустро обежал кормовую башню противоминного калибра и проник внутрь надстройки, проделав очередную серию движений у люка. Закрываясь, тот с силой шарахнул его в грудь, слишком уж трянуло корабль, но новые синяки ставить было уже, наверное, некуда, и даже больно особо не было.

Проскочив цепочкой коротких коридоров, взбежав через две ступеньки по трапу и заперши за собой люк тамбура, он, назвавшись, вошел в главный командный пункт. Внутри было все то же самое. В принципе, прошло еще не слишком много времени с тех пор, как молодой штурман выбежал отсюда, придерживая кортик рукой. Доложившись Чурило о замеченных повреждениях (несколько человек без особого внимания прислушались к его словам), Алексей отступил к штурманскому столу, где оказавшийся к началу боя на вахте и так с нее и не снятый старшим штурманом Коля Штырь вел черновую прокладку. Одновременно второй штурман Зубров привязывал ее к положению остальных участников представления, курсы которых тремя группами широких зигзагов наискосок пересекали ватманский лист.

Короткие команды Москаленко склоняли крейсер вправо и влево от генерального курса, неумолимо сближавшего его с британскими крейсерами, которые как конные загонщики гнали его на растянувшуюся дугой цепочку атаку-

ющих эсминцев. Головной британец горел точно по миделю, высокое, ацетиленовой яркости пламя пожара закрывало всю его середину, куда вошел фугасный снаряд главного калибра. Непонятно, что на боевом корабле могло так гореть: ярко, сильно, почти без дыма. То ли «Норфолк», то ли «Девоншир» выпускал из себя в океан какие-то раскаленные капли, его надстройки, казалось, оплавливались одна за другой – но он, сволочь, не прекращал стрельбы ни на секунду. Легкие крейсера и эсминцы били по веером разошедшимся советским кораблям, хотя сами шли в окружении всплесков. Каждый дивизион отбивался от своей собственной собаки, и лишь отрывая от себя, помогал соседям. По крайней мере один стамиллиметровый снаряд «Чапаева» проткнул корпус идущего на максимальной скорости эсминца в концевой группе, окутав его облаком выходящего пара. Это на ста двадцати кабельтовых. Засекший попадание артиллерийский офицер «Кронштадта» поклялся себе, что упадет в ноги адмиралу на представление комендора и управляющего огнем к Герою. Все считали про себя залпы и секунды. На каждый 152-миллиметровый ствол приходилось по сто пятьдесят снарядов, из них двадцать дистанционных гранат. И триста патронов на «сотку» в боекомплекте. Многие теперь искренне молились на Москаленко, взявшего еще половину в перегруз. Все калибры линейного крейсера, поддерживаемые сзади вспомогательным и универсальным «Советского Союза» и палубными сотками авианосца, раз-

вили теперь максимальную скорострельность, вышвыривая в сторону приподнимающегося над океаном света один снаряд за другим. Навстречу им неслись, воя, снаряды ответных залпов рвущихся к цели британских кораблей. Это была атака в высшем духе самопожертвования, когда человек забывает о себе и бежит вниз по склону, выставив перед собой штык и не слыша собственного крика. Ни у кого не было излишних иллюзий по поводу того, что британцы на это не способны.

* * *

Заслонки броневых пластин рубочной щели лязгали ежесекундно, приоткрывая горизонт, опоясанный вспышками, блеклыми на фоне встающего багрово-оранжевого, оплывающего по верхней кромке слоя неба, отражающего не поднявшееся еще из-за горизонта солнце. Чурило гнал по верхней палубе и отсекам одного лейтенанта за другим, вытаскивая на своих плечах живучесть дерущегося корабля. БЧ-5 зашивалась, пытаясь тушить все пожары сразу, забивать пробоины, перекачивать топливо и воду, осушать и контрзатоплять коффердамы в попытках удержать крейсер на ровном киле. По крайней мере одна аварийная партия потеряла две трети личного состава на ликвидации очага у кормового проекторного поста, когда шестидюймовый снаряд одного из британских крейсеров проткнул основание тумбы КДП-8м.

Кто завертелся на палубе, изгибаясь дугой в попытках выдернуть непослушными руками осколок из позвоночника, кто просто повалился, как сноп, лицом на брызжущий ледяной водой из порезов изгибающийся петлями пожарный рукав. Время тянулось, как тягучая черная смола, вмещающая в себя тысячи не имеющих никакого значения фактов – идущие в сером небе навстречу друг другу снаряды, провожаемые волей и надеждой облаченных в асбестовые шлемы артиллеристов, проценты попаданий, вырывающиеся у бескрайнего водяного пространства техникой и опытом, и валяющиеся при каждом таком попадании на палубу люди, судорожно пытающиеся найти исцарапанным горлом глоток кислорода в выжженном азотными газами воздухе обреченного отсека.

В восемь пятьдесят пять один из снарядов удачно легшего залпа горящего «Норфолка» пришелся в боевую рубку «Кронштадта». В течение последних двадцати минут носовой комплекс получил по крайней мере три попадания, но калибром мельче и почти равномерно распределившихся по высоте башеннообразной фок-мачты. Этот снаряд был восьмидюймовым и врезался точно в лоб рубки. Впоследствии кто-то вспоминал, что он якобы звучал как-то иначе – не так, как все предыдущие. Это было, конечно, ерундой. Звучал он точно так же, как и все остальные, к которым не то чтобы привыкли, но как-то меньше уже осознавали. Вокруг стоял сплошной вой и грохот, корабль трясло и раскачивало, несколько офицеров одновременно выкрикивали коман-

ды, еще столько же их репетовало и передавало в телефоны, и на фоне всего этого прислушиваться к смысловым оттенкам какого-то одного снаряда было невозможно и бессмысленно. Если бы он пришелся в триста тридцать миллиметров лобовой брони, то, скорее всего, просто вварился бы в ее поверхностный слой, оглушив звоном всех находившихся внутри. Но он попал в верхний стык с броневой заслонкой рубочной щели, образующей в этом месте нахлест довольно сложной формы. Тридцать миллиметров броневой стали восьмидюймовый «АР»¹³⁹ проткнул бы не задержавшись, но щель, к счастью, была слишком узкой – благодаря еще портартурскому опыту, – и ни один снаряд, способный пробить заслонку, в нее просто бы не вошел.

В одну стотысячную долю секунды баллистический колпачок бронебойного снаряда был сорван, смявшись в плотный ком, вминаемый в броню влетающим в нее монолитом бронебойного оголовка, в следующую стотысячную долю он уже расплавился, мгновенно разогретый чудовищным превращением энергии останавливаемого стеной несущегося снаряда. Вворачиваясь в броневую плиту, снаряд использовал жидкий металл наконечника и поверхностного слоя брони как смазку для проникновения вовнутрь, все еще тормозя свое поступательное движение и продолжая этим плавить металл вокруг себя. За еще несколько исчезающе малых отрезков времени механика донного взрывателя накопи-

¹³⁹ Armour-piercing, бронебойный (англ.)

ла достаточно энергии, чтобы сорвать пружину бойка, вперед в зафиксированную в капсуле каплю гремучей ртути. В то же время монолитный конус бронебойного снаряда продолжал, двигаясь все медленнее, рвать цепочки молекулярных связей, сформированные насыщенным углеродом слоем железа вокруг атомов хрома, никеля, марганца и молибдена, служащих центрами организации металлических кристаллов, переходящих и взаимопроникающих друг в друга на всю глубину брони. Закаленные плиты поставляли ижорские заводы, лучшие в стране, и, не пройдя в броне и пятнадцати сантиметров, успевший несколько раз изменить свою траекторию на какие-то градусы благодаря ее сложной конфигурации, снаряд взорвался.

Алексей успел увидеть какой-то белый росчерк, сопровождающийся мгновенным визгом, когда рубка содрогнулась, сбивая людей с ног. В ослепительной бесшумной вспышке за щелью броневую заслонку сорвало с креплений, и ее разорванные части вперемешку с раскаленными зазубренными осколками самого снаряда ворвались внутрь. В рубке упали все и сразу. Многие были просто сбиты с ног ударом, но расходящийся веер осколков за полсекунды успел отрикошетить от внутренних стенок вертикальной брони несколько раз, перекрыв все углы замкнутого помещения. Потом люди начали подниматься на четвереньки, оглядываясь вокруг.

– Больно!.. – старшина у рубочного люка крутился волч-

ком по палубе, выгибаясь вперед, как пораженный столбняком. – Больно! Больно! Мама!..

К нему бросилось несколько человек, пытаясь прижать руки, но он вырывался и продолжал кричать с мукой в голосе. Лейтенант-артиллерист, уже приподнявшийся, вдруг застыл взглядом и повалился на бок, как падающая собака, скорчившись у подножия стола. Алексей, распрямившись и опершись наконец на дрожащие ноги, в ужасе посмотрел на упавшего, еще не понимая произошедшего. Потом он увидел нескольких старших офицеров, которые лежали, разбросав руки, пораженные осколками в лица, отброшенные силой удара от щели. Один из них, с залитыми кровью погонями капитана третьего ранга, еще шевелился, ворочая в разможенной руке исковерканным биноклем. Согнутый пополам кап-лей, привалившийся поясницей к стене, мучительно откашливался, кровь текла у него из обеих ушей. Вяло разогнувшись, он закатил глаза, изо рта у него вытекла струйка крови, смешанной со слизью. Алексея затрясло, ему показалось, что корабль раскачивает все сильнее и сильнее. Он почувствовал, что онемение, странно охватившее половину его лица, распространяется все шире, еще более увеличивая амплитуду становящейся непереносимой качки. Приподняв ладонь к глазам, он с недоумением понял, что вся ладонь была покрыта густой, почти черного цвета кровью, капли которой с громким костяным стуком срывались с растопыренных пальцев. Дотронувшись до онемевшего лица, он почув-

существовал какие-то острые края, отломки, выпирающие из-под распоротой кожи. Потом боль дошла до сердца, и вставшая наконец дыбом палуба ударила его в лицо.

Узел 9.0

22 ноября 1944 г.

Приказания Верховного Главнокомандующего в военное время выполняются в срок и со всей душой. То же самое относится вообще ко всем приказам и на всех уровнях военной субординации. Если солдат отказывается исполнить приказ офицера, офицер имеет право пристрелить его на месте. Если он не отказывается, но исполнить приказ не может – значит, он должен умереть в процессе его исполнения. За три с лишним года войны в Советском Союзе было арестовано, разжаловано, смещено такое количество старших и высших офицеров, которого хватило бы на довоенную армию какой-нибудь уважаемой европейской страны. Те, которых это, благодаря таланту и фортуне, не коснулось, относились к вечно висящей угрозе как к дополнительному стимулу. Да и не только в страхе было дело. Дело было в ощущении себя равным другим людям. Получение приказа не унижает военного. Его унижает несоответствие между тем, что он обязуется делать, и тем, что он фактически делает, – что видно со стороны. Пытался и не смог – это одно. А взял на себя ответственность, мужественно отдал честь... и все, пошел иными делами заниматься – это совсем другое. Это значит, что ты – дешевка.

Генералов не расстреливали уже довольно давно, но начинать в пятьдесят-шестьдесят лет карьеру почти заново (если даже тебе дадут такую возможность) было немногим хуже смерти. Многих система естественного отбора уже коснулась тем или иным боком, остальным приходилось всегда чувствовать ее за своим плечом. В начале войны Гордей Левченко, к примеру, был арестован за поражение в Крымской оборонительной операции. Для него, к счастью, все закончилось благополучно, потому что Верховный в глубине души сам признал ошибочным решение назначить замнаркома ВМФ, человека, не имеющего понятия о сухопутной войне, командующим войсками в Крыму. Координировать флот с армией нужно было каким-то другим способом – но понимание этого пришло слишком поздно. Но, в общем, все нормально для него закончилось, в отличие от тысяч моряков и пехотинцев, осколки чьих костей до сих пор вымываются из песка крымских пляжей. Арест на неделю, разжалование и медленное возвращение к прежним званиям и уровням ответственности. Похожая судьба была у многих, включая даже пару командующих фронтами. Арест, унижения, крики «Вставай, падла!» по ночам, сопровождающиеся пинком в бок. Выпущенные расценивали свободу как временную и держались за нее зубами. Не посаженные пока относились к ней в значительной степени так же.

Все это служило одной цели. Невыполнение приказа было Не-Мыс-Ли-Мо. Именно так, с заглавной буквой для каж-

дого отдельного слога. Если человеку отдавался приказ тем, кто имел на это право, то проигнорировать его, не исполнить по своим личным причинам было можно. Но только один раз – потому что следующий приказ бывшему генералу отдавал бы уже не командующий высшего звена, а начальник расстрельной команды. Наглядные примеры было найти настолько нетрудно, что каждый знал – он просто будет следующим. И делал то, что делать было надо.

На флоте ходила свежая, не успевшая еще обтереться легенда о том, как Жуков чуть было не расстрелял Сергея Горшкова, командующего Дунайской флотилией, за то, что тот сказал, что приказ о переброске за день танковой бригады выполнить просто невозможно, нечем. Нет, Жуков собирался его расстреливать вовсе не за то, что адмирал что-то там сказал. Просто за невыполнение приказа – о чем честно и предупредил, когда его отдавал. Горшков сначала не поверил – мол, не сорок первый год, но ему доходчиво объяснили знающие Георгия Константиновича люди: лучше делай. Расстреляет, а уже потом будет с Москвой разбираться, чтобы ему нового прислали. Тебя к этому времени уже закопают. Самое интересное, что бригаду перебросить успели – на наспех сколоченных плотках, на чем попало, лишь бы держалось на воде. Последний танк сошел с самодельной баржи за несколько минут до конца отведенного срока, когда командир прибывших ухорезов из личной охраны Жукова уже не отрываясь смотрел на часы.

Черт его знает, правдой была именно эта история или нет, но она, во всяком случае, была достаточно правдоподобной. Маршалы, которым дозволялось почти все, лишь бы цель была достигнута, не страдали тонкостью натуры. Задачей Оснабрюкской операции был разгром основных сил «союзников» на севере Германии, и ради этого Жуков гнал армии и корпуса в огонь, не обращая внимания на потери. За двое суток полторы тысячи квадратных километров Северной Вестфалии превратились в изодранное воронками всех форм и размеров кладбище техники и людей, через которое ломились, поливая огнем пространство перед собой, советские армии. Черняховский¹⁴⁰ все же сумел продавить сопротивление немецкого «Германа Геринга», а затем распер прорыв переданными ему с юга корпусами, перехлестнув горловину наступления немецких частей вторым узлом – на пятьдесят километров южнее армий Баграмяна.

Значительная часть американских войск осталась вне образовавшегося кольца, нависая над ним пока несконцентрированной массой, точно так же, как и 1-я Канадская армия и значительная часть английских дивизий. Жукову пришлось на ходу менять планы и расчеты, сузив сектора ударов своих фронтов, чтобы не подавиться слишком большим куском. Понятие окружения в маневренной войне было весьма условным: тридцать-пятьдесят километров, отделяющих

¹⁴⁰ Иван Данилович Черняховский в возрасте 38 лет, с апреля 1944 г., принял командование 3-м Белорусским фронтом. Погиб 18 февраля 1945 г.

окруженные части от остальных сил, не имели большого значения, если сразу оценить ситуацию и направить усилия на деблокаду войск. Черняховский и Говоров развернули свои фронты спиной к сужающемуся кольцу, изо всех сил цепляясь за километры, по которым их отжимали внутрь. Это была гонка времени. Тысячи самолетов день и ночь висели над железным месивом, в которое превратилась земля, штурмуя и охотясь на штурмующих. Приказ Сталина об усилении авиации на участке боев позволил хотя бы частично удерживать превосходство в воздухе, не давая Люфтваффе и американской 8-й воздушной армии активно поддерживать свои войска. Обе стороны теряли сотни самолетов и сотни летчиков в день – но советская сторона, как оказалось, переносила это значительно легче.

– Я всегда говорил, войну в воздухе выигрывают не асы!

Главмаршал Новиков, серый от недосыпания, мотался по штабам армий на своем Ли-2, с обязательным истребительным эскортом. Вечером двадцать второго он находился в штабе 6-й воздушной армии Ленинградского фронта, а к ночи должен был перелететь в 14-ю армию, угрожать, уговаривать, накручивать всех как только можно.

– Войну выигрывают не герои и не те летчики, которых аккуратно и долго готовят в мирное время. Только система подготовки пилотов-новобранцев определяет, кто победит в большой войне. На Халхин-Голе воевали профессионалы, их годами натаскивали. А здесь мы имеем что? Боль-

шинство тех, кто сейчас там дерется, – он показал рукой в сторону черной от дыма западной части горизонта, – это замена, военные выпуски. Выдающиеся асы сейчас дают пару процентов сбитых, все остальное делают рядовые летчики. Люфтваффе конец. Я знаю, мы много раз это уже говорили, но я не вижу шансов им оправиться от такого. Как обычно, уцелеют пара десятков «экспертов», будут нам кровь пускать... Американцы держат небо. Суки. Когда ж они сдадутся?

– Многие эскадрильи перестали появляться. Похоже, из-за больших потерь им дают передышку...

Армией командовал Кондратюк, которого Новиков искренне любил. Сейчас он, однако, поморщился.

– Самолетов у них хватает. Не хватает, похоже, людей, готовых на них летать. Нет, неправильно говорю. Не готовых, а – желающих летать. Там, внизу, им не немецкий плен с бейсболом и Красным Крестом, а те мужики, кого они бомбят. Я все жду, что они стратегическую авиацию на поле боя бросят, но сейчас не тот коленкор, слишком все плотно, все перемешались – что на земле рукопашные, что в небе...

Сравнение было удачным. Плотность авиации над только что образованным, с не устоявшимися еще границами котлом, куда попали 1-я и часть сил 9-й американской армий вместе со значительным количеством немецких войск, была огромной. Хорошая для севера Европы осенняя погода,

контрастирующая с тем, что происходило сейчас на границе полушарий, позволяла сторонам бросить в бой на не слишком значительном участке фронта тысячи самолетов. Кубань сорок третьего, для тех кто ее видел, бледнела по сравнению с творящимся сейчас в небе Вестфалии и Ганновера.

– Загонят ребят, ох загонят.

Комэск авиаполка ПВО, расположившегося километрах в сорока от клочкущей и ухающей линии фронта, смотрел туда же, куда и все остальные – на запад, из-под руки. Усеченный полк, не ввязывающийся в общую мясорубку из-за своего привилегированного, отстраненного положения, был прикрыт от внезапного нападения настолько хорошо, насколько это было возможно.

– По пять таранов в день, такого и под Москвой не было... И который день уже. Что думаешь, долго так будет продолжаться?

Бывший ведомый пожал плечами, как обычно.

– Не просто же так это делается... Гонят полки в пекло, драка в полную силу и полными составами... Наверное, надо, раз делают.

– Чем потом воевать собираются?

– А тебе не приходила в голову, – он внимательно посмотрел на капитана, уже почти нормально выглядящего, после недели весьма умеренной активности, – такая, знаешь, про-о-стенская мысль...

– Какая, интересно?

– Что потом воевать не собираются. Или собираются, но не так. Я имею в виду, что если беречь сейчас войска, которые, да, готовили и пестовали, как драгоценность, то потом они уже особо не пригодятся. Нужен результат. Нужно, чтобы в этом месте, в эту неделю стало ясно – кто здесь главный, мы или они. Не сумеем доказать свою правоту, согласимся на... гм, боевую ничью – все придется начинать заново. Планировать, готовиться, выгадывать момент...

– А ты, оказывается, стратег!

– Здесь стратегом быть не надо. Помнишь «Солдата Швейка», как он рассуждал перед войной о стратегии и его арестовали?

– Помню.

– Это логика, обыкновенная логика. Вот подумай еще, если бы Манштейн под Курском сумел проломить вас, что бы было?

– Ничего. Резервы бы подтянули и передавили бы. Просто наступления дальше бы такого не было и времени больше бы заняло. Я и представить не могу, чего там страшного могло произойти. Не сорок второй ведь...

– Правильно рассуждаешь. Потому что нам к этому месяцу было уже вполне ясно, что война кончится в Берлине, а не где-то еще. А немцы изо всех сил пытались эту точку зрения изменить, что у себя в мозгах, что у нас. А сейчас ситуация немножко другая, потому что новые факторы появились. И в эту неделю как раз и решается, какая будет у всех установка

на ближайшее время: в Берлине, опять же, закончится война – или все-таки, скажем, в Брюсселе. Вот сейчас определимся и с чистым сердцем приведем ее к логическому завершению...

– Ну ты даешь. Ладно, поверю на слово. Как, готов к вечерней сессии, студент-недоучка?

– Готов. Ученье свет.

– А неученых тьма. Пошли.

Летчики эскадрильи, насчитывающей после потерь и пополнений одиннадцать человек, шаркая ногами по пыли, потянулись к штабному углу, где под маскировочной сеткой были расставлены козлы и столы. Температура была далеко не летняя, и сидеть на промерзающей за ночь земле было холодно даже в поддетом под брюки теплом летном белье.

– Вторая, пошевеливайте конечностями...

Командир полка подождал, пока все рассядутся, начал указывать на карте маршрут, высоты патрулирования, время. Прикрытие аэродромов, знакомое дело. Перед заходом солнца, когда сил и внимательности у летчиков уже не оставалось, группы американских и немецких истребителей-бомбардировщиков, используя преимущество над советскими истребителями в радиусе действия, любили проштурмовать аэродромы и станции, зайдя с неожиданной стороны, – и нередко уходили без или почти без потерь.

– Внимательность максимальная. В крупные схватки не связываться. Беречь себя и соседа как зеницу ока. Если жар-

ко – уходить, не задумываясь. Мы здесь временно, и нам благодарны за то, что мы есть. Нашему корпусу поставлена задача не сбивать, а демонстрировать присутствие, чтобы они не слишком лезли вглубь. А спереди найдется кому ими заняться. Всем все ясно? Увижу или услышу, что кто-то лезет на рожон, пробует героически погибнуть – отправлю в Зблево недрогнувшей рукой, так и знайте. Там – сколько угодно. Николай, ты проникся?

– Проникся, чего там.

– Тогда по коням. Оконечный вылет на сегодня¹⁴¹, поаккуратнее. Кто знает, что на завтра будет.

Стандартные предполетные процедуры и проверки, занимающие больше времени, чем занимает, скажем, завтрак в продуваемой палатке на краю аэродрома, когда горизонт только начинает светлеть. Самолеты эскадрильи поднялись в воздух и, построившись, начали расширяющимися кругами набирать высоту над своим полем. На четырех тысячах метров капитан покачал крыльями и плавно развернулся к западу. На высоте было светлее, солнечные лучи просвечивали через просветы в облаках, как через оконные рамы.

– «Утюг», «Утюг»... – прохрипело в его наушниках. Скинув перчатку, комэск осторожно подкрутил регулятор громкости.

– «Утюг», внимание, к северу видели группу «фоккеров»,

¹⁴¹ Боевые летчики старались совсем не употреблять слово «последний», заменяя его такими, как «крайний», «оконечный», «остатный» и т. д.

но она куда-то делась. Будьте осторожны.

Он кивнул. «Фокке-вульфы» любили пошарить вечерком на небольшой высоте, особенно там, где не было постоянного прикрытия. С ЯКами они старались не связываться, и перехватить их удавалось весьма редко.

Полет продолжался без больших происшествий. Четко по графику обходя точки поворотов, эскадрилья на небольших оборотах моторов подтянула себя к четырем с половиной тысячам, где холод начал пробираться уже до костей. Капитан решил уже, что на этот раз обошлось спокойно, когда в ушах у него защелкало, как щелкает языком человек, когда изображает цокающую копытами лошадь. Этот знак ему был хорошо знаком: получив собственное звено, лейтенант не утратил привычек «щита с глазами» и первым обнаружил цель, которая могла их услышать. Сбросив газ, комэск, на машине которого белела крупная цифра «9», позволил бывшему ведомому поравняться с собой. Тот, по-прежнему не произнося не слова, показал ему пальцем вправо и вниз, потом растопырил ладонь два раза и сжал кулак. Покачав крыльями в воздухе, капитан плавно развернул свой истребитель влево, за ним мягкими, пластичными движениями перестроились все остальные. Шаря глазами по черно-желтой земле в указанном секторе, он только секунд через тридцать засек какое-то движение, и то потому, что машины были не камуфлированы. Тысячи на две—две с половиной ниже, и идут ровно. А его собственные истребители находятся между ли-

нией фронта и гостями, к тому же сейчас вечер и солнце уходит куда положено. Ага...

Оглянувшись, он провел глазами по тем, кого видел. Обзор у ЯКа был ничего – особенно у последних серий, с выпуклым фонарем. Продолжая последний разворот, «девятка» полого заскользила вниз, почти невидимо просачиваясь через воздух. Поменять немного высоты на лучшую тактическую позицию стоило, а спешить он не хотел, пытаясь поближе рассмотреть клиентов. Угу, очень мило: серебристого металлического цвета элегантные машинки с похожими на широкие вилки хвостами. «Лайтнинги». Двенадцать штук, и в хорошем строю. И на скорости хорошей. Черт, как же заходить на них... И стоит ли вообще это делать. Примерно равны по силам и предупреждены, чтоб без риска. А как можно без риска, если это истребители? Причем скоростные, маневренные и хорошо вооруженные. Но только в Европе им почему-то не очень везет, поэтому становится их все меньше и меньше.

Перед атакой положено было объявлять себя, но служба радиоперехвата у американцев была поставлена настолько хорошо, что если открыть рот, то эскадрилью могут поднять на шухер еще до того, как они на нее упадут. Такое уже случилось, хотя казалось почти невозможным, и проколоться на этом комэску не хотелось. Выйдя во вроде бы подходящую точку, капитан чуть задрал нос своей машины – «пристраивайся!», а затем перевел ее в пикирование, нацелива-

ьясь справа-сверху на курс американских истребителей, который должен был пересечься в трехмерном пространстве с их собственным курсом почти под прямым углом. Скорость нарастала с каждым десятком метров потерянной высоты. Моторы ЯКов еще имели резерв мощности, а кончики крыльев уже начали подрагивать, намекая на то, что перегрузка на выходе будет неслабой. Подсветка прицела, оружие. Он откинул защитный крючок с кнопки. Серебристые, похожие на щук истребители вырастали в размерах с каждой секундой, и оглядываться на своих было уже некогда. Головная машина, которую он посадил в прицел, даже не попыталась уклониться, когда капитан открыл огонь.

Командир американской эскадрильи в этот момент разглядывал карту. Маневрирование перед выходом на курс, ведущий к их цели – немецкому аэродрому, который почти наверняка сейчас использовался русскими, было излишне сложным, и он пропустил поворот. Сейчас он старался восстановить ориентировку, чтобы выйти к цели без большой потери времени. Эскадрилью перебросили в этот район всего сутки назад, и после «вывозного» вылета им дали отдельную задачу, не тратя времени на введение в обстановку. Эскадрилья, которую они сменили, потеряла девять человек за три дня и, оставив им свои машины, отбыла в тыл на две недели – как положено.

Подняв глаза от планшета, майор оглянулся на своего ведомого, потом на второй элемент звена. В углу глаза что-

то мелькнула, как мушка. Он вскинул голову и увидел просвечивающие сквозь солнечные лучи темные треугольники, скользящие слева, справа и прямо на него. Это оказалось последнее, что он увидел в жизни, и это было совершенно бесшумным. Звука разрывающихся в кабине и фюзеляжах 20-миллиметровых снарядов русских ШВАКов он уже не услышал.

Сбив ведущего, командир русских истребителей положился развернулся вправо, одновременно набирая высоту, чтобы сбросить скорость до рекомендованного инструкциями уровня и сделать машину максимально маневренной. Оглянувшись, он увидел держащегося за ним ведомого – молодого парня с порванной еще в сорок третьем щекой. Не салага и не ас – то, что надо. Они развернулись, все еще с набором высоты, и капитан снова пошел вниз, на ходу выбирая себе цель. В первом заходе эскадрилья обеспечила себе численное превосходство и теперь дралась со вкусом и умением. Эфир был уже переполнен звуками, его ребята орали и матерились, перекликаясь.

– «Утюг-один», ат-така! – скомандовал капитан сам себе, чуть доворачивая. Его внимание привлек американский истребитель, который стоял на крыле почти вертикально, на вираже пытаясь зайти в хвост точно так же кружащемуся ЯКу-одиночке. Они находились на противоположных сторонах окружности, но за то время, пока комэск, пикируя на полном газу, падал на «лайтнинг», тот сумел сократить раз-

ницу примерно на треть. Еще пара виражей, и двухмоторный истребитель зашел бы ЯКу в хвост, после чего исход был бы лишь вопросом времени.

Черт, умелый парень. Вовремя заметив заходящую на него пару, американец спикировал, набрал скорость – и тут же сделал свечу, заставив всех троих проскочить мимо себя. Ну ни хрена себе...

– Коля, Коля! Сзади!

Он успел очень вовремя шарахнуть в сторону, и жуткая, счетверенная или шестеренная очередь прошла мимо. Еще один «лайтнинг» сумел подобраться сзади. Сам капитан использовал трассирующие пули только за «пятьдесят до конца», чтобы знать, когда боеприпасы пойдут на исход. Так, дело-то, оказывается, серьезнее, чем он думал. «Не рисковать», называется.

Сделав петлю на такой перегрузке, что глаза, казалось, выйдут из орбит и повиснут на стебельках, как у рака, Комэск выдернул свой ЯК на спину двухмоторному истребителю, насевшему на его собственного ведомого, который изо всех сил пытался стряхнуть врага. Американец не успел переключиться на пропавший ЯК, занявшись другим, и капитан поднырнул под него, ведя огонь по правому двигателю. Куда делся второй «вилкохвостый», который гонял того, первого ЯКа? Комэск заложил крутой вираж, вертя головой. На его памяти какой-то политрук попытался сделать командиру полка выговор о потере политической бдительности, выра-

жающейся в том, что летчики носят белые шелковые шарфы, вырезанные из списанных парашютов, как какие-то немцы или французы. Комполка пожаловался в корпус, и прилетевший генерал, радостно улыбаясь, предложил умнику прокатиться над аэродромом на УТИ¹⁴², причем сразу после взлета начал орать: «Воздух! „Мессеры“ сзади! Справа пара! Держись! Слева! Где они?! Смотри по сторонам! Собьют нахрен! Вляпались! Еще двое справа!» В общем, когда обалдевший парень вылез из кабины, еще не веря в свое чудесное спасение, его шея была содрана воротом гимнастерки до плавящихся кровавых пузырей. «Что ж ты шарф не поддел, чудило?» – ласково спросил политрука генерал, и с тех пор шелк в полку официально разрешено было считать не буржуазной отрыжкой, а деталью обмундирования.

Второго истребителя он так и не нашел. Он пропал вместе с ЯКом третьего звена, которое было нечетным, и их следы к вечеру так и не отыскались. Значит – все. Так часто бывает. «Пропал без вести в районе города такой-то». И больше ничего. Ни могилы, ни салюта. Может, найдут потом, через много лет, а может, и не найдут совсем.

Выиграть бой все же удалось. Потери составили всего две машины, и один лейтенант пропал без вести, второй выпрыгнул. Николай записал на эскадрилью аж семерых сбитых, но пленки и наземный контроль подтвердили пять: один на него, один добитый ведомым (видели, как он рухнул) и еще

¹⁴² Учебно-тренировочный истребитель.

трое на остальных. Не Бог весть сколько, по меркам тыловых крыс, – но те, кто понимает, чего стоит сбить истребитель, качали его и ребят до тех пор, пока не утомились.

– Рискнул, любитель? – поинтересовался командир, когда они отчитались. Настроение у него было вроде хорошее, и капитан предпочел лучше повиниться, чем все отрицать. – Я не понял только, почему «тридцать восьмой»¹⁴³ оказался маневреннее на горизонтали, чем мы, – сказал он под конец разговора. – Знал бы, так ушел бы после первого захода. Сколько бы сбили, столько сбили. И живучий. Один, по крайней мере, уполз дырявым.

– Хрен с ним. Своего потеряли, это плохо. А их одним больше, одним меньше... И так в плюсе остались. Ведомого представишь к «Отваге», мне рассказали, как он тебя спас.

– Спасибо.

– Не за что пока. Когда будешь письмо писать семье того?..

– Денька через три. Вдруг еще найдется... Всегда надеюсь, что вдруг. Каждый раз...

«Дорогая Мария Сергеевна, – написал он через три дня. – С глубокой скорбью извещаю Вас, что Ваш сын, лейтенант Кольчужный, пропал без вести при выполнении боевого задания в районе города Вюнсторф, Германия. Как его командир я прошу у Вас прощения, что не смог уберечь Вашего

¹⁴³ Американский истребитель P-38 «Лайтнинг» («Молния»).

сына от вражеской пули. Мы продолжаем верить, что Леня еще найдется, даст о себе знать, но надежды почти нет. Мы дрались над своей территорией, и если бы он сумел сесть или выпрыгнуть, то мы бы уже знали о том, где он. Никаких следов его самолета мы также не нашли, но в районе боя было несколько озер и рек, и он мог упасть в одну из них. Мы будем продолжать поиски и, быть может, найдем хотя бы тело Леонида. Мы всегда будем помнить его как верного друга и надежного боевого товарища. Крепитесь, Мария Сергеевна, и будьте уверены, что Вы можете всегда рассчитывать на нас, когда кончится война. Ваш друг, командир истребительной эскадрильи, капитан Скребо Николай Ильич».

Сбитый ЯК-3 с останками летчика в кабине через многие годы нашли немецкие аквалангисты на дне озера Меер. Необычный для машины высотный мотор позволил определить номер части, к которой истребитель принадлежал, и имя лейтенанта Кольчужного наконец было переведено из графы «пропавшие без вести» в графу «убитые и умершие от ран». Это случилось в тот же год, когда нашли ЯК-7Б с сыном Никиты Хрущева, в последний год XX века, и их имена встали в списке рядом. К этому времени не осталось в живых почти никого, кто помнил лейтенантов в лицо.

Узел 9.1

Ночь с 23 на 24 ноября 1944 г.

Эскадра проходила раскручивающийся над Северной Атлантикой шторм насквозь. Не ураган, слава Богу – просто шторм, из тех, которые определяют в зимние месяцы основу погоды над Европой и восточным побережьем Северной Америки. К трем часам ночи двадцать четвертого ноября скорость ветра на широте Нордкапа по десятому меридиану составила тридцать узлов, барометр продолжал падать, и метеобригада «Советского Союза» прогнозировала его дальнейшее усиление. На палубах все было закреплено по-штормовому, расчеты средней артиллерии и зенитных установок получили редкую возможность выспаться в тепле и сухости на своих койках – уже более суток погода полностью исключала действия авиации.

Линейный корабль и линейный крейсер раскачивало достаточно слабо, но «Чапаева» швыряло в разные стороны, ветер бил в левую скулу, и бывший легкий крейсер рыскал на курсе, при каждом порыве ворочая вправо. Палубу пока не захлестывало – авианосец легко всходил носом на волну, но брызги от разбивающихся о его борт волн и непрерывный дождь делали мучительным даже минутное пребывание на самых верхних площадках «острова». Самое печальное, что

все прекрасно сознавали: погода, на редкость гадкая уже сейчас, это еще лишь начало того, что им предстоит в ближайшие дни. Пройти сквозь погоду было единственным шансом избежать неминуемого столкновения с превосходящими силами Флота Метрополии. В этом отношении адмирал очень сильно полагался на крепость постройки «Чапаева» – если шторм заставит их отойти к югу и подождать улучшения погоды, то авиация сможет засечь их задолго до Медвежьего, тогда всем конец. Будь «Чапаев» обычным легким авианосцем, расходным материалом в крупных флотах, он не колеблясь оставил бы его позади, рванувшись с тяжелыми кораблями к Медвежьему. Но ценность единственного пока авианосца Океанского флота с почти полным комплектом дважды Героев воздушных армий всей страны на борту была большей, чем у двух «Кронштадтов», и ни малейшего риска ему не простят.

Атмосфера была заполнена электрическими разрядами, делавшими полностью невозможной радиосвязь и забившими снегом помех экранчики радиолокаторов. В моменты, когда в низко нависших черного цвета тучах пробегали отсветы горизонтальных молний, все поля разверток локаторов становились абсолютно белыми, а затем на них снова появлялась мешанина хаотичных засветок. Видимость тоже была отвратительной, с левых курсовых углов регулярно налетали дождевые шквалы, сводившие ее в эти моменты практически до нуля. К утру дождь несколько поредел, а ветер по-

менял направление почти на тридцать градусов, еще более усилившись. Тогда-то командира линейного корабля и разбудил посыльный. Адмирал был уже на мостике и тепло поздоровался с кутающимся в китель командиром:

– Утро доброе, Алексей Игнатьевич. Погода-то какая, красота!

Но командир линкора был явно не в настроении шутить, и Левченко резко сменил тон:

– У нас гость. Совсем рядом.

Кап-раз проснулся мгновенно, наотмашь хлестнув себя по обеим щекам и помотав головой.

– Где?

– Точно на правом траверзе. Не видно ничего, даже и не смотрите. На радарах по-прежнему муть, я сам глядел, прошелся. Засекли «Вектором», минуты четыре назад доложили, до этого еще пять минут следили, ждали, что будет.

– Боевую тревогу?

– Ждали вас. Он с наветренной, и кто знает, на каком расстоянии. «Вектор» берет одиннадцать миль, но погода... Сами видите какая.

Иванов вдавил кнопку колоколов громкого боя, за секунду оборвав сон почти тысячи человек и заставив подпрыгнуть от мгновенного приступа ужаса еще столько же бодрствующих. Ратьером, с использованием синего фильтра, приказ об объявлении боевой тревоги был передан на «Кронштадт», рассекающий волны в двадцати кабельтовых

впереди, и на «Чапаев», как пробка болтающийся в кильватере линкора.

«Вектор» был уникальным прибором для обнаружения надводных объектов в ночное время по сравнению интенсивности излучения в инфракрасном диапазоне от двух соседних или случайно выбранных секторов эллипса, в фокусе которого сам прибор находился. Его создали и довели до рабочего состояния раньше, чем появился первый работоспособный отечественный радиолокатор, пригодный к установке на кораблях, и теперь этот прибор находился на вспомогательных ролях. Сейчас же, когда вся радиотехника выбыла из строя, именно он сделал эскадру не окончательно слепой.

На двух других кораблях такого прибора не было, с «Кронштадта» его сняли за несколько месяцев до похода, и определить дистанцию до объекта с помощью триангуляции было, таким образом, невозможно. «Гость» мог оказаться кем угодно – от выбившегося из раскиданного штормом конвоя крупного транспорта до стада гренландских китов (впрочем, сейчас, кажется, им не сезон). Оба артиллерийских корабля были повреждены, оба были с почти пустыми погребами, но оставлять рядом с собой кого-то неизвестного было более рискованно, чем на этого неизвестного посмотреть.

Командир линейного корабля выжидающе смотрел на адмирала: решение предстояло принимать ему, и колебался адмирал недолго. В другое время для уточнения обстановки

отрядили бы «Кронштадт», а сами отошли бы «от греха подальше» – но теперь «Советский Союз» оказался единственным кораблем, хоть что-то определяющим вокруг себя, и лишним оставался «Чапаев».

– Будем смотреть. Увидим что-то в этом кофе со сливками – утопим, если нет – уйдем. «Чапаеву» оттянуться назад на сорок кабельтовых, строй пеленга. Время пошло!

– Ход полный! Расчет орудий главного, противоминного, универсального калибров к артиллерийскому бою изготовиться... Орудия зарядить, стеньговые флаги до половины. Боевым частям к бою изготовиться... Докладывать о готовности...

Огромный корабль лихорадочно готовил себя к бою, и с каждой тянущейся от одного доклада к другому минутой командир морщился все сильнее и сильнее. Старшие офицеры перешли в защищенный броней главный командный пункт, на который переключили все средства управления кораблем. Сигнальщики на мостиках запихивали себе в рот куски сахара с целью улучшить сумеречное зрение, башни и оптику командно-дальномерных постов развернули на правый борт, из погребов подняли фугасные снаряды для второго залпа. К 5.25 корабль был к бою готов. Ровно через одну минуту на правом траверзе появилась цель.

В темно-сером, с черными пятнами свешивающихся до самой воды грозовых туч горизонте, ограничивающем видимость сорока кабельтовыми, вдруг появился просвет, на

дальнем конце которого как в туннеле спроецировался темный силуэт, почти мгновенно закрытый очередным шквалом.

– Вот он! Штурман! Когда рассветет до трети нормы?!

– Двенадцать минут.

– Самый полный! Право десять!.. Так держать! Прошу разрешения на самостоятельное открытие огня.

– Разрешаю. Кто это был?

– Не знаю. Флаг-офицер, что?

– Не могу еще сказать. Так, навскидку... Две трубы, четыре башни. Кто угодно может.

– Дистанцию взяли?

– Не успели... Вот он, тварь, снова!

– Цель поймана, данные для первого залпа выработаны.

– Огонь! Через десять минут мы его потеряем, если не попадем...

– Залп!

Линейный корабль содрогнулся от ужасной отдачи трехорудийного залпа, столбы пламени вырвались в сторону вновь появившегося силуэта, и снаряды ушли на цель.

– Да какая же дистанция?!

– Шестьдесят три...

– Это в упор. Да бейте же!

Вспышка по левому борту привлекла внимание сигнальщиков на корабле противника, а падение залпа близким

недолетом рассеяло последние сомнения о том, что это такое может быть. В сумерках, пока солнце хотя бы теоретически не поднялось над линией горизонта, теневая сторона заметна лучше, чем обращенная к свету, но вырвавшийся из дождевого шквала в каких-то шести милях от них бронированный колосс с вздымающимися ярусами надстроек теперь невозможно было не заметить. «Боже, спаси нас... – выдохнул вахтенный офицер британца, ощутив холод внизу живота. – Как нам не повезло...»

Легкий крейсер начал маневрировать, пытаясь уклониться от следующих один за другим залпов неизвестно откуда взявшегося противника, но требовалось прежде всего время, чтобы довести ход до полного, чтобы развернуть башни влево и суметь открыть огонь. Второй залп лег прямо перед носом англичанина, и от тяжести рухнувших на палубу столбов воды бак ухнул вниз и черпнул воду. Крейсер не спасло бы ничего, люди только разбегались по боевым постам, и единственной попыткой сопротивления до неминуемой гибели стал трехторпедный залп влево – расчет аппарата этого борта как раз был дежурным. Торпедисты развернули аппарат вручную, не дожидаясь команды и выиграв полминуты, но очередная серия дождевых шквалов, пришедшая слева, закрыла все вокруг такой непроницаемой темнотой, что оба противника сразу потеряли друг друга из виду.

– Давай! Давай! Давай! – второй помощник командира, оказавшийся единственным старшим офицером на мостике

в эту «собачью вахту», орал по принудительной трансляции непрерывно, не в силах выразить свой ужас иначе. Шквал дал им паузу, и за несколько минут корабль мучительно медленно развернулся вправо, постепенно набирая ход. Теперь их судьба зависела только от того, насколько продолжительной окажется полоса дождя. На мостик ворвались командир и остальные офицеры – задыхающиеся, с фуражками в руках.

– Он выскочил слева, в шести милях, и сразу начал бить, а на радарх ничего! Какого черта! У него все было уже готово – выскочил из тучи, и сразу залп, а как?! Последние четыре залпа легли по нашему прежнему курсу – бьет по счислению, если шквал пройдет – все.

– Принимаю командование. Радиограмму...

– Да нет связи! Я бы дал, но уже сутки нет! Все помехами забито, магнитные компасы с ума сошли, скоро мы огни святого Эльма увидим!

– Похоже, скоро... Сколько уже он нас не видит?

– Две минуты. Господи, это тот линкор, о котором нас предупреждали! Называется «установить контакт, в бой не вступать»... Я не сомневался, что такая крупная цель будет замечена радарной установкой. Только небо знает, как он нашел нас в таких условиях.

– А ведь он точно знал, что мы здесь, – если башни были развернуты и залп дали сразу, значит его радар...

– Боже мой!

– Если он лучше нашего, то сейчас...

– Машина, самый полный! Выжимайте все, наша судьба зависит от вас! – оторвавшись от раструба переговорной трубы, командир схватился за телефонную трубку. – Артиллерия, ваша готовность?

Ответа не последовало, командно-дальномерный пост еще не был развернут, и из центрального артиллерийского поста костерили задерживающих всех дальномерщиков на чем свет стоит.

– О'Нэлли, вы меня слышите?

– Слышу нормально, мастер, растолкуйте нам, что творится, мы тут все чуть не в пижамах сидим. – Мысль о том, что, как старший артиллерист «Мауритиуса», толстый громада, выслуживший, несмотря на происхождение, офицерство за счет таланта и усидчивости, подпрыгивает от нетерпения в своем ЦАПе с телефонной трубкой в руке и в пижаме на голое тело, в более подходящий момент вызвала бы истерику.

– Это у вас что творится? Нас поймал линкор, а дальномерщики не шевелятся. Старший, у нас в шести милях на семи часах «Советский Союз»!

– О, ш-ш-ш... Так, они включились, ничего не видят. Теперь мы в игре, артиллерия к бою готова.

«Советский Союз» дал один за другим пять бесцельных залпов и задробил стрельбу. Вокруг не было видно абсолютно ничего. Пропали из виду и «Кронштадт» и «Чапаев», и теперь Левченко с неудовольствием подумал о том, что даже

собраться всем вместе уже будет проблемой. Линейный корабль шел полным ходом в том направлении, где за шквалом исчез его противник, но орудия молчали – дистанция «Вектором» в таких условиях не определялась даже приблизительно. Все имеющие возможность отвлечься от управления линкором передавали из рук в руки картонки с изображениями британских, канадских и американских кораблей, пытаюсь установить тип крейсера, с которым они столкнулись и который так несчастливо потеряли несколько минут назад. Наконец в руках у флаг-офицера осталось лишь несколько карточек, и все сошлись на том, что это был либо британский легкий крейсер типа «Фиджи» или «Белфаст», либо американский тяжелый типа «Пенсакола» – хотя считалось, что все американские тяжелые крейсера задействованы сейчас на Тихом океане. Линкор отслеживал все маневры своего противника и продолжал двигаться за ним, но видимость не улучшалась, и что делать дальше, было непонятно. Солнце вроде бы встало где-то вдали за горизонтом, но это почти не прибавило света к темно-серой клубящейся мути вокруг. Еще несколько минут все молчали и по-прежнему ничего не происходило. Левченко уже приготовился дать сигнал к повороту, решив для себя, что пора возвращаться к «Чапаеву», оставленному в одиночку без прикрытия, и в этот момент в сыром воздухе раздались тяжелые звуки ударов, приходящие с востока.

– «Кронштадт!..» – выкрикнуло сразу несколько офице-

ров, до боли вперившись взглядом в непроницаемую облачную стену впереди. Залпы грохотали один за другим, сливаясь в бьющий по ушам непрерывный рев. «Советский Союз» повернул влево, реагируя на изменение положения желтого всплеска на развертке инфракрасного приемника и соответственно изменив ориентацию оптики командно-дальномерных постов и носовых башен главного калибра. Через две минуты впереди снова открылся просвет, и с линкора увидели горящий и накренившийся корабль с изуродованными надстройками, несущийся зигзагами среди поднимающихся вверх и опадающих всплесков по покрытым белыми шапками волнам цвета мокрого обсидиана.

Москаленко снова повезло. Получив светодиаграмму от адмирала о наличии противника на правом траверзе и его курсе, он сразу приказал дать полный ход и готовиться к артиллерийскому бою – но в отличие от командира «Советского Союза», немедленно повернул вправо. Артиллерия «Кронштадта» была готова к бою через считанные минуты, но, когда загрохотали залпы орудий линкора, впереди никого не оказалось. Предположив, что момент открытия огня совпадает с моментом начала противником поворота, Москаленко снова изменил курс, теперь уже круче, по широкой дуге обходя предполагаемое направление движения корабля, за которым, несомненно, гнался «Союз».

Было произведено только семь залпов, и Москаленко не

верил, что все уже кончилось. Каждые две минуты линейный крейсер доворачивал вправо на пять градусов, и когда все уже начали, расслабившись, полагать, что все закончилось совсем, их вдруг вынесло из дождевой стены прямо на контркурс крейсеру противника. После секундного остолбения на мостиках оба корабля развили максимальную скорострельность, с пяти миль вгоняя друг в друга один снаряд за другим. В погребах «Кронштадта» фугасных снарядов оставалось на считанные залпы, но к моменту перехода на остатки бронебойных разошедшийся с британцем контркурсами линейный крейсер превратил его в пылающую развалину. Уцелевшая после боя с английскими крейсерами в Датском проливе шестидюймовая башня левого борта и обе установки «соток» за две минуты галса успели выпустить почти сотню снарядов среднего калибра, и, несмотря на качку, резко ухудшившую условия стрельбы, попадания с пяти миль следовали одно за другим. Крейсер, четко опознанный в профиль как тип «Фиджи», получил еще по крайней мере пять попаданий снарядами главного калибра, вызывавших огромные вспышки пламени на темном силуэте корпуса.

Качество ответной стрельбы британского легкого крейсера было безукоризненным, уже со второго залпа он добился накрытия, а через полминуты подключил и универсальный калибр. Снаряды рушились вокруг «Кронштадта» один за другим, взрываясь при ударе о воду, попавшие в корпус

шестидюймовые «чемоданы» с чудовищным лязгом разрывали вокруг себя металл, вызывая долго не гаснущую вибрацию. Один из первых залпов «Фиджи» целиком лег в борт линейного крейсера, и громадный корабль качнуло от страшного удара, принятого поясной броней. Колпак кормовой дымовой трубы раскроило, и веер оборванных штагов грота заполоскался в воздухе, раскачиваясь из стороны в сторону.

Волнение сильно мешало англичанину, но он успел вогнать в корпус своего противника около десяти шести- и четырехдюймовых снарядов, прежде чем его огонь угас. Обе кормовые башни выбило прямыми попаданиями, центральная часть палубы превратилась в сплошное пожарище, крен на правый борт становился все более заметным, но крейсер все еще давал не менее двадцати пяти узлов и отчаянно маневрировал, пытаясь выгадать время до следующего спасительного шквала. «Кронштадт» развернулся за кормой британского крейсера и открыл огонь полными залпами, на этот раз правым бортом, нащупывая мечущийся корабль своим главным калибром.

«Мауритиус» не захотел умирать без пользы. Оставшиеся в живых после удара шестидюймового снаряда в крыло мостика офицеры перебрались в боевую рубку, хоть как-то защищенную броней. Выхода не было – с юга приближался второй загонщик, выходя на левый траверз, а русский быстроходный линейный корабль продолжал расстреливать их, кладя свои залпы все ближе и ближе и без особых проблем

удерживая дистанцию. Пожав руки стоящим рядом офицерам, похожим бледностью лиц на привидения, командир отдал приказ о повороте. «Мауритиус», захлестываемый волнами, на полном ходу развернулся бортом к преследующему его кораблю, открыв огонь из носовых башен. Одновременно был дан торпедный залп и три торпеды ушли веером, бесследно растворившись в сталкивающихся волнах.

Уже второй после поворота залп русского дал накрытие. Двенадцатидюймовый бронебойный снаряд пронзил насквозь броневой пояс легкого крейсера, прошел одну за другой несколько палуб и переборок и взорвался вплотную к поясу левого борта, сорвав с фундаментов турбины и раскрыв его на протяжении десятка метров. Хлынувшая в огромную пробоину вода мгновенно затопила машинные отделения, убив уцелевших машинистов. Затем один за другим в крейсер попали несколько снарядов среднего калибра, потом еще один двенадцатидюймовый залп лег у самого борта.

Наступала агония. При каждом попадании почти потерявший ход крейсер раскачивался, его развернуло лагом к волне и почти положило на борт, следующий залп снова дал накрытие, и из центральной части корабля поднялся высокий огненный столб, почти сразу же опавший. Послышалось что-то похожее на тяжелый вздох, но все заглушил воющий ветер. Люди начали бросаться за борт, хотя шансов выжить в ледяной воде у них не было. Палуба осела почти до уровня воды, и выбегавших из огня закрывающих лица руками

моряков смывало захлестывающими палубу волнами. Мягко и бесшумно положенный на борт очередным валом крейсер ушел под воду, и волны сразу же сомкнулись над утягивающейся вниз воронкой.

Аварийные партии на «Кронштадте» еще продолжали бороться с пожарами, когда подошедший малым ходом «Советский Союз» прошел над местом гибели британского крейсера. Свешенными с бортов сетками полуобморочных людей выхватывали из ледяной воды, всего удалось поднять около десятка человек, удержавшихся на поверхности благодаря пробковым нагрудникам, – но многие из них были уже мертвы, а один умер буквально через минуту после того, как его приняли на борт. Спасенных немедленно отволокли в лазарет, где растерли спиртом и еще силой влили по стакану внутрь. Закутанные в одеяла моряки сидели скорчившись, прижав колени к груди и не мигая глядя в одну точку. На них приходили посмотреть матросы и офицеры разных боевых частей, но врачи всем давали от ворот поворот, поджидая делегацию с мостика.

Та не заставила себя ждать: адмирал, командир корабля и несколько старших офицеров, в сопровождении волнующегося капитан-лейтенанта, прикомандированного к штабу в качестве военного переводчика с английского и немецкого, вошли в изолятор, где расположили спасенных, заставив врачей и вооруженных ППШ часовых вытянуться в струнку.

Англичане равнодушно скользнули взглядами по лицам вошедших, никак не прореагировав на их появление. «Смирно!» – подал команду комиссар корабля, но переводчик не успел открыть рот, как Левченко остановил его, подняв ладонь.

– Господа моряки...

Капитан-лейтенант, встав к адмиралу вполоборота и непрерывно вытирая руки о брючины, начал синхронно переводить, и несколько англичан подняли головы, прислушиваясь к его словам.

– Я, как командир советской эскадры и полномочный представитель Советской власти, выражаю глубокое восхищение вашим мужеством и высоким профессионализмом военных моряков. Вы находитесь в полной безопасности, вам ничто не угрожает, если у вас есть какие-либо требования, вы можете немедленно о них заявить.

Моряки продолжали так же равнодушно смотреть прямо в лицо адмиралу, и Левченко несколько растерялся.

– Я гарантирую, что немедленно после захода в первый же советский порт ваши имена будут переданы в Международный Красный Крест и далее вашим родным... Могу я попросить вас назвать имена и звания, чтобы знать, как к вам обращаться?..

Один из матросов, худой белобрысый парень, на вид лет семнадцати, медленно поднялся, выговорив севшим и прерывающимся голосом: «Матрос второго класса Слоухит,

сэр... Торпедист». Переглянувшись, трое остальных нехотя назвали свои имена – офицеров среди них не было. Двое, включая Слоухита, были торпедистами, третий – зенитчиком, еще один, что наиболее важно, сигнальщиком. Сигнальщика немедленно отделили от остальных и начали допрашивать в жесткой форме. В течение часа трясущийся от не проходящего озноба юноша раз за разом повторял свое имя и звание, однако потом разрыдался и, сбрасывая с койки и тумбочек все, до чего мог дотянуться, вперемешку со слезами начал выдавать что-то полезное. Еще через полчаса он заснул, по-прежнему всхлипывая, и переводчик с комиссаром поднялись в адмиральский салон под мостиком. Их встретили нетерпеливыми расспросами, и комиссар линейного корабля, улыбаясь, очень четко и толково доложил все, что сумел понять из слов англичанина.

– Крейсер назывался «Мауритиус». – Сразу несколько офицеров протянули руки к справочнику корабельных составов, с радостью убедившись, что им повезло покончить с одним из больших крейсеров типа «колоний». – Вышел из Галифакса четыре дня назад в ближнем охранении крупного конвоя. Конвой состоял из примерно сорока судов, в охранении два эскортных авианосца и еще один легкий крейсер – «Ройялист»...

– Это «новый „Дидо“» с четырьмя башнями!

– Два дня назад, то есть двадцать второго, их вывели из состава конвоя и направили на север. Слышал, что в Датском

проливе был крупный бой, линкоры Метрополии вроде бы кого-то потопили...

– Как же! – остальные рассмеялись, но не слишком-то весело.

– Точно ничего не знает, плачет. Говорит, все нас ищут, еще сильнее чем за «Бисмарком» охота. Вот в основном и все.

– Ему известно, какие еще корабли находятся в море?

– Завеса крейсеров к северо-востоку от Исландии, завтра должны заправляться с танкеров – но когда и где, опять же не знает. Уверен, что нас всех поймают и утопят.

– Ладно, пусть спит пока. «Кронштадт» видно?

– Так точно, на левой раковине в тридцати кабельтовых, все еще горит.

– Семафором. Поздравляю с потоплением британского легкого крейсера «Мауритиус», благодарю за службу. Доложите повреждения. Вице-адмирал Левченко. Это пока все. Теперь начинаем думать. Что мы имеем?

– Завесу крейсеров к северо-востоку от Исландии.

– Которую мы только что успешно прошли. Как по вашему, он сумел как-то известить о нашем появлении?

– Вряд ли, условия связи по-прежнему никакие. В принципе, он должен был, пользуясь преимуществом в скорости, преследовать нас, наводя авиацию и линкоры.

Комиссар провел пальцем по карте от севера Шотландии к точке, где они находились, выходило немного.

– Вот именно, линкоры, – адмирал внимательно оглядел сидящих вокруг заброшенного картами и таблицами стола офицеров штаба и командиров боевых частей.

– Итак, одна эскадра у нас на хвосте, и состоит она из трех линкоров типа «Кинг Джордж V», не уступающих нам в скорости, но наверняка испытывающих нужду в боеприпасах.

– Нас тормозит «Чапаев», и нам надо экономить топливо, а им нет.

– Почему нет? Они заправились, вероятно, на сутки позже нас и отличаются не слишком большой дальностью!

– Одного из них мы повредили. Возможно, он отстанет, так что у нас есть некоторые шансы.

Все подумали об одном и том же – о принципе «все или ничего» и «картонных» оконечностях английских линкоров. Если хотя бы одно попадание пришлось в нос, то в штормовую погоду англичанину будет не до продолжения погони. А в бою с двумя линейными кораблями даже один «Советский Союз» способен постоять за себя. Есть ли вторая эскадра, и если да, то где она? В ней могут быть три-четыре устаревших и тихоходных линейных корабля, но если они сумеют навязать артиллерийский бой, тяжелых повреждений трудно будет избежать. А драться уже нечем и некогда. Как минимум трое суток хода требовалось советскому соединению, чтобы войти в район, где его смогут прикрыть подводные лодки и авиация Северного флота, а затем и эсминцы. И в течение каждого часа их могут перехватить.

С «Кронштадта» доложили о полученных повреждениях – более десятка попавших в него шестидюймовых снарядов «Мауритиуса» окончательно превратили палубу линейного крейсера в мешанину перекрученного железа. Бронирование «охотника за крейсерами» полностью сыграло свою роль, защитив жизненно важные помещения внутри корпуса – машинно-котельную установку, погреба, узловые центры управления кораблем, но третий артиллерийский бой за десять дней, с единственным почти чудесным пополнением со снабженца, полностью исчерпал его погреба. Снарядов к двенадцатидюймовым орудиям главного калибра оставалось на считанные залпы, с боеприпасами к орудиям вспомогательного и универсального калибров было получше – но только потому, что почти половина башен была выбита, так же как и почти вся зенитная артиллерия и приборы управления ее огнем. По существу, громадный корабль превратился в плавающую мишень для всякого, кто сумеет его найти. Очередной перерасчет запасов топлива не дал поводов для пессимизма, их вполне хватало до Мурманска, но теперь задачей было избежать любых боев, даже с номинально слабейшим противником – кроме таранного удара «Кронштадт» сейчас мало чем мог себя защитить.

После часового совещания флагманских специалистов и штаба соединения был уточнен маршрут дальнейшего движения. Он пролегал в пятидесяти милях от южного побережья Медвежьего и далее полого спускался к югу. Эконо-

мический ход в четырнадцать с половиной узлов, а фактически из-за погодных условий и того меньше, не позволял эскадре надеяться на отрыв от британских линкоров – но все сошлись на том, что второго линейного сражения не будет. В случае столкновения со старыми английскими линкорами предполагалось пожертвовать топливом и воспользоваться своим преимуществом в скорости, чтобы избежать боя. Оставалась еще вероятность столкновения с крейсерами-разведчиками – вроде того, какое они только что пережили, – но здесь можно было рассчитывать уже только на «Советский Союз». Главной опасностью оставались подводные лодки – как английские, так и немецкие, а также авиация – но риск их атак напрямую зависел от погоды, и его с большей или меньшей степенью вероятности можно было прогнозировать.

Сейчас погода исключала как одно, так и другое – шторм усиливался с каждым часом, от горизонта до горизонта все было затянуто низкими тучами, и произвести атаку в таких условиях было нереально. Еще по крайней мере двенадцать часов можно было рассчитывать на полную безопасность сверху и снизу, но как только небо хотя бы немного прояснится, их начнут искать десятки разведывательных самолетов с исландского, ирландского, норвежского побережий. Некоторое время обсуждалась идея отослать от себя «Кронштадт», чтобы дезориентировать и распылить силы преследования, – но от нее пришлось отказаться все по той

же причине: линейный крейсер был полностью небоеспособен и сам нуждался в защите.

Еще более двух часов на верхних палубах «Кронштадта» тушили последние очаги пожаров, хотя гореть, кажется, было уже нечему. Матросы тщательно прочесывали надстройки в поисках 37-миллиметровых патронов, вышвырнутых из зенитных гнезд. Попаданиями снарядов их раскидало по всему кораблю, и исковерканные гильзы с высыпавшимся из рубленых дыр порохом валялись вперемешку с тысячами крупных и мелких осколков. Из стамиллиметровых башен левого борта уцелела одна, вторую установку этого же борта вмяло внутрь себя, и орудийные стволы нелепо торчали в разные стороны из выгоревшего остова.

Убедившись, что все возможное уже сделано, командир линейного крейсера оставил боевую рубку и направился в медицинский блок. Расположенный в центральной части корабля, он был хорошо защищен как с бортов, так и сверху, прикрытый 90-миллиметровой броневой палубой, и не пострадал, хотя все подходы к нему были загромаждены искореженным железом. Оба лазарета и изолятор были забиты тяжелоранеными, в зубокабинете, превращенном в операционную, врачи в который уже раз за последние две недели производили одну операцию за другой. Ампутиций почти не было – британские снаряды давали крупные осколки, убивавшие человека на месте или отрубавшие конечность, больше было ожогов и переломов. Постояв за спи-

ной ни разу не обернувшихся к двери хирургов, командир тихонько вышел. Ему самому как никогда был нужен врач – но требовавшийся разговор был делом не одной минуты, и для него явно было не время.

Узел 9.2

24 ноября 1944 г.

«Кронштадт» плавно и не спеша раскачивался в кильватере у линейного корабля, идя в сторону Шпицбергена. Ветер по-прежнему исключал всякую возможность применения авиации, море было покрыто белыми валами, среди которых было нереально углядеть перископ, но тут уж ничего не поделаешь. Оставив за себя на мостике одного из немногих уцелевших после двадцать второго ноября строевых старших офицеров, способных управлять крейсером, Иван Москаленко спустился в командный пост связи и выслушал по телефонам доклады командиров боевых частей – все как обычно. Из бронированной ямы он прямым ходом направился к себе в каюту, запер дверь, которую тут же закрыл спиной часовой, и набрал еще один телефонный номер. Прошло уже шесть часов после боя, и держать все накопившееся в себе командир уже не мог, это сводило его с ума. Первый раз в жизни ему требовалось с кем-то поговорить. Голова раскалывалась от боли, и Москаленко высыпал себе на язык вынутый из нижнего ящика стола порошок пирамидона в воценой бумажке, запив его остатками холодного чая. Коммутатор соединил его с медблоком.

– Дежурный санитар матрос Кузякин, – незнакомый голос

не отличался особым почтением в интонациях, и каперанг с трудом подавил в себе вспышку раздражения.

– Вот что, матрос Кузякин, говорит командир. Старший врач сейчас свободен?

«Только позволь себе фамильярность, – подумал он. – На губе насидишься».

– Виноват, товарищ командир, сейчас сбегая, узнаю.

Матрос положил трубку, и в мембране действительно слышался топот ног и хлопок двери. Москаленко усмехнулся и отвел от уха черную пластмассовую трубку, проведя за чем-то пальцем по узору дырочек. «Бегом, – подумалось. – Вот так-то лучше».

– Старший врач, майор медслужбы Раговской...

Голос принадлежал уверенному в себе человеку средних лет, и от него сразу становилось спокойнее. По тембру нельзя было точно угадать возраст, слишком большая усталость маскировала интонации. Москаленко представил себе знакомого усталого доктора с трубкой в руке, и сердце сбавило темп, уже не так выплясывая по грудной клетке.

– Вадим Петрович, можно к вам подойти?..

– Иван Степанович? Подходите, конечно, прямо сейчас.

Старший врач посмотрел на часы и вздохнул. Последние несколько операций его добили и спать хотелось смертельно. Через десять минут он встретил капитана первого ранга у входа в медблок. Тон был выбран безошибочно, командир пришел к нему на этот раз не как к подчиненному, а как

к врачу, уж это он мог определить сразу. Тихо пройдя через заставленную койками амбулаторию и сделав знак дежурившему врачу садиться, Москаленко задержался на секунду, встретившись взглядом с молодым матросом, до подбородка укрытым одеялом. Тот лежал совершенно неподвижно, бледный, с темными кругами вокруг глаз.

– Что с ним? – не повышая голоса и не оборачиваясь, спросил командир. Этого матроса он не узнавал, да, впрочем, это было и невозможно – запомнить лица тысячи с лишним человек.

Ответ врача был таким же тихим:

– Старшина, артиллерист, по-моему. Проникающее ранение нижней части груди справа. Большая потеря крови, травматический шок. Прооперирован пять часов назад, с резекцией нижней доли... Впрочем, это не так важно. Печень не повреждена, перелили много крови. Сейчас давление почти в норме, в сознании. Оперировали Ляхин и Ивашутин, надеюсь, что все кончится удачно.

Молча командир похлопал старшину по плечу, тот вымученно попытался улыбнуться. Доктор понял и шепнул:

– Пройдемте лучше в рентгенкабинет, это левая дверь. Там пусто.

В рентгенкабинете было тихо и темно, громоздкий аппарат поблескивал за полукруглым барьером металлическими трубками и накладками. Войдя, Москаленко огляделся вокруг: со дня укомплектования крейсера он был здесь только

один раз.

– Вас что-то беспокоит, Иван Степанович, я вижу.

Под пристальным взглядом врача каперанг несколько смутился.

– Да вы садитесь, пожалуйста, вот кушетка. Здесь нас никто не потревожит, рассказывайте, пожалуйста, что с вами.

– Да не то чтобы я заболел... Голова вот разве что. И сплю плохо. Трое суток уже – не сплю, а так, мучаюсь. Худо мне...

– Знаете что, – Раговской взял командира за подбородок, повернув к себе его голову, и внимательно посмотрел в зрачки. – Ложитесь-ка вы лучше вот так, ноги выпрямите, китель можете расстегнуть.

Он принял фуражку и, откинувшись на низкой табуретке, положил ее на столик с негатоскопом, усыпанный ворохом рентгенограмм. Включив клиническое мышление на максимальные обороты, все в этой жизни повидавший врач уже прокручивал в голове десятки возможных ходов, выбирая единственно подходящую тактику ведения беседы. Мягким, внушительным голосом он начал задавать малозначащие вопросы о ритме болей, их характере и возникновении, измерил пульс и давление, послушал сердце. Проведя пять минут в спокойной и тихой обстановке, Москаленко начал дышать глубже и спокойнее, мышцы его расслабились, и он без эмоций воспринимал все проводимые исследования. Постепенно он начал отвечать на наводящие вопросы. Да, груз ответственности давит так, как не бывало никогда, боится, что

не выдержит. Начал опасаться за свой разум, все время напряжен, мышцы сводит. Сердце колотится, раньше такого не было. Бой провел жестко, каждую секунду отвечал за свои поступки, а кончилось – и затрясло, пот холодный.

– Я не понимаю... Эти люди... Вот любой человек – обычный, он целует жену, ребенка на коленке качает, пьет пиво после работы. Он нормальный! Но его призывают, проходят два месяца, и он с хэканьем рубит такого же, как и он, человека саперной лопаткой! Штыковой бой – это до чего же нужно дойти, чтобы колоть человека штыком, рвать его горло... Да и мы не лучше, мы поворачиваем рубильник, и на сорок километров летят три тонны легированной стали. Это даже не мы делаем, автомат замыкает цепь стрельбы под командой гироскопа! Мы как бы ни при чем! За пять минут мы прикончили этого британца, а на нем была почти тысяча человек!

Командир в возбуждении приподнялся на локте, но врач спокойно положил свою руку ему на плечо.

– Успокойтесь, Иван Степанович. Не волнуйтесь так, я вас совершенно понимаю.

«Это совершенно нормально, – подумал про себя Раговской. – Но не думал, что это свойственно таким хищникам. Вот это новость».

Москаленко постарался взять себя в руки и снова вытянулся на кушетке, глядя в подволок.

– Я профессиональный моряк, мы все здесь моряки, нас

готовили для войны, но это оказалось совсем другое... Мы потеряли почти восемьдесят человек... Вы лучше меня знаете, что такое человеческое страдание. Когда я увидел этих матросов и как выносят ведро с человеческими ногами, меня не то чтобы затошнило как барышню – мне просто стало очень тяжело...

– Вы выиграли этот бой и все, что были до этого. Это то, ради чего строят корабли, и здесь ничего не поделаешь.

– Я не могу уснуть. Меня беспокоит даже не само то, как мы убивали их. Меня больше тревожит, что нам за это будет. Я не верю, что нам удастся уцелеть после всего, что мы натворили. Я не боюсь смерти! Ожидание, что вот сейчас, сию минуту из-за горизонта вылезут линкоры и всех нас убьют, – вот что страшнее.

– Я вам дам успокоительное... – доктор потянулся к ящику стола, выкрашенного в белый цвет, но Москаленко схватил его за рукав.

– Не надо, Вадим Петрович. Мне нельзя сейчас, вы же понимаете. Мне просто надо было поговорить – а больше не с кем. Мне уже лучше. Скажите мне, как люди? – Сам он уже знал ответ, но очень хотел, чтобы его успокоил кто-то, кому можно доверять.

– Все устали, устали очень, – врач не стал говорить о том, как дико устал он сам, это не было сейчас главным. – Но людей держит то, что мы идем домой, даже победа не имеет здесь такого значения. Домой – это отдых...

– Нам надо выиграть еще три дня! Три дня, и нас прикроет своя авиация. Если бы они у нас были, если бы я был уверен, что они у нас есть...

Командир корабля встал с койки и привел себя в порядок, застегнув все пуговицы и заправив складки темно-синего френча за пояс. Взгляд его стал четким и жестоким, лицо приобрело непроницаемость, практически полностью лишившись мимики.

– Вадим Петрович, я крайне благодарен вам за помощь и за все, что вы делаете. Нет смысла говорить, как важно попытаться сохранить каждого. В Мурманске их примут на берег и, может быть, спасут... Спасибо.

Он взял за козырек форменную фуражку и машинальным движением поставленной вертикально ладони выровнял ее. Пожав на прощанье руку врачу, Москаленко вышел из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь. Майор медслужбы еще несколько секунд стоял, глядя на стену, затем присел и, выбросив все из сознания, закрыл голову руками. До начала его официального дежурства оставалось два с половиной часа, а не спал он уже более суток.

На обратном пути командир снова дотронулся до плеча того же раненого, протиснулся между коек, на которых неподвижно лежали пропитанные кровью люди, и вышел. За его спиной широкоплечий старшина-артиллерист повернулся лицом к проходу.

– Земеля, видел его?

– Угу.

Алексей не спал уже несколько часов, мучаясь болью. Оглушенность от морфина еще оставалась где-то на задворках сознания, в голове будто покалывало легкими пузырьками, но лицевые кости под деревянными шинами болели страшной, дергающей болью, от которой не помогало ничего. Он не мог говорить, не мог встать на ноги, потому что переборки начинали вращаться вокруг него. Больше всего ему хотелось изо всех сил прижать ненавистные горячие деревяшки к распоротой осколком щеке, впечатать их в разбитые кости, чтобы боль стала если не притупленной, то хотя бы ноющей. «Урод, теперь навсегда урод», – думал он каждую минуту, в ужасе прогонял эту мысль, но она возвращалась с постоянством голодного комара в темной каюте.

– Земеля, эй. Совсем тебе плохо?

Старшина с перебитыми голеньями и парой сломанных ребер тоже мучался болью, но его нехилый организм пока держался и держал на поверхности Алексея, которому хотелось закричать из-под бинтов каждый раз, когда артиллерист замолкал дольше чем на минуту.

– Держись, а? Тебя первый раз? Ты кивни просто, не мычи. Первый всегда тяжело, меня первый раз тоже осколком, только в мягкое. Доктор выковырял ножом, прямо без ничего – облил только спиртом. И зажило нормально. И две пули в бедро из пулемета... Так что я уже привык почти. Черт, больно-то как...

Старшина устался в потолок остекленевшими на секунду глазами, но вскоре задышал, сглатывая слюну. Алексей смотрел на него одним открытым глазом, мучаясь от желания прижать руки к лицу.

– Учу-ум... А, Учу-ум... – протянул кто-то из-за спины. – Это ты там, я слышу, да? Что такое было? Где все наши?

– О, проснулся. Не прошло и двух дней...

Матрос задавал эти вопросы не в первый раз, но почти всегда терял сознание до того, как с ним успевали заговорить. Он был, по-видимому, единственным покалеченным из той же башни, что и старшина. Пару часов назад приходил невысокий лейтенант оттуда же – целый, но с жутко ободраным лицом. Сказал, что парню не выжить. Алексей попытался мычанием позвать к себе лейтенанта, Учум объяснил тому, кто он такой, и артиллерист рассказал про утреннюю драку. Сквозь оглушенность ему слышался тогда звон и грохот, освещение мигало и качалось, но Алексею казалось, что это все тот же самый ночной бой со стрельбой на свет, только он лежит где-то не там, где надо.

– С «Союза» Бородулин передал по БЧ, для сведений, – сказал лейтенант. – В них четыре по 356 мэ-мэ попало за ночь на дуэли. Два в левый борт между верхней и главной броневой палубами, недалеко друг от друга. Проткнули 25 миллиметров и дошли аж до барбетов на правом борту, где полноценно рванули. Пламя было до неба, это ты видел, наверное. Заклинило все, что можно, как и у нас этим утром.

Может, уже обрезали, правда... Больше суток ведь уже прошло.

Времени этого Алексей не помнил – то ли из-за наркотика, то ли просто мозг выключил память после удара.

– ...Еще один пробил двести двадцать миллиметров в носу, на самой ватерлинии, а последний прошел через кормовой КДП – уже в конце, не разорвавшись. Смешно, право слово, столько вбухали в пояс, половину металлургов лес валить отправили, пока пять толщин не прокатали: триста семьдесят пять, триста восемьдесят, триста девяносто... А ни одного попадания в пояс так и не было. Смешно...

Офицер ушел, пообещав зайти еще, как сможет. С тех пор в лазареты перестали кого-либо пускать, вот только командир зачем-то приходил. Вроде не раненый, а с врачом разговаривал. Может, про него спрашивал? Алексей вспомнил, что было за четверть часа до того, как его ранило, и мысленно застонал. Он уже слышал краем уха, что Чурило погиб в рубке. Теперь он один, если что, и никто теперь не поможет.

Дежурный врач подошел к койке, на которой раненый лейтенант, раскачивая головой, стонал, крепко зажмурил глаза. Парня явно лихорадило. Справа коротко стукнуло, врач повернулся и увидел поломанного старшину, который, указывая на лейтенанта пальцем, делал бесшумные чмокающие движения ртом. Врач покачал головой: дышал лейтенант и так плохо, кровь из разбитых костей успела затечь ему в пазухи и, пока валялся без сознания, в легкие, поэтому слыш-

ком много морфина давать было просто опасно. Да и не было его много. Шесть штатных, положенных по нормам комплектов медикаментов и перевязочных материалов ушли за пару дней. Морфий стоил теперь дороже золота: без него, пока дойдут до базы, умрет еще несколько человек, это точно. И с линкора не взять – у них своих раненых выше головы. Разве что с «Чапаева»? Поговорить, скажем, с Вадимом, пусть запросит командира, не зря же тот к нему приходил.

Ляхин достал из кармана узкий пенал, который не доверял даже аптечному шкафу. Золотой запас. Улирон, тибатин, ультрасептил – немецкие сульфаниламидные препараты, из новейших. То ли диверсанты их вытащили откуда-то, то ли купили, то ли захватили где-нибудь в Венгрии – но сейчас это была самая ценная вещь на корабле. Если у лейтенанта начнется воспаление легких от затекшей в альвеолы крови, то в его состоянии надежды, кроме как на них, мало. Взяв с привинченного к полу столика мерный стаканчик с водой, врач аккуратно смочил пальцем губы лейтенанту, всунул между ними таблетку, по капле влил воду из стаканчика. Раненый посмотрел мутным взглядом, и старшина сбоку тяжело вздохнул, сочувствуя парню.

Люди вокруг стонали, скрипели зубами от боли, про себя, чтобы не беспокоить соседей. Большинство были без сознания или спали, как спали вповалку и врачи, кроме него самого. Сколько это еще будет продолжаться... Сколько человек еще будет убито или умрет, пока они не смогут перенести

раненых в нормальный госпиталь – с полной аптекой, с морфином, с медсестрами. Ляхин уже говорил с Вадимом про свою идею: всех генералов, всех командиров, каждого, кому хочется воевать, заставить смотреть на роды. А лучше приставить к женщине, месяца с третьего беременности, чтобы ухаживал за ней. И потом чтобы не отворачивался, когда она будет орать, рожая, в муках, залитая своей кровью, исходя на крик. Смотри, сука, чего стоит выносить ребенка, чего стоит его родить. Смотри, гад! И родит она крохотного, ни на что не способного человечка, которого нужно растить восемнадцать лет, пропитывать своей мукой, только для того, чтобы какой-то идиот ударил его штыком в грудь и бросил умирать на промерзшей равнине или оставил, пропоротого осколком, в раскачивающемся стальном гробу посреди океана, в тысяче миль от родных людей. Ненавижу.

Во все времена людям, которые ненавидят убийства – пусть и узаконенные политикой, конституциями, чем угодно, – приходится скрывать свое мнение от многих, кто привык к другим принципам. Нет, в здравом уме никто не будет орать: «Я маньяк! Я люблю расстреливать! Я люблю, чтобы по моему приказу люди умирали тысячами!» Это, в конце концов, просто неприлично. Поэтому возникли понятия политической и экономической необходимости, обострения классовой борьбы, «Lebensraum»¹⁴⁴, «высшей

¹⁴⁴ Жизненное пространство (нем.).

расы», «Untermenshen», «врагов народа» и черт знает чего еще. Все это служит оправданием убийству. И каждый, кто стремится укрепить свою власть, стремится, в первую очередь, повязать кровью окружающих – потому что нормальные люди, убивая подобных себе, не могут не испытывать отвращения. А теми, у кого есть совесть, очень легко управлять. Легко управлять также сопливыми пацанами, ничего еще не соображающими и наслаждающимися настоящим боевым оружием. Еще легче, когда эти две категории людей смешаны между собой. Такую часть можно бросить в любую бойню, и восемнадцатилетние пойдут туда лишь потому, что еще не осознают простого факта: смерть – это навсегда, и твоя собственная гибель не имеет никакого значения для хода истории. А осознавшие себя пойдут на смерть, даже не нужную никому, просто из чувства долга, ответственности перед восемнадцатилетними.

К середине дня 24 ноября на фронтах наступило относительное затишье – конечно, по масштабам предшествовавших дней. Накрывшие север Европы тучи не давали подняться в воздух самолетам, дав небольшую передышку как истерзанным боями эскадрильям, так и тем, кого они штурмовали и бомбили эти дни. На земле перемешанные друг с другом армии и корпуса пытались подтянуть резервы, топливо, боеприпасы. Такая возможность была не у всех. Попавшие в окружение американские и немецкие части, пытаясь вкопаться в промерзшую землю, медленно вымирали

под атаками русских подвижных конно-механизированных групп. Наспех сформированные из еще боеспособных частей, такие группы двигались без дорог, выжигая очаги сопротивления. Начинаясь зима обещала быть на редкость суровой, что в значительной степени было неожиданным для советских солдат, привыкших считать европейцев изнеженными теплолюбивыми созданиями. Устойчивость немцев в обороне не была новостью, и за взятие каждого защищаемого ими опорного пункта приходилось платить жизнями – но оказалось, что когда американских солдат загоняют в угол, они могут драться не хуже.

В те годы, когда Красная Армия сражалась с Рейхом в одиночку, отдаленная от не имеющих для нее значения театров военных действий, типа Сингапура или Туниса, и в последние полгода после открытия Второго фронта, в ней сформировался устойчивый стереотип американского солдата, как любящего воевать издалека, техникой, боящегося ближнего боя. А раз не хотят «честно драться» – значит понимают, что мы их сильнее. Да и вообще, пуля – дура, штык – молодец, и вот когда мы их технику побьем, вот тогда ужо...

В значительной степени это было правдой. Какой смысл гнать вперед пехоту с примкнутыми штыками, когда можно сначала неделю бомбить и штурмовать позиции противника, затем провести артподготовку, а уже потом пустить танки с пехотой. Несмотря на то что к сорок четвертому году советская армия приняла почти такой же стиль ведения войны,

стереотип остался. Советские солдаты считали себя примерно равными немцам и, пожалуй, британцам, но явно лучше американцев. Лучшими считались и наши танки, хотя «шерманы», когда им везло, жгли «тридцатьчетверки» не хуже, чем «тридцатьчетверки» жгли их. Лучше считались пушки, хотя солдату, чью шинель пробил остро огранный осколок, все равно, из какой пушки он выпущен, – истекая кровью, человек думает совсем о другом. Воюющие быстро понимали, что к чему, но жизнь фронтовика в боине такой интенсивности не слишком длинна, и в строй каждый раз становились новые и новые люди со стереотипами «американцы – слабаки» или «все русские мечтают сдаться в плен и уехать в Америку».

От полка СУ-85, и так вступившего в сражение в усеченном на четверть составе, к пяти часам дня 24 ноября осталось пять машин, в том числе «222» и «224». Командирскую поджег закопанный в землю почти по башню «тигр» – такие в последние дни попадались все чаще и чаще, топливо у попавшего в котел супостата явно было уже на исходе. Батя выскочил, с наводчиком, а остальные погибли. Теперь командир отнял одну из самоходок у экипажа первой батареи – фактически единственную целую. Из-за своего состояния полку повезло не попасть в гуляющие по равнинам группы, и он до сегодняшнего дня методично работал на узком участке, поддерживая дивизию, в которой, по мнению Бориса, чуть не половина были казахи. Дети степей, плохо го-

ворящие по-русски, воевали очень спокойно, много улыбались, были хорошо обмундированы – и вообще дивизия производила впечатление хоть и потрепанной в боях, но хорошо обученной и боеспособной части, получше многих. Среди десантников, которых посадили на броню «восемьдесят пятых», казахов, однако, не было. Был один косоглазый, но он сказал, что татарин.

– Муса завут, – произнес крепко сбитый младший сержант, когда его отделение представляли самоходчикам. – В ваше распоряжение прибыл.

Наводчик посмотрел на Бориса вопросительно, как он отреагирует на такое обращение, не совсем по уставу, но тот выпендриваться не стал, плевал он на формальности. Его другое интересовало.

– Тебя где порезали, Муса?

На щеке командира отделения багровел широкий уродливый шрам, месяца два-три по свежести.

– Не помню где. То есть, не знаю, как называется. Река какая-то.

– На переправе?

– Нет, в рукопашной. Просто река рядом была, но как называется, я не знаю.

– Объяснил. Ребята твои тоже обстрелянные?

– Тоже. Хорошие ребята.

– Ну тогда совсем хорошо. В десанты кто ходил уже?

Человек шесть из отделения махнули руками.

– Ладно, тогда остальным показываю.

Борис объяснил, как, поджимая ноги, нужно держаться за приваренные к броне самоходки скобы, как нужно спрыгивать на ходу.

– Башни, как у танков, на самоходках нет, поэтому вас не стряхнет. Ходим мы рывками и на скорости останавливаемся резко, разворачиваемся круто, поэтому держитесь, как за женину сиську. Все держались?

Пехотинцы засмеялись – ребята действительно оказались умелые и рады были попасть к обстрелянному, опытному экипажу.

– Если попадем под пулемет с большой дистанции, но прицельно, то прыгайте кубарем и ждите, пока задавим. Если с ближней – тоже прыгайте и стреляйте что есть мочи. Гранатометчиков бейте чем попало, и если увидите кого-нибудь вот с такой, – он показал размер, – трубой на плече, то патронов не жалеть. Теперь залезайте.

Водитель завел самоходку, она выползла из капонира и сделала пару кругов с десантом на броне – чтобы убедиться, что пехотинцы осознали вышесказанное и держатся нормально. Большой нужды в такой тщательности, возможно, и не было, но Борис в последнее время стал очень осторожным. Он явственно чувствовал, что смерть ходит где-то рядом, и просто так, по глупости или невнимательности, погибать не хотел. Не забыть еще Леньку проверить... Интересно вообще-то, из пяти целых машин две комбатские, Леньки-

на и две совсем зеленых месяца назад младших лейтенантов. Вот и думай, что такое судьба.

Полк (пожалуй, это слово уже можно было писать только в кавычках) двинулся с места в шесть вечера, когда было уже почти совсем темно. Вдалеке как обычно ухало и бумкало – то ли добивали окопавшиеся части, то ли те, наоборот, пытались вырваться из кольца. Самоходки шли с закрытыми фарами вслед за мотоциклом штаба дивизии, из коляски которого им иногда помигивали красным фонариком. Короткая колонна втянулась в лес, который, опять же вопреки российскому представлению о Германии, как о стране, целиком покрытой подстриженными газончиками и клумбами с маргаритками, был нормальной хвойной чащобой – с высокими и плотными елками, с завалами сухих стволов вдоль обочины и устилающими землю почти непрерывным ковром шишками. Осень. Повернувшись назад, Борис столкнулся глазами с Мусой – тот примостился на краю броневой крыши, уцепившись за отогнутую скобу, автомат висел на шее. Ночной бой будет, надо же... С чего бы это командование надумало так поступить? То ли больше некого посылать кровь пускать вражине, то ли их не жалко уже, все равно на переформировку отводить... И неизвестно, на кого их бросят в этот раз – на эсэсов или на американцев из «Головы Индейца»¹⁴⁵. Хотя и те и другие драться умеют, это уже доказывать никому

¹⁴⁵ Американская 2-я пехотная дивизия, входившая в конце 1944 года в состав V-го корпуса 1-й армии.

не надо.

Через час выяснилось, однако, что разведка сглупила – рубеж, который они должны были атаковать вместе с танками дивизии и по которому минут пятнадцать лупила артиллерия, выбрасывая на ветер стоящие дороже хлеба снаряды, был пустым. Супостат успел отвести свои войска, и удар пришелся в пустоту. Ночью погоню было не организовать, и полк с подошедшими службами и пехотой расположился в брошенных окопах. Мало кто жалел, что не удалось подраться. Каждый нормальный солдат испытывает эгоистичную радость от того, что противник отошел без боя – потому что понял, что ему не удержать позицию, либо от того, что его обошли с флангов. Если же при этом солдат начинает рассуждать о своей ненависти к врагу в данный конкретный момент, о том, что надо, не жалея жизни, преследовать его, чтобы опередить соседей на пути к Берлину – или, в данном случае, Петершагену, – значит он не солдат, а разжалованный за пьянство и бесталанность генерал. Или сексот. Согласиться с такими рассуждениями стоит. А трогаться с места и с перекошенным лицом устремляться вперед вовсе не обязательно. Война длинная. Длиннее, чем всем казалось месяц назад.

Узел 9.3

25 ноября 1944 г., 8.10-10.55

Утро двадцать пятого застало корабли советской эскадры в походном порядке. Погода за ночь заметно улучшилась, и небо на востоке было открыто уже почти наполовину, хотя группы кучевых облаков делали значительные участки моря рельефно черными на фоне серой в мутном заполярном освещении толщи воды..

Три корабля шли «особым экономическим» ходом, ошестинившись стволами зенитных пушек, в абсолютной пустоте водной глади того неопределенного района, где Северная Атлантика смешивается со сталью Ледовитого океана. Стоящие на мостиках кораблей офицеры, выспавшиеся за не обещавшую неожиданностей ночь, больше смотрели на своих мателотов¹⁴⁶, чем по сторонам. Сигнальщики были расписаны по секторам, и сигнальная вахта блюлась со всей строгостью, замеченный в небрежении матрос, может, и не получил бы биноклем по зубам, но ему искренне и с душой набили бы морду свои же ребята-матросы, которые весьма хотели жить.

До более-менее родных вод, где их встретят эсминцы, оставался, пожалуй, лишь день с копейками пути, и поми-

¹⁴⁶ В русском языке – соседний корабль в строю, в англоязычном морском сленге – приятель, кореш, во французском языке – матрос.

рать из-за разгильдяйства или усталости пропустившего перископ или блик на горизонте салаги нормальным морякам резону было никакого. Покрытые шрамами выгоревших очагов, окруженных истонченным кружевом искореженных железных конструкций, оба бронированных монстра выглядели донельзя мужественно. Особенно в этом отношении впечатлял линейный крейсер, на котором, казалось, не осталось ни одного живого места. Значительная часть верхней палубы представляла теперь ровные копченые грани какой-то причудливой пирамиды ацтеков или майя. Практически весь стальной мусор, захлабивший ее после боев 22 и 23 ноября, помноженный еще на бой с «Эссексом» и компанией, был за последний спокойный день срезан газосваркой и выкинут за борт, куда последовали и сотни две ведер осколков. Сэкономленные тонны радовали сердце любого, имеющего доступ к информации о расходе топлива.

Как-то нехорошо получилось, что смена вахт группы радиолокации на «Советском Союзе» задержалась на полчаса. Технику что-то не нравилось в электронном нутре многострадального прибора, два десятка цепей пришлось прозванивать, а затем вновь полностью откалибровать по проверочному блоку и засветками от «Кронштадта» и «Чапаева». Это заняло сразу две смены более чем на целый час. Такого типа нерегламентные работы должны были, по инструкции, обеспечиваться усиленным режимом несения радиолокационной службы на мателотах – но станциям линейного крейсера при-

шла полная хана, а «чапаевская» была маломощной и ничего полезного до сих пор не совершила. В итоге, когда локатор поиска воздушных целей был наконец настроен, откалиброван грубо по мачтам, а командир БЧ с его просьбой погонять над эскадрой ЯК был послан на хрен сначала Ивановым, а затем Осадченко, что-то такое удалось засечь. Минут десять желтая вертикальная черта, переползающая из одного конца экрана в другой, вызывала недоумение и споры, потом все-таки решились доложить о возможной воздушной цели. Еще какое-то время ушло на прохождение информации с не слишком значительной степенью значимости через цепочку субординантов до мостика.

К общему удивлению, Левченко немедленно приказал поднять по тревоге дежурное звено перехватчиков с «Чапаева» и объявить на авианосце боевую тревогу. Артиллерийские корабли он решил пока не дергать. Иванов был на сто процентов уверен, что адмирал ненужно перестраховывается, – но это, во-первых, его не касалось, а во-вторых, лишний раз шугнуть Осадченко, обленившегося на положении «белого слона», было весьма полезно. Не все коту масленица, изволь иногда и попрыгать для общего удовольствия.

На «Чапаеве» слишком хорошо помнили первый бой над эскадрой, когда только чудом удалось перехватить американцев достаточно далеко от кораблей, поэтому командир подтвердил приказание адмирала не жмотиться на топливо, а поднимать всю четверку. Большого смысла в экономии

бензина уже не было: до сих пор израсходовали лишь две с небольшим его «единицы», то есть полных заправки на всю авиагруппу, преимущественно в боях девятнадцатого числа. За две сотни километров от берега, если позволит погода, авиагруппа должна была оставить палубу и ангар пустыми, забрав с собой весь бензин до капли, чтобы уменьшить риск в прибрежных водах, регулярно посещаемых немецкими субмаринами.

Дежурное звено в хорошую погоду постоянно стояло изготовленное к взлету. Четыре ЯКа, поставленные на колодки, были заправлены, вооружены, а их пилоты непрерывно находились в кубрике на нижнем ярусе островной надстройки. В отличие от американской и британской морской авиации, где летчики не были постоянно приписаны к определенным самолетам и обычно уходили в бой на той машине в эскадрилье, какую им предоставлял случай, в авиагруппе «Чапаева», как и во всей советской морской авиации, каждый летчик сживался со своим самолетом и знал наизусть особенности его поведения в воздухе.

– Дежурному звену – взлет!

Голос командира авианосца в динамиках громкой связи оторвал группу летчиков от домино, и они, на ходу застегивая куртки и закидывая за спины кожаную сбрую планшетов и пистолетов, рысцой побежали к корме корабля. Ветер был умеренный, и дым от уже зажженной на полетной палубе шашки пологой спиралью поднимался косо влево – авиа-

носец разворачивался под ветер.

– Так, мужики! – Покрышев уже успел спуститься из рубки и догнал пилотов, когда техники помогали им прилаживать на спину горбы парашютов. – Цель неясная, то ли фантом, то ли кто-то над эскадрой ходит. Скорее, перестраховка, но это лучше, чем разведчика прошляпить, как в прошлый раз. Рации держать на прием все время, попробуем вас навести – но и сами смотрите в оба.

Он развел руками, не зная, что еще можно добавить.

– Ну и... Будьте осторожны, головы... Вспомните, что с Гринбергом было.

Все помнили. Повезло парню, просто чудом повезло. Так же шел в одиночку, и тоже четверку на него подняли – четыре истребителя на одного разведчика. Сбил одного и ушел, хотя ложка потом во рту звенела. Во как надо!

Первый из ЯКов, ревя мотором, отпустил тормоза, и машина, легко разгоняясь, понеслась по отполированной палубе, оставляя за собой тонкий след выхлопа. Сразу за ним рванулся вперед второй ЯК, потом замыкающая пара. Лидировал звено Алелюхин, со Степаненко за плечом, третьим в звене шел Голубев, четвертым Цоколаев. Обе пары были слетаны до максимума и, в принципе, могли разделаться со среднего класса эскадрильей минут за двадцать, если бы хватило боеприпасов.

Высоту набирали кругами, разглядывая корабли внизу. Сверху детали повреждений были видны четко, но ощуща-

лись с меньшей долей реализма. Ничего более впечатляющего, чем общую законченность линкора и линейного крейсера, выделить глазом при беглом осмотре не удавалось. На полутора тысячах метров самолеты вошли в плотный облачный слой, который продолжался еще метров триста в высоту. Пробив его и сомкнув строй, звено оказалось не под открытым небом, а под еще одним облачным слоем, отделенным от нижнего значительным расстоянием. В обоих слоях имелись довольно крупные разрывы, а в пространстве между ними плавали отдельные, не слишком крупные облака, затруднявшие обзор. В общем, несмотря на хорошее освещение и весьма умеренную по атлантическим меркам облачность, в подобном «супе с клецками» одиночную цель можно было искать всем полком в течение недели.

– Три-пять, Три-пять, я «Факир», – это был сегодняшний индекс контролера «Чапаева», вчера, например, было «Ляпис». – Доложите высоту.

– Высота две триста, где-то над вами.

В подтверждение его слов в просвете облаков мелькнул черный силуэт линкора, вытягивающего за собой тонкую белую линию кильватерного следа.

– Вероятная цель примерно на четыреста метров выше, положение относительно вас пока указать не можем.

Алексей Алелюхин, имея некоторый опыт штабной работы, вполне понимал сложность стоящей перед планшетистами задачи. Разведчик, если он был, находился вплотную к эс-

кадре и ходил вокруг нее кругами, в то время как сама эскадра также перемещалась. Все это напоминало известную задачу о демонстрации движения Солнца, Земли и Луны в пространстве, изображаемую вращающимися вокруг своей оси и друг друга школьниками. Ничего, кроме смеха, из этого обычно не выходило. По-прежнему держа сомкнутый строй, чтобы, по крайней мере, облегчить радиометристам наблюдение за собой, Алелюхин поднял звено на указанные четвереста метров. Это как раз была нижняя граница очередного облачного слоя, и для желающего пожить подольше разведчика такое положение было бы весьма удачным.

Минут пять они ходили над эскадрой в разных направлениях, то перестраиваясь во фронт, то снова смыкаясь в коробочку, вертя головами во все стороны. Наводящий их офицер охрип, и его сменил другой, с почти таким же хриплым голосом. Ноябрь в Атлантике, что еще говорить. Многие моряки были простужены. На десятой минуте поиска, когда и второй голос в динамике начал сбиваться, произнося команды, занимающему в строю крайнее правое положение Геннадю Цоколаеву что-то померещилось в тот момент, когда он поворачивал голову вперед. Померещилось в секторе, который он только что внимательно осмотрел, но война приучила его реагировать в воздухе на любую тень, мелькнувшую на границе периферийного зрения, — особенно если находишься в «могильном углу» звена или эскадрильи. Предупреждая крикнув, он уперся в педали руля, и ЯК, чуть скрипнув

сочленениями конструкции, отозвался мгновенным и крутым разворотом вправо.

Поймав взглядом сгусток тени, просвечивающий через фестончатое дно облака, он покачал крыльями, обозначая себя как ведущего. Три остальных ЯКа пристроились за ним через секунду, затем Алексей с Иваном, увидев, видимо, цель, отвалили вправо. Интересно, что крадущийся в облаках самолет находился точно в противоположной стороне от той позиции, куда их пытались вывести с помощью радиолокатора. Тем не менее самолет был настоящим – хищная тонкая машина, выкрашенная в черную и темно-синюю краски. Геннадий на малом газу буквально на цыпочках продвигался к его брюху – и, судя по всему, не без успеха. Разведчик продолжал идти прежним курсом, иногда чуть кренясь в стороны, будучи явно не в курсе происходящего. До него оставалось метров триста, когда чужак вдруг резко дернулся в сторону, показав длинный ряд стеклянных переплетов. Цоколев, мозг которого проассоциировал это с пулеметом стрелка, вздергиваемым из походного положения – чтобы, описав короткую дугу, уставиться ему в лицо, – отреагировал мгновенно, выжав сектор газа почти до ограничителя вперед и закрутив «бочку» со снижением. Обалдевший от неожиданной встречи с истребителями стрелок, видимо, промахнулся по ведущему, как затем и по ведомому¹⁴⁷. Тот, в свою очередь,

¹⁴⁷ Несмотря на оригинальность конструкции «файрфлая» («светлячка»), бывшего единственным двухместным палубным истребителем Второй мировой вой-

обстрелял противника из пулеметов – логично решив, что в данной ситуации боеприпасы беречь незачем, а подавить на нервы стоит.

– Это «файерфлай»! Осторожно, ребята, это «файерфлай»!

Свечой набирая высоту, Цоколаев тревожно следил за эволюциями вражеской машины. Резко дав газ, ее пилот попытался уйти в висящее прямо над его головой облако, но как раз в этот момент на него сделала заход первая пара. У британца просто не было выбора, и он поступил почти так же, как и Цоколаев двадцатью секундами до того – то есть крутанулся и ушел вниз.

«Файерфлай» (точнее, «файрфлай» – для тех, для кого эта разница имеет значение) являлся опасным соперником, и предупреждение Геннадия было с благодарностью воспринято остальными. Другие пилоты опознали в разведчике британский палубный истребитель с опозданием. Быстроходный и хорошо вооруженный¹⁴⁸, он отличался прочностью и надежностью конструкции и, судя по всему, был страшным противником в бою тяжелых машин – особенно на значительных высотах. К сожалению для разведчика, облачность заставила его спуститься значительно ниже, а на пяти тысячах футов шансов против четырех легких истребителей у

ны, оборонительной стрелковой точки на нем на самом деле не было.

¹⁴⁸ «Файрфлай» имел четыре 20-миллиметровые пушки в крыльях, чего не имел ни один другой палубный истребитель. Кроме того, он мог нести значительную бомбовую нагрузку и реактивные снаряды под крыльями.

«файрфлая» практически не было. Как и многие балтийцы, Голубев, Степаненко и Цоколаев повоевали в свое время на «харрикейнах», были способны свободно оперировать футами в секунду и галлонами на милю и знали характеристики союзных морских самолетов наизусть. Тем не менее англичанин крутился как уж на сковородке, то и дело заставляя ходящие вокруг него кругами ЯКи шарахаться в стороны и тыкая в них короткими прицельными очередями. Поведение англичан не могло не вызывать уважения: не каждый мог бы плевать в лицо смерти настолько уверенно. Хорошо еще, что среди его теперешних оппонентов не было никого с Северного флота, из воевавших плечом к плечу с англичанами. Хотя таких истребителей, как Геннадий только сейчас сообразил, в авиагруппе вообще не было, одни лишь разведчики.

С каждым виражом «файрфлай» был вынужден терять несколько десятков метров высоты, и в плотном кольце крутящихся вокруг него ЯКов он быстро снизился до полутысячи метров. Когда проскакивали разреженный облачный слой на полутора тысячах, англичанин сделал попытку таранить ближайшего противника, но и это ему тоже не удалось. Вывалившись из облаков, воюющие моторами самолеты оказались практически над палубами советских кораблей.

– Кончаем его, мужики! – голос Алексея в наушниках выдавал нешуточное волнение. – Он ведь понимает, что не выпустим, подумает чуть-чуть и шархнет об палубу! Я бы так и сделал, е-мое!

– Ой, блин!.. – до остальных явно дошло, что значит оказаться без посадочной площадки посреди холодного океана.

– Так, ускоряем темп, работаем парами. Витя, следи за нами, не подпускай эту сволочь к «Чапаеву»!

Двухместный истребитель, прижатый уже к самой поверхности воды, метался, отстреливаясь из всего бортового оружия. Яки пытались накрыть его классическими «ножницами», сходясь и расходясь на максимальных скоростях, но близость волн и умение отчаянно маневрирующего англичанина давали им лишь по четверти секунды на прицеливание – и то с немалой дистанции. Идеальным вариантом было бы зайти «файрфлау» точно в хвост, сбросить газ и держаться за ним, повторяя все его эволюции и стреляя, пока он не рухнет. Но проблема была в том, что попытка атаки в продольной плоскости была самоубийством: для этого надо было сначала покончить со стрелком, а он, хотя и не стреляя, как заговоренный крутил головой, помогая пилоту, и помирать однозначно не хотел.

Алелюхинская четверка из всех сил пыталась задавить живучий истребитель, всю поливая, или «перча» его, по американской терминологии, огнем своих УБСов, держась при этом как можно дальше. Но, видимо, мелкие повреждения на англичанине все же накопились – а может быть, летчик просто устал и не мог уже маневрировать в предложенном русскими темпе или даже был ранен. Во всяком случае, он допустил фатальную ошибку, проигнорировав очередной

заход замыкающей русской пары и дав Голубеву лишние полсекунды на прицеливание. Оставшись вне сектора обстрела оборонительной точки, истребитель успел сбросить газ, маневрировать в горизонтальной плоскости и, разворачиваемый силой инерции, провести вдоль борта «файрфлая» одной длинной пушечной очередью. ЯК быстро потерял скорость, но небольшого запаса высоты в сочетании с полным газом мотора хватило, чтобы выровнять машину над гребнями волн. Начав набирать высоту, он как раз успел увидеть всплеск вошедшего в воду английского истребителя – тот не взорвался.

Заход на посадку проходил в условиях, близких к тепличным, – никто не истекал горючим из пробитых баков, не орал от боли, двадцать машин не ходило кругами, отчаянно удерживая высоту на последних каплях горючего. На палубе вымотанная дракой четверка вместо ожидавшихся каждым насмешек услышала только поздравления, попав в объятия палубной команды, а затем скатившихся с мостика летчиков. Подошедший с опозданием Покрышев от всей души обнял всех четверых, заставивших его поволноваться. Несмотря на соотношение «четверо на одного», бой был сложный, красивый и рискованный, со стороны он смотрелся потрясающе – как для знатоков, так и для техников, которым не часто приходилось такое видеть.

– Не-е, ребята, вы молотки у меня! – Покрышев с искренней радостью постукал пропитанных потом пилотов по шле-

мам. – Такую тварь задавить, молодцы-ы-ы! Откуда же он взялся, по-вашему, а?

Кто-то из молодых и образованных попытался в свое время заметить полковнику, что заканчивать вопросительные предложения на «а» не есть признак высокой культуры. Не меняя ласкового тона, тот повторил свое обращение к умнику, но закончил его на этот раз: «А, козел?» С тех пор противопоставлять себя риторике командира смелых не находилось.

– Я примерно знаю, откуда, – ответил на почти так же сформулированный вопрос командира «Советского Союза» вице-адмирал Левченко.

– У бриттов на театре три тяжелых авианосца. И у американцев один. Это по меньшей мере. Дождались погоды и нащупали. Наш маршрут установить большого ума теперь не надо. И отбиваться теперь почти нечем, кроме «Чапаева». На «Кронштадте» зенитная артиллерия выбита процентов на девяносто. У нас – не многим лучше. Чуть не четверть автоматов вышла из строя еще после первой драки, когда мы получили торпеду. Кажется, год назад это было уже. А крику-то было: «Сорок шесть – Ка, сорок шесть – Ка!»... А через полторы минуты ствол перегревается, еще через одну минуту заклинивает автоматику – и привет. У одного боевая пружина лопнула: это вредительство или что?

– Вредительство – сырой автомат принять на вооружение.

– А лучшего нет. Разве что в Швеции купить, как все остальные сделали. Ладно, есть шанс, что покрышевские ребята и в этот раз постараются. Я надеюсь, что они осознали всю полноту картины и что домой им хочется не меньше нас. Курс менять мы не можем, скорость тоже. Понадеемся на летунов. Было бы странно, если бы с улучшением погоды Мур не задействовал свою авиацию. Если самолеты до нас доберутся, я имею в виду – до кораблей, то он может и второй раз рискнуть. Если догонит. Тогда придется в одиночку отбиваться от всей компании, а это малоперспективно. Ладно еще, если мы хоть одного выбили...

Ни Левченко, ни Бородулин, до сих пор разрисовывающий таблицы стрельбы главным калибром за двадцать второе, не могли знать, что это им все-таки удалось. «Советский Союз» дважды сумел попасть в флагманский линкор Флота Метрополии с такой дистанции, что на нем начали подозревать русских в превосходстве артиллерийского радара над их собственным. Сами англичане и в бою с «Шарнхорстом», и в сражении с русскими линкорами использовали радар лишь для ориентации башен, переходя на оптику немедленно после того, как такая возможность появлялась. В случае с русскими в «Дьюк оф Йорк» оба раза попали по два снаряда – событие по теории вероятности малореальное. В первый раз две жуткие полуторатонные чушки насыщенной молибденом стали пробить поясную броню в пяти футах ниже ватерлинии, где она уже истончалась от надводных четырна-

дцати дюймов, и взорвались, проломив переборки, защищающие носовое котельное отделение. Минут через двадцать еще два снаряда попали в носовую оконечность – почти рядом друг с другом, разделенные буквально двадцатью футами вспучившейся пузырями корабельной стали. «Дюк оф Йорк», кренясь на правый борт, отвернул в сторону, и Мур, решив больше не рисковать, вывел свои линкоры из боя.

Он знал, что головной русский корабль тоже был поврежден огнем его линкоров, а второй – крейсерами Гонта, горели они достаточно ярко, по информации нашедшего русских в северной части Норвежского моря «файрфлая» о том, что у противника были не два линкора, а линкор и гораздо меньший, хотя и похожий на него корабль, заставила его замыкать, обхватив голову руками. Немецкие тяжелые корабли тоже были похожи между собой, отличить в скоротечном ночном бою «Адмирала Шеера» от «Адмирала Хиппера» или даже «Тирпица» было почти невозможно – но что до такого же смогли додуматься русские, никому до сих пор в голову почему-то не пришло. На британских линкорах, как обычно в больших походах, заканчивалось топливо, и адмирал не считал возможным лишь с двумя неповрежденными кораблями, к тому же потратившими половину боезапаса, продолжать погоню – как он считал, за двумя линкорами. Теперь противник уже находился в сотнях миль и от него, и от Бонэм-Картера с его тихоходным старьем – лишь ушедшие на север еще до боя авианосцы оказались способными про-

считать курс русских кораблей и найти их практически сразу после того, как улучшившаяся погода сделала реальной возможность воздушной атаки.

Погибшие летчики – второй лейтенант и авиаспециалист 2-го класса, «Бритый Хвост» и «Эрк» по классификации, принятой в Королевских ВВС «среди своих», – принадлежали к 1770-й эскадрилье «Индефатигейбла», уже потерявшего один истребитель 22-го числа, когда казалось, что русских вот-вот найдут и утопят. Разбившийся в тот день «сифайр» и сбитый этим утром «файрфлай» не слишком ослабили ударную мощь авианосцев, но то, что истребители русских способны перемолоть обе авиагруппы не хуже, чем они сделали это с группой покойного «Беннингтона», в дополнительных подкреплениях не нуждалось совсем. За последние месяцы оба авианосца пережили немало перемен, «Формидэбл» вообще собирались отправить на Дальний Восток, и только авария в машинах позволила ему остаться на том театре военных действий, где его присутствие имело какое-то значение. Оба корабля меняли составы авиагрупп и количество самолетов в эскадрильях – готовясь, как оказалось, именно к этому дню.

В десять тридцать утра «Индефатигейбл» и «Формидэбл» начали поднимать самолеты в воздух. «Сифайры», «эвенджеры», «барракуды», «корсары», только что дозаправившиеся, вернувшиеся из разведки «файрфлай». Это заняло достаточно много времени, и только через двадцать пять минут

последний торпедоносец «Индефатигейбла» поднялся с очищенной взлетной палубы. Англичане знали, что им предстоит, но надеялись на лучшее. Боевой дух, уверенность в победе – все это слова, отражающие всего лишь разную степень надежды остаться в живых.

Узел 9.4

25 ноября 1944 г., 12.15-12.55

Как это часто бывает в воздушных боях, враги заметили друг друга одновременно, и буквально за несколько десятков секунд строи эскадрилий из набора бликующих черточек где-то на самой границе видимости превратились в стаю звенящих хищных машин, ошестиненных пулеметным огнем, несущихся прямо на тебя. Неизвестно почему, частота связи авиагруппы «Чапаева» совпала с британской – вероятно, одна и та же цифра на шкале показалась удачной штабистам обеих сторон, и теперь чужой радиообмен мешал всем.

– Lord save us!!!...

– Stand tight, guys!!! Tee up!!!¹⁴⁹

– Сдохните, бляди!!! А-а-а-а!!!...

За секунды, остававшиеся до столкновения, несколько воплей забило размеренные холодные команды комэсков, и эфир взорвался мешаниной криков и рычания убивающих один другого людей. Мгновения дикого ужаса – когда десятки машин проходят насквозь фалангу врага и не видно ни одного друга за плечом, только мчащиеся на тебя истребители со смертью на крыльях, и живот поджимается к груди в

¹⁴⁹ Tee up – «Приготовиться» (сленг Королевских ВВС периода Второй мировой войны).

ожидании разрывающего внутренности свинца. Треск пулеметов нарастает до визга, когда машины, раскачиваясь и уже закручиваясь в виражи, расходятся, кренясь в плавающих сосудах перегрузках, на расстоянии вытянутой руки. Несколько самолетов срываются в падение, разбрасывая фанерную щепу, или молча – как падает камень. Не перестраиваясь, не заботясь о тех, кто сзади, или о каких-либо правилах, разогнавшиеся до предельной скорости истребители швыряют себя на ближайшего врага в поворотах, во вминающем в сиденье высшем пилотаже, с единственным стремлением – убить. Убить, прежде чем убьют тебя самого, потому что ясно – в таком бою погибнут все.

– А-а-а, shit! Watch it, pal!

– Гор, держись сзади!!

– Сука!!! Сука!!! Хэ-э-э... – крик ярости забивается утробным рычанием, когда за три секунды перегрузка в рывком переходящем из «бочки» в пике ЯКе сменяется на семь-восемь «же», дергаясь с плюса на минус.

– Bazz, you take it! Damn Yak down of you!!

– Got him!!! I've got!!

– Бей!!!

Голоса срываются на визг, пытаясь прорваться через какофонию рева и хрипа в шлемофонах. Черная машина с кругом Королевских ВВС на оперении взрывается в детонации тысячелитрового бензобака, на сотни метров вокруг самолеты встряхивает ударной волной. Идущий в лоб на машину Ко-

жедуба «сифайр» вдруг дергается в сторону. Подполковник уходит в нисходящий вираж, пытаясь сбить прицел, но «сифайр» боком ныряет мимо него, на мгновение сквозь разбитый фонарь мелькает силуэт пилота, схватившегося за лицо руками, и машина проваливается вниз. Никто никаким образом в него попал – не важно, желание выжить перевешивает любое стремление к славе. Не называя себя, победитель вводит свою машину в серию немыслимых виражей, чтобы сбросить с хвоста намертво прилипший «корсар», тот срывается в перевернутый штопор, исчезая из обзора – вовремя. Сразу двое «корсаров» пикируют на вляпавшийся истребитель, трассы идут впритирку, на крик не остается времени...

– Bail out¹⁵⁰, man!!

– You burn!!! Get it off!!

ЯК с тремя белыми кольцами и желтым кокком – Амет-Хан выпрыгивает из пространства, оставив позади пылающего врага.

– Держись!!!

Британец, воя, проносится под ушедшим в восходящую «бочку» русским. Буквально доли секунды не хватило для доворота, который стал бы для русского смертельным, в шлемофоне раздается дикий крик, но мгновений, чтобы узнать голос, уже не остается – перспекс¹⁵¹ фонаря взрывается ве-

¹⁵⁰ Bail out – выпрыгнуть с парашютом (сленг ВВС союзников).

¹⁵¹ Наиболее распространенный прозрачный пластик в Европе в середине 40-х годов, аналогичный плексигласу.

ером режущих пластиковых кромок, удар в колени, в руки, в грудь. Дым уносится за борт, приборная доска – мешанина рваных обломков, но ручка тугая, и самолет мгновенно реагирует на отданный руками оглушенного летчика приказ лечь в вираж. Все в крови, ветер бьет в тело, выдавливая из груди воздух, дышать невозможно и некогда.

– Атаанда!!! Павел, держи падлу!!!

– Хана!!!

– God, oh God!!!!... No!!!!...

– Cover me, anyone!!! Cover me!!!

Ручка от себя, машина несется вниз. Главное – это выбраться из мешанины кружащихся истребителей, тогда можно будет уйти. Боже, как больно!..

Справа проносится штопорящая машина – кто-то сумел сбить ЯК, и видно, как пилот судорожно пытается выбраться из кабины, но его каждый раз отжимает внутрь центробежной силой, фонарь сброшен, руки цепляются за борта.

– Coverme!!! Please!!!!John!!!!...

– Shit!! Jink away¹⁵², Ken, he's above!!! Watch it!!

– Рома, закрой мне бок! Шестая, шестая, ищите торпов!!!!...

Шесть десятков истребителей рвут друг друга на части, рыча в полном озверении. Англичане серьезный противник:

¹⁵² Jink away – резкий маневр, внезапно произведенный с целью уклонения от противника (здесь и далее – сленг Королевских ВВС периода Второй мировой войны).

во флотскую авиацию готовят годами, и без полутысячи часов, проведенных в небе, на раскачивающуюся палубу не сядешь. Но опыт пилотажа и опыт драки с профессиональными убийцами – слишком разные вещи, и англичан понемногу начали отжимать. Медленно, слишком медленно. Самолет – очень маленькая цель, и если его пилот активно не хочет быть сбитым, и более того – знает, что его в данную секунду пытаются сбить, то шансы в него попасть, как правило, не слишком велики. Говорят, что две трети воздушных побед приходится на ситуации, когда жертве не приходит в голову, что на нее кто-то уже делает заход. Если хочешь жить – эта мысль должна сидеть в голове постоянно.

Англичане жить хотели и дрались с параноидальным упорством. Хладнокровный, как льющая задница, голос контролера, «Train Driver»¹⁵³, на сленге Королевских ВВС, ярко выделялся на фоне мешающихся двуязычных выкриков и треска статики.

– Gen was duffy¹⁵⁴... Ours are cheesed, no erks¹⁵⁵. Still plugging away¹⁵⁶... Hurry, boys, hurry! Keep balbo crabbling

¹⁵³ Jink away – резкий маневр, внезапно произведенный с целью уклонения от противника (здесь и далее – сленг Королевских ВВС периода Второй мировой войны).

¹⁵⁴ Duffy gen – недостоверная информация (в отличие от «Pukka gen» – точная информация).

¹⁵⁵ Erk – новичок.

¹⁵⁶ Plug away – продолжать огонь, держаться за ту же цель.

along, take chances... Oh, what a wizard!¹⁵⁷

В рубке советского линкора переводчик, моргая уже совершенно безумными глазами, пытался перевести хотя бы те обрывки фраз, которые отказывающийся понимать происходящее мозг успевал уловить.

– Да не понимаю ничего! Сленг чертов! У американцев не в пример легче, это внутренний жаргон арма или даже группы!

От волнения он начал вставлять в речь чужие слова, правильно их при этом склоняя, чем дополнительно затруднял интерпретацию даже переводимых кусков.

– Информация была плохой... Мы спеклись, в смысле – нам вата... Но держитесь, есть еще шансы... Да черт, ну это надо же, так говорить, а? Вот сейчас орет снова этот тип: «Прикройте меня, прикройте!» Его уже минут пять гоняют!

Несколько одновременных полных ярости криков полностью перекрыли уже сложившийся темп воздушного боя.

– Пятая!!! Пятая!!! Вот они!!! Высота триста, право сорок!!! Иван, видишь их?!

– Вижу! Я пять-один!!! Торпедоносцы курсом на наших! Справа-снизу, истребителями не прикрыты... Пятая эскадрилья и все, кто видит!.. Ат-т-така!!!

– Lads!!! Damn it!! Fighters above on ten!!! Cope them¹⁵⁸,

¹⁵⁷ Balbo – крупная группа самолетов; Crabbing along – лететь близко к поверхности земли или воды. Wizard – действительно первоклассный, превосходный.

¹⁵⁸ Cope – заняться, разобраться с чем-то.

Spits!!! Dozen, at least! Watch!!!

Экипажи прижавшихся к воде «эвенджеров» со смешанным чувством восторга и ярости смотрели на падающие на них сверху темно-синие истребители – их было мало, слишком мало, чтобы помешать идеально проведенному выходу на цель. Группа из двадцати одного торпедоносца, брошенных в первую волну, шла в плотном строю на минимальной высоте на протяжении, по крайней мере, уже восьмидесяти миль, не замеченная никем. Одиннадцать «файрфлаев», закрывающие их собой, были бы съедены русской авиагруппой за минуты – если бы ударная волна была обнаружена до того, как почти все, что у русских было, оказалось брошено в мясорубку, где перемалывались истребители и пикировщики – тихоходные и уязвимые «барракуды», не имевшие почти никаких шансов. Теперь два десятка пулеметов ворочали стволами, отслеживая траектории заходящей на них команды несомненно храбрых, но до идиотизма безумных русских – пятерки в плотном строю и еще двух, чуть другого оттенка ЯКов – за ними, россыпью.

Они уже побеждали, чувствуя это нутром. Те разрозненные машины, которые русские, вымотанные полностью выложившимися, истекающими кровью истребительными эскадрильями, могли бросить на них, выдернув из боя, уже не способны были остановить железный таран торпедоносного удара. Двадцать с лишним торпедоносцев снесут любую эскадру, целей слишком много для зенитной артиллерии все-

го нескольких кораблей, как бы плотно ни была поставлена завеса, шансов у них нет...

За секунду до того, как атакующие ЯКи вонзились в спутанную, переплетенную мешанину трасс прущей напролом британской фаланги, дикий крик, состоящий почти исключительно из страха, заставил пилотов и стрелков дернуться в мгновении ужаса, крутя головами. Затем пришла смерть.

Пятерка светло окрашенных машин, на фюзеляжах которых светились два косо расположенных белых кольца с матовыми, неразличимыми на такой скорости эмблемами и короткими рядами красных звезд по бортам, проходила строй торпедоносцев насквозь, сзади наперед, убивая всех на своем пути. Грохот пушек и непрерывный, точеный стук крупнокалиберных пулеметов нарастал за долю секунды, когда выстроившаяся коротким треугольником группа проскакивала над очередным звеном, испарывая его целиком. Плотный строй – важнейшая вещь для обороны от «правильной» атаки, когда стрелки единой массой отбиваются от атакующих самолетов, передавая цели друг другу. Но он же является смертельной ловушкой, когда кто-то один, как волк, пробежавший по спинам овец, врывается в середину отары, не ждавшей удара изнутри.

Строй рухнул сразу. Когда уверенность и осознание своей силы нарывается на удар в спину, страх подавляет любую муштру и искреннюю смелость, исключений здесь нет. Сколько раз так уже было? Куликово поле, Грюнвальд, Ми-

дуэй, что еще?

Самолеты, ревя моторами на форсаже, пытались развернуться, трассы беспорядочно метались в воздухе, команды лидеров звеньев взяли в эфире, торпедоносцы и истребители шарахались друг от друга, полосуюя огнем мелькающие силуэты врагов. Краснозвездный ЯК врезался в разворачивающийся «на крыле» «файрфлай» – дикая скорость и десятки одновременно сходящихся и расходящихся целей не дали пилоту необходимых для реакции мгновений. Взорвавшиеся машины хлестнули разогнанными до неотслеживаемой глазом скорости щепками по имеющим несчастье быть рядом. Другой ЯК, горя, шел вдоль порядка звена, сохранившего хоть какое-то подобие строя, и три машины из четырех стреляли, воя от злобы, поливали его огнем. Очереди впились в борта ЯКа с намалеванной мордой медведя на борту, пламя рвалось, окутывая его прозрачным сиренево-желтым саваном, но летчик не сходил с курса, стреляя до последнего. Ведомый им «эвенджер», истерзанный, изломанный десятками попаданий, рухнул в воду одновременно со своим убийцей. Потрясенные экипажи держащего строй звена не успели перенести огонь – концевая машина провалилась вниз, ее штурман, рывком отстегнув ремни, прыгнул через сиденье убитого пилота, пытаясь оттолкнуть обмякшее тело вбок, стрелок что-то крикнул сзади, и вода одновременно сломала хребет самолету и людям.

Двое уцелевших, почти касаясь друг друга кончиками

крыльев, синхронно спикировали к поверхности моря. Круговерть собачьей свалки осталась позади, крики в шлемофонах казались теперь какими-то абстрактными, потерявшими свою остроту. На малой высоте рев работы моторов был оглушающим, но это было наименьшим из возможных неудобств. В течение нескольких томительно долгих минут казалось, что им удалось оторваться. Из таких перемен и состоит жизнь боевого летчика: сорок минут скуки, пять – невыразимого ужаса, а потом, для тех кто остался жив, – надежда.

– Dick, get ready! Single one at five, high!

– Ours?

– If yes, shit! If we'll not fox in a minute¹⁵⁹... He's coming, see?

Точка на границе горизонта уже превратилась в распухающую черту. Надежда, что одиночный ЯК их не заметит, таяла на глазах.

– Есть яркие идеи?

Пилот идущего справа торпедоносца стянул очки, чтобы лучше видеть соседа – тот повернул голову, и видно было, как шевелятся его губы при разговоре.

– Ну, почему бы просто не попросить его оставить нас в покое?

Старина Дэнии, «Острый Дэнни», как звали его все, включая молодежь, еще мог шутить. Они были рядом с самого

¹⁵⁹ Фох – сделать что-нибудь действительно умное, изобретательное.

начала, оба шотландцы. Его отец держал бакалею в Боуи и был самым сухим человеком, которого Дик встречал в жизни. Мысль о том, что они остались вдвоем, была невыносимой.

– Spits, Spits!!! Anyone hear me?!! Cover us!!! Two buses downhill¹⁶⁰, Yak's coming!!! Anyone!..

– Drop it, Dick. No way.

Русский истребитель почти догнал пару и шел правее и выше, откровенно их разглядывая. Пилотировавший его старший лейтенант был достаточно осторожен, чтобы не атаковать противника с ходу. В предыдущем бою один такой торпедоносец пропорол ему плоскость – и чудо, что ни одна из пуль не задела тросы элерона. Кроме того, летчик просто устал. Последние минуты были отдыхом после невероятной по напряжению драки, состоящей почти целиком из убийств. Когда те англичане, кто остался в живых после первых двух проходов, разлетелись в разные стороны, их не стал преследовать почти никто. На его глазах Михаила Бочкарева из пятой эскадрильи, веселого, всеми любимого парня, сбил верткий и умелый «файрфлай», спрятавшийся в дыму горящих машин. Тогда старший лейтенант отреагировал рефлекторно, бросив свой истребитель прямо вперед и вниз, в лоб врагу. Англичанин успел вздернуть свою машину, развернув пушечные трассы ему в лицо, но старлей не отвернул, расстреляв летчика в делящуюся секунду дуэли – кто кого.

¹⁶⁰ Bus – бомбардировщик, Downhill – пикировать.

Окутанный дымом «файрфлай» нехотя повалился на крыло, скользнув в воду почти без всплеска.

Несколько следующих минут истребитель бездумно шел, не сворачивая и не оглядываясь, безразлично глядя перед собой. Потом он увидел двоих торпедоносцев. Английского он, разумеется, не знал, но интонации пилотов, звучавшие в эфире, были абсолютно понятны. Старшего лейтенанта звали Олег, ему только исполнилось двадцать два года, и за это время он убил достаточное число людей, чтобы перестать испытывать к этому какой-либо интерес. Ничего, кроме усталости.

«Идиоты, бросайте торпеды и уходите», – подумал он. Мгновенный испуг, что он произнес это вслух, мелькнул и исчез, не оставив следа в сознании. Морща лоб, Олег попытался придумать себе, как объяснить англичанам, что они ему не нужны. Сбросив газ и крепко зажав ручку управления в руке, он чуть приблизился к держащим четкий строй торпедоносцам, изо всех сил сжимая и разжимая обращенные книзу пальцы левой кисти. Расстояние было слишком велико, но ближе он подходить боялся – влепят очередь, объясняй потом.

Он несколько раз махнул рукой вверх и вниз, привлекая внимание к своим жестам, и снова показал: «Бросайте!»

Раздавшиеся в динамиках шлемофона крики были полны ярости, и Олег со вновь навалившимся приступом усталости понял, что англичане решили, будто он издевается над ни-

ми. Молодые, смелые парни – он видел их лица, оскаленные в решимости зубы. Один что-то выкрикнул, сделав резкий жест рукой – фонарь кокпита отсвечивал в отражениях низкого солнца и ничего нельзя было разобрать, слишком далеко. Старший лейтенант крутанул головой – никого рядом. Пара продолжала идти прямо на север, к советским кораблям, и усталость уступила место тоске – сделать ничего было нельзя.

– Простите меня, ребята... – вздохнув, он ударил коротким тычком рукоять управления газом, одновременно развернув свою машину вправо – от них.

В течение десяти секунд звенящий на высокой ноте мотор ЯКа выдернул его вверх, затем Олег заложил широкий вираж, выбирая наиболее выгодный для атаки ракурс. «Эвенджеры» шли далеко вниз – крыло к крылу, готовые к схватке. Он почти видел раскрашенные желтым и зеленым сектора обстрела на диаграммах, малейшая ошибка – и тебе конец, церемониться никто не будет. ЯК, набирая скорость, понесся вниз; черно-белые, раскрашенные под акулье брюхо силуэты разрастались в нижних секторах прицела. Сначала один, затем второй стрелок открыли огонь, пытаясь вытянуть свои трассы в его курс, обе машины чуть повернули, черт. Неуловимую долю секунды он решал: влево – вправо? Затем отработанный в сотнях часов тренировок и боев рефлекс, состоящий из точнейших взаимодействий нервов и мышц – от спинных, защищающих тело от перегрузок, до

мельчайших веточек мышц кистей, – швырнул его влево, в «бочку». Один полный оборот с потерей высоты, газ до упора, короткая «горка»! Нос машины выравнивается, и – вот они, оба в самом центре прицела, подсветка рельефно очерчивает размах крыльев обоих, наложенный на жирную черную точку между волосков секторов: сто сорок – сто пятьдесят метров. Пальцы впиваются в бугорок пулеметной кнопки и гашетку ШВАКа, машину трясет и раскачивает. Очередь длинная, почти в полную секунду, и из всего оружия.

– Жить! – Олег бросил истребитель в переворот, швыряя его в стороны и вниз, вниз, выжимая всю возможную скорость, обрывки трасс мечутся вокруг. – Жить!

Дистанция утраивается за секунду: хорошо, что не потерял времени, пытаюсь разглядеть результаты своей атаки. Выровняв машину в четырех сотнях метров и сбросив газ, ЯК вновь лег на параллельный курс. Несколько цепких взглядов по сторонам, и можно снова сконцентрироваться на противнике.

Один из «эвенджеров» медленно шел вниз. Повреждений на нем видно не было, но он оставлял за собой явственную струйку дыма. Высоты ему оставалось метров пятьдесят. Второй чуть снизился, но шел ровно. Возможно, везение, позволившее ему почти сотворить в заходе оба самолета, не распространилось так далеко, чтобы закончить все разом. Описывая широкую дугу за спиной англичан, старлей перешел на левую сторону, прищуриваясь на солнечный

диск – не выскочил бы кто.

Англичане начали кричать – поврежденный «эвенджер» шел уже над самой водой, держась из последних сил. Десять метров, еще десять. Скользящий над белыми верхушками волн самолет двигался все медленнее. Олег увидел, как остановился винт, застыв нелепой сине-белой гранью, и торпедоносец, проскользив еще секунды, просто сел на воду – ему оставалось лишь несколько метров. Косо накатившаяся волна развернула бессильный самолет, левое крыло ушло в воду, но он нехотя выпрямился, экипаж, сбросив колпак, швырял в воду яркие черно-оранжевые пакеты, на глазах раздувающиеся в метровые, матрасного вида, плотики.

Оставшийся торпедоносец продолжал следовать тем же курсом, словно ничего не случилось. Непрерывно крутя головой: на солнце – на «эвенджер», на солнце – на «эвенджер», пытаясь рассчитать в трехмерном пространстве необходимый вектор захода, Олег чуть увеличил свою скорость. Он нутром чувствовал, что боеприпасов осталось совсем мало и атака должна быть четкой и единственной. Несомненное преимущество в скорости и скороподъемности позволило ему буквально за минуту встать точно напротив солнца по отношению к англичанину, хотя тот снова начал набирать высоту, пытаясь выгадать какие-то секунды. Советских кораблей все еще не было видно, хотя они должны были находиться уже где-то рядом. Англичанин что-то снова начал говорить, и в его голосе Олегу послышалось просьба уйти. Го-

лос был злой, и, несмотря на свою просьбу, летчик не сворачивал с северного курса. Впрочем, он мог говорить и вполне противоположное – ни одного слова, сходного со знакомым ему немецким, Олег разобрать не сумел.

Еще несколько раз обернувшись, старший лейтенант в очередной раз толкнул сектор газа вперед, устремившись на своего последнего противника. Атака выходила прямая и бесхитростная – заход из-под солнца на максимальной скорости ради одной короткой очереди. Проверка лампочек индикаторов оружия и тумблеров предохранителей, затем взгляд мазнул по показателям расхода горючего – треть бака; он покачал головой и сузил мир до размера кольца коллиматорного прицела. Самолет чуть раскачивало нарастающей скоростью, крестик торпедоносца скользил в прицельных кольцах как комар перед глазами. Англичане, разумеется, не сомневались в его намерениях: злой голос приобрел явно дерганные интонации – деваться им было некуда. Огонек на проекции кокпита замигал, нервы у стрелка не выдержали. Хотя они не могли его видеть, но быть он мог только в одном месте, и сержант стрелял прямо в солнце, надеясь хотя бы слегка зацепить противника или заставить его отвернуть.

ЯК вынырнул из солнечного диска как раз в те секунды, когда стрелок менял обойму в своем пулемете. Выбросив опустевшую за борт, он уже успел воткнуть одну в приемное гнездо, зажав запасную под подбородком. Увидев набегающий силуэт и почувствовав содрогание машины, он дернул-

ся, выронив обойму, попытался подхватить ее в воздухе, одновременно доворачивая ствол, чтобы успеть пресечь траекторию курса противника. Русский самолет пронесся мимо, трепеща огоньками на основании фюзеляжа, стрелок рывком перебросил пулемет на другой борт, но торпедоносец резко накренился, и длинная очередь ушла в небо. Когда их машина выровнялась, русский был уже недостижимо далеко и разворачивался для повторной атаки. Сержант злобно выругался в переговорник, возмущенный поступком летчика, и, не теряя времени, перезарядил пулемет, выдернув свежую обойму из зажимов на стойке. Потом он понял, что самолет горит.

Дэниэл кричал, чтобы тушили оба, иначе конец, и стрелок быстро начал отстегиваться от мешающего двигаться, болтающегося под задницей парашюта. Это заняло секунды две, еще столько же он протискивался по узкому лазу в кокпит, а первое, что стрелок там увидел, было мертвое тело штурмана, согнувшееся пополам, как никогда не мог бы сделать живой человек. Кабина была полна дыма, глаза щипало, и жар уже чувствовался сквозь сапоги и бриджи.

– Туши, туши это, давай же!!! – голос пилота вяз в дыму и треске. – Сэм!

– Он мертв! – стрелок сжимал в руках огнетушитель и крутил головой, пытаясь разглядеть, откуда идет дым.

– Что? Что ты сказал? Сэм!

– В него попали!

В ярости, что его не понимают, стрелок ударил огнетушителем о ребро фюзеляжа. Дым становился все гуще, дышать было уже невозможно, но пламени по-прежнему не было, и это заставляло бесцельно стоять, кашляя и напрягаясь.

– Русский кругами ходит! На место иди!!! – Дэниел, похоже, так и не понял всего им сказанного, голос у него был почти безумный.

Пригнувшись, стрелок попытался разглядеть что-нибудь в плавающих волокнах дыма. На уровне колен он сгущался до полной непроглядности, и здесь приходилось ориентироваться на ощупь. Струя света из рваной дыры в левом борту качалась вверх и вниз, высвечивая закручивающиеся жгуты плотного серого дыма. Ощутимо воняло горелой изоляцией. Пламя вырвалось совершенно неожиданно, и сержант, потеряв равновесие, упал, выставив перед собой руку. Не поднимаясь – для этого в узком лазе за спиной убитого штурмана потребовалось бы слишком много времени, – он выдернул шпильку из предохранителя огнетушителя и ударил рычагом головной части по какой-то стальной полосе, идущей вдоль всего фюзеляжа на уровне глаз. Огнетушитель, зашипев, выдал ржаво-белую пенную струю, залившую все вокруг вонючими едкими каплями, и затих, продолжая слабо шипеть. Не поверив, стрелок потряс его, тот начал шипеть громче, как рассерженная змея, но пена не шла. Впрочем, это уже не имело никакого значения. В течение следующей минуты пламя охватило торпедоносец целиком.

Узел 9.5

25 ноября 1944 г.,

вторая половина дня

Посадка на британские авианосцы происходила в стиле, значительно отличающемся от проводившихся всего лишь несколькими часами ранее взлетных операций. Все это время оба авианосца шли полным ходом за ушедшими самолетами, зная, как важны будут потом эти мили и минуты для тех, кому придется возвращаться на поврежденных машинах. Севернее Норвегии экономить топливо смысла уже не было. Если русские прорвутся, они прорвутся окончательно, а высокая скорость сближения давала некоторый шанс на повторный удар хотя бы частью авиагрупп.

Окруженные редким веером заливаемых брызгами эсминцев, оба огромных корабля двигались компактным фронтом. Управляющие посадочными операциями были готовы разводить промахнувшиеся на заходе самолеты по бортам, не мешая соседу, но когда первые машины начали наконец возвращаться, это не потребовалось. Несколько одиночных машин из разрозненных эскадрилий проковыляли по угловатому кругу над эскадрой и, провожаемые гробовым молчанием палубных команд, тяжело стукнулись об бронированные палубы, со свистом выдернув посадочные тросы

из раскручивающихся вертикальных барабанов. Шесть самолетов, четыре из них истребители, сели за пятнадцать минут, затем наступила пауза. За исключением штабистов и старших офицеров, никто не знал о том, насколько успешно или неуспешно протекал бой, поэтому происходящее было страшным и непонятным.

Из разбитого, покрытого рваными дырами торпедоносца вынули мертвых стрелка и штурмана, уложив их тела вдоль борта. Пилот сорвал с себя сбрую летного костюма и совершенно естественным движением лег рядом с убитыми, лицом вниз. Техники постояли над ним молча, потом повернулись и отошли. Через минуту самолет натужными усилиями был сброшен за борт как не представляющий никакой ценности, кроме музейной.

Пилоты истребителей не смогли добавить к непонятной картине происходящего на севере ничего нового. Их повредили в самом начале боя, когда русские не успели еще создать зону отсечения, занятые более неотложными делами. Нехорошая пауза после этого означала, как многие начали догадываться, то, что следующая группа поврежденных машин из боя выйти так же легко не сумела. Тем не менее многие за неимением какой-либо информации испытывали робкий оптимизм, стараясь не давать волю нехорошим предчувствиям.

В четыре сорок на «Индефэтигэйбл» пришел одиночный «сифайр» с разбитой консолью правого крыла и тянущими-

ся от пулеметных портов горизонтальными полосами копти. Летчик был цел и эйфоричен. Расстреляв все до последнего патрона и опасаясь за целостность конструкции машины, он вышел из боя в самом его разгаре, решив, что ничем больше не может помочь товарищам. Имитировать атаки на безоружном самолете в бою такого накала было несомненной глупостью, с чем согласились почти все.

Еще через двадцать минут истребители и торпедоносцы начали возвращаться: поодиночке, а чаще небольшими группами по три-четыре машины. Короткая цепочка черных самолетов заполнила воздух над эскадрой движением, вызвав общий подъем настроения. Барражировавшие в небе «сифайры» воздушного патруля ходили над ними плотной «коробочкой», как наседка над цыплятами, собирая рассыпающиеся группы и подводя их к посадочным директориям. В течение пятнадцати минут сели все, и лихорадочно работающие матросы начали оттаскивать разнотипные самолеты к носовым подъемникам, стремясь освободить больше места для тех, кто прибудет следующими. Эфир затих, и горизонт тоже очистился, не проецируя более никаких теней. Все ждали, напряженно всматриваясь вперед, куда по-прежнему стремилась эскадра. Прошло еще пятнадцать минут. За это время на «Формидебл» сел лишь одиночный «корсар». Rebound landing, то, что «русски»¹⁶¹ называют «дать козла».

¹⁶¹ Russki – русские; в более узком значении – русские солдаты (в период между мировыми войнами – сленг британской армии; сейчас – общеупотребляемое

Это был последний везунчик.

Вопреки классической традиции, старшие офицеры вернувшихся из вылета эскадрилий не были вызваны на мостик с докладом – наоборот, командир авиагруппы «Формидэбла» сам спустился вниз и в растерянности остановился перед небольшой компанией стоящих плечом к плечу офицеров. Среди серых от усталости лиц он заметил только одно из принадлежавших к аристократии авианосца: командиров истребительных эскадрилий и лидеров звеньев из самых опытных офицеров.

– Периман... – голос его прервался. – Где твои люди, где все?..

Ответ майора, с трудом, казалось, держащегося на ногах, был таким же лишенным интонаций, как и его лицо.

– Спрашивай. Отвечу, если что знаю, – летчик глядел в пространство, застыв лицом, как избитый боксер.

– Рэндалл?

– В рундуке Дэви Джонса¹⁶².

– Что? А Пэйдж?

– Спекся¹⁶³, – голос майора приобрел меланхолический от-

выражение).

¹⁶² In Davy Jones's Locker – умер в море (сленг Королевского флота). Про умершего на берегу моряка сказали бы «went to Fiddler's Green» («отправился на морские небеса») Аналогичное выражение в русском военном сленге первой половины XX века – «в ведомство {генерала} Духонина» или «в штаб Духонина», в американском – «к толстяку Сэму» (т. е. к гробовщику).

¹⁶³ В английском армейском сленге выражение «Used Up» («выдохся, спек-

тенок, что на фоне прежней бесцветности было большим прогрессом.

– Лейтенанты? Дэррил Алленби?

– Лишился места в кают-компании¹⁶⁴. Я сам видел.

– Уотсон?

– Бролли-хоп¹⁶⁵. Не повезло парню.

– Кромвелл, Пилкингтон, Фелпс, кто-нибудь?

– Все ушли на закат¹⁶⁶. Видел, как Джилмор в конце пытался приводниться. Стал землевладельцем¹⁶⁷.

– Дьявол... Черт его... Бедные ребята. Кто-нибудь еще?

– Фитцпатрик. Видел, как он падал. Джерри кончили его в конце концов.

– Они не джерри, Аллан!!! – голос сорвался на крик. – Это не джерри! Это чертовы Иваны!!! Как это могло быть?!

– Я не знаю, как это могло быть. Поверь мне, мы сделали все возможное, – интонации выжившего снова стали ровными и спокойными. – Но от моей эскадрильи остались три че-

сы») (имеет более кардинальный оттенок, чем в русском, и фактически означает «убит». Это, однако, нехарактерно для моряка. Употребление одним и тем же человеком и армейского, и морского сленга может быть объяснено общей системой подготовки в Британии летчиков для армейских и морских ВВС (RAF и FAA).

¹⁶⁴ Lost the number of his mess – убит (сленг Королевского флота), армеец сказал бы «Out of Mess».

¹⁶⁵ Brolly-hop – прыжок с парашютом (сленг Королевских ВВС).

¹⁶⁶ Went West – «отправился на запад» (или «на закат») – убит; это выражение считается «поэтическим», хотя произошло из криминальной среды и имело смысл «повешен».

¹⁶⁷ Became a landowner – умер и похоронен.

ловека. Три. И я, старый пес. И я не знаю, кто еще из моих ребят плавает в пробковом жилете, дожидаясь помощи, которая не придет. Ты видел нас в деле... Какой была эскадрилья, что мы могли... Нас разорвали на части.

Он с болью посмотрел в лицо командиру своей авиагруппы.

– Они просто оказались лучше, вот и все. Как на «Индефатигейбл», кто там уцелел? Я видел, несколько «сифайров» отходили с боем...

– Не знаю пока. Надо запросить их. Латунные шляпы¹⁶⁸ пока даже нами не поинтересовались.

– Может, ждут, что еще кто-то сядет?

– Я тоже жду...

Они, не сговариваясь, посмотрели в сторону севера, куда продолжали идти оба корабля.

– А ведь это все... – вдруг произнес командир. – Русские прорвались, и второй волны не будет. И второго Ян-Майена тоже...

– Надо разворачиваться и уходить.

– Да, и послать пару эсминцев в тот район...

– Адмирал не позволит. Да и смысла особого уже нет.

– Верно...

Оба помолчали. Остальные летчики, издали прислушивающиеся к разговору, никак не проявили свое отношение

¹⁶⁸ Brass hats – полупрезрительное наименование штабных офицеров и вообще генералитета.

к происходящему. Да и вообще близкий разговор с командиром не был обычной нормой для британцев, особенно из самой Метрополии. В таком духе их воспитывали годами.

Советских людей тоже воспитывали, но война у них была несколько иная, чем у англичан, американцев или немцев. Больше всего советский стиль ведения войны напоминал японский. Жизнь человека не стоила почти ничего. Огорчение генералов по поводу гибели солдат было вполне искренним – но почти всегда из-за того, что теперь нужно перевозить, вооружать и обучать новых. Редкие исключения были любимы солдатами, но большинству было все равно.

К середине дня 25 ноября погода над Европой оставалась все такой же беспросветно мрачной, и авиация была прикована к земле. Самоходные орудия майора Китаева начали движение только в час дня, когда вернулась конная разведка дивизии. Гнедой конь гарцевал под веселым скуластым парнишкой лет девятнадцати, который поигрывал ножнами шашки, разглядывая остатки полка.

– Эй! Пластун! Ходь суды!

Командир второй батареи высунулся из верхнего люка почти по пояс, цепко держась руками «на крокодиле» и балансируя на раскачивающемся краю. Разведчик толкнул коня пятками, и тот в два удара копыт поравнялся с его машиной. Красивая коняшка. И к лязгу привычная. «Купыли хлопцу конька...»

– Чего надо?

На парне распахнулся как бы невзначай не застегнутый кожух, блеснув из нутра серебром и эмалью.

– Курить будешь?

Борис оперся задницей на кромку люка и одной рукой вытащил из нагрудного кармана початую пачку «Мотора», метнул коннику. Тот, дернув коня вбок, ловко поймал ее в воздухе. Сам Борис накурился, пока ждали приказа, да и не будешь же курить в люке. Муса висел совсем рядом, вцепившись в скобу обеими сцепленными в «замок» руками, нагруженный подсумками, запасными дисками к автомату, ножами, флягами: все это хозяйство бренькало о броню, перекликаясь с таким же хозяйством остальных десантников. Разведчик издал призывный свист, помахал в воздухе пачкой. Комбат ответил ему понятным всем курильщикам жестом: «Оставь себе». Командир батареи... Из себя и Ленки. Курево почему-то продолжали присылать на убитых, что-то там нашалили в ведомости, и его оказалось куда больше, чем ртов. Да и папиросы были хреновые.

Полк прошел по разбитой в усмерть дороге километров пять, когда к ней примкнула еще одна – прямо перед остатками сгоревшего домика, обозначающего переезд через ведущую из ниоткуда в никуда железнодорожную ветку. Тронутая ржавчиной колея уходила в даль светлую, никому не нужная, поскольку на одном ее конце сидели наши, на другом «не наши», а посередине кто только не лежал. По при-

мкнувшей дороге продвигалась немаленькая колонна советских танков, изредка разбавленных самоходными «браунингами» с конусообразными насадками на кончиках тонких зенитных стволов. Немало брони – а он вообще-то думал, что почти никого и не осталось. Столько горелых видел за это время, столько побитых... Вроде бы всего одна танковая армия на фронте была, и ее за первые дни съели...

Самоходка командира полка остановилась перед трехгогим перекрестком. За ней, держа дистанцию, встали остальные четыре машины. Танки ходко грохотали мимо, выбрасывая густой дизельный дым, тоже облепленные десантом. Очень хорошо. Сплошь «тридцатьчетверки», железная кавалерия. На борту одной он увидел надпись: «Памяти Героя Советского Союза гв. капитана Колесина», на следующей за ней полустертое «На Берлин!» было жирно зачеркнуто и поверх размашисто написано «На Брюссель!». Веселая часть. И, похоже, достаточно полнокровная. Впрочем, полнокровная для бригады – а если это весь корпус, то тогда совсем нет.

Батя, рванув с места, пристроился между замыкающим танком и короткой колонной буксируемых ЗИСов¹⁶⁹. Танкист, обернувшись, замахал кулаком, разевая рот – неслышно за лязганьем и ревом дизелей. Ругается, наверное. А зря, между прочим, их полк – это сейчас всего пять машин, а график движения у всех имеется. И регулировщика на перекрестке нет, значит, все по-честному. Да и если это бригада,

¹⁶⁹ ЗИС-2 – 57-миллиметровая противотанковая пушка.

то своя батарея им по штату не положена, приданная, видимо.

– Эй, мухгейер¹⁷⁰ ! – в шлемофоне рывкнуло голосом командира. – Не лови ворон, держи место!

Они один за другим перевалили через железнодорожную колею: бетонную заливку давно раскрошило, и траками рельсы вдавило в мерзлый грунт почти заподлицо, «сушку» едва качнуло на невысокой насыпи. За танками они держались минут десять, потом встали, снова в каком-то лесочке, красивом и тихом – только стволы елок ободраны осколками и залиты оплывающей темной смолой. К командирской машине подбежал кто-то из офицеров-танкистов, и через несколько секунд майор, свистнув Борису и показав жестом, чтобы глядел в оба, пока его нет, побежал за офицером вперед, к танкам. Поворот дороги скрывал выход из леса, но впереди светлело, да и по карте комбат-два знал, что за ним должна быть равнина с очередным фольварком. Пастораль!

Майор вернулся через пять минут, распаренный бегом.

– Боря, быстро. Впереди панцеры и, похоже, эсэсы. Сейчас по фольварку и опушке вдарят «Катюшами», и мы на полной скорости попытаемся пройти через поле. Задача – взять подходы к просеке через следующий лес, километра два отсюда, продавить ее и оседлать шоссе Оснабрюк-Белефельд. Дело туго, немцы прорываются навстречу Паттону, и эсэсы, похоже, у них на острие. Прочувствовал?

¹⁷⁰ Идущий сзади (иврит), также «стоящий на стреме» (арго).

– Да уж...

– А ты? – майор обернулся к пехотинцу-татарину, разминавшему ноги на крыле машины. Тот ничего не ответил, только кивнул, и он снова повернулся к Борису.

– Ты мой заместитель, после тебя Антонов. Сейчас уже начнется.

В подтверждение его слов над головами с суровым, мужского оттенка визгом прошли ракетные снаряды, выпущенные какой-то оставшейся позади батареей. Потом еще. Майор запрыгнул на крышу своей машины, махнул Борису рукой и захлопнул за собой люк. Мотор самоходки взвыл, и вся масса бронированных машин устремилась вперед почти одновременно, растекаясь из устья дороги по промерзшей пустоши, чуть выгибающейся посередине легким горбом. Далеко впереди опадали столбы снарядных разрывов, фольварк справа горел, как ему и было положено – сразу весь. Полдюжины амбаров, каких-то сараев, кухонек, пристроек, добротный дом, полыхающий рыжим пламенем. Плохо быть хозяином в том месте, где идет война. Сбежал, может – хотя куда? Сто километров западнее уже Голландия, то-то его там ждут...

Танковая бригада развернулась широким фронтом, за которым потерялись немногочисленные самоходки остатков полка. Гвардейцы шли на максимальной скорости, четко удерживая строй, не стреляя. Майор поставил пять их СУ чуть позади командирской «тридцатьчетверки», сформиро-

вавшей вместе с ними и штабным взводом что-то вроде подвижного резерва. Радио успели настроить на бригадную волну, и было слышно, как перекликаются командиры рот, вытягивая своих в прорезающую равнину струну танковой лавы.

Ветер свистел в ушах. Борис не закрыл люк, чтобы лучше видеть окружающее, и ледяной воздух пробирался в подшлемник, обжигая истекающую потом шею. Бригада успела развернуться почти полностью, когда за рыже-черной пустошью, на краю дальнего леса замигали вспышки выстрелов и разрывы кучно прорезали строй танков, выбивая бронированные машины, как выбивает кавалеристов из седла широко прошедшая по строю пулеметная очередь. Из леса вырывались черные коробки танков, устремившихся навстречу лаве, и наши танки еще больше прибавили ходу, стреляя на ходу и стремясь поскорее сблизиться с врагом. Гвардейцы потому и назывались гвардейцами: они перли вперед, не обращая внимания на потери, десант кубарем сыпался с танков, которые не могли сбросить ход ни на километр скорости.

– Леня, слышишь меня? – Борис, с трудом удерживая микрофон и ежесекундно ударяясь о края раскачивающегося купола, оскалил зубы по-волчьи, чувствуя, что другого боя у них уже не будет.

– Слышу, брат.

Он не называл его так ни разу с тех пор, как пришел в

часть. Или по имени, или по званию.

– Ленька, это последний наш... Если повезет, то... – Он не знал, как закончить фразу, просто сказал: «Держись» и отключился.

Стреляя друг в друга, оба танковых строя столкнулись на середине поля, врезавшись один в другого сквозными зубьями, как деревенская драка стенка на стенку. Борис выбрал громадный, выкрашенный черным танк, и они успели выстрелить по нему раза два или три, пока «Двести двадцать вторая» вместе со всеми остальными не вонзилась в карусель танкового ближнего боя. В наушниках ревели и кричали обрывками фраз, танки и самоходки рваными прыжками двигались по уставленному горящими машинами полю, выискивая в черном дыму цели и почти непрерывно убивая. Борис провел свою машину между парой горящих Т-34 и успел увидеть заворачивающую за какой-то третий на двух десятках метров полыхающий остов стальную тушу «пантеры», разворачивающую башню от него, на вырвавшийся из дыма в двадцати метрах танк. Это был бой латных копеечников с закованными в сталь конными воинами, когда нужно разворачиваться всем корпусом, чтобы нанести удар. Они выстрелили почти одновременно с немцем, и тот споткнулся на бегу, залитый своим пламенем и светом, выплеснувшись из корпуса «тридцатьчетверки», с которой сорвало взрывом башню, откинув ее в невидимую сторону, как дурацкий колпак.

– Женья! Женья! Сзади!

Чей-то крик резанул по ушам, вырвавшись из месива рева и мата в эфире, и тот же голос через секунду завыл и забулькал, захлебываясь болью горящего заживо человека.

Танки и самоходки стояли почти вплотную друг к другу, окутанные закручивающимся столбами дымом, обливая измятую землю горячей кровью своих моторов: соляром или светящимся низкими синими язычками синтетическим топливом, которым немцы наполняли баки своих танков. Борис метался между полыхающими скелетами, стреляя во все, что двигалось и имело твердые, прямые грани германского танкового стиля. Он видел вокруг такие же прыгающие из тени в тень машины, которые иногда взрывались в тот момент, когда он переводил на них взгляд: гвардейцы или эсэсы, охотящиеся один на другого в застилающем все дыму. За тушей убитого «тигра» оказался просвет, и они скользнули туда. Заряжающий крикнул: «Готов!», и Борис кожей почувствовал лязг пушечного замка, запершего в камору 85-миллиметровый выстрел, снаряженный бронебойным снарядом. С нескольких десятков, с десяти, с пяти метров ни их восемьдесят пять, ни немецкие восемьдесят восемь миллиметров не могут быть удержаны никакой броней, поэтому бояться было незачем. Нужно было шарить в дыму и убивать на ощупь, чтобы дать какой-то шанс тем ребятам, кто еще жив, и тем, кто должен остаться в живых, потому что им умирать нельзя.

Он увидел два сцепившихся танка, потом понял, что это танк и самоходка из их полка. Номера на закопченной броне не было видно, но Борис знал нутром, что это не Ленка, он бы почувствовал. Таран. Сбоку взвизгнуло, и трассер медленно и бесшумно проплыл в воздухе перед его глазами, закручивая в кольца дымный воздух позади себя. Они рванули с места, успев завернуть «за угол», за тела таранивших один другого немца и нашего, и нащупавший их танк вогнал второй снаряд в уже мертвые машины, пронзив их почти насквозь.

– Треугольник и стоп! – проорал комбат в переговорник; водитель, еще не успев дослушать, рывками переключая передачи, на коротких, в несколько метров, отрезках, развернул самоходку на трех точках: вперед, назад, вперед, выставив ствол навстречу уже выкатывающемуся из пламени громадному силуэту угловатого лба «тигра», на ходу разворачивающему башню им в лицо.

– Огонь!

Их тряхнуло, распахнувшийся замок с тупым стуком выплюнул на броневое дно кислую латунную гильзу, звона которой Борис бы уже не услышал, если бы они промахнулись. Похоже, они опередили «тигр» на какие-то доли секунды, и вражеский наводчик наверняка остался с закоченевшей над кнопкой рукой, когда его прожгло насквозь траекторией смазанного полужидким металлом броневой снаряда, пронзившего лобовую плиту машины. Потом снаряд

взорвался, вызвав детонацию еще не расстрелянной части укладки, башня тяжелого танка подпрыгнула вверх, чуть не сорвавшись с погона, и рухнула обратно. Экипаж советской самоходки оглушило и ослепило; разворачиваясь и перезаряжая орудие, они почти наткнулись на горящую «тридцатьчетверку», которой не было здесь еще пятнадцать секунд назад.

– Вправо! – заорал Борис, уже понимая, что тот, кто ее сжег, смотрит сейчас на них, и пытаюсь хотя бы увидеть его до тех пор, пока не прозвучал последний выстрел.

Водитель успел разогнать самоходку на каких-то метрах, как гоночный мотоцикл – это их и спасло, потому что пришедший из дыма снаряд задел их только по касательной, едва не перевернув многотонную машину ударом, от которого из легких выдавило воздух, и его неоткуда было взять. Борис успел увидеть вспышку и прежде, чем они завернули за очередную пылающую железную тушу, разглядел перед собой еще одного «тигра», выкатывающегося из черной клубящейся стены.

– Господи, да сколько же их тут!!! – крикнул он.

Заряжающий проорал: «Готов!», его голос прошел через спрессовавшийся в чреве машины воздух как через воду, глухо и отдаленно. Они не могли успеть развернуться, потому что «тигр», пусть и медленнее их, доворачивает башню на ходу, и ему хватало секунд, чтобы выловить самоходку на открытом пространстве.

– Еще вправо!

Он надеялся только на скорость – и еще на то, что кто-нибудь из остававшихся в живых успеет их увидеть. И только бы это был не немец.

«Двести двадцать вторая» буквально шныряла среди неподвижных танков, пробитых насквозь, горящих, размотавших вокруг себя гусеницы, иногда окруженных телами убитых. Они втиснулись в пяточок между парой советских Т-34, стоявших почти рядом, и Борис несколько секунд надеялся, что немец их потерял. Потом башню одной из мертвых «тридцатьчетверок» срезало как ножом по косому шву – сюда угодил снаряд охотящегося за ними «тигра». За те секунды, пока немец перезаряжал пушку, им удалось выпрыгнуть из просвета. Самоходка Бориса выскочила в пятно света, окруженное почему-то со всех сторон дымом, но чистое, и в этот момент навстречу им вылетел покрытый копотью и камуфляжем стальной зверь. Борис едва удержал свой готовый сорваться крик, потому что это был Ленька, пришедший им на помощь – как тогда, сто лет назад, когда «хетцер» промахнулся по ним обоим. Потом из-за спины Леньки вылез черный силуэт чудовищной бронированной машины, и они все выстрелили одновременно, короткими сине-белыми рощерками перекрыв узел света, образованный причудой ветра в черном дыму. Его швырнуло в стальную стенку командирского купола, с лязгом ударившего в лицо, защищенное перекошенным налобником танкового шлема, горячие язы-

ки пламени толкнулись снизу, мгновенно налив кисти рук пузырями ожогов, и тут же отпустили, откатившись. Наводчик, держась за рот руками, через пальцы уже текла черная пузырящаяся кровь, начал протискиваться снизу, мимо него, и Борис, поняв наконец, нырком подвинулся к люку, лихорадочно нащупывая рычаги запора. Машинально успев выдернуть с крепления автомат, он, захлестнув ремень на предплечье, выкинул его в наконец-то распахнувшийся проклятый люк, и они выкатились на крышу самоходки рядом друг с другом. Вслед за ними из люков поднялось уже сплошное пламя, и снизу ударил почти сразу же оборвавшийся человеческий крик.

Борис кувырком слетел с крыши, ударившись о землю так, что лязгнувшие челюсти едва не отхватили ему половину языка. Автомат ударил его по спине, и он, еще раз перекатившись, прижался спиной к каткам неподвижной самоходки, выставив перед собой дырчатый кожух ствола и на ощупь передергивая затвор. «Сушка» могла рвануть в любую секунду, но сломя голову нестись по полю было столь же опасно – вокруг все так же грохотало и трещало, выстрелы танковых пушек рвали горячий воздух, а дзинькающий визг рикошетивших от кого-то пуль давал понять, что он здесь не один такой.

Преодолев на четвереньках расстояние до ведущего катка, Борис осторожно выглянул из-за клина, образованного поднимающейся на каток гусеницей. В следующее мгновение он

сорвался с места, забыв о колотящем по коленям автомате, рывком набегаая на горящую самоходку, из которой мужик в полыхающем на спине комбинезоне вытаскивал согнутое тело Леньки. Борис вспрыгнул на борт «Двести двадцать четвертой» одним толчком – в другое время после такого скачка растянутые сухожилия болели бы в паху неделю, не давая ни сесть, ни встать. Вскочив на крышу и ухватившись за Ленькин ворот, он одним движением выдернул брата из горячего, бордового нутра машины и, подхватив двумя руками под спину, спрыгнул вниз, снова упав на колени. Бросив мешающий ППШ, который, оказывается, все еще болтался на руке, Борис рухнул на катающегося по взрыхленной земле парня, ладонями сбивая с него языки пламени. Сбоку закричали, и он, повернувшись на мгновение, увидел таких же катающихся по земле людей, которые, вскрикивая, молотили друг друга кулаками.

Вскочив от затихшего танкиста, чей комбинезон вяло дымился из рваных прорех, Борис кинулся к своему автомату – но из-за Ленькиной самоходки на него уже выбежал пригнувшийся человек в черной коже, выставивший перед собой пистолетный ствол.

Подсечкой, не сознавая, что делает, комбат сшиб противника с ног, и они кувыркнулись, сцепившись.

– Ва!.. – непонятно и гортанно крикнул немец, пистолет которого улетел далеко вбок. Растопыренными, закостеневшими в жесте пальцами Борис коротко ударил его в лицо,

насел сверху и, схватив за виски, начал бить затылком о тяжелый шипастый трак, оказавшийся совсем рядом. Немец попытался вырвать голову, щерясь, обнажая крепкие белые зубы; ему удалось высвободить одну руку, и он уперся ей в рот Бориса, раздирая его щеку. Старший лейтенант, мыча и мотая головой, рваными движениями зубов полосовал вонючую липкую кожу врага, одновременно продолжая бить эсэсовца головой о траки, в кровь разбивая собственные пальцы. Тот, закатывая глаза, начал хрипеть, цепляясь уже почти бессильно за Борисово лицо, а он с шипением и криком «Н-на! Н-на! Н-на!» продолжал остервенело ломать шею немца, каждый раз вскидывая голову врага вверх и со стуком опуская ее на покрытую собственной и чужой кровью гусеницу.

Сзади коротко хэкнуло; бросив наконец мертвого эсэсовца, Борис крутанулся вбок, к пистолету, и успел увидеть, как человек, стоящий на одной ноге с прижатой к голени второй, скользящим движением выдергивает из-за ключицы оседающего спиной к нему немецкого танкиста длинный обоюдоострый нож. Кинжал. Пехотинец из десанта, татарин, как там его, Муса!

Мягко развернувшись вальсовым пируэтом, сержант нырком ушел вбок и вниз, на ходу вытягивая из-под руки автомат.

– Муса!

Борис успел нащупать флажок предохранителя и из поло-

жения сидя дважды выстрелил из пистолета в набегающую фигуру. Одетый в черное немец согнулся пополам, а комбат вскочил на ноги, покрыв расстояние между ними еще до того, как тело врага стукнулось о землю. Ленька. Он выстрелил в упавшего еще раз и рухнул на колени рядом с Ленькиным телом, ощупывая его голову, трогая покрытую бордовыми пятнами свежих ожогов шею. Глаза брата были закрыты, ресницы чуть заметно качались в такт с редким, неровным дыханием, которого было почти не слышно. Леньку надо было вытаскивать. Быстро. В ПМП¹⁷¹ или куда-нибудь еще. Голова вроде цела, и на гимнастерке крови не видно, кроме его собственной, но это ничего не значит. Нужен врач, и быстро.

– Лытинант! Лытинант!!!

Совсем рядом гулко закашлял автомат, перекрывая рокошное вязкое лязганье танков и вздохи снарядных разрывов в отдалении. Потом к нему присоединились узнаваемые тархтящие очереди еще двух – немецких «шмайссеров». Оторвав взгляд от лица брата, Борис прыжком вскочил с колен и, сунув пистолет за пазуху, подскочил к до сих пор валяющемуся на земле ППШ, который он вытащил из своей горячей машины.

Пехотинец, скукожившись у катков «Двести двадцать четвертой», скупыми очередями поливал что-то за ней, поминутно оглядываясь назад.

¹⁷¹ Полковой медицинский пункт, первый из этапов врачебной помощи при эвакуации раненых.

– Лытинант!!! – он наконец поймал взгляд Бориса и улыбнулся, натянув кожей шрам на щеке, уходящий далеко вверх, под каску.

Поняв, командир батареи, от которой теперь не осталось никого, кроме него самого, подкатился к корме той же самоходки и, выглядывая из-за нее, сдвинул предохранитель. Запасного диска не было, но он особо и не нужен. В диске ППШ семьдесят один патрон, а в магазине МП под тридцать, а немцы тоже не пехота, а панцеры, выскочившие, как и он, из полыхающих машин. Одна граната сразу решила бы проблему нехватки места на уставленном горящими танками и самоходками пяточке земли – но гранаты не было ни у него, ни у эсэсов, ни, похоже, у сержанта.

За самоходкой отчаянно заорали по-немецки, автоматы застучали чаще, и Муса, проорав что-то непонятное, перешел на длинные очереди.

– In two-two's!!!¹⁷² – выкрикнул кто-то прямо за корпусом Ленкиной машины, совсем близко.

Подняв голову и сам поднявшись рывком, Борис, уже не оборачиваясь, вспрыгнул на броню и прижался к широкой корме надстройки, едва поместившись между ее вертикальной стенкой и языками пламени, вырывающимися из решеток двигательного отсека. Он надеялся, что именно сейчас самоходка не взорвется, потому что Ленка лежал совсем

¹⁷² Очень быстро, немедленно (английский сленг середины века). Сейчас звучит как «In twos».

рядом, притиснутый им к самим каткам, чтобы они могли хоть как-то его защитить от пуль, а выбирать другую позицию было некогда. От подбитого им «тигра», который сжег «224», бежали фигуры в черном и сером, припадали на колени, стреляли и бежали дальше. Его заметили почти сразу, и бегущий впереди поднял автомат на уровень лица, когда Борис надавил на спуск. Ему не приходилось много стрелять из ППШ, но грохот и дрожание отлаженной машинки, по одной выбрасывающей из окошка яркие, сияющие гильзы, наполнило его радостью.

– Леньку! – заорал он в восторге. — Леньку! Суки!!! Хрен вам!

Несколько пуль проныли совсем близко, еще одна удари-лась в броню и отрикошетировала с почти кошачьим мяу-каньем, затихающим на самой высокой ноте. Он продолжал поливать огнем затормозившие, пятящиеся фигуры, с радостью видя, как некоторые из них падают, неловко взмахивая руками. Из-за края самоходки, скрытого от него надстрой-кой, вылетел сержант, тоже что-то орущий и стреляющий на бегу. Борис перескочил через решетки, спрыгнул с высоты на землю, едва удержавшись на ногах, и тоже помчался впе-ред, опустошая диск автомата в одной длинной, почти непре-рывной очереди.

Оказавшийся на пути мужик в зеленой куртке, с растерян-ным, почти собачьим лицом, выстрелил в него несколько раз из револьвера, но пули только рванули ткань гимнастерки,

пропитанной кровью и грязью. Косая пулевая строчка автомата дотянулась до стрелявшего, с разворотом сшибив его на землю. Автомат комбата умолк, как и автомат пехотного сержанта. Выдернув из ножен кинжал и перекинув ППШ стволом в руку, пехотинец широким, мягким движением ушел от удара крепкого эсэсовца, тоже перехватившего свой автомат как дубинку, принял конец его размаха на приклад и в повороте погрузил острие кинжала в подмышку немца, развернув его мимо себя и стряхнув с кинжала уже за спину, назад. Двигался он потрясающе. Второй танкист отшатнулся, и сержант с криком ударил его своим автомат, крест-накрест. Дальше Борис не видел, потому что в него самого вцепился офицер-танкист, с лицом закопченным под негра из «Красных дьяволят». Комбат дважды пытался подсесть его ногу, и оба раза эсэсовец ловко избегал подсежки, сам пытаясь поднять противника на бедро. Рыча и вращая глазами, они крутились стоя, вцепившись один другому в предплечья, наклонившись так, что захлестнутые на занятых руках ремнями бесполезные автоматы били их при каждом рывке железными боками. Борис попытался рвануться назад, чтобы вцепившийся в него немец упал на колени или ослабил хватку, дав возможность хорошо влепить ногой, но тот удержался, а в спину плашмя ударило металлом – комбата прижало к танку, и навалившийся на него эсэсман начал буквально вскарабкиваться сверху, все ниже и ниже пригибая голову старшего лейтенанта к земле.

«Пистолет, – мелькнуло в голове. – Пистолет за пазухой!»

Но ни возможности, ни секунды выдернуть пистолет уже не было, обеими согнутыми руками Борис удерживал руки немца, едва-едва не дотягивающиеся до его горла. Немец зарычал, выговаривая губами что-то свое, и старший лейтенант закричал – отчаянно, без слов, рывками ворочаясь уже прижатым к земле, пытаясь выползти из под мускулистого тела врага. Это не могло произойти с ним, потому что это всегда происходило с кем-то другим, потому что Ленька лежал совсем рядом, брошенный, за траками нехотя горящей «сушки», потому что немец был не больше и не сильнее его, потому что это и сейчас происходило с кем-то другим! Руки танкиста дотянулись до его горла, и всех сил Бориса едва хватало, чтобы удерживать его ладони не до конца сведенными, лягаясь изо всех сил, елозя по земле тазом и каждый раз обрушиваясь обратно под тяжестью прижавшегося к нему врага, который, оскалась и шипя, продолжал давить его шею. Не помня себя, старший лейтенант ударил противника в лицо головой и тут же рванулся вбок, на ходу крутанувшись влево, лицом к немцу. Рука скользнула в узкую щель между его подбородком и плечом, и, провернувшись на ободранном боку, Борис опрокинул эсэсовца в сторону, сам оказавшись почти на его груди, цепким движением оцарапав лицо снизу вверх и зажав голову танкиста в согнутый колесом локоть.

Если бы он не попал на развороте рукой, немец прижал бы его сейчас лицом вниз, и все, конец; но теперь Борис сам

изо всех сдавливал его горло, прижимаясь щекой к щеке. Изогнувшись, немец укусил его за плечо, отчаянно задирая неприжатую ногу, пытаясь зацепить его голову икрой, чтобы отодрать от себя. Комбат прижался к танкисту еще сильнее, обдирая брови об дергающиеся вправо и влево петлицы пытающегося вырваться человека.

– Все. Все. Тихо. Тихо... – выговорил он в щеку немца, напрягающего все мышцы, так что багровое лицо округлилось от желваков.

Тот продолжал отчаянно дергаться, короткими рваными движениями пытаясь высвободить руки, но откуда-то сбоку его, лежащего заломанным под Борисом, ударили с размаху сапогом в лицо. Старший лейтенант вскинул голову, не отпуская хват, – это был свой пехотинец в серой шинели с обгорелым низом, он уже заносил примкнутый штык для удара; позади перемещался вбок еще один, на ходу наклоняясь к земле.

– Нет! – выкрикнул Борис пехотинцу, и тот застыл с занесенной винтовкой. Немец замер, тоже глядя на направленный ему в лицо штык. Комбат двумя поворотами головы осмотрел окружающее пространство, увидев только нескольких бегущих солдат и еще одного рядом, волокущего убитого почему-то за ноги. Это были свои.

– Веревка есть?

Солдат отрицательно помотал головой.

– Ладно.

Борис встал с неподвижного танкового офицера, машинальными движениями отряхивая грудь. Тот продолжал лежать смиренно, не отрывая глаз от раскачивающегося перед носом кончика штыка.

– Мотострелки?

– Да.

Только сейчас у Бориса включился слух и перепонки наполнились обычным военным шумом: автоматной стрельбой, приглушенным буханьем пушек, шарканьем и топотом человеческих ног. Потом он вспомнил о брате.

– Не трогать его! – сказал он пехотинцу-азиату и, хромая, вприпрыжку обогнул по-прежнему вяло дымящую, но уже без огня «Двести двадцать четвертую». Леня лежал под бортом – слава Богу, еще живой, рядом на корточках сидел немолодой солдат с санитарной сумкой, подсовывал ему что-то под нос.

– Что? – Борис упал на колени рядом, ухватил за рукав.

– Ага, еще один горелый. Руки давай...

– С ним что?

– А-а... – санинструктор махнул корявой ладонью. – Надышался дрянью... Отлежится. Вы его вытащили, товарищ старший?..

– Нет. Из его экипажа парень. Откуда вы взялись?

– Откуда, откуда...

Бурча под нос неразборчиво, пехотинец уверенно обработал руки старшего лейтенанта, наложил повязки тонкими

бинтами.

– Мотострелки? – опять спросил он.

– Угу... Подождали, как вы закончите, да и послали к вам роту. Жутко было смотреть, какое месиво. Полтора часа земля ходуном ходила. Остальные с танками вперед ушли.

– Полтора часа?

– Да вы что, товарищ старший лейтенант... Контужены?

– Не знаю.

Борису начало казаться, что все вокруг ненастоящее, что люди ходят искусственной походкой, совершают лишние, ненужные движения. Наверное, его действительно контузило, это многое объясняло. Очень осторожно он поднялся, санинструктор посмотрел оценивающе. Подумав, Борис направился туда, откуда пришел, в обход самоходки. Там, где он оставил бойца, стоял теперь младший лейтенант, явный комвзвода, с мрачным усатым солдатом рядом, и поигрывал револьвером перед лицом немца, сидящего теперь, привалившись спиной к мертвому танку. Тот смотрел спокойно, разминая рукой налитую темными пятнами синяков шею и вытирая кровь, капающую из-под носа.

Борис остановился прямо перед немцем, младший лейтенант непроизвольно поставил при этом обе ноги вместе: наверное, недавно из училища.

– Намен?

Немец молчал, изучающе и совершенно спокойно, даже с некоторым любопытством разглядывая его лицо.

– Намен? Шпрехен, ан альтер фекин цигенбак!

Эсэсовец приподнял брови с интересом.

– Что, морда, Гитлер капут? – мрачный солдат вопросительно посмотрел на артиллерийского старлея. Эсэсовцов в плен брать было не принято, но не вовремя появившийся взводный, а теперь еще и перекошенный артиллерист ему помешали.

– Молчит, гнида.

Голос младшего лейтенанта был высокий, но ровный. Что бы сказать, куда бы деть этого...

– Много пленных взяли?

– Мало... После вас возьмешь... Этот вон подполковник зато. Зря косишься, Саен. Этого – живым.

– Я не кошусь.

– Что, действительно подполковник? – Борис машинально удивился, немцу было лет на вид ненамного больше, чем ему.

– Похоже на то.

Лейтенант опустил на корточки рядом с немцем, прищурившись, разглядывая его.

– Намен?

– Hans-Ulrich. Hans-Ulrich Krasovski, – неожиданно сказал эсэсовец.

– Тю! Заговорил. Тогда придется в тыл вести. Саен, кто у нас на посылках сегодня?

– От того, кто на посылках, этот Ульрих сбежит. Дав по

башке предварительно...

– Красовский. Поляк, что ли?

– Ja, Krasovski, – немец даже чуть улыбнулся Борису – но не заискивающе, как обычно улыбаются пленные, а нормально, как равному. – Wer sie sind?

– Старший лейтенант Чапчаков.

– Panzer?

– Найн. Ягдпанцер.

– Ja... Kitaeff...

Разговор перестал комбату нравиться совсем. Немец вел себя по-хамски. Попавшему в плен положено робко пытаться расположить к себе конвоиров, чтобы не пристрелили, а не называть по имени командира их полка, который сейчас находился неизвестно где. Почему-то подумалось, что Батя был в таранившей «тигр» самоходке, люки на которой остались закрытыми изнутри.

– Лейтенант, – он повернулся к взводному мотострелков. – За этого типа отвечает головой. Ваша фамилия?

– Гвардии младший лейтенант Голосов!

– Вам понятно, младший лейтенант Голосов? Саен, если ты этого Ульриха не доведешь, я сам тебя найду и заставлю из всех танков погибших доставать... Лопатой без черенка. Это тоже понятно?

– Да чего там. Нужен он мне. Это вы его так, товарищ старший лейтенант?

– Я. А он меня. Все по-честному. Так что пусть теперь

живет.

– Тут в пяти метрах интересный тип лежит, – подал голос взводный, который сунул наконец револьвер за пояс и вообще приобрел нормальный взрослый вид. – Не немец. И не американец. Хотите посмотреть? Пистолет вон у него был интересный...

– Дай сюда.

Борис взял у пехотного лейтенанта револьвер, из которого в него стреляли, и, подумав, отдал ему немецкий, который, оказывается, до сих пор лежал за пазухой.

Вокруг были в беспорядке набросаны человеческие тела, горящие танки, советские и вражеские, стояли вперемешку, покрытые оспинами осколочных выбоин и изъязвлениями пробоин. От бригады все же уцелело несколько машин, которые ушли вперед, выполняя поставленную задачу. Пройдя несколько километров по рассекающей еловый лес просеке, они вышли к шоссе Оснабрюк—Белефелд, по которому непрерывным потоком тянулись грузовики и повозки американских и немецких частей, стремящихся выйти через наживленный прорывающимися на последних каплях горючего бронечастями и мотопехотой коридором – пока русские не перекрыли его горловину.

На дороге танки устроили бойню. Пережив всю бригаду, всего четыре дня назад насчитывавшую полных девяносто шесть танков, уцелевшие «тридцатьчетверки» огнем и гусеницами прорубили в загромождавшей шоссе массе грузо-

виков и тягачей дорогу на километр в каждую сторону. К ним присоединилась пара бронемашин, зачистивших обочины пулеметами, а через четверть часа подошел неполный батальон бригадных мотострелков и противотанковая батарея, пушки которой быстро установили вдоль дороги, растопырив стволы в обе ее стороны.

Один или даже три-четыре танка, средних, типа Т-34, почти ничего не значат в масштабном сражении и объемной, глубокой операции. Борис не был под Прохоровкой, но после сегодняшнего дня примерно представлял себе, как оно было там – громадная бескрайняя степь и тысячи горящих танков, и обе стороны бросают в схватку один корпус за другим, пока им не становится трудно двигаться. На безымянной немецкой пустоши гвардейская танковая бригада и батарея СУ-85 за без малого полтора часа полегли почти целиком, выбив танковый полк СС неполного после недели боев состава – величайшую драгоценность по меркам войны. Но даже несколько оставшихся «тридцатьчетверок» становятся абсолютной величиной, когда их противники – не танки и артиллерия врага, а дешевое жестяное стадо, прошиваемое 85-миллиметровыми снарядами, обливаемое огнем вопящих в восторге пулеметчиков, давимое гусеницами.

Это только в кино танк можно подбить гранатой. Нет, конечно, это тоже бывает. И гранатой, и бутылкой с «молотовским коктейлем», и даже, запрыгнув на броню и вылив на радиатор бензин из канистры, как рекомендовала немецкая

листовка-инструкция. Но на каждого из тех, кому это удалось благодаря везению и отчаянной храбрости, приходилось по пятьдесят человек, не сумевших даже добежать до танка на бросок гранаты. Когда на тебя идет ревущая машина, громадная, покрытая кровью и слизью, стреляя из, кажется, всех своих щелей, все инструкции и навыки отменяются инстинктами, которые превращают большинство людей в бессмысленных животных, пытающихся спастись.

На застреленного им англичанина Борис все же сходил посмотреть – после того, как так и не пришедшего в сознание Ленку погрузили в грузовик медсанбата танкового корпуса. Ничего интересного, только часы хорошие.

Узел 10

Последняя неделя ноября 1944 г.

Чего получивший через день капитана старший лейтенант Чапчаков не знал, так это того, что пережитое им побоище стало последним крупным танковым сражением всей операции. Перерубленное шоссе, по которому отходили на юг тыловые подразделения американских и немецких дивизий, вместе с вдребезги разбитой за сутки до этого железнодорожной веткой к Мюнстеру, вдоль которой прорывались сведенные в ударную группу еще боеспособные части, лишили Объединенное командование последней надежды деблокировать окруженные войска. К полуночи котел был полностью рассечен по горизонтали, разделенный на две неравные половины, по которым непрерывно молотила артиллерия. Продвижение с юга армии Паттона, на которое возлагались большие надежды и который до этого момента весьма успешно двигался через зону ответственности Рокоссовского, замедлилось, а затем и полностью застопорилось. Армии 2-го Белорусского повисли на противнике, как собаки на почтальоне, хватая зубами за штаны. Талантливый и решительный генерал, апологет германской танковой тактики начала войны, весьма вовремя понял, что с русскими принцип «У танков не бывает флангов» не проходит. Не успев зарваться (на что

надеялись пара командующих фронтами), он разорвал контакт и отошел к югу, бросив отставших. На заседании Ставки в Москве Штеменко рассказал, что Паттон обещал после перегруппировки смешать русские армии с пылью своими танками и отбросить их за четырнадцатый меридиан к Рождеству.

– «Саид, бездельник, я покажу тебе, как давать такие обещания»¹⁷³... – высказался по этому поводу эрудированный нарком ВМФ.

Тем, кто не понял, что он имел в виду, было объяснено. Далее были перечислены номера дивизий, оставшихся внутри кольца окружения, и тех, которые, судя по всему, «Новой Коалиции» пришлось отводить с фронта после нескольких дней боев.

В карманах убитого британского майора не было найдено ничего особо интересного – обычный «наблюдатель», контролирующий выполнение немцами приказов. Допрос пленного немецкого подполковника-танкиста в штабе армии тоже ничего выдающегося не открыл, тот назвал только свое имя и номер части и молчал в ответ на все остальные вопросы, с интересом разглядывая собеседников. К утру двадцать шестого не вытянутые из него показания перестали кого-либо интересовать: редкие до того эпизоды сдачи в плен

¹⁷³ Фраза, которую адмирал Ушаков прокричал с борта своего корабля вражескому флагману во время сражения при Калиакрии, имея в виду обещание турецкого адмирала привезти его в Константинополь закованным в цепи.

мелких подразделений, принадлежащих к полностью выдохшимся дивизиям и бригадам, сжимаемым внутри сегментов кольца окружения, начали сливаться в одну сплошную цепь.

Вторая попытка 1-й английской армии деблокировать окруженные части с запада опять натолкнулась на упорное сопротивление советских войск, уже успевших зарыться в землю с внешнего рубежа обороны, и ее командующий сэр Кеннет Андерсон заявил Монтгомери, что нужно прекращать бессмысленные атаки, пока армия еще способна хотя бы служить угрозой для русских, надумай они перейти в наступление на его участке. К часу, когда фельдмаршал был вынужден с ним согласиться, сопротивление внутри кольца уже почти прекратилось.

Те, кто может осудить сдавшихся, никогда, наверное, не воевал. В течение многих дней американские и немецкие солдаты находились в непрерывных боях – почти без сна, без еды, в окопах, вырытых в промерзающую за ночь землю, от которой утром приходилось отдирать ткань и собственную кожу. На них волнами накатывались бесчисленные советские танки и пехота, и каждая отбитая атака означала только то, что сейчас начнет снова работать чудовищная русская артиллерия, а после часа обстрела откатившиеся было гвардейцы снова пойдут вперед – и так до тех пор, пока не добьются своей цели. Неоткуда было взять боеприпасы, неоткуда было взять топливо, кончились медикаменты. Союзники имели опыт снабжения достаточно крупных частей с воздуха – но

для этого, во-первых, нужно было быть уверенным в своем господстве в воздухе, так и не завоеванном окончательно, а во-вторых, нужна была нормальная погода. Пехотинцам более-менее все равно, сколько воздушных побед у выдающихся асов их стран и кого они героически сбивают где-то там, вдалеке. Их волнует исключительно собственная шкура, которую изо всех сил пытаются продырявить ходящие по головам штурмовики и бомбардировщики. Если человек хоть один раз побывал под бомбежкой или штурмовкой, то никакие заверения о том, что равных нашим летчикам нет, уже не будут оказывать на него никакого влияния. Так что в нелетной погоде были свои определенные плюсы – она позволила значительному количеству людей остаться в живых.

27 ноября последние вспышки боев местного значения между Сулингенем и Мюнстером угасли. Израненные, вымерзшие, усталые за пределами человеческих возможностей офицеры и солдаты в американской и немецкой полевой форме сложили оружие, подчинившись силе победителей. Бог на стороне больших батальонов – особенно если их командиры не такие полные дебилы, как уверяют в офицерских школах тех, кого они бьют. Счастливых исключений было немного – лишь нескольким бригадам и полкам удалось просочиться через сплошной в первые дни фронт окружения и нескольким сотням бредущих в одиночку и небольшими группами бойцов, не бросивших оружия и сохранивших достаточно здравого смысла, чтобы не пытаться просить помо-

щи у местного населения.

В эти дни было много разговоров о том, чего удалось добиться сторонам и чего не удалось. Войска «Антибольшевистского фронта» сумели заставить русских понести тяжелые потери, надолго лишив их северные фронты возможностей проводить масштабные операции. Но это было как в «Новом Сатириконе»: «Проигравшие Бородинское сражение французы с горя заняли Москву». Полторы полностью ликвидированные армии образовали во фронте дыру, которую было крайне сложно заткнуть, и Голландия, всего полтора месяца назад ставшая ареной ожесточенных боев американских, британских и польских парашютистов с частями Вермахта и Ваффен-СС, была отдана русским без большого сопротивления. Двести километров от Оснабрюка до Утрехта советская броня прошла за полтора дня, хотя это и стало ее последним рывком. Фронты, если глядеть на них снаружи, успокоились в ожидании решений, которые должны были принимать политики и дипломаты на основании достигнутых маршалами и генералами результатов. Сталин вовсе не был безумным маньяком во внешней политике: ему нельзя было отказать в здравом уме и способности к анализу. Сталину казалось, что он всего один раз в жизни просчитался глубоко. Тогда, в сорок первом, это привело к последствиям, с которыми удалось справиться ценой огромных трудностей, потеряв миллионы людей и годы времени. Второго раза он искренне не хотел допускать. Может, и возраст ска-

зывается, что хочется меньше риска, чем раньше, что начинаешь понимать смысл слова «достаточно», раньше бывший абстрактным, не доходящим до конца до разума.

– Военное счастье переменчиво... – задумчиво произнес генералиссимус на затянувшемся до четырех утра заседании Ставки, на котором Молотов сделал почти двухчасовой доклад. – То, что они нам предлагают, это полумера, но большего нам сейчас и не потянуть. Можно критиковать товарища Жукова за то, что он сделал меньше, чем мы рассчитывали, но успех есть успех, и хребет он им все же переломил... Нашего состояния они не знают, что радуется, поэтому разговаривают не в пример более вежливо, нежели тогда... Когда мы все это начинали...

Маршалы и наркомы молчали, ожидая решения Сталина, к которому они последние дни старались его склонить всеми силами. Даже половинчатый успех Жукова, спешно перестроившего сейчас свои обескровленные фронты, дал советской дипломатии огромную фору. Он заставил уверенных в себе лидеров Британии и США испугаться, показал, что не они контролируют обстановку – точнее, не только они ее контролируют. Все красивые и верные слова, которые произносят президенты и премьер-министры в речах, касающихся чужих стран, быстро теряют свою силу, когда речь доходит до серьезных решений, грозящих пролитием собственной крови. Воевать еще годы, пытаться отобрать у

красных взятые ими на саблю города и земли... Можно было, конечно, попробовать – но больно уж рискованно. И русским было очень уж рискованно продолжать давить на Запад с той же силой: риск оступиться возрастал с каждой новой сотней километров. Сталин знал, что за собственно Англию и собственно Америку война была бы совсем другая, о них он даже не помышлял. Попробовать получить Италию и Францию... И Бельгию... Не сейчас. Не в этот раз. Нельзя все выиграть сразу, и так за несколько лет сделали столько, сколько императоры и цари не смогли за века.

Сталин рассуждал вслух, неторопливо расхаживая по залу совещаний. Задержавшись около большой карты Европы, занимавшей почти полностью одну из стен, он оглядел сверху вниз сдвоенную линию, тянущуюся наискосок через весь континент, иногда чуть расходящуюся в разные стороны. Красная линия, куда уже ступила нога советского солдата, и синяя – куда она ступит без боя, если принять мирные предложения бывших союзников.

– Мы сейчас в положении японцев в сорок втором... – негромко заметил он. – Цепочка удач, одна больше другой, и нужно либо давить изо всех сил, пока она не оборвется, – либо брать то, что дают, и заканчивать, пока можешь рассчитывать на свои силы. Потом будет поздно... Нам легче сейчас, потому что свой Мидуэй мы выиграли. Кто знает, пошли бы японцы на заключение мира, если бы они разгромили тогда американцев, а не американцы их? Или продолжили бы

драку, чтобы взять еще и еще, пока получается...

Он отошел к другой стене, с картой Советского Союза, простирающего свои границы от Арктики до пустынь Азии и от дальневосточных сопок, перерубленных ровной границей взятого в 1905-м японцами Сахалина, до Бессарабии и Прибалтики – первых его вкладов в сокровищницу страны. Потом Сталин обернулся к Европе и, казалось, взвесил две эти карты на своих ладонях. Оцепенев, все следили за ним.

– Да, – наконец сказал он, решившись. – Да.

Общий бесшумный вздох проплыл по залу, разогнав плавающие в свете люстр полупрозрачные пылинки.

– Да, – повторил Сталин. – Передайте Коллинзу мое согласие. Товарищ Молотов, вам и товарищу Громыко к вечеру проработать по всем пунктам их предложения. Соглашение о прекращении огня разрешаю ввести в действие с восьми утра, но – следить, следить, чтобы никакой пакости не было.

– Не будет, товарищ Сталин.

Верховный машинально провел пальцем по еще одной, небольшою размера карте, лежавшей у него на столе, краем дотягивающейся до места Берии. Лаврентий Павлович, заместитель председателя Государственного Комитета Оборона по вооружению, ласково оглядывал всех присутствующих каждые несколько минут. Мало ли что может прийти в голову генералам, когда они поймут, что выведшая их в люди война заканчивается...

Извилистая, косо наложенная на карту синяя черта отру-

бала треть Германии, оставляя за «Западными союзниками» контроль над всем югом и частью западных земель страны. Бавария, Баден-Вюртемберг, приткнувшийся к Франции Сaarланд, две трети Гессена, южная половина Тюрингии, Рейнланд-Пфальц, часть Вестфалии, находящаяся за осью Дюссельдорф—Зиген, которую так и не удалось пересечь Черняховскому. Плюс Лихтенштейн в качестве довеска. Жирный кусок. В нем трудно было бы воевать – слишком много гор, слишком много рек. По Австрии война прошла лишь краем, 46-я армия с 9-й Гвардейской общевойсковой и 6-й Гвардейской танковой Кравченко взяли Вену с наскока и, проломив оборону германских 43-го армейского корпуса и 2-го танкового корпуса СС, вырвались на границу с Чехией, где их и должно было застать на марше известие о капитуляции Германии.

Красиво все обставили союзнички, молодцы, в этом им не откажешь: умеют тонко все провернуть, так что посмотреть приятно. Не то чтобы западные союзники вдруг отступили перед русскими, упаси Бог! Просто Германия, капитулировавшая перед ними без малого месяц назад, теперь дополнила протокол о капитуляции, включив в него и Советский Союз – лишь по недомыслию немцев ранее оставшийся за его рамками и вполне справедливо с этим не согласный. А мы-то тут, так сказать, при чем? Теперь Германия поделена на зоны оккупации, как и намеревались еще в Ялте, и хотя советский сектор оказался больше планируемого, а союзный

– почти номинальным, но и это объяснялось вполне объективными причинами. То есть весьма успешными действиями советских армий в последний период боевых действий. Гм...

Очень удачный термин для похожих ситуаций имели японцы: «сохранить лицо». Всем все ясно, но все изо всех сил делают вид, что все нормально, вежливо улыбаются, делают друг другу мелкие одолжения. Третья американская армия отошла за границу Чехии: пожалуйста, дескать, не больно-то и хотелось, а Эйзенхауэр задавил протестующие вопли Паттона недрогнувшей рукой. И вопрос о статусе Голландии даже одного параграфа не занял, граница контролируемых сторонами территорий прошла по Рейну. О том, что Голландия была, собственно говоря, независимым государством, оккупированным Германией, даже вспоминать не стали. Русские ведь ее освободили? Освободили. Народ ликует? Ну, кто хочет, те ликуют, а остальные быстро научатся. Да и ведет себя советская армия на негерманских территориях, надо признать, вполне прилично...

Нет, можно только позавидовать ситуации, когда страна может позволить себе плевать на мировое общественное мнение. Ведь что такое общественное мнение, в конце концов? Негодующее поджимание губ тех, кто считает себя очень культурным и цивилизованным. Дескать, когда бомбили немецкие города, то это делалось для их же пользы – чтобы поскорее закончить войну и тем сократить жертвы среди мирного населения. А вот, говорят, русские солдаты насилу-

ют всех подряд, и, говорят, даже грабят и убивают местное население. Мирное немецкое население, которое ни в чем не виновато и теперь становится жертвой русского варварства. А что Польша, Чехословакия, Болгария, Югославия и Дания объявили себя союзниками советской стороны, то это говорит лишь об их черной неблагодарности по отношению к западным, настоящим Союзникам, которые столько для них сделали. Да, все это – отнюдь не официальная позиция. Официально, по подписываемым в Эрфурте протоколам, мы все вместе победили Германию и теперь радостно прыгаем на ее костях. Но вышесказанное служит как бы фоном для общего ответа на разрешение войны хоть каким-то миром.

Есть очень хороший метод реакции на всякие негодующие вопли подобного характера. Сложно, наверное, выразить его словами тем, кто не имеет специального образования и у кого язык подвешен не так, как у профессиональных дипломатов. Ну, если не очень церемониться, этот метод можно назвать: «Пошли на хрен». Мировые газеты орут, что нужно объявить крестовый поход против коммунизма, невзирая ни на какие жертвы. Пусть орут – их президенты и премьеры знают, что такой поход скорее закончится в Лиссабоне, чем в Куйбышеве, и поэтому не рыпаются.

– Советы депортировали в Сибирь тысячи чеченцев! Какое злодейство!

– Смотрите пункт выше. Это наше внутреннее дело. И вообще, у какого-то высокоморального государства половина

территории колючей проволокой опутана, за которой сидят японцы, чьи дедушки еще в девятнадцатом веке приехали сюда за лучшей долей.

– Но ведь это же совсем иначе!

– Ага, конечно... В любом случае пошли.

И Эренбург, чудовище в человеческом облике, написал «Убей немца» – какой кошмар! Адмирал Хэлси, правда, пару лет назад провозгласил: «Убивайте японцев, убивайте японцев, убивайте больше японцев» – но ведь это тоже совсем другое! Кейтель орет, что его обманули в лучших чувствах, что нельзя прекращать борьбу с большевистскими ордами для спасения великой германской культуры и цивилизации. Пусть орет, кого сейчас волнует какой-то немец? Один вон тоже много орал, теперь его челюсть в Москве хранится, и Сталин на нее иногда с интересом смотрит. «Бедный Йорик». Кто будет много кричать, рискует, что и его челюсть туда же отвезут, когда тихонько тюкнут хозяина по голове чем-нибудь тяжелым. Хотя это уже будет нарушением вышеуказанного принципа. Впрочем, можно просто заставить крикуна читать лекции в какой-нибудь военной академии. Про «Утерянные победы». Орите в свободное время, господин фельдмаршал, завтра у вас лекция в десять. Опоздаете или плохо подготовитесь – останетесь без сигарет.

Сталин тихо усмехнулся своим мыслям, он любил иногда расслабиться такой игрой. Иметь возможность раздавить кого-то, знать, что тот про это знает, и не делать этого, от-

тягивать момент... Наверняка Кейтель понимает, что если русские попросят союзничков выдать его как военного преступника, больших моральных терзаний у тех не случится. И все равно орет, пытается еще как-то повлиять на их решения. Смелый человек. И несчастный. Униженный политиками больше, чем чисто военными поражениями. Оставленный на считанные месяцы руководить маленьким обрубком разбитой Империи, выжженным, изможденным тотальной войной, зная, что сотни тысяч говорящих с ним на одном языке людей строят коммунизм за полосой колючей проволоки, разграничивающей Западную зону оккупации от Восточной. И другие сотни тысяч, взятые с оружием в руках, копают каналы и валят лес, отрабатывая честным трудом свое прошлое. А многие еще и не начали, ждут своей очереди... И ничего Кейтелю не сделать. Через несколько месяцев заменят его на более удобного американцам и англичанам человека, который будет лучше понимать их собственные интересы.

Любой мир, особенно из заключенных на чужой земле, лучше, чем ежедневное убийство подобных себе. Эйзенхауэр, когда передавал им свое предложение (выстраданное государственными мужами, разумеется), назначил парламентарем генерал-майора Джозефа Коллинза, «Сражающегося» или «Разящего» «Джо». То, что он был тезкой самого Сталина, никакого значения не имело. Интересным было то, что генерал-майор оказался единственным из командиров кор-

пусов 1-й американской армии, не попавшим в плен. Седьмой корпус постигла та же судьба, что и остальных, но самому Коллинзу удалось вырваться с частью штаба 4-й пехотной дивизии, и его ненавидящий взгляд навсегда остался в памяти тех советских офицеров, кто был с ним в одной комнате, когда генерал передавал Константину Константиновичу пакет с бумагами за подписью Дуайта Эйзенхауэра.

Счастье, что закончилось все это безумие. Хотя как, пусть не по-настоящему, пусть временно, но лишь бы закончилось. Лишь бы не резать больше глотки друг другу. Комбинация самых разных факторов все же вернула в нормальное русло разум тех, для кого жизни нескольких сотен тысяч солдат, сжавшихся на дне траншей в ожидании атаки, не имеют равным счетом никакого значения. Пусть не от человеколюбия, а от того, что выгода и расчет перевесили жадность и жестокость. Плевать. Все. Все. Кончилось это.

Корабли советской эскадры вошли в родные воды, когда соглашение о прекращении огня было уже подписано. Обледеневшие, покрытые, как новогодние елки, вязью искрящихся снеговых иголок, просвечивающих изнутри черным, они выглядели жутковато. Встретивший эскадру «Мурманск»¹⁷⁴ со сворой эсминцев под надзором лидера «Баку» просемафорил длинную речь, поздравляя с успехом. Связь

¹⁷⁴ Американский легкий крейсер «Милуоки», переданный Советскому Союзу по ленд-лизу в счет будущего раздела Итальянской флота.

была устойчивой уже несколько дней, и встреченная в океане подводная лодка, высветившая упертым в небо прожектором точку поворота, уже отстучала им свое, но семафор крейсера стал последней точкой, означавшей: «Дома». На мостиках советских кораблей плакали и смеялись серые от недосыпания и напряжения, измученные мужики, с воем обнимавшие друг друга. Не в привычках военных моряков демонстрировать свои чувства, да и вообще это не в мужских привычках, мужчины чувствуют себя неловко даже в кино, в трогательные моменты – но сейчас это не имело уже никакого значения.

Успех... Да, это был действительно военный успех, пусть и не такой яркий, как достигнутый на сверкающих первым снегом полях Германии, но именно он стал той последней каплей, которая перевесила чашу весов в федеральном округе Колумбия с «нет» на «да». Вырвавшаяся из взбесившейся Атлантики русская эскадра, оставившая позади себя обломки и догорающие пятна разлитой по воде нефти, стала фактором, который теперь нужно было учитывать каждый раз, при планировании каждой армейской операции, при проводке каждого конвоя. Лишь недавно наконец-то потонул «Тирпиц», пугало Арктики, и его замена сразу тремя подобными тварями напоминала впечатление, пережитое Геркулесом в начальной фазе общения с Гидрой.

Специалистам все это было ясно. Потопленный авианосец, потопленный старый, никому не нужный крейсер и еще

один, британский, близнец «Тринидада», красавец «Уэйк-филд» с частями 106-й дивизии, так и не увидевшей Европу, поврежденные эсминцы и сбитые покрышевскими ребятами самолеты – все это было оплачено кровью и жизнями людей ради того, чтобы война стала слишком страшной, чтобы начинать ее заново.

Они вошли на рейд все вместе, за строем «семерок», и лязг рвущихся из клюзов якорных цепей ознаменовал конец сиюминутного страха для тысяч выглядящих на десяток лет старше своего возраста мужчин, выстроившихся вдоль бортов кораблей, жадно вглядывавшихся в присыпанные белым крыши домов, где жили настоящие, живые люди.

– Тихонечко... Тихонечко... Угол, угол придерживай!

Врач «Кронштадта» шепотом, чтобы не беспокоить лежавшего без сознания привязанным к корабельным носилкам старлея, руководил тройкой офицеров-штурманов, вытягивающих раму носилок через лабиринт коридоров и трапов – наверх, к свету и жизни. Двое здоровенных как быки старшин волокли перед ними своего товарища, такого же, как они, бугая, сцепив руки в плотный «замок» и чертыхаясь, когда артиллерист слишком сдавливал их шеи. Дышать с разведенными руками он не мог, и ему приходилось цепляться за них по очереди.

Это были двое последних. Старшина был не тяжелый – в смысле, по состоянию, – но уходить без лейтенанта отка-

зался, и лишь теперь Ляхин оставил позади пустые койки в замкнутом, пропитанном надеждой и медленным ожиданием смерти лазарете. Был еще Раговской, задержавшийся непонятно зачем в рентгенкабиinete, бездумно проглядывая вороха рентгеновских негативов с сияющими контрастными тенями засевших в тканях осколков, с извилистыми границами переломов и трещин, проходящих по черепным костям. Какие-то из выписанных свинцовым карандашом по краю пленки фамилий уже стали полной абстракцией – после того как носившие их люди опустились, зашитые в простыни, в ледяную глубину безграничной водяной пустыни, коротким всплеском обозначив границу между своим пребыванием на земле и, отныне, только в человеческой памяти.

Хирург, всегда мечтавший стать акушером, достал из кармана узкий бумажный пакетик с последней таблеткой тибатина, которую он кому-то не дал, сберегая непонятно на что. «Мы с ними – люди в одной форме. Если не я схватил их осколки, значит, я им должен», – сказал он в опустевший позади коридор. Потом он вышел к свету.

ЭПИЛОГ

...Уже почти шестьдесят лет прошло с тех дней, когда происходили все эти события. Нереальный по любым меркам срок, даже по странным меркам моего возраста. Думал ли я, что доживу вот уже до восьмидесяти одного? Честно говоря, нет. Не то, чтобы меня сильно могли убить, больше, чем кого-либо другого... Нет, конечно. Все, как говорится, под Богом ходили. Но очень многие умерли не от старости, нет. А про многих я и не знаю... Коля Штырь погиб в сорок девятом, ему дали тральщик, и он успел побыть командиром. Эта команда воевала еще лет семь после того, как все закончилось, и зенитчики перестали на переходах вздрагивать от мелькнувшей на горизонте тени. Миша Зубров разбился в шестидесятом на машине, по-глупому, он был уже каперангом. Евгений, которого мы так и не начали называть Женькой, перевелся на Черноморский и остался на «Отважном»... Говорили, что погиб геройски, и мы верили – он всегда был серьезным парнем. И это только с моей БЧ, штурмана.

Иван Москаленко, наш дорогой командир, умер в начале семидесятых, от сердца, среди детей и внуков. Его вдова пережила его лет на пять, и мы каждый год собирались у нее по-старому, вспомнить Ивана и остальных. Потом и она умерла, а Ивановы пацаны выросли и разъехались. Хорошие ребята, Иван мог бы ими гордиться. У меня у самого трое,

уже и правнуки растут. Я живу в старой квартире на Малой Посадской, которую все не могу разучиться называть «Братьев Васильевых». В соседях на первом этаже у меня старый еврей в звании кап-два, воевавший на «Октябрине», вся квартира у него в штурвалах, рындах и прочей атрибутике, раз в день я обязательно спускаюсь к нему, и мы треплемся «за жизнь», говорим про детей, внуков, смотрим старые фотографии, обсуждаем, как встречались командами.

Сейчас встреч уже нет, только те собираются, кто остался в Ленинграде. А было здорово все-таки. Чуть не тысяча человек приходила на праздник: с детьми, с внуками, с цветами. Хоть раз в два года приезжали из других городов наши ребята, мужики, потом старики уже. Хлопали по плечам, орали, знакомили детей, пили тут же за старое. На сорокалетие даже банкетный зал сняли в «Неве», по телевизору нас показывали. Нам есть чем гордиться: фактически это наш поход уравнил шансы с их бомбой и дал закончить по-тихому. Хотя он все равно оказался ненужным, как многие великие дела, которые мы совершали в молодости...

Год назад в парикмахерской на Кировском один хмырь начал гнать, как, мол, украинцам половину флота отдали, дармоедам на готовое. Господи, меня как в лицо ударили. Клянусь, в жизни никаких галлюцинаций не было, а тут как живые наши командиры – Москаленко и Осадченко с «Чапаева», и оба на меня смотрят. Как я на него орал! Боже мой! Он что-то пытался сказать, но на меня, наверное, смотреть было

жутко, так я слюной брызгал. «Сука! – кричу. – Ты, падаль, говно жрать должен наших украинцев, которые дрались, когда ты, шестерка, еще в проекте у родителей не был!» Если бы у меня было чем, я бы его прикончил на месте, ей-богу. Но он, видать, решил, что я его сейчас и голыми руками придушу, такой у меня вид был. Мужик рядом, главное, молодой совсем, лет тридцать, шагнул и у плеча моего встал. «Вали, – говорит, – отсюда, говнюк. А то я тебя через окно выкину». Того совсем перекосило, моментом. Боком вылетел, чуть не упал. А меня вдруг жаром обдало, я понял, что этот парень точно из наших, такое можно почувствовать только плечом, в бою.

Наверное, в каждом поколении есть люди, которые все держат, которые – ну, вот просто мужики, на них все. Поэтому я и не люблю, когда ругают нынешнюю молодежь, они хорошие ребята, они как мы. А что до всякой бестолочи и хамья, ну так когда их не было!

Посадил меня он на диван, у гардеробщицы валидол взял. Я хотел было отказаться, а потом понял – надо. Он сел рядом, говорит: «Не злись, он просто дурак». Мне здорово понравилось, что он меня на «ты» назвал, даже удивительно. Руку протянул.

– Иван.

– Алексей, – говорю.

– Не думай о нем, брось. Как сердце?

– Да нормально, – говорю. – Чего ему. Спасибо тебе.

– Чего там, еще козлов всяких... У меня дед как ты. За своих убить мог...

– Я убивал.

Сказал, и екнуло сразу, первый раз в жизни я сказал это.

– Да я понял... – махнул рукой. – Дед в артиллерии был, и все друзья у него такие, как ты. Он был бы рад тебе...

– Жив?

– Умер, два года назад, – мужик перекрестился: спокойно, без нарочитости.

– У меня брат был в артиллерии, погиб в сорок третьем.

– А ты где?

– На флоте. «Кронштадт».

– В самом Кронштадте?

– Крейсер.

– Вух... – он посмотрел как-то по-ново, с потрясением. – Здорово. Ну, конечно, здесь же Питер все-таки. Значит, ты всех их видел, Покрышкина, да?

– Да нет, какое там. То есть, видел, конечно, но в деле – как самолет пошел, так знаешь, что их команда. А так, в парикмахерской вместе не стриглись...

Мы посмеялись оба, кто к разговору прислушивался, поддержали. Пацан лет шестнадцати сказал: «У меня дед тоже на эсминце воевал, как вы, – посмотрел светлыми глазами. – А про „Кронштадт“ в школах проходят, только я ни одной фамилии не помню».

– Москаленко, – сказал я.

– У-у-у! – протянула тогда сидевшая напротив тетка с большой коричневой сумкой, прижатой к животу. – Понятно, за что вы его! И хорошо, а то развели тут, хохол – не человек, белорус – не русский. Да какая разница!

Ее активно поддержали, тема была не новая. Из зала выглянула мастерица, с интересом на меня посмотрела и махнула рукой Ивану. Тот встал и, подмигнув мне, прошел в зал.

Я почему все это вспомнил – в следующий раз я встретил его на днях, только год спустя. Наверное, он все же живет где-то неподалеку. Иван шел под руку с темноволосой девушкой лет двадцати пяти, оба улыбались во всю Ивановскую. Он узнал меня, приветливо махнул рукой, я махнул ему в ответ, и мы разошлись, улыбнувшись друг другу. Я не стал его задерживать, и только когда мы уже разминулись, я, остановившись, обернулся ему вслед. Старик с некрасивым косым шрамом на скуле, опирающийся на палку, – и уходящая широкая спина коротко стриженного мужика с держащейся за его руку девчонкой.

Я пережил страшную войну и сотни смертей – нужных и бессмысленных. На моих глазах был создан наш флот, со мной он вышел в океан. Я видел его расцвет и его второе рождение, когда наш флаг знал и уважал весь мир. Я дожил до его заката. Флот разгромлен и разрезан на иголки, проданный по цене металлолома, но я верю, что это еще не конец. Будут построены новые корабли, и не дай Бог им начать то, что мы надеялись закончить навсегда. Но я спокоен

и счастлив. Я абсолютно, с уверенностью старика, стоящего уже близко к краю, убежден: если придется, эти ребята будут драться, как мы. Они плоть от нашей плоти. Дай им Бог всего. И ветра в спину.

Между Сциллой и Харибдой (военные альтернативы и альтернативные войны) Вместо послесловия

*Вечно разветвляясь, время ведет к
неисчислимым вариантам будущего...
Хорхе Луис Борхес*

Известно, что наука история не имеет сослагательного наклонения. Очевидно, именно потому из нее никогда не увлекают никаких уроков. Зато как-то так повелось, что учебником жизни для людей служит литература. А тот жанр литературы, в котором история прошедших времен приобретает сослагательное наклонение, мудрые критики и литературоведы отнесли к фантастике и дали ему название «альтернативной истории».

Правда, время от времени раздаются голоса, требующие причислить к фантастике, сиречь альтернативной истории, едва ли не всю историческую беллетристику – на том основании, что авторы исторических романов в большинстве случаев описывают не реальные события, а лишь свои представления о них. В лучшем случае, это будет реконструкция, сделанная по немногим известным фактам, в худшем – выдумка

«по мотивам». И чем дальше в глубь истории мы будем удаляться, тем меньше фактов и больше допущений окажется в нашем представлении об этих эпохах. Впрочем, то же самое с полным основанием можно сказать и о XX веке, история которого с полным основанием получила звание «непредсказуемой».

Однако, даже в тех случаях, когда изучение документов и свидетельств очевидцев способно дать нам исчерпывающую картину событий, остается еще проблема анализа этих событий. Любой же анализ неизбежно приводит исследователя к сравнению вариантов: того, который имел место в реальной истории, и того, который не состоялся, но мог бы произойти при изменении некоторых условий. Даже если исследователь не желает лезть в дебри беспочвенного фантазирования, для того чтобы понять смысл и значение каких-либо действий и решений, он вынужден примерять на изучаемые события варианты других действий и решений, тем самым поневоле конструируя альтернативную модель реальности. Кстати, конструирование таких альтернативных моделей, но обращенных не в прошлое, а в будущее, именуется футурологией и входит в число вполне солидных и уважаемых социологических дисциплин.

Надо заметить, что в XIX веке жанр альтернативной военной истории пользовался достаточно серьезной репутацией даже в кругах военных теоретиков. О принципе «что было, если бы...» в отношении анализа прошедших морских кам-

паний вскользь поминал Алфред Тайер Мэхэн в своем «Влиянии морской силы на Французскую революцию и Империю», а адмирал Макаров даже опубликовал в февральском и мартовском выпусках «Морского сборника» за 1886 год работу под публицистическим заглавием «В защиту старых броненосцев и новых усовершенствований», где описал вымышленную морскую войну двух условных республик, расположенных на островах Тихого океана.

Во всем этом не было ничего неожиданного: конец XIX века ознаменовался фейерверком технических чудес, и всем было ясно, что в первую очередь обратят на них внимание именно военные. Но уже в последние два десятилетия позапрошлого века изображение чудес техники недалекого будущего сменилось живописанием грядущих войн. С 1870-х годов в европейской литературе возникло целое направление, позднее получившее название «военно-утопического романа» или «оборонной фантастики». Как правило, действие таких книг развивалось в самом ближайшем будущем (через пять-десять лет, а иногда и раньше), а авторы описывали конфликт между своей страной и ее «потенциальным противником» – с различной долей фантазии и большим или меньшим учетом реальных возможностей сторон.

Так, в 1882 году на страницах русского журнала «Исторический вестник» появились два «военно-прогностических» очерка известного писателя, участника русско-турецкой войны Всеволода Крестовского – «Наша будущая война»

и «По поводу одного острова (Гадания о будущем)». Первый из них весьма прозорливо предсказывал перспективы будущей войны на Востоке, а второй доказывал крайнюю необходимость организации русской военно-морской базы... на острове Цусима. Кстати, в действительности первая попытка организовать на Цусиме русскую военно-морскую базу была предпринята еще в 1861 году (так называемый «Цусимский инцидент»). Тогда эта акция не увенчалась успехом, однако после Кульджинского кризиса 1879—1881 годов в дальневосточные воды снова была послана русская эскадра, для которой требовалась постоянная незамерзающая база, — именно эти события, а также борьба «восточного» и «западного» направлений в русской внешней политике и послужили причиной для появления очерков Крестовского. Интересно, что уже три года спустя после публикации очерков на Дальнем Востоке разразился новый кризис, вызванный просьбой Кореи о русском протекторате и захватом англичанами удобного порта Гамильтон на расположенном совсем недалеко от Цусимы корейском острове Комунь-до.

Противостояние России и Англии продолжало обостряться, и уже в 1886 году на страницах вполне серьезного и не склонного к беспочвенному фантазированию журнала «Русское судоходство» появились первые главы романа «Крейсер „Русская надежда“», посвященного грядущему морскому столкновению России и Британии. Автор, укрывшийся под инициалами «А. К.», представил читателю впечатляю-

щую картину будущей войны – политические интриги, морские баталии, современная боевая техника и новые тактические приемы боя. Уже в следующем году книга была опубликована в Санкт-Петербурге отдельным изданием под собственным именем автора. Им оказался Александр Конкевич – участник русско-турецкой войны, морской офицер, военный публицист и писатель, автор ряда беллетристических произведений, подписанных псевдонимом «А. Беломор». Характерно, что свою первую «фантастическую» книгу Конкевич предпочел подписать настоящим именем – очевидно, считая ее более важной, нежели написанные им художественные произведения.

1889 году появился новый «футурологический» роман Конкевича «Роковая война 18?? года», на этот раз подписанный «А. Беломором». Он изображал грядущую морскую войну России против коалиции Италии, Турции и Австро-Венгрии. В процессе боевых действий русский флот наконец-то захватывает черноморские проливы, а итальянская эскадра в отместку высаживает морской десант... в районе Владивостока. Год спустя под псевдонимом «Максимилиан Гревизерский» Конкевич опубликовал в «Русском судоходстве» свой третий роман о будущей войне – «Черноморский флот в ???? году», точно так же живописующий победы русского морского оружия над очередным супостатом.

Здесь следует особо уточнить, что военные, и в особенности военно-морские игры в те времена были исключительно

популярным явлением. Они часто проводились генеральными штабами в военных штабах, использовались как элемент обучения в военных училищах. Так, в самом начале 1904 года в Санкт-Петербурге в типографии Морского министерства был напечатан отчет по военной игре «Война России с Японией в 1905 году», состоявшейся в Николаевской морской академии в течение зимы 1902/03 года. Составителями отчета были капитаны 2-го ранга Н. Л. Кладо и Л. Ф. Кербер, а в числе посредников игры фигурировал свиты его Величества контр-адмирал Зиновий Петрович Рожественский. В 1912 году там же была опубликована тоненькая 20-страничная брошюра Б. Б. Жерве «Правила ведения военно-морских стратегических игр». Уже в советское время для преподавателей военных училищ и офицеров РККА были изданы методички А. Х. Базаревского «Руководство для ведения военной игры» (1922 год) и Е. А. Меньчукова «Военная игра» (2-е издание – 1928 год).

Тем временем, наступающий XX век и подспудное ощущение близости грандиозной всемирной войны лишь укрепляли интерес к жанру «военной фантастики». В России, Англии, Франции и Германии одна за другой появлялись книги под звучными названиями «Большая война 189.. года», «Наша будущая война», «Война в Англии, 1897 год», «Война „Кольца“ с „Союзом“» и т. д. Что характерно – в отличие от известных фантастических романов, подобных уэллсовским «Войне в воздухе» (1908) и «Освобожденному

миру» (1913) либо книгам Эдгара Уоллеса «Рядовой Сэлби» (1909) и «1925-й: история трагического мира» (1915), большинство упомянутых произведений рассматривалось в первую очередь как разновидность военно-теоретической, а не художественной литературы. Хотя отделить одно от другого временами было чрезвычайно трудно. Так, в 1908 году в России был опубликован фантастический роман «Царица мира», принадлежащий перу Владимира Семенова – морского офицера, участника Цусимского сражения и автора знаменитой «Расплаты». В романе живописуются грандиозные битвы, в которых ставшая «владычицей воздуха» Британия терпит сокрушительное поражение, а в мире вновь воцаряется век холодного оружия. В 1913 году еще один кадровый офицер, автор ряда военно-теоретических работ Н. В. Колесников публикует в Казани фантастический роман «Тевтоны. Секреты Военного министерства». Словом, в те годы военные вовсе не чурались фантастических проектов и предположений, если те касались области их интересов.

«Развивая скорость в двенадцать узлов, „Верг“ вернулся к 6 часам на Вильгельмсгафенский рейд – он был последним уцелевшим кораблем в эскадре, выступившей утром из Вильгельмсгафена. Остальные три броненосца типа „Бранденбург“ потонули во время битвы... Большая часть тех десяти линейных кораблей типа „Виттельсбах“ и „Кайзер“, которые вели атаку из устья Эльбы, также потонула... „Веттин“ погиб оттого, что неприятельский снаряд пробил его дно и

повредил мазутные цистерны... Корабль воспламенился, а вскоре после этого произошел взрыв, разорвавший его буквально на куски».

Что это за сражение и когда оно произошло? История Первой мировой не знает морской битвы с таким исходом. Все германские броненосцы типа «Бранденбург», «Кайзер» и «Виттельсбах» благополучно пережили войну и были мирно сданы на слом в 1919—1921 годах – за исключением «Курфюрста Вильгельма» и «Вайсенбурга», в 1910 году проданных Турции.

Но далее все становится еще интереснее:

«В Гельголанде состязались лучшие артиллеристы и лучшие командиры во всеоружии лучшего корабельного материала. И оттого здесь имели решающее значение численность и размеры кораблей. Что германские линейные корабли слишком малы и своей вместимостью от 11 до 13 тысяч тонн не соответствуют английским в 15—16 тысяч тонн, что их 24-сантиметровые орудия не могут стрелять на таких расстояниях, как английские 30,5-сантиметровые, – на это давно указывалось сотни раз. Гельголанду пришлось доказать это на деле».

Итак, описанное сражение при острове Гельголанд состоялось в то время, когда лучшим и новейшим кораблем германского флота был 13 000-тонный «Швабен», вступивший в строй в апреле 1904 года и вооруженный 240-миллиметровой артиллерией главного калибра. То есть перед нами вовсе

не хроника реальных военных действий, а так называемая «альтернативная история» – описание вымышленных событий, которые, с точки зрения автора, могли бы случиться в реальности, если бы история пошла несколько другим путем.

Справедливости ради следует заметить, что роман под интригующим заглавием «1906 год. Крушение старого мира» был издан в Германии незадолго до описываемых в нем событий. Книга, автором которой значился некто Зеештерн, произвела настоящую сенсацию – в течение короткого времени она выдержала 19 изданий общим тиражом в сто тысяч экземпляров. В ней подробно и с большим знанием предмета описывалась гипотетическая война между Германией и Англией, в которой немцам удастся захватить господство на суше, в то время как их флот гибнет в неравной схватке с английским. Однако при этом «Владычица морей» сама несет столь большие потери, что очень быстро оказывается под контролем набравших мощь Северо-Американских Соединенных Штатов.

Автор книги явно не понаслышке был знаком с политико-дипломатической кухней Германской империи и обладал глубокими познаниями в военном деле – в слегка беллетризованной форме книга пропагандировала идеи морского министра и создателя германского «Флота Открытого моря» Альфреда фон Тирпица, в том числе и известную «теорию риска» (кстати, полностью оправдавшуюся в ходе обеих ми-

ровых войн») ¹⁷⁵. Вскоре псевдоним был раскрыт и выяснилось, что под именем «Морской звезды» скрывается некто Генрих Фердинанд Граутофф, более ничем ни в литературе, ни в военном деле не отметившийся. Существует версия ¹⁷⁶, что под именем Граутоффта опять-таки скрывалась более весомая личность, а именно – принц Генрих Прусский, младший брат кайзера Вильгельма II, адмирал и командующий действующим флотом Германии.

В принципе, «роман о будущей войне» не вполне отвечает критериям «альтернативной истории» – но в данном случае книга вышла совсем незадолго до обозначенной в ней даты, она продолжала переиздаваться и переводиться на другие языки уже после описанных в ней событий, поэтому с полным основанием может быть отнесена именно к «военным альтернативам». В дальнейшем та же судьба постигла и многие аналогичные тексты – по прошествии лет они начинали восприниматься не как агитки или предупреждения о грядущих событиях, но как описания несостоявшихся вариантов исторических событий. Поэтому сегодня все военно-футурологические романы прошлого с полным основа-

¹⁷⁵ «Теория риска» гласила, что Германия должна иметь такие морские силы, чтобы самый могущественный флот мира не мог вступить с ними в противоборство без риска быть ослабленным настолько, чтобы потерять господство на море и стать легкой добычей третьей державы. Как известно, с Британской империей получилось именно так – пусть и не в результате действия германского флота.

¹⁷⁶ Высказанная известным библиографом и знатоком фантастики И. Г. Халым-баджой.

нием можно отнести к альтернативной истории.

Уже в самом начале 1918 года в Италии вышла книга под названием «Крылатая победа», принадлежащая перу небезызвестного Джулио Дуэ, на тот момент являвшегося начальником Центрального управления итальянской авиации. Отчаявшись донести до военных руководителей свои идеи о ведущей роли авиации в боевых действиях, Дуэ решился на последний шаг – изложил их в форме фантастического романа! На страницах книги Дуэ две тысячи сверхтяжелых и неуязвимых германских танков Круппа внезапно прорывают оборону союзников по всему фронту, и лишь удары могущественной соединенной воздушной армии по районам сосредоточения и тыловым коммуникациям Центральных держав заставляют Германию и Австрию запросить мира.

Впоследствии Дуэ, ставший в 1923 году дивизионным генералом, неоднократно использовал на страницах теоретических работ фантастические картины будущей войны для более яркой иллюстрации своих идей. Не отставали от него и другие военные теоретики: к примеру, значительная часть появившегося в начале 30-х годов труда «Танковая война», принадлежащего перу инспектора сухопутных сил Австрии генерала Людвиг фон Эймансбергера, отведена именно картинам грядущих танковых операций. При этом Эймансбергер проводит свой эксперимент максимально дотошно, используя в качестве поля боя реальные районы Север-

ной Франции со всеми их географическими особенностями и иллюстрируя книгу подробнейшими картами будущих сражений.

В 1936 году в Соединенных Штатах вышла книга военного журналиста С. Денлингера и капитан-лейтенанта американского флота Ч. Гери «Война на Тихом океане», исследующая аспекты военно-морского противостояния США и Японии и содержащая реконструкцию будущей войны (три года спустя русский перевод этой книги был опубликован в Советском Союзе Военмориздатом РКВМФ).

В Советской России военные игры существовали совершенно отдельно как от академической истории, так и от научной фантастики. Тем не менее великая революция, с ног на голову перевернувшая казалось бы незыблемое положение вещей и утвердившая исторические закономерности, не могла не подвинуть писателей на сакраментальный вопрос: «А что было бы, если?..»

Расцвет советской фантастики в 20-е годы сопровождался и появлением первых настоящих «альтернативных историй» в отечественной литературе. В 1928 году московское издательство «Круг» выпустило книгу трех уральских писателей В. Гришгорна, И. Келлера и Б. Липатова «Бесцеремонный Роман», одноименный герой которого отправляется в прошлое и помогает Наполеону выиграть битву при Ватерлоо. Дальнейший ход событий комментариев не требует – бесцеремонный Роман Владычин становится ближайшим совет-

ником императора и получает полную свободу перекраивать историю на свой лад. Делается это весьма изящно – эрудиция авторов позволила им довольно реалистично воссоздать колорит эпохи, а их герою – подключить к своим действиям практически всех выдающихся личностей Европы первой четверти XIX века. Правда, финал этой истории все равно оказался трагичным, вполне в духе марктовенского романа «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» – герой гибнет по глупой случайности в вихре организованной им же революции...

В тогдашней советской фантастике этот роман оказался едва ли не единственным «классическим» представителем альтернативно-исторического направления, а вот в зарубежной эмигрантской литературе таких книг оказалось несколько больше. В романе небезызвестного генерала и литератора П. П. Краснова «За чертополохом» нарисована благостная судьба альтернативной России, сохранившей свою патриархальную монархию за стеной непроходимого чертополоха. В середине 20-х годов в Румынии вышел роман М. Первухина под названием «Пугачев-победитель». Сюжет ее, как явствует из заглавия, составляло описание победы известного бунтовщика и последовавших за этим бедствий, постигших землю Русскую... Стоит вспомнить, что еще в 1917 году Первухин опубликовал роман «Вторая жизнь Наполеона», в котором ссыльный император бежит с острова Святой Елены и возрождает свою империю в Африке.

Большинство же советских фантастов тех лет ограничивалось изображением гипотетических катаклизмов, потрясающих «несоветский» мир: бесчисленных революций, контрреволюций и переворотов – как фашистских, так и антифашистских. История родной страны при этом затрагивалась лишь изредка и косвенно. Например, в повести Бориса Лавренева «Крушение республики Итль» (1925) можно увидеть аллюзию на события Гражданской войны – некая территория Южной России отделяется от остальной страны, сохраняя у себя буржуазно-капиталистический строй – впрочем, ненадолго. Узнаёте сюжет? Правильно – «Остров Крым» Василия Аксенова!

Однако, возрождение военной мощи страны не могло не отразиться и на общественном сознании. Уже со второй половины 1920-х годов на фоне романов о фантастическом оружии и грядущей победе Мировой революции в стране начинает возникать военная фантастика «ближнего прицела», исследующая ближайшие перспективы военно-политических катаклизмов и возможности применения уже существующего оружия – или такого, которое имеет шанс появиться в самое ближайшее время. В. Левашев в рассказе «Танк смерти» (1928) описывает сверхпроходимую боевую машину, преодолевающую любые препятствия с помощью своей суставчатой конструкции. Конечно, проекты подобных агрегатов в первой трети XX века были весьма часты, поэтому несравненно больше интересовали авторов

перспективы воздушной войны, столь заворожившие в свое время генерала Дуэ. В приключенческой повести известного фантаста Сергея Беляева «Истребитель 17-У» (1928) действует сверхсовременный и неуязвимый для врага самолет (в конце 30-х годов автор переработал эту повесть в роман «Истребитель 2Z»), а в рассказе Михаила Ковлева «Капкан самолетов» (1930) вражеская авиация уничтожается зенитной артиллерией, способной наводиться на самолеты противника по звуку. Вышедшая в том же году повесть Анатолия Скачко «Может быть, завтра...» (1930) рисует будущие воздушные сражения гигантских многомоторных самолетов и дирижаблей.

На протяжении 30-х годов, советская военно-фантастическая литература постепенно выделялись в самостоятельный жанр, приобретший важное пропагандистское значение. «Романы о будущей войне» были отделены от прочей «несерьезной» фантастики (которая к тому же вступила в не самый лучший период своего существования), на них обратили внимание даже профессиональные военные. К примеру, в 1938 году появился рассказ «Разгром фашистской эскадры», принадлежащий перу одного из самых известных советских летчиков того времени Георгия Байдукова, а два года спустя рассказ «Подводная война будущего» опубликовал известный инженер-экспериментатор П. Гроховский. Даже названия таких произведений постепенно стали приобретать сугубо специфический вид – так, появившаяся в 1938 году

повесть А. Шейдмана и В. Наумова именовалась просто и безыскусно – «Воздушная операция будущей войны». Знаменитый роман Ник. Шпапова «Первый удар», впервые появившийся в 1936 году и повествующий о грядущей молниеносной победе над агрессивным германским фашизмом, вскоре был переиздан не где-нибудь, а в воениздатовской «Библиотеке командира». Другая нашумевшая книга того же жанра, роман Петра Павленко «На Востоке» (1936), в течение трех последующих лет выдержала более десяти изданий!

При этом, с литературной точки зрения «романы о будущей войне» ничуть не уступали фантастике 20-х годов, а зачастую и превосходили ее средний уровень – ведь теперь к работе в «жизненно важном» для страны жанре были привлечены силы профессиональных литераторов. Рассказы и повести на эту тему писали Сергей Диковский («Подсудимые, встаньте!»), В. С. Курочкин (новеллы «На высоте 14», «Атака», «Бой продолжается» и другие, опубликованные в журнале «Знамя» в 1937 году). Даже сам А. Н. Толстой, еще в 1931 году в соавторстве с П. С. Сухотиным опубликовавший пьесу о будущей войне «Это будет». И это уже не говоря о множестве художественных и полухудожественных фильмов («Возможно, завтра», «Глубокий рейд», «На границе», «Танкисты», «Эскадрилья № 5 (Война начинается)»). Часть из них не потеряли своей ценности и поныне – например, агитационный фильм «Если завтра война», снятый в 1938 году Евгением Дзиганом и удостоившийся Сталинской пре-

мии второй степени, содержит немало документальных кадров, снятых на маневрах Красной Армии.

В целом большинство упомянутых произведений были написаны в реалистическом ключе, но, повествуя о будущих блестящих победах Красной Армии над агрессором (как правило, германским или японским), они сразу же меняли тональность. Описания будущих грандиозных сражений на суше и в воздухе были выдержаны в наивно-патетическом стиле: «В это время генерал Када во главе кавалерийской дивизии, с бронепоездами на флангах и артиллерией в центре, вступил на луга колхоза „25 Октября“».

Но, с другой стороны, так ли уж далеки от реальности оказались описанные в четвертой части романа Павленко сцены бомбардировки Токио?

«Клубясь и кипя, завеса взметнулась вверх и рассеялась. В поле зрения возник пылающий арсенал. Аказака-Палас дымил, как вулкан. Серо-багровая пыль разрушенных зданий покрыла квартал Киобачи. Вот слева и ниже круто поднялся вверх японский истребитель. Две тонких сернисто-желтых струи от трассирующих пуль протянулись перед капотом его мотора. Черные тени десятка машин появились и пропали справа от атакующих колонн...

Внизу кипит, клубится дым, течет огонь. Пустыри открываются в центре города, иногда видно, как исчезают, сливаются с землей здания...

Продлись, мгновение войны!»

И все же реальная война оказалась совсем не той, какой она представлялась писателям и пропагандистам 30-х годов. Возможно, это стало одной из причин, по которой «военные альтернативы» да и просто альтернативная история на много лет практически исчезли из советской литературы. Другой причиной, без сомнения, являлась «безальтернативность» отечественной исторической науки, причем обусловленная не столько идеологическими причинами (до войны ведь ситуация была строго обратной), сколько предельно консервативным академизмом официальной послевоенной истории. Естественно, в первую очередь это окостенение коснулось истории военной – достаточно сравнить советские военно-исторические и военно-теоретические работы довоенного периода с аналогичными трудами шестидесятых—восьмидесятых годов. На этом фоне любое «сослагательное наклонение» выглядело если и не антисоветским, то уж во всяком случае антинаучным. Вот так и получилось, что историки оставили фантастику литераторам – или, на худой конец, физикам...

Таким образом, жанр «военной альтернативы» в советской литературе на долгие годы был почти забыт. Меж тем как на Западе он развивался и процветал. Здесь в академической науке со времен А. Тойнби набирал силу принципиально иной подход – история становилась полем и поводом для эксперимента. Одной из практических целей этого экс-

перимента было создание механизма предсказания будущего (так рождалась помянутая выше футурология), но в основном исследователи заостряли свое внимание на событиях прошлого, анализируя роль и значение тех или иных событий с помощью реконструкции или альтернативных вариантов.

Наглядными примерами таких альтернатив может служить появившаяся в Англии в 1980 году книга Кеннета Макси «Вторжение», реконструирующая ход гипотетической операции «Морской Лев» – вторжение германских войск на Британские острова летом 1940 года. Пятнадцать лет спустя, под редакцией все того же Макси вышла еще одна аналогичная книга – сборник «Выбор Гитлера», куда вошла подборка статей с анализом альтернативных вариантов различных кампаний Второй мировой войны, написанных рядом английских и американских журналистов и профессиональных военных историков. (Обе книги были переведены на русский язык: Вторжение, которого не было. М., 2001, и Упущенные возможности Гитлера. М., 2001.)

Немало места альтернативной истории уделяет американский ежеквартальный «Журнал военной истории» (The Journal of Military History). В 1998 году был опубликован составленный его главным редактором Робертом Коули сборник статей об альтернативных вариантах различных событий мировой истории под характерным заглавием «Что, если...» (в русском переводе – «Что было бы, если бы...» М.,

2002). Таким образом, к «военным играм» и давно существующему литературному жанру альтернативной истории в фантастике в последние годы добавилась ее «академическая» ветвь – пользующаяся уважением и пониманием не только среди историков, но и среди военных-профессионалов.

Одновременно с «академизацией» альтернативной истории происходило и ее проникновение в иные области массовой культуры. Особенную популярность приобрело смешение «военной альтернативы» и технотриллера, итогом чего стало возрождение «романа о будущей войне», столь популярного в начале XX века. На страницах романов Тома Клэнси, Ральфа Питерса или Питера Альбано Китай воюет с Америкой, Россия – с Китаем, и все они воюют с безжалостными террористами (как правило, арабского происхождения). Огромные пространства Европы или Азии превращаются в полигон для компьютерной игры, в которой играющий за «хороших парней» одним нажатием клавиши уничтожает целые армии и танковые армады. На океанских просторах охотятся друг за другом подводные лодки и авианосцы (описанные со вкусом и знанием предмета), а пальцы президентов, председателей или генеральных секретарей нетерпеливо постукивают по ядерной кнопке.

Однако, в отличие от «военной фантастики» столетней давности, современный футурологический триллер в первую очередь является именно триллером – он призван

развлекать читателя, а не излагать ему какие-либо новые военно-политические концепции. Если Зеештерн или капитан Беломор в своих книгах предлагали альтернативу текущему положению дел, то современные западные авторы фактически утверждают нынешний status quo, то и дело скатываясь в банальную пропаганду военной мощи Соединенных Штатов Америки и незыблемости пути, по которому движется единственная из оставшихся сверхдержав мира. На этом пути цивилизацию могут ждать разнообразные катаклизмы и потрясения – но все неизбежно закончится полной и окончательной победой сил добра... так и хочется добавить – «над силами разума». Словом, здесь современная западная военная фантастика поразительно напоминает советские «романы о будущей войне» конца 1930-х годов.

Впрочем, следует признать – в нашей стране долгое время дела с альтернативной историей обстояли куда хуже. Одним из немногих послевоенных опытов в этом жанре стала небольшая повесть Севера Гансовского «Демон Истории», опубликованная в альманахе «Фантастика-67». Главная мысль автора в ней вполне соответствовала традиционной марксистско-материалистической философии – законы Истории жестки, изменить ее ход невозможно, а конкретная личность не играет в общем ходе событий никакой роли. Вместо некоего Юргена Астора, убитого главным персонажем повести в 1913 году, к власти в Германии приходит некто Адольф Шикельгрубер – и история Второй мировой

войны повторяется. Правда, все-таки с некоторыми нюансами. Именно эти блестяще и со вкусом выписанные детали придают повести очарование, не тускнеющее со временем: чего стоят только описания крылатых снарядов «Мэф» над городами и деревнями Чехии или германских танковых армий в предгорьях Судет.

Спустя два десятка лет в серии «Библиотека советской фантастики» вышел сборник повестей и рассказов Андрея Аникина «Вторая жизнь», жанр которого прямо анонсировался как альтернативная история. Правда, общее направление философии автора вновь сводилось к невозможности каких-либо глобальных изменений в общей исторической канве – смерть Бонапарта весной 1812 года приводила лишь к тому, что поход в Россию возглавил Евгений Богарнэ (повесть «Смерть в Дрездене»). Видимо, укрепившись в этой мысли, в остальных вещах автор вообще не стал затрагивать судьбы сильных мира сего, а ограничился описанием вариантов судьбы «маленьких людей».

Чуть позже, к альтернативной истории обратился и другой классик отечественной фантастики – Кир Булычев (сам являющийся профессиональным историком и автором ряда научных и научно-популярных исторических работ). Началось все с ряда рассказов, собранных в маленький сборничек «Апокриф», вышедший в конце 1980-х годов в «Библиотечке Огонька». В них автор давал новые трактовки известным историческим событиям, за несколько лет предвос-

хитив появление так называемого жанра «криптоистории», во внелитературной среде упорно именуемого конспирологией. Затем уже стали выходить (правда, поначалу вразнобой и даже в разных издательствах) романы из цикла «Река Хронос», в которых описывались альтернативные варианты истории России первой половины XX века – несвершившаяся революция, высадка русского десанта в Константинополе, ядерная война 1939 года и американский десант на севере СССР... Увы, на фоне превосходного литературного уровня этих книг сама историческая канва описываемых событий выглядела у Булычева куда менее правдоподобно – даже если автор использовал свои профессиональные знания, реконструируя ход событий на основе исторических работ и мемуаров и пытаясь отыскать «ключевые точки» событий, при изменении которых можно было бы направить течение истории по другому пути.

Но повернуть ход событий в «нужную сторону» писателю зачастую оказывается легче, нежели подробно и убедительно нарисовать получившийся в итоге мир, который должен быть лучше нашего. Видимо, именно поэтому автор сам стирает нарисованные его пером картины, объявляя их виртуальными видениями нежизнеспособных вероятностей («Река Хронос»), взрывает кажущееся благополучие изнутри («Седьмая часть тьмы» Василия Щепетнева) либо возвращает мир к тому же самому состоянию, в каком он пребывает в Текущей Реальности (как это фактически происходит в романе

Сергея Анисимова). То есть вера в возможность реального и существенного изменения истории у современных писателей-фантастов фактически отсутствует – а их взгляды на predeterminedность исторических событий не так уж сильно отличаются от взглядов советской фантастики 60-х или 80-х годов.

Увы, очень скоро оказалось, что сам жанр альтернативной истории подталкивает автора не к изучению реально произошедших событий, а к механическому перебору их более или менее правдоподобных вариантов. Но если аргентинец Адольфо Бьой Касарес в 40-х годах прошлого века уложил сюжет о множестве альтернативных миров-вероятностей в небольшую повесть «Козни небесные», то американец Пол Андерсон пару десятилетий спустя уже «расписал» его в три или четыре книги о Патруле Времени, а отечественный фантаст Василий Звягинцев и вовсе превратил в бесконечный и безразмерный сериал.

Начав свой цикл «Одиссей покидает Итаку» с довольно небанальной по меркам конца 80-х годов «космической оперы», Звягинцев очень скоро спустился с горных высот на Землю, заставив своих скромных русских суперменов заняться переделкой отечественной истории XX века. Неплохое знание реальных событий 1941 года позволило автору наглядно показать, насколько сложно было даже всезнающему герою, ставшему личным советником Сталина, переломить ход войны летом и осенью сорок первого. Но, начиная

с романа «Разведка боем», чувство меры изменило автору, затеявшему – вполне в духе нашего времени – переименование всей советской истории начиная с Гражданской войны. Вместо исследования истории началась игра с нею. При чем игра в поддавки, ибо изначальный результат деятельности картонных, но невероятно могущественных героев можно предсказывать заранее. Увы, в этом произведении Звягинцева опять-таки мало чем отличаются как от классиков – Шпанова и Павленко, так и от современников – Юрия Никитина («Ярость», «Русские идут») и Федора Березина (диалогия «Встречный катаклизм» и «Параллельный катаклизм»), при всей несопоставимости приведенных имен, различии в художественной манере авторов и в аудитории, на которую рассчитаны их произведения. Впрочем, тот же Федор Березин, продолжив увлекательную игру с историей, постарался избежать ошибок Звягинцева – лишив своих героев возможности глобального воздействия на мироздание и сделав их всего лишь пешками в водовороте невероятных событий.

Напротив, роман Андрея Лазарчука «Иное Небо», как и его развернутый вариант «Все способные держать оружие», выглядит предельно литературно. В центре внимания автора находятся не столько подвиги героев (тоже вполне себе суперменов), сколько сам мир – причудливый и немного жутковатый, напоминающий классического «Человека в Высоком замке» Филипа Дика, но в то же время совершенно иной. Здесь Германия победила во Второй мировой войне, а Рос-

сия сумела выиграть Третью – и в который уже раз захватила Константинополь и проливы.

Безусловно, в эпоху «непредсказуемой истории» интерес к альтернативным ее вариантам выглядит совершенно естественно. Даже если их авторы не видят путей для развития этих вариантов – как в повести Льва Вершинина «Первый год Республики», описывающей, как могло все произойти, если бы восстание Черниговского полка 30 декабря 1825 года увенчалось успехом. Увы, ничего хорошего не получилось: далее следует кровавая гражданская война, иностранная интервенция, репрессии в рядах республиканцев и финальное закономерное поражение. Нехитрая мораль выражена автором на последних страницах повести словами старого татарина: «Ныкогда ривалуцыя ни делай».

Параллельно с произведениями альтернативной истории, не скрывающими своей принадлежности к фантастике, все большую популярность у нас в стране набирает и конспирологический жанр в духе «России, которой не было» Александра Бушкова (кстати, в прошлом – автора очень хорошей и небанальной фантастики). В рамках фантастического жанра это направление именуется «криптоисторией» и очень часто скатывается на грань пародии – как в рассказах Виктора Пелевина из цикла «Память огненных лет» («Реконструктор»), вполне убедительно воссоздающих мистическую атмосферу вокруг «секретного оружия Третьего Рейха» и прочих тайных исследований в фашистской Германии. Той же

самой теме – загадочным событиям XX века в разных странах мира, их мистической подоплеке и тайной схватке различных спецслужб посвящена нашумевшая дилогия Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ» и «Гиперборейская чума». И здесь уже невозможно понять, где авторы сочиняют «псевдоисторические» гипотезы, а где с наслаждением пародируют легенды о чаше Грааля, обществе «Анэнэрбе» и бароне Зеботтендорфе.

Примерно то же происходит и в цикле романов «Око Силы» харьковского писателя Андрея Валентинова, только на этот раз автора интересует не мировая, а отечественная «тайная история». Впрочем, эрудиция писателя и его умение держать напряженный сюжет, не забывая время от времени даже увязывать концы с концами, помогают воспринять эти произведения именно как литературную игру, не предъявляющую претензий на откровение о судьбах России. Кстати, перу Валентинова, кроме множества прочих книг, принадлежат еще два весьма характерных произведения, столь же разных, сколь схожих друг с другом. Это мистический роман «Дезертир» из времен Великой французской революции, где пресловутый «шпион в Комитете Общественного Спасения» поддерживает связь с монархистами из Кобленца по радио, а якобинцы тайно строят грандиозный железный броненосец – и вполне реалистичный «Флегетон», практически лишенный всякой фантастики и предельно реалистично описывающий последние бои Белой армии на Юге России в 1920 году.

Наверное, здесь необходимо провести грань между альтернативной историей как жанром фантастики – и военно-политическими альтернативами в качестве самостоятельного жанра историко-политической публицистики разной степени художественности. При этом последний может существовать как в рамках военно-теоретических построений, так и уходить в направлении военно-политической беллетристики.

Конечно, все указанные границы жанров будут весьма условными и неопределенными, но все же в художественном тексте выдумка по определению будет преобладать над реальностью и даже реалистичностью. В тексте же, претендующем на научный анализ, автору придется сознательно ограничивать себя рамками текущих представлений о возможном и невозможном. Любое его допущение должно быть результатом строгого анализа и – в идеале – обязано подвергнуться максимальной «проверке на прочность». Поэтому, разговаривая о военной фантастике, все романы о всевозможных «лучах смерти», а тем паче о галактических битвах далекого будущего нам придется оставить по разряду «чистой» science fiction – сколь бы научной она ни была. Сюда же следует отнести и альтернативно-исторические книги о прошлом, не содержащие строгого исследования реальных факторов и их взаимодействий, либо хотя бы попытки такого анализа – ничуть не умаляя при этом все их литературных достоинств.

Словом, все военные альтернативы и исторические реконструкции довольно четко делятся на две разновидности: исторические и литературные. В первых из них доминирует фактология и анализ, события, а не люди. Вторые являются в первую очередь художественными произведениями, где события альтернативной реальности даются через призму восприятия живых людей. Пусть даже вымышленных – но не в большей степени, чем вымышлено большинство героев так называемой Большой Литературы. Но в обоих случаях от автора потребуется недюжинная эрудиция, а второй вариант предполагает также наличие литературных способностей.

Но как пройти по лезвию бритвы, чтобы написать альтернативную историю, сохранив предельную реалистичность – и в то же время создав художественное произведение, а не сухой военно-технический текст? Книгу, в которой обе составляющие анализа, историческая и литературная, будут равноценны.

Можно сказать, что Сергей Анисимов – один из немногих, кому это в большей или меньшей степени удалось. Вряд ли здесь стоит устраивать литературный разбор книги (это уже сделал автор предисловия), но невозможно не отметить, что сами боевые эпизоды ее выдержаны в лучших традициях советской военной прозы – от Константина Симонова до Григория Бакланова. При этом автор отнюдь не копирует персонажей отечественной военной классики – он рисует собственных героев, живых и убедительных, при этом заост-

ря внимание именно на тех психологических моментах, которые когда-то казались очевидными авторам-фронтовикам, но являются открытием для современного читателя.

Нельзя также не отметить, что сцены с участием исторических лиц удались автору несколько хуже, а реконструкция характеров ключевых персонажей отечественной и мировой истории у многих неизбежно вызовет несогласие. Увы, это неизбежная беда всех историков (а также литераторов), берущих на себя смелость воссоздавать психологические портреты выдающихся людей прошлого (да и настоящего). С этой задачей не справился даже Кир Булычев, за нее не стал даже браться Василий Звягинцев, проделанные же в этом направлении опыты англо-американской фантастики выглядят, надо признаться, еще более неудачно. Приходится признать, что любая историческая литература немногим отличается от литературы фантастической – с одной только разницей: фантастика будет намного честнее, ибо не выдает свои версии за подтвержденную фактами реальность.

Любому исследователю, будь то писатель или историк, чрезвычайно трудно поставить себя на место персонажа, облеченного властью. И чем большей будет эта власть, тем более чуждой станет нам психология ее носителя. Не в последней степени это связано с тем, что писатели либо журналисты пытаются оценивать действия политических и военных лидеров в первую очередь с «общечеловеческих» позиций, с точки зрения общепринятой логики и морали. Между тем

любой верховный лидер в первую очередь является не человеком, а машиной для принятия решений. Понятия свободы воли для него не существует, он живет в жестко детерминированном мире – не в последнюю очередь сотворенном им самим и мифами его политической пропаганды – но пропаганды, уже приобретшей самостоятельную силу и начавшей независимое существование. В этом пространстве всегда будут доминировать цель и ответственность, а выбор средств отойдет на второй план и окажется обусловлен лишь физическими возможностями и граничными условиями информационного пространства, в котором существует человек, принимающий решения.

Поэтому, использованные средства могут говорить не только и не столько о моральных качествах того или иного исторического лица, сколько об информационном поле, в котором ему пришлось действовать. Безусловно, в истории встречаются и лидеры, способные подняться над стандартным набором решений, существующих в их информационном поле. К сожалению, таких людей во все времена было сравнительно немного – хотя именно они и двигали вперед историю человечества. Поэтому лучшим критерием для оценки любого исторического деятеля будет не то, что он сделал, а то, чего он сделать не сумел.

Вряд ли имеет смысл заниматься здесь подробным художественным разбором романа, а вот описанный в нем альтернативный вариант окончания Второй мировой войны

требует некоторых комментариев. В первую очередь следует отметить, что автор проявил максимальную осторожность при описании «альтернативных» успехов советского оружия. Как правило, большинство творцов альтернативных реальностей (у нас и на Западе) стремятся таким образом потешить самолюбие или национальную гордость, демонстрируя быстрые и эффектные победы близкой им стороны, – но в результате сплошь и рядом получают лишь крайне неправдоподобную, а вдобавок еще и малохудожественную агитку. Здесь же осторожность автора доходит до предела, иногда в свою очередь переходя грань правдоподобия, – к примеру, плохо верится в то, что легкие американские танки М-3 «стюарт» с их 37-мм пушчонками, пусть даже действуя из засады, окажутся способны хоть как-то противостоять советским противотанковым самоходкам. Число побед советских летчиков в авианосных боях можно было бы тоже с чистой совестью увеличить раза в полтора – учитывая реальный уровень их боевой подготовки. Да и с техническими характеристиками советских кораблей автор явно поосторожничал, определив их значительно ниже проектных.

В описаниях самого хода Второй мировой войны тоже можно заметить стремление к максимальной сдержанности в оценке боевой мощи и военных возможностей Советского Союза. По этой причине автор вводит серьезное допущение – гораздо более благоприятный ход событий 1941 года, имевший следствием существенное улучшение военной си-

туации относительно той, которая имела место к 1944 году в Текущей Реальности. Впрочем, не исключено, что именно такой ход войны повлек за собой описанные в романе действия лидеров Запада – то есть тоже сыграл на созданный автором сюжет.

Следуя великому принципу Оккама «не умножай сущности сверх необходимости», Сергей Анисимов не включил в созданное им изменение Реальности Тихоокеанский театр военных действий. Очевидно, это было сделано именно потому, что в случае вовлечения в игру императорской Японии перед ее участниками открывается слишком много вариантов действий, в результате чего количество итоговых комбинаций увеличивается на порядок. Усложнившаяся же система требует все больше и больше допущений. Быть может, они и украшают литературную фантастику, делая ее живее и занимательнее – но в корне противопоказаны жанру, занимающемуся исследованием реальности, а не ее конструированием.

Признаться, автор настоящего послесловия и сам был бы не прочь пофантазировать относительно возможных последствий союза между СССР и терпящей поражение Японией¹⁷⁷ – перегонка на Атлантику по Северному Морскому пути остатков японского авианосного и крейсерского флота,

¹⁷⁷ Тем более что предпосылки для подобного союза и данных условиях были – достаточно вспомнить полученные Сталиным в феврале 1945 года японские предложения о передаче СССР остатков японского линейного флота в обмен на поставки топлива и посредничество с Америкой в заключении почетного мира.

советская кампания против Гоминьдана в Китае, появление на Тихоокеанском театре свежих японских дивизий из Маньчжурии... Безусловно, такие действия значительно усложнили бы военно-политическую игру сторон и дали бы возможность закрутить новые сюжетные интриги. Но такой поворот событий не входил в планы автора романа – и в первую очередь, опять же, из-за стремления к предельной достоверности создаваемой им реконструкции. «Лучше меньше, да лучше» – сказал как-то один из видных политических деятелей нашей страны. Нельзя не признать, что для создателей «альтернативок», желающих удержаться в рамках строгого исторического анализа, эта рекомендация будет весьма полезной.

*Владислав Гончаров,
февраль-март 2003 г.*